

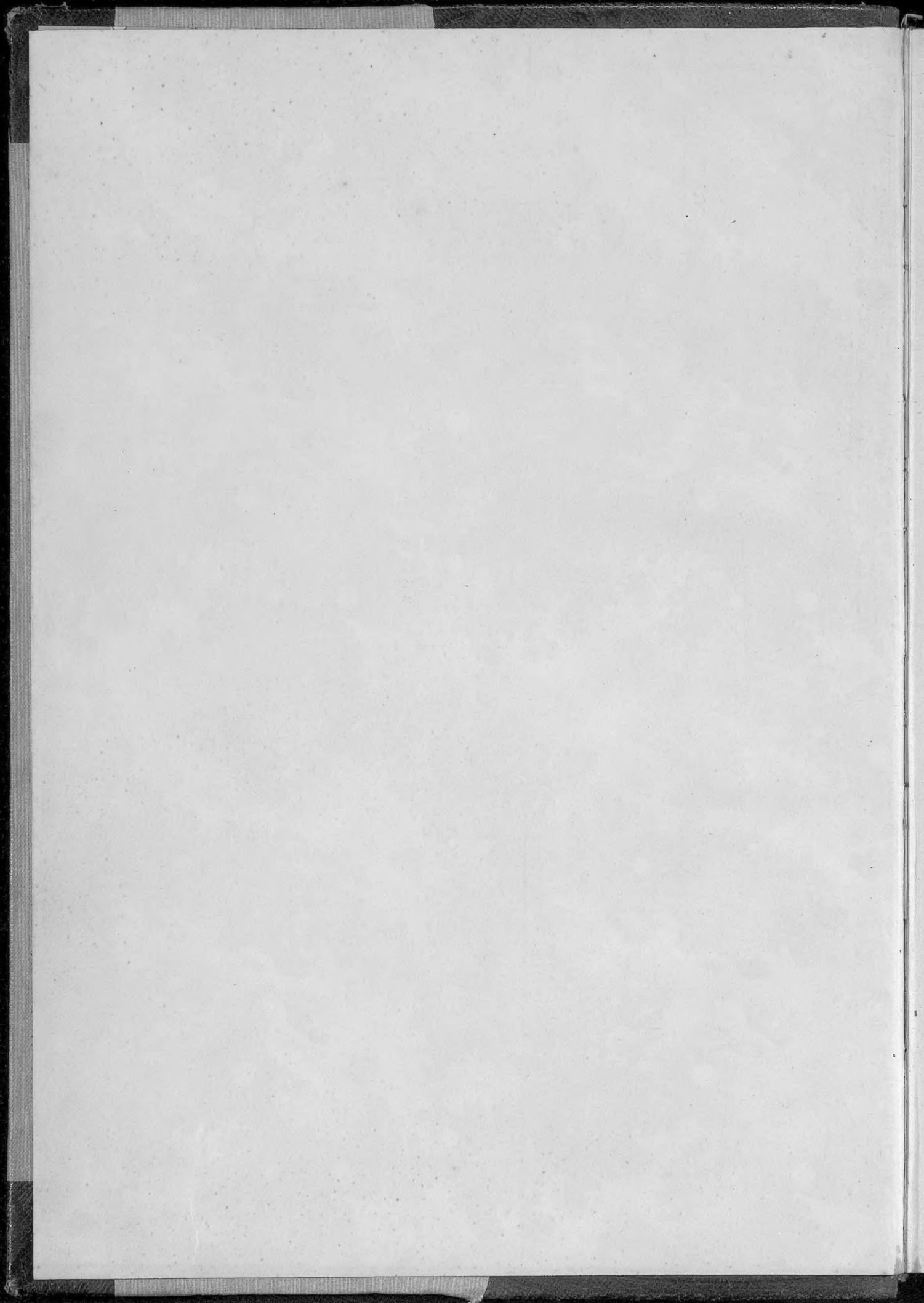

ЧЕЛОВѢКЪ И ЗЕМЛЯ

БРОКГАУЗЪ - ТРОПЕЪ

ЧЕЛОВѢКЪ И ЗЕМЛЯ

THE END OF THE WORLD

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Человѣкъ и Земля

Географія, по отношенію къ человѣку
не что иное, какъ Исторія въ про-
странствѣ, точно такъ же, какъ Исто-
рія является Географіею во времени.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Англія и ея свита — Новый Свѣтъ и Океанія — Современное государ-
ство — Культура и собственность — Промышленность и торговля — Рели-
гія и наука — Воспитаніе — Прогрессъ

Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, первыхъ пяти томовъ приватъ-доцента Имп. СПб. Университета

П. Ю. ШМИДТА

Переводъ шестого тома В. Д. ЗЕЛЕНСКАГО

ИЗДАНИЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909.

Типография Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ, Прачешный пер., д. № 6.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ

Изм. №

882

Оглавленіе.

Книга четвертая.—СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ (окончаніе).

	Стр.
Гл. V. Англія и ея свита. Исключительное положеніе Великобританіи.—Національное тщеславіе.—Бурская война.—Относительный упадокъ промышленныхъ силъ.—Добровольная отсталость.—Религіозный консерватизмъ.—Различные пережитки.—Соединенное королевство.—Великобританія: Канада, Капская и австралязійскія колоніи.—Фиджи, африканскія владѣнія, Египетъ, Абиссинія.—Британская Индія.—Тибетъ, Индо-Китай и Индонезія . . .	1— 77
Гл. VI. Новый Свѣтъ и Океанія. Первенство Соединенныхъ Штатовъ.—Распредѣленіе американскаго населенія.—Индѣйцы.—Негры.—Матеріальныя, духовныя и нравственныя условія.—Мексика.—Географическое единство Южной Америки.—Давленіе Европы.—Смѣшеніе расъ, вліяніе инковъ.—Нравы океаническаго міра.—Райятея.—Роль европейцевъ.—Населеніе Океаніи и преобразованіе туземцевъ	79—166
Гл. VII. Современное государство. Процессъ объединенія народовъ.—Власть абсолютная или ограниченная.—Парламентскій образъ правленія.—Республики и монархіи.—Эволюція и революція.—Сословный духъ; чиновники, инженеры и офицеры.—Коалиція сложившихся общественныхъ группъ.—Бюрократы и бюрократизмъ.—Свобода человѣческой личности . .	167—218

Гл. VIII. Культура и собственность. Достояніе человѣчества въ области фауны и флоры.—Одомашненіе.—Національные парки и заповѣдныя территоріи.—Прирученныя виды.—Общественная собственность.—Крупная и мелкая собственность.—Земли дарованныя и отданныя въ ленное владѣніе.—Фермерство и арендное пользованіе.—Земледѣльческія меліораціи.—Земля и финансы.—Общая картина производства.—Хаосъ и нищета . 219—307

Гл. IX. Промышленность и торговля. Быстрота развитія современной промышленности.—Личный составъ рабочихъ.—Раздѣленіе труда.—Вліянія машиннаго производства.—Мѣстныя преусиѣянія и упадокъ.—Постоянная борьба въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ.—Невѣжественное отношеніе къ общественному благу.—Торговля; упадокъ розничнаго торгова.—Караваны, ярмарки, таможи.—Приспособленіе капиталовъ и законовъ.—Допускаемая мошенничество.—Цыгане и евреи.—Производство и распределеніе.—Купля и продажа 309—384

Гл. X. Религія и наука. Первоначальное единство, затѣмъ борьба между религіей и наукой.—Статистика культовъ.—Географическое распределеніе.—Христіанство, Исламъ, Буддизмъ.—Постепенное изглаживаніе догматовъ.—Объединеніе реакціонныхъ силъ вокругъ религіозныхъ твердынь.—Монахи и монахини.—Церковь и деньги.—Могущество науки.—Позитивное знаніе и мистицизмъ.—Наука и ученые 385—429

Гл. XI. Воспитаніе. Непогрѣшимость обученія.—Воспитаніе у первобытныхъ народовъ.—Примѣрная школа.—Совмѣстное воспитаніе.—Испытанія, экзамены и дипломы.—Нормальная постановка высшаго образованія.—Распространеніе науки.—Всеобщій языкъ.—Всеобщая гигиена.—Нарожденіе красивой породы.—Эстетическое воспитаніе.—Искусство свободно.—Нагота.—Наука, искусство и природа.—Искусство—это жизнь 431—499

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Гл. XII. Прогрессъ. Опредѣленіе слова прогрессъ.—Золотой вѣкъ.—Геологическая эволюція.—Прогрессъ и регрессъ въ исторіи.—Возвращеніе къ природѣ.—Простота первобытныхъ обществъ и сложность современныхъ.—Взаимопомощь націй.—Законы перемѣщенія.—Завоеваніе пространства и времени.—Завоеваніе хлѣба.—Возвращеніе утраченной энергіи.—Прогрессъ несомнѣнно существуетъ	501—543
Послѣсловіе	545—548

Алфавитный указатель географическихъ и историческихъ названій и именъ цитированныхъ въ текстѣ авторовъ	549—562
--	---------

Списокъ чертежей и картъ.

	Стр.
№ 521. Театръ бурской войны	7
№ 522. Шотландскій перешеекъ	10
№ 523. Восточные заливы Шотландіи	11
№ 524. Восточная Канада	25
№ 525. Этническій составъ южной Африки	27
№ 526. Густота населенія въ Австраліи	31
№ 527. Отъ Аделаиды до Сиднея	33
№ 528 и 529. Индонезія отъ Сингапура до Торрессова пролива	38—39
№ 530. Сѣверный островъ Новой Зеландіи	41
№ 531. Города и государства Индіи	51
№ 532. Сямла и Дели	54
№ 533. Экспедиція въ Лхассу	58
№ 534. Перешеекъ Кра	75
№ 535. Города и штаты американской республики	82
№ 536. Увеличеніе народонаселенія Америки	83
№ 537. Нью-Йоркъ и его окрестности	87
№ 538. Гирлянда атлантическихъ городовъ	89
№ 539. Судходныя рѣки Сѣверной Америки	91
№ 540. Отъ Толедо въ Дулутъ и въ Сенъ-Луи	95
№ 541. Послѣдовательныя владѣнія и странствованія племени чирокезовъ	103
№ 542. Распределение иммигрантовъ въ Соединенныхъ Штатахъ	111
№ 543. Средне-американскій перешеекъ	119
№ 544. Водные пути и желѣзныя дороги Южной Америки	121
№ 545. Отъ Амазонки до Параны	127
№ 546. Устье Ла-Платы	131
№ 547. Окрестности Рио-де-Жанейро	134
№ 548. Пути сообщенія изъ Парижа въ Рио-де-Жанейро	137
№ 549. Политическое дѣленіе Океаніи	139
№ 550. Группа Сандвичевыхъ острововъ	147
№ 551. Группа острововъ Фиджи и Самоа	148
№ 552. Группа Маркизскихъ острововъ и Товарищества	149
№ 553. Южный островъ Новой Зеландіи и поверхность острововъ Океаніи	153
№ 554. Автократія. Королевство. Республика	175
№ 555. Старинныя пиренейскія республики	181
№ 556. Франція и ея палата депутатовъ	196

Списокъ чертежей и картъ

№ 557. Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи и его парламентъ	Стр. 197
№ 558. Монархіи Центральной Африки и Судана	203
№ 559. Йеллоустонскій національный паркъ	235
№ 560. Распространеніе мухи цеце	239
№ 561. Міровое производство каучука	245
№ 562. Дикій рисъ въ Сѣверной Америкѣ	253
№ 563. Единбургъ и Варрендеръ-паркъ	267
№ 564. Владѣнія бѣлыхъ на островахъ Самоа	271
№ 565. Крупная земельная собственность во Франціи	275
№ 566. Каналь Карпантра	277
№ 567. Возрастаніе цѣны на землю въ Великобританіи, 1860—1906 гг.	283
№ 568. Джерси, страна, удовлетворяющая свои жизненные потребности продуктами собственнаго производства	295
№ 569. Производство фруктовъ въ Европѣ	299
№ 570. Промышленная область въ Англіи	312
№ 571. Ланкаширъ и западный Йоркширъ	313
№ 572. Промышленный районъ Рура	317
№ 573. Количество каменнаго угля, добываемаго въ нѣкоторыхъ странахъ	325
№ 574. Водопадъ Финляндіи	327
№ 575. Желѣзныя дороги и судоходныя рѣки Африки	331
№ 576. Подпочвенныя богатства Мексики и западныхъ штатовъ	341
№ 577. Одновременныя (изохронныя) передвиженія по желѣзнодорожнымъ линіямъ, приуроченныя къ отбытіямъ изъ Парижа отъ 2-хъ до 15-ти часовъ	355
№ 578. Изохронныя передвиженія по желѣзнодорожнымъ линіямъ, приуроченныя къ отбытію изъ Парижа. Полушаріе, полюсъ котораго занимаетъ Франція	356
№ 579. Изохронныя передвиженія по желѣзнодорожнымъ линіямъ, приуроченныя къ отбытію изъ Парижа. Полушаріе, противоположное Франціи	357
№ 580. Торговля нѣкоторыхъ большихъ государствъ	363
№ 581. Главнѣйшіе порты Западной Европы	367
№ 582. Гонгъ-Конгъ и Кантонъ	371
№ 583. Работы на судоходной Луарѣ	379
№ 584. Миссія въ юго-восточной Африкѣ	393
№ 585. Успѣхи Ислама въ Адамавъ	405
№ 586. Грамотность въ Анненпскомъ полуостровѣ	443
№ 587. Университеты Западной Европы	451
№ 588. Публичныя библіотеки Востона	459
№ 589. Одна изъ сторонъ прогресса. Измѣненіе густоты населенія	505
№ 590. Постепенное завоеваніе атмосферы	509

Карта въ краскахъ.

Таможенные тарифы и подводные кабели	380—381
--	---------

Списокъ рисунковъ въ текстъ.

	Стр.
Сцена изъ страны буровъ	5
Форсскій мостъ; видъ съ юго-восточной стороны	9
Соборъ въ Чичестерѣ	17
Конгрессъ Арміи Спасенія, шествующій по улицамъ Лондона	19
Одна изъ житницъ Англіи: ферма въ Британской Колумбіи	21
Батальонъ хайлендеровъ на площади передъ дворцомъ въ Эдинбургѣ	23
Берега Фиджи	43
Ситири въ долинѣ Нигера	46
Деревенскія ворота въ Камерунѣ	47
Плотина на Нилѣ близъ Ассуана	49
Уголокъ Симлы	55
Фортъ Агра	57
Дворецъ Потала въ Лхасѣ	59
Наспикъ на Годавери	63
Сиккимскій лама	64
Сиккимская королева, тибетской расы	65
Улица въ Бомбей	67
Тричинополійская скала (южная Индія)	69
Цейлонскіе магометане	71
Нью-Йоркскій рейдъ, съ Вруклинскаго моста	81
Видъ на Нью-Йоркъ съ Эллисъ-Эйленда	85
Видъ на Миссисиппи изъ парка Сонъ-Дун	93
Краснокожій племени чирокезовъ	98
Краснокожій племени кюваевъ	99
Аллея въ Риверсидѣ, Калифорнія	101
Секвіа, индѣецъ племени чирокезовъ	105
Нѣсколько «представителей цвѣтнокожихъ»	106
Нѣсколько «представителей цвѣтнокожихъ»	107
Венгерка, прибывшая въ Соединенные Штаты	112
Лапландка изъ Россіи, прибывшая въ Соединенные Штаты	113
Вулканическое озеро на Гренадѣ (Малые Антильскіе острова)	115
Городъ Мексико: дворецъ	117
Прудъ близъ Манаосъ, покрытый Victoria Regia	123
Группа бразильскихъ моряковъ	129
Индѣйцы Мато-Гроссо, работающіе въ окрестностяхъ Тукумана	133
Городъ и бухта Рио-де-Жанейро. Видъ съ вершины Корковадо	135
Кровля обыкновеннаго дома на Палаускихъ островахъ	140

Списокъ рисунковъ въ текстъ

	Стр.
Судно для плаванія въ открытомъ морѣ	141
Дома на сваяхъ; островъ Фауро (архипелагъ Соломоновыхъ острововъ) . .	143
Каннибалъ Соломоновыхъ или Соломоновыхъ острововъ	145
Полинезійская хижина	151
Новая Зеландія; озеро Ротомахана	156
Новая Зеландія; террасы кремнистаго туфа въ странѣ гейзеровъ	157
Самоа. Двѣ сестры въ возрастѣ 11 и 13 лѣтъ	159
Оружіе полинезійцевъ	161
Балка жилища. Маорійская скульптура	162
Балка, украшающая жилище. Маорійская скульптура	163
Группа унтеръ-офицеровъ военныхъ отрядовъ, расположенныхъ въ Пекинѣ.	171
Мессинга, король Уганды, и его два дяди-министра	177
Франциско Пи-и-Маргалль	179
Москва, 31 октября 1905 года	185
С.-Петербургъ. Площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ	187
Тегеранъ. Залъ Багаристанскаго дворца	189
Оттава. Парламентъ Владѣнія Канады	193
Гавръ, входъ въ портъ во время прилива	200
Гаврскій рейдъ при тихой погодѣ	201
Независимое государство Конго. Царь Цанпо-Цабъ и высшіе сановники его двора	207
Лондонъ. Безработные дѣлаютъ сборъ и везутъ по улицамъ свои инструменты	209
Берегъ острова Ре, вблизи Китовой косы и «Утраченныхъ болотъ»	213
Державы въ Китаѣ, рисунокъ Штейнлена	216
Выскачка, рисунокъ Ж. Форэна	217
Большая пещера Ультима Сперанца	220
Цѣпь Андозъ. Видъ грота Ультима Сперанца	221
Африканскій слонъ въ зоологическомъ саду въ Лондонѣ	224
Индійскій слонъ въ лондонскомъ зоологическомъ саду	225
Бобръ въ лондонскомъ зоологическомъ саду	227
Морской котъ въ лондонскомъ зоологическомъ саду	229
Сѣверо-американскій бизонъ	230
Мадагаскарскій зебу	231
Канадскій олень или вапшти	233
Террасы кремнистаго туфа въ странѣ гейзеровъ. Йеллоустонскій паркъ . .	237
Запряженная собака въ Брюсселѣ	241
Лотосъ въ Японіи	242
Хризантемы въ Японіи	243
Молодое кофейное деревцо на Мадагаскарѣ	247
Ферма, расположенная на опушкѣ лѣса. Британская Колумбія	249
Бананы и уходъ за ними	254
Банановая роща въ Новой Каледоніи	255
Виссы или оросительные каналы въ окрестностяхъ Сіона	259
Крупная поземельная собственность въ Шотландіи. Стадо оленей на островѣ Арранѣ	261
Виды Арденнъ: На берегу рѣки Семуа	262
Деревни въ бельгійскихъ Арденнахъ	263
Кокосовая пальма на Мадагаскарѣ	269
Террасы для рисовыхъ плантацій въ странѣ игорротовъ (Филиппинскіе острова)	281

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ ВЪ ТЕКСТѢ

	Стр.
Бамбуковая роща	285
Теодоръ ванъ-Тюльденъ (1606—1676). Свадьба въ деревнѣ	286
Франсуа Буте (1703—1770).—Свирѣль	287
Константинъ Менье.—Крѣпостные	289
Сборъ водоросли (Fucus) на островѣ Ре	291
Жатва въ Японіи	293
Финиковая пальма въ Вискрѣ	297
Клубеньки на корняхъ собовыхъ растений	301
Сборъ яицъ альбатросовъ на островѣ Лейсанѣ (Diomedea immutabilis)	303
Лидвилль, у подножія Скалистыхъ горъ	315
Развѣдки золота на Уралѣ	319
Женщина, гнущая гвозди; Мюсгровъ въ графствѣ Вусторъ	321
Внѣшній видъ на заводы праваго берега Ніагары, съ нижней стороны потока	326
Соціальный вопросъ въ Лондонѣ	329
Въ шахтѣ. Барельефъ Константина Менье	334
Промышленность. Барельефъ Константина Менье	335
Собраніе забастовщиковъ въ залѣ Бирли Труда въ Парижѣ	337
Высокая заводская труба въ Денэнѣ	342
Металлургическіе заводы въ Лонгви	343
Промышленное село въ перуанскихъ Андахъ	347
Изъ Томска въ Иркутскъ; зимній обозъ съ чаемъ	351
Железнодорожный путь въ Скалистыхъ горахъ. Озеро Янки Дудль	353
Рынокъ въ Сигри	359
Нижній-Новгородъ и ярмарочный мостъ	361
Шлюзы канала Соть-Сентъ-Мари, между озерами Верхнимъ и Гурономъ	365
Бѣлый еврей, купецъ, съ Малабарскаго берега	372
Черный еврей, рабочий, съ Малабарскаго берега	373
Арабская женщина изъ Эль-Голен	374
Представитель племени шамба изъ Эль-Голен	375
Лондонъ, Royal Exchange	382
Нью-Йоркъ, Уолль-стритъ	383
Фрейбургъ, городъ въ Швейцаріи	389
Церковь въ Санта-Круцъ; видъ спереди	396
Церковь въ Санта-Круцъ; видъ сбоку	397
Разливка въ бочки воды Іордана	399
Добровольное самоистязаніе на Кавказѣ	403
Мизорскій (Майсурскій) быкъ (южная Индія)	407
Аннамитскій бонза	409
Карнакъ.—Дольмень Манс-Керіонедъ	411
Фигура божества на носу меланезійскаго челнока	413
Религіозные обычаи индѣйцевъ Кора	417
Богослуженіе въ Финляндіи, съ картины Эдельфельта	419
Буржскій соборъ	423
Древняя абиссинская живопись	424
Старинная абиссинская живопись	425
Женская школа въ Тунисѣ	431
Мужская школа въ Тунисѣ	435
Петрушка въ Мапъчжуріи	439
Негрятинская школа	445
Школа въ Финляндіи	447

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ ВЪ ТЕКСТѢ

	Стр.
Молодые обрѣзанные на покой на берегахъ Сенегала	449
Чаепитіе на «Summer-meeting»'ѣ въ Единбургѣ	453
Воскресная бесѣда въ Россіи	457
Гарвардскій университетъ въ Кембриджѣ, близъ Бостона	461
Школы и больницы Женевы	467
Отправленіе на сѣнокосъ школьной дѣтвора	470
Урокъ чтенія въ вольной дѣтской школѣ	471
Школа на открытомъ воздухѣ, въ Сахарѣ	473
Мысъ Пескада, близъ Алжира, и его форты	477
Донисторическая скульптура. Бюстъ жевщины, сдѣланный изъ зуба лошади.	478
Мыслитель; скульптура А. Родена	479
Адамъ } съ картины братьевъ Ванъ-Эйкъ }	482
Ева }	483
Наброски повседневной жизни; рис. Кенсан Китао Массайоши	485
Рошъ-Гажакъ, на берегу Дордони	487
Варшавская опера	491
Марать; скульптура Жана Баффье	493
Танецъ пастуховъ въ Сорренто; съ картины Коро	497
Уильборъ Райтъ на своемъ аэропланѣ	511
Морская лилія (Pentacrinus asteria)	515
Macrotoma colmanii	517
Казбекъ, съ южной стороны; изъ долины Арагвы	521
Гора Даусонъ; Селькиркская цѣль; Британская Колумбія	525
Соціальный вопросъ, рисунокъ Рубиля	527
Малаецъ, собирающій пальмовое молоко	529
Глетчеръ Віафо; въ Каракорумѣ	537

Факсимиле двухъ страницъ изъ рукописи «Человѣкъ и Земля» 546—547

Англія и ея свита

Ирландія — это тотъ коршунъ, который
впивается въ бокъ британскаго Прометея.

Глава пятая.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ. — НАЦІОНАЛЬНОЕ
ТЩЕСЛАВІЕ. — БУРСКАЯ ВОЙНА. — ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ УПАДОКЪ ПРОМЫШ-
ЛЕННЫХЪ СИЛЬ. — ДОБРОВОЛЬНАЯ ОТСТАЛОСТЬ. — РЕЛИГІОЗНЫЙ
КОНСЕРВАТИЗМЪ. — РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ. — СОЕДИНЕННОЕ КОРО-
ЛЕВСТВО. — ВЕЛИКОБРИТАНІЯ: КАНАДА, КАПСКАЯ И АВСТРАЛАЗІЙСКІЯ
КОЛОНИИ. — ФИДЖИ, АФРИКАНСКІЯ ВЛАДѢНІЯ, ЕГИПЕТЪ, АБИССИНІЯ. —
БРИТАНСКАЯ ИНДІЯ. — ТИБЕТЪ, ИНДО-КИТАЙ И ИНДОНЕЗІЯ

Англія, какъ государство, дѣйствительно находится въ положеніи, не
имѣющемъ себѣ подобнаго въ свѣтѣ, потому что никогда народъ,
занимающій столь незначительную часть земной поверхности, не
держалъ въ своихъ рукахъ судебъ столь громаднаго числа людей, разбро-
санныхъ по всей поверхности земного шара. Каждое движеніе на Брита-
нскихъ островахъ, которые составляютъ ядро англійскаго государства, нахо-

дуть отзвукъ въ цѣломъ свѣтѣ. Жизнь націи, такимъ образомъ, двоятся; въ ней заключается нѣкоторое внутреннее противорѣчіе, такъ какъ надлежитъ въ одно и то же время сохранять неприступное островное положеніе родины и поддерживать связи, наиболѣе активныя съ колоніями, упрочивая за собой завоеванія и власть надъ данниками, разсѣянными во всѣхъ частяхъ свѣта. Англичанинъ-патріотъ можетъ повторить себѣ съ полнымъ убѣжденіемъ слова римлянина: «Помни, что ты рожденъ, чтобы управлять народами»!

Интересно видѣть, съ какимъ спокойнымъ величіемъ англичане, проникнутые сознаніемъ своей миссии, данной имъ Провидѣніемъ, привыкли говорить о безконечномъ превосходствѣ своей роли въ мірѣ по сравненію съ таковой другихъ націй; тѣмъ не менѣе, ихъ самомиріе, надо сказать, нѣсколько поубавилось во время Трансваальской войны, которая доказала Англіи всю недостаточность ея военной организаціи сравнительно со степенью ея заносчивости. Но эти три года борьбы вызвали только временное отрезвленіе, и Великобританія, вернувъ себѣ самоувѣренность, снова начинаетъ твердить о томъ, что ей предназначена первенствующая роль въ мірѣ. «Эта книга посвящается тѣмъ, кто вѣритъ, что англійская имперія, послѣ Провидѣнія, наиболѣе полный источникъ добра»! Таково посвященіе къ работѣ одного стариннаго вице-короля Индіи. Также точно знаменитый Сесиль Родсъ, который, какъ бы играя, получалъ сотни милліоновъ, пожертвованныхъ имъ впоследствии въ своемъ завѣщаніи на дѣло расширенія англійскаго вліянія, выставляетъ основнымъ принципомъ, отправной точкой своей дѣятельности слѣдующее положеніе: «я утверждаю, что мы—первая нація въ мірѣ, и чѣмъ больше мы займемъ пространства, тѣмъ болѣе выиграетъ отъ этого человечество».

Одушевляемое тѣми же идеями, образовалось общество профессоровъ, журналистовъ, дипломатовъ и банкировъ-патріотовъ, задавшись цѣлью создать орденъ по образцу общества Іисуса; единственное назначеніе этого ордена—это увеличеніе силы и престожа Великобританіи, подобно тому, какъ іезуиты работали изо всѣхъ силъ для расширенія власти Церкви; дѣло шло о возсозданіи «Града Господня» въ пользу англичанъ, его избранниковъ. Дѣйствительно, колоніи, говоряція на англійскомъ языкѣ, Верхняя Канада, Капъ, австрализійскія, приняли участіе въ проектированной великой федераціи; но, сверхъ того, въ пан-британскую лигу должна была войти наиболѣе могущественная вѣтвь того дерева, которое такъ неправильно называютъ «англо-саксонской» расой, республика Соединенныхъ Штатовъ, потому-де, что составляющіе ее граждане тоже говорятъ на англійскомъ языкѣ. Однако, тотчасъ передъ членами лиги является щекотливый вопросъ: «Кому же будетъ принадлежать первенство въ дѣлѣ овладѣнія міромъ: англичанамъ или американцамъ?»

Безъ сомнѣнія, казалось болѣе естественнымъ, чтобы старинная монархія, блиставшая въ теченіе столькихъ вѣковъ, сохранила гегемонію и управленіе дѣлами, — однако, слѣдовало предвидѣть, что молодая заатлантическая республика, опьяненная гордостью и сознавая свое неодолимое могущество, ни за какую цѣну не уступитъ первенства и даже можетъ захотѣть подчинить себѣ свою британскую прабабку. И вотъ, разъ это было такъ, любовь англо-саксовъ къ единенію должна была бы взять верхъ надъ всѣми вопросами чувства, и, во имя своего экзальтированного патріотизма, эти патріоты заранѣе согласились, что роль Англіи должна быть низведена до самой второй степенной 1).

Однако, лига «Величайшей Британіи» раздѣлилась на двѣ отличныя другъ отъ друга группы; расколъ между ними долженъ былъ неизбежно проявиться, какъ только имъ пришлось бы столкнуться на вопросѣ живой дѣйствительности. Одинъ—цвѣтъ англійской мысли—полагали, что признаніе превосходства ихъ расы только налагаетъ на нее большія обязанности и отвѣтственность; они ставили себѣ цѣлью воспитать другихъ людей согласно требованіямъ высшей морали и обезпечить всеобщій прогрессъ во имя полнаго торжества мира и британской свободы. Другіе же, такъ называемые «джинго», стремились къ укрѣпленію англійской славы путемъ завоеваній и порабощенія. Мни себя сильнѣе всѣхъ, они задавались единственной цѣлью употребить эту силу, а, по мѣрѣ надобности, также свою хитрость и жестокость для расширенія англійскаго владычества. «Raid» Джемсона, этотъ набѣгъ, произведенный среди полнаго мира вооруженной силой на трансваальскую территорію (29 декабря 1895 г.—2 января 1896 г.), явился поводомъ глубокаго разногласія, тотчасъ возникшаго въ храмѣ англійскаго империализма. Затаенное стремленіе доставить Англіи обладаніе міровой гегемоніей было разбито, но оно, вѣроятно, возродится въ другихъ формахъ, потому что духъ, создавшій эту идею, продолжаетъ существовать во всей своей наивной интенсивности. Странно было видѣть въ одномъ англійскомъ городѣ зданіе 2), заключающее великолѣпную бібліотеку, получающую, въ интересахъ читателей, болѣе сотни издающихся въ Англіи и ея колоніяхъ газетъ и журналовъ; между тѣмъ среди нихъ не было ни одного листка, ни одного документа, который могъ бы напомнить читателямъ о существованіи другой страны, кромѣ Альбіона, другого народа, кромѣ англійскаго. Въ этой грудѣ произведеній исключительно британской литературы нѣтъ мѣста французскимъ, итальянскимъ или нѣмецкимъ газетамъ.

1) W. T. Stead, «Autour du testament de Cecil Rhodes», La Revue, 15 mai 1902.—2) Напримѣръ, въ Кэнтербері, въ 1903 году.

Увѣренность въ себѣ, широкій размахъ смѣлой и здоровой жизни— вотъ, конечно, большія преимущества, которыя могутъ привести къ совершенію великихъ дѣлъ; но не слишкомъ ли много у англичанъ самообожанія, и не будутъ ли послѣдствія его гибельны, въ особенности, если къ этому самообожанію часто примѣшивается грубое невѣжество? Обособленное положеніе Англіи подчеркивается полнымъ пренебреженіемъ, которое проявляютъ ея государственные люди и администраторы по отношенію къ другимъ націямъ¹⁾: гордась своимъ величіемъ, англійскій народъ можетъ игнорировать другіе народы и даже находить въ своемъ нежеланіи снизойти до нихъ извѣстную заслугу. И вотъ, именно въ Англіи, проявленія патріотизма пріобрѣтаютъ самыя сумасбродныя и крайнія формы, потому что англичанинъ, важный и холодный на видъ, старающійся сдерживаться, теряетъ всякую выдержку, разъ только онъ далъ волю своему чувству. Въ Англіи послѣ столь долгожданной побѣды при Паардебергѣ (27 февраля 1900 г.) и въ особенности послѣ освобожденія Мефкинга (17 мая 1900 г.) биржевые и банковые дѣльцы, «джептльмены», обезумѣвшіе отъ радости, набрасывались другъ на друга и разрывали платье, шапки, а студенты въ Оксфордѣ воздвигали костры, бросая туда мебель и даже свои книги²⁾.

На ряду съ этими нелѣпыми и сумасбродными демонстраціями уживаются церемонность и чуть ли не религіозная торжественность въ формахъ обхожденія. Такъ, англійскіе офицеры со времени испанской войны (1705 года) провозглашаютъ тостъ, равнаго которому мы не встрѣтимъ ни въ одномъ человѣческомъ обществѣ: «Our men! Our women! Our swords! Our selves! Our religion!» Или: «Наши мужчины! Наши жены! Наши шпаги! Мы сами! Наша религія!» Можно сказать, что въ средѣ англійской аристократіи дворянинъ доходитъ прямо-таки до того, что смотреть на міръ не иначе, какъ черезъ иллюзорную призму собственнаго величія³⁾; поступаая такъ, онъ не даетъ себѣ труда вдуматься въ положеніе вещей, онъ дѣйствуетъ какъ бы по инерціи, подъ влияніемъ рутинныхъ взглядовъ и безапелляціонныхъ сентенцій, торжественно повторяемыхъ въ семьѣ, въ школѣ, въ церкви матерями и сѣдовласыми старцами; молодой человѣкъ дѣйствуетъ во всеоружіи этихъ сентенцій, не сомнѣваясь въ своей правотѣ, съ полной самоувѣренностью даже тогда, когда ему приходится совершать дѣянія, которыя повсюду осуждаются общественной совѣстью: онъ совершаетъ свое дѣло—доброе ли, или дурное—съ чувствомъ гордости, которое смѣшивается въ его сознаніи съ идеей о долгѣ.

Вполнѣ естественно, что у англичанъ чувство національной гор-

1) W. Bagshot, «Constitution Anglaise», p. 300.—2) André Chevrillon, «Revue de Paris», 15 sept. 1900, p. 360.—3) Тотъ же авторъ, loc cit., pp. 375 и слѣд.

дости развито сильнѣе, чѣмъ у большинства другихъ народовъ. Непосредственная среда,—а она-то и оказываетъ обыкновенно наиболѣе сильное вліяніе, согласно закону, что сила притяженія обратно пропорціональна квадрату разстоянія,—приводитъ англичанина къ мысли считать себя выше всѣхъ остальныхъ людей; у него свой островъ для жилья, свой богатый дворецъ, омываемый и защищенный морскими

Сцена изъ страны буровъ.

волнами и безчисленными судами, этими «деревянными оградами», по выраженію древнихъ; въ теченіе вѣковъ гордая цитадель перѣдко подвергалась угрозѣ извнѣ, но никогда еще нога непріятеля не оскверняла ея. Какой радостный трепетъ возбуждаетъ у англичанъ воспоминаніе о судьбѣ «непобѣдимой армады»! Затѣмъ у нихъ немало воспоминаній о побѣдахъ, одержанныхъ ими надъ своими ближайшими сосѣдями—французами! Сколько удачныхъ битвъ насчитываютъ они въ теченіе прошедшихъ вѣковъ: «Креси, Пуатье, Азинкуръ, Рамилли, Мальплаке,

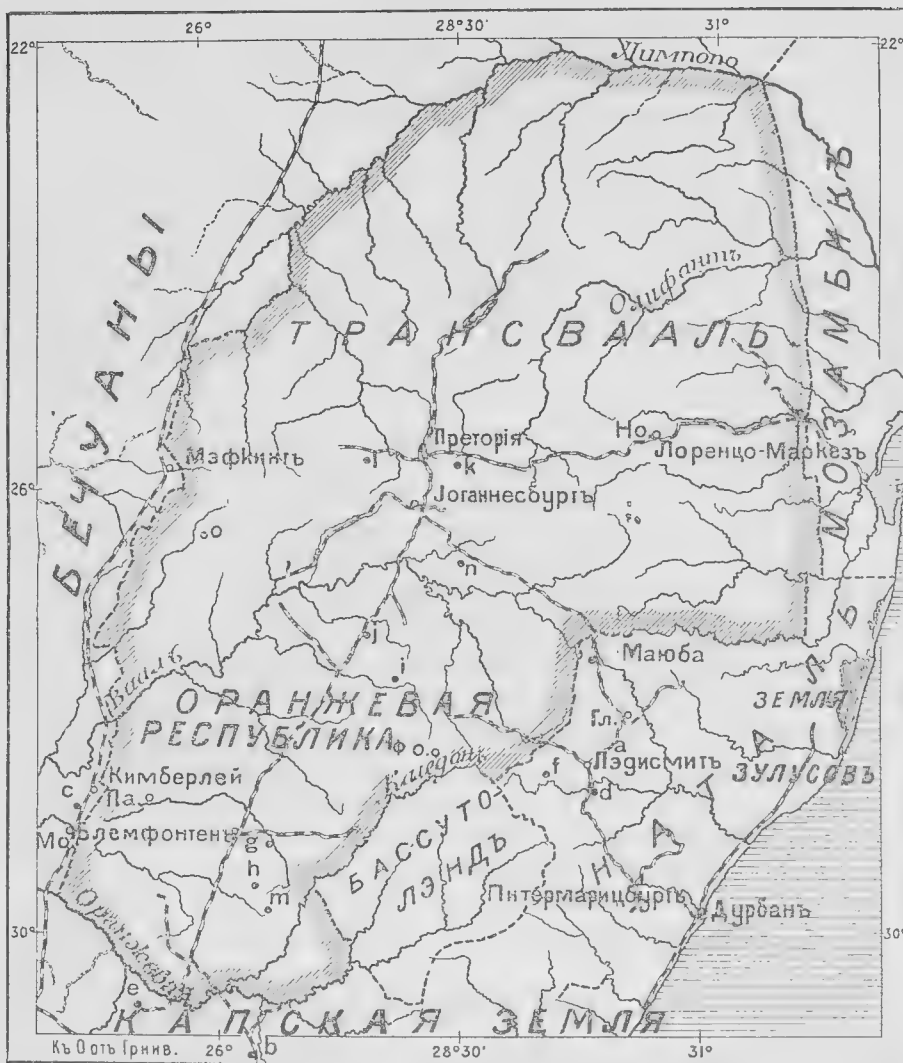
Трафальгаръ, Ватерлоо!» — вотъ списокъ, съ которымъ небезопасно знакомить дѣтей: сдѣлавшись взрослыми, они думаютъ, что война — это всегда побѣда и притомъ побѣда въ чужой странѣ, при одержаніи которой не было разрушено ни одной англійской хижины, даже не было опрокинуто ни одной англійской изгороди ¹⁾.

Затѣмъ, постепенное расширеніе колониальныхъ владѣній, достигшихъ въ настоящее время такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что населеніе ихъ, разъ въ десять многочисленнѣе населенія метрополіи, дало основаніе проникнуть въ сознаніе англичанъ идеѣ, будто весь міръ рано или поздно сдѣлается ихъ добычей. Къ спокойной гордости островитянъ-сверхчеловѣковъ присоединяется сознаніе мірового владычества, идея «имперіализма», великимъ первовѣстникомъ которой явился тщеславный Дизраэли, провозглашая королеву Викторію императрицей Индіи. «Юбилейныя» празднества, которыми ознаменовалось въ іюнѣ 1897 года шестидесятилѣтіе благополучнаго царствованія, въ глазахъ большинства зрителей поистинѣ явились своеобразной церемоніей, имѣющей характеръ одновременно національнаго и религіознаго торжества: ясно, что само Провидѣніе озаботилось дать королевѣ долгую жизнь, исполненную триумфовъ, и обезпечило ей первенство среди монарховъ. Многіе воображали даже, что американская республика со своими восемьюдесятью милліонами жителей, которыхъ принято называть «ангლოსаксами», охотно присоединится къ великимъ чествованіямъ королевы, и что отнынѣ совершилось объединеніе между всѣми тѣми, кто говоритъ на языкѣ Веллингтона и Вашингтона.

Но, какъ всегда, тщеславіе влекло за собою угнетеніе. Обѣ республики буровъ, Оранжевая и Трансвааль, всецѣло захваченныя во власть британцами, населеніе которыхъ получало изъ Англіи большую часть своихъ предметовъ потребленія, даже языкъ которыхъ все болѣе и болѣе отступалъ на второй планъ передъ англійскимъ, сохранивъ за собою только оффиціальныи характеръ, — неужели эти республики не должны были также признавать верховенства Англіи и не должны были войти въ составъ ея громадныхъ владѣній? Тѣмъ болѣе, что англійскіе капиталисты оказывали имъ честь, вкладывая свои капиталы въ дѣло эксплуатаціи ихъ золотыхъ пріисковъ; благодаря этимъ капиталамъ, надъ рудниками и конями появился великолѣпный городъ Йоганнесбургъ. Первые же несомиѣнныя несправедливости, вторженіе среди полнаго мира, тайныя интриги, отказы въ правосудіи, практиковавшіеся англійскими судами, только разжигали воинственный пылъ «имперіалистовъ Величайшей Британіи», которымъ не давало покоя воспоминаніе о пораженіи при Маюбѣ (27 февраля 1881 г.), положившемъ конецъ

1) Paulé Mantoux, «Pages libres», 22 mars 1902, p. 255.

№ 521. Театръ бурской войны.

Масштабъ этой карты равенъ 1:7.500.000. — Свѣтлыя точки обозначаютъ мѣста побѣдъ англичанъ, черныя точки — мѣста ихъ поражений. Положеніе нѣкоторыхъ пунктовъ не совсѣмъ достоверно (Нитралсъ-некъ, Влэкфонтейнъ, Твибошъ).

1899, 20 окт., побѣда при Гленкое (Гл.); 1-го ноября, неудача при Николсонсъ-некъ (а); 28 ноября, побѣда при Моддериверъ (Мод.); 10 дек., поражение при Стормбергъ (b); 11 дек., поражение при Маггерфонтейнъ (с); 15 дек., поражение при Колензо (d); 31 дек., поражение подъ Колесбергомъ (e).—1900, 24 января, оставленіе Спюнь-копа (f); 15 февр., освобожденіе Кимберлея; 27 февр., побѣда при Паардебергъ (Ра); 28 февр., освобожденіе Лэдисмита; 31 марта, неудача при Саннагъ-съ-портъ (g); 12 марта, вступленіе въ Влэмфонтейнъ; 4 апрѣля, неудача при Редерсбергъ (h); 17 мая, освобожденіе Мэфкинга; 30 мая, неудача при Линдлеъ (i); 5 июня, вступленіе въ Преторію; 7 июня, неудача при Роодевалъ (j); 11 июля, неудача при Нитралсъ-некъ (k); 21 июля, побѣда при Фурьерсбургъ (Fo); 28 авг., побѣда при Ноойтгедахтъ (Ho); 14 дек., неудача при Магалисбергъ (l); 29 дек., потеря Гельвеции (m).—1901, 29 мая, неудача при Влэкфонтейнъ (n).—1902, 7 марта, неудача при Твибошъ (o); 31 мая, подписаніе мира въ Преторію.

двухмѣсячной войнѣ; они успокоились только тогда, когда вынудили буровъ обратиться къ Англіи съ давно жданнымъ ультиматумомъ.

Однако, эта война, во всякомъ случаѣ, не оказалась тѣмъ, чѣмъ ее воображали себѣ въ политическихъ салонахъ и кафе: она явилась чѣмъ-то бѣльшимъ, чѣмъ военная прогулка. Къ первымъ пяти десяткамъ тысячъ посланныхъ англичанъ оказалось необходимымъ прибавить еще пятьдесятъ тысячъ, затѣмъ еще сто тысячъ, мобилизовать всю наличную армію, пришлось отправить сотни большихъ транспортовъ съ такимъ количествомъ амуниціи, провіанта, лошадей, какого Англія еще никогда не отправляла; но самый этотъ фактъ явился новымъ источникомъ ликованія и тщеславія: никогда еще ни одинъ народъ не былъ въ состояніи перебросить изъ одного полушарія въ другое такое количество людей и матеріала при помощи такого громаднаго флота и цѣною столько милліоновъ и милліардовъ! Правда, никто никогда еще не пытался сдѣлать подобнаго усилія, но такая попытка и не сошла безнаказанно. Самая богатая нація могла отважиться на такіе ужасающіе расходы, но она должна была оставить всѣ свои другія дѣла, посвятить свои силы исключительно на то, чтобы сломить поистинѣ изумительное сопротивленіе, которое, по историческимъ словамъ одного изъ самыхъ видныхъ представителей буровъ, должно было «удивить міръ». А пока шли эти безпокойные годы борьбы, разыгрались важныя событія,—а именно китайская война,—чреватая другими важными событіями, которыя государственные люди должны были предвидѣть и заранѣе направить въ смыслъ своихъ національныхъ интересовъ. Этого-то Англія, застигнутая врасплохъ, не могла сдѣлать: она пропустила, одинъ за другимъ, случаи сказать свое рѣшающее слово, и это вынужденное воздержаніе повлекло за собою то, что Великобританія утратила свой престижъ, свое моральное могущество, которое само по себѣ—ничто, но которое способно удвоить истинное могущество. Сколько разъ славнаго репомѣ, даже безъ битвы, было достаточно для одержанія побѣды!

Другіе признаки, даже въ самой Великобританіи, должны были показать самымъ тупымъ и упорнымъ патріотамъ, что міровая гегемонія, несомнѣнно, ускользнула изъ рукъ ихъ правительства, и что теперь необходимо позаботиться о томъ, какъ бы націю не опередилъ кто-нибудь изъ соперниковъ. Немного лѣтъ тому назадъ среди экономистовъ считалось еще за аксіому, что англійскому острову должно принадлежать первенство въ промышленномъ отношеніи, такъ какъ его угольные копи, т.-е. источникъ движущей энергіи, давали ему громадныя преимущества передъ любой изъ другихъ странъ; но вотъ теперь все это измѣнилось! Англія не стоитъ уже на первомъ мѣстѣ среди другихъ

странъ по размѣрамъ своей угольной промышленности ¹⁾. Начиная съ 1899 года, ее опередили въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты, которые уже въ 1903 году добывали на 120 милліоновъ тоннъ угля болѣе, чѣмъ Англія; предсказываютъ даже, что рано или поздно ее опередитъ угольная промышленность Германіи, а затѣмъ и Китая, такъ какъ копи названныхъ странъ въ среднемъ болѣе легко эксплуатировать, и что тамъ рабочія руки болѣе дешевы. Благодаря скаламъ Корнуэльса, Англія занимала исключительное положеніе по своимъ мѣднымъ и оло-

Форсскій мостъ; видъ съ юго-восточной стороны.

Разстояніе по оси между металлическими устоями, изъ коихъ средній упирается въ скалистый островокъ, равно 598 метрамъ; вмѣстѣ съ вѣдуками, длина моста достигаетъ 2400 метровъ.

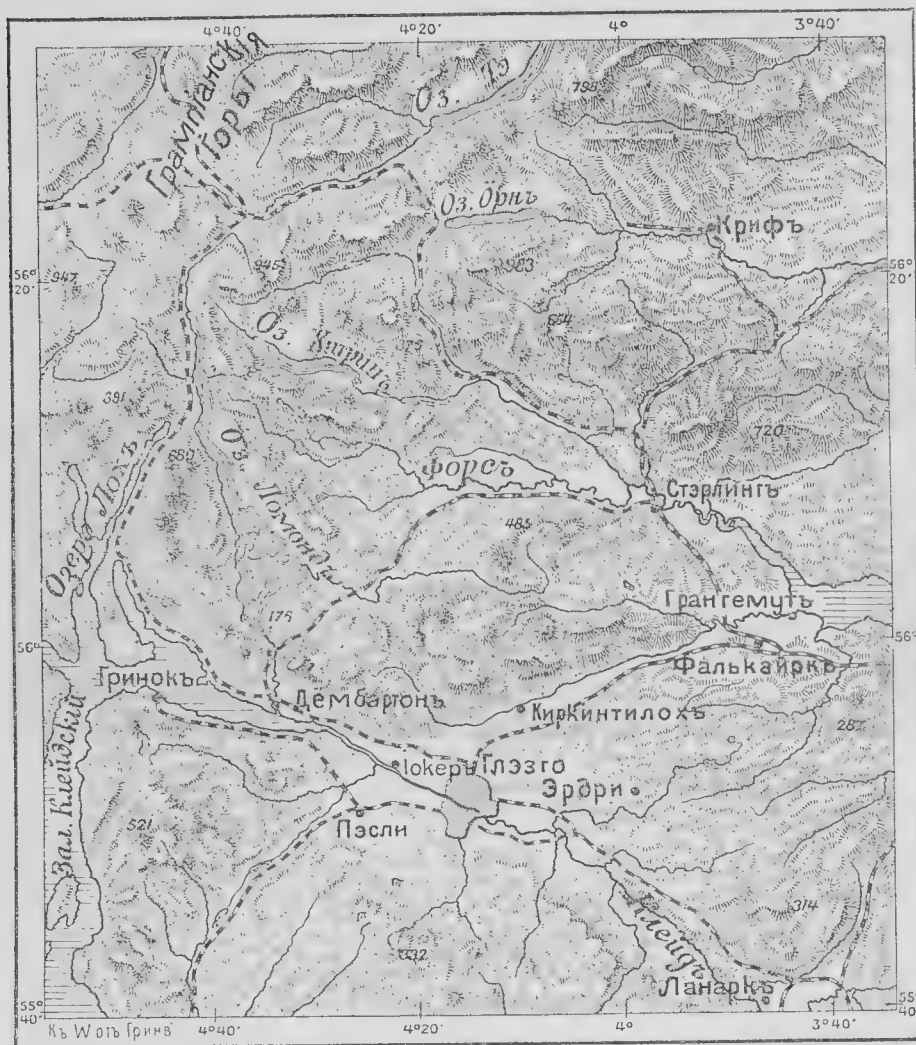
вяннымъ рудникамъ, которое она давно уже утратила; теперь же у нея, въ свою очередь, ускользаетъ первенство въ угольной промышленности, значеніе котораго на міровомъ рынкѣ несравненно шире. Прежде одна Великобританія давала половину всего добываемаго на нашей планетѣ угля, теперь же на ея долю приходится не болѣе четверти, и притомъ замѣчается постоянная тенденція къ уменьшенію этого отношенія.

Но вотъ явленіе, еще значительно болѣе важное: если добыча «хлѣба промышленности» падаетъ, то, съ другой стороны, и промышлен-

1) См. діаграмму: «Угольная промышленность» въ главѣ «Промышленность и торговля».

ность подвергается опасности въ иномъ отношеніи. Металлургическая промышленность претерпѣваетъ ту же эволюцію, что и угольная.

№ 522. Шотландскій перешеекъ.

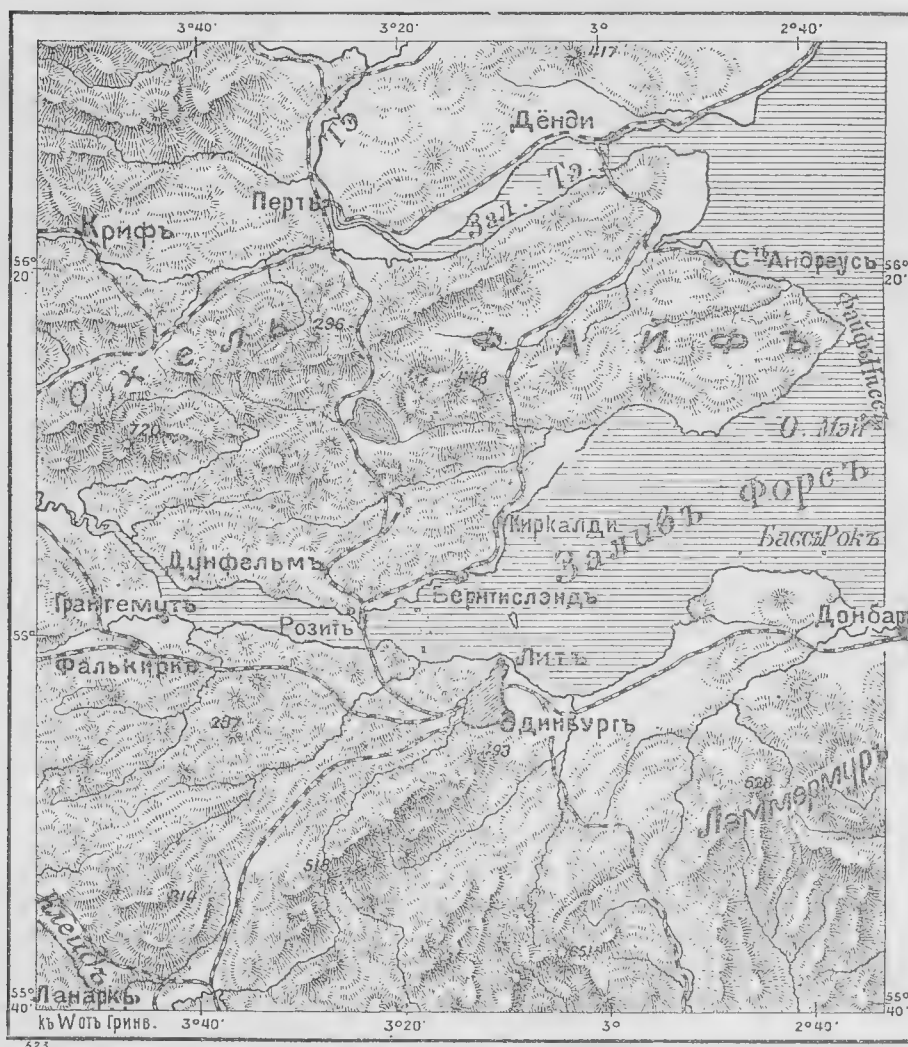
Карта № 522 имѣетъ тотъ же масштабъ, какъ и карта на стр. 11.

Существуетъ два различныхъ проекта для направлення морского канала черезъ Шотландскій перешеекъ: одинъ черезъ Грангмутъ, Киркинтилохъ и Локеръ, другой—черезъ Стэрлингъ, впадающій въ Клейдъ, ниже Дембартона, и тянущійся приблизительно вдоль линіи желѣзной дороги, которая соединяетъ оба названныхъ города. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ высшій уровень канала долженъ приходиться приблизительно на высотѣ 30 метровъ.

Самоувѣренность, протекшая отъ продолжительнаго періода превосходства, дала возможность утвердиться въ англійской техникѣ такими рутинными приемами, что вестфальцы, желая охарактеризовать

недостаточно оборудованный рудникъ, съ устарѣлыми приемами разработки, говорятъ, что онъ эксплуатируется «по-английски» ¹⁾. Еще

№ 523. Восточные заливы Шотландіи.

въ 1875 г. заводы Англии поставляли на мировой рынокъ половину того количества чугуна, которое выплавлялось въ то время, и фабрик-

1) Paul de Rouziers, «Revue de Paris», 15 septembre 1900.

канты тѣшились мыслью, что благополучіе народа измѣряется количествомъ потребляемаго ими желѣза; но вотъ теперь эти слова противорѣчатъ имъ самимъ,—они были далеко не на первомъ мѣстѣ: въ 1885 г. на ихъ долю приходилось 37⁰/₀; въ 1895 году—26⁰/₀, въ 1903 году—19⁰/₀; общее количество выплавляемаго чугуна поднялось въ послѣднія тридцать лѣтъ съ тринадцати до сорока-шести милліоновъ тоннъ, между тѣмъ количество чугуна, получаемого изъ англійскихъ доменныхъ печей, съ трудомъ поднялось на одну четверть и не достигаетъ даже 9000000 тоннъ.

Весьма поучителенъ тотъ фактъ, что нація, инициаторъ крупной мануфактурной промышленности въ Европѣ, поддалась рутинѣ, и что ее опередили теперь ея соперники въ отношеніи изобрѣтательности и въ дѣлѣ примѣненія научныхъ усовершенствованій техники производства. Не только ее опередили Соединенные Штаты, которые можно отнести къ тому же типу цивилизаціи, что и Англію, но надо поистинѣ удивляться, насколько рѣдки стали въ Великобританіи примѣры смѣлыхъ, оригинальныхъ замысловъ въ области промышленности; таковыя наблюдаются, главнымъ образомъ, въ Германіи, во Франціи, Швейцаріи и даже въ менѣе передовыхъ странахъ Европы. Собственно британская промышленность, именно та, которая позволила Англіи въ теченіе долгаго времени воспѣвать свою собственную славу: «*Britannia, rule the waves!*»,—эта промышленность находится страннымъ образомъ въ опасности: не то, чтобы кораблестроители Клейда и другихъ англійскихъ верфей перестали быть самыми крупными представителями искусства судостроенія, но хотя бы данныя суда и были построены на Британскихъ островахъ, ничто не можетъ помѣшать тому, чтобы они перешли въ чужія руки. И дѣйствительно, благодаря внезапному потрясенію биржи, которое отразилось на рынкахъ всего міра, Америка могла скупить такое количество торговыхъ судовъ, принадлежавшихъ различнымъ англійскимъ компаніямъ, что, несмотря на ложныя данныя фиска и оффиціальныхъ списковъ, необходимо признать, что первое мѣсто по общей суммѣ тоннъ водонзмѣщенія судовъ и по размѣрамъ ежегодныхъ доходовъ отъ судоходства заняли на нѣкоторое время Соединенные Штаты. Мало того, знаменитые океанскіе пакетботы, стоящіе въ ливерпульскомъ портѣ, оказались по размѣрамъ и быстроходности позади другихъ плавающихъ «городовъ», построенныхъ въ Германіи; Англіи это обстоятельство причинило много досады; но этотъ яркій фактъ существуетъ, и неизбежны послѣдствія его, влекущія за собою относительную отсталость.

Тѣмъ не менѣе, Великобританія все еще занимаетъ первое мѣсто съ точки зрѣнія «боевой единицы»; прочность старинныхъ предразсудковъ оказываетъ настолько сильное вліяніе на умы, что англійскій на-

родъ ни за что не хочетъ допустить мысли, чтобы его военный флотъ могъ оказаться когда-нибудь ниже флота другой націи или даже соединенныхъ флотовъ двухъ другихъ націй, которыя могли бы заключить на морѣ союзъ. Однако, англичанамъ пришлось уже нѣсколько отступить отъ своихъ прежнихъ притязаній. Они хотѣли, чтобы ихъ флотъ былъ равенъ по могуществу соединеннымъ флотамъ всѣхъ другихъ государствъ міра; эта претензія отнынѣ недостижима, и если другія державы, располагающія такими же богатыми средствами, какъ и Великобританія,

Великобританія и англійскія колоніи.

Эмансипированныя страны: 1. Канада;—2. Ньюфаундлендъ;—3. Австралійская федерація (Commonwealth);—4. Новая Зеландія;—5. Капская колонія, Наталь, Оранжевая республика и Трансвааль. Эксплуатируемыя колоніи: 6. Африка (Нигерь, Суданъ, Уганда, Замбези и т. д.);—7. Америка (Гвѣана, Ямайка и т. д.);—8. Океанія;—9. Азія (Цейлонъ, Борнео и т. д.);—10. Индія и Бирманъ.

Согласно дипломатической фикціи, Египетъ не включенъ въ составъ Британской имперіи: его поверхность равна приблизительно поверхности территоріи, сгруппированныхъ подъ цифрой 5, а количество населенія его равно населенію, сгруппированному подъ цифрами 3, 4 и 5.

какъ, напримѣръ, Германская имперія или Соединенные Штаты, увлекаются, какъ это весьма вѣроятно, аналогичными несбыточными поползновеніями, то борьба миллиардовъ сдѣлается, въ концѣ концовъ, невозможною. И къ тому же, развѣ въ подобнаго рода вещахъ все зависитъ отъ числа судовъ и пушекъ? Превосходство находится на сторонѣ того, кто въ данный моментъ располагаетъ новѣйшими усовершенствованіями въ области боевой, надводной, подводной и воздухоплавательной техники.

Переставъ быть передовыми дѣятелями въ промышленности и встрѣчая во многихъ отрасляхъ человѣческаго труда соперниковъ и даже учителей среди тѣхъ, которыми они нѣкогда руководили, крупные англійскіе промышленники поддались бѣшенству. Чтобы обезопасить себя отъ конкуренціи продуктовъ иностраннаго производства, они до-

бились отъ парламента принятія закона, который обязываетъ коммерсантовъ пускать въ продажу только тѣ предметы германскаго издѣлія, которые снабжены четкой надписью: «Made in Germany». Но эта предосторожность въ сущности принесла только вредъ тѣмъ изъ ея инициаторовъ, которые не позаботились одновременно съ нею объ улучшеніи предметовъ собственнаго производства. Клеймо, на которое рассчитывали какъ на средство отвратить покупателей, напротивъ того, стало привлекать ихъ, являясь двойной рекомендаціей, во-первыхъ, въ пользу дешевизны и, во-вторыхъ, въ пользу лучшей выдѣлки товара.

Сама очевидность говоритъ за то, что для того, чтобы вступить съ успѣхомъ въ борьбу со своими хорошо подготовленными соперниками, необходимо приобрѣсть еще лучшую подготовку, избавиться отъ устарѣлыхъ приспособленій и замѣнить ихъ новыми, которыя должны быть систематически согласованы съ успѣхами знанія. Но до сихъ поръ люди благоразумные, которые проповѣдуютъ необходимость методическаго обновленія англійскихъ техническихъ приемовъ, пользуются въ Англии довольно-таки незначительнымъ успѣхомъ. Ихъ слушаютъ, имъ даже аплодируютъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выскиваютъ самые неудачные мотивы для оправданія своей приверженности къ рутинѣ. Возьмемъ для примѣра хотя бы задержку въ Англии почти на цѣлое столѣтіе введенія въ программу обученія метрической системы, столь ясной, столь удобной и столь опредѣленной въ обращеніи съ единицами различныхъ величинъ, вмѣсто традиціонной системы мѣръ и вѣсовъ съ ея неравными подраздѣленіями на четыре, шесть, восемь, двѣнадцать и шестнадцать, двадцать и двадцать-одинъ, на тридцать-шесть, восемьдесятъ-четыре и даже на дробныя величины. Получается впечатлѣніе, будто при помощи этихъ несонмѣримыхъ дѣленій и подраздѣленій всего, что поддается измѣренію и вычисленію, поставили себѣ цѣлью не облегчить задачу тѣхъ, которые занимаются обращеніемъ матеріальныхъ благъ, но, напротивъ, запутать покупателей въ ихъ расчетахъ и тѣмъ доставить продавцамъ лишній шансъ на полученіе большей прибыли. Было, дѣйствительно, время, когда торговля имѣла свои таинственныя письмена, когда существовали внѣшнія формулы для пубрики и секретныя цифры для торговца—цѣлая хитроумная тарабарщина со всевозможными сюрпризами, на которые неизбѣжно поддавливался наивный покупатель. Теперь, когда уже нѣтъ мѣста тайнамъ, англійскій ребенокъ поневолѣ долженъ изучать всю эту хитрую механику, и за этимъ занятіемъ онъ проводитъ лучшіе годы жизни, въ ущербъ многимъ другимъ отраслямъ знанія, на преодоленіе которыхъ у него уже нѣтъ охоты. Къ тому же, тысячи мелкихъ задачъ изъ области торговли и интересовъ мелочной лавки, которыя ему задавались въ свое время, а также тысячи тѣхъ исторій и несуразныхъ разсказовъ, которые ему пересказывали изъ

ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, не въ состояніи открыть ему прямую дорогу къ пониманію истины въ природѣ и въ людскихъ отношеніяхъ! Однако, эти отсталые методы обученія настолько прочно укоренились у англичанъ, что они даже передали ее своимъ двоюроднымъ братьямъ—американцамъ Соединенныхъ Штатовъ, и здѣсь метрическая система, которой, несомнѣнно, предстоитъ восторжествовать въ одинъ прекрасный день, такъ какъ она облегчаетъ ученье и отношенія между людьми, лишь очень медленно проникаетъ въ школы, конторы и университеты.

Въ силу того же духа узкаго консерватизма, англичане остаются ревностными приверженцами почитаемой ими церкви, хотя официальные догматы въ дѣйствительности оставлены повсюду, и никто не смѣетъ уже настаивать на существованіи чудесъ, которыя прежде являлись вѣскимъ аргументомъ; никто не осмѣливается проповѣдывать о вѣчныхъ мукахъ грѣшниковъ, что пѣкогда составляло самый яркій цвѣтокъ въ букетахъ церковнаго краснорѣчія. Статистическій подсчетъ, произведенный въ 1903 году съ большою тщательностью газетою «Daily News», установилъ численное отношеніе вѣрныхъ сыновъ церкви, мужчинъ и женщинъ, и получившаяся картина показываетъ, что общество, взятое въ цѣломъ, является вполне христіанскимъ по вѣншимъ формамъ, по своему «благочестію», которое сводится къ регулярному посѣщенію священнаго мѣста въ опредѣленные на то часы. Вотъ главная форма, въ которую выливается въ Англіи то этическое явленіе, которое Арсенъ Дюмонъ назвалъ «соціальною капиллярностью». Это единеніе съ церковью въ весьма значительной степени опредѣляетъ аристократическій характеръ англійскаго общества. Англиканская церковь, наслѣдница католической церкви въ Соединенномъ Королевствѣ, во всѣ времена носила феодальный характеръ, который она старается изъ всѣхъ силъ сохранить за собою. Тотчасъ послѣ завоеванія Англіи норманнами прелаты, которымъ были розданы епископскія кафедръ, и богатые аббаты обосновались въ покоренной странѣ въ качествѣ землевладѣльцевъ. Они начали съ того, что понастроили себѣ пышные замки, окруженные зубчатыми стѣнами, и почти повсюду совокупность зданій, принадлежащихъ церкви, — замки и соборы, капитулы и монастыри—занимаетъ очень обширное пространство вмѣстѣ со своими внутренними дворами, кладбищами и садами, которые отдѣляютъ церковныя зданія отъ города; граждане и пролетаріи издали видятъ башни собора, но раньше имъ приходилось проходить черезъ настоящія боевыя амбразуры, чтобы помолиться подъ сводами своего храма. Еще теперь въ Кэнтербери, примасскомъ городѣ, на священную паперть храма, украшенную большими деревьями и цвѣтами, можно попасть не иначе, какъ пройдя по галереямъ, въ которыхъ на головы по-

сѣтителей легко можно было бросить горящее масло и расплавленный свинецъ; и внутри такихъ крѣпостей, огражденных боевыми башнями, находятся резиденціи высокихъ и знатныхъ служителей церкви. Въ Англіи мы встрѣчаемъ, стало-быть, совершенно иное положеніе вещей, чѣмъ на материкѣ, гдѣ соборы, рожденные въ самомъ сердцѣ города, въ центрѣ его жизнедѣятельности, въ мѣстѣ пересѣченія большихъ улицъ, были построены не митроносными епископами и прелатами, но возникали въ средѣ самого народа, который ихъ воздвигалъ; различные цехи собирались для молитвы въ своихъ собственныхъ храмахъ, украшенныхъ произведеніями ихъ же искусства. Почти повсюду церковь была окружена домами, которые иногда непосредственно примыкали къ ней. Послѣ реформаціи, которая получила въ Англіи характеръ фикціи,—такъ какъ вполнѣ сохранились прежній порядокъ посвященія епископовъ и вся организація Церкви,—прелаты удержали за собою свои замки, свои домены, свои огромные доходы и остались, какъ и прежде, вдали отъ народа. Это особенно ясно проявилось въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ народъ не былъ увлеченъ протестантскимъ движеніемъ, а именно: въ гальской части Шотландіи, въ Ирландіи, Уэльсѣ; крупное феодальное духовенство стало въ этихъ странахъ настоящими господами, вполнѣ чуждыми народу, которые обыкновенно съ отвращеніемъ отказывались дышать тѣмъ же воздухомъ и жить той же духовной жизнью, какъ и презираемые или ненавидимые подданные ихъ, и проживали въ столицахъ доходы съ десятины, выколоченные силою; такимъ образомъ, между такъ называемыми духовными отцами и вѣрующими должна была образоваться глубокая пропасть, установиться полная отчужденность между пастухами и пасомыми. Масса угнетеннаго народа искала другихъ посредниковъ между собою и божественной силою, либо среди наслѣдниковъ старинной католической вѣры, либо среди послѣдователей новаторскихъ сектъ; явились даже настоящіе революціонеры, сыны тѣхъ, которые въ періодъ революціи не побоялись коснуться особы короля; они дошли до того, что вполнѣ отдѣлились отъ господствующей церкви и дали своимъ религіознымъ общинамъ республиканское устройство, основанное иногда даже на принципахъ соціальнаго равенства. Многія секты освободились отъ священниковъ, отъ ритуала, отъ богослуженія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ возстановили ихъ подъ другимъ видомъ и поставили болѣе строгія требованія. Какъ бы то ни было, духъ независимости и, еще больше, духъ активнаго протеста проникъ въ эти слои народа, которые часто подвергались различнымъ гоненіямъ или, по меньшей мѣрѣ, угнетенію, и на которыхъ всегда смотрѣли какъ на подозрительныхъ. Среди этихъ-то диссидентовъ формируются кадры враговъ аристократіи, населяющей замки, которая фатальнымъ образомъ является сообщницей аристократіи клерика-

кальной. Хотя офіціалныя религіозныя церемоніи и справляются еще въ большомъ количествѣ подъ знаменемъ англиканской церкви, давая этимъ поводъ предполагать численное превосходство вѣрныхъ сыновъ этого вѣроисповѣданія, однако, самыя дѣятельныя личности находятся въ

Соборъ въ Чичестерѣ.

Этимъ соборомъ нерѣдко пользовались какъ тюрьмою; часть его была даже построена специально для этой цѣли: здѣсь имѣлись потайной ходъ, массивныя двери и т. д. Характерной особенностью собора является также изолированная колокольня.

рядахъ диссидентовъ, проявленія религіозной жизни которыхъ отличаются большою пылкостью; такъ же точно въ сторону диссидентскаго лагеря передвинулся центръ тяжести общеполитической жизни. Тѣмъ не менѣе, всякое ослабленіе религіознаго рвенія имѣетъ слѣдствіемъ то, что секта приводится къ типу компромисса, который сходенъ съ господствующей церковью и получаетъ печать аристократизма. Вѣдь «Армія Спасенія», которая набирается специально изъ народной среды и

состоитъ преимущественно изъ бывшихъ отщепенцевъ, пьяницъ и забудыгъ, прежняя испорченность которыхъ особенно рельефно отъѣняетъ испытанное ими превращеніе,—эта «Армія» организуется, вѣдь, по военному образцу, имѣя блестящій штатъ офицеровъ, въ томъ числѣ маіоровъ и маршаловъ! Англичане имѣютъ большую претензію на то, чтобы быть «джентльменомъ», и приходится констатировать, что дѣйствительно многіе изъ нихъ достигли этого; такихъ, впрочемъ, больше среди трудящагося люда, рабочихъ и крестьянъ, нежели среди праздныхъ, «сильныхъ міра сего».

Вѣрность всевозможнымъ пережиткамъ, которая проявляется въ тщательномъ соблюденіи старинныхъ обрядовъ и вѣшнихъ формъ культа, тогда какъ самый смыслъ ихъ исчезъ, обнаруживается въ той же мѣрѣ въ традиціонномъ монархическомъ ритуалѣ. Средневѣковые костюмы, непонятныя формулы на якобы французско-нормандскомъ нарѣчій, различные жесты, символическій смыслъ которыхъ является предметомъ спора археологовъ,—все это составляетъ неизбѣжную принадлежность придворныхъ церемоній, и всѣ эти театральныя сцены, официальныя или добровольныя, смѣтаются съ религіознымъ рвеніемъ. Пережитки различнаго рода и различныхъ эпохъ настолько многочисленны въ Англіи, что самый близкій блюститель традицій можетъ въ нихъ потеряться; ему остается только уважать ихъ, не имѣя возможности приспособиться ко всѣмъ, такъ какъ они противорѣчатъ другъ другу. Старинныя хартии находятся въ прямомъ противорѣчій съ установленіями иного происхожденія, и, смотря по мѣсту и лицамъ, соблюденіе ихъ бываетъ различно. Въ большинствѣ большихъ городовъ путаница, создавшаяся, благодаря прецедентамъ, которые противорѣчатъ другъ другу, смотря по различнымъ традиціямъ и юрисдикціи муниципалитетовъ, привела къ такому хаосу, что жители нерѣдко совсѣмъ не знаютъ, какимъ изъ мѣстныхъ постановленій они должны повиноваться, такъ какъ они относятся къ нѣсколькимъ кварталамъ, границы которыхъ налегаютъ другъ на друга и взаимно пересѣкаются: сколько существуетъ различныхъ интересовъ, столько же и спеціальныхъ подраздѣленій; духовная власть, фискальная администрація,—каждая имѣетъ обособленныя владѣнія съ череполосицами и участками, клиномъ вдающимися въ область другого; воды, стоки, порты, полиція—все это находится въ вѣдѣніи особыхъ вѣдомствъ, и ни одинъ юрисконсультъ не можетъ безъ долгаго изученія вопроса, безъ спеціального чутія разобраться во всей сложности ихъ взаимныхъ отношеній. Лондонъ остался даже до настоящаго времени въ нѣкоторомъ отношеніи автономнымъ городомъ, независимымъ отъ Великобританіи, такъ какъ и въ наши дни его лордъ-мэръ и «альдермэны» принимаютъ участіе, по фиктивному праву, въ провозглашеніи новаго государя. До четырнадцатаго столѣтія городъ,

съ точки зрѣнія юридической, представлялъ нѣчто обособленное отъ государства, такъ какъ «королевскій миръ», провозглашенный въ его

Конгрессъ Арміи Спасенія, шествующій по улицамъ Лондона.

стѣнахъ, не распространялся на все остальное королевство ¹⁾. Нерѣдко требуется вмѣшательство Парламента, чтобы устранить затрудненія, созданныя наслѣдствіемъ прошлаго, которое невозможно приспособить къ

1) Francis Palgrave,—Ernest Nys, «Recherches sur l'Histoire de l'Economie politique», pp. 35, 36.

новымъ формамъ современной жизни; но къ устраненію этихъ неурядицъ подходятъ обыкновенно настолько осторожно и почтительно, что на новыхъ нормахъ сохраняются слѣды стариннаго института, и что догадливый юристъ сумѣетъ при случаѣ найти въ нихъ элементы для большого процесса, который можетъ при желаніи протянуться двадцать или даже сто лѣтъ.

Хорошая сторона этой рѣзко выраженной тенденціи къ консерватизму состоитъ въ томъ, что она доставила англичанамъ прочную репутацію людей большого «практическаго смысла», стоящихъ выше всѣхъ современныхъ фантазій, всѣхъ геніальныхъ утопій. Итакъ, реформаторы—а ихъ въ Англіи весьма много—съ благоразумной выдержкой выступаютъ на борьбу съ тѣмъ или инымъ зломъ. Вооружившись твердой рѣшимостью не впадать въ идеализмъ, не поддаваться влиянію абстрактныхъ положеній, они очень узко ограничиваютъ поле своей дѣятельности; многихъ изъ нихъ занимаютъ только весьма прозаическія проблемы политики, гигиены и социальныхъ отношеній: вопросы о дешевой хлѣбѣ, о прививкѣ оспы или же законъ о заразныхъ болѣзняхъ. Отдавая все свое вниманіе одному какому-нибудь факту общественной жизни, они далеко не всегда стараются связать его съ другими явлениями того же порядка, съ тѣмъ, чтобы изучить источники ихъ общаго происхожденія и вывести логически вытекающія отсюда слѣдствія. Каждый интеллигентный англичанинъ, будучи въ сущности въ большей или меньшей степени социалистомъ, изъ филантропическихъ побужденій или по убѣжденію, старается быть таковымъ только въ точно опредѣленномъ пунктѣ. Являясь новаторомъ по идеѣ, онъ можетъ считать и называть себя непоколебимымъ консерваторомъ въ своихъ принципахъ. Въдь во многихъ случаяхъ можно было наблюдать, какъ конгрессъ трэдъ-юніоновъ, на которомъ присутствовали делегаты отъ семи-или восьмисотъ тысячъ рабочихъ, голосуетъ за переходъ въ общественное владѣніе орудій производства, а между тѣмъ эпитетъ «социалистъ» былъ бы, конечно, отвергнутъ громаднымъ большинствомъ голосовавшихъ!

Хотя англичане и пользуются репутаціей людей практичныхъ, однако, они показали себя въ извѣстномъ отношеніи самыми непредусмотрительными изъ всѣхъ народовъ, а именно: въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія они добровольно оставили улучшение и даже, такъ сказать, использованіе производительныхъ силъ своей земли и посвятили себя прежде всего промышленности и торговлѣ. Ихъ безусловно преобладающее положеніе въ ту эпоху не дало имъ возможности предусмотрѣть такой случай, когда другіе народы окажутся въ состояніи угрожать ихъ морскимъ путямъ сообщенія. Ни одному народу не приходится удовлетворять потребности питанія въ такой мѣрѣ, какъ Великобританія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она меньше, чѣмъ какая-либо страна, въ

состояніи удовлетворить этой потребности продуктами собственнаго сельскаго хозяйства. Возьмемъ хотя бы одинъ изъ предметовъ первой необходимости—хлѣбъ; производство его на островахъ Соединеннаго Королевства едва достигаетъ 18—20% его потребленія. Английскія колоніи, Канада, Индія, Австралазія, поставляютъ хлѣба приблизительно въ такомъ же количествѣ, а все остальное покупается въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Аргентинѣ и другихъ странахъ. Отсюда для Англіи выте-

Одна изъ житницъ Англіи: ферма въ Британской Колумбіи.

касть необходимость, во что бы то ни стало, обезпечить свободное плаваніе своему коммерческому флоту. Понадобится пройти долгій эволюціонный путь, пока почва Англіи начнетъ давать то, что она можетъ дать.

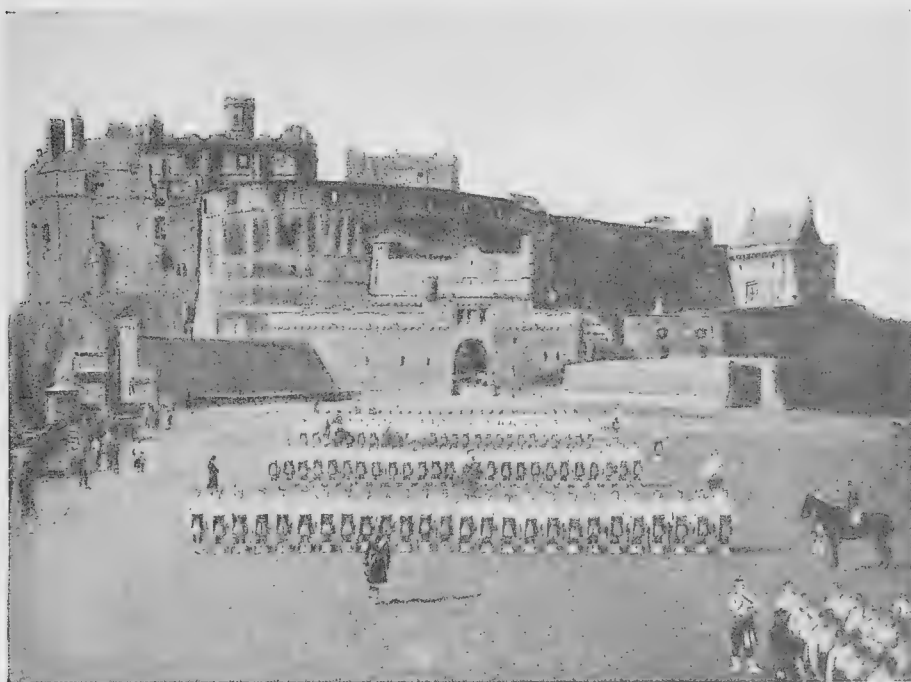
Если уваженіе къ традиціямъ и заставляло самихъ реформаторовъ заботиться о томъ, чтобы сохранить часть разрушаемаго зданія, то, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ прецедентамъ имѣло своимъ хорошимъ послѣдствіемъ то, что, благодаря имъ, политическіе изгнанники и бѣглецы почти всегда находили въ Англіи надежное убѣжище. Благодаря своему «блестящему одиночеству», Великобританія могла позволить себѣ сохранять позицію презрительнаго равнодушія къ событіямъ, развертывавшимся въ Европѣ, и принимать у себя королей, свергнутыхъ съ престола, и

наравнѣ съ нимъ каторжниковъ, убѣжавшихъ отъ своихъ тюремщиковъ. Послѣ юня 1848 года, послѣ политическаго переворота, послѣ Коммуны, а также другихъ аналогичныхъ событій всѣ республиканцы, социалисты, анархисты, которыхъ отовсюду гнали, которые должны были въ монархiяхъ континента кочевать изъ тюрьмы въ тюрьму, и которыхъ даже Швейцарiя изгоняла подѣ лицемѣрнымъ предлогомъ недоразумѣнiя,— всѣ эти отверженные находили прiютъ въ Англіи: не потому, чтобы на нихъ смотрѣли какъ на мучениковъ за благородное дѣло, но потому, что гордая нація желала игнорировать ненависть и мстительность иностранныхъ правительствъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что массѣ изгнанниковъ и бѣглецовъ приходилось немало терпѣть отъ презрительнаго высокомерiя большинства тѣхъ, кто позволилъ имъ вступить на почву острововъ Соединеннаго Королевства; равнымъ образомъ, имъ приходилось опасаться махинацій интернаціональной полиціи, искусившейся на изобрѣтеніе абсурдныхъ заговоровъ; но, съ другой стороны, они могли видѣть проявленiя горячаго къ нимъ сочувствiя, и одно ихъ присутствiе свидѣтельствовало о болѣе высокой моральной цѣнности личности въ Англіи. На британской почвѣ и въ обращенiи съ братьями-англичанами образовались различныя группы, отстаивавшія принципы политической и социальной солидарности, изъ которыхъ вылилось затѣмъ въ окончательной формѣ движеніе, представленное Интернаціоналомъ.

Раздѣленное нѣкогда на два враждебныхъ класса, какъ и всякая другая страна, принадлежащая къ міру капиталистической цивилизаціи, Соединенное Королевство до сихъ поръ еще не вполнѣ закончило процессъ своего политическаго объединенiя. Ирландiя все еще противится англійскому господству; Шотландiя, которая отличается сравнительнымъ благосостояніемъ, значительнымъ приростомъ населенiя и увеличеніемъ матеріальныхъ богатствъ, составляетъ оппозицію только на словахъ; обѣ ея крайнемъ непримиримомъ патріотизмъ сохранилось одно только воспоминаніе; но въ настоящемъ она сильно стремится къ тому, чтобы находиться въ авангардѣ въ дѣлѣ инициативы и осуществленiя различныхъ предпріятій; даже въ Лондонѣ шотландская колонiя стремится занимать первое мѣсто какъ въ работѣ, такъ и въ удачѣ. Что же касается шотландцевъ чистой гѣльской крови, жителей сѣверныхъ «гористыхъ мѣстъ», то ряды ихъ сильно порѣдѣли за время цѣлаго ряда войнъ: прежде всего масса ихъ была въ прямомъ смыслѣ истреблена во время тщетныхъ попытокъ Стюартовъ снова завладѣть трономъ; затѣмъ съ той эпохи немало ихъ погибло, благодаря лестному, но тѣмъ болѣе пагубному вниманію, которое оказали имъ англійскіе короли, поставивъ ихъ въ первые ряды войскъ, гдѣ имъ предстояло умирать на службѣ своему государю. Одѣтые въ самые пышные военные костюмы, «хай-

лэндеры» пользуются славой самых храбрых солдатъ, и, дѣйствительно, они оправдываютъ эту репутацію: статистика сраженій даетъ возможность установить, что въ битвахъ на долю шотландской гвардіи приходится наибольшій процентъ убитыхъ ¹⁾, а въ южно-африканской войнѣ, напримѣръ, при Маггерсфонтейнѣ, количество убитыхъ изъ ихъ рядовъ повышается еще вдвое.

Къ западу отъ Великобританіи проливъ Св. Георгія является болѣе чѣмъ естественной границей: это зона, по обѣ стороны которой царитъ

Батальонъ хайлэндеровъ на площади передъ дворцомъ въ Эдинбургѣ.

глубокая рознь. Ирландія осталась не только въ матеріальномъ отношеніи землею, отличной отъ большого острова, который примыкаетъ къ ней съ восточной стороны,—она, кромѣ того, по волѣ своихъ обитателей, вѣлѣніемъ народнаго духа, противится политическому объединенію, провозглашенному уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Обѣ стороны питаютъ другъ къ другу ненависть, хотя браки между обоими народами въ дѣйствительности настолько многочисленны, что во многихъ случаяхъ было бы невозможно установить родословную, такъ какъ масса англійскихъ колонистовъ обосновалась въ Ирландіи, и масса ирландскихъ

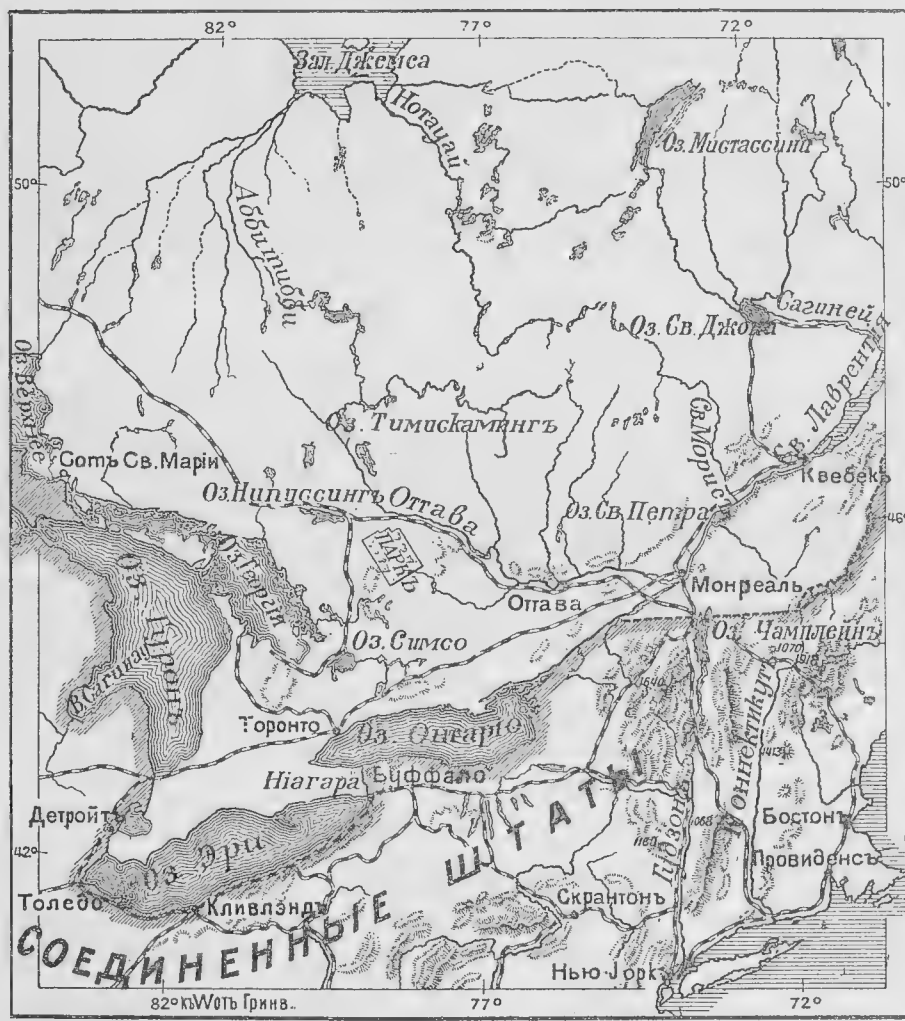
¹⁾ Patrick Geddes, Notes manuscrites.

иммигрантовъ поѣхала искать счастья въ Англію. Но, какъ бы то ни было, несмотря на установленіе кровнаго родства, климатъ, почва и вся обстановка «зеленаго Эрина» оказываютъ на обитателя острова такое сильное вліяніе, что уроженецъ Ирландіи—хотя бы онъ былъ и англо-саксонскаго происхожденія или даже англичаниномъ чистой крови по языку, культурѣ, сношеніямъ съ остальнымъ міромъ,—тѣмъ не менѣе, становится естественнымъ прагомъ англичанъ и стоитъ горою за политическую независимость Ирландіи, отнятую у своихъ новыхъ соотечественниковъ ихъ же собственными предками. Съ своей стороны, англичане склонны питать инстинктивную ненависть, неизвольное презрѣніе къ «Paddy», которые бѣднѣ ихъ, которыхъ они встрѣчаютъ въ самыхъ убогихъ кварталахъ своихъ городовъ; чтобы противостоять этой природной антипатіи, человѣку интеллигентному приходится употреблять усилія воли. Не трудно понять, что дѣло обстоитъ такъ потому, что на совѣсти англичанъ, какъ націи, лежатъ старинныя обиды, нанесенныя Ирландіи, которую почти-что по ироніи называютъ «Островомъ-братомъ»: вѣдь обидчикъ всегда ненавидитъ обиженнаго. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, Англія немалымъ обязана своему презираемому вассалу! Какъ часто ей приходилось восхищаться подъемомъ и краснорѣчіемъ ирландскихъ ораторовъ, сколько перловъ вдохновенія внесъ въ англійскую литературу геній Стерновъ, Свифтовъ, Шеридановъ, сколько сражений выиграла она благодаря военному генію ирландцевъ! Вотъ свидѣтельство объ этомъ Веллингтона: «Своимъ гордымъ превосходствомъ на военномъ поприщѣ мы обязаны, главнымъ образомъ, католикамъ-ирландцамъ; имъ также я лично обязанъ тѣмъ лаврами, которыми вамъ угодно было увѣнчать мое чело». Ведя «Paddy» на завоеваніе міра, Англія въ одно и то же время обезпечивала себѣ свою собственную славу и спокойствіе въ бѣдныхъ ирландскихъ селахъ.

Неоднократно дѣлались попытки къ примиренію, не разъ дѣлались большія уступки по тѣмъ или инымъ жалобамъ, которыя представляли угнетенные, но главный источникъ неудовольствія послѣднихъ остается въ полной силѣ: народъ, населяющій Эринъ,—покоренный народъ; земля, которую онъ обрабатываетъ, принадлежитъ ему только отчасти; налоги, которые онъ платитъ, и которые стали тѣмъ болѣе для него тяжелы, что бѣдность его возросла,—эти собираемыя съ народа суммы поступаютъ, главнымъ образомъ, въ пользу аристократіи, собственниковъ-иностранцевъ и угнетающаго правительства; даже языкъ, на которомъ говорятъ ирландцы почти на всемъ пространствѣ своей территоріи, это—языкъ побѣдителей, такъ какъ туземный языкъ подвергался систематическому изгнанію изъ всѣхъ школъ, изъ всѣхъ общественныхъ мѣстъ, гдѣ появляется господинъ; ирландскій языкъ могъ сохраниться только въ округахъ, сравнительно мало культурныхъ, гдѣ общенія съ вѣншимъ

міромъ почти не существовало. Теперь ирландскіе патріоты требуютъ не только своего права на землю, на свободу слова и дѣйствій; они хотятъ, кромѣ того, возстановить свой языкъ и изучаютъ въ оригиналѣ бо-

№ 524. Восточная Канада.

1: 10 000 000

0 100 250 500 килом.

гую литературу предковъ. Удастся ли имъ снова взойти по тому склону, по которому ихъ заставили спуститься многовѣковыя притѣсненія? Это представляло бы собою чудо силы воли, котораго не являлъ еще ни одинъ народъ въ мірѣ. Во всякомъ случаѣ, не кто иной, какъ

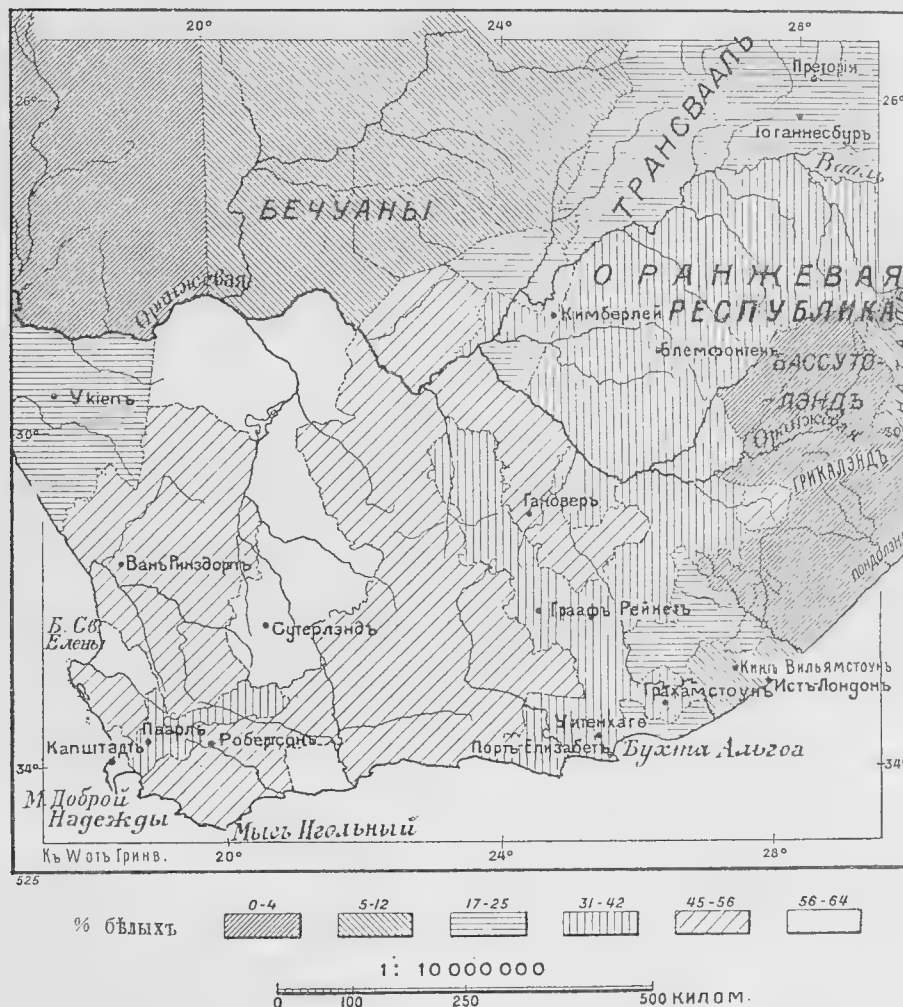
угнетенный, держитъ въ рукахъ своего господина, и до тѣхъ поръ, пока ему не возвратятъ его автономіи, пока онъ не получитъ своего «home-rule», Великобританія будетъ лишена свободы инициативы въ великой сферѣ міровой дѣятельности. Ирландія—это, дѣйствительно, тотъ коршунъ, который впицается въ бокъ британскаго Прометея.

Не успѣвъ еще примириться съ населеніемъ сосѣдняго острова, Великобританія уже стремится къ сліянію въ одну націю со своими «дочерьми», т.-е. колоніями, разсѣянными по лицу земли: Канадой, государствами южной Африки и Австралазіей. Патріоты мечтаютъ о соединеніи всѣхъ этихъ странъ въ тѣсную федерацію, которая составитъ «Великую Британію»; это былъ бы такой типъ союза національностей, котораго міръ еще не видалъ, и неоспоримое достоинство котораго состояло бы въ томъ, что онъ покоился бы исключительно на свободномъ участіи заинтересованныхъ народовъ. Великій дубъ распростеръ бы свою тѣнь надъ всей землею, и корни его укрѣпились бы въ почвѣ материковъ и острововъ. Этотъ союзъ былъ бы тѣмъ болѣе прекрасенъ, что ему предшествовала бы дѣйствительная политическая независимость каждой изъ перечисленныхъ колоній, отдаленныхъ отъ метрополіи. Будучи теперь только по имени связанными съ державой, которая ихъ основала, ни канадскія провинціи, ни колоніи австралійскихъ морей не управляются болѣе Парламентомъ, засѣдающимъ въ Вестминстерѣ: въ дѣйствительности онѣ представляютъ собою, несмотря на свое названіе «колоній», вполне независимыя государства. Щедрость Англіи, которая предоставила по доброй волѣ нѣкоторымъ изъ своихъ вѣнскихъ владѣній автономію, имѣла видъ акта замѣчательной политической мудрости; было бы болѣе просто и болѣе правильно видѣть въ этомъ актѣ результатъ исторической необходимости, такъ какъ англійское правительство, чтобы имѣть хоть какой-нибудь шансъ на успѣхъ, не могло бы дѣйствовать иначе: оно утратило бы Канаду и другія государства, соединенныя съ 1901 года въ австралійскую федерацію, «commonwealth», подобно тому, какъ оно утратило американскія колоніи побережья Атлантическаго океана. Чтобы оставаться въ предѣлахъ правды, достаточно отдать должную похвалу мудрости государственныхъ людей, которые сумѣли спокойно подчиниться неизбежному. Народъ, располагающій лишь слабой арміей, не можетъ ничего подѣлать съ другимъ, морально съ нимъ связаннымъ, и который не только защищенъ отъ посягательствъ перваго громадною разстояніемъ, но имѣетъ еще другое преимущество, а именно: огромную территорію, богатые мѣстные ресурсы и сознаніе своей силы.

Сильныя колоніи обязаны, стало-быть, своею независимостью собственной моральной цѣнности. Онѣ управляютъ собою сами потому, что онѣ могутъ импонировать своему господину, но, вмѣстѣ съ

тѣмъ, онѣ вносятъ своеобразную почтительность въ свои отношенія съ государствомъ-созереномъ. Такъ, когда различныя части Канады консти-

№ 525. Этническій составъ Южной Африки.

Статистика даетъ круглое число бѣлыхъ, родившихся въ колоніяхъ, безъ раздѣленія на африкандеровъ и англичанъ. Среди иммигрировавшихъ бѣлыхъ, къ удивленію своему, мы насчитываемъ 21000 русскихъ въ Капской колоніи и Трансваалѣ.

Среди цвѣтного населенія слѣдуетъ упомянуть о готтентотахъ; численность ихъ доходитъ до 90000, но они составляютъ болѣе 20% всего населенія лишь въ округахъ Ванринздорпъ (31,82%), Сутерлэндъ, Укиепъ (Намаквалэндъ) и Гановерь. Азіатскія племена (индусы, малайцы, китайцы) немногочисленны внѣ городовъ Капа, Портъ-Елизабетъ, Кимберлея и Йоганнесбурга.

тупировались въ государство, онѣ учтиво попросили королеву Викторію указать имъ мѣсто для своей столицы, и мѣсто, гдѣ теперь возвышается Оттава, было имъ указано монаршимъ жестомъ. Однако, огромная

территорія издавна извѣстная подъ названіемъ «Владѣнія» («Dominion»), въ дѣйствительности связана съ Англіей очень слабо; зависимость эта выражается только въ присутствіи двухъ небольшихъ гарнизоновъ—одного на восточномъ берегу, въ Галифаксѣ, другого на берегахъ Тихаго океана, въ Эскимо; кромѣ того, декоративный персонажъ представляетъ Его Величество, Короля, передъ Парламентомъ. Въ Австраліи, Новой Зеландіи, колоніяхъ вполне британскихъ по характеру ихъ населенія, узы симпатій, связывающія ихъ съ родиной-матерью, значительно болѣе тѣсны, чѣмъ въ Канадѣ, гдѣ сосѣдство Соединенныхъ Штатовъ создаетъ совершенно особое положеніе, и форма англійскаго господства здѣсь имѣетъ исключительно символическій характеръ.

Но совершенно иначе обстоитъ дѣло въ колоніяхъ южной Африки. Здѣсь, не говоря объ индусахъ и китайцахъ, «нанятыхъ» для разработки копей, расовый вопросъ выступаетъ во всей своей трудности, и автономія обѣихъ колоній, Капа и Наталя, сопряжена поэтому съ особыми опасностями. На огромной территоріи, которая тянется отъ Капа до Замбези, число бѣлыхъ едва достигаетъ милліона двухсотъ тысячъ человѣкъ; къ тому же они принадлежатъ къ двумъ различнымъ расамъ, которыхъ раздѣляетъ нѣсколько вѣковъ, во время коихъ эволюція ихъ шла въ различныхъ направленіяхъ, и воспоминаніе о сотнѣ лѣтъ борьбы и взаимныхъ обидъ: съ одной стороны, потомки голландскихъ колонистовъ, африкандеры и буры, съ другой—англичане и шотландцы, иммигрировавшіе въ значительномъ количествѣ. Одни являются людьми земли, фермерами и землевладѣльцами, другіе, привлеченные золотыми и алмазными россыпями, работаютъ на приискахъ, являются въ роли промышленниковъ, коммерсантовъ и строителей городовъ; нѣтъ общихъ интересовъ, общихъ симпатій, кромѣ развѣ ненависти черныхъ, которая сближала бы этихъ работниковъ, обстоятельствами жизни вынужденныхъ жить въ одномъ мѣстѣ. Рядомъ съ этимъ милліономъ людей, разбитымъ на двѣ различныя части населенія приблизительно равной численности, живутъ пять или шесть милліоновъ негровъ, которые непосредственно, воочію, могли изучить силу и слабость своихъ господъ. Вполнѣ естественно, что идея «этіопіанизма» (Африка для туземныхъ расъ) привилась среди нихъ. Эта мечта, зародившаяся среди чернокожаго населенія Соединенныхъ Штатовъ, въ настоящее время безумна; но, возродившись въ новыхъ формахъ, она дастъ о себѣ знать будущимъ поколѣніямъ. Съ другой стороны, какимъ соблазномъ является для бѣлыхъ, на сторонѣ которыхъ въ настоящее время сила, эксплуатировать и угнетать, сколько душъ угодно, этихъ гнусныхъ кафровъ! Если бы колонистамъ южной Африки была предоставлена слишкомъ большая свобода инициативы, то это не замедлило бы вызвать еще болѣе крупныя несправедливости, чѣмъ тѣ, въ которыхъ англичане по-

винны по отношенію къ бурамъ. Дѣйствительно, великобританское правительство должно еще держать въ Африкѣ значительную часть своей арміи, чтобы держать въ рукахъ побѣжденныхъ буровъ, африкандеровъ, проявляющихъ тенденціи къ независимости, угнетаемыхъ кафровъ и укрѣпить тамъ «британскій миръ», вопреки даже своимъ же соотечественникамъ. Поэтому-то южно-африканскія колоніи не являются для Англіи источникомъ силы: скорѣе онѣ грозятъ создать для нея вдали отъ метрополіи новую Ирландію.

Взятыя въ цѣломъ, британскія колоніи, т.-е. тѣ мѣстности на земномъ шарѣ, въ которыхъ обосновались и занимаютъ господствующее положеніе колонисты англійскаго происхожденія и говорящіе на англійскомъ языкѣ,—эти колоніи, по численности своего населенія, вовсе не занимаютъ такого выдающагося положенія въ мірѣ, какое можно было бы за ними предположить, судя по вниманію, которое удѣляется имъ въ современной исторіи; населеніе этихъ колоній едва ли превышаетъ миллионъ двѣсти тысячъ человѣкъ, т.-е. оно далеко не достигаетъ одной сотой численности рода человѣческаго; но колоніи эти пользуются престижемъ, который даютъ имъ размѣры ихъ торговли, важность ихъ промышленности, ихъ, такъ сказать, вседѣйствіе благодаря путешествіямъ, и политическая связь ихъ съ Англіей, которая, по мѣрѣ надобности, всегда поддерживала ихъ присылкой своихъ судовъ. Кромѣ того, значеніе этихъ колоній среди народовъ значительно повысилось благодаря своего рода нервной системѣ, такъ какъ Великобританія въ теченіе второй половины девятнадцатаго столѣтія постепенно и методически присоединила къ своему флоту другое орудіе мірового владычества, а именно: она соединила свой островъ съ большинствомъ своихъ владѣній въ Африкѣ, Азій, Австраліи и Америкѣ при помощи сѣти подводныхъ кабелей; эта сѣть давала, къ тому же, Англіи возможность первой получать различныя извѣстія по телеграфу и держала въ своей зависимости всѣ тѣ народы, которые получали прежде свѣдѣнія объ отдаленныхъ событіяхъ въ извращенномъ и ложномъ видѣ.

Едва ли можно преувеличить важность австралийскаго материка съ точки зрѣнія той роли и того источника матеріальной силы, который онъ представляетъ для Англіи, благодаря тому крупному вкладу, который эта колонія вноситъ въ такъ называемую «англо-саксонскую» форму цивилизаціи. Австралія представляетъ одну изъ вѣтвей громаднаго «британскаго треножника», поставленнаго на земномъ шарѣ. Правда, вслѣдствіе малочисленности своего населенія, которая равнялась въ 1905 году приблизительно 4 миллионамъ человѣкъ, она не можетъ быть поставлена на одну доску съ Великобританіей или Сѣверной Америкой; но приходится въ данномъ случаѣ считать не столько съ численностью населенія, сколько съ размѣрами и географическимъ положеніемъ тер-

риторіи и съ ея господствующимъ положеніемъ во всей Океаніи, въ центрѣ гигантскаго полукруга, образуемаго линіей материковъ. Австралія является для англо-саксонскаго языка и культуры такимъ же яркимъ центромъ, какъ Англія или Соединенные Штаты. Благодаря Австраліи и Новой Зеландіи англійскіе путешественники, отправившіеся изъ Ливерпуля или Соутгэмптона, могутъ совершить кругосвѣтное плаваніе, останавливаясь только въ британскихъ портахъ: Капштадтъ или Адень, Мельбурнъ или Коломбо, Дурбанъ или Сидней, Портъ-Стэнли (Фалькландскіе или Малупинскіе острова) или Святая Елена; при этомъ они свободно могутъ себѣ воображать, что англійскій языкъ—это языкъ всего рода человѣческаго. Конечно, это—иллюзія, и поэтому—опасно, но смѣлость англичанъ отъ этого сознанія только возрастаетъ.

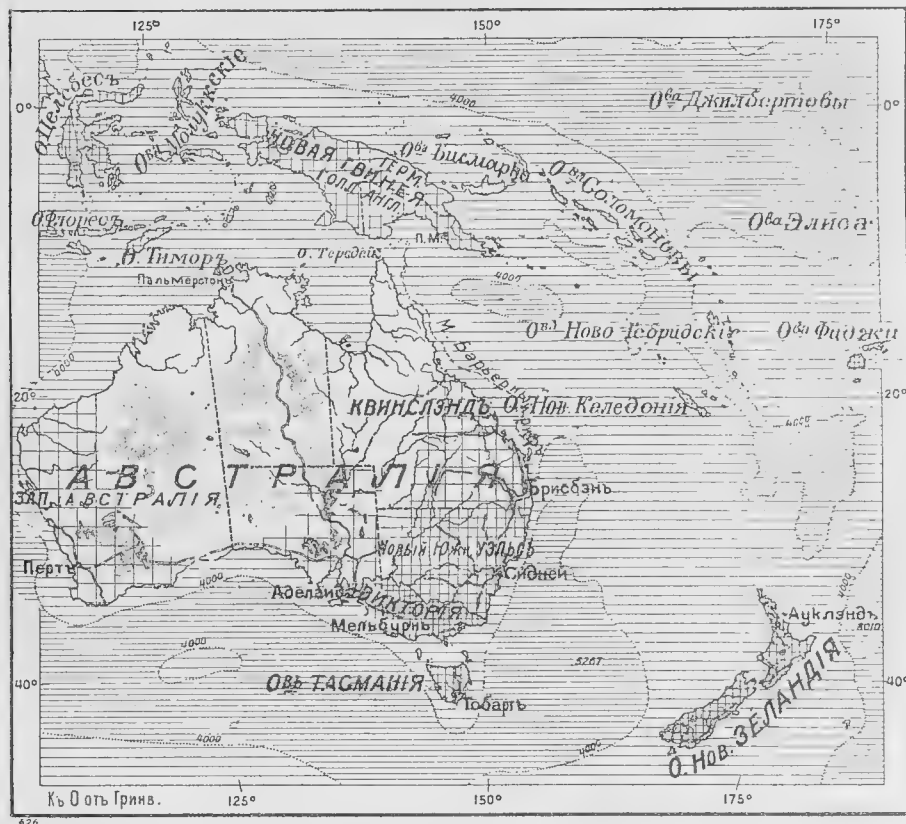
Не столь давно жестокія и постоянныя неудачи англійскаго правительства въ южно-африканской экспедиціи заставили его обратиться съ призывомъ къ британскимъ колоніямъ и попросить у нихъ моральной поддержки; мало того—помощи войсками и военными средствами. Тропутья этимъ призывомъ, который подчеркивалъ передъ лицомъ всего міра ихъ возрастающее политическое значеніе, и поддавшись, къ тому же, въ значительной степени обаянію, всегда весьма сильному, наибританскаго патріотизма, автономныя колоніи поспѣшили сочувственно откликнуться на обращеніе своей матери-родины; во всякомъ случаѣ, отъ нихъ потребовалось довольно много, чтобы припять свою долю участія въ тѣхъ жертвахъ, которыя пришлось понести Англіи, какъ ей самой, такъ и ея Капской колоніи, лежащей въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ театромъ войны. Впрочемъ, ихъ жертвы не были даровыми: метрополіи пришлось дорого за нихъ заплатить, во-первыхъ, въ видѣ высокихъ окладовъ жалованья—плата волонтеру изъ колоній въ пять разъ превышала вознагражденіе, получаемое англійскимъ «то м м н»),—а, во-вторыхъ, въ видѣ различныхъ торговыхъ привилегій и даже въ видѣ прямого участія въ управленіи общими дѣлами.

Несмотря на то, что въ началѣ двадцатаго столѣтія все населеніе шести ¹⁾ «колоній», пользующихся самоуправленіемъ, представляетъ по численности своей только одну пятую часть всѣхъ живущихъ на свѣтѣ англичанъ; несмотря на то, что нѣкоторыя изъ этихъ эмансипированныхъ государствъ обладали лишь очень немногочисленнымъ населеніемъ,—200000 жителей на Новой Землѣ, 60000 бѣлыхъ въ Наталѣ (1901 г.),—эта сравнительно ничтожная часть «Великой Британіи» получила право участія въ совѣтѣ обширной ассоціаціи: отнынѣ Оттава, Мельбурнъ, Веллингтонъ, Капштадтъ, Сентъ-Джонъ, Питермарицбургъ раздѣляютъ

¹⁾ Теперь ихъ восемь съ тѣхъ поръ, какъ была официально признана независимость за Трансваалемъ и Оранжевой республикой (1907 г.).

съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ и вестминстерскимъ парламентомъ право государственной инициативы, и притомъ de facto въ большей мѣрѣ, чѣмъ это установлено официально. На смѣну англійской политики

№ 526. Густота населенія въ Австраліи.

1 : 60 000 000

0 1000 2000 3000 КИЛОМ.

Густота населенія приблизительно обратно пропорціональна величинѣ квадратиковъ, которые нанесены на карту на обитаемой территоріи; иначе говоря, каждый квадратикъ изображаетъ отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ жителей.

Подъ названіемъ Австраліи понимаются Австралія, Новая Зеландія, острова Фиджи, англійская Папуасія и промежуточные острова.

П.М. въ Папуасіи—Портъ Моресби. См. стр. 37.

является дѣятельность, регулируемая интересами панбританизма—работа болѣе медленная, болѣе сложная, притомъ не ограниченная исключительно предѣлами Европы, но руководимая всемірными интересами.

Естественно, что всякая историческая эволюція идетъ дальше своей дѣли: лица, которые силою событій выдвинуты на первый планъ, какъ

первовѣстники надвигающихся переменъ, со страстью отдаются воодушевляющей ихъ идее и склонны преувеличить ея цѣнность; въ порывѣ увлеченія они желаютъ сдѣлать изъ нея панацею отъ всѣхъ золъ, настоящихъ и будущихъ. Въ періодъ несчастій явилась мысль о желательности и даже необходимости призвать къ сотрудничеству колоніи, и вотъ теперь, когда съ каждымъ днемъ растетъ ихъ населеніе, ихъ финансы и военные средства, англійскіе патріоты тѣшатся мечтой, что эти колоніи окажутъ имъ такую же дѣйствительную помощь противъ могущественнаго соперника, въ родѣ Германіи, Россіи или Сѣверо-Американской республики. Но это не все: возможно вѣдь этотъ наступательный и оборонительный союзъ подготовить исподволь въ области коммерческихъ отношеній, въ ожиданіи того момента, когда выгоды его можно будетъ реализовать въ военномъ конфликтѣ! Вотъ тотъ проектъ, который зародился въ умахъ политиковъ и который, повидимому, привлекъ къ себѣ симпатіи наиболѣе пламенныхъ патріотовъ. Но эта идея, если бы ей суждено было привиться къ Великобританіи и ея колоніямъ, несомнѣнно, представляла бы громадный шагъ назадъ во всей современной исторіи Англіи; она явилась бы своего рода измѣной ея славному прошлому, тому прошлому, которое высоко выдвинуло англійскую націю среди другихъ націй, населяющихъ землю, доставило ей репутацію піонера — если не «свободной» торговли, то, во всякомъ случаѣ, торговли, болѣе или менѣе освобожденной отъ многочисленныхъ путъ, — тому прошлому, которое какъ бы оставило завѣтъ продолжателямъ дѣла Кобдена. Конечно, англійскія колоніи явились цѣнными союзниками въ панбританской торговлѣ, но, каково бы ни было ихъ значеніе въ данномъ отношеніи, онѣ не могутъ претендовать на то, чтобы сравниться со всѣмъ остальнымъ міромъ.

И затѣмъ естественная тенденція всякой колоніи — это развивать свою автопомію сообразно спеціальнымъ условіямъ, которыя создаетъ для нея особый характеръ окружающей среды. Земля все еще не настолько мала, хотя взаимное сближеніе идей и интересовъ сдѣлало уже значительные успѣхи, чтобы Канада, Капская и Австралійскія колоніи, которыя стремительно несутся въ авангардѣ жизни, почувствовали себя дѣйствительно чѣмъ-то единымъ со своей европейской старой матерью: послѣ проявленій дружественныхъ и нѣжныхъ чувствъ онѣ снова отдаются своему естественному влеченію, которое толкаетъ ихъ на свой собственный путь развитія, и стремятся отдѣлиться отъ своей родоначальницы. Національное единство между метрополіей и колоніями еще на долгое время сохранить свой религіозный и традиціонный характеръ, но ничто не помѣшаетъ этимъ колоніямъ вступить, наконецъ, и утвердиться на самостоятельномъ пути развитія. Уже теперь все измѣнилось; стоитъ переѣхать черезъ Атлантическій или Тихій океанъ, и безъ труда

можно въ томъ убѣдиться, что «Новыя Англіи» обнаруживаютъ лишь очень отдаленное сходство со старой.

Возьмемъ для примѣра Австралію, первоначальное назначеніе кото-

№ 527. Отъ Аделаиды до Сиднея.

1: 12 000 000

0 100 300 600 килом.

Согласно акту объединенія (1901), столица австралийской федераціи должна находиться на территоріи Новаго Южнаго Уэльса, вблизи границы его съ Викторіей. Послѣ того какъ были отклнены кандидатуры Тумута (Т) и Бомбалло (В), выборъ штатовъ остановился на Далгетти. Временно резиденція правительства федераціи находится въ Мельбурнѣ.

рой было служить филиальнымъ отдѣленіемъ тюремъ Соединеннаго Королевства. Когда стало очевиднымъ, что этому мѣсту ссылки суждено

стать населенной колоніей, англійская аристократія, которая въ то время диктовала законы въ британскомъ Парламентѣ, изобрѣла цѣлую хитроумную махинацію для того, чтобы New South Wales (Новый Южный Уэльсъ), единственная австралійская колонія, которая была въ ту эпоху конституирована въ штатъ, сохранила, какъ и ея родина-мать, раздѣленіе земель на крупныя помѣстья, такъ что обрабатывающіе эти земли сельскохозяйственные рабочіе никогда не могли бы стать ихъ собственниками. Начали съ того, что провели законъ, который запрещалъ продажу земельныхъ участковъ ниже извѣстной цѣны и притомъ весьма высокой, стало-быть, недоступной бѣднымъ переселенцамъ; съ другой стороны, былъ фиксированъ максимумъ заработной платы. На ряду съ этимъ, разъ покупка земли сдѣлана была недоступной для пролетаріевъ, она должна была быть облегчена богатымъ предпринимателямъ; для послѣднихъ покупка была замѣнена концессіями, которыя предоставляли имъ право пасти стада на огромныхъ пространствахъ, измѣряемыхъ тысячами и десятками тысячъ гектаровъ,—право, которое обычаемъ должно было бы за давностью превратиться въ право собственности на данныя помѣстья. Надѣялись, что такимъ образомъ принудительный трудъ ссыльных сохранится въ иной формѣ, и что обширный контингентъ скудно оплачиваемыхъ рабочихъ, исключенныхъ изъ числа собственниковъ, будетъ продолжать изъ столѣтія въ столѣтіе разработку земельныхъ богатствъ, аналогичную тому, какъ англійскимъ крестьянамъ приходится обрабатывать неотчуждаемыя помѣстья землевладѣльцевъ. Къ тому же, можно было ожидать, что феодальный режимъ будетъ упроченъ благодаря рабской покорности туземцевъ, которыхъ могли «нанять» колонисты-собственники, т.-е. взять ихъ во временную кабалу при помощи простого прошенія, бумаги, редактированной и подписанной ими же самими безъ всякихъ справокъ и юридическаго контроля ¹⁾).

Открытіе золотыхъ мѣсторожденій, затѣмъ быстрый потокъ европейской иммиграціи и сильныя экономическія потрясенія разстроили эти прекрасныя планы, но все-таки не разрушили ихъ совсѣмъ; во всякомъ случаѣ, земельная аристократія добилась того результата, что въ Австраліи не существуетъ класса крестьянъ. Нѣтъ также и огородниковъ, за исключеніемъ развѣ окрестностей городовъ, гдѣ небольшое количество китайцевъ разводитъ овощи для мѣстнаго потребленія, а также штата Викторіи, гдѣ пригороды Мельбурна превратились въ обширныя огороды.

Такая организація землевладѣнія на территоріи Австраліи является одной изъ причинъ того, что населеніе стало почти исключительно городскимъ: такой городъ, какъ Мельбурнъ, включаетъ около половины всего числа жителей, населяющихъ колонію, въ которой онъ является

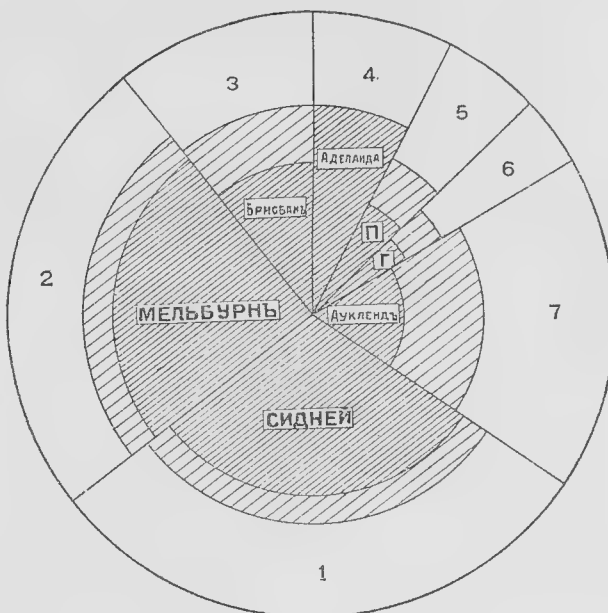
1) J. B. Gribble, «Pall-Mall Gazette», 5 août 1886.

столицей. Однако, если крупнымъ землевладѣльцамъ Австраліи и удалось удержать въ своихъ рукахъ полное право собственности надъ ея землями и воспрепятствовать рабочимъ имѣть на нихъ свое постоянное жительство, то, съ другой стороны, эти послѣдніе, стригальщики овецъ и пр., выработали

себѣ, благодаря своему образу жизни, почти коммунистическіе права, которые могутъ дать имъ непреодолимую силу въ социальной борьбѣ противъ эксплуататоровъ труда. Вынужденные во время сезона стрижки овецъ массами оставлять города и быстро отправляться на отдаленныя пастбища, рабочіе должны были вести хозяйство на артельныхъ началахъ, чтобы обезпечить себя въ дорогѣ съѣстными припасами. На самомъ мѣстѣ своей ежедневной работы они живутъ въ

длинныхъ и высокихъ баракахъ, гдѣ вдоль стѣнъ поднимаются въ три этажа три ряда коекъ, какъ въ междупалубныхъ пространствахъ судовъ, и ѣдятъ всегда за общимъ столомъ. Они никогда не садятся за столъ, не посмотрѣвъ предварительно наружу барака, нѣтъ ли поблизости случайнаго путника, чтобы пригласить его принять участіе въ ихъ трапезѣ. Если же они никого не видятъ, то все же прокричатъ во все горло: «Any travellers about? Come on, mates» ¹⁾!

Жители колоніи Викторія, лежащей въ юго-восточной части австралийскаго материка, долгое время считали себя, и притомъ съ полнымъ

Австрализійскія колоніи.

Населеніе городовъ и деревень.

Густая штриховка показываетъ населеніе главныхъ городовъ Капской колоніи, болѣе рѣдкая штриховка—населеніе второстепенныхъ городовъ, бѣлый цвѣтъ—населеніе деревень.

1. Новый Южный Уэльсъ. — 2. Викторія. — 3. Квинслендъ. — 4. Южная Австралія. — 5. Западная Австралія. — 6. Тасманія. — 7. Новая Зеландія.

Бр. = Брисбенъ. — Адел. = Аделаида. П. = Пертъ. — Г. = Гобартъ-Тоунъ. — Аук. = Ауклендъ.

1) J. A. Andrews, «Humanité Nouvelle», août. 1898. — «Нѣтъ ли кого въ окрестностяхъ? Къ столу, товарищъ»!

правомъ, стоящими на болѣе высокой ступени социальнаго развитія, чѣмъ другіе иммигранты Австраліи, такъ какъ режимъ принудительныхъ работъ на чужихъ земляхъ лишь слегка коснулся страны, и почти все населеніе ея состояло изъ искателей золота, полныхъ смѣлости и отваги; въ ихъ числѣ было даже немало политическихъ эмигрантовъ, изгнанныхъ изъ Европы за отстаиваніе своихъ идеаловъ. Духъ жителей былъ болѣе свободолюбивый, болѣе склонный къ равенству, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и результаты такого настроенія сказались на всемъ укладѣ жизни, даже на мѣстномъ правительствѣ, которое во многихъ случаяхъ дѣйствовало сообразно господствующимъ свободолюбивымъ тенденціямъ, не боясь обвиненій со стороны благомыслящихъ экономистовъ въ склонности къ социализму. Кромѣ того, несмотря на то, что территорія ея занимаетъ сравнительно небольшое пространство, несмотря на то, что она на полъ-стоletія моложе «Новаго Уэльса», Викторія опередила даже въ одинъ прекрасный день Уэльсъ по численности населенія; въ настоящее время Викторія занимаетъ, безспорно, первое мѣсто по количеству жителей на квадратный километръ; но эта густота населенія все еще невелика въ сравненіи съ природными богатствами данной мѣстности.

Ростъ австралійскаго населенія идетъ довольно медленно, что обуславливается многими причинами. Прежде всего рабочее населеніе, слѣдя ревнивымъ окомъ за рынкомъ труда, сумѣло добиться проведенія такихъ законовъ, которые ставили такія затрудненія допущенію въ его среду, хотя бы и временному, вновь прибывающихъ, что ни одинъ иммигрантъ не можетъ удовлетворить поставленнымъ требованіямъ, если ему не удастся списать благосклонности офицера, предсѣдательствующаго на экзаменѣ прибывающихъ. Такъ, напримѣръ, однимъ изъ условій является диктовка въ пятьдесятъ словъ на одномъ изъ европейскихъ языковъ, по выбору властей. Такимъ образомъ, для блага вопросъ о его допущеніи или отправкѣ обратно рѣшается произволъ; что же касается желтыхъ, то для нихъ запрещеніе безусловно. На иностранцевъ, которые обосновались въ колоніи при прежнемъ режимѣ терпимости, смотрятъ косо и нерѣдко причиняютъ имъ непріятности; наконецъ, бѣлые Новаго Свѣта Австраліи, вѣрные той идеѣ, по основательномъ размысленіи ошибочной, что чѣмъ меньше народа населяетъ данную мѣстность, тѣмъ легче пробиваться въ жизни, начинаютъ усваивать себѣ права нео-мальтузіанскаго благоразумія. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что заселеніе австралійскихъ земель пойдетъ шагъ за шагомъ, вездѣ, гдѣ открываются новыя области приложенія человеческого труда, гдѣ сѣтъ желѣзныхъ дорогъ, проникая далеко вглубь страны, облегчаетъ возникновеніе городовъ. Объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ въ одну республику уже вызываетъ необходимость постройки двухъ рельсовыхъ линій черезъ материкъ: одна изъ нихъ должна соединить

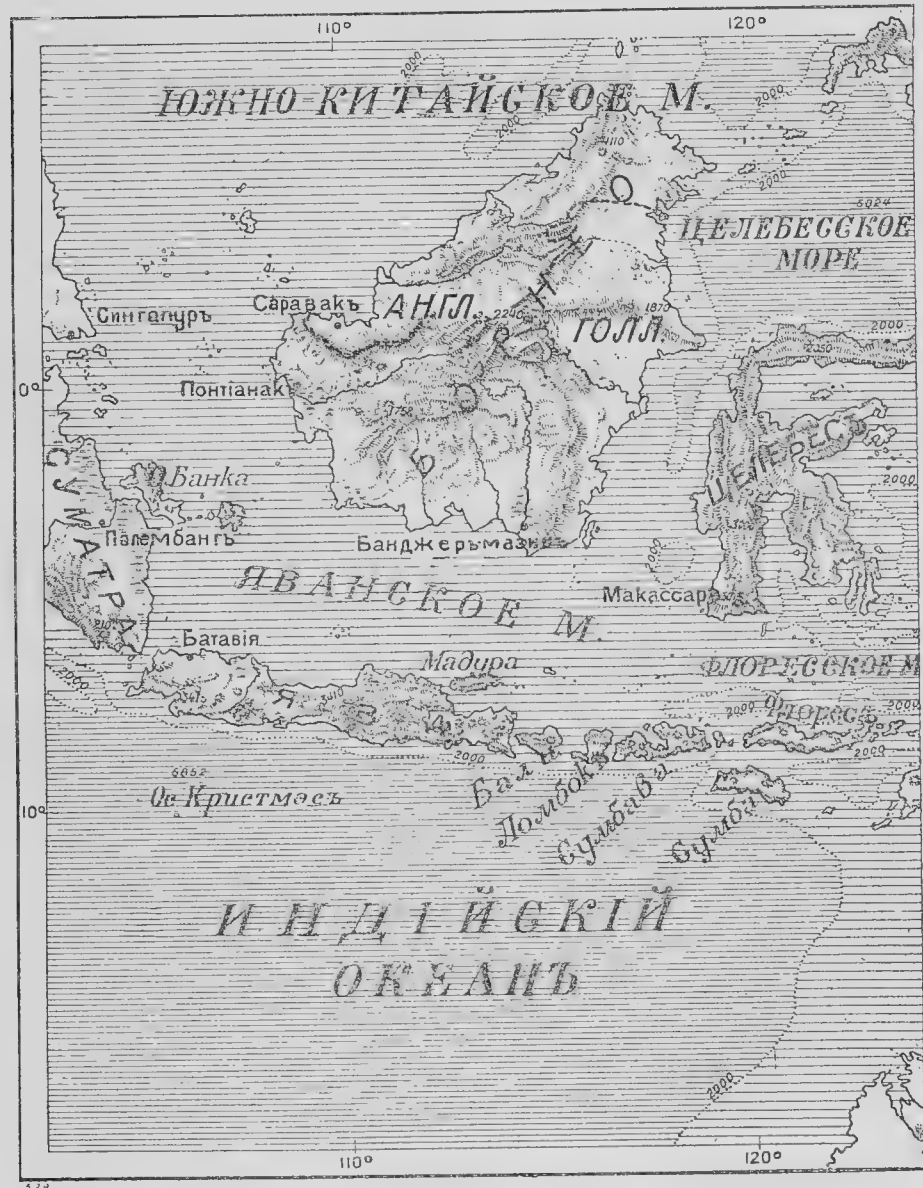
всю густую желѣзнодорожную сѣть восточной части страны съ значительно менѣе многочисленными линіями Западной Австраліи (Вестраліи), которая омывается водами Индійскаго океана; другая пересѣкает материкъ съ юга на сѣверъ и тянется отъ Аделаиды до Пальмерстона¹⁾. Для одного того, чтобы явилась возможность заселить всѣ промежуточные станціи и телеграфные посты указанныхъ двухъ дорогъ, необходимо, чтобы увеличилась численность населенія. Но, какъ ни бесплодна большая часть австралійской почвы, все же количества удобныхъ для культуры земель хватитъ для прокормленія не одного еще милліона людей; слѣдуетъ поистинѣ удивляться тому, что австралійцы такъ ревностно стараются отстранить переселенцевъ, которые направляются къ берегамъ Австраліи, преимущественно къ сѣвернымъ, омываемымъ Арафурскимъ моремъ. Такъ какъ страна лежитъ въ тропическомъ поясѣ, то климатъ ея не особенно располагаетъ англійскихъ переселенцевъ остановиться на ней свой выборъ; они рѣдко отправляются искать счастья въ страну, гдѣ средняя температура достигаетъ 24 градусовъ Цельзія, т.-е. приблизительно на 15 градусовъ выше, чѣмъ на ихъ родинѣ. Но если англо-саксы, которые завладѣли территоріей по праву завоевателей, лишь въ небольшомъ числѣ поселяются въ этихъ прекрасныхъ мѣстностяхъ, въ общемъ плодородныхъ и обладающихъ превосходными гаванями; если населенныя мѣста представляютъ собою пока лишь скромныя деревни, то находятся другіе люди, которые въ поискахъ за землями, удобными для колонизаціи, были бы весьма счастливы имѣть возможность обосноваться на новыхъ земляхъ австралійскаго міра. Китайцы, японцы, малайцы ничего бы лучшаго и не желали, какъ явиться сюда массами; но небольшія британскія колоніи побережья единогласно высказались противъ всякихъ попытокъ колонизаціи при помощи людей указанныхъ расъ, которыя въ ихъ глазахъ являются низшими. Однако, силою вещей такое положеніе, въ концѣ концовъ, должно измѣниться: и теперь уже, несмотря на законы, изданные правящими сословіями Австраліи, не кто иной, какъ китайцы нагружаютъ и разгружаютъ суда передъ набережными Пальмерстона; не кто иной, какъ они, распахиваютъ почву въ его окрестностяхъ.

Очевидно, что одинъ изъ жизненныхъ центровъ міровой торговли долженъ будетъ находиться въ проливѣ Торреса, на восточной оконечности той дивной цѣпи острововъ, западные звенья которой доходятъ до самаго Сингапура. Деревня Сомерсетъ, на самой оконечности Юркскаго полуострова, рынокъ на Сёрсдэй-айлэндъ — островъ Четверга, лежащій у гавани, усиленно посѣщаемой рыбаками, торгующими перламутромъ и голотуріями, бытъ-можетъ, также Портъ-Моресби на Новой

1) См. карту № 526, стр. 31.

Гвиней—вотъ въ настоящее время единственные слѣды будущаго Лон-

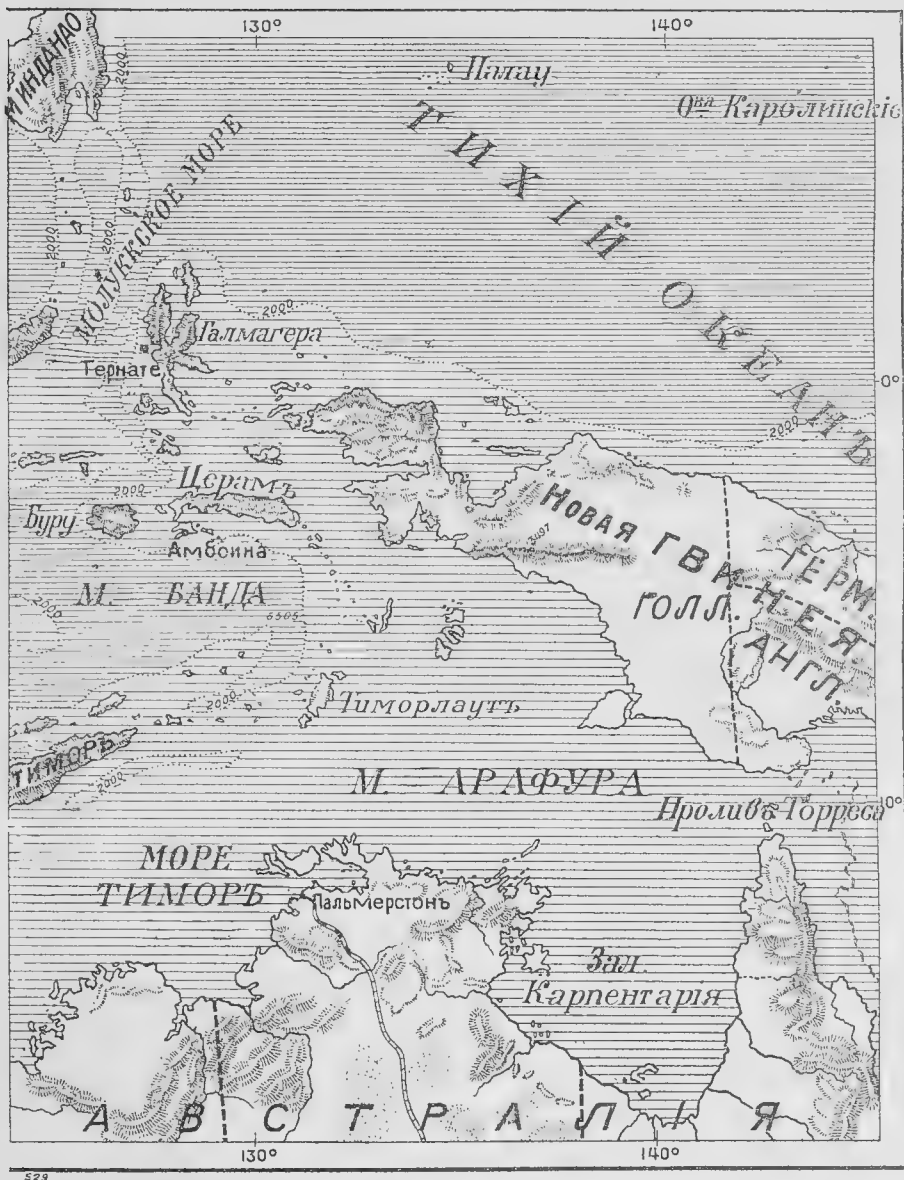
№№ 528 и 529. Индонезія

Объ карты №№ 528 и 529 являются непосредственнымъ продолженіемъ другъ друга и имѣютъ одинаковый масштабъ.

дона или Нью-Йорка, который, надо того ожидать, возникнетъ въ Торресовомъ проливѣ, при посредствѣ котораго соединяются два океана, и

которымъ заканчивается дивная цѣпь острововъ, тянущаяся на протя-
отъ Сингапура до Торрессова пролива.

1: 20 000 000

0 250 500 1000 килом.

женіи пяти шести тысячъ километровъ, начинаясь на западѣ Суматрой
и заканчиваясь на востокѣ островами Папуа. Нигдѣ на всей поверх-

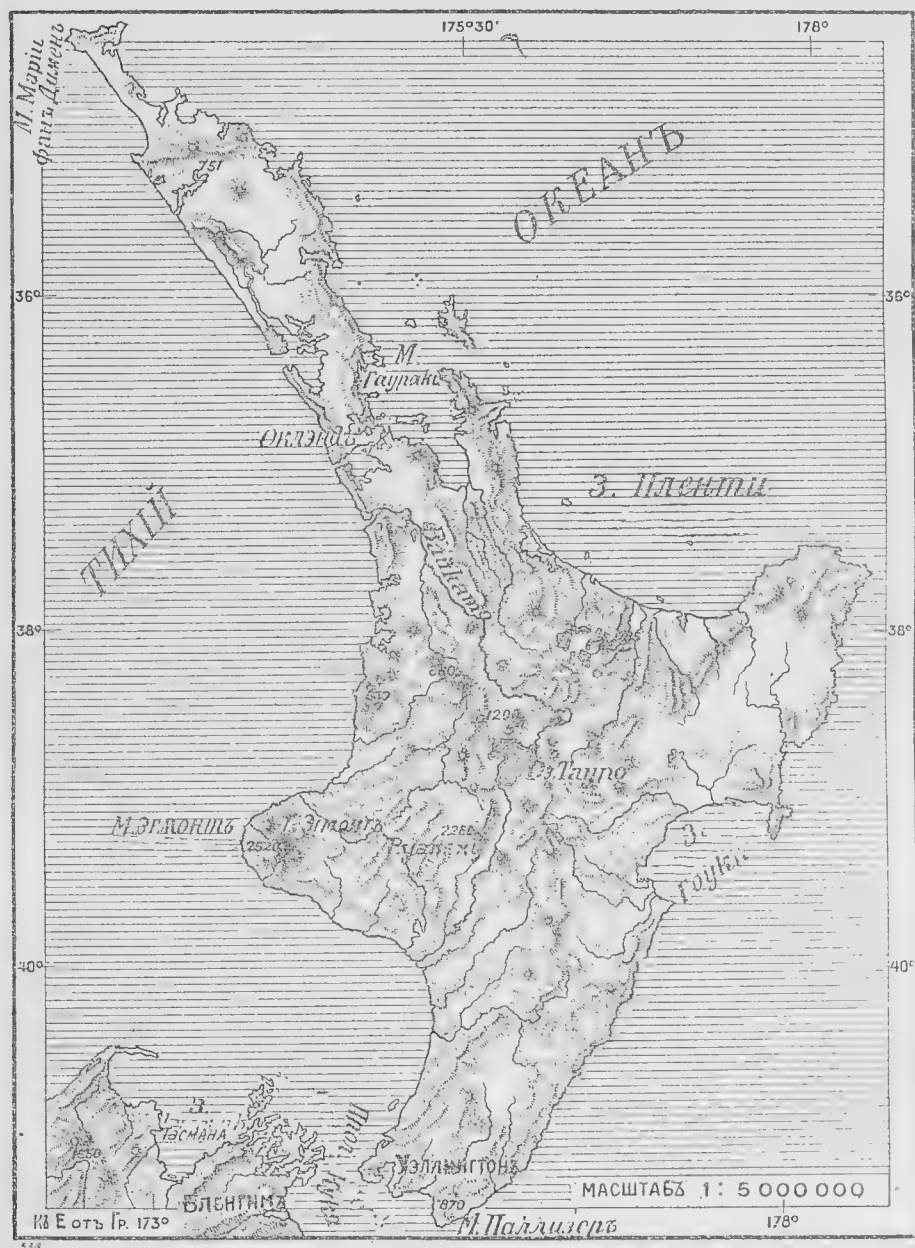
ности нашей планеты нѣтъ земель столь богатыхъ, столь обильныхъ всевозможными дарами природы, нигдѣ не развертываются эти дары такой пышной, такой грандіозной картиной. Съ перваго взгляда кажется необъяснимымъ, что близъ этихъ триумфальныхъ воротъ на несравненномъ морскомъ пути возникло лишь нѣсколько деревень:—вотъ фактъ, который черезъ какое-нибудь столѣтіе трудно будетъ понять. Правда, плаваніе въ окрестныхъ областяхъ моря весьма опасно вслѣдствіе коралловыхъ рифовъ, въ особенности близъ «Большого барьернаго рифа»; но человѣкъ имѣетъ вѣдь въ своемъ распоряженіи маяки, буи, вѣхи, опытность и проницательность лоцмановъ, а въ случаѣ надобности также взрывчатые средства и землечерпательныя машины!

Къ востоку отъ этой естественной границы между Австраліей, въ собственномъ смыслѣ слова, и Океаніей «Великобританскій» міръ представленъ еще рядомъ весьма важныхъ острововъ, а именно тѣми, которые входятъ въ составъ Новой Зеландіи и архипелага Фиджи. Другія державы также имѣютъ свою долю въ данной области Тихаго океана: Германія завладѣла главными островами Меланезіи и, въ силу договора (1899 года), раздѣлила обладаніе островами Самоа съ Соединенными Штатами, тогда какъ острова Тонга были покинуты Англіей; совместно съ этой послѣдней державой Франція управляетъ Новыми Гебридскими островами; съ давнихъ временъ она завладѣла Новой Каледоніей, не столько для того, чтобы развить на ней колонизаторскую дѣятельность, сколько для того, чтобы учредить здѣсь мѣсто ссылки политическихъ и уголовныхъ преступниковъ; такое положеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, австралійскія колоніи не возвысили своего голоса и не сумѣли добиться того, чтобы французскихъ ссыльных направляли въ другія мѣста; наконецъ, и австралійская федерація, вступая, въ свою очередь, на путь міровой политики, получила отъ Сенъ-Джемскаго кабинета власть надъ англійской частью Новой Гвинее; папуасы доставятъ рабочую силу на болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели китайцы или японцы.

Упомянутыя земли Океаніи, каково бы ни было значеніе, которое онѣ со временемъ могутъ получить, представляютъ весьма небольшую важность въ сравненіи съ обоими островами Новой Зеландіи, которые, по своей мощи, могутъ быть разсматриваемы какъ вторая Англія. Поверхность этихъ острововъ почти такъ же велика, какъ и Англія, а ихъ населеніе, которое по численности своей представляетъ пока приблизительно лишь одну пятидесятую часть населенія Британскихъ острововъ, является, конечно, отборнымъ, по сравненію съ жителями матери-родины. Первые англійскіе иммигранты, явившіеся въ 1840 году, остановили свой выборъ на мѣстности, которая уже свидѣтельствовала въ пользу ихъ умѣнія произвести должную оцѣнку, такъ какъ этотъ портъ

Никольсонъ, расположенный какъ-разъ въ центрѣ архипелага и господ-

№ 530. Стѣверный островъ Новой Зеландіи.

ствующій надъ главнымъ проливомъ, названный въ честь Кука его именемъ, не замедлилъ стать крупнымъ торговымъ центромъ и мѣстомъ,

гдѣ сходятся люди; которымъ предстоитъ обосноваться въ его окрестностяхъ; на берегу этой-то бухты и былъ построенъ городъ Веллингтонъ, столица обоихъ острововъ; по численности населенія ее обогналъ впоследствии Ауклендъ.

Лица, руководившія переселенческимъ движеніемъ въ Новую Зеландію, прежде всего захотѣли, какъ это они попытались сдѣлать въ Австраліи, ввести здѣсь общественный укладъ, который былъ бы слѣпленъ по типу аристократической Англіи, съ неотчуждаемыми помѣстьями, церковными приходами, стадами трудолюбивыхъ крестьянъ и вѣрныхъ прихожанъ. Новая Зеландія, обнаруживая сходство со своей родиной-матерью, находящейся на антиподѣ, по своему климату, по плодородію почвы стала походить на нее также въ политическомъ и социальномъ отношеніи. Здѣсь появилась та же земельная аристократія, что и въ Великобританіи, тотъ же контрастъ между собственниками и неимущими рабочими; но ново-зеландскимъ помѣщикамъ не доставало того престижа, который даетъ длинная родословная предковъ, и традиціонной отупѣлости поработенныхъ крестьянъ. Пролетаріатъ новой колоніи не успѣлъ еще согнуться подъ бременемъ эксплуатаціи, какъ открылась война въ различныхъ формахъ: стачки, процессы, стычки во время избирательной кампаніи, оскорбленія и насилія. На этотъ разъ дѣло справедливости, поддержанное весьма внушительнымъ численнымъ большинствомъ, восторжествовало надъ партіей монополіи на землю; партія эта, къ тому же, была представлена благородными борцами «по довѣренности»; все, что народъ могъ сдѣлать при помощи своей силы, онъ совершилъ и разрушилъ весь механизмъ управленія и законовъ, который накладывалъ на него тяжелыя путы (1891). Революція была, конечно, неполной, значительно ниже того идеала, во имя котораго она поднялась, но, тѣмъ не менѣе, это была революція, по результатамъ своимъ болѣе дѣйствительная, чѣмъ многія другія, болѣе кровопролитныя¹⁾.

Начиная со слѣдующаго года, наплывъ иммигрантовъ силою разрушилъ приготовленные для нихъ стѣснительныя рамки; въ противовѣсъ колоніямъ стараго оффиціального типа, основаннымъ англійскими элементами, возникли, въ особенности на южномъ островѣ, шотландскія общины, принадлежащія къ «Free Kirk», или «Свободной церкви»; затѣмъ были открыты мѣсторожденія золота, и вскорѣ на антиподѣ европейской Англіи образовалась Англія въ миниатюрѣ, но Англія болѣе молодая, въ которой были сильно представлены элементы социалистическаго обновленія. Такимъ образомъ, колонія, помня правы и политику метрополіи, задавалась цѣлью быть лучше послѣдней и явиться для нея образцомъ, реформировавъ у себя основы землевладѣнія, уничтоживъ правы абсен-

1) Henry Demarest Lloyd, «National Geogr. Magazine», sept. 1902, p. 345.

тензма, облегчая земледѣльцамъ доступъ къ землѣ, а рабочимъ — индустріальную работу. Ново-зеландское общество поставило себѣ задачу — положить конецъ конфликтамъ между капиталомъ и трудомъ, и хотя этотъ идеалъ и не получилъ осуществленія, правители новой страны все же думаютъ, что могутъ преподать политическое евангеліе устарѣлымъ представителямъ метрополіи. Новая Зеландія — это первая страна, которая допустила женщинъ къ избирательнымъ урнамъ; примѣру ея послѣдовала Австралія и, кромѣ того, дала женщинамъ пассивное избирательное право; впрочемъ, это нововведеніе, повидимому, лишь очень незначительно измѣнило соотношеніе силъ политическихъ партій.

Берега Фиджи.

Большинство океанійскихъ острововъ окружено поясомъ коралловыхъ рифовъ, вслѣдствіе чего плаваніе становится опаснымъ. Открытое море находится по другую сторону небольшой лѣсистой возвышенности.

Даже въ области отношеній своихъ къ туземному населенію новозеландскіе колонисты заслуживаютъ меньше упрековъ, чѣмъ большинство ихъ соотечественниковъ, обосновавшихся въ другихъ мѣстахъ земной поверхности. Впрочемъ, они должны помнить, что никогда еще никому не приходилось бороться съ такимъ благороднымъ противникомъ, какъ племя маори. Случилось имъ какъ-то встрѣтить отрядъ бѣлыхъ, который былъ истощенъ отсутствіемъ съѣстныхъ припасовъ, падалъ отъ усталости и могъ стать легкой добычей для туземцевъ; но послѣдніе тотчасъ дали имъ перемиріе и даже послали своимъ врагамъ половину своихъ припасовъ. «Чтобы сразиться съ вами, — сказали они, — мы подождемъ.

пока вы будете въ равномъ съ нами положеніи». Англичане ярко показали, что «цивилизованный» дѣйствительно превосходитъ дикаря въ искусствѣ убивать своего ближняго; но теперь, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, равноправіе дано бывшимъ хозяевамъ ново-зеландской почвы: они сохранили за собою свою долю собственности; они засѣдаютъ рядомъ съ бѣлыми въ народныхъ собраніяхъ; дѣти ихъ учатся въ тѣхъ же школахъ, что и бѣлые, и по способностямъ, въ общемъ, не уступаютъ послѣднимъ. Однако, раса находится въ состояніи упадка, если не считать нѣсколькихъ округовъ, гдѣ, вслѣдствіе скрещиванія, типъ маори растворился въ нахлынувшемъ англо-саксонскомъ населеніи. Потрясеніе быстрой соціальной эволюціи было слишкомъ сильнымъ для того, чтобы океаническая нація могла выдержать его побѣдоносно: ея способность къ воспримчивости новыхъ правъ оказалась недостаточной, по крайней мѣрѣ, на протяженіи жизни первыхъ двухъ поколѣній иммигрировавшей расы, такъ какъ теперь, повидимому, начался среди маори регрессъ. Отъ сотни тысячъ маорійцевъ, которые населяли территорію въ 1840 г., въ началѣ двадцатаго столѣтія осталось менѣе половины представителей расы: въ 1901 году насчитывалось 48143 маорійца ¹⁾. Совершенно вѣрно выразился одинъ маоріецъ въ разговорѣ съ англичаниномъ: «Наша крыса исчезаетъ передъ вашей; наша муха бѣжитъ отъ той, которую вы приносите съ собою, а насъ самихъ поѣдите вы!»

Кромѣ тѣхъ колоній-дочерей, къ которымъ Англія относится какъ къ равнымъ, и которыя входятъ какъ составная часть въ цѣлое, именуемое «Великой Британіей», существуетъ на поверхности нашей планеты немало такихъ областей, острововъ или континентальныхъ земель, которыми Англія владѣетъ, не заселяя ихъ работниками и гражданами, и гдѣ она не видитъ за собою никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ опеки надъ туземнымъ населеніемъ. Такая опека ненадежна и опасна, такъ какъ она находится въ зависимости отъ болѣе или менѣе значительныхъ интересовъ англійскихъ спекуляторовъ, для удовлетворенія которыхъ послѣдніе сумѣли заставить работать туземцевъ. Такъ, напримѣръ, въ самой Океаніи, въ предѣлахъ австралійскаго міра, для обозначенія котораго было придумано слово Австралазія, жителямъ острововъ Фиджи не приходится поздравлять себя съ тѣмъ, что ими управляютъ теперь англичане. Правда, что до высадки на берегъ миссіонеровъ и плантаторовъ жители Фиджи, люди видные, красивые, сильные, способные, находились въ плачевномъ періодѣ упадка: абсолютная монархія со

1) Перепись 1906 г. дала 43595 маорійцевъ, не считая 211 маорійскихъ женщинъ, вышедшихъ замужъ за бѣлыхъ, и 4028 метисовъ, живущихъ съ маори. Замѣчается, стало-быть, прогрессъ.

своими неизбежными послѣдствіями, всеобщая припиченность туземцевъ, затѣмъ практиковавшееся у нихъ людоедство, или церемонія «вкушенія большого кабана», которая носила сначала чисто-религіозный характеръ и въ послѣдствіи стала просто средствомъ террора, чтобы «держать въ ежовыхъ рукавицахъ низшіе классы населенія»; наконецъ, формы социальнаго уклада,—все это указывало на быстрый упадокъ; прибытіе европейцевъ только ускорило этотъ процессъ. Когда жители Фиджи сдались въ 1875 году англичанамъ, открытіе новаго порядка вещей ознаменовалось ужасной эпидеміей кори, которая унесла одну пятую часть населенія; начиная съ этого злополучнаго года, процессъ постепеннаго вымиранія, повидимому, не приостанавливался: въ 1881 г. жителей Фиджи насчитывалось 115000 человекъ; въ 1901 г. это число упало до 95000; впрочемъ, теперь выдается иногда годъ-другой, когда число рожденій превышаетъ число смертей. Что же касается моральнаго поднятія населенія, то неужели можно ожидать его осуществленія, разъ туземцы отстранены отъ управленія своими дѣлами, разъ они не владѣютъ даже пядью земли? Англійскіе плантаторы и туземные начальники низкимъ путемъ воспользовались постановленіемъ, которое позволяетъ имъ выдѣлять для наличнаго пользованія участки общественной земли.

Въ африканскихъ владѣніяхъ англичане держатъ въ своихъ рукахъ управленіе, смотрятъ очень свысока на чернокожее населеніе, изъ котораго имъ надлежитъ сдѣлать своихъ согражданъ и «братьевъ по вѣрѣ». О томъ, какъ относятся британскіе хозяева положенія къ своимъ опекаемымъ, можно судить по той необычайной разницѣ въ цѣнахъ на мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ, которая имѣетъ, очевидно, цѣлью разсортировать путешественниковъ и сдѣлать невозможнымъ соприкосновеніе между людьми разныхъ расъ. На желѣзныхъ дорогахъ Момбазы и Нianзы отношеніе, установленное между цѣной на мѣсто перваго и третьяго класса, равно двѣнадцати къ единицѣ¹⁾. Между однимъ человекомъ и другимъ царитъ духъ безусловнаго неравенства и даже отвращенія; возникло бы всеобщее неудовольствіе, если бы туземецъ, по отдѣлкѣ матеріи, обшивекѣ занимаемаго имъ мѣста въ отдѣленіи, осмѣлилъ вообразить себѣ, что принадлежитъ къ тому же классу, что и европеецъ, чванливо возсѣдающій въ первомъ.

Однако, уроки бѣлыхъ, болѣе или менѣе высокомерныя, и соприкосновеніе съ людьми, стоящими выше по интеллектуальному развитію и по своимъ значеніямъ, все же произвели свое дѣйствіе. Въ качествѣ примѣра можно привести жителей Фритауна или «Свободнаго города».

1) «Report on the Progress of the Mombasa-Victoria-Railway», 1897, 1898 гг. Bluebook, C. 8942.

Несмотря на всю свою разнородность, люди самого различного происхождения, которые составляют население Сьерры-Леоне и которые вынуждены были, не имѣя національнаго языка, англизироваться, принявъ языкъ своихъ прежнихъ господъ, — люди эти стали бесспорно цивилизующимъ элементомъ побережья. Они называютъ себя «англичанами» и, дѣйствительно, являются ими до пѣкоторой степени, проявляя такую же инициативу въ работѣ и въ коммерческихъ предпріятіяхъ: ремеслен-

° Сигири въ долинѣ Нигера.

Весь городъ цѣликомъ состоитъ изъ круглыхъ хижинъ.

ники Фритоуна—кузнецы, столяры, плотники, каменщики—пользуются превосходной репутаціей на всемъ побережьи.

Любая изъ многочисленныхъ частей и частицъ земной поверхности, которая Великобританія включила въ число своихъ владѣній, отличается отъ другихъ не только по множеству условій почвы, климата, по составу населенія, но также и по формѣ управленія и административному устройству, которыя различны, смотря по степени покорности туземнаго населенія и по стратегическому значенію данной мѣстности. Но дѣло въ томъ, что многія изъ этихъ владѣній являются «коронными колоніями», т.-е. такими землями, въ которыхъ монархъ Британскихъ острововъ считается полновластнымъ хозяиномъ, повелѣвающимъ по своей волѣ и не предоставляющимъ жителямъ колоніи никакой

автономии. Въ действительности эти подданные, разсѣленные вдали отъ Англіи, пользуются свободой, которую они сумѣли завоевать. Каждая «колонія» является театромъ маленькой мѣстной войны, которая подчасъ сопровождается кровавыми столкновеніями; въ общемъ, перипетіи этой борьбы представляютъ въ миниатюрѣ тѣ же явленія, что и великіе эпическіе конфликты, о которыхъ повѣствуется въ исторіи народовъ.

Обширный бассейнъ Нила, простирающійся отъ экваторіальныхъ

Деревенскія ворота въ Камерунѣ.

Сквозь ворота замѣтны прямоугольные дома, которые весьма малоотличаются отъ нашихъ хижинъ.

областей до Средиземнаго моря и отъ такъ называемыхъ горъ «Луны» до горъ Эѳіопіи, представляетъ совершенно особый міръ, ясно ограниченный, который не является ни переселенческой колоніей, ни эксплуатационной колоніей въ собственномъ смыслѣ слова, но который долженъ быть изученъ, какъ центръ англійскаго владычества, совершенно особо. Англичане держатъ въ своихъ рукахъ на правахъ завоевателей не только Египетъ, но и путь въ Индію; также точно Гибралтаръ и Мальта представляютъ для нихъ интересъ прежде всего потому, что даютъ имъ господство надъ большими путями Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, Египетъ составляетъ прежде всего стратегическую цѣнность, находясь въ центрѣ Стараго Свѣта, какъ-разъ на полпути отъ Англіи до Индостана, въ томъ мѣстѣ, гдѣ интересы торговли и

промышленности побудили прорыть Суэцкій каналъ, который можетъ быть, по желанію обладателей его, закрытъ въ любой моментъ; это пунктъ капитальной важности, обеспечивающій Великобританіи первое мѣсто, съ точки зрѣнія географической, среди другихъ міровыхъ державъ. Морскія станціи въ Аденѣ, Коломбо, Сингапурѣ, Гонгъ-Конгѣ, въ проливѣ Торреса и на островахъ Океаніи составляютъ громаднѣйшій поясъ укрѣпленій, равный въ цѣломъ по своему протяженію половинѣ земного экватора.

Теперешніе хозяева Египта сумѣли превосходно использовать громадныя матеріальныя богатства, которыя приносятъ нильскія поля. Сдѣлавшись совладѣльцами канала, держа въ рукахъ управленіе всѣми имуществами, заложенными у кредиторовъ страны, являясь соучастниками въ доходахъ съ налоговъ, взимаемыхъ съ милліоновъ феллаховъ, англичане управляютъ своимъ достояніемъ съ рѣдкой практичностью, которое, впрочемъ, значительно облегчается въ странѣ, гдѣ народъ, вымученный въ давнихъ временахъ палками жрецовъ и своихъ государей, продолжаетъ и теперь рабски пресмыкаться передъ сборщиками податей. Овладевъ жителями Египта, британское правительство наложило руку на сокровища фараоновъ, которыя оно сумѣетъ удвоить благодаря введенію техническихъ усовершенствованій въ промышленности. Древніе ожидали хорошихъ урожаевъ отъ доброй воли Нила; они принимали лишь самыя примитивныя мѣры для урегулированія наводненій, пользуясь для этого первобытными приспособленіями съ козьими мѣхами, играющими роль ведеръ. Между тѣмъ современныя сооруженія, которыя въ извѣстныхъ отношеніяхъ не имѣютъ себѣ равнаго въ мірѣ, регулируютъ теперь разливъ настолько хорошо, что воды распределяются самымъ совершеннымъ образомъ: теперь умѣютъ разумно использовать воды Нила до послѣдней капли. Прежде всего укрѣпили и дополнили большую плотину, которая регулируетъ стокъ воды по обоимъ рукавамъ дельты; затѣмъ построили двѣ другія монументальныя плотины на египетскомъ Нилѣ: одну у Сіута, приблизительно посрединѣ зоны посѣвовъ, другую близъ Ассуана, чтобы поддержать волны первой катаракты запасомъ воды, составляющимъ милліардъ кубическихъ метровъ; эта масса воды должна быть въ недалекомъ будущемъ удвоена либо путемъ повышенія плотины, либо постройкой новой плотины, расположенной нѣсколько выше по теченію рѣки. Нигдѣ экономическіе интересы не переплетаются съ такимъ обиліемъ старинныхъ воспоминаній, таинственныхъ легендъ, какъ здѣсь.

Въ Египтѣ каждый земледѣлецъ въ состояніи прокормиться своей скирдой пшеницы, а между тѣмъ на обоихъ берегахъ Нила живутъ теперь болѣе десяти милліоновъ человѣкъ,—число, конечно, превышающее ту массу земледѣльцевъ, которая когда-либо тѣснилась здѣсь во времена фараоновъ. Но это не все. Установлено, что въ значительной части

Нубійской пустыни, а именно къ югу отъ Короско, гдѣ желѣзнодорожная линія и старинная дорога каравановъ направляются прямо на югъ, къ Абу-Гамеду, оставляя къ западу большую излучину Нила,—тамъ песчанья земли обладаютъ превосходными качествами; имъ недостаетъ только необходимой для орошенія воды. Еще далѣе на югъ, равнины, которыя поднимаются уступами къ склонамъ массива Эоіопіи, оказались бы чрезвычайно подходящими для обработки плугомъ, если бы воды

Плотина на Нилѣ близъ Ассуана.

не терялись здѣсь въ трясилахъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ засоренію рѣки растеніями, такъ называемымъ «sudd»; наконецъ, еще дальше по направленію къ экватору тянутся пространства, границъ которыхъ не можетъ охватить глазъ, гдѣ вьются среди живописныхъ береговъ Баръ-эль-Джебелъ и Баръ-эль-Газаль, прорывая себѣ ложе въ жирной и мягкой землѣ, — пространства, которыя представляютъ о древняго озера; они могли бы сдѣлаться обширнѣйшимъ воздѣланнымъ полемъ. Такимъ образомъ, отъ Рипонскаго водонада близъ озера Викторія-Ніанца до Ассуана, т.-е. на протяженіи 2000 километровъ, цѣлесообразное устройство плотинъ и удачное распредѣленіе водъ Нила и его притоковъ дали бы громадныя практическіе результаты: такимъ путемъ

къ общей поверхности воздѣланныхъ земель прибавилась бы площадь, по размѣрамъ своимъ равная Франціи; косвеннымъ же образомъ указанныя сооруженія увеличили бы болѣе чѣмъ вдвое число рабочихъ рукъ, работающихъ заступомъ и платящихъ подати. Вотъ этимъ-то дѣломъ займется хозяева въ Египтѣ—англичане, чтобы использовать производительныя силы Нильскаго бассейна на всемъ его протяженіи.

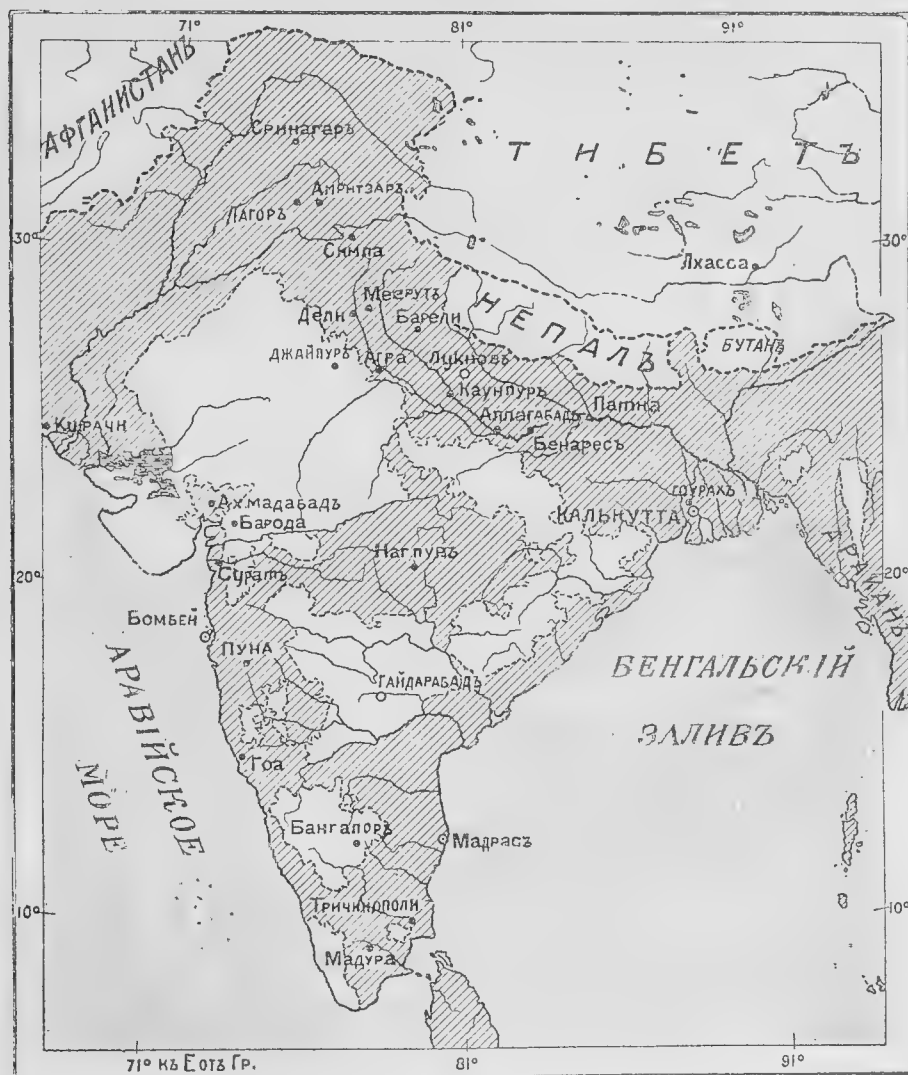
Однако, былъ моментъ, когда можно было опасаться, что политическое единство этой прирѣчной зоны можетъ быть нарушено, а именно тогда, когда двинулась черезъ Африку экспедиція Маршана, въ направленіи съ запада на востокъ, заставивъ думать, что Франція намѣревается занять окончательно Фашоду и тѣмъ разрѣзать на-двое англійскія владѣнія по Нилу. Патріотическія страсти быстро разгорѣлись какъ съ той, такъ и съ другой стороны, и даже стали поговаривать о войнѣ. Но это продолжалось лишь мгновеніе. Французы эвакуировали маленькую импровизированную цитадель, а для того, чтобы изгладить самыя послѣдніе слѣды конфликта, англійское правительство вычеркнуло даже изъ карты названіе того мѣста, изъ-за котораго возникъ споръ: оно получило теперь названіе Кодокъ; атласъ установилъ миръ.

Если все теченіе Бѣлаго Нила цѣликомъ, отъ истоковъ Викторіаніанцы, не вполне еще изученныхъ, до соленыхъ водъ рукавовъ дельты, находится въ рукахъ Англій, то того же нельзя сказать про Синій Нилъ, который беретъ начало на высотахъ большого массива Абиссиніи. Это царство, которое распадалось на рядъ феодальныхъ княжествъ, въ недавнее время объединилось, но его границы весьма неопредѣленны, такъ какъ онѣ не подходятъ къ морю, а всякое государство ищетъ выхода къ морю и стремится обладать на немъ портомъ. Италія владѣетъ Массовой, Франція — Жибути, Англія же завладѣла побережьемъ, лежащимъ противъ Адена.

Поэтому не удивительно, что абиссинцы относятся весьма недовѣрчиво къ иностранцамъ, съ которыми они, впрочемъ, отнюдь не желаютъ ссориться, такъ какъ имъ нужно поддерживать съ послѣдними торговля сношенія. До сихъ поръ изъ всѣхъ заинтересованныхъ «друзей» наибольшаго расположенія у «потомковъ Іуды» сумѣла, повидимому, добиться Англія; она даже умудрилась вступить въ союзъ съ Абиссиніей для раздѣла территоріи Сомали,—союзъ, весьма опасный для абиссинцевъ, которые, несмотря на свою крѣпкую позицію на высокой горной цитадели, тѣмъ не менѣе, давно уже осаждены на ней со всѣхъ сторонъ. Передовыя траншеи придвигаются къ нимъ изъ года въ годъ все ближе и ближе: на востокъ морскія волны несутъ англійскій флотъ; на югъ идетъ приступомъ на высоты желѣзная дорога Уганда; на западъ къ крутымъ склонамъ эоіонскихъ высотъ примыкаютъ Нилъ и его прибрежная полоса на сѣверѣ кольцо замыкаетъ желѣзнодорожная линія между Суакимомъ

и Берберой; имперія Менеллика окружена, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ.

№ 531. Города и государства Индіи.

Масштабъ этой карты равенъ 1 : 10,000,000

Кружки съ точкой въ центрѣ означаютъ составъ населенія болѣе 500,000 человекъ, бѣлые кружки — болѣе 250,000 человекъ, черныя точки — болѣе 100,000 жителей.

Княжества, пользующіяся нѣкоторой автономіей, обозначены бѣлымъ цвѣтомъ.

Сколько политическихъ драмъ такого рода разыгрывалось по ту сторону Аравійскаго моря, на Индостанскомъ полуостровѣ, въ томъ ко-

лоніальномъ мірѣ, гдѣ событія развертываются такой мощной волной! Мы говоримъ объ Индіи съ цѣлой свитой относящихся къ ней мѣстностей, островныхъ и континентальныхъ. Приходится удивляться, что эта страна, населеніе которой по численности своей представляетъ около одной пятидесятой всего рода человѣческаго, находится въ подчиненіи, правда, не совсѣмъ полномъ, у отдаленнаго государства, территорія котораго разъ въ 12—13 меньше, а численность населенія въ 7—8 ниже, чѣмъ въ Индіи. Контингентъ англичанъ: высокопоставленные лица, чиновники, солдаты, миссіонеры, авантюристы и плантаторы, которые проживаютъ въ Индіи, представляетъ меньше, чѣмъ одну тысячную часть туземнаго населенія, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что громадная Индійская имперія была покорена силою, что ее еще теперь держать въ подчиненіи при помощи матеріальной силы со всѣмъ арсеналомъ ея вспомогательныхъ средствъ, какъ-то: при содѣйствіи пушекъ и ружей, судовъ и темницъ. Хотя бы режимъ угнетенія и проводился съ полной осмотрительностью, съ большимъ знаніемъ людей и психологін толпы, хотя носители этого режима и умѣютъ ловко сталкивать лбами одну національность съ другою, являться въ качествѣ избраннаго сторонами посредника во всякомъ спорѣ и терроризировать недовольныхъ при помощи наемниковъ, набранныхъ среди разбойниковъ Непала и Гиндукуша, но, тѣмъ не менѣе, этотъ режимъ долженъ привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ какъ для притѣснителей, такъ и для угнетаемыхъ.

Во всякомъ случаѣ, каждый вопросъ становится безконечно сложнымъ, въ особенности когда онъ касается сотенъ милліоновъ людей и цѣлаго ряда поколѣній. Не подлежитъ сомнѣнію, что индусамъ солоно пришлось отъ жестокаго управленія иностранцевъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они получили также нѣкоторую выгоду въ томъ смыслѣ, что для нихъ облегчилась возможность сблизиться между собою и открыть глаза на обширный внѣшній міръ. Поэтому было бы болѣе чѣмъ смѣло пытаться точно взвѣсить всѣ хорошія и дурныя стороны тѣхъ измѣненій, какъ этническихъ, такъ и соціальныхъ и моральныхъ, которыя совершились въ средѣ индусскихъ племенъ. Одинъ ученый «*randit*», Сиванатъ Састри, насчитываетъ шесть главныхъ пунктовъ, къ которымъ сводится благотворное вліяніе англійскаго воспитанія въ Бенгалѣ, и противопоставляетъ имъ пять другихъ пунктовъ, къ которымъ сводятся вредныя послѣдствія англійскаго господства. Но каковъ, по мнѣнію Састри, общій итогъ этихъ противоположныхъ вліяній? Если резюмировать мысли этого безпристрастнаго патріота, то можно вывести заключеніе, что въ общемъ западное вліяніе содѣйствовало скорѣе прогрессу, нежели вызвало движеніе назадъ. Мы не станемъ воспроизводить статистику, иллюстрирующую моральное состояніе народа, которая установлена индусскимъ

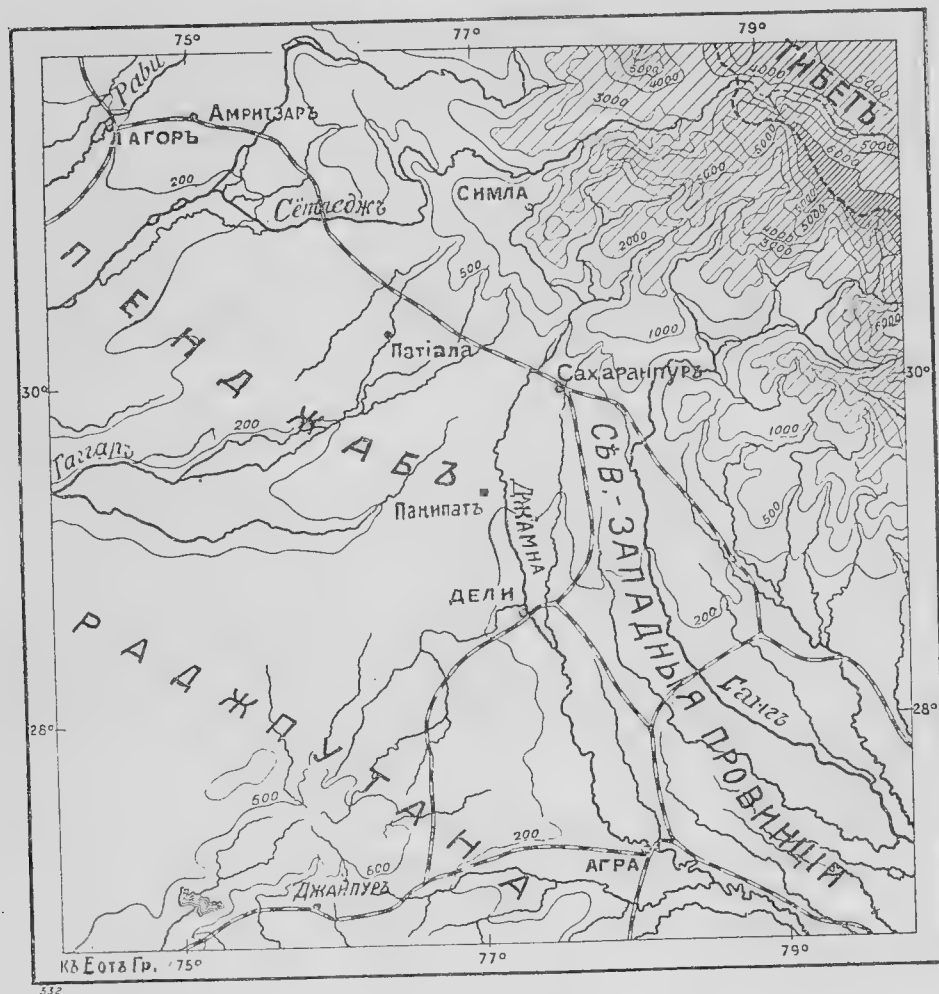
профессоромъ чрезвычайно подробно; укажемъ только на то, что обычай браковъ до наступленія половой зрѣлости, столь гибельный для расы, перестаетъ уже быть явленіемъ обычнымъ и становится исключеніемъ: во многихъ округахъ Бенгаліи дѣвочки ждутъ теперь, когда имъ минетъ тринадцать или четырнадцать лѣтъ, и только послѣ этого вступаютъ въ бракъ. Образование распространилось не только среди мужчинъ, но и среди женщинъ: пріобрѣтенія науки и литературы проникаютъ въ женскіе терема. Хотя англичане и составляютъ высшую касту, стоящую надъ всей іерархіей туземныхъ кастъ, зато границы, раздѣлявшія индусовъ между собою, утратили свой религіозный характеръ: онѣ стали болѣе расплывчатыми, а кое-гдѣ даже почти совсѣмъ сгладились. Мало того, соприкосновеніе съ европейцами дало обитателямъ Індіи то, чего они не имѣли ни въ одну изъ прежнихъ эпохъ: это— «чувство національнаго единства». Впервые въ исторіи страны дѣти научились смотрѣть, какъ на свое отечество, на громадную территорію, тянущуюся отъ Гималаевъ до Коморина, а на милліоны людей, которые ее населяютъ, какъ на своихъ соотечественниковъ.

Конечно, такіа перемѣны представляютъ капитальную важность. Достаточно отмѣтить, что народы, населяющіе Індію, вступаютъ въ періодъ національнаго объединенія, аналогичный тому, который пережили послѣдовательно древніе греки, итальянцы, нѣмцы, и хотя индусы еще не могутъ думать о завоеваніи коллективной автономіи, однако, очень знаменателенъ тотъ фактъ, что ихъ идеалы сумѣли уже подняться до мечты: «Індія для индусовъ»! Совершается одновременно двойной процессъ въ области матеріальной и въ то же время моральной эволюціи. Полуостровъ какъ бы суживается, размѣры его во всѣхъ направленіяхъ какъ бы уменьшаются, благодаря постройкѣ дорогъ и болѣе легкому сообщенію, но, пропорціонально этому явленію, растутъ его торговля, промышленность, его интеллектуальныя богатства.

Однако, указанныя выгоды куплены дорогою цѣною. Если не считать нѣсколькихъ округовъ, защищенныхъ горами и лѣсами, жители всѣхъ расъ, которыхъ съ незапамятныхъ временъ учили приниженности, покорности, этимъ рабскимъ добродѣтелямъ, безропотно позволяютъ обстригать себя и притомъ покороче; мудрая организація, завѣщанная англичанамъ весьма опытными въ данномъ отношеніи властителями, каковыми являлись Великіе Моголы, умудряется высосать цѣлѣе милліарды изъ несчастныхъ, у которыхъ нѣтъ ничего за душой. Художники любятъ издали наблюдать оживленное зрѣлище пестрой толпы, которая движется по улицамъ города, среди пагодъ и цвѣтущихъ деревьевъ; но, если взглянуть на эту толпу вблизи, невольно содрогнешься при видѣ истощенныхъ лицъ, исхудалыхъ тѣлъ, покрытыхъ зараженными лохмотьями. Не менѣе любопытное зрѣлище представляютъ толпы чернорабочихъ,

которые въ длинныхъ пляшущихъ процессіяхъ бѣгутъ къ верфямъ ¹⁾; но какую надежду можно питать на то, что эти грязные, безобразные люди, плохо кормленные и плохо оплачиваемые, могутъ когда-нибудь

№ 532. Симла и Дели.

вступить въ цивилизованный міръ справедливости и братства? Въ западныхъ провинціяхъ зачастую свирѣпствуетъ голодъ, который уноситъ тысячи и даже миллионы жертвъ и превращаетъ тѣхъ несчастныхъ, ко-

1) Rudyard Kipling, «Kim».

торые остались въ живыхъ, въ ходячіе скелеты. Въ такихъ случаяхъ жалуются на то, что муссонъ не принесъ во-время дождей, на которые разсчитывали. Но если ужъ несчастный парія, крайне непритязательный и умудряющійся жить на ничтожныя крохи, въ концѣ копцовъ, погибаетъ, то это значитъ, что общественные запасы равны пулю, и что истощены тѣ фонды, изъ которыхъ можно было бы взять 15—20 сантимовъ, необходимыхъ для поддержанія одной человѣ-

Уголокъ Симлы.

ческой жизни. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ того, былъ ли данный годъ урожайный или голодный, бюджетъ всегда бываетъ «округленъ»: непременно найдутся тѣ 500 милліоновъ франковъ, которые необходимы на содержаніе чиновниковъ, а въ дни большихъ княжескихъ праздниковъ нѣтъ никогда недостатка въ золотѣ и алмазахъ для украшенія хобота слоновъ и лба лошадей.

Какъ бы то ни было, оставляя въ сторонѣ вопросъ, полезны ли, или вредные результаты дало вліяніе высококомѣрныхъ европейцевъ на народы Индіи,—ясно то, что иностранныхъ властителей здѣсь не любятъ; да развѣ можетъ быть иначе, разъ иностранцы желаютъ, чтобы ихъ боялись? Ихъ единственными друзьями и союзниками являются бога-

тые негоціанты-парсы, аріиды чистой крови; ихъ плотно набитые сундуки впускаютъ къ нимъ уваженіе не только толпы, но и господъ, которые снисходительно принимаютъ отъ нихъ обильные дары на постройку дорогъ, школъ и больницъ. Кромѣ того, англичанамъ вполне преданы тѣ племена, среди которыхъ набираются наемники, а также безчисленная толпа людей, которые посвящаютъ себя низменнымъ административнымъ функціямъ и которые несутъ обязанности прислуги. Самое главное для англичанъ, послѣ выгодъ, которыя даетъ распоряженіе и обладаніе бюджетомъ, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить себѣ безусловно прочное стратегическое положеніе, по крайней мѣрѣ, внутри страны, такъ какъ вѣдъ предѣловъ ея начинается неизвѣстность и то, чего нельзя предвидѣть. И дѣйствительно, они сдѣлали все, что можетъ подсказать человѣческая предусмотрительность, чтобы сдѣлать устои великаго зданія власти непоколебимыми. При всемъ кажущемся административномъ безпорядкѣ, который обусловливается старинными пережитками и цѣлымъ лабиринтомъ, вклинивающихся другъ въ друга владѣній различныхъ присоединенныхъ государствъ, все внутреннее управленіе функціонируетъ замѣчательно правильно. Жизненные центры заняты англичанами, а сѣтъ дорогъ и рельсовыхъ путей, разрастающаяся съ каждымъ годомъ, позволяетъ распредѣлять по желанію элементы державной силы и власти.

Весьма ясное указаніе на достигнутую англійскимъ владычествомъ политическую солидарность даетъ намъ послѣдовательное перемѣщеніе центровъ власти. Въ XVIII столѣтіи, когда была основана, въ интересахъ Остъ-Индской компаніи, великая колониальная имперія Индостанскаго полуострова, такіе пункты, какъ Калькутта, Мадрасъ, Бомбей, черезъ которые шли сношенія, занимали еще, такъ сказать, вполне периферическое положеніе: имъ приходилось, прежде всего, обслуживать торговые сношенія съ Европой. Но связность цѣлага требовала, чтобы центры силы перемѣстились внутрь страны, и вотъ, хотя торговые города, лежащіе на побережьи страны, и сохранили свое мѣсто главныхъ городовъ, центръ тяжести военнаго могущества, естественно, перемѣщался по направленію къ Дели; этотъ городъ господствуетъ одновременно надъ обоими склонами, спускающимися въ долины Инда и Ганга.

Въ зависимости отъ колебанія военнаго счастья и отъ взаимнаго давленія народовъ очагъ нападеній и сопротивленія передвигался слегка то къ востоку, то къ западу отъ естественнаго центра тяжести. Царь-миссіонеръ Асока фиксировалъ свою резиденцію близъ Инда, съ тѣмъ, чтобы приблизиться къ странамъ, лежащимъ по ту сторону горъ, куда его посланцы отправлялись на проповѣдь. Вторженія пришлыхъ народовъ перѣдко придавали исключительную важность сѣверо-западнымъ провинціямъ, и вотъ почему великолѣпный Лагоръ на Рави былъ въ то время

главнымъ центромъ: здѣсь царили Великіе Моголы, а затѣмъ сейки. Впослѣдствіи самыя кровавыя и самыя рѣшительныя столкновенія между завоевателями и туземцами разыгрывались, главнымъ образомъ, вблизи Панипата, гдѣ бились изъ-за прохода Джамны; поэтому-то англичане, желая оставаться хозяевами этой «Бельгін Индостана», расположили свои военные посты, чрезвычайно сильныя, вдоль по исторической линіи: отъ Сетледжа до Джамны дорога занята цѣлою цѣпью укрѣпленныхъ лагерей и цитаделей. Современный городъ Дели, который

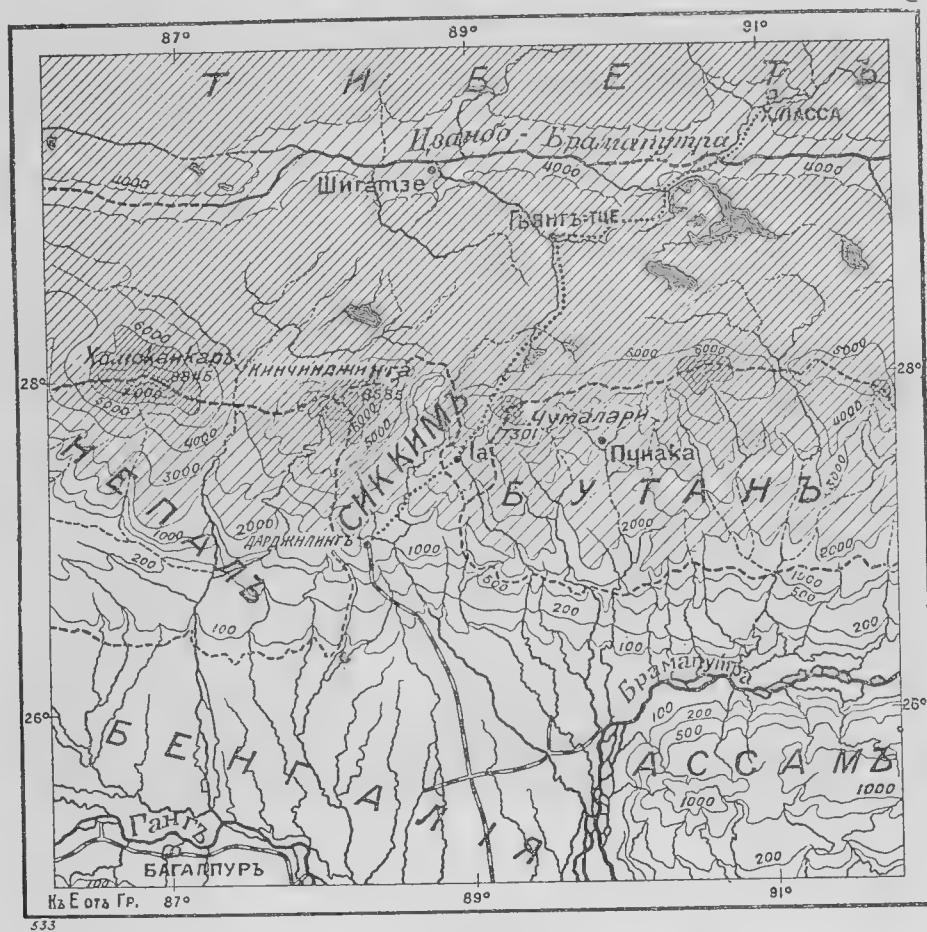
Фортъ Агра.

Существуетъ со второй половины XVI вѣка.

возникъ на мѣстѣ прежнихъ, разрушенныхъ Дели, занимавшихъ обширное пространство, былъ второй столицей имперіи Великихъ Моголовъ и является даже въ наши дни въ извѣстномъ смыслѣ фиктивной столицей полуострова Индостана, такъ какъ здѣсь возвышается тронъ, на которомъ англійская королева, въ лицѣ своего представителя, была провозглашена императрицей Индіи. Наконецъ, британская жизнь, мало-по-малу, концентрируется на предгоріи Гималаевъ, откуда открывается вдали видъ на равнину съ двумя склонами, на которой кишитъ множество людей. Когда въ 1819 году на гребнѣ Симлы появились первыя англійскія виллы, можно было еще приписать этотъ фактъ, на видъ не имѣющій значенія, простой случайности, но разъ эта деревня

стала изъ года въ годъ разрастаться, затѣмъ превратилась въ городъ и, наконецъ, въ 1864 году, въ императорскую резиденцію, —

№ 533. Экспедиція въ Лхассу.

533

1 : 5 000 000

0 100 200 300 Kil.

Экспедиція выступила изъ Дарджилина въ июнѣ 1903 года. Переговоры въ Ятунгѣ (Я), первомъ тибетскомъ пунктѣ, на склонѣ Гималаевъ, продолжались съ юля до декабря; переваль черезъ главный хребетъ, 4635 метровъ высотой, былъ пройденъ 8 января 1904 года; съ апрѣля до юля велись снова переговоры въ Гьянцзе (Г); прежде чѣмъ достигнуть Лхассы, нужно было одолѣть переваль, около 5000 метровъ высотой.

Англо-тибетскій договоръ предоставляетъ индiйской торговлѣ открытые рынки: два на дорогѣ въ Лхассу, въ Ятунгѣ, въ Гьянцзе, третiй въ западномъ Тибетѣ, въ Гартокѣ, близъ истоковъ Инда.

По уплатѣ Тибетомъ контрибуцiи въ двѣнадцать съ половиною миллионъ франковъ, англiйскiя войска должны были очистить тибетскую территорию. Эти условiя были выполнены обѣими сторонами (1907 г.).

это значитъ, что выгоды даннаго мѣстоположенiя были оцѣнены по достоинству. Не подлежитъ сомнѣнiю, что большинство англичанъ,

Дворецъ Потала въ Лхасѣ.

которые селились въ новомъ городѣ, не имѣли для этого другихъ мотивовъ, кромѣ того, чтобы обезпечить себѣ здоровое мѣстожителство на свѣжемъ и чистомъ воздухѣ, на высотѣ около 2000 метровъ; но правители поняли, быть-можетъ, инстинктивно, что возвышенность Симлы, господствующая, съ одной стороны, надъ Сетледжемъ, съ другой—надъ однимъ изъ притоковъ Джамны, находится какъ-разъ въ вершинѣ угла, образуемаго сѣвернымъ Индостаномъ, и охраняетъ единственный сравнительно нетрудный проходъ въ Тибетъ по высокой долинѣ Сетледжа; наконецъ, нѣтъ города, который по своему мѣстоположенію, съ военными лагерями у его основанія, могъ служить такой существенной угрозой воинственнымъ племенамъ, живущимъ въ нижележащихъ мѣстностяхъ, особенно сейкамъ и раджпутамъ.

Такъ же точно на краю плоскогорія, ограниченнаго Гатами, городъ Пуна получилъ, несмотря на чуму и голодъ, свирѣпствующіе въ его окрестностяхъ, важное значеніе какъ лѣтняя резиденція, благодаря своему сравнительно здоровому мѣстоположенію, которое возвышается надъ двумя склонами. Другіе административные и военные центры также занимаютъ такіе пункты, откуда войска могутъ быть съ наибольшей легкостью двинуты въ тѣ мѣста, гдѣ могутъ возникнуть нѣкоторыя осложненія. Хозяева страны не были стѣснены въ дѣлѣ распредѣленія пунктовъ своей стратегической сѣти присутствіемъ большихъ вассальныхъ государствъ, которыми въ дѣйствительности правятъ британскіе резиденты. Въ рукахъ этихъ послѣднихъ находится власть, тогда какъ мѣстные раджи и магараджи несутъ за все отвѣтственность.

Иногда удивляются, что англичане, эти коммерсанты, стремящіеся открыть себѣ новые рынки, въ теченіе столь долгаго времени не предпринимали экспедицій за высокія снѣговья вершины, которыя возвышаются къ сѣверу отъ ихъ индійскихъ владѣній, и что они не получили раньше торговыхъ правъ у мирныхъ народовъ Тибета. Причины этого продолжительнаго воздержанія многочисленны. Прежде всего, едва только закончено дѣло подчиненія племенъ, живущихъ у границы, а именно въ Непалѣ, этомъ разсадникѣ наемныхъ солдатъ. Затѣмъ, самая небольшая вооруженная экспедиція въ горы сопряжена съ большими трудностями вслѣдствіе длинныхъ разстояній, утомительныхъ подъемовъ и массы естественныхъ препятствій, представляемыхъ условіями почвы, климата, расовыми различіями. Англичанамъ приходилось считаться еще съ тѣмъ, что укоренившіеся въ теченіе вѣковъ пріемы обычныхъ торговыхъ сношеній тѣмъ болѣе трудно измѣнить, что мѣстное населеніе, припѣженное правящимъ духовенствомъ, не обнаруживаетъ никакой инициативы. Политическая дѣятельность Англіи въ Тибетѣ почти полностью сводилась къ весьма сложной системѣ

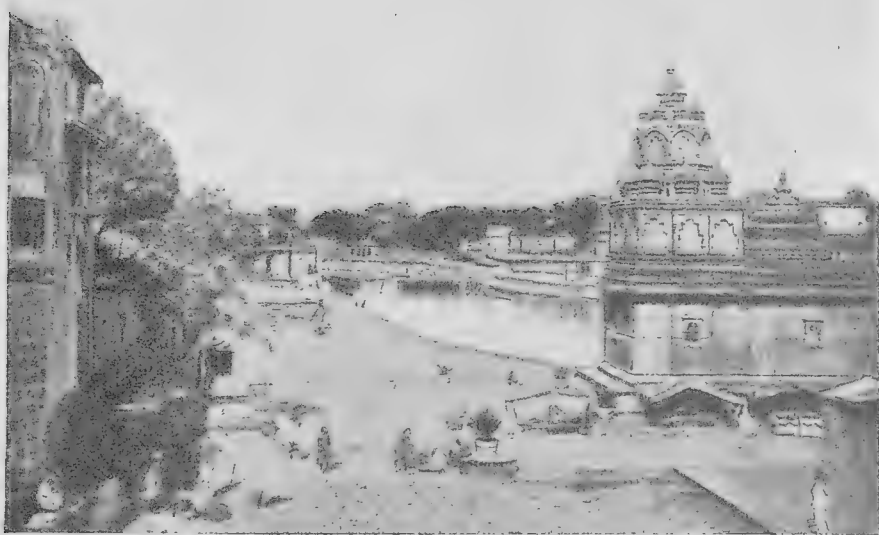
шпіонства, для котораго пользовались услугами людей всякихъ расъ и вѣроисповѣданій. Однако, Англія, наконецъ, рѣшилась и какъ бы случайно избрала для осуществленія своихъ намѣреній такой моментъ, когда великая сѣверная держава-соперница была всецѣло поглощена осложненіями въ другихъ областяхъ земного шара. Приготовленія къ экспедиціи были сдѣланы хорошо, и опасности, сопряженныя съ продолжительнымъ походомъ, на высотѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ метровъ, тщательно предусмотрѣны; главная трудность, однако, заключалась въ томъ, чтобы одержать верхъ надъ уклончивой политикой ламантовъ путемъ терпѣлія и настойчивости. Понадобилось больше года, чтобы пройти разстояніе въ 400 километровъ, отдѣляющее Дарджилингъ отъ Лхассы, но, въ концѣ концовъ, европейцу удалось мирно войти въ «запрещенный городъ» (3 августа 1904 г.) и удалиться, какъ только былъ подписанъ мирный договоръ. Результаты этого похода въ верховьяхъ Браманутры имѣютъ, безъ сомнѣнія, очень важное значеніе въ географическомъ отношеніи.

Пространство, занимаемое Индійской имперіей, такъ велико, населяющіе ее народы такъ разнообразны и многочисленны, что большинство лицъ, стоящихъ во главѣ управленія Англіей, искренно стремится прекратить дальнѣйшій ростъ обширной страны, богатствами которой они управляютъ. Осторожность дошла до того, что правительство не разъ отказывало въ разрѣшеніи чисто-научныхъ экспедицій въ Тибетъ даже англичанамъ.

Но это азіатское владѣніе, чрезвычайно обширное по занимаемому имъ пространству, подвержено такому большому числу возможныхъ случайностей, особенно на пограничной линіи, тянущейся на нѣсколько тысячъ верстъ, что даже наиболѣе осторожный изъ администраторовъ можетъ явиться виновникомъ конфликта и связаннаго съ этимъ увеличенія территоріи; передъ нимъ стоитъ трудная задача, съ одной стороны, не вовлечь свое правительство въ неудачную авантюру и въ то же время, съ другой, излишней мягкостью не уронить престижа Англіи. Есть, конечно, мѣстности, настолько интересныя своей промышленностью и торговлей, что нѣтъ нужды прикрываться удобными предложениями для присоединенія ихъ. Такъ, довольно беззащитнымъ образомъ присоединено морское побережье Аракана, устье и низовья Ирауады, наконецъ, различныя государства Малайскаго побережья, обѣщающія вскорѣ сдѣлаться второй Явой по числу жителей и производительности.

Въ Индіи значительно меньше большихъ городовъ, чѣмъ въ Китаѣ, потому что относительно большая часть населенія продолжаетъ пребывать въ деревнѣ; кастовая замкнутость является одной изъ глав-

ныхъ причинъ, задерживающихъ образованіе и развитіе городовъ на Гангскомъ полуостровѣ. Кастовая мораль жителей Индіи, не приспособившихся еще, подобно китайцамъ, къ новымъ условіямъ жизни, создаваемымъ торговлей и промышленностью, соответствуетъ ихъ экономическому быту. И, дѣйствительно, тамъ, гдѣ населеніе сравнительно скучено, гдѣ живетъ большое количество людей, человѣку высшей касты трудно, почти невозможно избѣжать близости, подчасъ даже соприсношенія съ индивидуумами низшихъ классовъ, которые уже на разстоя-

Нассикъ на Годавери,
въ 150 километрахъ къ востоку отъ Бомбея.

ніи оскорбляютъ своимъ дыханіемъ избранниковъ божественнаго пропсхожденія. Чтобы по возможности оградить себя отъ всякаго нечистаго дыханія, малаяліецъ, т.-е. житель Малабара, старается устроить свою спальню въ наиболѣе центральной части дома, стоящаго посерединѣ сада, на равномъ разстояніи отъ глиняныхъ стѣнъ, отдѣляющихъ его жилище отъ кишачей на улицѣ толпы. Но если рѣдки города въ этой странѣ, гдѣ кастовый режимъ паритъ во всей строгости, то, какъ бы въ противовѣсъ этому, безчисленныя селенія тянутся непрерывной лентой вдоль дорогъ. Это обстоятельство поражаало еще арабскаго путешественника Ибнъ-Батута, и не менѣе удивляетъ оно въ наши дни европейскихъ посѣтителей береговъ Малабара и Цейлона: «на всемъ протяженіи этой

страны Перца, пройти которую нужно два полныхъ мѣсяца, нѣтъ ни одной необработанной пяди земли, потому что каждый имѣетъ свой домъ, окруженный садомъ и отдѣленный отъ дороги небольшимъ деревяннымъ заборомъ». Забота о сохраненіи въ полной неприкосновенности чистоты рода доходитъ до того, что каждый домъ имѣетъ

Сиккимскій лама.

свое особое названіе, смотря по кастѣ, къ которой принадлежитъ живущій въ немъ; браминъ благороднаго происхожденія и болѣе низкаго, могущественный «кшатрія» и «кшатрія» менѣе вліятельный, служитель при храмѣ, ремесленникъ, парія и сынъ раба составляютъ іерархію, которой точно соответствуетъ градация въ обозначеніи домовъ.

Впрочемъ, это строгое обособленіе кастъ, претендующее на «пеизмѣнность», и которое дѣйствительно

должно было бы быть таковымъ, въ силу строгой регламентаціи, установленной еще въ древности, измѣняется въ зависимости отъ развивающихся эконолическихъ условий. Особенно на сѣверѣ, гдѣ историческій процессъ развивается быстрѣе, чѣмъ на югѣ полуострова, постоянно наблюдается то паденіе, то возвышеніе отдѣльныхъ родовыхъ фамилій.

Такіе брамины изъ высшей аристократіи, какъ, на примѣръ, изъ рода Авуа, считаютъ себя существами настолько болѣе высокой породы, что никогда не согласились бы вступить въ какое бы то ни было общеніе съ остальными «дважды рожденными», въ родѣ памбуровъ съ береговъ Малаялама. Однако, простая случайность можетъ лишить брамина его священнаго достоинства: стоитъ ему заразиться проказой или унизиться до заключенія неравнаго брака, какъ онъ тотчасъ же падаетъ,

и отъ него отворачиваются съ отвращеніемъ; правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ для него еще возможенъ возвратъ къ утраченнымъ высшимъ ступенямъ, но сколько ему для этого нужно произнести молитвъ, сколько перенести самоистязаній, черезъ какое море униженій и страданій ему нужно пройти! Физическія испытанія, состоящія въ томъ, что пьемъ—служить только моча, а пищей—коровій пометъ, являются только символомъ тѣхъ тяжелыхъ нравственныхъ испытаній, которымъ долженъ подвергнуться падшій для искупленія своей вины. Бываютъ, правда, случаи, когда, даже обдѣнѣвъ, браминъ сохраняетъ свой престижъ, но это лишь при условіи исключительной святости жизни и особенныхъ религіозныхъ подвиговъ; но если нищета продолжается, если выхода изъ нея нѣтъ, то она всегда ведетъ къ паденію: бывали случаи, когда семьи браминновъ были вынуждены продавать все, что имѣли, вплоть до дочерей. Съ другой стороны, деньги не разъ давали знатность, въ которой отказывало рожденіе. «Кастовое достоинство лежитъ въ желѣзномъ ящикѣ»—любимая поговорка мурчидабадскихъ банкировъ; подобнымъ образомъ, пародируя извѣстную легенду о золотомъ дождѣ, оплодотворяющемъ Данаю, раджи изъ Траваннора объясняютъ свое браминское происхожденіе какъ слѣдствіе пребыванія въ золотомъ брюхѣ магической коровы. Жители Ганги, гдѣ негры и мулаты составляютъ двѣ враждебныя другъ другу касты, выражаютъ ту же мысль мѣткой пословицей, наивной по формѣ: «богатаго негра зовутъ мулатомъ, а бѣднаго мулата—поганымъ негромъ».

Сиккимская королева, тибетской расы.

Въ безконечномъ мірѣ различныхъ кастъ, отъ «боговъ на землѣ» и до поганыхъ чандаловъ, многія, такъ сказать, наслоенія отлагаются капризнымъ и неустойчивымъ образомъ, какъ отраженіе постоянныхъ колебаній въ экономической эволюціи. Касты гибнутъ, увлеченныя водоворотомъ политическихъ перемѣнъ, торговыхъ революцій; нарождаются другія, вызванныя новыми условіями; такова, напримѣръ,

каста конюховъ или «всадниковъ», которая образовалась только послѣ появленія португальцевъ на Цейлонѣ. Власть Англіи, въ связи съ развитіемъ новыхъ отраслей промышленности и уничтоженіемъ прежнихъ ремеселъ, повела къ образованію во многихъ мѣстахъ совершенно новаго разграниченія классовъ. Касты бродягъ и воровъ все еще существуютъ, но касты убійцъ, какими были нѣкогда туги, повидимому, уничтожены; отъ нихъ остались только нѣкоторые пережитки въ видѣ символическихъ обрядовъ, замѣнившихъ прежніе кровавые обычаи. Среди наиболѣе любопытныхъ племенъ было одно на Малабарскомъ побережьи, которое привело путешественника Пирара въ наивное восхищеніе смѣлой двухъ различныхъ фазъ, наблюдавшейся въ ихъ образѣ жизни и морали. вмѣстѣ съ перемѣной муссоновъ они то промышляли морскими разбоями, то мирно обрабатывали свои поля и, смотря по условіямъ окружающей ихъ въ данное время среды, являлись то жестокими пиратами, то мирными, честными земледѣльцами. Въ настоящее время англичане охотно вербуютъ среди потомковъ этого племени своихъ агентовъ полиціи; вліяніе наслѣдственности должно сказаться въ этомъ новомъ занятіи.

На югѣ Индіи, гдѣ кастовыя различія особенно сильны, существуетъ иное социальное дѣленіе, незнакомое сѣвернымъ областямъ: все населеніе, принадлежащее къ различнымъ классамъ, дѣлится на «правыхъ» и «лѣвыхъ», смотря по религіознымъ предписаніямъ, относящимся къ обмыванію: одни изъ нихъ моются, пользуясь лишь правой рукой, другіе лѣвой. Индусы достигли совершенства въ искусствѣ создаванія кастъ на основаніи какихъ-нибудь мелкихъ, несущественныхъ отличій въ образѣ жизни или труда. Такъ, напримѣръ, въ одной части Индіи воспрещены браки между рыбаками, тянущими сѣти справа налѣво, и тѣми, которые работаютъ въ противоположномъ направленіи. Способъ добыванія масла также даетъ почву для образованія соответствующихъ кастъ. Въ Каттакѣ, столицѣ Ориссы, гончаръ, выдѣлывающій, стоя, большіе горшки, не смѣетъ прикоснуться къ мастеру, который лѣпитъ, сидя, маленькія вазы ¹⁾. По странной случайности, племя чаккили принадлежитъ къ двумъ враждебнымъ кастамъ, и когда между ними возникаетъ конфликтъ, то происходитъ общій разводъ среди всего населенія: всѣ женщины, всѣ дѣвушки сразу уходятъ, потомъ, послѣ состоявшагося примиренія, наступаетъ общая свадьба, возстановляющая въ прежнемъ видѣ разведенныя семьи. Нѣтъ такихъ социальныхъ условій жизни, какъ бы абсурдны они ни были, которыя не осуществились бы или не могли бы осуществиться въ какомъ-нибудь углу земного шара.

1) Richard Garbe, «Indisches Leben», цитировано по R. von Ihering, «Les Indo-Européens avant l'Histoire», trad. Meulenaere, p. 84.

Въ дѣйствительности природа человѣка такъ податлива, что она можетъ приспособиться къ самымъ ужаснымъ положеніямъ, примириться съ болѣзнями, муками, униженіями. Касты, какъ бы унижены, онѣ ни

Улица въ Бомбеѣ.

были, привыкли смотрѣть на себя какъ на привилегированныя организациі и готовы защищать чистоту своей крови съ тѣмъ же фанатизмомъ, какъ и брамины. Отвергнутыя всѣми, онѣ имѣли лишь одно безконечно дорогое имъ убѣжище—ихъ касту ¹⁾. Правда, нужно сказать,

1) Н. Н. Wilson, «Essays and Lectures, chiefly on the religion of the Hindus»;—Ernst Nys, «L'Inde aryenne», p. 13.

что въ іерархіи индусскихъ кастъ всякій человѣкъ, какъ бы низко опъ ни палъ, сохраняетъ свои права на землю, имущество, жизнь и семью ¹⁾, чѣмъ не могутъ похвалиться босяки и нищіе даже въ цивилизованныхъ странахъ Европы. Какъ бы ни была каста презираема, мало обезпечена, ея члены находятся въ положеніи несравненно лучшемъ, чѣмъ тѣ, которые не принадлежатъ ни къ какому обществу, ни къ какой кастѣ и, по мнѣнію большинства, не имѣютъ права на человѣческое существованіе; въ періодъ арійскихъ походовъ такими обездоленными являлись чандалы. Въ настоящее время такое жалкое существованіе выпало на долю палиаровъ южной Индіи; ихъ часто смѣшиваютъ съ паріями, составляющими вполнѣ прочную касту, пользующуюся даже нѣкоторыми привилегіями; такъ, на примѣръ, въ «Черномъ Городѣ» Мадраса во время празднествъ «Единой Матери», божества, схожаго съ Деметрой древнихъ эллиновъ и «Доброй Матерью» марсельцевъ ²⁾, люди, принадлежавшіе къ какой-нибудь кастѣ, имѣли право жизни и смерти надъ палиарами; все въ нихъ считалось оскверненнымъ: ихъ тѣло, видъ, дыханіе, земля, къ которой они прикасались. Еще теперь имъ запрещено строить деревни и селиться общинами. Получая милостыню, просятъ которую они могутъ только на разстояніи, они должны валяться въ грязи или пыли, чтобы подобрать ее. Въ присутствіи человѣка, принадлежащаго къ кастѣ, они, говоря о себѣ, чествуютъ себя «подлецами», «негодяями», собственныхъ дѣтей зовутъ «обезьянами», «телятами», «поросятами», свои жилища не иначе, какъ «кучей грязи», что, впрочемъ, почти соотвѣтствуетъ дѣйствительности ³⁾.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе странное, чѣмъ правила этикета, установленныя на Малабарскомъ побережьи особымъ кодексомъ. Если браминъ шествуетъ пѣшкомъ или, какъ подобаетъ, ѣдетъ на слонѣ, то предписывается нанру, т.-е. офицеру изъ туземцевъ, держаться не ближе двухъ шаговъ впереди хозяина, потомъ остается свободное разстояніе въ 35 шаговъ, ближе котораго не долженъ подходить таіеръ—скромный земледѣлецъ, и лишь на разстояніи ста шаговъ держится всѣми презираемый палиаръ. Всѣ эти униженія являются причиной сильнаго тяготѣнія индусовъ изъ низшихъ кастъ къ исламу. Такъ, на Малабарскомъ берегу каста шерумановъ, состоящая изъ сыновей рабовъ, все уменьшается въ числѣ, въ то время, какъ число «правовѣрныхъ» соотвѣтственно увеличивается. Причина ясна: шеруманъ, переходящій въ магометанство, выигрываетъ въ общемъ уваженіи: никто его отнынѣ не оскорбляетъ; больше того, онъ приобретаетъ друзей и защитниковъ ⁴⁾.

1) Henri Deloncle, «Revue Universitaire», Bruxelles, janv., fev. 1898, p. 16.—

2) Caldwell, «Dravidian Languages»;—Julien Vinson, «Les Castes du sud de l'Inde». «Revue Orientale», 2-e série, № 4. — 3) William Logan, «Malabar», vol. I, pp. 82 и слѣд.—4) William Logan, «Malabar», vol. I, p. 148.

Однако, его магометанство имѣетъ мало общаго съ религіей арабовъ; сталкиваясь одно съ другимъ, индуизмъ и магометанство съ его культомъ единого Бога должны невольно приспособиться одно къ другому: Индія, страна по преимуществу политеистическая, открыла свой паптеонъ Исламу, наиболѣе монотеистическому изъ всѣхъ вѣрованій. Для индусскихъ мусульманъ Магометъ, а также всѣ пророки и особенно чтимые святыя ихъ прежней религіи являются тѣми же богами. Система

Тричинополійская скала (южная Индія).

кастъ оказалась сильнѣе духа равенства, проповѣдуемаго Кораномъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ Декана почти невозможно бываетъ отличить магометанство отъ браманизма ¹⁾.

И въ этомъ нельзя видѣть явленія, характернаго спеціально по отношенію къ Исламу. Религін, секты безконечно смѣнялись въ Индіи, тогда какъ каста существовала непоколебимо, хотя и видоизмѣняясь. Даже тѣ, кто былъ врагомъ кастъ, кончали тѣмъ, что примирялись съ ними и начинали приспособлять къ нимъ свое ученіе. Буддисты видоизмѣнили касту въ клерикальныя сообщества, сейки и туги въ тайныя общества; христіанство также безъ труда примирилось съ ними; такъ,

1) Léopold de Saussure, «Psychologie de la Colonisation française», pp. 58—59.

іезуиты, поселившіеся въ Мадурской миссіи на южной оконечности Индостанскаго полуострова, «удивительно ловко воспользовались кастовымъ строемъ, чтобы возвыситься до степени «римскихъ браминновъ», презирая своихъ же собратьевъ по религіи, принадлежащихъ къ другимъ орденамъ¹⁾. Евреи, парсы поступали такъ же. Что же касается политическихъ властей, то они тѣмъ болѣе склонны уважать кастовый строй, что онъ только оправдываетъ существованіе ихъ же собственной чиновной іерархіи. Даже семьи раздѣлены на касты, такъ какъ англичане позаботились о томъ, чтобы выдѣлить изъ своей среды и рѣзко обособить отъ себя метисовъ,—азіатскихъ европейцевъ, людей, близкихъ имъ по крови, своихъ же сыновей и братьевъ, но рожденныхъ отъ туземныхъ женщинъ. Еще въ началѣ девятнадцатаго вѣка, пока открытіе пара не приблизило Индіи къ Англіи, англичане по патріархальному жили съ индусскими женщинами, не боясь пытливыхъ взглядовъ строгихъ моралистовъ своей далекой родины; ихъ дѣти росли подлѣ своихъ отцовъ, которые не стыдились любить ихъ и заботиться объ ихъ будущемъ. Но въ настоящее время официальная мораль восторжествовала, и послѣдствія ея были гибельны для метисовъ; они обречены на занятіе низшихъ должностей и на презираемую жизнь среди индусскаго общества.

Экономическія условія, создаваемые современной промышленностью, хотя и согласуются, какъ нельзя лучше, съ кастовымъ строемъ, своеобразно измѣняютъ его. Каста, со своими заранѣе предписанными нуждами, тѣмъ легче принимаетъ характеръ потребительскаго общества европейскаго образца, что по самому существу своему она уже является таковымъ. Многія касты уже давно превратились въ производительныя товарищества, тѣмъ болѣе, что необходимость сохраненія промышленныхъ секретовъ еще болѣе связывала общностью интересовъ всѣхъ сотрудниковъ. Торговля касты были всегда главными посредниками индусскаго оборота товаровъ. Баніаны изъ Гуджерата, монополизировавшіе почти всю торговлю Африки и Аравіи съ Бомбеемъ и Малабарскимъ побережьемъ, представляютъ собою соединеніе вайсійскихъ кастъ, насчитывающихъ до пяти милліоновъ бенгальцевъ, а въ настоящемъ столѣтіи образовалось очень могущественное торговое общество, состоящее исключительно изъ «наттекотекетти» южной Индіи; они сумѣли покрыть весь Малайскій полуостровъ и Индонезійскій архипелагъ сѣтью своихъ банковъ и конторъ благодаря удивительной солидарности, царящей между ними²⁾.

1) Mount-Stuart;—Henri Deloncle, «Revue Universitaire», Bruxelles, mars-avril 1898, pp. 116—119. — 2) Henri Deloncle, цитированное сочиненіе, p. 122.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что Индiя, легко мѣняющая внѣшнiя формы, оставаясь въ то же время очень упорной и консервативной по существу, также легко приспособится къ социалистическому движенiю, идущему къ ней изъ Европы; это приспособленiе совершится тѣмъ легче, что подъ влiянiемъ воспоминанiй о прошломъ, въ торжествѣ социализма его приверженцы усмотрятъ настоящую реставрацiю. Англичане уничтожили прежнiя общины въ пользу всякаго рода паразитовъ, принципевъ, купцовъ, сборщиковъ податей. Прежде каждое селенiе представляло гармоничное цѣлое, гдѣ существованiе каждаго члена было обезпечено владѣнiемъ земель, правомъ на трудъ, правильнымъ ходомъ всей общинной жизни. Во всѣхъ арiйскихъ селенiяхъ удовлетворенiе общественныхъ потребностей лежало на двѣнадцати выборныхъ, работавшихъ бесплатно для населенiя, получая взаменъ только содержанiе. Такъ, каждая община имѣла своего сапожника, кузнеца, цирюльника, плотника, свою прачку. У дравидовъ прежнiй строй съ его любопытными архаическими формами сохранился до недавняго времени; теперь же грубое вторженiе побѣдителей все больше и больше измѣняетъ его. Такъ какъ казна требуетъ налоговъ не со всего селенiя, какъ коллективной единицы, а съ каждаго жителя въ отдѣльности, то послѣднему не остается ничего иного, какъ изощряться въ способахъ заработка личнымъ трудомъ тѣхъ рупiй, которыя придется отдать сборщику податей. Естественнымъ слѣдствiемъ уничтоженiя общиннаго строя должно было быть выдѣленiе отдѣльныхъ клочковъ земли каждому изъ бывшихъ общинниковъ, но ка-

Цейлонскiе магометане.

стовыя традиціи не дали возможности мадига и другимъ пролетаріямъ получить свою долю; англійская власть не стала на ихъ защиту,—въ результатѣ люди низшихъ кастъ остались обездоленными. Въ принципѣ свободные, они въ дѣйствительности превратились въ простыхъ рабочихъ,

Религии Индіи.

1. Индуизмъ. 2. Магометанство. 3. Буддизмъ. 4. Анимизмъ. 5. Христіанство (католиковъ 41%, протестантовъ 35%, сирійцевъ 20%, прочихъ 4%). 6. Сейки. 7. Джайны. 8. Прочія религіи.

песмотря на всѣ усилія ея завоевателей сохранить пропасть между собой и своими подданными. Какъ ни презираетъ англичанинъ индуса, отрекаясь даже отъ своихъ потомковъ, послѣдній, тѣмъ не менѣе, англичанинъ изучаетъ науки и все то, что даетъ современная цивилизація, по англійскимъ книгамъ, идущимъ изъ Европы; больше того, на ежегодныхъ собраніяхъ, происходящихъ въ различныхъ большихъ городахъ,—этомъ подобіи парламента, куда съѣзжаются около тысячи депутатовъ со всѣхъ концовъ полуострова, ораторы должны были избрать англійскій языкъ, какъ общепонятный всѣмъ, такъ какъ, дѣйствительно, арійцы и дравиды, сейки, джайны, бенгальцы, малараты, раджууты, деканы, малайцы, калинги были бы понятны только своимъ соплеменниками, если бы говорили каждый на своемъ языкѣ. Научная англійская литература обогащается ежегодно работами по медицинѣ, археологій, религіозной критикѣ, социологій, авторами которыхъ являются ученые индус-

работающихъ за жалкую поденную плату, и лишены тѣхъ правъ, которыми они пользовались нѣкогда какъ члены общины. Выиграла отъ этого раздѣла только каста судровъ, индусская представительница буржуазіи, такъ какъ члены ея сдѣлались исключительными собственниками ¹⁾; они, какъ и французскіе буржуа, совершили свою революцію «89-го года».

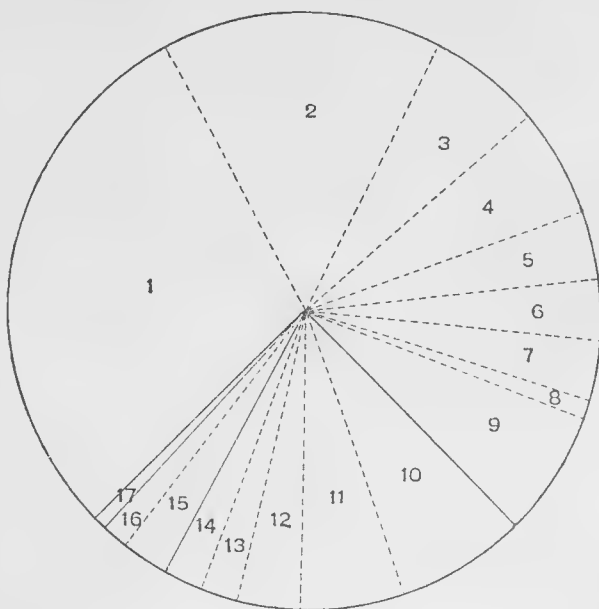
Всѣ эти различія и быстрыя перемѣны только доказываютъ, что Индія въ своемъ развитіи проходитъ тѣ же фазы, что и Европа,

1) Emma Rauschenbusch-Glough, «While Sewing Sandals», p. 309.

скаго происхожденія; у всѣхъ въ памяти, какое число адептовъ нашелъ необуддизмъ, проповѣдуемый индійскими mahatma, въ Европѣ и Новомъ Свѣтѣ. Смерть Дарвина дала поводъ къ грандіознымъ сочувственнымъ манифестаціямъ ¹⁾. Даже европейскій рационализмъ пытается подъ именемъ брама-самаджа упростить, классифицировать и въ конечномъ счетѣ устранить въ преданіяхъ прошлаго огромный и головокружительный хаосъ браминскаго пантеизма.

Между улучшеніями, которыя ставятся въ заслугу англійскому правительству Индіи, британскіе патріоты любятъ приводить уничтоженіе сати или жертвоприношеніе вдовъ на кострѣ, гдѣ сжигались останки мужей; но въ дѣйствительности можно только удивляться, что, несмотря на давленіе общественнаго мнѣнія, съ которыми хозяева Индіи

считаются значительно больше, чѣмъ съ мнѣніемъ индусскихъ народовъ, Остъ-Индская компанія такъ долго смотрѣла сквозь пальцы на самоубійство женщинъ въ гаремахъ принцевъ. Правда, по договору европейскіе побѣдители обязались уважать нравы, обычаи и религіозныя вѣрованія туземцевъ, но вѣдь сколько разъ договоры нарушались, лишь только дѣло касалось увеличенія налоговъ! Въ этомъ же частномъ случаѣ мнѣніе, что сжиганіе вдовъ предписано священными текстами, лишено основанія; индійскіе ученые съ Вильсономъ во главѣ ²⁾ легко доказали справками изъ «Ригведы», что женщины не должны были

Языки Индіи.

Арійскіе языки. 1. Гинди. 2. Бенгальскій. 3. Магратскій. 4. Пенджабскій. 5. Раджастанскій. 6. Гуджератскій. 7. Урійа. 8. Синдхи. 9. Прочіе арійскіе языки. Дравидскіе языки. 10. Телугскій. 11. Тамилскій. 12. Канарайскій. 13. Малайскій. 14. Остальныя дравидскіе языки. Индо-китайскіе языки. 15. Бирманскій. 16. Тибетскій и пр. Различныя языки. 17. Изъ нихъ англійскій (250,000 чело-вѣкъ) составляетъ около одной шестой части.

1) Bordier, «Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris», séance du 5 février 1885. — 2) «La prétendue autorité védique que l'on invoque pour justifier le suicide des veuves».

сопутствовать умершему въ его загробной жизни. Установлено также съ несомнѣнной достовѣрностью, что Кольбрукъ былъ введенъ браминнами въ заблужденіе, быть-можетъ, сознательно, когда допустилъ подлинность вставленныхъ въ первоначальный текстъ строкъ, и вывелъ на этомъ основаніи заключеніе о томъ, что самосожженіе индусскихъ вдовъ на трупѣ мужа является ихъ долгомъ ¹⁾. Правильный же текстъ гласилъ какъ-разъ наоборотъ: «встань, женщина, и вернись къ жизни», и былъ восстановленъ въ подлинникъ, а между тѣмъ обычай жертвоприношенія вдовъ былъ терпимъ еще долгіе годы.

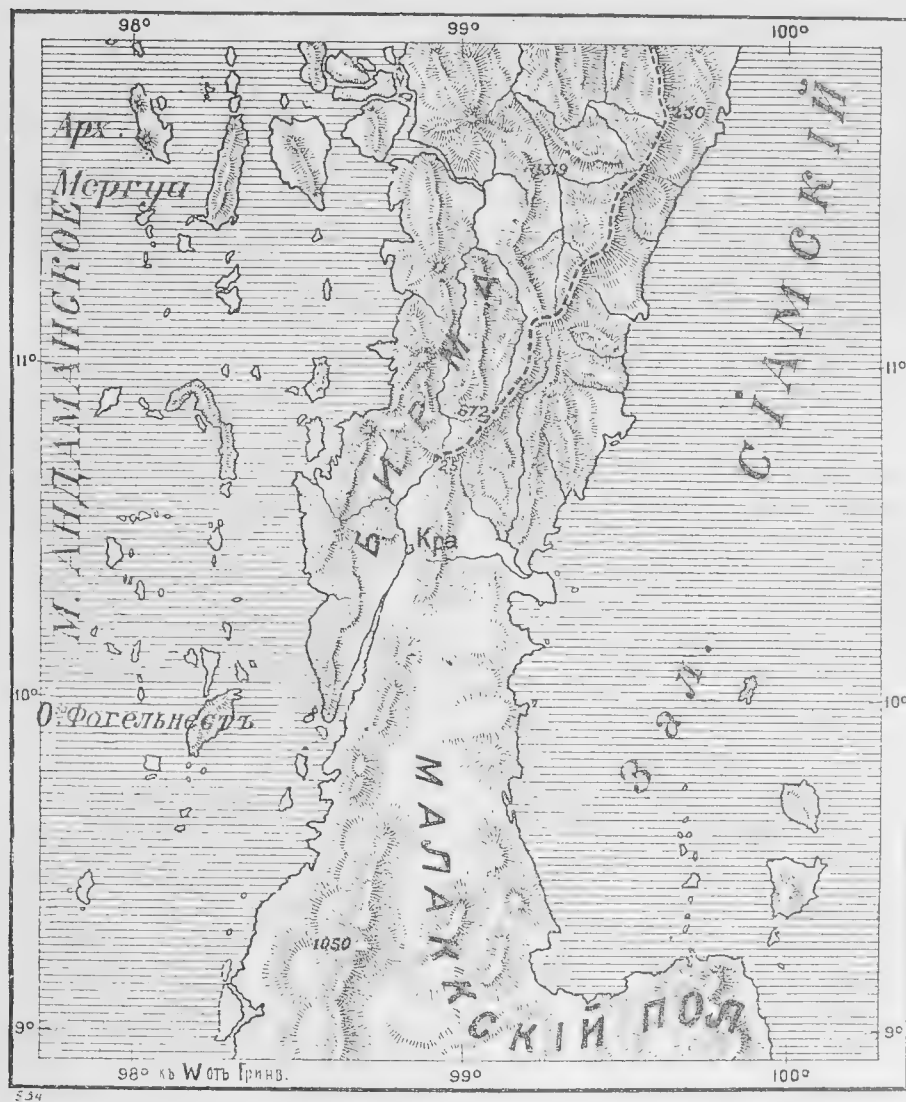
Англійская Индія съ Цейлономъ, выдѣленная въ особую колонію, составляетъ особый міръ, который, однако, сливается окончательно съ Европой, несмотря на традиціи прошлаго: аріицы Востока и Запада начинаютъ сознавать общность своего происхожденія.

Что касается Индо-Китая и индонезійскихъ племенъ, то силою вещей и они втягиваются въ ту же сферу притяженія, хотя и иными путями. Въ то время какъ индусы, уже въ теченіе поколѣній привыкшіе къ рабству, безропотно покоряются своей судьбѣ, большинство жителей Индо-Китая, среди которыхъ племена, именуемые дикими, занимаютъ большую половину территоріи, сопротивляются, по крайней мѣрѣ, морально, деспотическому вліянію побѣдителей. Правда, сознавая свое безсиліе, они молча покоряются униженіямъ и обидамъ, всегда выпадающимъ на долю покоренныхъ народовъ, но они не забываютъ позора: воспоминаніе о немъ они свято хранятъ въ своей памяти, и жажда мщенія передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Они не хотятъ примириться съ эпитетомъ «низшей расы», которымъ грубо окрестилъ ихъ недавно одинъ изъ политиковъ французскаго парламента; напротивъ, они могутъ приписывать себѣ превосходство по происхожденію и традиціи: давно уже жили они гражданской жизнью, когда западные народы не вышли еще изъ первобытнаго варварства. И не только ученые дальняго Востока, но и весь народъ, населяющій Бирму и Сіамъ, Камбоджу, Аннамъ, вполне ясно сознаютъ древность своего происхожденія: это право первородства, казалось, должно было бы вызвать уваженіе къ нимъ со стороны новыхъ пришельцевъ съ Запада, и только грубое невѣжество позволяетъ этимъ послѣднимъ считать себя ихъ покровителями и властелинами. Есть еще одно важное обстоятельство, дающее возможность народамъ Востока, въ особенности жителямъ Индо-Китая, бирманамъ, сіамцамъ, камбоджійцамъ, по праву гордиться своимъ преимуществомъ надъ европейцами: это ихъ принадлежность къ

1) «Essay on the duties of a faithful hindu widow». Asiatic Researches, vol. IV, pp. 209, 219. Calcutta.

религиозной и въ то же время социальной семьѣ буддизма, — семьѣ, значительно болѣе сплоченной и дружной, чѣмъ пресловутая христіанская

№ 534. Перешеекъ Кра.

церковь съ ея распрями, враждующими и соперничающими между собою сектами, лицемѣрами и, наконецъ, людьми, открыто возстающими противъ

нея. Наконецъ, жители покоренныхъ странъ съ каждымъ днемъ яснѣе сознають, что новыя завоеватели стремятся превратить ихъ свободную и нѣкогда легкую жизнь въ трудовую жизнь европейскаго рабочаго пролетаріата. Поэтому нѣтъ никакого основанія предполагать, какъ это дѣлають нѣкоторые «колоніальные» патріоты, что народы Индо-Китая находятся на прямомъ пути къ «англонизації» или «галицизації». Конечно, и они войдутъ въ общепародную семью, но пріобщить ихъ къ ней Японія, замѣнившая Китай и Индію въ дѣлѣ распространенія культуры: преобладающая роль въ эволюціи внутренней жизни Индо-Китая принадлежитъ Дальнему Востоку. Любопытно замѣтить, что завоеваніе водныхъ путей, сопровождавшееся соотвѣтствующимъ закрытіемъ сухопутныхъ, еще болѣе способствовало сближенію между желтымъ міромъ и Индо-Китаемъ. Индостанскій полуостровъ отдѣленъ отъ Меконгскаго длинной косой, въ 1200 километровъ длины, оканчивающейся Сингапуромъ; но стоитъ прорѣзать ее каналомъ около перешейка Кра, что въ техническомъ отношеніи не могло бы представить большихъ затрудненій, и европеецъ поставилъ бы 30 милліоновъ индо-китайцевъ подъ вліяніе 300 милліоновъ индусовъ; разстояніе между Калькуттой и Сайгономъ уменьшилось бы наполовину; этимъ самымъ облегчились бы условія международной торговли, и этимъ Европа оказала бы услугу дѣлу освобожденія отдѣльныхъ племенъ отъ растущаго могущества новой тихоокеанской державы-завоевательницы.

Въ наши дни нарождается новая сила, опирающаяся не на арсеналы Бреста или Тулона, даже не Портсмута или Плимута, но на твердыни Токагамы и Нагасаки. Не подлежитъ сомнѣнію, что если Франція, поддерживая близорукую политику Россіи на Тихомъ океанѣ, вызоветъ конфликтъ съ Японіей, то для нея будетъ совершенно невозможно защищать свои теперешнія владѣнія въ Индо-Китаѣ: у нея тамъ нѣтъ среди населенія своихъ переселенцевъ, пустившихъ сколько-нибудь глубокіе корни, и никто не связанъ съ ней узами симпатій, благодарности или разсчета. Можно, пожалуй, сказать, что ненадежность обладанія Индо-Китаемъ была извѣстна заранѣе, такъ какъ эти французскія владѣнія совершенно лишены возможности защищаться противъ хорошо вооруженнаго врага. Можно ли повѣрить, что въ этихъ огромныхъ владѣніяхъ, простирающихся отъ Сіамскаго залива до Гайнана, на протяженіи береговой линіи болѣе чѣмъ 2000 километровъ, солдаты получаютъ всю амуницію изъ Европы и не въ состояніи сдѣлать ее сами? Въ случаѣ войны, непріятель прервалъ бы морскія сношенія, и тамошнему французскому населенію съ его немногочисленными приверженцами осталось бы лишь сжечь свои послѣдніе снаряды 1); мысъ Св. Якова

1) «Questions diplomatiques et coloniales», 15 mars 1902.

былъ бы единственнымъ пунктомъ побережья, гдѣ можно было бы пытаться оказать сопротивленіе.

Сказанное еще въ большей мѣрѣ относится къ голландской Индіи, громадиному владѣнію, связанному съ небольшимъ европейскимъ государствомъ непрочными узами привычки. Это огромное богатство привлекаетъ взоры, по крайней мѣрѣ, четырехъ претендентовъ. Станетъ ли оно добычей Германіи, прямой наслѣдницы Нидерландовъ? Или Великобританія присоединитъ его къ Австраліи, связавъ его мостомъ, гигантскими устоями котораго являются Суматра, Ява и восточныя окопечности острововъ? Возможно, что и американская республика, завоевавъ Филиппины, захочетъ еще далѣе расширить свои владѣнія и присоединить еще новыя земли, прикрываясь «высшимъ назначеніемъ судьбы»? Возможно также, что и Японія, самая молодая между военными державами-завоевательницами, ставъ во главѣ азіатскихъ народовъ, провозгласитъ противъ завоевательныхъ стремленій Европы новый принципъ: Малайя для малайцевъ! Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ менѣе устойчиваго политическаго равновѣсія, какъ здѣсь.

НОВЫЙ СВѢТЪ и ОКЕАНІЯ

Бразильская республика — лучшая этническая фабрика на земномъ шарѣ: бѣлые и черные сливаются въ ней въ новый типъ.

Глава шестая.

ПЕРВЕНСТВО СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ. — РАСПРЕДѢЛЕНІЕ АМЕРИКАНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ. — ИНДѢЙЦЫ. — НЕГРЫ. — МАТЕРІАЛЬНЫЯ, ДУХОВНЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ. — МЕКСИКА. — ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ЮЖНОЙ АМЕРИКИ. — ДАВЛЕНІЕ ЕВРОПЫ. — СМѢШЕНІЕ РАСЪ, ВЛІЯНІЕ ИНКОВЪ. — НРАВЫ ОКЕАНИЧЕСКАГО МІРА. — РАЙЯТЕЯ. — РОЛЬ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ. — НАСЕЛЕНІЕ ОКЕАНИИ И ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ТУЗЕМЦЕВЪ.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки обладаютъ въ Новомъ Свѣтѣ такимъ исключительнымъ превосходствомъ въ смыслѣ матеріальнаго могущества, что именемъ американца обозначаютъ почти исключительно обитателей главной республики Нового Свѣта. Иначе еще ихъ называютъ англо-саксами, — названіе, по меньшей мѣрѣ, непонятное, если вспомнить, что оно прилагается къ людямъ всевозможныхъ странъ и

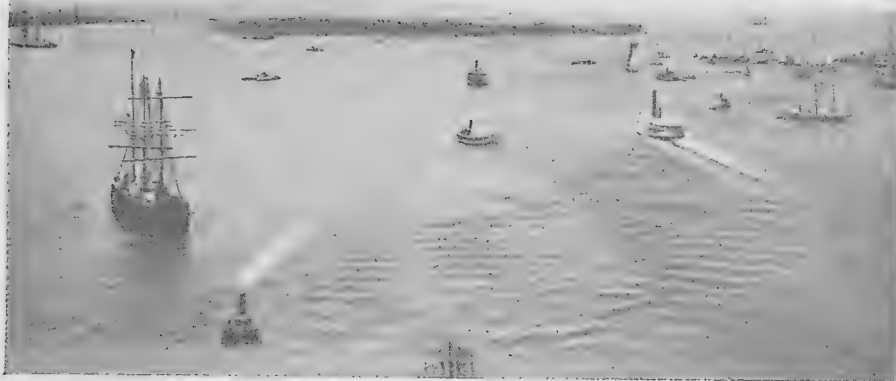
языковъ, явившихся сюда съ четырехъ концовъ міра; они—«англо-саксы» только потому, что избрали себѣ англійскій языкъ какъ средство сношеній и проводникъ мысли. И, дѣйствительно, этотъ языкъ въ связи съ традиціями, сохранившимися еще отъ первыхъ колонизаторовъ, создаетъ между Соединенными Штатами и Англіей связь болѣе тѣсную, чѣмъ со всякой другой страной Европы.

Американская республика вполне справедливо называется «великой» какъ по размѣрамъ своей территоріи, такъ и по численности народонаселенія. Она занимаетъ сплошное пространство отъ пролива Сенъ Жюанъ де Фука до полуострова Флориды, равное приблизительно 7500000 кв. километровъ, т.-е. площадь, почти равную всему европейскому матеріку. Къ этой обширной территоріи нужно еще прибавить недавнія приобрѣтенія, сдѣланныя въ Новомъ Свѣтѣ, Аляску и островъ Порто-Рико, а также Гавайскій архипелагъ, Филиппины, Гуамъ, наибольшій изъ Маріанскихъ острововъ, и нѣкоторые небольшіе острова Океаніи. Общее число всѣхъ земель, входящихъ въ составъ этой обширной политической единицы, едва ли меньше 10 милліоновъ кв. километровъ, что составляетъ приблизительно одну четырнадцатую часть всей суши. Что же касается населенія, то численность его еще не достигла той цифры, которая стояла бы въ такомъ же отношеніи къ численности всего населенія нашей планеты; она равняется приблизительно 80 милл. жителей, т.-е. немного больше 10 человѣкъ на квадратный километр¹⁾; но ежегодный приростъ увеличивается необычайно быстро, и если мы будемъ принимать въ расчетъ качества людей, а не одно только количество ихъ, то мы должны поставить американцевъ впереди всѣхъ по отвагѣ, богатству, инициативѣ, энергіи въ работѣ. Продукты, созданные этимъ юнымъ народомъ въ теченіе послѣдняго столѣтія, превосходятъ по своей матеріальной цѣнности всѣ тѣ сокровища, которыя были собраны какой-либо изъ великихъ націй Европы въ продолженіе всѣхъ истекшихъ донинѣ вѣковъ.

Къ могуществу Сѣверо-Американской республики прибавляется ея вліяніе въ сосѣднихъ странахъ. Такъ, Канада и другія провинціи, составляющія вмѣстѣ съ нею Владѣнія Канады, находятся въ сферѣ моральнаго вліянія Соединенныхъ Штатовъ, настолько сильнаго, что являются какъ бы дополненіемъ ихъ. Когда вашингтонскій кабинетъ расходится въ вопросахъ политики съ англійскимъ правительствомъ, онъ грозитъ или хвалитъ Канаду какъ отца, который журитъ своихъ дѣтей; официальное присоединеніе представляется излишнимъ: настолько оно кажется уже осуществленнымъ съ точки зрѣнія какъ соціальной, такъ и моральной.

1) Средняя густота населенія земного шара, по всѣмъ вѣроятіямъ, нѣсколько выше 11 человѣкъ на квадратный километръ.

Въ другихъ мѣстахъ, т.-е. въ испано-американскихъ странахъ, вліяніе «янки»—слово, произносимое со страхомъ, смѣшаннымъ съ восторгомъ, передъ ихъ отвагой—сказывается значительно меньше, чѣмъ въ британскихъ провинціяхъ Владѣнія Канады; однако, оно всегда чувствуется, хотя бы и оставалось скрытымъ; Соединенные Штаты не упускаютъ, къ тому же, случая напомнить о себѣ второстепеннымъ государствамъ, дѣлая или различныя дипломатическія предложенія—тѣ же замаски-

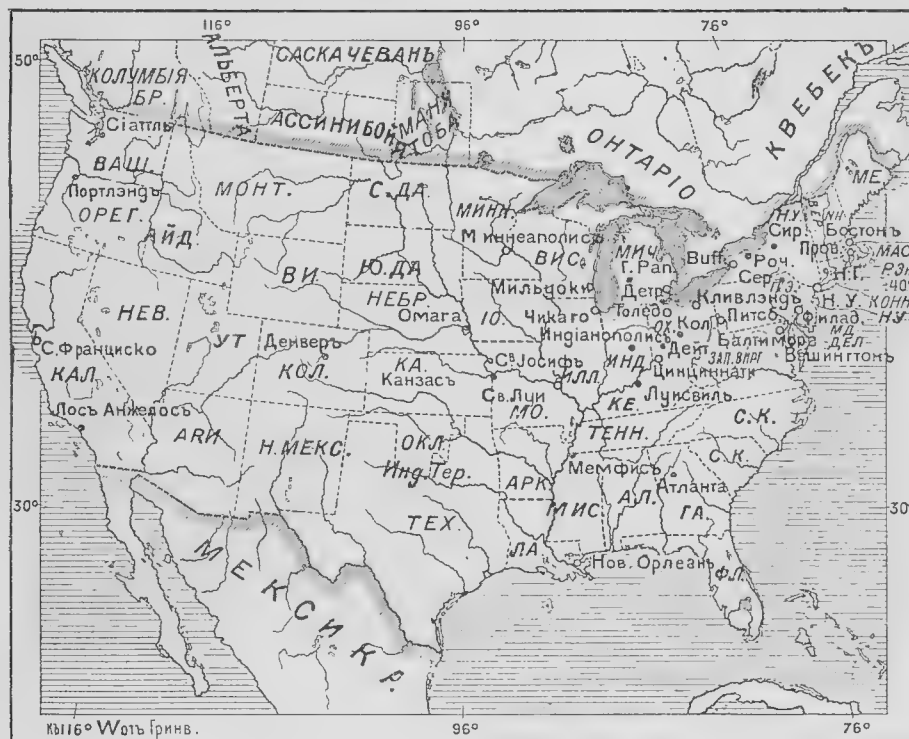
Нью-Йоркскій рейдъ, съ Бруклинскаго моста.

Посреди́нѣ островъ Эллисъ-Эйлэндъ, куда пристають иммигрантскія суда; направо — Нью-Йоркъ; налѣво — Бруклинъ; на горизонтѣ — высоты Статусъ-Эйлэнда.

рованные приказы — или налагая на нихъ всю тяжесть своего высокаго покровительства. Неоднократно приходилось испано-американскимъ республикамъ стряхивать съ себя слишкомъ давящую опеку, но не въ ихъ силахъ помѣшать все растущему вліянію Соединенныхъ Штатовъ, естественно завоевывающихъ первое мѣсто въ общихъ предпріятіяхъ, какъ, напримѣръ, въ проведеніи «паанамериканской» желѣзной дороги, которая должна соединить Беринговъ проливъ съ Магеллановымъ. Однако, первенство въ Новомъ Свѣтѣ не удовлетворяетъ могущественную республику. Не отъ имени ли всей націи воскликнулъ недавно ея вождь, широкимъ жестомъ указывая на необъятную ширь Тихаго океана: «И тамъ, черезъ немного лѣтъ, будетъ лишь наше владычество»!

Но господство покупается цѣной потери идеаловъ, цѣной преступленій. Оккупация Филиппинъ американскими солдатами не прибавила красной страницы въ исторіи республики! Также ничѣмъ не прикрытый захватъ острова Пуэрто-Рико, или официально именуемаго Порто-Рико, вопреки мѣстной автономіи, такъ высоко цѣнимой гражданами Соединенныхъ

№ 535. Города и штаты американской республики.

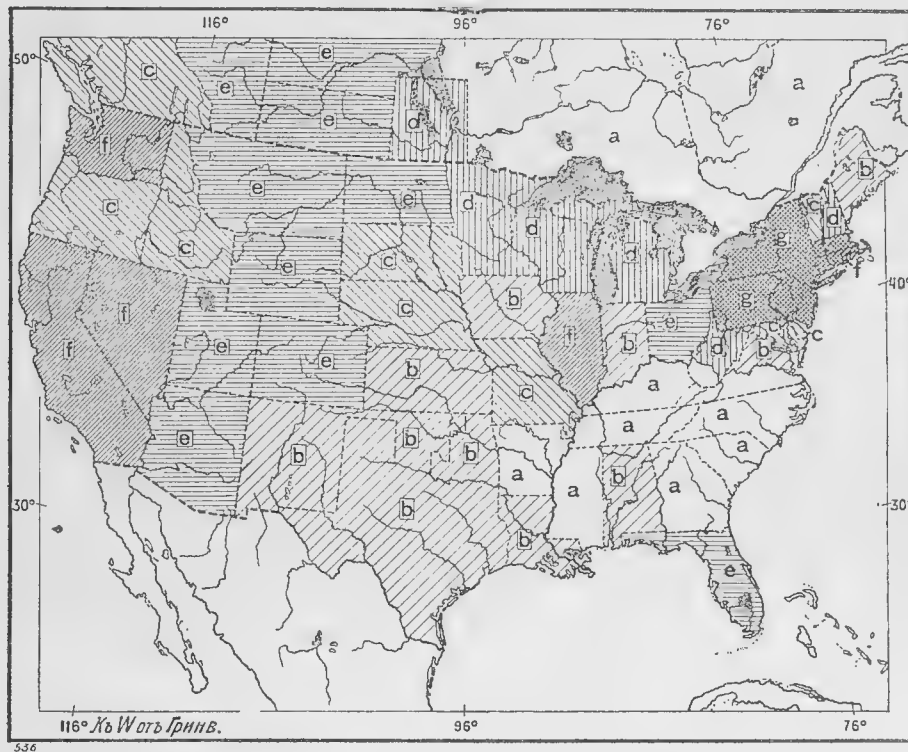

Круги съ точкой въ центрѣ представляютъ мѣста съ населеніемъ свыше 500'000 жителей, простые кружки — съ населеніемъ болѣе 250'000, черныя точки — свыше 100'000. Вблизи лежащіе города соединены въ одинъ кружокъ, по имени наибольшаго изъ нихъ: такъ, С.-Поль соединенъ съ Миннеаполисомъ, Аллегени съ Питтсбургомъ, Джерси-сити, Ньюаркъ и Патерсонъ, — съ Нью-Йоркомъ; Фоль-Риверъ съ Провидансомъ; Уорчестеръ съ Бостономъ.
Штаты показаны, слѣдуя официальнымъ сокращеніямъ: Га=Георгія; Ке=Кентукки; Ла=Луизиана; Ме=Мэнъ; Мо=Миссури и т. д.

Штатовъ, не имѣетъ иного оправданія, кромѣ права сильного. Наконецъ, сомнительными являются также свобода и независимость острова Кубы, если вспомнить, что она была вынуждена уступить своей могущественной сосѣдкѣ мѣста для водворенія гарнизоновъ и устройства складовъ, надзоръ за таможенными и веденіе иностранной политики.

Разселеніе жителей, распредѣленіе соціальныхъ и матеріальныхъ благъ, конечно, очень неравномѣрно на огромной территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Стремленіе къ смягченію неравенства естественнаго распредѣленія, существующаго между побережьями Атлантическаго и Тихаго океановъ, сказывается въ большой работѣ, имѣющей цѣлью облегчить сношенія

№ 536. Увеличеніе народонаселенія Америки.

Масштабъ этой карты тотъ же, что и № 535.

На картѣ показано увеличеніе жителей на каждую тысячу американскаго населенія, вслѣдствіе иммиграціи, совершившейся отъ 1-го іюля 1906 года до 30-го іюня 1907 года, для каждого штата въ отдѣльности.

а — меньше 7; b — отъ 1 до 4,63; c — отъ 6—9,95; d — 10,21—12,62; e — 15,7—18,80; f — 21,70—28,20; g — болѣе 30 60 на тысячу; штатъ Нью-Йоркъ 53,2 на тысячу.

Для канадскихъ провинцій увеличеніе населенія можетъ быть дано только приблизительно. Для Мексики статистическія данныя отсутствуютъ.

Сравни далѣе діаграмму распредѣленія иммигрантовъ между отдѣльными штатами по національностямъ.

съ внѣшнимъ міромъ, но всего болѣе жизненной силы принадлежитъ, тѣмъ не менѣе, берегамъ, обращеннымъ къ Европѣ—родинѣ переселенцевъ, источнику ихъ цивилизаціи. Говоря вообще, можно сказать, что густота населенія пропорціональна достоинствамъ почвы и климатическимъ условіямъ, которыя въ этихъ странахъ могутъ быть классифицированы въ извѣстномъ порядкѣ: долины, горы или плоскогорья; мѣстно-

сти, изобилующія дождями или страдающія отъ засухи; земли, богатыя рудами или земледѣльческими продуктами; близость или отдаленность отъ мѣстъ сбыта или портовъ. Но, несмотря на удобство путей сообщенія и связанную съ этимъ легкость передвиженія, первоначальное значеніе, пріобрѣтенное колоніями на Атлантическомъ побережьи, заселенными уже триста лѣтъ тому назадъ, такъ велико, что это даетъ имъ значительный перевѣсъ надъ колоніями, расположенными внутри страны и по побережью Тихаго океана. И теперь еще ихъ относительное значеніе продолжаетъ расти изо дня въ день благодаря все новому потоку иммигрантовъ, изъ которыхъ значительная часть—въ среднемъ одна треть—селится въ штатахъ, сосѣднихъ съ мѣстами высадки. Какъ ни широкъ океанъ съ этой стороны—отъ 4000 до 5000 километровъ,—онъ все же не достигаетъ размѣровъ Тихаго океана, и переѣздъ по нему сравнительно легокъ. Новый Свѣтъ обращенъ къ Старому побережью Атлантическаго океана.

Бостонъ, главный городъ сѣверо-восточныхъ штатовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Новой Англіи, принадлежитъ къ числу мѣстъ, куда были направлены первыя волны иммиграціи, такъ какъ уже въ 1630 году англійскіе странники поселились на островѣ, сдѣлавшемся ядромъ, вокругъ котораго выросъ въ послѣдствіи городъ; быть-можетъ, даже норманны оставили на берегахъ одной изъ этихъ рѣкъ, впадающихъ здѣсь въ заливъ, нѣкоторые слѣды своего происхожденія ¹⁾.

Обладая прекраснымъ портомъ, образуемымъ нѣсколькими заливами, Бостонъ, все развиваясь, могъ свободно соединиться съ южной стороной берега и съ портами, расположенными противъ Лонгъ-Эйланда. Онъ сдѣлался также однимъ изъ морскихъ выходовъ долины ледниковаго происхожденія, тянущихся съ востока на западъ до Гудсонова залива, и находится на естественномъ продолженіи долины Могавка, ведущей непосредственно къ области Великихъ Озеръ, тогда какъ другіе пути, защищенные на сѣверо-западѣ озерными долинами, дѣлящими громады горъ, соединяютъ Бостонъ съ Монреалемъ, океанскимъ портомъ Св. Лаврентія, наиболѣе глубоко врѣзывающимся въ материкъ. Кромѣ того, большіе лѣса, окружающіе столицу Массачусетса, даютъ ей естественныя преимущества, снабжая ея верфи необходимымъ строительнымъ матеріаломъ; сосѣднія рѣки являются источникомъ энергіи, а побережье даетъ громадный уловъ рыбы на прилежащихъ отмеляхъ. Но не въ однихъ природныхъ богатствахъ сила Бостона: онъ гордится своими мыслителями, писателями, знаменитыми людьми во всѣхъ областяхъ мысли, которые родились и воспитывались въ его стѣнахъ: это литературный, артистическій, научный центръ Соединенныхъ Штатовъ по

1) См. т. III, стр. 516, 517.

преимуществу, и не безъ права скромно именуется онъ себя «hub of the universe» — «ступица» огромнаго движущаго колеса міра!

Совокупность городовъ на островахъ, полуостровахъ и материкѣ, часть которыхъ извѣстна подъ именемъ Нью-Йорка и составляетъ послѣ Лондона наиболѣе многочисленную группу народонаселенія, обладаетъ тѣми же преимуществами, что и Бостонъ, но еще болѣе рѣзко выраженными. Великій «эмпорій» Сѣверной Америки также расположенъ

Видъ на Нью-Йоркъ съ Эллисъ-Эйланда.

на изрѣзанномъ заливами побережьи, но онъ обладаетъ тѣмъ большимъ преимуществомъ, что всѣ эти бухты и рейды, образуемые моремъ, совершенно замаскированы островомъ Лонгъ-Эйлэндомъ, оставляющимъ по обѣимъ сторонамъ выходъ къ морю; такимъ образомъ, городъ отлично защищенъ, сохраняя въ то же время двѣ широко раскрытыя двери. Мало того, Нью-Йоркъ расположенъ въ устьѣ настолько широкой и могучей рѣки, что голландецъ Гудсонъ, открывшій ее, припаялъ ее даже за морской проливъ, дающій выходъ къ Тихому океану; рѣка эта представляетъ наиболѣе удобный путь по направленію къ канадскому Средиземному морю, и лишь благодаря ей, а также желѣзнымъ дорогамъ, идущимъ вдоль ея береговъ, и каналу, служащему ея продолженіемъ, Нью-Йоркъ сдѣлался главнымъ портомъ всей сѣверной и центральной части Соединенныхъ Штатовъ, вплоть до Миссиссиппи. Глубокое пониженіе

поверхности, выраженное съ удивительной рѣзкостью у основанія всѣхъ полуострововъ и образующее нѣчто въ родѣ внутренняго побережья, развертывается отъ Гудсонова залива до дельты Потомака, параллельно подаллеганскому «Пьемонту». Эта глубокая долина окаймлена вѣнцомъ большихъ городовъ, расположенныхъ въ заливахъ, куда могутъ заходить корабли, непосредственно достигая, такимъ образомъ, рынковъ густо заселенной страны. Нью-Йоркъ—первая жемчужина среди атлантическихъ городовъ; затѣмъ слѣдуютъ, по направленію къ юго-западу, Трентонъ, Филадельфія, Вильмингтонъ, Балтимора, Вашингтонъ. Среди этихъ городовъ-исполнителей, Балтимора и Филадельфія имѣютъ большое коммерческое значеніе, хотя все же сильно уступаютъ Нью-Йорку и даже находятся отчасти въ зависимости отъ него, вслѣдствіе значительно лучшихъ условій, въ которыхъ находится этотъ большой портъ, который, къ тому же, менѣе другихъ отдаленъ отъ Европы; для большей части иммигрантовъ, направляющихся въ болѣе южные Штаты, Нью-Йоркъ является, тѣмъ не менѣе, мѣстомъ высадки и первымъ этапомъ на континентѣ Новаго Свѣта. Нью-Йоркъ, какъ и другіе порты къ югу отъ него, лежитъ подъ такой широтой, что морской путь къ нему почти всегда свободенъ отъ тумановъ и ледяныхъ горъ, представляющихъ большую опасность въ болѣе сѣверныхъ странахъ.

Всѣ эти причины обусловили необычайно быстрый ростъ Нью-Йорка. Въ 1897 году онъ присоединилъ къ себѣ Бруклинъ и другія большія предмѣстья на островѣ Лонгъ-Эйлэндъ; его народонаселеніе исчислялось въ четыре милліона уже въ 1904 г., но подсчетъ этотъ есть одна изъ административныхъ фикцій: можно разсматривать, какъ часть Нью-Йорка, нѣсколько важныхъ городовъ, находящихся въ другомъ штатѣ, Нью-Джерси, но возникшихъ какъ естественныя добавленія большого жизненнаго центра и растущихъ съ поразительной быстротой: Джерси-Сити, Елизабетъ, Гобокенъ, Ньюаркъ, Патерсонъ. Сравнивая «Великій Лондонъ», имѣющій въ окружности приблизительно 23 километра, съ «Великимъ Нью-Йоркомъ», имѣющимъ тѣ же размѣры, мы видимъ, что разница въ численности народонаселенія этихъ двухъ городовъ незначительна. Рѣка Гудсонъ и болотистыя мѣста,—бывшіе проливы архипелага, не обратившіеся еще въ твердую землю, отдѣляютъ пока эти города отъ ихъ метрополіи.

Вашингтонъ—городъ, построенный по плану, заранѣе опредѣлявшему его, какъ политическую и административную столицу Соединенныхъ Штатовъ—обладаетъ несомнѣнными преимуществами, которыми умѣло пользуются его жители, опираясь на поддержку обще-государственной казны. Онъ сдѣлался большимъ городомъ, главнымъ образомъ, потому, что явился резиденціей официальнаго міра, гдѣ сосредоточены

всѣ нити закулисныхъ заправиль, направляющихъ парламентскихъ ма-

№ 537. Нью-Йоркъ и его окрестности.

1: 500 000

0 5 15 30 килом.

Масштабъ этой карты тотъ же, что карты Лондона (стр. 305, томъ V). Населеніе всей мѣстности, представленной на картѣ, равно приблизительно 5250000 (1907). Густота населенія на обѣихъ территорияхъ почти одинакова. Границы современнаго Нью-Йорка обозначены пунктирной линіей.

ріонетокъ. Кромѣ того, онъ занимаетъ первое мѣсто по научнымъ богатствамъ своихъ большихъ библіотекъ и музеевъ; но, несмотря на все

это, ему не хватаетъ жизненной силы, характерной для естественнаго роста, сообразно съ данными условіями и съ геніемъ первыхъ поселенцевъ. Самый видъ города свидѣтельствуетъ о томъ, что жители его живутъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Вашингтонъ не выросъ изъ земли: это искусственное дѣтище политики и притомъ неудачной, стремившейся, во что бы то ни стало, перенести на югъ, въ страну плантаторовъ-рабовладѣльцевъ, политическій центръ новой республики, — центръ, который находился первоначально въ Филадельфіи, дѣйствительной точкѣ равновѣсія всѣхъ силъ, возставшихъ противъ Англіи. Выборъ Вашингтона былъ прежде всего дѣломъ реакціи, зарывавшей безъ счета деньги въ эту болотистую мѣстность, воздвигая на ней дворцы для новаго города, съ цѣлью укрѣпить консервативные и диктаторскіе элементы юга. Городъ и впослѣдствіи былъ мало оздоровленъ, и суда избѣгаютъ извилистое, занесенное иломъ устье Потомака. Это перенесеніе естественнаго центра тяготѣнія явилось роковымъ для всей политики Соединенныхъ Штатовъ.

На югъ отъ Вашингтона прямая линія, столь правильно идущая отъ рѣки къ рѣкѣ между городами, рѣзко измѣняетъ направленіе, перейдя Потомакъ: она поворачиваетъ перпендикулярно къ рѣкѣ Джемсъ въ той географической точкѣ, гдѣ теченіе воды расширяется въ дельту, образуя, такимъ образомъ, удобный рейдъ для морскихъ судовъ. Тутъ расположенъ Ричмондъ, имѣющій также нѣкоторое значеніе, главнымъ образомъ, историческое, такъ какъ въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ былъ столицею рабовладѣльческой конфедераціи. Но этотъ городъ, самый древній изъ атлантическихъ городовъ, не могъ развиваться какъ вслѣдствіе худшихъ условій для мореходства, такъ и по экономическимъ условіямъ труда, сохранившимся въ странѣ до послѣдняго времени: принципъ рабовладѣнія и крупной собственности въ связи съ устарѣвшей культурой табака не поощряетъ развитія широкой личной инициативы. Еще и теперь европейскіе иммигранты избѣгаютъ южныхъ штатовъ.

Первыя поселенія бѣлыхъ американцевъ едва ли существовали въ 1790 году—времени первой переписи—за Аллеганскимъ хребтомъ съ его острогами на сѣверъ и югъ. Даже въ 1800 году, въ то время, когда первоначальное ядро тринадцати соединенныхъ колоній увеличилось присоединеніемъ новыхъ поселеній на пространствѣ между областью Великихъ озеръ и Мексиканскимъ заливомъ, занятой въ настоящее время девятью штатами, едва насчитывалось 400000 бѣлыхъ жителей, изъ которыхъ большая половина заселяла лѣвый берегъ Огайо. Населеніе этихъ же штатовъ превосходитъ теперь 24 милліона жителей, что составляетъ треть всего числа народонаселенія Американской республики. Наибольшія усилія направлены въ настоящее время къ измѣненію сѣверныхъ штатовъ этой части страны.

Большие центры съ ихъ огромной притягательной силой создавались внезапно, сообразно съ опредѣляющими условіями среды. Наибо-

№ 538. Гирлянда атлантическихъ городовъ.

1: 6 000 000

0 100 200 300 килом.

Города, имѣющіе свыше 50000 жителей, показаны кружками, поверхность которыхъ пропорциональна ихъ народонаселенію. Линны и Кэمبرиджъ присоединены къ Бостону; Ньюаркъ, Дженсисити, Елизабетъ, Патерсонъ, Гобокенъ, Йонкерсъ — къ Нью-Йорку; Кэмпбелъ — къ Филадель. ии. Населеніе отдѣльныхъ штатовъ, внѣ этихъ городовъ, показано сѣткой, причемъ каждый квадратикъ соответствуетъ около 12000 жителей.

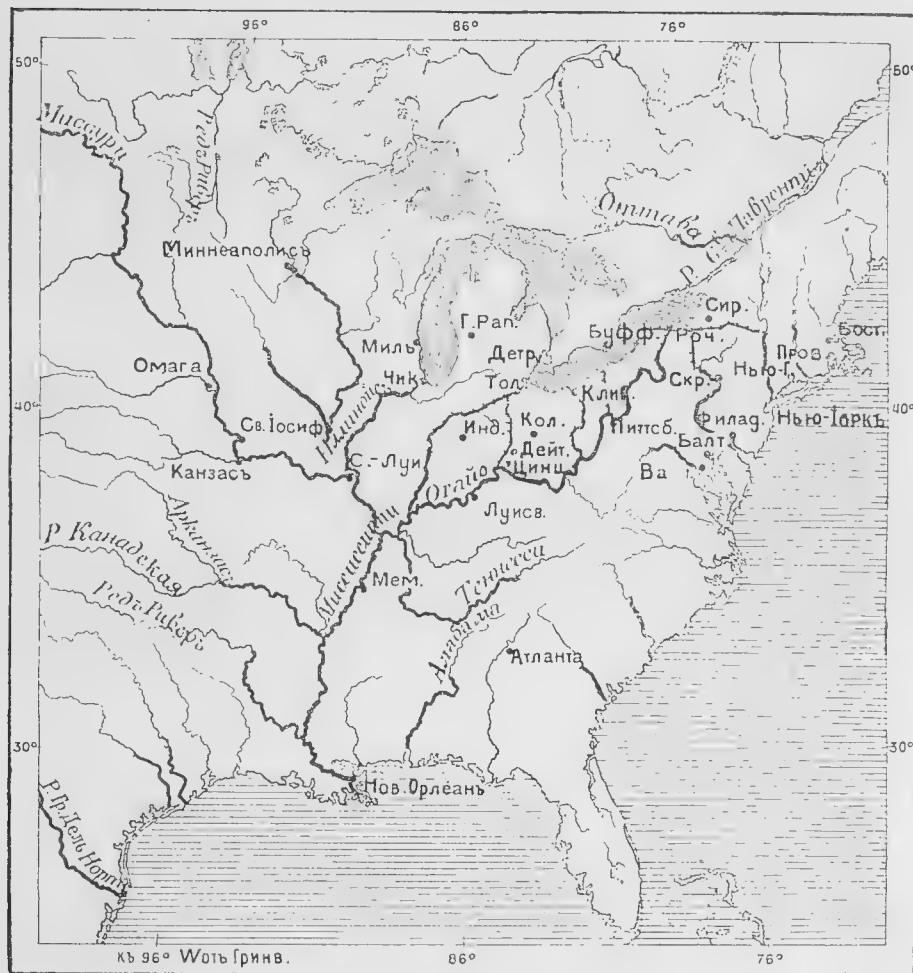
лѣе живые и торговые города естественно возникали одинъ за другимъ на побережьи или въ непосредственномъ сосѣдствѣ канадскаго Средиземнаго моря, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ первые поселенцы силою вещей

должны были останавливаться и устраивать склады, магазины, верфи, образуя, такимъ образомъ, первоначальныя ядра, къ которымъ въ послѣдствіи стекались тысячи, десятки и сотни тысячъ людей. Такъ, Буффало, выросшій въ преріяхъ, занятыхъ еще двѣсти лѣтъ тому назадъ только стадами бизоновъ, возникъ изъ небольшой, хорошо защищенной гавани, тамъ, гдѣ воды озера Эри начинаютъ тѣсниться, образуя рѣку Ніагару, прерываемую нѣсколько ниже ея грандіознымъ водопадомъ. Кливелендъ, расположенный на срединѣ южнаго берега озера, высится на нѣкогда лѣсистой и теперь еще усаженной тѣнистыми бульварами террасъ. Нигдѣ въ прилегающей странѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы въ одну точку сходились столько естественныхъ путей, какъ здѣсь, въ судоходномъ устьѣ рѣки Кіягога; къ тому же, искусственные пути сообщенія, каналы, шоссе, желѣзныя дороги, удесятирили торговое значеніе этого порта.

Далѣе, у западной оконечности озера, находится Толедо, по расположенію напоминающій Женеву у Леманскаго озера; онъ имѣетъ то преимущество, что товары, идущіе съ низовьевъ Огайо и Миссиссиппи по рѣкамъ, каналамъ или желѣзнымъ дорогамъ, не могутъ миновать этого города. Детроа, на рѣкѣ св. Клары, между озерами Гуронъ и Эри, является вторымъ Буффало по количеству провозимыхъ и перегружаемыхъ здѣсь товаровъ; подобныя же условія еще въ большей мѣрѣ благопріятствуютъ развитію «царицы Запада», Чикаго, завѣтнымъ желаніемъ котораго является первенство среди городовъ міра, и который уже въ настоящее время занимаетъ четвертое мѣсто. Во всѣ времена, даже тогда, когда индѣйскія племена кочевали въ лѣсахъ, разбивали свои палатки по преріямъ, поселокъ, изъ котораго выросъ въ послѣдствіи Чикаго, былъ центромъ постоянныхъ ярмарокъ, будучи естественнымъ порогомъ, отдѣляющимъ бассейнъ Великихъ озеръ отъ бассейна Миссиссиппи; именно въ этомъ мѣстѣ озеро Мичиганъ сливается при посредствѣ рѣки Илинойсъ съ великой рѣкой, и болота, пересохшіе ручейки отмѣчали прежнее русло, занятое въ настоящее время каналами, прорытыми человѣческой рукой. Немного найдется континентальныхъ городовъ, отдаленныхъ отъ моря на такое разстояніе и, тѣмъ не менѣе, непосредственно сообщающихся съ нимъ, какъ Чикаго; правда, это сообщеніе стѣснено естественными препятствіями, нѣкогда непреодолимыми, но нынѣ устраненными благодаря устройству каналовъ и шлюзовъ. Теперь суда бросаютъ якорь въ чикагскомъ порту, отстоящемъ на 2000 километровъ отъ устья рѣки Св. Лаврентія въ Атлантическомъ океанѣ. Другой городъ области Великихъ озеръ, Дулутъ, на западной оконечности Верхняго озера, обладаетъ тѣми же преимуществами, съ той, однако, неблагопріятной для него разницей, которая обуславливается болѣе суровымъ климатомъ, менѣе плодородной почвой, сравнительно рѣдкимъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе, можно судить о громадномъ

движеніи въ этихъ внутреннихъ моряхъ по тому факту, что количество судовъ, проходящихъ по каналамъ Св. Маріи, при выходѣ изъ Верхняго озера превосходитъ по количеству тоннажа всѣ навигаціонные пути міра.

№ 539. Судходныя рѣки Сѣверной Америки.

1 : 25 000 000

0 500 1000 1500 КИЛОМ.

По теченію «Прекрасной» рѣки, Огайо, соединяющей атлантическіе штаты съ миссиссиппской низменностью, расположенъ также рядъ городовъ. Первый изъ нихъ, Питсбургъ, развившійся благодаря стеченію благоприятныхъ условій, залежатъ каменнаго угля и желѣза, газовымъ

и нефтянымъ источникамъ, расположенъ, подобно многимъ большимъ городамъ, въ мѣстѣ сліянія двухъ большихъ рѣкъ, дѣлающихъ водный путь судоходнымъ, что давало ему также извѣстное стратегическое значеніе, понятое еще французами, выстроившими здѣсь въ восемнадцатомъ вѣкѣ фортъ Дюкэнъ; это же мѣстоположеніе дало Питсбургу огромное торговое значеніе, все растущее нынѣ, благодаря густой сѣти различныхъ путей сообщенія, сходящихся въ этомъ городѣ. Въ средней части долины долженъ былъ также возникнуть цѣлый рядъ городовъ. Цинциннати долгое время былъ «царицей Запада»; хотя съ теченіемъ времени другіе города и опередили его въ своемъ развитіи, онъ все же росъ, не переставая, и въ настоящее время онъ является, вмѣстѣ съ прилегающими городами на южномъ берегу Огайо, въ штатѣ Кентукки, однимъ изъ наиболѣе крупныхъ городовъ всего свѣта. Нѣсколько ниже, на той же рѣкѣ, расположенъ Луисвилль, а за нимъ рядъ городовъ штата Индіаны, прилегающихъ къ нему съ сѣвера. Этотъ густо-заселенный торговый центръ является какъ бы вторымъ Цинциннати, и было бы трудно объяснить существованіе почти рядомъ двухъ такихъ крупныхъ городовъ, если бы возникновеніе послѣдняго не вызвано было необходимостью перегрузки и задержки товаровъ вслѣдствіе существованія здѣсь пороговъ Огайо. Переселенческая волна должна была, естественно, устремиться въ сторону этого препятствія и окружающаго его канала, и Луисвилль выросъ на счетъ городовъ, лежащихъ по нижнему теченію Огайо. Онъ въ значительной мѣрѣ замѣнилъ живой узелъ, которымъ должно было быть мѣсто сліянія Миссиссиппи и Огайо, какъ бы предназначенное по географическимъ условіямъ быть центральнымъ мѣстомъ для заселенія низовьевъ Огайо. Но сама природа воспротивилась этому. Съ низменной почвы, нездоровой и илистой, казалось, съ туманомъ подымались малярійные микробы, переменное теченіе при огромной массѣ воды, постоянно измѣняющее каналы, порты, полуострова и отмели; все это сдѣлало даже для изобрѣтательнаго и предприимчиваго американца, несмотря на замѣчательныя гидравлическія сооруженія, плотины, насыпи и проч., невозможнымъ постройку на этомъ мѣстѣ большого города, хотя ему уже дано было горделивое имя египетской столицы Каиръ. Это лишь мѣсто проѣзда, но не осѣдлой жизни.

Вдоль естественной оси всей американской республики, рѣки Миссиссиппи, долженъ былъ также вырасти рядъ крупныхъ городовъ. Двойной городъ С.-Павелъ и Миннеаполисъ или просто «Миннаполь», наиболѣе замѣчательный изъ нихъ по своему чрезвычайно быстрому росту: оба города, расположенные на двухъ близлежащихъ излучинахъ рѣки, устремились навстрѣчу одинъ другому, сливая громады своихъ заводовъ, казармъ, дворцовъ, смѣшивая свои прекрасные бульвары и груды угля, мусора, обломковъ. На среднемъ теченіи Миссиссиппи стоитъ

еще другой городъ, Сенъ-Луи, выстроенный вблизи мѣста слиянія Миссури съ Миссиссиппи, что и обусловило его процвѣтаніе. Благодаря своему положенію въ центрѣ, если не геометрическомъ, то политическомъ, федеральной территоріи, раздѣляемой здѣсь большой долиной на двѣ части, Сенъ-Луи является одной изъ видныхъ метрополій сѣверо-американской республики и долгое время могъ даже претендовать на пер

Видъ на Миссиссиппи изъ парка Сенъ-Луи.

Видъ снятъ внизъ по теченію рѣки; Миннеаполисъ расположенъ вверхъ по теченію на правомъ берегу.

венство среди другихъ городовъ; поблизости отъ него оба притока, Огайо и Миссури, образуютъ съ Миссиссиппи какъ бы крестъ, идущій черезъ всю страну. Центръ всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, не считая Аляски, приходится къ западу отъ этого перекреста, тогда какъ центръ густоты народонаселенія падаетъ далѣе къ востоку, передвигаясь съ каждымъ десятилѣтіемъ къ западу. И вотъ между этими двумя центрами, геометрическимъ и динамическимъ, жизненнымъ, лежитъ Сенъ-Луи, пользуясь естественными преимуществами, вытекающими изъ подобнаго положенія. Но какъ ни велико значеніе этой рѣчной системы,

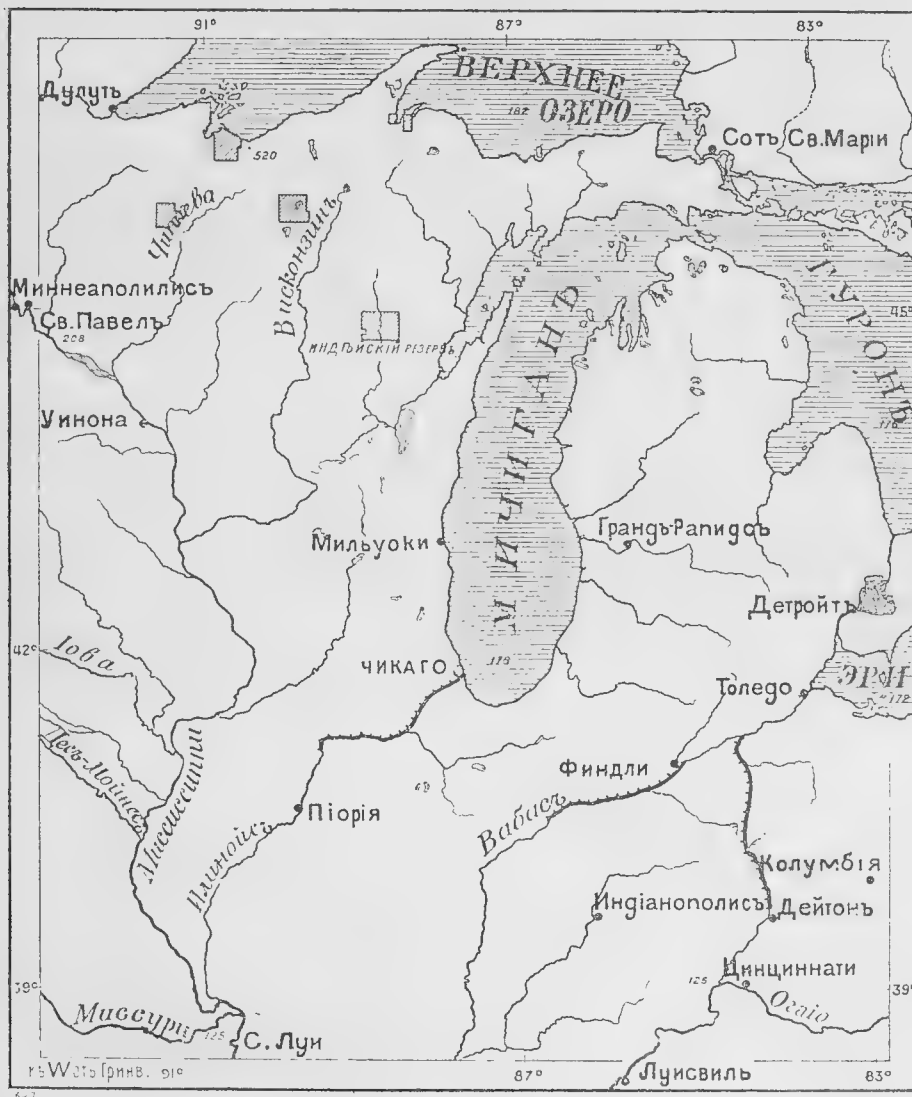
которое увеличивается, къ тому же, Чикагскимъ каналомъ, соединяющимъ этотъ портъ съ Атлантическимъ океаномъ черезъ рѣку Св. Лаврентія; однако, Сенъ-Луи, подверженный частымъ наводненіямъ, иногда замерзающій, не можетъ сравниться въ торговомъ отношеніи съ другими морскими портами. Кромѣ того, на немъ и теперь еще отражаются роковыя послѣдствія борьбы между плантаторами и аболіціонистами во времена рабовладѣнія, главнымъ театромъ которой былъ штатъ Миссури.

Что касается Новаго Орлеана—столицы юга и стража миссисиппскихъ проходовъ и главнаго центра вывоза хлопка и сахара,—то его, какъ одинъ изъ главныхъ оплотовъ рабовладѣльческаго режима, избѣгала иммиграція бѣлыхъ, которая обуславливала ростъ и процвѣтаніе Атлантическаго побережья Соединенныхъ Штатовъ. Другая причина задержки развитія Новаго Орлеана лежитъ въ нездоровомъ климатѣ мѣстности, залитой болотами, полной змѣй, крокодиловъ, москитовъ и часто страдающей отъ эпидеміи желтой лихорадки. Съ тѣхъ поръ, какъ городъ былъ занятъ сѣверными войсками и оздоровленъ, опасный бичъ исчезъ; глубокой проточный каналъ соединилъ плесы, образованные рѣкой Миссисиппи передъ городомъ съ Мексиканскимъ залвомъ; вся страна заселена свободными земледѣльцами, успѣхи во всѣхъ областяхъ стали значительно расти; но въ жизненной конкуренціи между городами, какъ и въ соперничествѣ между отдѣльными людьми, потерянные часы, годы, десятилѣтія не нагоняются.

На западъ отъ Миссисиппи въ большихъ однообразныхъ по виду равнинахъ, поднимающихся постепенно къ подножью Скалистыхъ горъ, расположены большіе города Омага, Канзасъ-Сити, Денверъ въ томъ порядкѣ, который соответствуетъ естественнымъ условіямъ, благопріятствующимъ возникновенію крупныхъ центровъ,—условіямъ, которые даютъ стекающимся сюда массамъ возможность легкой наживы, пріятной жизни, обезпечиваютъ средства къ существованію. Омага, съ городомъ близнецомъ Кунсиль-Блѣфъ, лежащимъ по другую сторону рѣки, господствуетъ надъ обширной земледѣльческой и торговой областью, гдѣ сливаются всѣ развѣтвленія верхняго теченія Миссури съ длиннымъ теченіемъ Платта; Канзасъ-Сити, расположенный ниже, при соединеніи Миссури и Канзаса, занимаетъ мѣсто скрещенія двухъ историческихъ путей: одного, идущаго съ юга на сѣверъ, къ большимъ степнымъ пространствамъ, другого—съ востока на западъ, къ долинамъ Скалистыхъ горъ, откуда пути расходятся черезъ горные хребты къ Тихому океану и бассейну Коломбо. Наконецъ, въ Денверѣ, у самаго подножья хребта, образующаго главный остовъ сѣверо-американскаго континента, сходятся, какъ пучокъ стрѣлъ въ рукѣ воина, всѣ дороги, поднимающіяся къ копиямъ, къ горячимъ источникамъ, къ горнымъ лѣсамъ. По ту сторону, на склонѣ горной громады съ его параллельными хребтами и

обширными бесплодными равнинами, могутъ возникать въ рѣдкихъ плодородныхъ долинахъ лишь города-оазисы и городскія поселенія, имѣю-

№ 540. Отъ Толедо въ Дулутъ и въ Сенъ-Луи.

1 : 7 500 000

0 100 200 400 килом.

щіе болѣе или менѣе временный характеръ; они возникаютъ при зарожденіи какого-нибудь горнаго предпріятія и затѣмъ падаютъ, какъ

только изъ жилъ скалъ выбранъ весь металлъ. Далѣе, по ту сторону горъ, на узкой полосѣ полей, тянущейся вдоль Тихаго океана, показывается снова рядъ большихъ городовъ на югъ и на сѣверъ отъ прекраснаго Санъ-Франциско, который стремится къ тому, чтобы господствовать со временемъ на побережьи океанскаго амфитеатра, развертывающагося на западъ до Китая, Австраліи и Индіи.

Этотъ громадный міръ, именуемый Сѣверо-Американской республикой; этотъ гигантъ, простирающій руки отъ Атлантическаго до Тихаго океана, зародился къ жизни и оформился лишь немного десятилѣтій тому назадъ. Новый народъ возникъ внезапно между другими и оказался наиболѣе могущественнымъ изъ всѣхъ. Но это чудесное превращеніе совершилось лишь благодаря переселенію выходцевъ изъ Стараго Свѣта; это явленіе относится прежде всего къ исторіи Европы, стѣсненной въ своемъ развитіи и стремившейся расширить свои владѣнія и по ту сторону моря. Что же касается первобытнаго населенія Америки, то его роль въ эволюціи, которая привела къ образованію федеральной республики, была чисто-пассивная: какъ въ античныхъ обрядахъ, они явились жертвами, принесенными на алтарь. Совершенно новыя экономическія условія вліяли различнымъ образомъ на ту же среду: охотникъ не могъ ужиться съ земледѣльцемъ, а если бы это и являлось возможнымъ, то лишь тамъ, гдѣ пахарь-переселенецъ не былъ бы чистѣйшимъ варваромъ, вопреки Библии и писаннымъ законамъ. Индѣйскіе рыболовы были болѣе привязаны къ своимъ мѣстамъ такъ же, какъ и тѣ, кто уже тогда обрабатывалъ землю, и съ ними-то и возникли первые конфликты у европейскіхъ поселенцевъ; но большинство индѣйцевъ вели полукочевой образъ жизни благодаря преобладающему занятію охотой, и они все болѣе углублялись въ пустыни, спасаясь отъ преслѣдованія припѣльцевъ. Эти перемѣщенія туземныхъ племенъ всегда происходили очень быстро, и нерѣдко черезъ небольшое число лѣтъ огромныя пространства, лѣса, рѣки уже отдѣляли старыя кочевья отъ новыхъ. Такъ, племя сіу, заклятые «враги» алгонкиновъ ¹⁾, тѣ, которыхъ называли «подобными змѣямъ», жило, повидимому, первоначально на апалахскихъ долинахъ и по Атлантическому побережью, гдѣ еще недавно оставалось нѣсколько представителей этого племени на берегахъ Санти, къ сѣверу отъ Чарлстона, но по мѣрѣ того, какъ стада бизоновъ становились все рѣже въ восточныхъ земляхъ и переходили на западъ, въ полосу прерій, племя сіу также перекочевывало вслѣдъ за своей добычей; и тѣ и другіе, по ту сторону Миссиссиппи и Миссури, должны были погибнуть подъ ударами

1) W. J. Mac Gee, «The Siouan Indians», from the fifteenth annual Report, of the Bureau of Ethnology, 1897, p. 158.

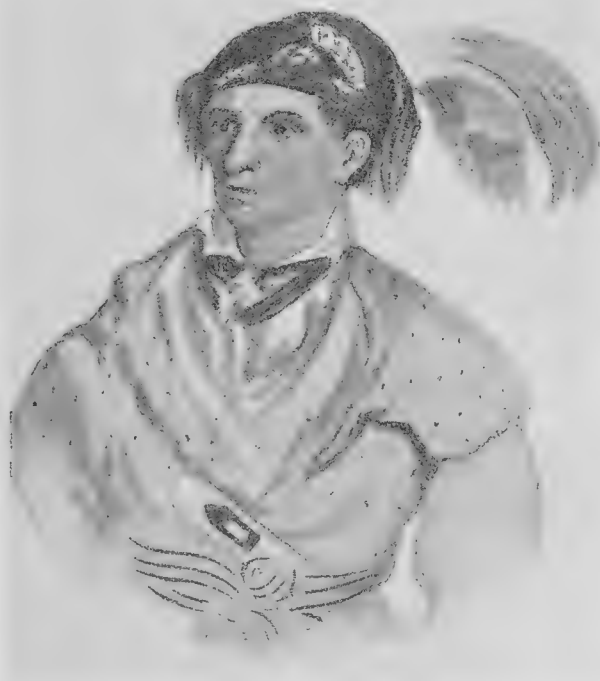
бѣлыхъ охотниковъ, значительно лучше вооруженныхъ, чѣмъ краснокожіе.

Извѣстно, что еще до избіенія охотничьихъ народовъ, спасавшихся на Дальнемъ Западѣ, многія племена краснокожихъ были систематически истребляемы, и что особенно «пуритане» Новой Англіи отдались этому человѣконенавистническому дѣлу съ чисто-религіознымъ рвеніемъ. Прпмѣръ іудейскаго народа, истребившаго зебузійцевъ и амалекитянъ,— ничто въ сравненіи съ тѣми преслѣдованіями и избіеніями индѣйскихъ племенъ, которыми ознаменовалась эта первая эпоха колонизаціи Америки; всѣ эти походы на индѣйцевъ, сопровождавшіеся звѣрскими бойнями, предпринимались исключительно съ цѣлью захвата ихъ земель безъ платы или же просто подъ вліяніемъ грубыхъ звѣрскихъ инстинктовъ, жестокаго увлеченія битвой. Часто уничтоженіе расы производилось вполне систематически: ей прививались заразные болѣзни, или раздавалась скверная водка. По этому поводу жестокая толпа любитъ повторять проищескую пословицу: «скверный виски дѣлаетъ хорошихъ индѣйцевъ», т.-е. убиваетъ ихъ.

Нѣсколько тысячъ краснокожихъ спаслось въ Канадѣ и Мексикѣ; другіе защищены пока песчаными или скалистыми пустынями; есть, наконецъ, нѣкоторыя убѣжища, «резерваціи», неприкосновенность которыхъ новые побѣдители милостиво согласились уважать; такимъ убѣжищемъ является, напримѣръ, урочище «Шести національностей» въ штатѣ Нью-Йоркъ. Но болѣе всего спасаетъ туземцевъ отъ полного вымиранія то обстоятельство, что подъ вліяніемъ окружающей ихъ европейской цивилизаціи они невольно европеизируются: они говорятъ на языкѣ своихъ побѣдителей, они знакомы съ ихъ ремеслами, перенимаютъ ихъ права; когда связь индѣйца съ племенемъ порвана, ему ничто не мѣшаетъ сдѣлаться гражданиномъ, избирателемъ или даже быть выбраннымъ наравнѣ съ бѣлыми, рядомъ съ которыми онъ живетъ. Нужно сказать, что въ школахъ, гдѣ обучаются дѣти индѣйскаго происхожденія, они оказываются ничѣмъ не ниже американцевъ бѣлой расы; напротивъ, они отличаются отъ послѣднихъ болѣе серьезнымъ отношеніемъ и къ дѣлу и степеннымъ поведеніемъ. Въ большомъ колледжѣ Гампденъ, расположенномъ на оконечности полуострова, которая защищаетъ съ востока входъ въ Чизапикскій заливъ, насчитывается около сотни индѣйскихъ учащихся, принадлежащихъ, по большей части, къ кочующимъ еще племенамъ Дальняго Запада; трудно представить себѣ болѣе прекрасное зрѣлище, чѣмъ эти стройные, энергичные, немного грустные молодые люди, которые работаютъ съ такимъ спокойнымъ и серьезнымъ пониманіемъ и проявляютъ такъ много собственного достоинства какъ въ разговорѣ, такъ и въ манерѣ держать себя.

Въ Африкѣ, въ Океаніи, многія племена, сознавая свою обречен-

ность на смерть, безропотно покоряются судьбѣ, не пытаясь отстоять свое существованіе. Но не то американскіе индѣйцы. Они хотятъ жить, и, конечно, они не погибнуть, хотя, подобно другимъ національностямъ, раствореннымъ въ огромномъ горнилѣ американской расы, ихъ неиз-

Краснокожій племени чирокезовъ.

бѣжная судьба — слиться съ остальной массой населенія. Даже въ численномъ отношеніи они не уменьшаются; официальные данныя, публикуемыя каждыя десять лѣтъ на основаніи народной переписи Соединенныхъ Штатовъ и дающія за 1900 годъ сумму 237224 индѣйца, не имѣютъ никакого значенія въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ приведенномъ подсчетѣ приняты во вниманіе лишь тѣ индѣйцы, которые живутъ еще племенами, тогда какъ общая эволюція ведетъ ихъ къ

освобожденію отъ связи съ племенемъ и къ растворенію въ общей массѣ американцевъ; хотя ихъ и не причисляютъ уже къ индѣйцамъ, это, конечно, не мѣняетъ ихъ истиннаго происхожденія, независимо отъ того, сохраняютъ ли они свои расовые признаки во всей чистотѣ, или нѣтъ? Впрочемъ, такъ какъ кровь краснокожихъ считается «благородной»,—вѣроятно потому, что они отказывались работать на бѣлыхъ, и даже кнутъ не могъ ихъ къ этому принудить,—то браки между бѣлыми европейскаго происхожденія и индѣйскими дѣвушками считаются вполне допустимыми и заключаются довольно часто въ западныхъ штатахъ. Тысячами можно насчитать метисовъ, которые ведутъ свое происхожденіе отъ французскихъ путешественниковъ по Канадѣ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, и которые живутъ среди индѣйскихъ племенъ. Бывали случаи, когда смѣшенія бѣлой и индѣйской крови происходили вполне систематично.

Такъ, племя чокта сохранило, несмотря на всѣ хищенія, санкціонированныя эдиктами конгресса обширныя земельныя пространства, что естественно возбуждало корыстные возжелѣнія жившихъ въ окрестностяхъ бѣлыхъ; но имъ не представлялось иного законнаго способа овладѣть землей, кромѣ женитьбы на чоктавскихъ дѣвушкахъ, такъ какъ по законамъ страны всякій бѣлый, берущій въ жены чоктавку, получалъ въ приданое 55 акровъ (23 гектара) хорошей земли и, кромѣ того, нѣкоторую сумму, ассигнуемую ежегодно на каждаго члена семьи; такимъ образомъ, благосостояніе увеличивалось съ ростомъ семьи. При этихъ условіяхъ молодые американскіе фермеры, полные жаждой наживы, готовы были находить чоктавокъ красивыми, умными, добрыми и очень охотно женились на нихъ. Но такъ какъ націи грозило полное обезземеленіе, то было

Краснокожій племени кіоваевъ.

рѣшено, что послѣ 1 ноября 1899 года, мужья иностраннаго происхожденія не будутъ получать приданого. Какъ слѣдствіе такого постановленія, поднялась большая спѣшка въ заключеніи браковъ, и въ теченіе шести недѣль больше шести-сотъ бѣлыхъ женилось на «скво» («squaw») племени чокта.

Какъ примѣръ поразительной жизнеспособности этихъ индѣйскихъ племенъ, не желающихъ вымирать, можно привести племя чироки (чирокезовъ), на долю котораго выпало такъ много преслѣдованій, несправедливостей, насилій всякаго рода. Въ началѣ восемнадцатаго вѣка, когда территория, гдѣ они промышляли охотой, занимала всю южную часть Аппалачскаго хребта и отроги горъ, принадлежащихъ въ настоящее время штатамъ Каролинѣ, Георгіи, Алабамѣ и Тенесси, общая сумма чирокскаго на-

селенія, считая по числу воиновъ, равнялась приблизительно пятнадцати тысячамъ человѣкъ. Въ теченіе столѣтія населеніе увеличилось на одну четверть, несмотря на непрерывныя преслѣдованія и многочисленныя битвы, вызванныя соперничествомъ Франціи и Англіи. Война за освобожденіе увлекла въ своемъ вихрѣ племя чирокезовъ; они снова уменьшились въ числѣ до прежнихъ пятнадцати тысячъ, потомъ, во время послѣдующаго мирнаго періода, ихъ численность снова поднялась. Настала эпоха изгнанія и переселенія племени въ «Индійскую» территорию, по ту сторону Миссиссиппи, на берегахъ Арканзаса; первая партія эмигрантовъ, повѣрившая обѣщаніямъ «дяди Сама», согласилась поѣхать. Но, какъ оказалось, уступленная территория оказалась уже занятой другимъ индѣйскимъ племенемъ—озагами. Для рѣшенія вопроса о правѣ понадобилась война; потомъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ владѣнія, пришлось снова защищаться противъ новыхъ завоевателей—бѣлыхъ. Переселенческое движеніе направилось къ Техасу; тогда независимой республикѣ, которая уступила индѣйцамъ земли въ долинахъ рѣкъ Сабинны, Ангелны, Нехесъ, Св. Троицы, но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ снова отобрала ихъ. Опять начались переселенія, битвы и почти полное разсѣяніе этой фракціи чирокскаго племени, за исключеніемъ небольшой части ея, которой удалось перейти мексиканскую границу и найти, наконецъ, пріютъ на югѣ Гвадалаяра, на берегахъ озера Чапала. Потомки ихъ теперь живутъ тамъ и съ гордостью именуютъ себя гражданами мексиканской республики.

Но главная часть населенія оставалась въ Аппалачскихъ горахъ. Генераль Скотъ, тотъ самый, который впослѣдствіи «прославился» какъ покоритель Мексики, получилъ предписаніе окружить племя чирокезовъ, гнать ихъ изъ долины въ долину, сжигать ихъ посѣвы и лагеря, разорять ихъ могилы. Послѣ пяти лѣтъ жестокой войны ему дѣйствительно удалось изгнать индѣйцевъ изъ всѣхъ ихъ убѣжищъ, кромѣ высокихъ отроговъ Квалла въ горахъ Сѣверной Каролины, гдѣ еще и теперь живетъ маленькое племя чирокскаго происхожденія. Что касается громаднаго числа плѣнныхъ, то ихъ медленно провели черезъ всю громадную американскую территорию, не щадя больныхъ, дѣтей, стариковъ. Въ 1838 г., когда эти несчастные достигли, наконецъ, земли, предназначенной замѣнить имъ ихъ прежнюю родину, ихъ осталось не больше половины, что равнялось тринадцати тысячамъ человѣкъ. Но они жили, мало-помалу, группируясь вокругъ новой столицы—Талеква, сдѣлавшейся постепенно наиболѣе важнымъ центромъ въ территоріи, занятой индѣйскими племенами, переселенными за Миссиссиппи; въ 1900 году число чирокезовъ достигало 38000, не считая представителей ихъ расы, чистокровныхъ или смѣшанныхъ, разсѣянныхъ всюду, кромѣ маленькаго законнаго убѣжища Квалла и индѣйской территоріи на лѣвомъ берегу

Арканзаса, выше его соединенія съ «Канадской рѣкой» до средняго теченія Цимаррона ¹⁾).

Другимъ доказательствомъ живучести индѣйцевъ служитъ совершившаяся у нихъ подъ вліяніемъ «блѣднолицыхъ» эволюція, сохранившая, однако, извѣстную оригинальность. И тутъ можно привести въ качествѣ примѣра чирокезовъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Секвіа, понявъ, что

Аллея въ Риверсидѣ, Калифорнія.

книга даетъ бѣлымъ, притѣснителямъ его расы, большое духовное могущество, рѣшилъ приобщить своихъ единоплеменниковъ къ сокровищницѣ писанной мысли; но онъ считалъ, что духу ихъ языка болѣе соответствуетъ дѣленіе алфавита не на звуки, а на слоги, и такъ какъ старѣйшины, созванные на великій совѣтъ, согласились съ его мнѣніемъ, то рѣшено было отнынѣ писать всѣ лѣтописи и официальные документы при помощи знаковъ Секвіа. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всѣ чирокезы сдѣлались грамотными.

Что касается религіи, то и тутъ вліяніе англо-американцевъ оказалось необычайно сильно даже на тѣхъ туземцахъ, которые еще и теперь воюють съ «блѣднолицыми». Не одинъ Мессія появлялся въ ихъ

1) Mooney, «Bureau of Amerikan Ethnology», vol. XIX.

средѣ, возбуждавшій индѣйцевъ къ борьбѣ и гибнувшій съ ними на полѣ битвы. Впрочемъ, эти туземные пророки не ограничивались лишь подстрекательствомъ народа къ мести или ненависти къ иностранцамъ; многіе проповѣдывали также измѣненіе соціальнаго строя, нападая на то, что они справедливо считали корнемъ зла,—захватъ общей собственности частными лицами. Въ послѣднее время наибольшимъ успѣхомъ пользуется пропаганда мира, выросшая, вѣроятно, изъ сознанный индѣйцами невозможности продолжать борьбу: «не творите никому зла, творите всегда добро, не лгите, не горюйте, когда ваши друзья падаютъ, не боритесь никогда». Таково ученіе пророка племени пап-ута, Вовока, «Рѣзника», называемаго также Квонтъ-сангъ или «Большой сердитый животъ». И слова эти, сопровождаемые «танцемъ духовъ», были услышаны большей частью индѣйцевъ, жившихъ за Миссиссиппи; ихъ объединяетъ общая религія ¹⁾. Это ученіе, несомнѣнно, приближается къ аналогичнымъ религіознымъ теченіямъ, наблюдаемымъ въ настоящее время среди бѣлыхъ американцевъ, у которыхъ религія также стремится принять характеръ чисто-правственный; она свободна отъ всякихъ догмъ, но усложнена различными обрядностями «до духовныхъ танцевъ» включительно, какъ, напримѣръ, у «шекеровъ», т.-е. дрожащихъ. Во многихъ отношеніяхъ краснокожіе приближаются къ бѣлымъ; но въ то же время какъ много различій между индѣйцемъ и янки, между охотникомъ, тянущимъ свою трубку мира, полнымъ созерцательнаго спокойствія, и промышленникомъ, постоянно волнуемымъ какимъ-нибудь гигантскимъ предпріятіемъ, которое только онъ могъ задумать и довести до конца!

Въ теченіе послѣднихъ вѣковъ вліяніе окружающей климатической и географической среды сказалось особенно сильно на вѣншемъ обликѣ новыхъ жителей американскаго материка. Часто бываетъ трудно различить представителей обѣихъ расъ.

Другой этнический элементъ, значительно болѣе важный съ точки зрѣнія численности, чѣмъ индѣйскіе аборигены, участвуетъ въ наполненіи этого огромнаго котла, въ которомъ смѣшаны различныя національности, входящія въ составъ республики Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ элементъ, насчитывающій до десяти милліоновъ человѣкъ, состоитъ изъ африканцевъ, обозначаемыхъ именемъ «Черныхъ»—black people,—хотя они представляютъ цѣлый послѣдовательный рядъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, начиная отъ цвѣта негра «уоловъ» изъ Сепегамбін до чисто-бѣлаго; не только цвѣтъ, но и происхожденіе вызываетъ у аристократовъ кожныхъ покрововъ чувство отвращенія, искреннее или вызванное условностями, къ потомкамъ поработенной расы; общимъ презрительнымъ терминомъ обозначаютъ всѣхъ тѣхъ, у кого вплоть до четвер-

1) Paul Carus, «Yahveh and Maonitou», Monist, april 1899.

освобожденію, вопреки законамъ и конституціи, традиція преслѣдуетъ сына раба, смерть протягиваетъ свою руку надъ живыми. Рабовладѣльческій строй, побѣжденный на полѣ битвы, осужденный законами, не отказался, однако, отъ своихъ традицій, и, несмотря на все, онъ продолжаетъ жить подъ виѣшними формами новыхъ учрежденій. Реакція противъ освобожденія негровъ выражается въ двухъ тенденціяхъ, которыя должны бы логически привести одна къ ихъ порабощенію, другая къ ихъ уничтоженію.

Прежде всего крупные владѣльцы, представители промышленныхъ и горнозаводскихъ компаній, капиталисты, иммигрировавшіе изъ сѣверныхъ штатовъ, стараются достать рабочія руки по возможно низкой расцѣнкѣ, и въ результатѣ они ухищряются заставлять работать мѣстнаго негра, давая ему лишь средства къ пропитанію, и то рассчитанныя очень скудно: это-то и есть не что иное, какъ рабство, лишь отягченное заботой о дѣтяхъ и старикахъ. И вотъ обращаются къ содѣйствію услужливыхъ законовъ и къ ихъ еще болѣе услужливымъ толкователямъ, чтобы найти юридическія формулы, въ силу которыхъ можно было бы принудить негровъ-работниковъ жить на плантаціяхъ, въ каменоломняхъ или фабрикахъ и соглашаться на голодный заработокъ; конечно, можно будетъ также подыскать какую-нибудь остроумную статью закона, чтобы лишить несчастныхъ негровъ избирательнаго права. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, какъ, напримѣръ, во Флоридѣ, очень ловко обходятъ всѣ затрудненія, приговаривая негровъ, обладающихъ политическими правами, къ тюремному заключенію за различныя нарушенія закона; потомъ начальники тюремъ даютъ ихъ плантаторамъ для исполненія тяжелыхъ работъ. Государство платитъ, а капиталисты выигрываютъ вдвойнѣ, такъ какъ увеличиваютъ свой барышъ и въ то же время ослабляютъ силу рабочихъ кооперацій, состоящихъ изъ бѣлыхъ.

Но и откровенная ненависть, дикая, инстинктивная, сказывается всюду, гдѣ негры, въ чемъ бы то ни было, провинились или находятся подъ подозрѣніемъ въ недоказанномъ преступленіи. Есть города, поголовно изгоняющіе и запрещающіе имъ входъ въ него, когда бы то ни было; въ другихъ мѣстахъ поджигаютъ ихъ кварталы или тюрьмы, въ которыхъ они сидятъ, и бросаютъ въ огонь спасающихся бѣгствомъ. Всюду—въ театрахъ, omnibusaxъ, поѣздахъ, школахъ, церквахъ приняты мѣры для предотвращенія нечистаго соприкосновенія людей презираемой расы съ благородными сыновьями Яфета. Наконецъ, въ важныхъ случаяхъ, въ особенности въ тѣхъ, гдѣ замѣшаны вопросы общественной нравственности, ужасныя пытки настолько вошли въ употребленіе, что на нихъ приходится смотрѣть какъ на узаконенныя приемы. Винавый или признанный таковымъ негръ четвертуется, поджигается на медленномъ огнѣ, рѣжется на куски, разрывается на части или

постепенно разстрѣливается; мучители всячески изощряются въ придумываніи для негра истязаній, какъ-будто въ нихъ просыпается какой-то темный атавистическій инстинктъ; потомъ, когда жертва прикончена, разрѣзана на мелкіе куски или обращена въ пепель, присутствующіе берутъ каждый свою часть и тщательно хранятъ ее въ своемъ жилищѣ, чтобы живѣе вспомнить наслажденіе мекъ. Это—то, что называется «народнымъ судомъ».

Естественно поэтому, что черные, живя постоянно подъ страхомъ избиеній и преслѣдованій, объединяются для защиты или готовятся къ бѣгству. Но куда бѣжать? Какой городъ, какой штатъ дастъ имъ пріютъ? Гдѣ ихъ примутъ въ число гражданъ?

Немало проектовъ переселенія на родину — Африку, волнуютъ ея гони-

мыхъ сыновъ и обсуждаются ими. Такъ же, какъ евреи, которые лихорадочно волнуются при мысли о массовомъ возвращеніи «къ Сіону» и остаются все-таки, по большей части, въ тѣхъ странахъ, гдѣ они родились, гдѣ живутъ ихъ семьи, гдѣ они связаны дѣлами, и негры Соединенныхъ Штатовъ говорятъ о миллионномъ переселеніи въ Либерійскую республику; мечтаютъ даже о завоеваніи огромнаго африканскаго материка у европейскихъ державъ и о созданіи «Африки для африканцевъ»; но негры продолжаютъ оставаться въ странѣ, въ которой имъ суждено жить, съ которой они связаны воспоминаніями, привязанностями и, несмотря на все, даже надеждами. Вопреки ихъ прежнимъ хозяевамъ, они все-таки сдѣлались вполне американцами по языку, воспитанію, образу мыслей, даже по патріотизму и предразсудкамъ.

Секвіа, индѣецъ племени чирокезовъ.

Съ портрета, написаннаго въ 1835 году.

Такъ, между планами политическаго будущаго, страстно обсуждаемаго неграми, есть проектъ завоеванія острова Гаити: они бы гордились возможностью подражать американцамъ бѣлой расы въ ихъ насильственныхъ присоединеніяхъ и, въ свою очередь, кичились бы при случаѣ тѣмъ, что несутъ начала высшей цивилизаціи лишеннымъ ся до тѣхъ поръ народамъ. Посѣщая сѣверо-американскихъ негровъ, бесѣдуя съ ними, невольно удивляешься тому, какъ ничтожно мало оригинальнаго внесли они въ общій характеръ народа, который, сформировавъ ихъ, выливъ ихъ по своему образцу, заразилъ ихъ своимъ духомъ, и который въ то же время пытается оттолкнуть ихъ и отдѣлаться отъ

Нѣсколько «представителей цѣтнокожихъ».

Слѣва направо: директоръ школы, политическій дѣятель, епископъ.

нихъ. Какъ могли бы сыновья рабовъ не превратиться въ чистыхъ американцевъ, разъ у нихъ былъ отнятъ ихъ родной языкъ, даже имя и всякое воспоминаніе о родинѣ? Къ кому же, какъ не къ этому народу, лишенному даже преданія о родинѣ, болѣе примѣнно названіе «оторванныхъ отъ почвы»?

Но, какъ бы то ни было, населеніе Соединенныхъ Штатовъ, красные, бѣлые, черные, готовятся къ ненавистной эволюціи «смѣшенія». Объединеніе расъ начнется снизу. Рѣдко, правда, но все же встрѣчаются между сыновьями аболиціонистовъ люди сердца, которые способны подняться выше расовыхъ и кастовыхъ предрасудковъ и не боятся стать родоначальниками семей, гдѣ смуглый цвѣтъ ланитъ у дѣтей, быть-можетъ, будетъ говорить объ ихъ происхожденіи; но въ большихъ городахъ, гдѣ массы приходятъ во все большее соприкосновеніе, молодыя дѣвушки, ирландки, нѣмки, славянки, нерѣдко имѣютъ мужество не раздѣлять безсмысленныхъ предубѣжденій; не одна изъ нихъ охотно становится подругой жизни негра, полонившаго ея сердце своей привѣтливостью, энергіей и добротой. Наконецъ, даже среди природныхъ американцевъ несчастія часто

объединяють бѣдняковъ обѣихъ расъ. Въ великой арміи отверженныхъ черные и бѣлые идутъ рука-объ-руку, и общая горькая доля объединяетъ ихъ «до полного исчезновенія даже расовыхъ особенностей» ¹⁾. И не напрасно многочисленные писатели въ южныхъ штатахъ, съ Георгомъ В. Кэбломъ во главѣ, давно уже требуютъ для негровъ всѣхъ «привилегій», т.-е. уравниенія въ правахъ до разрѣшенія заключать браки съ бѣлыми включительно ²⁾. Впрочемъ, это смѣшеніе является первымъ условіемъ для того, чтобы предприимчивые люди получили дѣйствительно во всей Америкѣ, съ ея столь разнообразнымъ населеніемъ, то моральное первенство, которое они уже и теперь приписываютъ себѣ.

Нѣсколько «представителей цвѣтокожихъ».
Слѣва направо: журналистъ, врачъ, художникъ.

Что касается до настоящаго времени, то они располагаютъ несомнѣннымъ матеріальнымъ превосходствомъ. Прежде всего, это обусловливается численнымъ перевѣсомъ, который растетъ изъ года въ годъ по двумъ причинамъ: съ одной стороны, вслѣдствіе постоянной иммиграціи, а съ другой—благодаря преобладающей рождаемости надъ смертностью повсюду, кромѣ американскихъ семей Новой Англіи. Хотя статистика «жизни» въ Соединенныхъ Штатахъ страдаетъ неполнотой, однако, переписи народонаселенія, производимыя каждое десятилѣтіе, не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что американцы увеличиваются въ числѣ вслѣдствіе прямого прироста населенія: за десять лѣтъ съ 1890 до 1900 года бѣлое населеніе увеличилось на 11800000 душъ, тогда какъ число иммигрантовъ за это время равнялось 3700000 душамъ, что составляетъ только одну треть общаго прироста. Понятно, что эти пришельцы становятся американцами не только вслѣдствіе одного факта своего прибытія; статистика иммиграціи,

1) Old creole days. — 2) Hamlin Garland, «A Member of the third House».

отличающаяся рѣдкой полнотою, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что эмигранты изъ Европы стремятся какъ бы возстановить по ту сторону Атлантическаго океана характеръ своей страны. Изъ года въ годъ хорваты, русины, словаки и мадьяры направляются въ большинствѣ случаевъ въ Пенсильванію, чехи въ Иллинойсъ, румыны въ Огайо, скандинавцы въ Миннезоту, португальцы въ Массачусетсъ, тогда какъ южные итальянцы и евреи устраиваются по преимуществу въ Нью-Йоркѣ. Вопреки желанію и постояннымъ усиліямъ американскаго правительства образуется нѣчто въ родѣ «колоній», что, при быстромъ ростѣ послѣднихъ, могло бы явиться серьезной опасностью для Великой Республики. Тѣмъ не менѣе, постоянное смѣшеніе населенія, преподаваніе дѣтямъ на общемъ языкѣ и въ особенности постоянное вліяніе одной и той же географической среды, приводятъ къ тому, что въ Новой Европѣ мы встрѣчаемъ менѣе разнородное человѣческое общество, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ.

Во внѣшнихъ дѣлахъ сѣверные американцы пользуются огромнымъ престижемъ. Для этого имъ не приходится держать наготовѣ громадной постоянной арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, съ дорого стоящимъ военнымъ снаряженіемъ; однако, и они также поддаются бреднямъ, мелкому тщеславію и несутъ безсмысленные расходы на поддержаніе «вооруженнаго мира»; имъ также хочется имѣть флотъ, который обезпечивалъ бы ихъ флагу возможность гордо развѣваться на моряхъ всего свѣта. Но, кромѣ своей арміи и флота, они въ состояніи, благодаря колоссальнымъ богатствамъ, выставить при первой же тревогѣ подавляющую вооруженную силу и направить ее противъ любого изъ возможныхъ враговъ: нѣмцевъ, англичанъ, русскихъ; въ этомъ отношеніи имъ бояться рѣшительно некого; наоборотъ, этимъ послѣднимъ приходится опасаться, заискивать у американцевъ, которые ужъ много разъ широко пользовались и даже злоупотребляли своимъ могуществомъ для направленія хода современныхъ событій въ свою пользу. Ежегодный чистый доходъ съ ихъ земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятій составляетъ огромный запасъ все растущихъ милліардовъ, который превосходитъ резервы всѣхъ другихъ странъ свѣта: по своимъ нивамъ, рудникамъ и угольнымъ копямъ американцы занимаютъ первое мѣсто среди другихъ народовъ всей земли; ихъ общественныя богатства въ нѣкоторыхъ очень важныхъ отрасляхъ, какъ, напримѣръ, въ развитіи сѣти желѣзныхъ дорогъ, почти равняются таковымъ всѣхъ государствъ міра; это матеріальное первенство въ столькихъ различныхъ областяхъ благопріятствовало развитію специальной американской болѣзни, которая можетъ быть названа «километритомъ»¹⁾; во всѣхъ

1) Bryce, «American Commonwealth».

вещахъ, поддающихся измѣренію, они достигли «рекорда». Ихъ поѣзда и корабли, ихъ лошади и охотничьи собаки—самые быстрые, ихъ дома—наиболѣе высокіе, ихъ газеты—потребляютъ наибольшее количество бумаги! Можно легко понять, что народъ, выросшій съ такой быстротой, сохранилъ еще нѣкоторую наивность дѣтства!

Что же касается щекотливаго вопроса объ интеллектуальномъ превосходствѣ,—вопроса, столько разъ подымавшагося, то спорить о немъ тѣмъ болѣе рискованно, что именно въ мірѣ мысли національныя узы имѣютъ наименьшее значеніе. Когда мы перебираемъ въ умѣ имена тѣхъ, завоеванія которыхъ составляютъ послѣдіе человѣчества, для насъ не важно знать точную генеалогію того или другого преемника Платона или Лао-тзе, Ньютона или Лапласа, Ламарка или Дарвина. Не подлежитъ сомнѣнію, что американцы, дѣти и братья европейцевъ внесли свою долю въ общую работу: но, имѣя передъ собой прямую задачу устроенія новыхъ, ими занятыхъ, земель, они естественно должны были значительно болѣе интересоваться прикладными знаніями, чѣмъ умозрительными изысканіями. Въ этомъ отношеніи должно также паблюдаться рѣзкое различіе между Новой Англіей, напоминающей старую по чистотѣ населенія, воздѣланности земель, благоустройству, царящему среди оспдло живущаго общества, и западными штатами, находящимися еще въ періодѣ образованія, въ разгарѣ труда по овладѣнію первобытной природой. Умственная работа возникаетъ тамъ, гдѣ предшествовавшій трудъ обуславливаетъ необходимый досугъ; только тамъ рождаются прекрасныя произведенія искусства; тамъ также рѣшаются на новыя соціальныя опыты. Но возникаетъ вопросъ, не проявляетъ ли раса при этихъ условіяхъ признаковъ истощенія; нигдѣ нѣтъ большаго числа молодыхъ дѣвушекъ, отказывающихся отъ замужества,—женщинъ, избѣгающихъ материнства. Къ счастью, населеніе увеличивается постоянной иммиграціей; послѣ англичанъ явились ирландцы, потомъ канадскіе французы, подчинившіе весь сѣверъ штата Мэнъ (Шелеръ, Бутми и т. д.) своему вліянію. Затѣмъ слѣдуютъ португальцы, живущіе на материкѣ и островахъ, за ними итальянцы. Пуритане не узнали бы своей крови у жителей этой земли, «дарованной имъ Предвѣчнымъ».

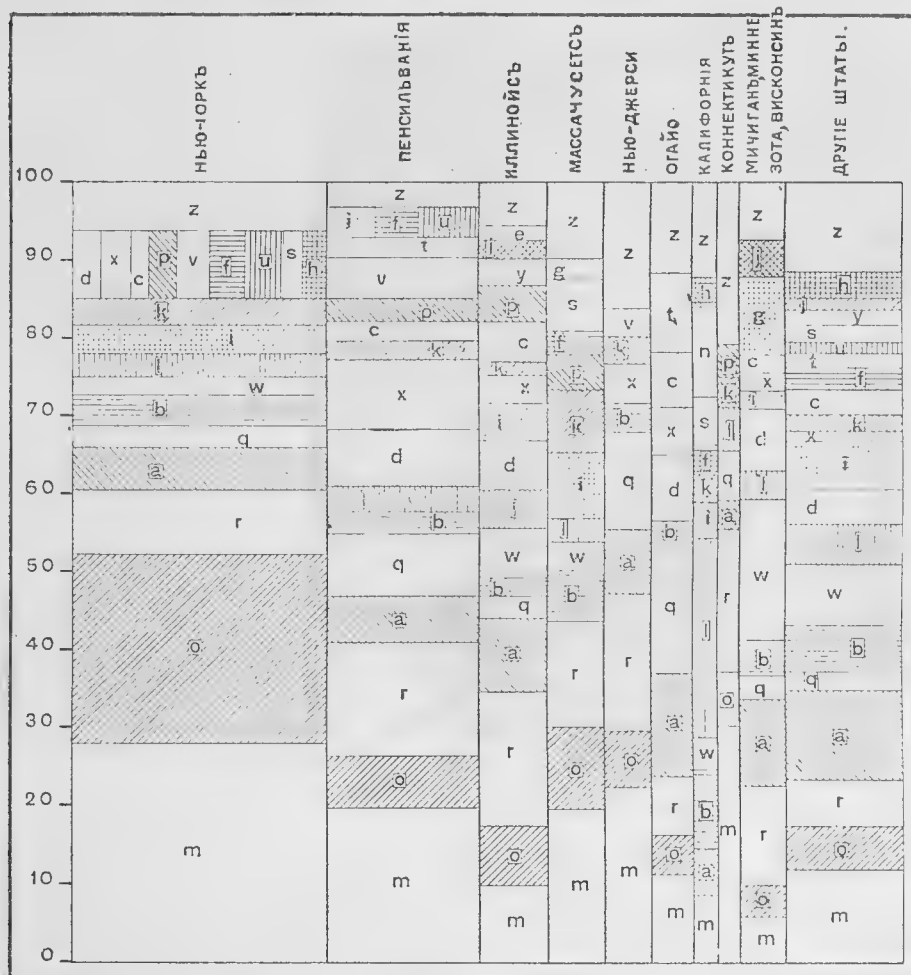
Религіозныя пережитки еще очень сильны въ американской республикѣ; они сохранились даже въ законодательствѣ, хотя церковь официально отдѣлена отъ государства; если предписанія закона и не исполняются, то они все же свидѣтельствуютъ о необычайно сильномъ вліяніи прежнихъ вѣрованій на умы. Не-христианинъ все еще не полноправенъ передъ закономъ, и его удѣломъ являются самыя жестокія наказанія. Такъ, въ штатѣ Мэнъ богохульство, проклятія, невѣріе, какія бы то ни было оскорбленія Божьяго имени, отрицаніе Творенія, Промысла, Страшнаго суда, Инсуса Христа, Св. Духа, Св. Писанія наказы-

ваются тюремнымъ заключеніемъ не свыше двухъ лѣтъ или штрафомъ, не превышающимъ 200 долларовъ. Подобныя же наказанія существуютъ въ законодательствѣ штата Новой-Англіи и даже въ южныхъ штатахъ, какъ, напр., въ Арканзасѣ, Георгіи, Миссиссиппи: атеисты официально лишены права занятія всѣхъ должностей и дачи свидѣтельскихъ показаній. Наслѣдственность тоже оказала свое вліяніе, и въ результатѣ исповѣданіе христіанской вѣры у американцевъ обязательно, какъ бы расплывчата и противорѣчива эта вѣра ни была; личная инициатива, которую всякій гражданинъ обыкновенно вноситъ въ свою работу и образъ жизни, позволяетъ ему мѣнять секты, записываться послѣдовательно въ двадцать различныхъ церквей, лишь бы всѣ онѣ были христіанскими, хотя бы номинально или символически. Въ семьѣ, гдѣ нѣсколько дѣтей, часто насчитываютъ столько же религій, сколько членовъ семьи. Въ сущности эта широкая терпимость есть не что иное, какъ полный индифферентизмъ, и то, что въ догматѣ есть точнаго, непримиримаго, исчезаетъ подъ расплывчатой фразеологіей. Благодаря этому было возможно устройство въ 1893 году празднества въ Чикаго, въ «Парламентѣ Культуръ», гдѣ сыновья тѣхъ, кто проклинаетъ другъ друга, кропили себя взаимно святой водой. Настоящіе христіане, правда, рѣдкіе, держались въ сторонѣ, гордо презирая эту сентиментальную религіозность мнимо-вѣрующихъ, воодушевленныхъ не «пожирющей вѣрой», но отрицательнымъ желаніемъ произносить слащавыя банальности, пріятныя слуху индифферентныхъ людей.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ римскіе католики, которые осмѣлились бы показаться въ Новой Англіи, подверглись бы жестокимъ преслѣдованіямъ; но иммиграція ирландцевъ, сѣверныхъ шотландцевъ, жителей прирейнскихъ провинцій, итальянцевъ и другихъ латинскихъ народовъ измѣнила религіозное равновѣсіе въ Соединенныхъ Штатахъ, и хотя часть этихъ иммигрантовъ перешла въ протестантизмъ, но соотношеніе между католицизмомъ и протестантскими сектами обезпечило, въ концѣ концовъ, первенство въ численномъ отношеніи католической формѣ христіанства; но и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, склонность все преувеличивать—крупный національный недостатокъ—искажаетъ дѣйствительность, и трудно поэтому придавать вѣру болѣе или менѣе официальнымъ статистическимъ даннымъ. Вѣдь не остановились же американцы передъ необходимостью «для большаго величія» провозгласить населеніе Филиппинъ принадлежащимъ къ міру американскаго католицизма? Было насчитано даже до тридцати пяти милліоновъ,—цифра, по крайней мѣрѣ, вдвое превосходящая дѣйствительность,—принадлежащихъ къ стаду пасомыхъ римской церкви въ Соединенныхъ Штатахъ. Впрочемъ, эволюція должна была несомнѣнно совершиться даже въ наиболѣе консерватив-

ныхъ общинахъ Америки: болѣе свободная и смѣлая часть американскаго общества вліяетъ на самыя замкнутыя религіозныя группы, тщетно

№ 542. Распределение иммигрантовъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Эта таблица показываетъ распределение 1260000 иммигрантовъ, прибывшихъ въ Соединенные Штаты (не считая Порто-Рико, Аляски, Гавайи и Филиппинъ). Съ 1 июля 1906 г. до 30 июня 1907 года.

а—нѣмцы; б—англичане; с—болгаре, сербы и черногорцы; d—хорваты и словены; е—далматинцы и босняки; f—шотландцы; g—финляндцы; h—французы; i—греки; j—голландцы и фламандцы; k—ирландцы; l—сѣверные итальянцы; m—южные итальянцы; n—японцы; o—сербы; p—литовцы; q—мадьяры; r—поляки; s—португальцы и испанцы; t—румыны; u—русскіе; v—русины; w—скандинавы; x—словаки; y—чехи; z—другіе народы.

Отдѣльные народы распределены въ постоянномъ порядкѣ, соответствующемъ ихъ значенію въ иммиграціи, снизу вверхъ: m, o, r, a, q, b, w, l, d, i, x, k, c, p, v, f, t, u, s, g, y, j, n, h, e.

пытающіеся слѣдовать традиціи; во многихъ случаяхъ католицизмъ Соединенныхъ Штатовъ есть не что иное, какъ протестантская секта;

духъ независимости, который терпится среди нихъ во избѣжаніе раскола, считался бы въ Европѣ очень опаснымъ направленіемъ умовъ, свидѣтельствующимъ о революціонныхъ идеяхъ. Такъ, въ Америкѣ родилась по призыву Геккера, убѣжденного социалиста, секта «павлистовъ», горячихъ проповѣдниковъ,—въ жизни которыхъ «индивидуаль-

Венгерка, прибывшая въ Соединенные Штаты.

ность есть цѣльный и доминирующий элементъ». Предполагая «благодать Св. Духа въ каждой человеческой душѣ», они проповѣдуютъ какъ апостолы, каждый по собственному усмотрѣнію, свободные и умѣющие приспособляться къ полной свободѣ другихъ. Какъ усмотрѣть здѣсь преемственную связь съ традиціями римской церкви, такой дисциплинированной, такъ крѣпко державшейся преданія, какъ узнать ее въ бесѣдѣ и дѣйствіяхъ этихъ импровизированныхъ посланниковъ «бла-

гой вѣсти»? Впрочемъ, нужно сказать, что Римъ ревниво оберегаетъ массы своихъ вѣрныхъ Старого Свѣта отъ знакомства съ проявленіями американскаго католицизма. Католицизмъ такъ же, какъ и тысячи формъ протестантизма, долженъ былъ приспособиться къ новой средѣ, гдѣ смѣшиваются религіозныя традиціи съ приемами промышленной рекламы все на той же старой основѣ анимизма и чудеснаго, которую называютъ «спиритизмомъ».

Острова Куба, Порто-Рико, Гаити, Санъ-Доминго, Ямайка, цѣпь Малыхъ Антильскихъ о-въ, большая треугольная площадь мексиканской республики составляютъ политическую и географическую границу между Соединенными Штатами и южной частью Новаго Свѣта. Взаимное

сближеніе совершилось исключительно на почвѣ матеріальной, благодаря развитію торговыхъ и промышленныхъ связей, образованію финансовыхъ обществъ и предприятий,—и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ американскихъ янки. Что касается различія въ области правовъ, образа жизни, идеаловъ, то они и теперь еще очень сильны. Конечно, въ Мексикѣ и южно-американскихъ республикахъ нѣтъ недостатка въ молодыхъ людяхъ, воспитанныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ и всячески старающихся подражать своимъ воспитателямъ; но все-же они являются

исключеніемъ и встрѣчаютъ противовѣсъ въ тѣхъ юношахъ, которые также обучались въ университетахъ сѣвера, но почерпнули тамъ силы для отстаиванія особенностей своего латинскаго происхожденія отъ грозящихъ посягательствъ. Что же касается массы

Лапландка изъ Россіи, прибывшая въ Соединенные Штаты.

иберо-американскихъ народовъ, то они не хотятъ покориться вліянію пришельцевъ-англичанъ и ясно выражаютъ свои враждебныя къ нимъ чувства. Даже въ территоріи Новой Мексики, присоединенной къ Соединеннымъ Штатамъ въ 1848 году, жители ея, смѣшаннаго испанскаго происхожденія, устояли противъ ассимиляціи, а между тѣмъ во время покоренія ихъ насчитывалось до 50000, что составляетъ каплю въ морѣ.

Важнымъ отличіемъ мексиканской культуры отъ англо-американской Соединенныхъ Штатовъ является преобладаніе туземнаго этническаго элемента. Янки прежде всего европейскіе переселенцы; мексиканцы, взятые въ цѣломъ, скорѣе индѣйцы, измѣненные, мало-по-малу, ферментами европейской цивилизаціи, принесенной испанцами, и пре-

образованные, благодаря смѣшенію, въ новую расу. Нѣкоторые путешественники могли ошибаться въ своихъ заключеніяхъ на этотъ счетъ, потому что они наблюдали преимущественно жителей столицы и богатыхъ плантацій, гдѣ господствовали бѣлые болѣе или менѣе чистой расы. Констатировавъ, что первый толчокъ данъ былъ европейцами и ихъ потомками, видя также, что многія индѣйскія племена держались еще въ сторонѣ въ своихъ пещерахъ или пустыняхъ, они дѣлали заключеніе, что эволюція Мексики имѣетъ отдаленное сходство съ развитіемъ Соединенныхъ Штатовъ. Это заблужденіе, такъ какъ одновременно съ тѣмъ, какъ европейская культура, идущая сверху, все больше и больше распространяется въ массѣ народа, смѣшеніе, иначе называемое индіанизацией, подымаясь снизу, охватываетъ все большіе круги мексиканскаго населенія. Въ безконечной запутанности событій случается, что борьба враждебныхъ элементовъ кончается такимъ объединеніемъ ихъ, гдѣ каждый изъ нихъ одержалъ побѣду. Конечно, ненавидимые «гачупиносы», т.-е. испанцы, провели свои республиканскія тенденціи, свои приемы цивилизаціи; на ихъ сторонѣ нравственное вліяніе, тогда какъ индѣйцы внесли больше въ дѣло созданія націи: они составляютъ его кровь и плоть.

Однако, эта работа еще далеко не закончена. Во многихъ мѣстахъ, въ особенности въ большихъ городахъ, голодные пролетаріи, просящіе подаенія, напоминаютъ прежнее населеніе рабовъ; кое-гдѣ индѣйцы прячутся еще въ пещерахъ, по возможности избѣгая соприкосновенія съ бѣлыми, и даже еще недавно у якимасовъ и сери, на сѣверо-западѣ, и у майи на юго-востокѣ республики свирѣпствовали дикія войны, кончавшіяся если не полнымъ уничтоженіемъ другъ друга, то подавленіемъ однихъ другими.

Постепенное приобщеніе всѣхъ индѣйцевъ къ кастильской цивилизаціи происходитъ настолько быстро, что прежнія дѣленія на племена и націи бываютъ подчасъ трудно различимы. Ученые не могутъ даже сговориться относительно числа группъ, рѣзко отличныхъ по языку. Предполагаютъ, что до испанскаго владѣнія на всемъ протяженіи Мексики было до двухъ сотъ нарѣчій, болѣе или менѣе близкихъ между собою. Въ настоящее время насчитываютъ сто двадцать различныхъ говоровъ въ разныхъ частяхъ страны (Ороско-и-Берра). Нѣкоторыя изъ этихъ нарѣчій исчезаютъ съ каждымъ поколѣніемъ, и расовое смѣшеніе, измѣняющее «краснокожихъ» въ «блѣднолицыхъ», вытѣсняетъ нарѣчія тарасковъ, отонисовъ и многихъ другихъ, замѣняя ихъ кастильскимъ. Народности, имѣвшія нѣкогда свою цивилизацію, стоявшія на высокой ступени развитія, какъ, на примѣръ, племя майевъ на Юкатанѣ, возродятся въ иной формѣ и, безъ сомнѣнія, внесутъ свою дань въ сокровищницу общаго благосостоянія національной семьи болѣе обширной, чѣмъ ихъ прежняя. Такъ,

толтеки, совершенно слившіеся съ общей массой мексиканскаго народа, играли, несомнѣнно, большую роль въ исторіи страны, а запотеки изъ Оаяки, наиболѣе энергично сопротивлявшіеся испанскимъ побѣдителямъ, также занимаютъ мѣсто въ ряду наиболѣе горячихъ и вдохновенныхъ участниковъ современнаго процесса обновленія.

Благодаря этому постоянному увеличенію массы латинизированнаго населенія,—увеличенію, къ которому ежегодно присоединяются избытокъ

Вулканическое озеро на Гренадѣ (Малые Антильскіе острова).

рождаемости и довольно сильная иммиграція, гдѣ «латинскіе элементы» представлены въ наибольшемъ количествѣ, мексиканская республика съ честью поддерживаетъ рядомъ съ Соединенными Штатами свою роль передового бойца въ жизненной конкуренціи расъ и народовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Испанія, къ счастью для нея, перестала господствовать и, слѣдовательно, быть врагомъ всѣхъ этихъ покоренныхъ ею нѣкогда народовъ, она явилась для нихъ какъ бы въ роли матери, которая нѣкогда обошлась съ ними сурово, но все-таки открыла передъ ними болѣе широкіе горизонты, доступъ къ болѣе сложному и обширному духов-

ному міру. Къ вліянію Іспаніи на ея прежнія колоніи, все растущему благодаря общности языка, присоединяется вліяніе Франціи, которой Мексика простила ея военное вмѣшательство съ цѣлью реставраціи. Парижъ—это тотъ городъ, куда взоры мексиканцевъ обращены какъ къ центру міра. И, смотря по личнымъ склонностямъ, по степени развитія, они искали въ Парижѣ добра или зла, научныхъ знаній, искусства, поэзіи, новыхъ теченій мысли, новинокъ моды, порочныхъ извращеній. Въ этомъ притокѣ интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ соединяются всѣ элементы-носители современной культуры и черпаются силы сопротивления противъ узости и самохвальства американскихъ янки. Тѣмъ не менѣе, опасность завоеванія, грубаго захвата всегда налицо, и мексиканской дипломатіи приходится проявлять очень много искусства для того, чтобы, не обнаруживая слабости, избѣжать всякаго повода къ конфликту съ могущественной сосѣдней націей.

Если бы Мексикѣ даже и удалось, вслѣдствіе благоразумной политики, сохранить свою полную независимость, то и тогда ей грозитъ опасность оказаться неожиданно окруженной, запертой, такъ сказать, въ желѣзномъ кольцѣ: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ давленіе англо-американцевъ должно съ каждымъ днемъ замѣтно расти;—то же на востокѣ, гдѣ флотъ Соединенныхъ Штатовъ носится по морю во всѣхъ направленіяхъ, флагъ республики развѣвается какъ бы надъ своимъ владѣніемъ; а на западѣ калифорніскіе куницы смотрятъ на неизмѣримую ширь Тихаго океана какъ на будущую собственность. Наконецъ, на югѣ вашингтонское правительство распоряжается самовластно въ двухъ странахъ перешейка — Никарагуа и Панама. Преслѣдуя интересы своей политики и желанія финансистовъ, оно разсылаетъ свои представленія, въ сущности—приказанія, высаживаетъ даже войска и оккупируетъ стратегическіе пункты. Нѣтъ сомнѣнія, что съ ростомъ значенія канала оно увеличитъ свои требованія, и, когда каналъ будетъ совершенно законченъ, люди сѣвера, несомнѣнно, овладѣютъ его берегами. Тогда мексиканская республика оказалась бы совершенно окруженной владѣніями Соединенныхъ Штатовъ. Она должна понять, насколько ея интересы связаны съ интересами маленькихъ республикъ Центральной Америки. Каждый ударъ, который направленъ противъ послѣднихъ, поразитъ ее прямо въ сердце. Она должна заботиться о спасеніи не только своей собственной независимости, но равнымъ образомъ и независимости другихъ испано-американскихъ группъ.

Опредѣленно выраженная географическая индивидуальность данной территоріи способствуетъ, по самому факту своего существованія, тому, что племена, ее населяющія, какъ бы разнородны они ни были, получаютъ тенденцію къ объединенію. Смѣшеніе націй происходитъ здѣсь

болѣе полное, благодаря водовороту, который получается въ мѣстахъ соприкосновенія подобно тому, какъ при стока водъ изъ нѣсколькихъ трубъ въ одинъ общій бассейнъ; одинъ только матеріальный фактъ—необходимость жить въ одномъ мѣстѣ, обособленномъ отъ остальныхъ странъ міра—самъ по себѣ сближаетъ туземцевъ между собою. Такъ, греки, несмотря на свое соперничество и непрерывныя войны, считали себя всегда братьями, независимо отъ того, пребывали ли они между собой въ дружбѣ или во враждѣ; когда же въ послѣдую-

Городъ Мексико: дворецъ.

ще вѣка, вслѣдствіе стремленія народа къ самостоятельности, съ одной стороны, и благоговѣйной признательности Европы къ древней Греціи—съ другой, создалась новая Греція, то вновь народившееся государство обняло собою большую часть территоріи полуострова и острововъ, несмотря на различіе населявшихъ ее народностей, албанцевъ и эллиновъ. То же самое мы замѣчаемъ относительно Италіи: во всемъ мірѣ нѣтъ болѣе расчлененной мѣстности, за исключеніемъ развѣ острововъ Океаніи. Этотъ единый съ географической точки зрѣнія полуостровъ, какъ бы «увѣнчанный Альпами», сдѣлался, наконецъ, единымъ и въ политическомъ отношеніи, хотя населеніе его составилось изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: галлы, этруски, греки, сикулы, албанцы смѣшались здѣсь съ

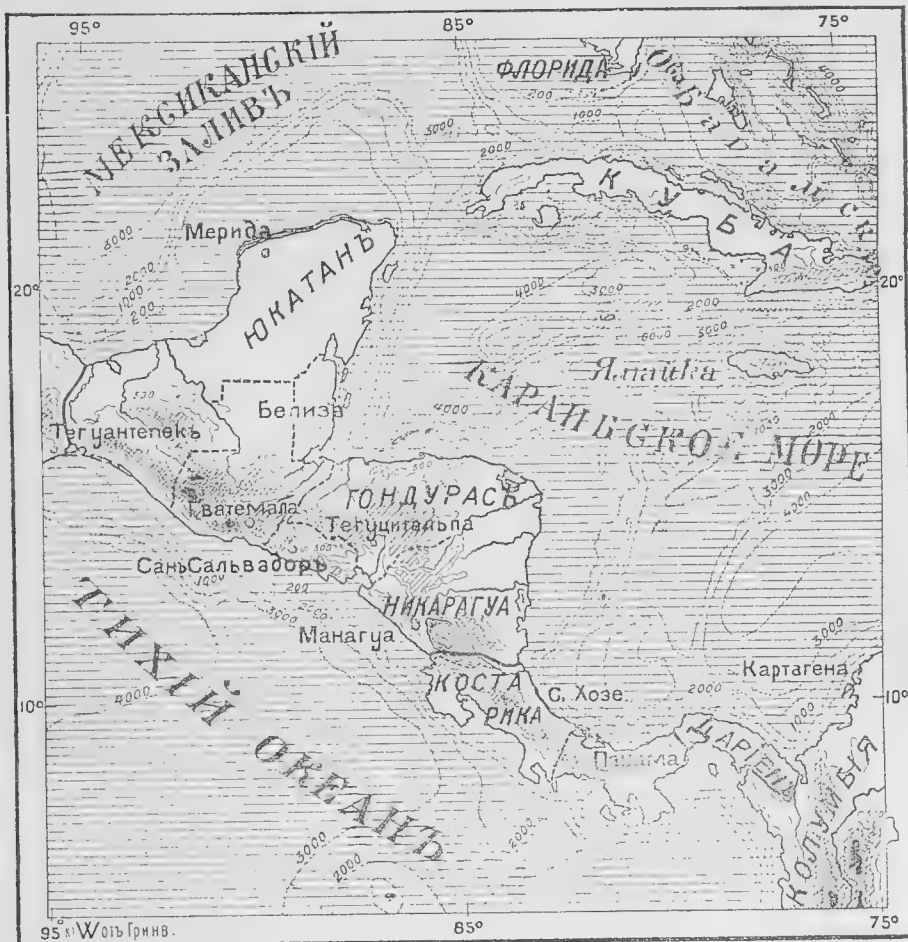
кореннымъ населеніемъ, происхожденіе котораго не извѣстно; несомнѣнно, что строеніе полуострова сильно способствовало укрѣпленію того принципа, который называли, не слишкомъ отдавая себѣ въ томъ отчета, «принципомъ о національностяхъ».

Гораздо болѣе обширный по своему пространству, чѣмъ европейскіе полуострова Средиземнаго моря, южно-американскій материкъ, по видимому, тоже предназначенъ для того, чтобы сдѣлаться громаднымъ политическимъ цѣлымъ, и среди причинъ, способствующихъ такой его эволюціи, географическое единство страны имѣетъ, конечно, значеніе первостепенной важности. Существуетъ ли на нашей планетѣ еще такая мѣстность, болѣе рѣзко очерченная и болѣе простая въ своихъ контурахъ? Сѣверо-западнымъ своимъ угломъ Южная Америка соединяется съ сѣвернымъ материкомъ узкой полоской земли; но еще по сію сторону этого перешейка часто наводняемая широкая долина рѣки Аtrato намѣчаетъ настоящую границу страны, болѣе трудную для перехода, чѣмъ морской проливъ. Итакъ, Южная Америка—это совершенно обособленный міръ, съ которымъ земли Панама, Центральной Америки и Мексики, одинаково населенныя испано-американцами, связаны въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ только при помощи водныхъ путей. Громадное материковое пространство американскаго юга съ его могучимъ хребтомъ Андовъ и необычайными рѣчными бассейнами, гдѣ переплетаются между собой цѣлыя сѣти притоковъ, до сихъ поръ заселено очень слабо сравнительно съ размѣрами поверхности; но, какъ бы ни были удалены другъ отъ друга отдѣльныя этническія группы, онѣ все же болѣе или менѣе сознательно чувствуютъ себя объединенными общимъ происхожденіемъ, и на какомъ бы языкѣ, португальскомъ или кастильскомъ, они ни говорили, всѣ они, бразильцы, аргентинцы, чилийцы, перуанцы, колумбійцы, путешествуя за границей, охотно назовутся южно-американцами. Еще во время войны за независимость инсургентскія колоніи пытались объединиться въ обширный союзъ; но интересы ихъ были еще столь разнородны, а способы общенія были такъ несовершенны и затруднительны, что всякое политическое объединеніе должно было оказаться чисто-фигурнымъ. Даже въ каждой отдѣльно взятой республикѣ: Колумбін, Перу, Аргентинѣ и др., различные центры политической жизни, начиная Картагеной и кончая Буэносъ-Айресомъ, сопротивлялись въ междоусобной войнѣ мертвящимъ началамъ централизаціи, введеннымъ правительствомъ метрополіи.

Но сколько перемѣнъ произошло съ того времени, отошедшаго отъ насъ уже почти на цѣлый вѣкъ! По склонамъ Андовъ и на побережьи обоихъ океановъ жизнь различныхъ группъ сроднилась на почвѣ идей и обычаевъ; населенные центры приобрѣли сходство другъ съ другомъ по интеллектуальному развитію и сближаются при помощи силы пара;

обширное южно-американское отечество становится съ каждымъ днемъ

№ 543. Средне-американскій перешеекъ.

1 : 20 000 000

0 250 500 1000 КИЛОМ

Изъ многочисленныхъ проектовъ каналовъ черезъ американскій перешеекъ укажемъ слѣдующіе.

Тегуантепекъ. Разстояніе между морями 216 километровъ. Наименьшая высота перешейка 230 метровъ. Здѣсь недавно открыто желѣзнодорожное сообщеніе между океанами (1908).

Никарагуа. Разстояніе между морями 240 километровъ; озеро лежитъ на высотѣ 33 метровъ и въ 22 километрахъ отъ Тихаго океана; наименьшая высота перешейка 46 метровъ. Мѣстность подвержена землетрясеніямъ.

Панама. 56 километровъ между морями; высота хребта Кулебра—37 метровъ; длина канала—72 километра.

Даріенъ. 120 километровъ, отъ Аtrato до Даріенскаго залива; наименьшая высота перешейка 142 метра.

болѣе тѣснымъ, болѣе сплоченнымъ. Не будь классовыхъ интересовъ и

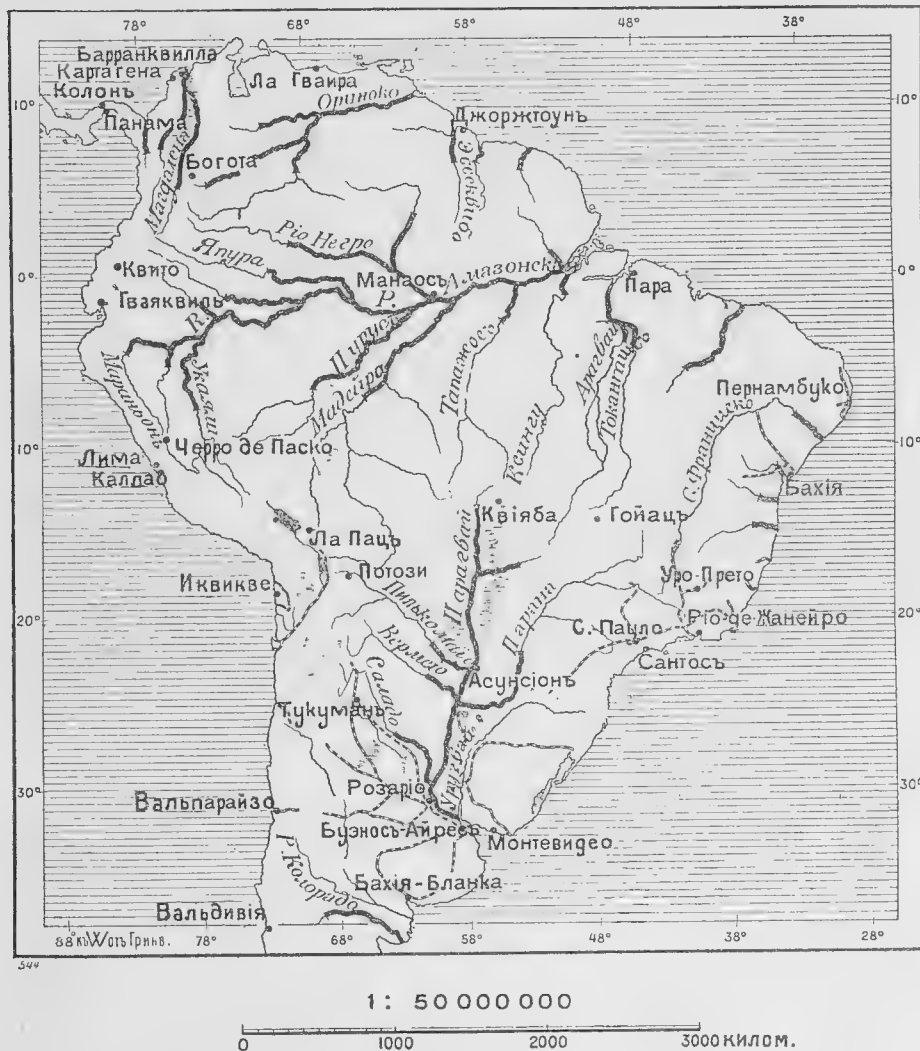
интересовъ личнаго могущества, не будь, кромѣ того, военнаго честолюбія, это объединеніе было бы уже закончено. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что великія событія, аналогичныя тѣмъ, которыя имѣли мѣсто въ Греціи и Италіи, могутъ со временемъ ускорить образованіе самопроизвольно зародившагося союза южно-американскихъ государствъ. Впрочемъ, возможно, что шагъ къ новому порядку вещей будетъ сдѣланъ окольнымъ путемъ, при помощи третейскаго суда, которому уже удавалось разрѣшать безъ кровопролитія множество споровъ о границахъ между этими американскими государствами между собою, а также между Гвіанами, принадлежащими европейцамъ, съ одной стороны, и Венецуэлой съ Бразиліей—съ другой.

Однако, прежде чѣмъ иберо-американскому союзу возможно будетъ смѣло двинуться къ своему полному завершенію, должно свершиться дѣло если не полнаго исключенія владѣній европейцевъ на материкѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая очистительная работа въ данномъ направленіи. Нѣкоторыя европейскія державы владѣютъ еще до сихъ поръ колоніями на американскомъ материкѣ, остатками отъ той эпохи, когда Новый Свѣтъ во всемъ своемъ объемѣ считался собственностью западно-европейскихъ народовъ. Нидерландамъ и Франціи принадлежатъ въ области Гвіанъ клочки земли, относительно мало населенные, сохраняя которые подсказываетъ имъ скорѣе самолюбіе, чѣмъ выгода; но Англія въ той же части материка обладаетъ чрезвычайно важной долиной Эссекибо, а также доступомъ къ бассейну Ориноко, то-есть воротами на двухъ естественныхъ путяхъ, ведущихъ съ сѣвера къ Амазонкѣ, а по этой рѣкѣ—въ самое сердце материка. Точно также въ австралійскихъ моряхъ Великобританія завладѣла небольшимъ архипелагомъ Малунскихъ или Фалькландскихъ острововъ, который какъ юридически и исторически, такъ и согласно съ географической логикой, долженъ былъ бы принадлежать Аргентинской республикѣ. Очевидно, такой порядокъ вещей, пережитокъ устарѣлой политики, долженъ урегулироваться полюбовно и сообразно съ духомъ времени.

Кромѣ непосредственнаго обладанія частью территоріи, которая въ настоящее время у нихъ похищена, американскимъ республикамъ предстоитъ добиться полной независимости отъ всѣхъ державъ своего положенія и языка, которая должна принадлежать равнымъ. Въ этомъ отношеніи Венецуэлѣ представилась весьма трудная задача, когда ей пришлось отвѣчать на требованія десятка угрожавшихъ ей государствъ, которыя выступили на сцену вмѣсто своихъ подданныхъ и предъявили на миллионныя суммы долговныя обязательства, носившія болѣе или менѣе ростовщическій характеръ. Также и Бразиліи нужно наперечъ все свое дипломатическое искусство для успѣшной борьбы съ Германіей, которая продолжаетъ смотрѣть на нѣмцевъ, поселившихся на югѣ республики въ

штатахъ Санта-Катарина и Ріо-Гранде-до-Суль, какъ на своихъ подданныхъ. Словомъ, нѣтъ нікого и нічого, чому можно было бы вполнѣ довѣряться, до автора докторины Мопрое включительно. Вашингтонскій каби-

№ 544. Водные пути и желѣзныя дороги Южной Америки.

петъ бываетъ довольно категориченъ въ своихъ предложеніяхъ, которыя весьма смахиваютъ на приказанія.

Испанская Америка южнаго материка подверглась еще въ большей степени, чѣмъ Мексика, вліянію Европы, а въ особенности латинскихъ представителей. Главнымъ образомъ, на югѣ, какъ-то: въ Аргентинѣ,

на восточной береговой полосѣ, въ Чили, европейскій переселенецъ найдетъ формы общественности, представляющія наименьшія отличія отъ формъ Старога Свѣта, къ которымъ онъ привыкъ. Впрочемъ, иначе и не могло бы быть, такъ какъ потокъ европейскихъ переселенцевъ направляется гораздо энергичнѣе именно въ эту сторону, чѣмъ въ экваторіальныя страны Америки. Испанцы, баски, итальянцы, французы чувствуютъ себя въ поляхъ, орошаемыхъ бассейномъ Ла-Платы, совершенно какъ дома. Благодаря именно этому наплыву европейскихъ, особенно южныхъ, колонистовъ, Буэнос-Айресъ и долженъ сдѣлаться самымъ крупнымъ населеннымъ центромъ во всей Южной Америкѣ.

Пока правительства Испаніи и Португаліи руководились политическими соображеніями, полными узкаго эгоизма и совершеннаго непониманія вопроса, и не представляли своимъ заокеанскимъ владѣніямъ права какой бы то ни было инициативы въ мѣстныхъ дѣлахъ, до тѣхъ поръ города Новога Свѣта не могли занять подобающаго имъ положенія, которое могло бы быть достигнуто при условіи самостоятельности населенія: хотя и расположенные въ Америкѣ, эти города были на самомъ дѣлѣ лишь наполовину американскими. Такъ, напримѣръ, городъ Потоси, расположенный слишкомъ высоко въ горахъ для того, чтобы населеніе могло увеличиваться тамъ самостоятельно, былъ прежде всего созданіемъ испанскаго фиска. Если бы рудопы-кастильцы не имѣли для удовлетворенія своей жажды золота рокового права распоряжаться поработченными народностями и гнать ихъ силой на эти крутыя вершины, то никогда не могло бы образоваться въ подобномъ мѣстѣ такого громаднаго скопленія людей. Черо-де-Паско и другіе горнопромышленные города обязаны своимъ происхожденіемъ подобнымъ же насиліямъ надъ покоренными народами. Съ тѣхъ поръ какъ южно-американскія страны сдѣлались независимыми отъ Испаніи, было даже основано нѣсколько побережныхъ городовъ исключительно при помощи громадныхъ иностранныхъ капиталовъ, совершенно независимо отъ воли мѣстнаго населенія: это были просто промышленныя колоніи міра крупной европейской и американской торговли. Даже эксплуатація острововъ, покрытыхъ гуано, откуда хлѣбопашцы истощенныхъ земель цивилизованнаго міра получали удобреніе, способное возстановить производительную силу ихъ полей, вызвала появленіе на перуанскомъ берегу обширныхъ складочныхъ пунктовъ, которые сдѣлались бесполезными съ тѣхъ поръ, какъ упомянутые острова были совершенно очищены отъ птичьихъ экскрементовъ. Въ интересахъ той же міровой торговли выросли такія громадныя скопленія заводовъ и складовъ, какъ, напримѣръ, Иквикве, Антофогаста и ихъ сосѣди, построенные на безплодныхъ берегахъ, которыхъ люди нѣкогда избѣгали. Своимъ возникновеніемъ эти города обязаны близости громадныхъ зале-

жей селитры, которая составляют главный источник богатства Чили и которая, согласно весьма вѣроятной гипотезѣ, образовались, подобно гуано, изъ испражнений животныхъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются подобныя залежи, бродятъ еще какъ теперь, такъ и въ отдаленныя времена стада вигоней и гуанако (huanakos),

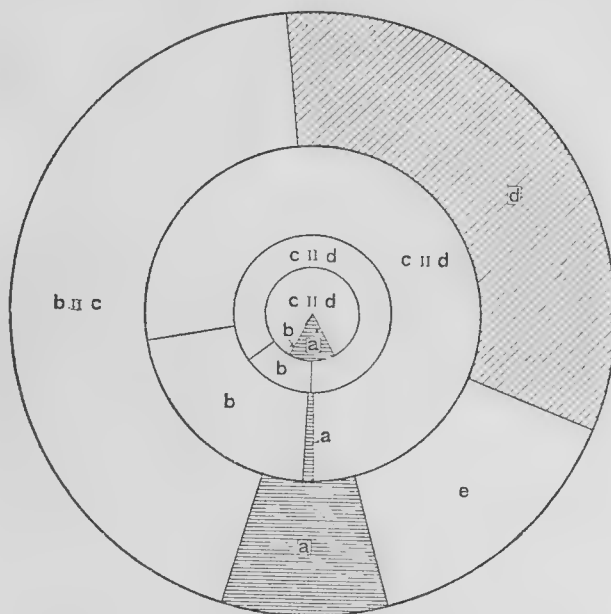
Прудъ близъ Манаосъ, покрытый *Victoria Regia*.

состоящія изъ сотенъ или даже тысячъ головъ. Всѣ старинные путешественники сходятся на томъ, что эти животные встрѣчались въ чрезвычайно большихъ количествахъ на богатыхъ селитрой плоскогоріяхъ. Характерной же привычкой гуанако, т.-е. «животныхъ, производящихъ гуано», и подобныхъ имъ видовъ является то, что они откладываютъ свои экскременты внѣ своихъ пастбищъ въ скалистыхъ и солончаковыхъ мѣстностяхъ, образуя продолговатыя кучи величинной въ 3—5 метровъ въ среднемъ; обыкновенно такія залежи

встрѣчаются поблизости болотъ; азотъ такихъ пластовъ гуано вступаетъ въ соединеніе съ солями, находящимися въ почвѣ и водѣ, и такимъ-то образомъ получается, въ концѣ концовъ, селитра. Этотъ процессъ продолжался много вѣковъ сряду и привелъ, наконецъ, къ тому, что обширныя равнины покрыты мощными селитроносными пластами, которые способны обслуживать въ теченіе неопредѣленно долгаго времени арсеналы

и химическіе заводы всего свѣта 1).

До половины XIX вѣка наиболѣе населеннымъ пунктомъ южно-американскаго материка былъ городъ Ріо-Жанейро, который обязанъ своимъ положеніемъ превосходнымъ качествамъ своей гавани, очаровательной красотѣ окружающихъ его небольшихъ долинъ, а также близости здоровыхъ въ климатическомъ отношеніи горъ и богатой Парахибской долины; но онъ не могъ удержать своего превосходства вслѣдствіе

Этнический составъ области бассейновъ Амазонки и Ла-Платы.

Начиная отъ центра, означены слѣдующія страны: Парагвай, Уругвай, Аргентина и Бразилія, причемъ площадь cadaго пояса пропорціональна его населенности.

а, индѣйцы; b, бѣлые изъ Европы; c, бѣлые, родившіеся здѣсь же въ странѣ; d, метисы; e, негры.

того, что гнилая почва, на которой переселенцы построили свои жилища, обусловливаетъ постоянное появленіе губительныхъ лихорадокъ. Несмотря на отсутствіе гавани, которую впоследствии принялись создавать съ большими затратами, Буэносъ-Айресъ оставляетъ, однако, за флагомъ своего бразильскаго соперника, благодаря европейскимъ колонистамъ, которые высаживаются здѣсь цѣлыми толпами и не встрѣчаютъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы устраниваться по своему вкусу близъ устья и на берегахъ большихъ рѣкъ Уругвая или Параны. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что на южномъ материкѣ въ группировкѣ городскихъ центровъ произойдетъ со временемъ эволюція, аналогичная

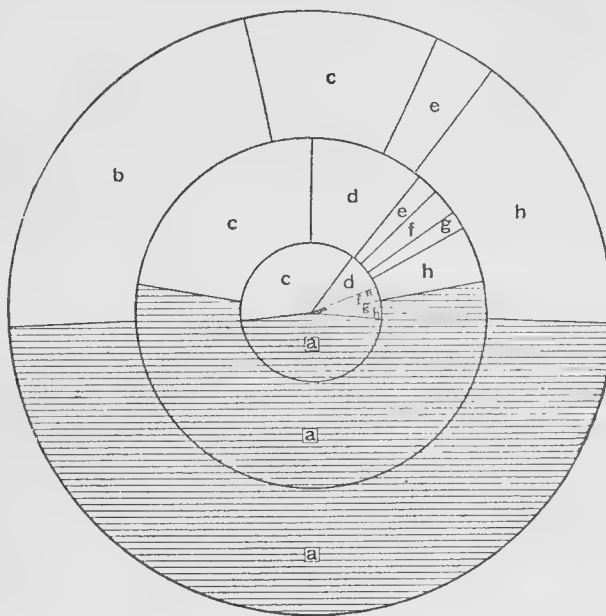
1) Otto Kunge, «Geogenetische Beiträge», p. 13 ss.

той, которая имѣла мѣсто на сѣверномъ материкѣ; по мѣрѣ того, какъ совершается заселеніе отъ периферіи къ центру, а густота населенія стремится къ равновѣсію, устанавливается единство материка: оно опредѣлится, наконецъ, и возьметъ верхъ надъ обособленностью отдѣльных областей, главныя связи которыхъ направляются наружу къ европейскому міру. Съ экономической точки зрѣнія слѣдуетъ отмѣтить, что

Южная Америка по всему громадному протяженію своей береговой линіи отъ Колона до Панама представляетъ рядъ городовъ: Картагена, Барранквила, Ла-Гванра, Джоржтоунъ, Парá, Пернамбуко, Бахія, Рио, Сан-тосъ, Монтевидео, Буэносъ — Айресъ,

Бахія — Вланка, Пунтъ — Аренасъ, Вальдивія, Вальпарайзо, Иквикве, Каллао, Гваяквиль; середины-же материка, орошаемаго Амазонкой, едва коснулась колонизація — еще меньше, чѣмъ Африки. Это заселе-

ніе совершится впоследствии; подобно тому какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Чикаго, Сентъ-Поль, Миннеаполь, Сентъ-Луи и другіе важныя населенныя центры стягивали вокругъ себя жизнь страны, которая бьетъ ключемъ со всѣхъ сторонъ, такъ и въ этой, дѣйствительно, исключительной мѣстности южнаго материка, гдѣ переплетаются между собою верховья притоковъ рѣчной системы Параны и бассейна Амазонки, появятся города. Недостатокъ въ быстрыхъ путяхъ сообщенія задерживаетъ до сихъ поръ развитіе зародышей городовъ, которые только ждутъ благопріятныхъ условій, чтобъ расти и превратиться въ такіе же крупныя центры, какъ Сентъ-Луи и Чикаго. Въ настоящее время больше всего шансовъ сдѣлаться однимъ изъ этихъ будущихъ Вавилоновъ имѣетъ, повидимому, скромный поселокъ Квіяба; кромѣ того,

Европейцы странъ, лежащихъ въ бассейнахъ Амазонки и Ла-Платы.

Въ центрѣ сгруппированы европейскія колоніи Уругвай и Парагвай, 1900 г. Потомъ идутъ аргентинскія, 1906 г.; наконецъ, бразильскіе переселенцы, съ 1854 по 1904 г.

а. итальянцы; б. португальцы; с. испанцы; d. французы; е. нѣмцы; f. англичане; g. швейцарцы и другіе европейцы.

нѣкоторыя притязанія на первенство имѣть также Гойацъ, лежащій далѣе къ востоку. Но все же несомнѣнно, что именно здѣсь заложены зародыши, такъ сказать, потенціальныхъ столицъ, въ которыхъ также будетъ царить мощь человѣческаго духа.

Въ этнографическомъ отношеніи роль Южной Америки сводится такъ же, какъ и роль Анагуака, но въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ,—къ тому, чтобы смѣшивать между собою элементы различнаго происхожденія и объединить ихъ въ одну расу. Въ этомъ отношеніи бразильская республика представляетъ собою самую замѣчательную фабрику на нашей планетѣ: имя «*officina gentium*», данное нѣкогда монгольской и турецкой Азіи, гораздо болѣе приложимо къ Бразиліи, гдѣ типы, которые стоятъ на противоположныхъ концахъ ряда человѣческихъ расъ,—бѣлые и черные,—несомнѣнно, сливаются въ одинъ смѣшанный типъ, обладающій новыми качествами. Въ естественной исторіи человѣка это фактъ первостепенной важности; можетъ-быть, онъ еще недостаточно освѣщенъ вслѣдствіе какого-то инстинктивнаго и безсмысленнаго тщеславія, которое заставляетъ большую часть бѣлыхъ, даже ученыхъ, воображать, что чистота ихъ крови это—драгоценная привилегія, которую надо сохранить во всей ея неприкосновенности. И если вѣрно то, что потомки негровъ-невольниковъ, которые составляли въ прежнія времена четвертую часть всего населенія, входятъ постепенно въ составъ массы націй, которая выливается въ однородное цѣлое,—то не слѣдуетъ ли изъ этого, что смѣшеніе человѣческихъ расъ сдѣлается всеобщимъ явленіемъ благодаря бразильцамъ, которые, съ другой стороны, смѣшиваются путемъ браковъ со всеми остальными представителями бѣлой расы? Роль Бразиліи въ указанномъ отношеніи составляетъ продолженіе той, которая началась еще въ самой Португаліи, на родинѣ бразильскихъ бѣлыхъ, во время ея торговаго господства; въ то время количество высаживаемыхъ въ Лиссабонѣ чернокожихъ, какъ свободныхъ, такъ и закрѣпощенныхъ, было весьма велико, и скрещеніе расъ, продолжавшееся въ теченіе ряда послѣдовательныхъ поколѣній, такъ соединило разнородные элементы, что слѣды лузитано-африканской крови сохранились во всѣхъ семьяхъ южныхъ и центральныхъ провинцій. Въ качествѣ наслѣдницы Португаліи, а также въ силу особыхъ условій, которыми она обязана практиковавшемуся долгое время ввозу чернокожихъ, Бразилія является единственной во всемъ мірѣ страной, которой принадлежитъ привилегія демонстрировать единеніе человѣческихъ расъ. Въ этомъ заключается ея существенное и рѣзкое отличіе отъ сѣверной англо-американской республики, которая ревниво, хотя, впрочемъ, и тщетно, старается сохранить первенство и даже взаимное отвращеніе между расами.

Въ испано-американскихъ областяхъ Южной Америки смѣшеніе

ленные» между собственниками плантацій и рудниковъ; общезвѣстно, во что обошелся имъ этотъ трудъ, который ихъ заставляли нести съ такой жестокой суровостью въ продолженіе двухъ вѣковъ. Но уже со времени прибытія первыхъ «завоевателей» стали заключаться браки между испанцами и дочерьми знатныхъ индѣйцевъ изъ благородныхъ племенъ; примѣръ былъ поданъ сверху, и съ тѣхъ поръ онъ постоянно находить себѣ все болѣе и болѣе обширный кругъ подражателей въ народныхъ слояхъ; вездѣ неудержимо идетъ двойной процессъ испанификаціи и индианизациі, процессъ сліянія одновременно какъ по языку, которымъ является кастильскій, по идеямъ, которыя въ сущности представляютъ идеи восемнадцатаго вѣка, такъ и по крови, которая принадлежитъ всему смѣшанному населенію Южной Америки. Въ государствахъ умѣренного пояса, какъ-то: Уругваѣ, Аргентинѣ, Чили, процессъ сліянія расъ можетъ считаться совершенно законченнымъ; къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы этотъ громадный переворотъ въ исторіи расъ совершился нормально и мирнымъ путемъ: неоднократно имѣли мѣсто массовыя побоища. Въ Чили арауканцамъ часто приходилось защищать свою независимость отъ нарушившихъ свою клятву бѣлыхъ; наконецъ, они уступили, но только тогда, когда оказались совершенно окруженными все болѣе и болѣе растущимъ потокомъ цивилизациі. Въ то время, когда Вальдивія покорилъ бѣольшую часть Чили, въ его отрядѣ, состоявшемъ изъ 450-ти испанцевъ, была только одна женщина, Инеса Суарецъ. Но тотчасъ послѣ основанія колоніи пришельцы стали вступать въ бракъ съ арауканками. Особенно часто указываютъ на семью кацика Талаганты, которая, въ лицѣ своихъ потомковъ, породнилась съ испанцами, составлявшими мѣстную аристократію; Макъ Кенна говоритъ, что въ Чили нѣтъ ни одной мало-мальски знатной семьи, которая не могла бы съ гордостью назвать въ числѣ своихъ предковъ Талаганты ¹⁾.

На берегахъ Ріо-де-Ла-Плата такимъ же образомъ составила аргентинская нація путемъ брака индѣйскихъ женщинъ съ испанскими колонистами. Война и бракъ привели, въ концѣ концовъ, къ одному и тому же результату, а именно, къ уничтоженію индѣйскихъ племенъ: мужчины избивались, а женщины становились матерями дѣтей испанской крови. Впослѣдствіи, когда политическіе устои государства окрѣпли, взаимная непріязнь между бѣлыми, съ одной стороны, и краснокожими пуэльчи, тегуельчи и патагонцами—съ другой, приняла характеръ такой ненависти, что единственной формой ихъ взаимныхъ отношеній была беспощадная борьба. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій разрушительныя и истребительныя войны между европейскими колонистами и воинами

1) A. Philipps, «Globus», 25 февр. 1904 г.

различныхъ патагонскихъ племенъ стали свирѣпствовать съ такой силой, что нашли нужнымъ обнести цивилизованную полосу защитительными стѣнами на подобіе тѣхъ укрѣпленій, которыя воздвигались римлянами противъ германскихъ, дакскихъ и сарматскихъ племенъ. Однако, современные солдаты располагаютъ средствами, далеко превосходящими тѣ, которыя были въ рукахъ древнихъ великовъ, такъ что ихъ кровавое дѣло пошло гораздо быстрее и рѣшительнѣе: оно не длилось вѣками и закончилось полнымъ подчиненіемъ тѣхъ немногихъ индѣйцевъ, которые остались въ живыхъ. Пушечный выстрѣлъ и электрическіе сигналы тотчасъ сгруппировывали кавалерію бѣлыхъ въ опасныхъ пунктахъ, и

Группа бразильскихъ моряковъ.

шайка индѣйцевъ, когда она, будь то при первой атакѣ или при возвращеніи съ грабежа, пыталась снова прорваться съ захваченными стадами сквозь линію постовъ и укрѣпленій, теряла половину своего состава убитыми и плѣнными.

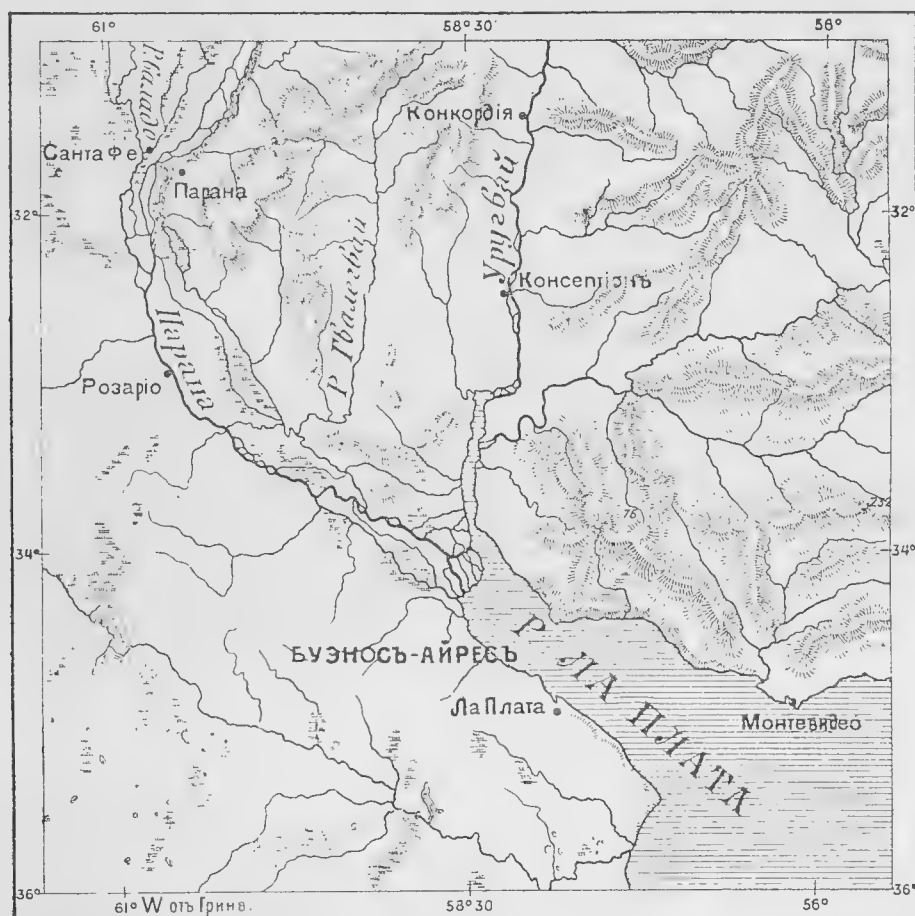
Среди культурныхъ жителей центральной части материка, какъ-то: испанцевъ, португальцевъ и колонистовъ различныхъ другихъ европейскихъ націй, удержалось еще множество племенъ, сохранившихъ свой языкъ, религію и дѣдовскіе обычаи, но изо дня въ день количественное отношеніе между ними и метисами измѣняется въ ущербъ первымъ; отчасти вслѣдствіе дѣйствительнаго уменьшенія ихъ численности благодаря оспѣ, кори, «sarampião» и другимъ заразительнымъ болѣзнямъ, отчасти же вслѣдствіе того, что путемъ постоянной ассимиляціи они превращаются, подобно самимъ европейцамъ, побѣжденнымъ въ жизненной борьбѣ, въ простыхъ пролетаріевъ или, въ лучшемъ случаѣ, входятъ

въ массу цивилизованной націи, владѣющей землей, какъ, напримѣръ, племена гуарани въ Парагваѣ. Индѣйцы сѣверной Аргентины, западной Бразиліи и подъ-андской долины Боливии: калчаквисы, чиригуаносы, тобазы, моіозы и чикитосы втягиваются, мало-по-малу, въ это громадное магнитное поле. У нѣкоторыхъ изъ нихъ является какъ бы предвидѣніе той роли, которая будетъ въ одинъ прекрасный день принадлежать центральной области материка, и которая будетъ заключаться въ томъ, чтобы распространить начала культурной жизни во всѣ концы этой громадной территоріи. Такъ, моіозы плаваютъ въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ по сѣти рѣкъ, чтобы доставить товары въ самые отдаленные уголки; другіе же индѣйцы, спустившись съ горъ Аполобамбы, ходятъ въ качествѣ странствующихъ знахарей вплоть до побережныхъ поселеній и раздають цѣлебныя травы и лѣкарства.

Великая монархія инковъ, хотя и пала чуть ли не четыре вѣка тому назадъ, сохранила, однако, свои очертанія, обозначенныя разницей въ обычаяхъ населенія; потомки древнихъ жителей страны сохранили еще глубокіе слѣды той дисциплины, которая нѣкогда была въ ходу у «сыновей Солнца». Обогащая повелителя, который раздавалъ имъ работу и обезпечивалъ имъ въ то же время дневное пропитаніе, квичуа и аймары еще до сихъ поръ охотно ищутъ себѣ предстателей передъ ихъ грозными богами, которымъ они могли бы служить съ уваженіемъ и трепетомъ; католическіе священники нашли въ нихъ достаточно податливыя души, которыхъ легко заставить вѣрить въ дьявола и адъ, въ силу молитвы и умерщвленія плоти, въ обязательность повиновенія и жертвъ по отношенію къ посредникамъ между ними и божествомъ. Нѣтъ страны на свѣтѣ, гдѣ бы римская церковь обладала такимъ могуществомъ, какъ здѣсь, такъ какъ новыя суевѣрія легко приспосаблиются къ старымъ, которыя зародились подъ вліяніемъ одинаковаго пониманія вещей, и религіозные обряды измѣнились лишь очень мало. Не бываетъ ни одной войны, ни одной революціи въ этихъ неспокойныхъ странахъ, которая не носила бы замѣтныхъ слѣдовъ прямого вліянія духовенства, дѣйствующаго на темныя массы и заставляющаго ихъ сражаться ради его интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, внутреннія столкновенія, происходившія въ бывшемъ государствѣ инковъ: въ Боливіи, Перу, Эквадорѣ, имѣли въ виду на первомъ планѣ, кромѣ военнаго честолюбія, кастовыхъ разногласій и соперничества различныхъ областей, также интересы духовенства. Когда духовенство одерживаетъ побѣду, оно тотчасъ пользуется ею, чтобы установить теократическое государство, въ которомъ, подъ фирмой гражданскихъ чиновниковъ или генераловъ, власть находится всецѣло въ рукахъ того же духовенства. Такимъ образомъ, во время расцвѣта клерикализма «республика» Эквадоръ могла считаться образцомъ государственнаго застоя, абсолютнаго консерватизма.

Просвѣщеніе и, какъ слѣдствіе его, испанификація туземцевъ казались окончательно упраздненными. Вотъ тутъ-то возникаетъ вопросъ жизни и смерти. Если природные американцы путемъ скрещиванія и школьнаго вліянія сливаются съ потомками европейцевъ и, въ свою очередь, вовле-

№ 546. Устье Ла-Платы.

1: 5 000 000

0 100 200 300 килом.

чены въ водоворотъ современной жизни, то тѣмъ самымъ церковь обречена на потерю подъ ногами почвы; затѣмъ она исчезнетъ, мало-помалу, какъ сонъ.

Колумбія находилась за предѣлами владычества инковъ; она населена другими индѣйскими племенами, еще не совсѣмъ испанифици-

рованными, составляющими наиболѣе значительную часть населенія и играющими весьма важную роль въ политической жизни страны. И здѣсь выгода духовенства заключается въ томъ, чтобы удержать индѣйцевъ на первобытныхъ ступеняхъ язычества, скрытаго подъ полумразумной оболочкой; такимъ-то образомъ имъ удалось сохранить приемы управленія, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ средневѣковыя. Здѣсь разыгрывается, но только въ большихъ размѣрахъ и на гораздо болѣе обширной аренѣ, социальное явленіе, аналогичное тому, которое наблюдается во Фландріи, Бретани и во всѣхъ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ церковь и революція оспариваютъ другъ у друга власть надъ умами. Впрочемъ, конечный результатъ этой борьбы будетъ, конечно, въ обѣихъ частяхъ свѣта одинаковымъ, и нравственная эволюція квичуа и аймаровъ свершится хотя и медленно, но неминуемо. Нѣкогда у этихъ племенъ хватило духовныхъ силъ для созданія самобытной цивилизаціи; онѣ найдутся у нихъ въ достаточной мѣрѣ и для того, чтобы приобщиться къ общечеловѣческой культурѣ.

Совершенно европеизированная часть Южной Америки обнимаетъ, кромѣ большихъ городовъ побережья, только ту область материка, которая лежитъ въ умѣренномъ поясѣ, и ось которой представлена не всѣмъ еще оконченной (1905) желѣзнодорожной линіей, связывающей Буэнос-Айресъ съ Вальпарайзо. Тутъ-то находится та часть страны, которая наиболѣе напоминаетъ Европу, и гдѣ, слѣдовательно, легче всего было создать вторую Европу, со всѣмъ разнообразіемъ особенностей, характерныхъ для странъ, здѣсь представленныхъ. Мало-помалу, торговля указанныхъ областей становится универсальной, охватывая постепенно всѣ предметы человѣческаго потребленія, но на ряду съ этимъ нѣкоторые спеціальныя предметы обмѣна обезпечать странѣ еще надолго особую роль въ міровой торговлѣ. Представляя собою широкую равнину, провинціи пампасовъ производятъ хлѣбныя растенія и разнаго рода земледѣльческіе продукты; Чили располагаетъ драгоцѣнными минеральными сокровищами: мѣдью, каменнымъ углемъ, селитрой, бурой; Перу и Боливія, какъ и во время испанскаго владычества, остаются хранилищами драгоцѣнныхъ металловъ; Бразилія выдвигается на первый планъ въ области торговыхъ оборотовъ благодаря каучуку амазонскихъ лѣсовъ и кофе прибрежныхъ провинцій, особенно Санъ-Пауло, которыя славятся своими неистощимыми «красными землями». Благодаря тому, что берега Бразиліи ближе всѣхъ остальныхъ частей побережья Америки расположены къ африканскому материку, у этого государства возникаютъ непосредственныя сношенія съ Гвинеей, откуда нѣкогда явилось большинство ея чернокожихъ обитателей; быть-можетъ, недалеко уже время, когда по этимъ берегамъ, между которыми Атлантическій океанъ суживается до размѣровъ морского пролива, черезъ который переѣздъ дѣлится

три дня, пройдутъ желѣзнодорожные пути, проложенные черезъ Мавританію, Сахару и область верхняго теченія Нигера, и провезутъ прямо съ береговъ Средиземнаго моря въ Бразилію товары и путешественниковъ. Такимъ образомъ, съ южнымъ материкомъ Новаго Свѣта установятся очень быстрые пути сообщенія, постройка которыхъ, кажется,

Индѣйцы Мато Гроссо, работающіе въ окрестностяхъ Тукумана.

еще недостаточно занимаетъ предпринимателей. Такимъ образомъ, Пернамбуко будетъ удаленъ отъ Парижа не больше, чѣмъ Нью-Йоркъ. Что же касается острововъ, разсѣянныхъ по громаднымъ пространствамъ Тихаго океана, то они останутся отдѣленными отъ береговой полосы, лежащей у подножія Андовъ, громадными разстояніями, на переездъ которыхъ надо еще очень много времени. Тутъ-то мы встрѣтимъ самыя большія разстоянія между обитаемыми областями. Однако, Чили уже наложила свою руку на океанскія пространства, захвативъ земли Жуана-Фернандеса и знаменитый островъ Пасхи, на которомъ найдены таинственныя изображенія, говорящія намъ объ исчезнувшей культурѣ.

Къ западу отъ острововъ Океаніи всѣ большія земли, находящіяся въ географическомъ отношеніи въ связи съ азіатскимъ материкомъ, вошли уже благодаря завоеваніямъ, земледѣлію, торговлѣ и колонизаціи, въ громадный кругъ цивилизаціи европейскаго типа; процессъ этотъ совершился при посредствѣ Англіи,

№ 547. Окрестности Ріо-де-Жанейро.

1 : 1 000 000

0 10 25 50 КИЛОМ.

С. означаетъ вершину Корковадо (высота 712 м.), откуда сдѣланъ прилагаемый ниже снимокъ. Р. означаетъ гору «Сахарная голова» (Pão-d'Assucar), высотой въ 387 м., которую видно при входѣ въ бухту.

Голландіи, Германіи, даже Португаліи, пришедшей въ упадокъ, и дышащихъ избыткомъ матеріальной силы и смѣлости Соединенныхъ Штатовъ. Далѣе, среди Тихаго океана разстилается громадный австралійскій материкъ, который находился нѣкогда въ полной политической зависимости отъ Европы и до сихъ поръ еще связанъ съ ней при посредствѣ почти всѣхъ своихъ торговыхъ сношеній; по отношенію же къ соседнимъ землямъ онъ представляетъ собою доминирующій центръ; часть Новой Гвинееи получаетъ изъ Австралійской республики изслѣдователей земель и переселенцевъ; острова Фиджи находятся въ ея раіонѣ капита-

Городъ и бухта Рио-де-Жанейро. Видъ съ вершины Корковадо.

таютъ себя хозяевами на громаднѣхъ пространствахъ Великаго океана. На этой почвѣ у австралійцевъ неминуемо долженъ возникнуть конфликтъ съ сѣверо-американцами, которымъ принадлежитъ телеграфный кабель, проложенный черезъ все протяженіе океана между Санъ-Франциско и Филиппинами, черезъ гавани на Гонолулу, на Гавайскихъ островахъ, и изъ Гуана на Маріанскіе острова.

Большая часть песчаныхъ острововъ на востокѣ Тихаго океана принадлежитъ Франціи,—фактъ, который, впрочемъ, не имѣетъ никакого значенія въ общемъ соотношеніи силъ и могущества державъ, такъ какъ почти всѣ острова, кромѣ Таити, очень маленькихъ размѣровъ и никогда не могутъ сдѣлаться дѣйствительно важными въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ: они просто даютъ мелкое удовлетвореніе самолюбію военныхъ сюзеренной націи, которые раскидываютъ свои палатки и знамена у входовъ въ проливы и на укрѣпленныхъ мысахъ; кромѣ того, они даютъ поводъ бюджету метрополіи возложить на плечи плательщиковъ податей нѣсколько милліоновъ на [покрытіе расходовъ. Вотъ и все; но мѣстное населеніе интересно своими постоянными переселеніями съ острова на островъ, рѣзкой разницей между приростомъ и убылью населенія, всею совокупностью экономическихъ вопросовъ, связанныхъ съ развитіемъ или упадкомъ расы, и, въ особенности, удивительными измѣненіями, которыя претерпѣли островитяне подъ вліяніемъ окружающей среды, налагающей на нихъ свой отпечатокъ. Въ этомъ отношеніи важно изучать Океанію во всемъ ея объемѣ, не считаясь съ подраздѣленіями, созданными европейскими державами, согласно случайностямъ мореплаванія, требованіямъ миссіонеровъ и рѣшеніямъ болѣе или менѣе компетентныхъ дипломатовъ, которые, впрочемъ, и не видали тѣхъ самыхъ острововъ, судьбу которыхъ они рѣшали.

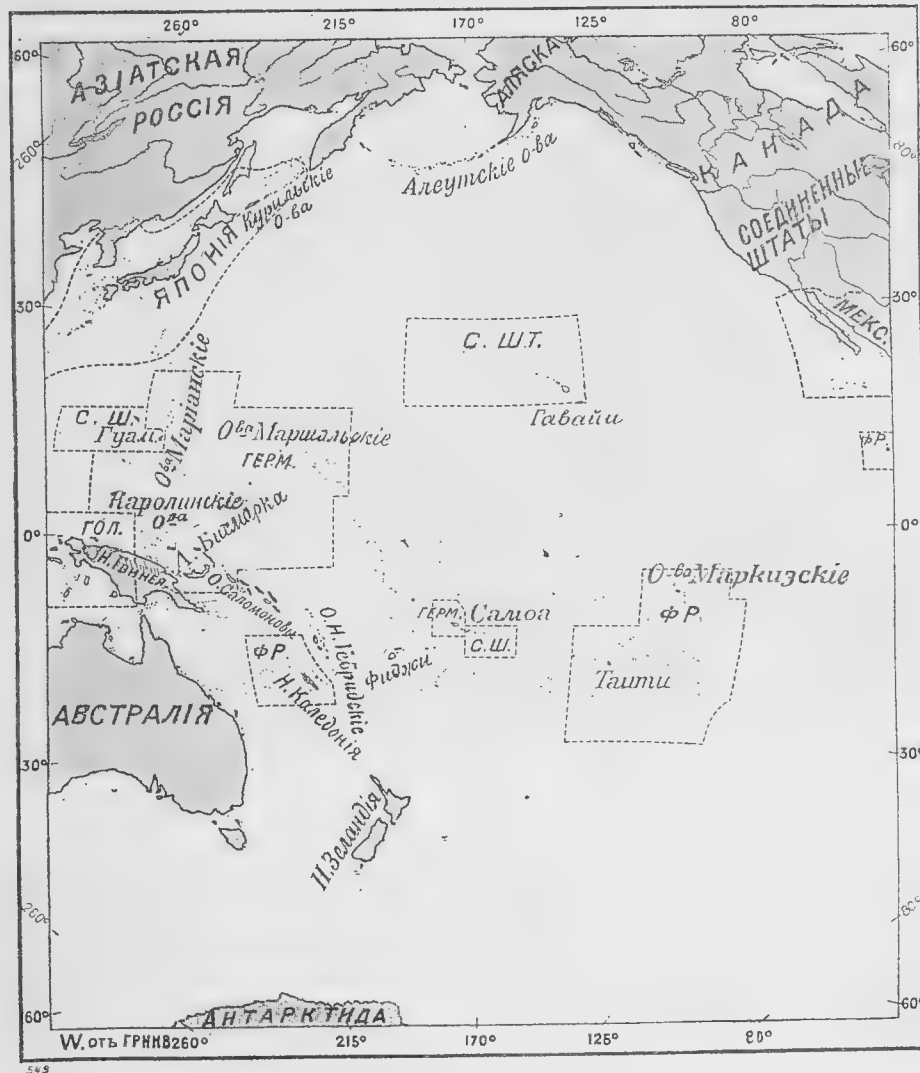
Шагъ за шагомъ можно прослѣдить путь переселеній полинезійцевъ, руководствуясь названіями, которыя они давали своимъ различнымъ этапамъ, начиная отъ примитивнаго Гавай-ки, расположеннаго, какъ полагаютъ, на одномъ изъ острововъ Индонезіи. Полинезійцы останавливались на островахъ Фиджи—Авайки-раро, т.-е. Авайки «Навѣтренные»; на островахъ Самоа—Савай-и, на Тонга—другой Авайки-раро, на Райатеѣ—Гавай-и, на Таити—Авай-ки-рунга, т.-е. Авай-ки «Подвѣтренные»; на Факаравѣ (архипелагъ Помоту)—Гавай-ки, на Сандвичевыхъ островахъ—Гавай-и; наконецъ, на Новой Зеландіи—Авай-ки-тауту, «огненный» Авайки 1).

Согласно всѣмъ изустнымъ преданіямъ, полинезійцы появились съ запада; впрочемъ, и лингвистическія формы также указываютъ на то,

1) Paul Huguénin, «Raiatea la sacrée», pp. 67—68.

что родину полинезійцевъ слѣдуетъ искать на западѣ, въ области, за-

№ 549. Политическое дѣленіе Океаніи.

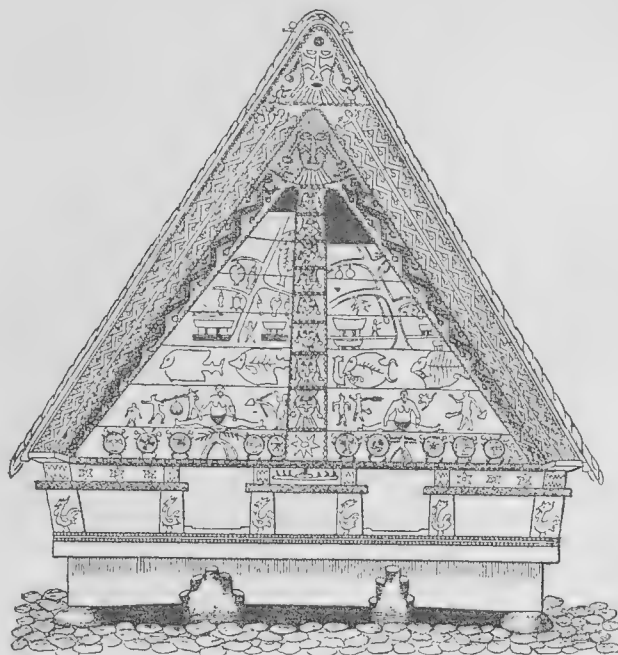
1: 120 000 000

0 1000 3000 6000 Килом.

Острова, не обведенные пунктиромъ, находятся подъ протекторатомъ Англіи.

пятой малайцами. Перси Смитъ категорически высказывается въ томъ смыслѣ, что мѣстомъ происхожденія всѣхъ островитянъ восточнаго

міра является Индія 1). Регулярное дуновеніе пассатовъ—которое совершается подъ уклономъ съ востока на западъ, т.-е. какъ-разъ въ направленіи, обратномъ тому, въ которомъ шло переселенческое движеніе обитателей Индіи, дифференцировавшихся, мало-по-малу, на индонезійцевъ и полинезійцевъ, — являлось, конечно, препятствіемъ для морскихъ путешествій; но это препятствіе не было непреодолимымъ, такъ какъ

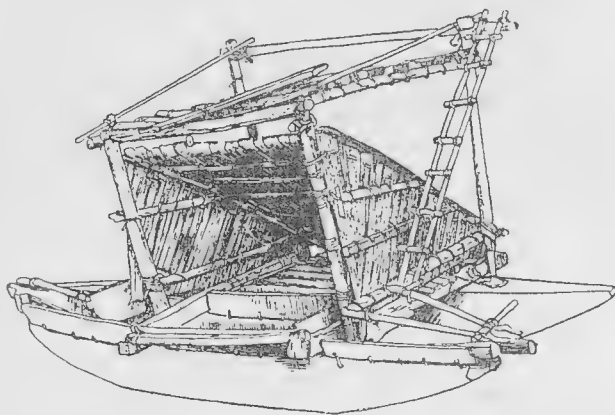

Кровля обыкновеннаго дома на Палаускихъ островахъ.

нормальное направленіе вѣтра нерѣдко нарушается воздушными теченіями, дующими въ различныхъ направленіяхъ; такъ, напри- мѣръ, на островахъ Товарищества довольно часто дуетъ вѣтеръ «toerau» въ направленіи съ сѣвера на югъ; мореплаватели Райатейи ждутъ его, чтобы плыть по направленію къ Таити, зная, что здѣсь они непремѣнно вскорѣ встрѣтятъ попутный вѣтеръ, который приведетъ ихъ обратно на родину. Океаническія теченія представляютъ, такъ же, какъ и вѣтры, нѣкоторыя неправильности, облегчающія путешествіе въ восточномъ направленіи. Направленіе боковыхъ вѣтвей теченій опредѣляется формой и положеніемъ острововъ и подвижныхъ рифовъ, о которые разбиваются потоки водъ; но самое главное явленіе, которое должны были использовать мореплаватели, это существованіе регулярнаго противотеченія, которое движется по обѣимъ сторонамъ экватора, посреди главнаго теченія тихоокеанскихъ водъ. Такимъ образомъ, океаническіе моряки, совершая свои большія экспедиціи, могли плыть по водной поверхности земного шара то на востокъ, то на западъ. Де-Катр-фажъ приписываетъ указанному экваторіальному противотеченію главную роль въ исторіи заселенія острововъ Океаніи.

1) «Hawaiki the whence of the Maori», journal of the Polynesian society, сент. 1898 и мартъ 1899.

Но прежде всего ихъ слѣдовало открыть, и тутъ-то приходится поистинѣ изумляться инициативѣ и смѣлости, которая развилась у островитянъ Великаго океана въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, какъ слѣдствіе постепеннаго накопленія опыта, настойчиваго старанія изучить искусство мореплаванія, проникнуть въ тайны метеорологій и астрономіи. Вполнѣ вѣроятно, что первобытные моряки Океаніи руководствовались во время своихъ странствованій наблюденіемъ хода китообразныхъ и рыбъ, полета птицъ, а именно въ мѣстахъ отправленія и прибытія. На Новой Зеландіи маори обозначаютъ одинъ видъ кукушки названіемъ «птица съ Гавай-ки» и рассказываютъ, что она возвращается зимою въ страну своихъ предковъ. Береговая отмель, на которой собираются птицы передъ своимъ отлетомъ, называется «бухтой Духовъ»; очевидно, что въ воображеніи туземцевъ эти птицы представляютъ собою души самихъ маори, которые отлетаютъ въ страну своихъ предковъ ¹⁾.

Судно для плаванія въ открытомъ морѣ,
бывшее нѣкогда въ употребленіи на островахъ Самоа.

Громадное дѣло заселенія океаническихъ острововъ полинезійцами совершалось въ теченіе долгаго ряда вѣковъ; переселенія производились не сразу; тысячи различныхъ попытокъ слѣдовали одна за другой; одни увѣчивались успѣхомъ, другія оканчивались различными неудачами, уклоненіемъ отъ правильнаго пути, возвращеніемъ назадъ; немало экспедицій погибло жертвой кораблекрушеній, битвъ, голода. Нерѣдко случалось также, что отряды переселенцевъ различнаго происхожденія и въ разное время высаживались на одномъ и томъ же островѣ; въ такомъ случаѣ въ общественномъ укладѣ мѣстнаго населенія могли произойти рѣзкія перемѣны. Въ результатъ такого послѣдовательнаго прибытія иммигрантовъ образовывались касты: тѣ, кто вторгался послѣднимъ и обладалъ большей силой, становились царями (arior) и начальниками (gaatira), тогда какъ покоренное племя, представляющее первоначальное населеніе острова, составляло низшій слой населенія—массу manahuna. Приведенная іерархія сословій, которая установи-

1) Taylor White, «Nature». May 1899, p. 30.

лась на «Подвѣтренныхъ» островахъ, встрѣчается на цѣломъ рядѣ другихъ земель, но подъ различными названіями. Къ тому же, каждое отдѣльное общественное соединеніе употребляетъ для обозначенія своихъ частей многочисленные синонимы, происхожденія которыхъ слѣдуетъ искать въ цѣломъ рядѣ наслоеній, образованныхъ послѣдовательными вторженіями разныхъ племенъ ¹⁾.

Особенно замѣчательна послѣдняя переселенческая волна завоевателей. Она направилась отъ Индонезіи къ Фиджи, минуя земли, занятія чернокожими племенами; затѣмъ, черезъ два столѣтія, она заняла острова Самоа и Тонга; еще двѣсти лѣтъ спустя завоеватели занимали уже Гавайскій архипелагъ, а къ 1350 году флотилии ихъ добрались до Новой Зеландіи. Отсюда эмиграціонное движеніе полинезійцевъ достигло даже Рапануи, или острова Пасхи, т.-е. самаго крайняго острова въ восточномъ направленіи, въ направленіи береговъ Америки; сходство нарѣчій съ несомнѣнностью указываетъ на общность происхожденія. Если туземцы острова Пасхи и выдѣлывали свои колоссальные идолы, которые найдены были на островѣ, изъ камня, то причиной этого является недостатокъ деревьевъ; стиль этихъ памятниковъ вполне сходенъ со стилемъ деревянныхъ статуй, воздвигаемыхъ на лѣсистыхъ островахъ остальной Океаніи. Такимъ образомъ, островитяне шагъ за шагомъ, отъ одного этапа къ другому, переплывали громадныя морскія пространства, которыя отдѣляютъ Азію отъ американскихъ береговъ. Что касается плаваній въ нѣсколько сотенъ и даже тысячъ километровъ, то о нихъ свидѣлствуютъ сохранившіяся легенды, скрещиваніе расъ, смѣшеніе языковъ и даже непосредственно сама исторія. Въ современный періодъ исторіи можно было наблюдать, что шаморры Маріанскихъ острововъ водворились въ центральной части Каролинскаго архипелага, зайдя по дорогѣ на острова Улути, Улеан и Ламотрекъ: Христіанъ нашелъ вполне явственныя слѣды нарѣчія жителей Маріанскихъ острововъ на каролинской группѣ острововъ Мортлокъ.

Красота мѣстности естественно располагаетъ путешественника думать, что существуетъ нѣкоторая предустановленная гармонія между качествами островитянъ и чарующей прелестью страны, гдѣ они живутъ. Многимъ могло бы казаться, что туземцы по своимъ нравамъ и обычаямъ должны отвѣчать чудной природѣ, которая ихъ окружаетъ; они всѣ должны были бы быть красивыми и сильными, привѣтливыми, великодушными, миролюбивыми. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ, если не считать нѣсколько особо счастливыхъ острововъ, населеніе которыхъ образуетъ совершенно особый міръ, живетъ въ условіяхъ полнѣй-

1) Paul Huguenin, «Raiaiteia la sacrée».

шаго равенства и доросло до того, что не знаетъ уже разницы между своимъ и чужимъ. Превосходныя качества окружающей среды, почвы, воды и воздуха становятся только тогда великой воспитательницей, когда природа содѣйствуетъ самъ человѣкъ, который умѣетъ ее понимать, умѣетъ, такъ сказать, вдохнуть въ нее душу. Въ общемъ, полученные уроки касались, главнымъ образомъ, области войны, и формы возгоравшихся конфликтовъ приобрѣтали различный характеръ на различныхъ островахъ,

Дома на сваяхъ; островъ Фауро (архипелагъ Соломоновыхъ острововъ).

въ зависимости отъ тысячи обстоятельствъ, сопровождавшихъ сношенія первобытныхъ людей. Уже само по себѣ расселеніе людей на земляхъ, удаленныхъ другъ отъ друга и представляющихъ каждая нѣкоторыя спеціальныя, характерныя особенности, должно было повлечь за собою то, что каждое племя получило свою особую фیزیономію; затѣмъ къ этимъ отличіямъ присоединились еще тѣ, которыя создаются превратностями переселенія. Несмотря на общность происхожденія, несмотря на сходство языковъ, происшедшихъ изъ одного общаго корня, эволюція пошла въ каждой отдѣльной области особыми путями: меланезійцы обнаруживаютъ лишь весьма малое сходство съ жителями Гавайскихъ острововъ, население Маркизскихъ острововъ сильно отличается отъ

населенія острововъ Товарищества, между жителями группы Самоа и племенемъ маори появились весьма глубокія различія въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ вѣковъ, когда эти племена жили обособленно другъ отъ друга.

Столкновенія—которыя происходили послѣдовательно на различныхъ островахъ между первоначальными иммигрантами, смотрѣвшими на себя какъ на аборигеновъ, какъ на исконныхъ собственниковъ горъ и рифовъ, и дерзкими завоевателями, которые по праву сильнаго захватывали все, что попадалось имъ на пути: хижины, рощи и даже самихъ жителей, — создали положеніе непрерывной борьбы, открытой войны или глухой, подавленной борьбы угнетенныхъ противъ своихъ угнетателей. Образовались касты; верхнюю ступень занималъ высшій классъ—аріюи, которые являлись господами, знатью, полными владѣльцами почвы, людьми, обладающими титулами, состояніемъ и привилегіями; они могли позволять себѣ наложить *tapi* (табу) на что угодно, т.-е. на все то, къ чему они не хотѣли допустить народъ, а сохранить для себя самихъ.

Среди привилегій знатныхъ была одна, которая состояла не больше, не меньше, какъ въ томъ, чтобы ѣсть людей изъ низшаго сословія. На островахъ Маркизскихъ, Фиджи людоедство считалось весьма почтеннымъ обычаемъ, который даже рекомендовался въ важныхъ случаяхъ жрецами, и который вполнѣ объясняется стариннымъ пережиткомъ кровавой жертвы, которую мы встрѣчаемъ въ преданіяхъ какъ арійскихъ, такъ и семитическихъ народовъ, какъ политеистовъ, такъ и монотеистовъ, какъ евреевъ, такъ и христіанъ; даже на тѣхъ островахъ, гдѣ люди перестали, благодаря инстинктивному отвращенію, ѣсть человѣческое мясо, предки все еще сохранили вкусъ къ послѣднему, и надо было продолжать варварскій обычай, чтобы подать имъ это угощеніе (Липпертъ). Идея, которая сама собою возникаетъ въ простомъ умѣ, будто кровь кормитъ кровь, будто сердце удваиваетъ сердце, также способствовала оправданію антропофагій въ глазахъ начальниковъ и жрецовъ; но великимъ царямъ не пужно было ни религіозныхъ традицій, ни антропологическихъ основаній: имъ достаточно было захотѣть отвѣдать человѣческаго мяса. Знаменитый фиджійскій царь Такамбау, который скончался, окруженный британскими придворными, и пользовался при жизни щедрыми субсидіями англійскаго казначейства, былъ однимъ изъ тѣхъ властителей, который мало заботился о подысканіи оправданій своимъ поступкамъ; когда кто-нибудь изъ его подданныхъ казался ему подходящимъ для вкуснаго блюда, царю достаточно было только сдѣлать знакъ: несчастный понималъ въ чемъ дѣло, и принимался за огородничество, чтобы доставить нивямъ и овощи, которые должны были служить гарниромъ къ его собственному, хорошо зажаренному тѣлу. Теперь, по волѣ новыхъ хозяевъ, европей-

цевъ, царскій обычай людоедства исчезъ, но само собою ясно, что

Каннибалъ Саломоновыхъ или Соломоновыхъ острововъ.

консервативныя партіи Фиджи требовали сохраненія каннибализма во имя «принциповъ» и «здоровой морали». «Какъ—заявляли защитники

добраго стараго времени—охранить общество, если не держать низшихъ классовъ въ справедливомъ страхѣ?»

Надо, впрочемъ, замѣтить, что на многихъ группахъ острововъ обычай «трапезы длинной свиньи» былъ оставленъ уже задолго до того, какъ Кукъ совершалъ свои плаванія. Людоѣдство существовало въ девятнадцатомъ столѣтіи только на Фиджи, на Маркизскихъ островахъ, въ Меланезіи и на Новой Зеландіи. На островахъ Таити, Самоа, Жильбертовыхъ и Маршалля лишь нѣкоторыя традиціи, нѣкоторыя церемоніи, смыслъ которыхъ теперь непонятенъ, позволяютъ заключить, что нѣсколько вѣковъ тому назадъ здѣсь практиковалось людоѣдство; что касается Гавайскихъ острововъ, то нельзя утверждать, что здѣсь когда-либо извѣстенъ былъ каннибализмъ. Съ другой стороны, этотъ кровавый обычай великолѣпно уживается въ Океаніи съ взаимнымъ дружелюбіемъ, такъ же точно, какъ и дѣтоубійство идетъ здѣсь рука-объ-руку съ такимъ почитаніемъ дѣтей, которое въ Европѣ можно встрѣтить только въ видѣ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, житель Маркизскихъ острововъ, принося въ жертву своего товарища, указаннаго жрецами, вкладываетъ въ это дѣло не больше злобы, чѣмъ французскій крестьянинъ, убивающій свою свинью. Въ обоихъ случаяхъ человѣкъ проливаетъ кровь потому, что воображаетъ, что иначе дѣйствовать нельзя. Къ тому же мертвые мстятъ, а страхъ передъ духами, которые могутъ повредить живымъ, составляютъ всю основу и подкладку полинезійской религіи ¹⁾.

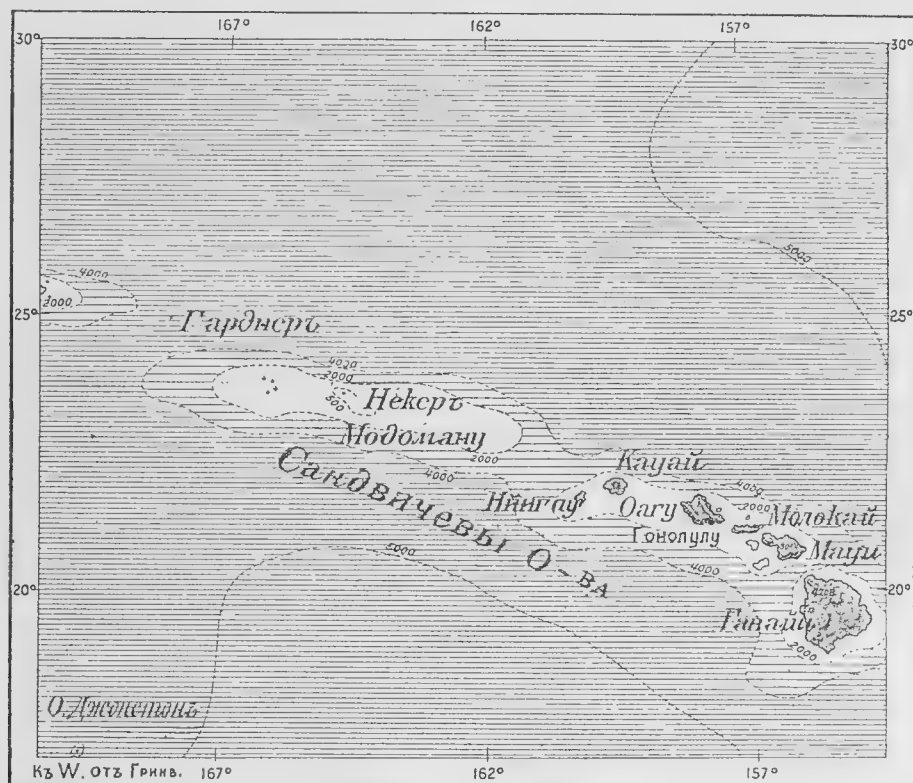
Очаровательный островъ Таити, въ которомъ Бугэнвилль и его спутники признали «Новую Цитеру», и который, со времени названнаго мореплавателя, писало столько художниковъ, воспѣвало столько поэтовъ, представляетъ собою не только островъ любви, но и мѣсто, гдѣ практиковались ужасные обычаи, введенные аристократической кастой оро, состоящей изъ досужихъ людей, которые считали очень почетнымъ занятіемъ ничегонедѣланіе и добросовѣстно жирѣли, чтобы придать себѣ внушительную внѣшность. Еще теперь знатные люди стараются выдѣляться величественною дородностью, которую антропологамъ угодно было разсматривать какъ расовую особенность. Оро составляли тайное общество, многочисленные члены котораго обязывались справлять кровавыя жертвоприношенія и уничтожать во имя религіозныхъ требованій свое потомство.

Дѣлались попытки объяснить ужасный обычай дѣтоубійства недостаткомъ средствъ къ жизни. Родители, даже матери будто бы поняли, что средства пропитанія не растутъ пропорціонально умноженію семьи, и потому они предусмотрительно слѣдуютъ «закону Мальтуса» во всей

1) R. L. Stevenson, «In the South Seas», p. 144 ss.

его ужасной суровости ¹⁾. Возможно, что на нѣкоторыхъ островахъ— гдѣ имѣло мѣсто исключительное стеченіе обстоятельствъ, гдѣ свирѣпствовали истребительныя войны, опустошительныя бури и другія непредвидѣнныя катастрофы, — голодъ заставлялъ родителей освобождаться отъ своего потомства; возможно, что океанійцы недоста-

№ 550. Группа Сандвичевыхъ острововъ.

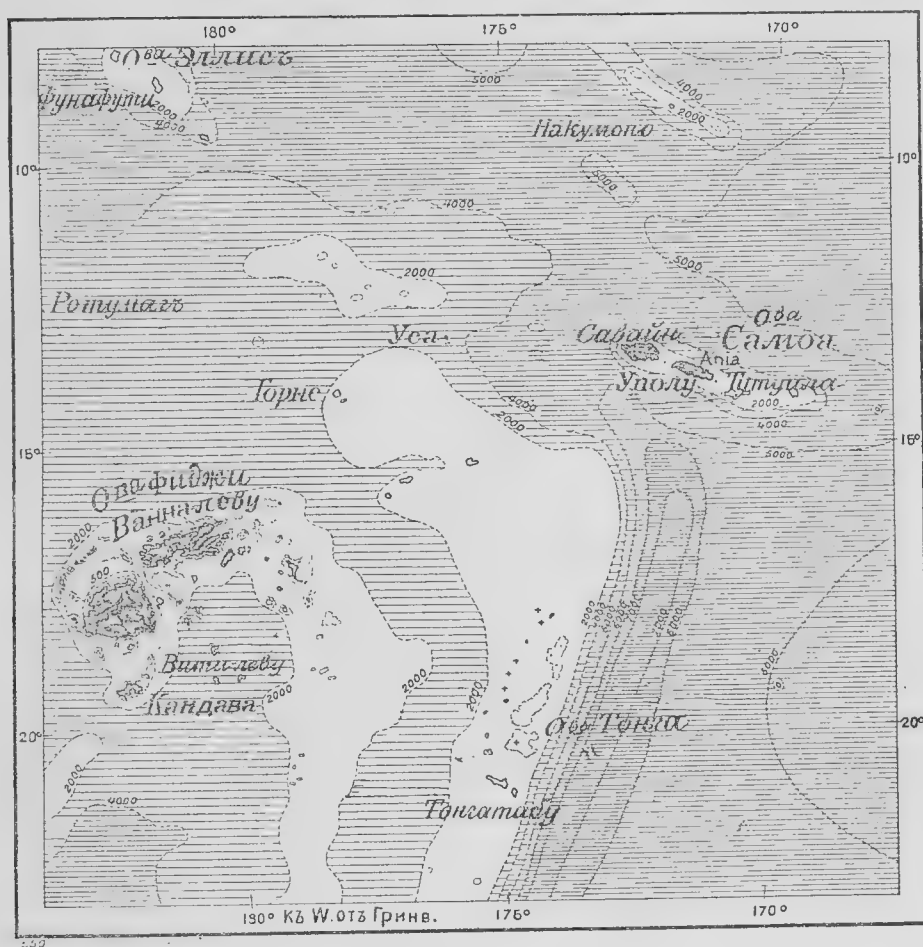

точно сознавали производительныя силы своей природы и могущество своего труда; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣтубійство обуславливалось во многихъ мѣстностяхъ другими причинами, чѣмъ голодъ. Всякое дѣйствіе уже по одному тому, что оно было произведено, имѣть, независимо отъ вызвавшей его причины, тенденцію повторяться, превращаться въ обычай, принять религіозный характеръ; во

1) Th. Waitz et G. Gerland, «Antropologie der Naturvölker».

въсѣхъ странахъ міра традиція становится чѣмъ-то священнымъ и не только оправдываетъ тѣ или иные акты, но, мало того, возноситъ ихъ до высоты божественнаго. Въ убійствѣ дѣтей иллюзія человѣка могла вѣдь видѣть послѣднее прибѣжище, куда онъ шелъ за утѣшеніемъ въ

№ 551. Группы острововъ Фиджи и Самоа.

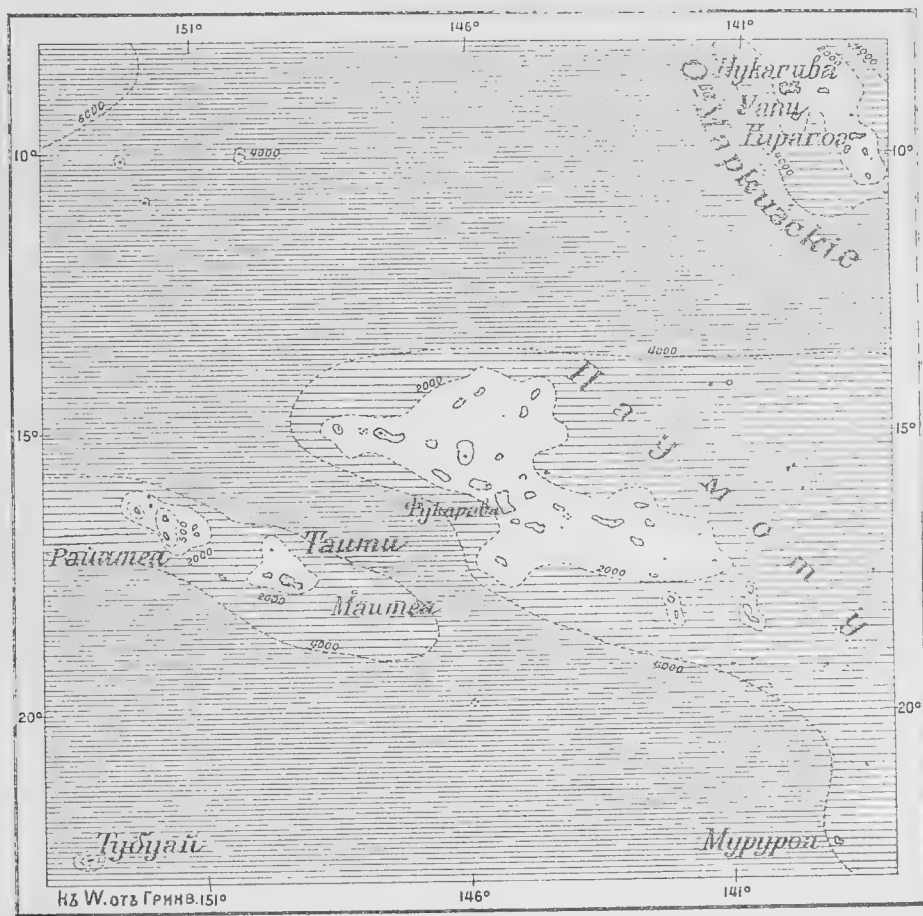

своихъ горестяхъ и печали! Его дѣти, которые не успѣли еще открыть глаза и увидѣть солнечный свѣтъ, могли вѣдь стать духами-покровителями, святыми, которые помнятъ о несчастной семьѣ, откуда они вышли, и являются ея заступниками передъ грозными божествами!

На нѣкоторыхъ островахъ и въ теченіе извѣстныхъ періодовъ

относительное количество приносимых въ жертву дѣтей достигало половины и даже двухъ третей общей численности данного поколѣнія. На атоллѣ Ваитупу (архипелагъ Элліса) каждой четѣ позволялось имѣть только двухъ дѣтей; у жителей Нукуфетау, лежащаго въ нѣсколь-

№ 552. Группы Маркизских островов и Товарищества.

1 : 15 000 000

кихъ километрахъ къ сѣверу отъ Фунафути, позволялось имѣть только одного ребенка; въ противномъ случаѣ родители могли подвергнуться штрафу, что, повидимому, не являлось рѣдкостью 1). Въ особенности дочерямъ угрожала смерть, какъ это бываетъ во всѣхъ вар-

1) R. L. Stevenson, «In the South Seas», vol. I, p. 60.

варскихъ обществахъ, такъ какъ на дѣвочекъ возлагается значительно меньше надеждъ, чѣмъ на мальчиковъ; съ другой стороны, онѣ вызываютъ больше безпокойства и неувѣренности за ихъ будущее. Сама мать, зная свою несчастную долю, свое жалкое положеніе рабыни, помня тѣ побои, тѣ оскорбленія, которыя ей приходилось переносить, и свой непрестанный трудъ, нерѣдко первая требуетъ смерти для своей несчастной будущей дочери, зная, что ее ждутъ въ жизни тѣ же страданія, которыя переносила она сама. Болѣе радостно трепещетъ ея сердце при мысли, что у нея родится сынъ, котораго, быть-можетъ, ждетъ слава мореплавателя или воина. На Рунѣ, одномъ изъ Каролинскихъ островъ, смерть ребенка могла быть рѣшена не иначе, какъ съ согласія матери; если она хотѣла его спасти, то окрашивала себѣ соски въ красный цвѣтъ, цвѣтъ крови, который выкупалъ ея материнскую любовь.

Каковы бы ни были на различныхъ архипелагахъ Океаніи истинныя причины дѣтоубійства, гипотеза недостатка съѣстныхъ припасовъ не имѣетъ смысла для такихъ острововъ, какъ Товарищество, Таити или Райатейя, гдѣ убійцы своихъ дѣтей живутъ на положеніи паразитовъ, отдаваясь систематически лѣни и уклоняясь отъ всякой работы. Если и случался иногда недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, то въ этомъ виновато было, во всякомъ случаѣ, не молодое поколѣніе. Плодородныя земли, вулканическая или коралловая почва которыхъ легко поддается вывѣтриванію подъ вліяніемъ дождя и солнца, обрабатываются обыкновенно только въ непосредственной близости отъ моря, т.-е. въ мѣстахъ, подверженныхъ внезапнымъ и опаснымъ поднятіямъ морскихъ волнъ. Туземцы не могутъ отрѣшиться отъ зрѣлища вѣчно колеблющагося моря; и, къ тому же, они почти все моряки или рыболовы; въ необъятной жизненной лабораторіи океана они находятъ дополнительную пищу къ той, которую даютъ имъ огороды, окружающіе ихъ хижины. Правильно будетъ, впрочемъ, отмѣтить, что если въ этой странѣ растительные продукты и рыбы представляютъ собою безпредѣльный источникъ пищевыхъ средствъ, то, съ другой стороны, ощущается сильный недостатокъ въ мясѣ наземныхъ животныхъ; нѣкоторые племена въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ не ѣли другого «мяса», кромѣ человѣческаго или «длинной свиньи».

На гористыхъ островахъ внутренніе склоны хотя и покрыты отчасти зеленью, однако, почти повсюду остаются неиспользованными съ точки зрѣнія экономической, а между тѣмъ они въ состояніи были бы прокормить многочисленное населеніе. Когда въ 1897 году на Райатейю явилась французская экспедиція съ цѣлью дѣйствительно завладѣть островомъ, обладаніе которымъ до того было чисто-фиктивнымъ, осаждающимъ было значительно труднѣе поддерживать правильное снабженіе провіантомъ своихъ отрядовъ, нежели осажденнымъ. Оттисну-

тые въ горныя долины, далеко отъ берега, жители Теранпу, которые упорно отказывались подчиниться иностранному владычеству, должны

Полинезійская хижина.

были обходиться абсолютно безъ всякой животной пищи; они не смѣли даже варить свою растительную пищу, чтобы ихъ не выдалъ дымъ.

Плоды и другіе сырые продукты, которые они находили въ изобиліи въ своихъ убѣжищахъ, были вполне достаточны для ихъ прокормленія: иньямъ, дикій картофель, корни драцены, орѣхи *tiairi* и каштаны таре, апельсины и плоды мангового дерева, барбаринны или плоды одной пассифлоры. Бѣглецы могли бы свободно просуществовать въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, если бы непріятель не былъ настолько многочисленнымъ, что могъ приступить къ стратегической оккупациіи всего острова. Такимъ образомъ, въ Океаніи не выдвигается демографическій вопросъ объ избыткѣ населенія въ сравненіи съ количествомъ пищевыхъ средствъ. Почва океанійскихъ острововъ, оставляя въ сторонѣ омывающія ихъ воды океана, которыя кишатъ живыми существами, могла бы свободно прокормить населеніе въ десять, въ сто разъ большее, чѣмъ то, которое ихъ теперь населяетъ; лежащая къ востоку отъ большихъ Меланезійскихъ острововъ Океанія, въ собственномъ смыслѣ слова, имѣетъ въ настоящее время менѣе одного милліона населенія, туземнаго, бѣлаго и метисовъ; численность его едва доходитъ до 900000. Такимъ образомъ, приблизительная густота населенія на островахъ Океаніи оказывается, по вычисленію, всего 8 — 10 жителей на квадратный километръ. Только на архипелагахъ Эллиса и Жильберта населеніе достигаетъ приблизительно такой густоты, какъ во Франціи.

Туземцы острововъ Товарищества почитаютъ больше всего Райатею и продолжаютъ называть ее «Святою», хотя они и оставили уже культъ своихъ предковъ. Сюда-то высадились, за много поколѣній семьи тѣхъ, которые заселили архипелагъ; островъ сохранилъ названіе Гавайи, которое напоминаетъ, судя по преданіямъ, родину переселенцевъ. На островѣ существуютъ настолько священные мѣста, что ни одинъ туземецъ не осмѣлится не только провести тамъ ночь, но даже проникнуть туда днемъ, такъ какъ, если дикія котловины, глубокіе кратеры съ обнаженными скалами вселяли въ прежнее время большой страхъ, какъ мѣста, гдѣ собирались могущественныя божества, то тѣмъ опаснѣе они являются въ глазахъ туземцевъ теперь, когда появился богъ миссіонеровъ, прогналъ національных боговъ и преобразилъ ихъ въ дьяволовъ, во враговъ народа, который ихъ нѣкогда чтилъ! Громадныя волны, поднятыя въ 1903 году пронесшимся смерчемъ, опустошили большую часть побережья, снесли жилия постройки, потопили рыбаковъ; на большомъ протяженіи плодородное побережье превратилось въ пустыню, которая существовала уже во внутреннихъ долинахъ.

Такимъ образомъ, самыя желанныя для человѣчества страны называются какъ-разъ наименѣе населенными. Многіе задавались вопросомъ, не превратятся ли онѣ со временемъ въ пустыню, такъ какъ

подъ вліяніемъ рокового закона полинезійскіе туземцы обречены на смерть; достаточно было бы одного присутствія высшаго существа, т.-е. бѣлаго, будь то матросъ, священникъ или откупщикъ, чтобы издали повергнуть въ прахъ существо низшее. Приведенное мнѣніе было очень удобно для тѣхъ, которые могли нести какую бы то ни было отвѣтственность за вымираніе островитянъ, канаковъ и маори. Самое большее—въ нихъ пришлось бы видѣть слѣпыхъ агентовъ неизбежной судьбы!

Однако, не мѣшаетъ разобраться детально въ различныхъ причинахъ указаннаго выше важнаго демографическаго явленія и убѣдиться въ томъ, насколько бѣлые пришельцы въ правѣ умыть руки во всѣхъ несчастіяхъ, которыя пали на головы полинезійцевъ. Прежде всего слѣдовало бы подсчитать число насильственныхъ смертей, съ которыми сопряжено такъ называемое дѣло «цивилизациі». Итакъ, возьмемъ какъ-разъ примѣръ изъ исторіи Священной Райатен и зададимъ себѣ вопросъ: хорошо ли поступила великая Франція, требуя отъ туземцевъ маленькаго острова абсолютнаго, безусловнаго подчиненія, въ то время какъ тѣ желали оставаться съ французами друзьями, соглашались даже принять фетишъ—знамя, но подъ условіемъ сохраненія права жить свободно, согласно своимъ стариннымъ обычаямъ? Имъ дали передъ 1 января 1897 года нѣсколько дней на размышленіе, въ теченіе которыхъ они должны были сдать на волю побѣдителей. Половина островитянъ предпочла сражаться; они держались на горахъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и сдались только тогда, когда были почти совершенно истреблены; ихъ переселили затѣмъ на Маркизскіе острова. Сколько смертей повлекло за собою это завоеваніе? Статистика объ этомъ умалчиваетъ. Она не скажетъ намъ также и о томъ, сколько чловѣческихъ жизней стоилъ актъ «справедливости», который энергично практиковали германскіе завоеватели, правда, не въ собственно Океаніи, а въ одномъ архипелагѣ Меланезіи; но мѣсто вѣдь не имѣетъ значенія, такъ какъ система и методы обхожденія съ туземцами повсюду одинаковы. Въ октябрѣ 1901 года германскій военный корабль «Корморанъ» отправился карать туземцевъ острова св. Матіаса; прежде всего германцы убили 61 «дикаря», далѣе захватили женщинъ и дѣтей съ тѣмъ, чтобы отвести ихъ на германскій постъ Гербертсбѣ, гдѣ несчастныя должны были составить себѣ надлежащее представленіе о могуществѣ «цивилизованныхъ», прежде чѣмъ возвратиться на родной островъ, если бы къ этому возвращенію представился случай, и если бы они остались въ живыхъ. Какое же преступленіе совершили жители С.-Матіаса, что ихъ подвергли такому варварскому наказанію? Они отомстили смертью нѣмцу, который забавлялся тѣмъ, что рубилъ кокосовыя пальмы,—деревья, которыя кормятъ и поддерживаютъ туземцевъ ¹⁾.

1) «Kölnische Zeitung», 6 января 1902 г.

«Было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!» А сколько разъ аналогичныя событія совершались въ разныхъ концахъ Океаніи; всѣ они были одобрены націоналистической моралью, которая свирѣпствуетъ еще въ нашемъ мірѣ и такъ гордится своими успѣхами. Въ исторіи Южнаго моря, быть-можетъ, даже во всемірной исторіи единственнымъ примѣромъ истинной человѣчности остается адмиралъ Гуденоу. Чувствуя, что онъ смертельно раненъ шальной стрѣлой, адмиралъ обернулся къ своимъ матросамъ, которые ужъ взяли за карабины, готовили пушки и залпы, и сказалъ: «А въ особенности прошу васъ, друзья, не мстите за меня!»

Но истребленіе туземцевъ производится не только «огнемъ и мечомъ»; значительно болѣе страшнымъ орудіемъ является ядъ, который дается туземцамъ въ видѣ алкоголя, чистаго или поддѣланнаго. Вотъ орудіе, которымъ европейскій откупщикъ владѣетъ лучше, чѣмъ кто бы то ни былъ; завязывается ожесточенная конкуренція между европейскими торговцами вина, которые, во что бы то ни стало, желаютъ заставить народъ напиваться ихъ издѣліями, и мѣстными винодѣлами, которые также отлично умѣютъ готовить гибельные напитки, напримѣръ, такъ называемую «кава»,—этотъ настоящій бичъ Маркизскихъ острововъ. Между такъ называемыми «гигиеническими» напитками патентованныхъ торговцевъ и продуктами мѣстныхъ винокуровъ, не признанныхъ властью, свирѣпствуетъ борьба, регламентируемая европейской администраціей. Результаты конфликта, во всякомъ случаѣ, сводятся къ отравленію народа, со всѣми его гибельными послѣдствіями: пороками, болѣзнями и смертью. Неужели европеецъ не несетъ доли отвѣтственности за вымирание населенія, къ которому ведетъ пьянство? Не подлежитъ сомнѣнію, что дизентерія была не извѣстна у островитянъ Соломоновыхъ и Ново-Гебридскихъ острововъ до того времени, когда туземцы, перевезенные-было на острова Фиджи, вернулись на родину и принесли съ собою зародыши болѣзни, нажитой въ обществѣ европейцевъ ¹⁾).

Въ числѣ негодныхъ цивилизаторовъ полинезійцевъ были не только матросы, солдаты и откупщики; на многихъ группахъ острововъ такими являлись преимущественно миссіонеры, протестантскіе и католическіе; слѣдуетъ теперь задаться вопросомъ, могутъ ли эти духовныя лица быть совершенно свободными отъ обвиненія въ томъ, что они также виновны въ процессѣ вымирания туземнаго населенія. Миссіонеръ обвиняетъ откупщика въ томъ, что онъ совращаетъ съ пути истиннаго вѣрующихъ, продавая имъ вино и оружіе; откупщикъ, съ своей стороны, бросаетъ обвиненіе миссіонеру, напоминая, что религіозныя войны, за-

1) R. H. Codrington, «La Magie chez les Insulaires mélanésiens», chap. I.

горающіяся изъ-за соперничества культовъ, отличаются бѣльшей ожесточенностью и бѣльшей длительносью, чѣмъ всѣ другія; обѣ стороны клеймятъ другъ друга именемъ убійцъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, но одно несомнѣнно: англійскіе миссіонеры въ теченіе второй половины девятнадцатаго вѣка были истинными хозяевами на бѣльшей части океанійскихъ острововъ, и у нихъ-то, главнымъ образомъ, слѣдуетъ спросить отчетъ за время европейскаго управленія 'полинезійскими интересами.

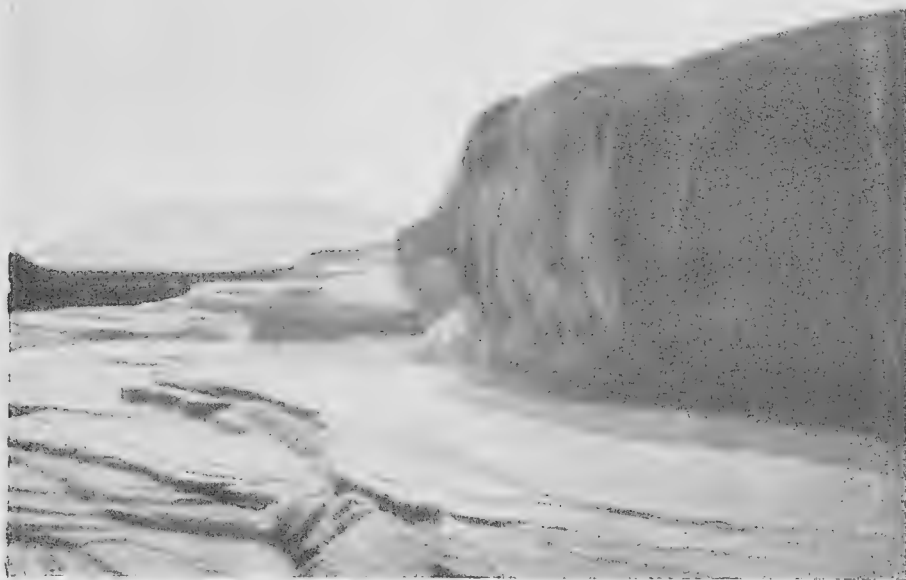
Новая Зеландія; озеро Ротомахана.

Благодаря вліянію, которое давало имъ продолжительное пребываніе, благодаря превосходству знаній и частымъ посѣщеніямъ могущественныхъ британскихъ военныхъ судовъ, англійскіе миссіонеры фактически держали власть въ своихъ рукахъ, а маленькіе мѣстные царьки являлись лишь ихъ покорными придворными. Говоря объ англійскихъ миссіонерахъ, пришедшихъ на Новую Зеландію, одинъ маоріецъ казалъ путешественнику Ллойд ²⁾: «Они пришли сюда, чтобы научить насъ молиться Богу, а пока мы устремляли свои взоры къ небу, призывая Творца, они ловко выдернули у насъ изъ-подъ ногъ землю».

Духовные властители не ограничивались тѣмъ, что переводили Библію и заставляли туземцевъ ее пересказывать; подобно магомета-

1) G. Thilenius, «Globus», 3 févr. 1900.—2) Henry Demarest Lloyd, «National Geographical Magazine», sept. 1902.

намъ, они извлекли законъ цѣликомъ изъ своихъ священныхъ книгъ, руководствуясь, какъ вспомогательнымъ средствомъ, прецедентами изъ англійской юстиціи; аграрные законы, торговые, уголовные,—все это они установили своею дискреціонною властью; ихъ надзоръ былъ настолько строгъ и суровъ, что агенты ихъ имѣли право проникнуть въ жилище въ любое время дня и ночи. Главнымъ орудіемъ изслѣдованія у нихъ было шпионство: ихъ служеніе христіанскимъ идеаламъ отлично уживалось

Новая Зеландія; террасы кремнистаго туфа въ странѣ гейзеровъ.

съ поощреніемъ доносчиковъ. Кромѣ того, весь ихъ кодексъ проникнутъ духомъ жадности къ деньгамъ; штрафъ, болѣе или менѣе крупный, былъ единственнымъ наказаніемъ, которое налагалось за всѣ проступки и преступленія, за исключеніемъ политическихъ бунтовъ, наказуемыхъ ссылкой. Бѣдная канакская литература не имѣла другихъ книгъ, кромѣ Библии, сборника церковныхъ пѣсень, небольшого школьнаго учебника, составленнаго примѣнительно къ дѣтскому возрасту, наконецъ, «руководства къ познанію богатствъ»—резюме политической экономіи ¹⁾. Вымуштрованные въ школахъ туземцы очень хорошо научились складывать свои небольшія сбереженія въ сберегательную кассу.

1) H. Gros, «Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris», séance du 30 février 1896.

Перспектива обогащенія всегда очень опасна, даже для того, кто далъ обѣтъ бѣдности и отреченія. Такъ, веслеянскіе миссіонеры въ Полинезій дошли до того, что стали въ дѣйствительности—нѣкоторые изъ нихъ, быть-можетъ, несознательно—главарями пиратовъ или, по меньшей мѣрѣ, покровительствовали завоевательнымъ войнамъ. Жители острововъ Тонга, уже обращенные въ протестантскую вѣру и справлявшіе всѣ обряды, предписанные своими духовными отцами, отправили большое количество своихъ на южные островки архипелага Вити, и, мало-по-малу, переселенческое движеніе превратилось во вторженіе. Ставши «исправителями зла», т.-е. завоевателями, авантюристы Тонга завладѣли, въ концѣ концовъ, всѣми островами, за исключеніемъ самаго большого, Вити-Леву, къ захвату котораго они было уже приступили, когда въ дѣло официально вмѣшалась Англія и рѣшила борьбу воюющихъ сторонъ въ свою пользу. Авантюристы Тонга дѣйствовали въ качествѣ вѣрныхъ сыновъ веслеянской церкви, и каждое ихъ завоеваніе приносило новые доходы «религін масла», названной такъ потому, что миссіонеры получали свою мзду копррой или кокосовымъ масломъ. Неужели эта выгодная война могла бы имѣть мѣсто, если бы методисты, абсолютные хозяева въ странѣ, ея не желали и ею не руководили? Съ другой стороны, было бы несправедливо по отношенію къ католическимъ священникамъ Маркизскихъ острововъ и другихъ архипелаговъ, если бы мы умалили ихъ роль въ дѣлѣ торговли «масломъ» и душами по сравненію съ ролью ихъ веслеянскихъ соперниковъ! Нѣтъ, это были ловкіе господа, которые сумѣли заставить короля Людовика-Филиппа, человѣка чрезвычайно осмотрительнаго, поссориться съ Англіей (въ 1843 году) и оправдали свои интриги въ Таити, рискуя тѣмъ самымъ столкнуть лбами двѣ европейскія державы!

Миссіонеры всѣхъ вѣроисповѣданій нанесли непосредственно массу вреда полинезійцамъ, разжигая страсти и возбуждая гражданскую войну; на ихъ же голову падаетъ обвиненіе въ томъ, что, главнымъ образомъ, они виновны въ занесеніи и распространеніи заразныхъ болѣзней: это—благодаря ихъ ложной стыдливости, ихъ жалкой добродѣтели, къ которой можно отнести только отрицательно, если имѣть уваженіе къ прекрасной природѣ человѣка! Вѣдь не кто иной, какъ эти проповѣдники первороднаго грѣха внушили туземцамъ мысль о необходимости скрыть свою здоровую наготу и облачиться въ негигіеничныя европейскія одежды. Стевенсонъ ясно выражаетъ свое мнѣніе, что жена протестантскаго миссіонера является главнымъ факторомъ въ томъ новшествѣ, слѣдствіемъ котораго является не укрѣпленіе добродѣтели, а, напротивъ, развращеніе этихъ прекрасныхъ представителей человѣческаго рода ¹⁾. Бюленъ рассказываетъ, какъ туземцы Bay-Bay (или

1) R. L. Stevenson, «In the South Seas», vol. I, p. 71.

Вавао, среди острововъ Тонга), изъ дѣтскаго повиновенія причудамъ фанатическихъ веселянскихъ миссіонеровъ, а, быть-можетъ, также изъ суевѣрной потребности принести себя въ жертву въ угоду жестокимъ и богоугоднымъ правиламъ, обрекають себя на тягостное соблюденіе «субботы»; въ теченіе всего дня перерывы для отдыха между богослуженіемъ, пѣніемъ священныхъ пѣсень и строгими наставленіями соста-

Самоа. Двѣ сестры въ возрастѣ 11 и 13 лѣтъ.

вляютъ въ совокупности не болѣе одного часа. Находясь постоянно въ состояніи мучительнаго безпокойства, вѣчно боясь совершить какое-нибудь преступленіе противъ святости воскресенья, эти наивныя натуры считаютъ себя обязанными появляться передъ пасторомъ въ европейской одеждѣ, купленной, конечно, въ его же лавочкѣ; женщины носятъ легкую ситцевую ткань, тогда какъ мужчины одѣваются, несмотря на жаркій тропическій климатъ, въ толстые шерстяные костюмы, напоминая своимъ видомъ моряковъ Ледовитаго океана. Но лишь только служба кончена, всѣ они бросаются подъ тѣнь деревьевъ, окружающихъ часовню, сбрасываютъ съ себя платье, въ томъ числѣ рубахи и панталоны, и, освобожденные на нѣсколько минутъ отъ мучительнаго одѣянія, спокойно

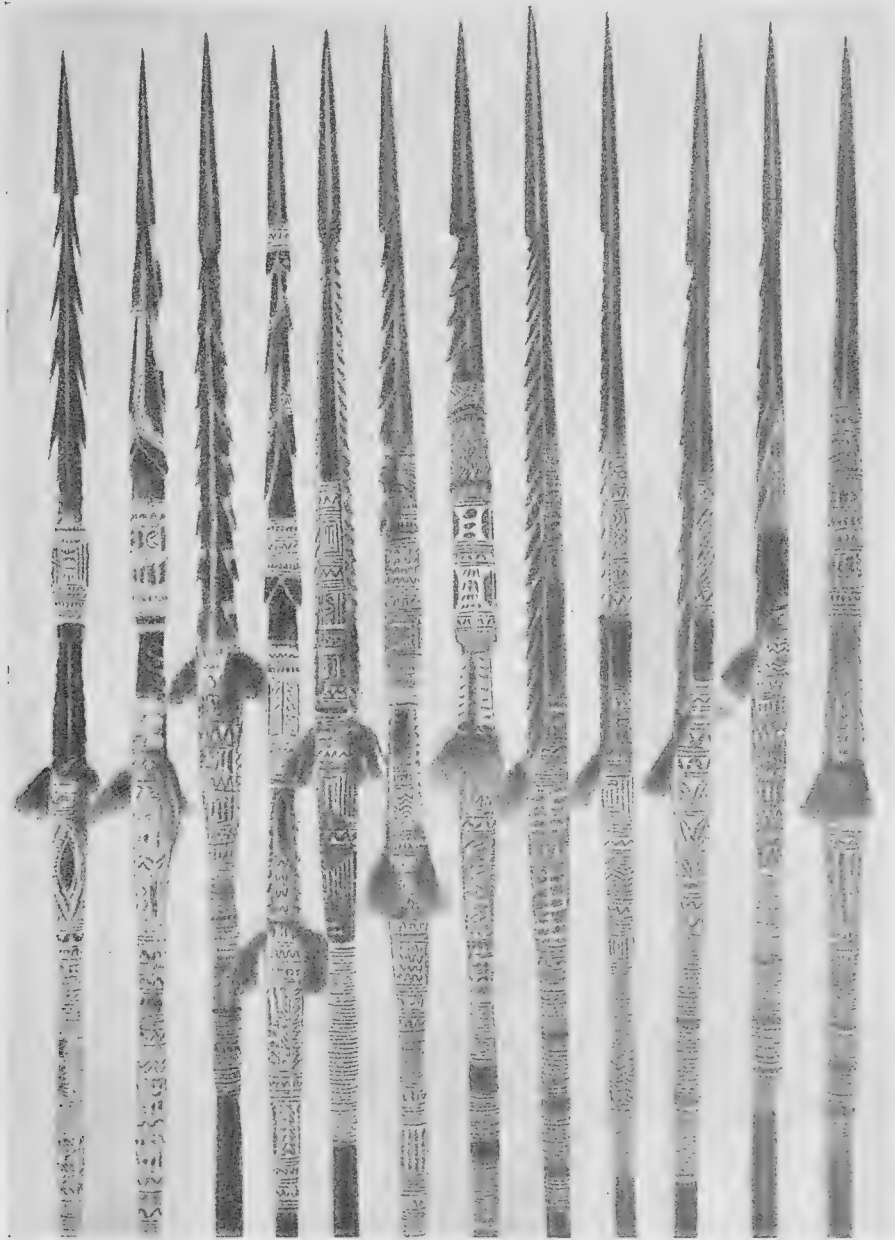
растягиваются на травѣ во всей красотѣ своего обнаженного тѣла, украшеннаго лишь гирляндой кокосовыхъ листьевъ ¹⁾).

Легко понять, какія роковыя послѣдствія, въ зависимости отъ атмосферныхъ колебаній, ведетъ за собой этотъ рѣзкій переходъ отъ одного ощущенія къ другому, въ особенности если нравственное лицемеріе примѣшивается, какъ это всегда бываетъ, къ физическому лицемерію одежды. Хорошо одѣтые днемъ, при посѣщеніи храма, туземцы любятъ предаваться ночью, на росѣ, своимъ прежнимъ языческимъ танцамъ, совершенно нагіе, обдуваемые вѣтромъ; оргія слѣдуетъ за стѣсненіями, употребленіе опиума замѣняетъ чтеніе Библии, и болѣзни собираютъ обильную жатву среди истощенныхъ организмовъ. Таково, большей частью, происхожденіе насморковъ, длительныхъ бронхитовъ, грознаго туберкулеза, главнаго врага полинезійцевъ,—бича, замѣнившего сифилисъ первыхъ десятилѣтій, который такъ много способствовалъ разрушенію расы. «Вотъ гдѣ всепожирающая бездна, вотъ гдѣ могла Гаваи, вотъ причина того, что наши дороги становятся пустынными!»—восклицалъ канакскій историкъ Давидъ Мало, говоря о венерическихъ болѣзняхъ, занесенныхъ на острова европейскими матросами ²⁾. А между тѣмъ сифилисъ никогда не насчитывалъ столько жертвъ, какъ туберкулезъ. Стевенсонъ приводитъ въ примѣръ населеніе долины Гапаа на Нукагивѣ: отъ оспы умерло четверть населенія; шесть мѣсяцевъ спустя появился туберкулезъ и распространился съ быстротой лѣсного пожара; въ теченіе двухъ лѣтъ вымерло племя, насчитывавшее до четырехсотъ человѣкъ; въ живыхъ остались лишь два его представителя.

Наконецъ, есть и экономическая причина большой важности, вызывающая деморализацію и, какъ слѣдствіе ея, вымирание туземцевъ. Таковой явилось почти внезапное прекращеніе работы, благодаря новымъ отношеніямъ между Европой и Австраліей. До появленія европейцевъ островитяне занимались не только рыбной ловлей и земледѣліемъ, но и производствомъ разныхъ предметовъ домашняго обихода, что требовало много времени и труда: такъ какъ инструментами служили кости и другія примитивныя орудія, то туземцамъ нужно было тратить много времени на пряжу матерій, украшеніе и омеблированіе своихъ хижинъ, постройку челноковъ; работы хватало на всѣхъ. Но лишь только они были снабжены топорами и ножами, какъ только иностранные купцы дали имъ мѣдныя деньги и стеклянныя бусы взамѣнъ ихъ, высѣченныхъ изъ камня, монетъ и продыравленныхъ кусковъ агата и яшмы, они воспользовались появившимся досугомъ для полного бездѣлья и совершенно развратились ³⁾. Не удивительно поэтому, что негроторговцы предлагаютъ при-

1) Frank T. Bullen, «The Cruise of the Cachalot», t. II, p. 91.—2) Jules Rémy «Ka Modelo Havaii».—3) Wilson Keate, «An account of the Pelew Islands».—Semper «Die Philippinen und ihre Bewohner».

нудительный трудъ, какъ средство борьбы съ этими роковыми досугами

Оружіе полинезійцевъ.

туземцевъ, и нашлось нѣсколько американскихъ авантюристовъ, которые, въ послѣднихъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, занялись, безъ всякихъ

угрызёній совѣсти, торгомъ полинезійцевъ, главнымъ образомъ, жителей

Балка жилища.
Маорійская скульптура.

Жильбертовыхъ острововъ, къ сѣверу отъ архипелага Эллиса, зазывая ихъ къ себѣ на корабли и перевоза ихъ живыми или мертвыми до береговъ Гватемалы, гдѣ тѣхъ немногихъ изъ нихъ, кто выживалъ, ждала тяжелая доля. Такимъ образомъ, совокупность измѣненій въ условіяхъ жизни, вызванныхъ появленіемъ цивилизованныхъ, ведетъ океанійцевъ къ гибели, и тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше было этихъ измѣненій, хорошихъ или дурныхъ, необходимыхъ или второстепенныхъ. Невольно чувствуешь, какъ много горькой правды заключается въ отвѣтъ, данномъ честному Гордону маленькимъ народомъ, который, къ его же сожалѣнію, былъ приобщенъ имъ къ цивилизаціи: «чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ»?—«Ничѣмъ, намъ ничего не нужно. Уйдите, — это единственное, о чемъ мы васъ просимъ».

На лъстивомъ языкѣ прислужниковъ всякаго насилия часто говорятъ о «скипетрѣ», объ «игѣ» цивилизаціи, но еще чаще объ ея «эгидѣ» и покровительствѣ, объ ея «блескѣ», о томъ, что она является «свѣточемъ» для дикихъ народовъ. Но одинъ американскій изслѣдователь употребляетъ иной терминъ, нѣсколько менѣе поэтичный: онъ говоритъ о «кнутѣ»; по его мнѣнію, только хлыстомъ можно приучить дикихъ къ работѣ, требуемой современнымъ обществомъ ¹⁾. Увы! Не возводя этого способа въ принципъ, плантаторы примѣняютъ его уже въ Каледоніи, на Новыхъ Гебридахъ, на островахъ Фиджи, Самоа, Сандвичевыхъ, гдѣ, впрочемъ, и кнутъ не далъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ «эгида» и «свѣточъ». Туземцы продолжаютъ развращаться и гибнуть.

Итакъ, болѣзнь и смерть охватили эти благословенные острова; однако, отчаиваться еще нечего. Не разъ въ исторіи человѣчества

1) George Earl Church, «Geographical journal». Aug. 1901, p. 153.

наблюдались этническія группы, вовлеченныя въ водоворотъ борющихся силъ и казавшіяся также на краю гибели, какъ въ наши дни океанійцы; тѣмъ не менѣе, они снова оживали и въ послѣдствіи процвѣтали. Правда, нѣкоторые народы, какъ, на примѣръ, вандалы, исчезли безслѣдно, но обычно племена, выбитыя судьбою изъ колен или покоренныя натискомъ лучше вооруженныхъ народовъ, не гибнутъ окончательно; они приспособляются постепенно къ господствующимъ условіямъ, мѣняють ими, религію, нравы и, благодаря скрещиванію, сливаются изъ поколѣнія въ поколѣніе съ расой побѣдителей. Такъ, гуанхи Канарскихъ острововъ сдѣлались испанцами, а краснокожіе индѣйской территоріи дѣлаются «англо-саксами». Такимъ же образомъ и океанійцы измѣняются постепенно въ метисовъ, полупропейцевъ; новыя поколѣнія дадутъ намъ такихъ же чисто-бѣлыхъ, какъ мы сами, иберы, лигурійцы, кельты, германцы и славяне, смѣшанные съ семитами.

Дальнѣйшія усовершенствованія на пути удобствъ и легкости передвиженія, благодаря которымъ океанійскіе острова какъ бы приближаются къ Европѣ, поведутъ за собой перерожденіе расы. Острова Тихаго океана, расположенные въ тропическомъ поясѣ, какъ бы предназначены къ тому, чтобы сдѣлаться благословенными уголками, очагами счастья; каждый изъ этихъ острововъ представляетъ «рай» еще болѣе волшебный, чѣмъ пальмовыя рощи береговъ Евфрата или сады Арменіи, окаймленные вдали двойнымъ конусомъ Арарата. Несомнѣнно, дивный «млечный путь», образуемый на Южномъ морѣ мириадами острововъ, станетъ въ недалекомъ будущемъ непрерывнымъ рядомъ восхитительныхъ убѣжищъ, гдѣ будутъ искать отдыха тѣ, кто усталъ отъ тяжелой жизненной борьбы въ нашихъ большихъ промышленныхъ городахъ. Длинной лентой, теряющейся въ безбрежной дали, тянутся эти «лазуревые берега», такъ же располагающіе къ отдыху, какъ и Ментона или «Ривьера» близъ Генуи. Англичане Новой Зеландіи и теперь уже нанимаютъ пароходы и сотнями осматриваютъ наиболѣе любопытные ландшафты обширнаго тихоокеанскаго міра острововъ, а многіе изъ этихъ путешественниковъ останавливаются по пути и селятся на берегу

Балка, украшающая жилище.
Маорійская скульптура.

какого-нибудь тихаго залива, подъ сѣнью хлѣбнаго дерева, гдѣ жизнь ихъ потечетъ мирно и легко.

Такъ разрѣшится современное положеніе. До тѣхъ поръ, пока полинезѣецъ стоялъ, такъ сказать, между двумя исключаящими другъ друга цивилизаціями, онъ былъ въ положеніи загнаннаго, плѣннаго, безсмысленнаго животнаго. Какъ правильно замѣтилъ Гратіолэ въ своей памятной рѣчи на засѣданіи антропологическаго общества, несчастный побѣжденный островитянинъ терялъ представленіе о своемъ «я», и всѣ его нравственныя идеи быстро улетучивались; онъ переставалъ различать добро и зло и пассивно давалъ увлечь себя на тотъ или иной путь. Теперь же всѣ тѣ, кому удастся избѣжать участи тасманійцевъ и большей части австралійскихъ племенъ, совершенно стертыхъ съ лица земли, перестанутъ относиться съ недоувѣріемъ къ тому потоку цивилизаціи, который ихъ увлекаетъ за собой. Пройдя сквозь «крещеніе мѣромъ», они сумѣютъ понять наше современное общество, гдѣ все продажно, и гдѣ въ то же время заложены начала прогресса, великихъ идеаловъ, которые, подобно незамѣтной почкѣ, должны распуститься однажды въ прекрасный цвѣтокъ.

Происходящая великая эволюція выражается преимущественно въ презрѣніи къ «табу». Священные камни, деревья-кумиры, различные знаки, нанесенные на землѣ, потеряли свою чудесную силу; это значитъ, что духовные и свѣтскіе вожди, главы семействъ, мужья и отцы перестали быть полными хозяевами, драпировавшими свою личную волю въ символическія формы: грозныя знаменія сдѣлались смѣшными, и если миссіонеры хотятъ пользоваться ими въ цѣляхъ личной выгоды, они должны прибѣгать къ услугамъ шпионства и доносовъ. Правда, иностранцы замѣнили прежніе кумиры новыми: Библіей, распятіемъ, знаменемъ; но не противорѣчатъ ли другъ другу эти разнородные символы столь различныхъ цивилизацій? Они не представляютъ собой той цѣльности, которая внушаетъ вѣру, почтеніе, страхъ, но, что еще важнѣе — «носители свѣточей», сами цивилизаторы, едва ли особенно вѣрятъ въ то ученіе, которое они взяли въ распространять; они вносятъ индифферентизмъ, мало того, критическое отношеніе къ религіозному, нравственному или патріотическому обученію, что повлечетъ за собой черезъ нѣсколько лѣтъ или десятилѣтій и среди островитянъ то же движеніе, которымъ охваченъ весь нашъ современный міръ. Туземцевъ наскоро обращаютъ въ христіанство; но къ этому обращенію уже примѣшивается «иррелигіозность будущаго». Мнѣ живо вспоминается горячій споръ, затянувшійся до глубокой ночи, между мною и однимъ миссіонеромъ, который на слѣдующее утро долженъ былъ отправиться проповѣдывать Евангеліе среди дикарей острова Фиджи. Несчастный уѣхалъ, утративъ значительную долю увѣренности въ успѣхѣхъ своего дѣла. «Скажите же мнѣ, — съ горечью

воскликнулъ онъ,—смогу ли я имъ сказать хотя бы то, что Богъ существуетъ?»

Несомнѣнно, еще часто будутъ проявляться атавистическія черты, но какъ измѣнились уже теперь полинезійцы, описанные намъ Кукомъ и Бугенвиллемъ, Мѣренгутомъ и Фортандеромъ. Такъ, напримѣръ, обычай татуировки, доведенный до большого совершенства населеніемъ Таити, Самоа и Сандвичевыхъ острововъ, почти совершенно исчезъ, если не считать жителей наиболѣе несчастныхъ острововъ, какъ, напримѣръ, Маркизскихъ. Любопытно, что, на многихъ островахъ Полинезіи, посѣщаемыхъ иностранцами, оказалось, согласно статистикѣ, больше татуированныхъ европейцевъ, чѣмъ туземцевъ, и, конечно, первые не могутъ похвастаться, какъ нѣкогда племя маори, благороднымъ изяществомъ своихъ рисунковъ. Въ этомъ отношеніи эволюцію можно считать вполне законченной; въ настоящее время полинезійцы вносятъ столько же кокетства въ одежду, какъ [нѣкогда вносили они его въ украшеніе своего нагого тѣла.

Все усиливающееся вліяніе новой цивилизаціи сказывается съ несомнѣнной ясностью какъ въ добровольномъ измѣненіи одежды, такъ, еще больше, въ выработкѣ новаго языка. Прежніе говоры, отличавшіеся музыкальной звучностью, все больше исчезаютъ; ихъ замѣняетъ сначала жаргонъ, гдѣ англійскія слова «toutou» вмѣсто «cook» — поварь, «titeta» вмѣсто «teakettle» — чайникъ и французскія «gerupilita» вмѣсто «république», — странно, хотя довольно мило искажены; но и этотъ жаргонъ, въ свою очередь, уступаетъ мѣсто настоящему языку съ грамматическими особенностями и ораторскими оборотами рѣчи. Многіе океанійцы стремятся научиться хорошо владѣть иностранными языками, умѣть рѣшать сложныя математическія задачи и безошибочно знать перечень географическихъ именъ; но, что всего важнѣе, имъ не нужно больше «убивать время», чтò въ переходную эпоху, въ первые годы ихъ сближенія съ европейцами, оказалось для нихъ столь роковымъ; они изучаются ремесламъ и осваиваются съ различными профессіями. Полинезійцы заслуженно славятся какъ матросы; такъ, капитоловъ Белленъ ¹⁾ не нахвалится ими и очень лестно отзываясь о своихъ канакскихъ спутникахъ, родомъ изъ Вау-Вау, въ архипелагѣ Дружбы (Тонга). Рослые, сильные, ловкіе, услужливые, всегда откровенные и веселые, беззаветно храбрые, воздержанные и правдивые, они въ общемъ значительно превосходятъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніи своихъ товарищей европейскаго происхожденія.

Къ счастью, въ этомъ новомъ періодѣ приспособленія къ европейскимъ условіямъ многіе недавніе факты доказываютъ ошибочность

1) Frank T. Bullen, «The Cruise of the «Cachalot», 2 vol.

мнимаго закона гибели расъ. Статистическія данныя, собранныя трудами доктора Гро, доказали, что послѣ эпидеміи кори, свирѣпствовавшей на Таити въ 1854 году и унесшей 800 человѣкъ, ежегодный приростъ туземнаго и смѣшаннаго населенія не переставалъ происходить вполне правильно. Списки гражданскаго состоянія свидѣлствуютъ также о приростѣ населенія въ Бора-Бора, большомъ Тубіан, и, если вѣрить туземцамъ, населеніе Рорутуи и Риматавы также увеличивается. По свидѣтельству Гугенина, населеніе Подвѣтренныхъ острововъ, за исключеніемъ Гаагины, сильно растетъ, начиная съ 1834 года. Наконецъ, островъ Рапа, бывшій нѣкогда, судя по найденнымъ на немъ слѣдамъ оросительныхъ и земляныхъ работъ, очень населеннымъ, едва насчитывалъ въ 1851 году 70 жителей; но уже сорокъ лѣтъ спустя число его жителей увеличилось вдвое, даже втрое, и при этомъ за все время не было ни одного иммигранта,—за исключеніемъ одного жандарма, представителя французской республики,—который поселился на островѣ: въ 1891 году на островѣ Рапа насчитывался 191 гражданинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при помощи правильнаго труда, хорошихъ гигиеническихъ условій, болѣе тщательнаго наблюденія за заразными болѣзнями и большаго приспособленія къ средѣ новой цивилизаціи, населенію удастся вернуться въ свое нормальное и здоровое состояніе даже на тѣхъ островахъ, гдѣ туберкулезъ свилъ себѣ прочное гнѣздо; но уменьшеніе народонаселенія будетъ продолжаться въ архипелагахъ, гдѣ жителей насильно увозятъ подъ предлогомъ «свободнаго договора», такъ какъ рабство есть лишь иной, можетъ-быть, наиболѣе ужасный, видъ смерти.

Ничто не теряется даромъ, говорятъ намъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что, испытавъ цѣлый рядъ превращеній, пройдя черезъ рядъ дезинтеграцій и послѣдующихъ интеграцій, многія явленія будущаго весьма часто мало похожи на прошедшее. Какъ бы тамъ ни было, но изслѣдованія географовъ и антропологовъ даютъ возможность заключить, что прекрасная полинезійская раса еще далека отъ послѣдняго издыханія: она перерождается, но цѣпко держится за своихъ новыхъ союзниковъ. Глубокая надежда питаетъ ея естественную и наивную жажду жизни. Самоубійство незнакомо океанійцу; ему непонятенъ цивилизованный французъ, во власти котораго наслаждаться красотой міра, знаніемъ, дѣятельностью, и который, однако, всему этому добровольно предпочитаетъ небытіе.

Законъ обладаетъ тѣмъ свойствомъ,
что усыпляетъ въ мгновенномъ тор-
жествѣ тѣхъ, кто создалъ его.

Глава седьмая.

ПРОЦЕССЪ ОБЪЕДИНЕНІЯ НАРОДОВЪ.—ВЛАСТЬ АБСОЛЮТНАЯ ИЛИ
ОГРАНИЧЕННАЯ.—ПАРЛАМЕНТСКІЙ ОБРАЗЪ ПРАВЛЕНІЯ.—РЕСПУБЛИКИ
И МОНАРХІИ.—ЭВОЛЮЦІЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.—СОСЛОВНЫЙ ДУХЪ; ЧИНОВ-
НИКИ, ИНЖЕНЕРЫ И ОФИЦЕРЫ.—КОАЛИЦІЯ СЛОЖИВШИХСЯ ОБЩЕ-
СТВЕННЫХЪ ГРУППЪ. — БЮРОКРАТЫ И БЮРОКРАТИЗМЪ. — СВОБОДА
ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Итакъ, недалеко то время, когда весь міръ объединится; всѣ
земли вплоть до маленькихъ островковъ, разброшенныхъ въ без-
брежной ширѣ океана, вошли уже въ сферу притяженія всемірной
культуры съ преобладающимъ европейскимъ типомъ. Лишь нѣкоторымъ
племенамъ, ютящимся въ гротахъ или разсѣяннымъ по уединеннымъ
землямъ, разбросаннымъ среди скалъ, лѣсовъ и болотъ, удалось еще
сохранить свою независимость и остаться въ сторонѣ отъ общемировой
жизни. Но какъ тщательно ни ограждали себя эти народы, довольствую-

щіеся своимъ маленькимъ семейнымъ кругомъ, отъ общенія съ остальнымъ міромъ, имъ не удалось спрятаться отъ зоркихъ глазъ ученыхъ изслѣдователей, которые отыскиали ихъ, и приобщаютъ къ жизни всего человѣчества, изучая ихъ нравы, обычаи, повѣрья, преданія и отводя этимъ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ группамъ мѣсто въ системѣ человѣческихъ племенъ.

Не разъ уже проявлялось въ современной исторіи инстинктивное стремленіе всѣхъ націй принять участіе въ общихъ міровыхъ дѣлахъ. Такъ, въ 1897 году шесть могущественныхъ державъ, каждая, быть можетъ, съ задней мыслью, но всѣ съ мнимымъ намѣреніемъ поддерживать европейское равновѣсіе, старались удовлетворить и Турцію и Грецію, разстрѣливая въ то же время нѣсколько несчастныхъ критянъ, «братьевъ во Христѣ», такъ какъ этого требовало «общественное спокойствіе». Какъ ни возмутительно само по себѣ было зрѣлище, которое представляла собой эта грозная вооруженная сила, направленная противъ маленькаго народа, требовавшего себѣ правосудія, это единеніе солдатъ и матросовъ, различныхъ по національности и языку, группировавшихся въ союзные полки подъ предводительствомъ начальниковъ, выбранныхъ по жребію среди англичанъ, австрійцевъ, итальянцевъ, французовъ и русскихъ, явилось, тѣмъ не менѣе, чѣмъ-то совершенно новымъ въ политической жизни народовъ. Это было событіе, имѣвшее интернаціональный характеръ, до тѣхъ поръ единственное въ исторіи по методической точности, съ которой оно совершилось; оно съ очевидной ясностью показало, что Европа въ своей совокупности есть своего рода республика государствъ, объединенныхъ общностью интересовъ. Финансовая каста, которая царитъ отъ Москвы до Ливерпуля, привела въ движеніе всѣ правительства и арміи, подчинившіяся ей съ полной дисциплиной.

И послѣ того исторія не разъ давала намъ другіе примѣры такого совмѣстнаго выступленія націй, которое самопроизвольно возникаетъ въ важныхъ политическихъ случаяхъ; такъ какъ часто бываютъ задѣты интересы всѣхъ, то каждый, конечно, хочетъ участвовать въ совѣщаніи и получить побольше выгодъ при приведеніи дѣлъ въ порядокъ. Такъ, существующая въ настоящее время въ Китаѣ федерація націй настолько сильна, что объединяетъ военныхъ представителей всѣхъ государствъ въ общемъ дѣлѣ разрушенія и избіенія; въ другомъ мѣстѣ, въ Марокко, совмѣстныя дѣйствія ограничиваются на нѣкоторое время лишь дипломатическими разговорами; но фактъ, тѣмъ не менѣе, остается въ полной силѣ. Государства вполнѣ ясно сознаютъ, что все, что бы ни происходило въ какомъ угодно уголкѣ міра, такъ или иначе отражается на ихъ судьбѣ, и они стараются по мѣрѣ возможности отразить всякій ударъ, грозящій нарушить политическое равновѣсіе. Нужно, однако, подчеркнуть глубокий контрастъ между солидар-

ностью консервативныхъ государствъ и народовъ, находящихся въ періодѣ революціи. Движеніе происходитъ, но въ обратномъ направленіи. Въ то время, какъ потрясенія 1848 года вызвали во всемъ мірѣ порывъ къ свободѣ, мы видимъ, пятьдесятъ лѣтъ спустя, какъ Англія ввѣряетъ свою судьбу представителямъ аристократіи, которые вовлекаютъ ее, вслѣдъ за шайкой флибустьеровъ, въ длительную войну; какъ Франція борется съ новыми попытками возстановить клерикализмъ и милитаризмъ, какъ Испанія воскрешаетъ приемы инквизиціи; какъ Америка, населенная иммигрантами, закрываетъ доступъ къ себѣ иностранцамъ, и, наконецъ, какъ Турція стремится отомстить Греціи.

Такъ какъ во всемъ мірѣ наблюдается объединительное движеніе, стремящееся создать почву для взаимнаго пониманія, то съ полнымъ правомъ можно принять за отправную точку тѣхъ измѣненій, которыя должны произойти въ будущемъ, тѣ теченія мысли, обычаи, которые господствуютъ среди просвѣщенныхъ европейцевъ, въ ихъ общественномъ управленіи и въ сферѣ практическаго осуществленія ихъ идеаловъ. Конечно, не каждая группа людей, направляющихся къ общей цѣли, будетъ рабски держаться одного и того же пути; смотря по ступени культуры, на которой она стоитъ въ данный моментъ, она пойдетъ по той проселочной дорогѣ, которая явится равнодѣйствующей всѣхъ индивидуальныхъ желаній людей, входящихъ въ составъ данной группы. Такимъ образомъ, является необходимымъ установить нѣкоторую среднюю пропорціональную, въ зависимости какъ отъ условій времени и мѣста, такъ и отъ особаго положенія каждой націи и каждого общественнаго элемента. Но при этой попыткѣ надо, чтобы изслѣдователь освободился отъ всякаго вліянія тенденціознаго патріотизма, этого остатка древняго предрасудка о томъ, что та нація, къ которой принадлежишь самъ, особо избрана небеснымъ Провидѣніемъ для стяжанія богатствъ и выполненія высокой міровой миссіи. Этой естественной для каждого народа иллюзіи о первенствѣ какъ по своему генію, такъ и по заслугамъ, соответствуетъ другая иллюзія, опредѣляемая Людвигомъ Гумпловичемъ словомъ «акрохронизмъ», въ силу которой нашу современную, столь далекую отъ совершенства цивилизацію такъ охотно считаютъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи человѣчества, и всѣ предыдущія эпохи причисляются, въ сравненіи съ ней, къ вѣкамъ варварства. Тутъ кроется нѣкоторый «хроноцентрическій» эгоизмъ, аналогичный съ «этноцентрическимъ» эгоизмомъ узкаго патріотизма.

Въ современномъ обществѣ «права человѣка»,—возвѣщенные отдѣльными личностями уже тысячелѣтія тому назадъ и провозглашенные вотъ уже больше вѣка собраніемъ, привлечшимъ къ себѣ вниманіе всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ,—признаны пока только въ принципѣ, какъ простое слово, въ содержаніе котораго никто не старается про-

никнуть глубже. Грубая власть преобладаетъ надъ правомъ какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ и въ государствѣ; она господствуетъ, выполнѣвъ мирясь въ то же время съ существованіемъ протеста противъ подобнаго порядка вещей, такъ что подчасъ получается цѣлый рядъ бессмысленныхъ и странныхъ противорѣчій. Немногочисленны уже фанатики абсолютной власти, дающей государю право жизни и смерти надъ его подданными, мужу и отцу—надъ женой и дѣтьми. Общественное мнѣніе колеблется въ нерѣшительности, зависящей не столько отъ разсудка, сколько отъ различныхъ обстоятельствъ политической драмы, отъ личныхъ симпатій, формы, въ которую облечено существо дѣла. Говоря вообще, нужно признать, что принципы свободы тѣмъ настойчивѣе отстаиваются человѣкомъ, чѣмъ меньше задѣты его личные интересы при ихъ осуществленіи. Онъ вполне корректенъ и послѣдователенъ, когда дѣло идетъ о событіи, происшедшемъ у нашихъ антиподовъ; но лишь только рѣчь идетъ о его странѣ, о его сословіи, онъ идетъ на компромиссъ, и на его концепціи «правъ человѣка» отражаются властолюбивыя стремленія; и, наконецъ, какъ только задѣты его личные интересы, онъ подпадаетъ подъ власть страстей и охотно заговорилъ бы тономъ повелителя.

Не существуетъ ли въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, на примѣръ, во Франціи, какъ бы молчаливое соглашеніе, по которому общество признаетъ за мужемъ право убить невѣрную жену? Семья съ ея повседневными заботами и отношеніями—вотъ тотъ фонъ, на которомъ всего лучше вырисовывается человѣкъ; если онъ безусловно уважаетъ свободу своей жены, если права, достоинство его сыновей и дочерей такъ же дороги ему, какъ и его собственныя, тогда искусъ выдержанъ: онъ достоинъ войти въ общество свободныхъ людей; иначе онъ еще рабъ, потому что онъ—тиранъ.

Часто было говорено, что семья — первоначальная ячейка человѣческаго общества. Это правильно лишь относительно, такъ какъ два встрѣтившіеся человѣка, связанные узами дружбы, группа индивидовъ, объединившихся для совмѣстной охоты или рыбной ловли (включая сюда же и животныхъ), созвучіе нѣсколькихъ голосовъ или инструментовъ, сливающихся въ унисонъ, и солидарность мысли, выражающаяся въ совмѣстныхъ поступкахъ,—все это, несомнѣнно, тоже элементы первоначальныхъ группировокъ въ великомъ міровомъ обществѣ людей. Во всякомъ случаѣ, можно считать вполне доказаннымъ, что семейные союзы, въ какой бы формѣ они ни выражались, будь то въ формѣ полиандріи или полигиніи, моногаміи или свободныхъ союзовъ, непосредственнымъ образомъ вліяютъ на форму государства, отражающую ихъ этическія воззрѣнія; здѣсь, т.-е. въ государствѣ, происходитъ въ болѣшомъ масштабѣ то же, что въ миниатюрѣ въ семьѣ. Власть, которою широко пользуется правительство, соответствуетъ той, какая царитъ въ семьяхъ;

Группа унтеръ-офицеровъ военныхъ отрядовъ, расположенныхъ въ Пекинѣ.
 Англ. Франц. Австр. Франц. Нѣм. Америк. Англ. Англ. Нѣм. Австріецъ.
 Нѣмецъ. Французъ. Нѣмецъ. Англичанинъ. Австріецъ. Русский. Американецъ. Французъ. Нѣмецъ. Французъ.
 Австріецъ. Японецъ. Бельгійецъ. Нѣмецъ. Итальянецъ. Англичанинъ. Итальянецъ. Нѣмецъ. Голландецъ. Японецъ. Французъ.
 Китаецъ. Французъ. Американецъ. Австріецъ. Китаецъ.

однако, обычно она бывает не столь сильна, такъ какъ правительство не въ состояніи оказывать на отдѣльныя личности того давленія, какое супругъ можетъ оказать на членовъ своей семьи, живущихъ подъ одной съ нимъ кровлей.

Сообразно съ такими обычаями, царящими въ семьяхъ, которые, естественно, возводятся всѣми заинтересованными въ сохраненіи ихъ въ степень «принциповъ», сложились правительства у всѣхъ существующихъ группъ человѣческаго рода, которыя живутъ отдѣльно другъ отъ друга, образуя обособленные политическіе организмы. Причины такой дифференціаціи различны и часто очень сложны: тутъ различіе языковъ раздѣлило двѣ группы; тамъ проложили между ними границу экономическія отношенія, создавшіяся благодаря особенностямъ почвы и различію производимыхъ продуктовъ, благодаря тѣмъ или инымъ путямъ историческаго развитія; потомъ на фонѣ этихъ первичныхъ, естественныхъ, послѣдовательно развивавшихся причинъ разыгрывались конфликты, въ которыхъ властолюбивое общество, естественно, должно было всегда и вездѣ быть правымъ. Такимъ образомъ, благодаря непрестанной игрѣ честолюбія, эгоизма, притягательныхъ и отталкивающихъ силъ, государства разграничивались, претендуя, несмотря на постоянныя превратности судьбы, на роль своего рода коллективной личности, и стали требовать отъ своихъ подданныхъ исключительной любви, преданности, жертвъ, словомъ, тѣхъ чувствъ, которыя называются «патріотизмомъ». Но вотъ приходитъ новый завоеватель, измѣняющій границы, и тотчасъ же, въ силу его власти, подданнымъ приходится измѣнять свои чувства, обращать свои благоговѣйные взоры къ новому солнцу.

Какъ собственность есть право пользоваться или злоупотреблять, такъ и власть есть право приказывать, разумно или неразумно. Такъ понимаютъ свою власть хозяева, такъ же понимаютъ ее и управляемые ими, независимо отъ того, повинуются ли они рабски въ данный моментъ, или въ нихъ пробуждается духъ протеста. Правда, философы хотятъ видѣть во власти нѣчто совершенно иное—авторитетъ. Желая вложить въ это слово смыслъ, который приблизилъ бы его къ первоначальному понятію, аналогичному понятію творчества, они говорятъ намъ, что властью, авторитетомъ обладаетъ всякій, обучающій кого бы то ни было чему-нибудь полезному, будь то первый изъ ученыхъ или самая заурядная мать семейства¹⁾; нѣкоторые изъ нихъ идутъ даже такъ далеко, что видятъ въ революціонерахъ, возстающихъ противъ власти, какъ воплощенія силы, настоящихъ представителей ея, какъ носительницы авторитета.

Всякій воленъ говорить тѣмъ языкомъ, который ему нравится, и придавать словамъ смыслъ по собственному усмотрѣнію; несомнѣнно,

1) Saint-Yves d'Alveydra, «La mission des Juifs», p. 41.

однако, что на народномъ языкѣ слово «власть» имѣетъ тотъ же смыслъ, который вложилъ въ него нѣкогда Посейдонъ, повелѣвавшій бурямъ: «Такъ я хочу, такъ я приказываю! Никакихъ доводовъ: мое желаніе — законъ!»! Съ тѣхъ поръ повелители не говорили иначе. Развѣ не сдѣлался общимъ афоризмъ, что «пушка — послѣдній доводъ королей»? И не является ли нерѣдко существеннымъ признакомъ такъ называемыхъ «государственныхъ соображеній» именно то, что въ нихъ отсутствуютъ логическія соображенія. Они возникаютъ внѣ условій обычной человеческой жизни; для власти имущихъ они-то являются критеріемъ въ вопросахъ права и справедливости, добра и зла.

Согласно авторитарной логикѣ, все во власти абсолютнаго монарха: какъ земля, такъ и жизнь его подданныхъ. Не являлось ли великимъ снисхожденіемъ въ устахъ его величества короля сіамскаго, при вступленіи его на престолъ, заявленіе о томъ, что онъ всемилостивѣйше «разрѣшаетъ всѣмъ своимъ подданнымъ пользоваться деревьями и растеніями, водой, камнями и всѣми другими дарами природы, которые находятся въ его владѣніяхъ?»¹⁾ И обратно: не является ли со стороны подданнаго нѣкоторою смѣлостью «повергнуть къ священнымъ стопамъ все то, чѣмъ онъ обладаетъ»? Вѣдь излишне говорить о томъ, что все принадлежитъ Царю царствующихъ, и деспотъ могъ бы велѣть срубить голову смѣльчаку, отваживавшемуся держать передъ нимъ подобную рѣчь, которая свидѣтельствовала бы о томъ, что въ странѣ возникла частная собственность, и что, несмотря на формулы униженія, безграничная власть повелителя урѣзана. Но политическая жизнь полна такихъ контрастовъ между принципомъ автократіи и требованіями личной свободы. Не заходя далеко въ деспотическую Азію и оставаясь въ «свободной Англіи», можно насчитать тысячи изреченій старины, смыслъ которыхъ мало понятенъ въ настоящее время, свидѣтельствующихъ о томъ, что власть короля была въ дѣйствительности почти безгранична.

Нѣтъ предѣловъ тѣмъ униженіямъ, на которыя идетъ подданный въ своихъ отношеніяхъ къ монарху. Только столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ той эпохи, когда императоръ Павелъ заставлялъ всѣхъ прохожихъ обнажать голову, чтобы видѣть, какъ они были причесаны, а всѣ тѣ, кто имѣлъ доступъ къ его особѣ, должны были преклонить колѣно на паркетѣ и поцѣловать императорскую руку настолько сильно, чтобы звукъ поцѣлуя наполнялъ всю залу. Нѣкоторыя слова, какъ, напримѣръ, «лысый» или «курносый» были, изгнаны изъ употребленія, такъ какъ въ нихъ видѣли намекъ на наружность императора. Было воспрещено говорить даже о небесныхъ «возмущеніяхъ», и на всѣхъ аудіенціяхъ запрещалось

1) Pallegoix, «Description du royaume de Siam», I, p. 263, 264.

лось употреблять слово «свобода», которое нужно было замѣнять словомъ «разрѣшеніе» 1). И все-таки этотъ режимъ, возведенный въ своего рода систему, просуществовалъ пять лѣтъ, и народъ подчинился бы ему неопредѣленно долгое время, если бы императоръ Павелъ не палъ жертвой дворцоваго заговора.

№ 554. Автократія. Королевство. Республика.

Масшт. по Экватору. 1: 250 000 000

0 5000 10000 15000 Килом.

А. Страны, съ неограниченнымъ образомъ правленія, а также деспотически управляемыя представителями чужихъ государствъ, хотя-бы въ послѣднихъ и существовала гражданская свобода: Абиссинія, Конго, Россія.

В. Конституціонныя монархіи: Германія, Японія, Персія, и т. д.

С. Республики: Аргентина, Франція (Либерія) и т. д.; Канада и Новая Зеландія также причислены къ этой категоріи государствъ.

Д. Страны, гдѣ населеніе сложилось въ монархію или республику, но держитъ въ то же время въ подчиненіи другой народъ: Алжирія, Австралія, Трансвааль и т. д.

Но если единоличная власть проявлялась иногда въ столь непривлекательныхъ чертахъ, то не запятнала ли она себя также и величайшими жестокостями? Войны, которымъ Наполеонъ оставилъ свое имя, дѣйствительно были его войнами, и не явился на помощь то, что называютъ его «геніемъ»,—такія безумныя предпріятія, какъ, напримѣръ, походъ въ

1) Masson, «Secret memoirs of the Court of Saint-Petersbourg». London, H. S. Nichols.

Египетъ, никогда не были бы осуществлены; дѣлы арміи не были бы вовлечены въ испанскую войну для того, чтобы добиться для Іосифа Бонапарта титула вице-короля. Страшное столкновение народовъ, разывгравшееся въ центральной Россіи и окончившееся крушеніемъ славы Наполеона, также явилось результатомъ его императорской воли. Не будь этого человѣка, возвышеніе котораго объясняется, впрочемъ, невѣжествомъ и низменными страстями его современниковъ, тысячи человѣческихъ жизней были бы сохранены.

На смѣну человѣку, который былъ названъ «мученикомъ Св. Елены», явились другіе опустошители, и какъ всякій солдатъ разсчитываетъ на то, что въ его «патронташѣ скрытъ маршальскій жезлъ», такъ не одинъ военачальникъ надѣялся, что шпага Наполеона явится его удѣломъ. Побѣдитель сошелъ со сцены,—но о комъ, если не о немъ, можно говорить какъ о мертвомъ, подчинившемъ себѣ живыхъ! Многочисленные толпы людей, ищущихъ, во что бы то ни стало, повелителя, представляютъ собой явленіе въ высшей степени плачевное и въ то же время поучительное. Народъ взываетъ къ Наполеонамъ: по такъ какъ они безмолвствуютъ, то въ ожиданіи ихъ появленія можно создать культъ сапогъ и хлыста покойнаго. При этомъ стараются, конечно, не вызвать въ памяти бывшего порабощенія во всемъ его позорѣ, но данную эпоху прославляютъ въ легендахъ, изъ нея дѣлаютъ нѣчто священное, и поэты пытаются воспѣть на героическій ладъ низменные инстинкты предковъ. И такъ какъ нѣтъ повелителя, импонирующаго своимъ обаятельнымъ величіемъ, то приходится искать утѣшенія въ униженіи передъ менѣ выдающимися личностями, оольше всего его напоминающими, передъ тѣми, кто проявляетъ въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ необходимыя качества деспота: полное отсутствіе щепетильности, презрѣніе къ людямъ, ненасытную жажду наслажденій, умъ, изощренный въ служеніи злу, жесткій скептицизмъ, который придаетъ особую соль преступленію.

Такимъ образомъ, что бы ни говорили теоретики, желающіе видѣть въ государствѣ нѣкоторую самодовлѣющую сущность, независимую отъ людей, исторія показываетъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ, что приемы управленія страной въ значительной мѣрѣ сохранили элементы своего первобытнаго типа, насилія, захвата, произвола, и что высшій представитель государства, т.-е. монархъ, невольно даетъ его жизни такое направленіе, которое вытекаетъ, какъ равнодѣйствующая, изъ его страстей и личныхъ желаній. Но монархъ—только человѣкъ; онъ окруженъ льстецами, а обаяніе его привилегированнаго положенія располагаетъ его къ маніи величія. Лѣкки 1)

1) «History of England in the Eighteenth Century», vol. I, p. 104.

доказываетъ, что большая половина войнъ, опустошившихъ Европу, выросла на почвѣ ссоръ родственныхъ между собой монарховъ. И легко понять, что очень возможно. Народы не были заинтересованы въ этихъ семейныхъ раздорахъ господствовавшихъ надъ ними фамилій, но

Мссинга, король Уганды, и его два дяди-министры.

были вовлечены въ нихъ какъ вода въ бурлящій потокъ, образуемый по открытіи шлюзъ; прикованные, какъ неодушевленные предметы, къ своимъ повелителямъ, они раздѣляли ихъ ненависть и должны были всячески поддерживать своихъ господъ въ ихъ соперничествѣ съ другими. Личныя прихоти, семейные расчеты—вотъ что скрывается иногда подъ принципами власти, завѣщанными намъ много вѣковъ тому назадъ Мериодахами, Фараонами, Цезарями. Даже среди современныхъ намъ властителей, ограниченныхъ конституціей и болѣе точно опредѣлен-

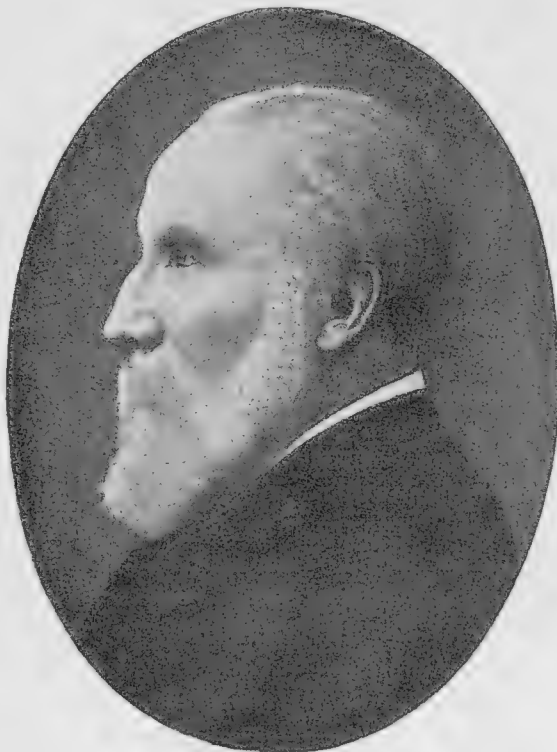
ными въ законѣ учрежденіями, которые чувствуютъ себя, несмотря на стремленіе къ полной власти, связанными въ своихъ дѣйствіяхъ, исторія нашего времени можетъ указать, по меньшей мѣрѣ, одного монарха, занимающаго въ центрѣ Европы одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ троновъ, который не упускаетъ случая провозгласить себя прямымъ избранникомъ Божиимъ: онъ самъ стоитъ настолько высоко, что у него нѣтъ иного судьи, кромѣ Всевышняго.

Но, вслѣдствіе исторической эволюціи, большинство защитниковъ прежняго режима перешло отъ агрессивныхъ дѣйствій къ оборонительнымъ; они защищаютъ его, подыскивая смягчающія обстоятельства. Подобно тому, какъ во Франціи въ памятную эпоху стояли за сохраненіе республики, какъ переходнаго состоянія, менѣе всего разъединявшаго сословія, такъ во многихъ государствахъ сохраняютъ монархію, потому что она позволяетъ различнымъ партіямъ выжидать то время, когда возможно будетъ соглашеніе относительно необходимыхъ переменъ. Всѣ семейныя и частныя добродѣтели, которыми обладаетъ монархъ, вѣняются ему въ особую заслугу; болѣе того, всѣ милости судьбы, хорошіе урожан и удачи считаются если не прямо вытекающими изъ его могущества, то все же зависящими отъ его содѣйствія. И теперь еще можно видѣть въ Китаѣ символическое проявленіе этого могущества земного властителя надъ небесными свѣтилами, когда во время солнечнаго или луннаго затменія китайскій мандаринъ въ полномъ парадномъ облаченіи и вооруженіи именемъ императора отдаетъ повелѣнія небу и, чтобы сдѣлать удовольствіе своему народу, освобождаетъ угрожаемое свѣтило. Въ недавнее время, когда умерла королева Викторія послѣ долгаго царствованія, длившагося три четверти вѣка, многіе изъ ея восторженныхъ подданныхъ серьезно вообразили, что она сыграла большую роль въ томъ прогрессѣ, который совершилъ міръ въ теченіе всего ея царствованія, долгаго «вѣка Викторіи» («The Victorian age»). Нѣкогда такимъ же образомъ складывались легенды о Рамахъ, Кирахъ, Карлахъ Великихъ; подобнымъ же образомъ, «отъ одного взгляда Людовика зарождался Корнейли».

Переходное состояніе отъ подчиненія всѣхъ одному, нормальной формы монархіи, къ свободному и независимому, вполне гармонично живущему сообществу людей, идеальной формѣ общежитія человѣчества, отмѣчено конституціями, хартіями, статутами, которые, въ силу вещей, должны измѣняться со временемъ не только потому, что нація, принявшая ихъ, болѣе или менѣе быстро развивается, но также и потому, что эти договоры, провозглашаемые съ такой торжественностью, не являются оригинальными произведеніями, выражающими точную волю народа: большей частью это болѣе или менѣе удачное подражаніе другимъ документамъ того же рода, и, подобно обычнымъ законамъ, они всегда пре-

слѣдуютъ исключительно выгоды правящаго класса. Никто не далъ лучшей критики писанной конституціи, чѣмъ представитель черокезовъ, говорившій на общемъ собраніи племенъ индѣйской территоріи, собранномъ въ 1872 году для обсужденія общей хартіи. «Мы должны стремиться—сказалъ онъ—къ тому, чтобы запечатлѣть законы въ сердцахъ нашихъ согражданъ; только тогда они будутъ прочны. Написать ихъ на бумагѣ—вѣдь это то же, что вырѣзать ихъ на корѣ дерева. Лѣсной дубъ растетъ съ каждымъ годомъ, мѣняя всякій разъ кору; то же и съ индѣйскимъ народомъ. Лишь двѣ вещи не исчезаютъ безслѣдно: воля человека и сердцевина дуба. Волю мы должны укрѣплять, если мы хотимъ жить и развиваться» 1).

Названіе республика, которымъ обозначаются нѣкоторыя государства для противопоставленія ихъ монархіямъ, давалось въ теченіе вѣковъ очень различными общественнымъ организаціямъ, имѣвшимъ, однако, то общее между собой, что каждая изъ нихъ стремилась создать болѣе или менѣе обширное общество людей, считавшихъ себя свободными, среди населенія рабовъ или сосѣдей-варваровъ. Неразрѣшимая задача, ибо не можетъ быть дѣйствительно свободного общества, пока существуетъ хотя бы одинъ рабъ на земной поверхности. Такъ, граждане изъ города Аѳинъ, плебеи изъ Рима, пастухъ пиренейскихъ долинъ, даже члены племени Ова-Мбаранду, на югъ отъ Кунене, которые являются, по мнѣнію миссіонера Дюпарке, непримиримыми республиканцами, живутъ вполне свободно, безъ главы или священниковъ, требующихъ налоговъ или по-

Францискъ Пи-и-Маргаллъ.
1824—1901.

Президентъ испанской республики въ 1873 году.

1) Le «Temps», 30 août 1872.—A. Letourneau, «Evolution de la Morale», p. 122.

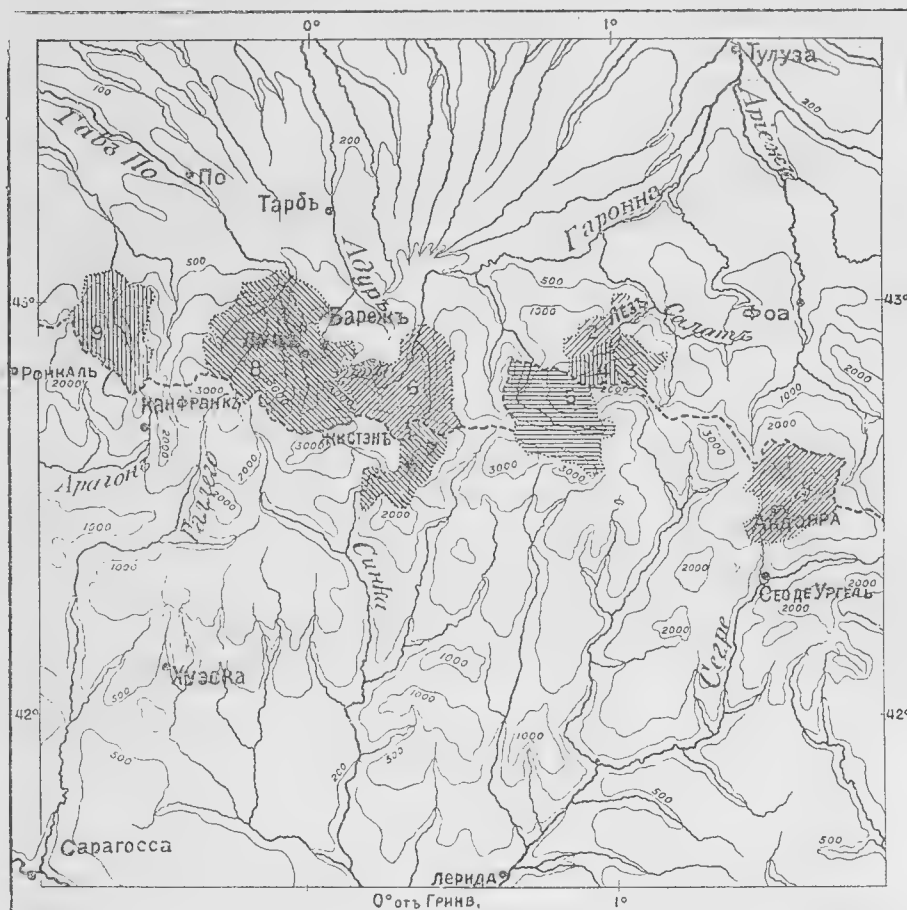
клоненія,—даже эти свободныя сообщества были поглощены окружающими ихъ рабскими государствами. Но можно смѣло сказать, что эти организаціи являлись значительно болѣе оригинальными образцами, чѣмъ наши республики двадцатаго вѣка, находящіяся во власти международной финансовой политики и низведенія, благодаря этому, на степень сосѣднихъ монархій.

Различія названій не имѣютъ поэтому существеннаго значенія; важно лишь констатировать ихъ и выяснить ихъ историческое происхожденіе. Очевидно, республиканскій образъ правленія, если не безъ носителей власти вообще, то безъ официальныхъ царей, существующій въ настоящее время у ста восьмидесяти или двухсотъ милліоновъ человѣкъ—французовъ, швейцарцевъ, американцевъ,—былъ вызванъ совершенно различными историческими условіями. Швейцарія, гдѣ первоначально хаотически смѣшивались феодальныя владѣнія, помѣстья, сельскія общины, должна была лишь сохранить равновѣсіе своихъ силъ, чтобы превратиться въ республиканскую федерацію; Соединенные Штаты должны были отказаться отъ монархическаго режима, которому они хотѣли-было сначала остаться вѣрными благодаря упрямству Англіи. Также испано-американскія республики, появившіяся на сценѣ исторической жизни съ крикомъ: «Да здравствуетъ Фердинандъ VII», могли, очевидно, дойти до отрицанія королевской власти лишь послѣ длинной эволюціи, усѣянной войнами и внутренними междоусобіями. Лузитано-бразиліанская республика значительно дольше сохраняла свои монархическія учрежденія, а шесть нижеслѣдующихъ полуреспубликанскихъ колоній очень изобрѣтательно совместили пережитки монархіи съ республиканскимъ устройствомъ государства; это колоніи «Greater Britain», «Большей Великобританіи», Доминіонъ или «Владѣніе» Канады, Свободный Австралійскій Союзъ, Капская колонія, Новая Зеландія и др. Одна лишь Франція была приведена, путемъ исторической необходимости, къ уничтоженію королевской власти и сдѣлала изъ республики символъ свободы, равенства и братства.

Но это лишь символъ, и символъ, оставшійся почти всюду непопнятымъ. Французская республика удивительно приспособилась къ монархическимъ пережиткамъ; еще въ 1875 году парламентъ, вотируя подавляющимъ большинствомъ сохраненіе во Франціи республиканскаго образа правленія, имѣлъ въ виду лишь само названіе, да и то рѣшеніе диктовалось трудностью подысканія короля; что же касается сущности прежнихъ учрежденій,—тѣхъ, что упрямито называть добрыми, старыми порядками,—то они должны были быть сохранены въ цѣлости, и въ этомъ отношеніи должна была быть проявлена полная непримиримость. Такъ и случилось; и республика, добрая принцесса, настойчиво выжимаю-

щая деньги въ низшихъ слояхъ несчастнаго народа для уплаты жалованья своимъ чиновникамъ, продолжала свято заботиться о довольствѣ

№ 555. Старинныя пиренейскія республики.

1: 2 000 000

0 25 50 100 Кил.

1 — Андорская республика. 2 — долина Буигана или Баллонга. 3 — Бетмальская или Бала-метская долина. 5 — долина Азрана. 6 — долина Оръ. 7 — долина Гистэна.

8 — семь «рѣкъ» Лаведана; если обогнуть эти долины съ сѣвера на западъ и вернуться съ востока, то по пути встрѣчаются слѣдующія долины: Сурквересъ или Батсургигеръ, Эстремъ Салльская; Азунъ; Св. Савинъ или Котере; Барежъ; Луцъ или Балзанъ; Давантайкъ; Каstellубонъ.

9 — долина Аспа. — Ронкаль въ странѣ испанскихъ басковъ является центромъ своего рода маленькой республики.

своихъ служащихъ, въ то время какъ они, вѣрные духу прежняго времени, рутинѣ, сословнымъ предразсудкамъ, продолжали поносить

новый строй, которому они всецѣло обязаны были своимъ положеніемъ. Офицеры, чиновники, священники, даже профессора считали за честь предать то правительство, которое они будто бы уважали и которому служили, и даже хвалились этимъ въ официальныхъ рѣчахъ и циркулярахъ. Во время процесса о военной измѣнѣ, такъ называемаго «дѣла Дрейфуса», принявшаго эпическій характеръ въ грандіозномъ вихрѣ человѣческихъ страстей, однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ и значительныхъ инцидентовъ былъ опросъ воспитанниковъ училища Сентъ-Сиръ, большой военной школы Франціи. «Желаете ли вы измѣненія образа правленія?»—«Да»—былъ единогласный отвѣтъ, а кое-гдѣ слышались болѣе грубыя и рѣзкія выраженія. А позже, когда правительство, подъ давленіемъ одной части народа, негодовавшей при видѣ все усиливавшагося вліянія религіозныхъ конгрегацій, стремившихся сосредоточить въ своихъ рукахъ обученіе всей Франціи, чтобы, размягчивъ дѣтскіе мозги, обратить ихъ въ іезуитовъ, рѣшило, наконецъ, принять мѣры, то не оправдывали ли поголовно всѣ суды бунты, оскорбленія, насилія, производимые монахами и ихъ друзьями, и не выносили ли они всеѣмъ имъ приговоры настолько мягкіе, что солидарность судей съ тѣми, кто подвергался преслѣдованію закона, становилась очевидной? Былъ ли когда-нибудь болѣе наглядный примѣръ «дома, возставшаго противъ себя», о которомъ говоритъ Евангеліе? Но разсудокъ говоритъ намъ, что «подобный домъ существовать не можетъ». Каждый день приноситъ намъ извѣстія о новыхъ камняхъ, отколовшихся отъ зданія.

Итакъ, революціи—правда, въ очень различныхъ видахъ—неизбѣжны, такъ какъ нарушается естественный ходъ эволюціи. Пусть грозная конечная катастрофа расчленилась на тысячи мелкихъ фактовъ и проявляется въ банкротствахъ и самоубійствахъ, раздорахъ, забастовкахъ, голодовкахъ, промышленныхъ кризисахъ или политическихъ смутахъ, въ обвиненіи и обезлюденіи, или же пусть внезапно пронесется надъ страной политическій и соціальныи ураганъ, оставляя за собой рядъ развалинъ и груды труповъ,—конечный результатъ, въ общемъ, будетъ одинъ и тотъ же. Примѣры исторіи въ этомъ отношеніи ясны. Остается либо погибнуть, какъ нѣкогда погибли Халдея, Эламъ, Бактріана, либо испытать процессъ перерожденія тяжелаго, рѣзкаго, мучительнаго для всѣхъ современныхъ народовъ, которые не могутъ погибнуть въ силу того, что они все-таки помогаютъ другъ другу, хотя и давятъ другъ друга въ борьбѣ за существованіе! Иного исхода и быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока государство, воплощающее личную власть одного или нѣсколькихъ индивидовъ, даже цѣлаго класса, сохранить великое право считать себя воспитателемъ народа, ибо это воспитаніе оно всегда будетъ направлять къ своей личной выгодѣ, подчасъ даже искренно вѣря, что оно работаетъ «на пользу народа». Происходитъ раздѣленіе труда, кажущееся совершенно

естественнымъ тѣмъ, кто стоитъ за сохраненіе прежнихъ прерогативъ власти: съ одной стороны, право управлять, съ другой—обязанность повиноваться. Но тѣ, которые берутся «стоять у кормила правленія», должны были бы все знать, умѣть все предвидѣть, все организовать, и вотъ подданные, которые сами себя тоже воспитываютъ, замѣчаютъ ошибки, сдѣланныя ихъ господами, возстаютъ противъ подобнаго раздѣленія труда и стараются его уничтожить.

Не явились ли іюльскіе дни необходимымъ слѣдствіемъ «приказаній» и всей системы насилій, приведшей къ конфликту? Не повели ли обѣ наполеоновскія монархіи, разрушившія двѣ французскія республики, шагъ за шагомъ къ ихъ неотвратимому послѣдствію, къ франко-прусской войнѣ? И Россіи не пришлось бы въ первыхъ годахъ двадцатаго столѣтія выдерживать натиска японской арміи, если бы она не захватила, вопреки всѣмъ обѣщаніямъ, китайской провинціи, подсмѣиваясь надъ тѣми наивными, которые повѣрили ея слову. Несправедливо поэтому видѣть въ революціяхъ одно лишь проявленіе инстинкта разрушенія, движущаго народными массами и заставляющаго ихъ все предавать уничтоженію. Несомнѣнно, инстинктъ этотъ существуетъ. Всѣми воспитателями было подмѣчено, какъ силенъ онъ у дѣтей съ ихъ страстью къ новизнѣ. Не нужно, однако, забывать, что «жить—значитъ дѣйствовать», и что «разрушеніе есть наиболѣе легкая форма дѣйствія» (Анатолий Франсъ). Но однимъ инстинктомъ дѣло далеко еще не исчерпывается; нужно считаться также съ коллективной волей, являющейся слѣдствіемъ общихъ условій, въ которыхъ живетъ общество.

Когда ея накапливается много, требованія жизни становятся непреодолимыми; здѣсь повторяется то же, что съ проточной водой: ее можно загородить плотиною, но она должна найти себѣ выходъ, либо прорвать запруду и впадая снова въ свое обычное русло, либо прорывая себѣ новый путь сбоку, въ ближайшемъ углубленіи почвы. Такъ объясняются неожиданныя явленія революцій и контръ-революцій. Послѣ рѣзкихъ измѣненій, достигнутыхъ силой, жизнь не возвращается больше въ прежнее русло; она даетъ пищу новымъ, до тѣхъ поръ дремавшимъ силамъ, проникаетъ въ новые каналы, подобно водѣ, сдавленной поршнемъ; но каковы бы ни были измѣненія, устойчивость силы не можетъ не проявить себя. Процессъ можетъ пойти инымъ путемъ, но все же онъ пойдетъ и повлечетъ за собой рядъ неожиданныхъ явленій, такъ или иначе отзывающихся на людяхъ, которые, смотря по обстоятельствамъ, склонны называть ихъ гибельными или благотѣльными, судя о нихъ обычно съ точки зрѣнія узкаго эгоизма и минутныхъ личныхъ выгодъ. Такъ, движеніе превращается въ теплоту, а теплота въ электричество. При видѣ остановившейся машины легко подумать, что сила разсѣялась; но вотъ она внезапно вспыхиваетъ преобразенная. Это — богъ, исчезающій и вновь возрождающійся

въ постоянно новыхъ формахъ. Протей, постоянно мѣняющійся, принялъ видъ новаго существа.

Поддаваясь дѣтской и варварской иллюзіи, будто можно остано-
вить бьющую черезъ край народную жизнь, удержать въ застоѣ все
общество во имя личной выгоды отдѣльныхъ индивидовъ и цѣлыхъ
классовъ, стоящихъ у власти, они—эти главы государствъ и хозяева
народа: аристократія, духовенство или буржуазія—охотно привлекаютъ
грубую силу къ подавленію всякой народной инициативы; но не безъ
нѣкотораго колебанія рѣшаются они на это теперь. Неизмѣнные законы
исторіи становятся слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы даже наиболѣе смѣ-
лые эксплуататоры общества прямо рѣшались остановить движеніе народной
жизни; они должны дѣйствовать осторожно и ловко, чтобы направить его
въ сторону, подобно поѣзду, который мы переводимъ на запасный путь.
До сихъ поръ наиболѣе часто употребляется одинъ изъ тѣхъ спосо-
бовъ, который, къ сожалѣнію, и теперь еще чаще всего удается власти-
телямъ народовъ, и который состоитъ въ томъ, чтобы превратить избы-
токъ національной энергіи въ ненависть къ иностранцамъ. Поводы къ этому
всегда найдутся, ибо интересы государствъ различны, подчасъ даже про-
тивоположны другъ другу, хотя бы уже вслѣдствіе одного только факта ис-
кусственного обособленія ихъ въ различные общественные организмы. На-
конецъ, нѣтъ нужды искать поводовъ: вѣдь всегда найдется воспоминаніе
о причиненныхъ обидахъ, избиеніяхъ, всякаго рода преступленіяхъ, совер-
шенныхъ въ прежнія войны; еще звучитъ призывъ къ мести, и когда
пронесется новая война, какъ пожаръ, уничтожающій ужаснымъ пла-
менемъ все на своемъ пути,—она, въ свою очередь, оставитъ въ памяти
народа живое воспоминаніе о ненависти къ врагу, которая послужитъ
ферментомъ для будущихъ конфликтовъ. Сколько примѣровъ подобныхъ
отвлекающихъ средствъ можно было бы привести! На трудности вну-
тренняго управленія носители власти отвѣчаютъ внѣшними войнами;
если эти войны окажутся побѣдоносными, правители не упустятъ слу-
чая воспользоваться ими для укрѣпленія своей власти: они заражаютъ
свой народъ маніей тщеславія, именуемой славой; они дѣлаютъ его по-
стыднымъ сообщникомъ въ грабежахъ, кражахъ, убійствахъ, и взаимная
отвѣтственность за причиненное зло усыпляетъ назрѣвшій духъ протес-
та, пока снова не наполнятся сосуды кровавымъ виномъ ненависти.

Но и помимо войнъ правители располагаютъ многими средствами
отстранить отъ себя опасность народнаго возмущенія. Среди многихъ дру-
гихъ способовъ большую роль играетъ развращеніе и деморализація обще-
ства игрой и различными видами распутства: пари, скачками, кофейнями,
пьянствомъ, низкопробными кафе-шантанами. «Пусть себѣ поютъ, они
за это заплатятъ!» Всѣ униженные, развращенные, презирающіе самихъ
себя теряютъ чувство собственнаго достоинства, которое подвинуло бы

ихъ на протестъ: сознавая себя лакеями, они воздають себѣ должное, соглашаясь переносить насилие. Такъ, войны времени республики и внезапный взрывъ распутства и гнусности всякаго рода, послѣдовавшій за первыми годами революціи съ ея суровымъ идеаломъ добродѣтели, явились какъ нельзя болѣе во-время, чтобы приготовить имперіи режимъ и позорный упадокъ нравовъ. Однако, наблюдавшееся здѣсь колебаніе явилось въ

Москва, 31 октября 1905 года.
Процессія, требовавшая освобожденія политическихъ заключенныхъ.

значительной мѣрѣ слѣдствіемъ естественной реакціи общества, взятаго въ цѣломъ. Вполнѣ естественно, что люди переходятъ отъ одной крайности къ другой подобно тому, какъ жизнь ихъ дѣлится между бодрствованиемъ и сномъ, трудомъ и отдыхомъ. Но благодаря тому, что нація состоитъ изъ большого числа классовъ и различныхъ общественныхъ группъ, развивающихся каждая особо, среди общей эволюціи, то историческія движенія, противоположныя другъ другу по тенденціямъ, сталкиваются и сплетаются, описывая настолько сложныя кривыя, что историка лишь съ трудомъ удастся распутать этотъ клубокъ.

Такъ, во время междоусобицъ французской революціи вандейцы, боровшіеся съ центральнымъ правительствомъ, противопоставляли ему

принципъ автономной, свободно объединенной коммуны; благодаря полному отсутствію образованія, они не могли разобраться въ томъ противорѣчій, въ которое они впадали, становясь на защиту церкви, стремящейся ко всеобщему господству надъ душами, и королевской власти, которая во всѣхъ общинникахъ видитъ лишь субъектовъ, отбывающихъ барщину, и плательщиковъ оброка, въ лучшемъ случаѣ—пушечное мясо на полѣ битвы. По странной наивности, которая вызываетъ усмѣшку, хотя надъ ней можно было бы плакать, негры Гаити, борющіеся за свою независимость съ бѣлыми плантаторами, съ энтузіазмомъ провозглашали себя подданными короля; повстанцы испанскихъ колоній Новаго Свѣта единогласно привѣтствовали католическаго короля Испаніи. Почти всегда, въ теченіе вѣковъ, тотъ, кто боролся съ какимъ-нибудь авторитетомъ, дѣлалъ это во имя другого авторитета, какъ-будто идеалъ заключался лишь въ перемѣнѣ хозяина. Въ періодъ освободительнаго движенія и духовной эмансипаціи, приведшихъ къ революціи 1830 года, тѣ, кто работалъ надъ освобожденіемъ языка и надъ свободнымъ изученіемъ исторіи искусствъ и литературъ всѣхъ странъ и временъ, вѣ Греціи, Римѣ и «Великаго Вѣка», — всѣ тѣ, кто находилъ своихъ духовныхъ отцовъ даже въ среднихъ вѣкахъ, а своихъ родичей по духу искалъ даже среди нѣмцевъ и славянъ,—однимъ словомъ, «романтики»,—оставались, по большей части, роялистами и христианами; тогда какъ тѣ, кто добивался политической свободы, придерживались всегда классическихъ формъ школы, традиціоннаго стиля, признаннаго академиками. Когда Бланки, весь черный отъ пороха, положилъ, наконецъ, оружіе послѣ трехъ побѣдоносныхъ іюльскихъ дней, онъ произнесъ лишь два слова: «Романтики уничтожены» ¹⁾.

Революція расчленилась на два элемента: на политическій, стремившійся къ ниспроверженію троновъ, и литературный, работавшій надъ освобожденіемъ языка и расширеніемъ сферы его вліянія. Революціонеры въ одной области являлись реакціонерами по отношенію къ другой. Одна партія вполне справедливо упрекала другую въ отсутствіи логики, въ непослѣдовательности, пелѣностяхъ и глупостяхъ.

На долю историка, наблюдающаго ходъ событій и старающагося извлечь изъ нихъ то существенное, что двигаетъ прогрессъ, выпадаетъ въ высшей степени трудно разрѣшимая задача—построить параллелограммъ силъ между тысячами борющихся и постоянно сталкивающихся импульсовъ. Ему легко ошибиться, и часто онъ приходитъ въ отчаяніе, полагая, что передъ нимъ картина упадка, тогда какъ въ дѣйствительности онъ имѣетъ дѣло съ несомнѣннымъ прогрессомъ, или, точнѣе,

1) Gustave Geoffroy, «L'Enfermé», p. 51.

онъ долженъ бы констатировать, что въ общемъ счетѣ, охватывающемъ и потери и выигрыши, человѣческое достояніе несомнѣнно увеличилось.

Но какимъ труднымъ и долгимъ кажется дѣло революціи тѣмъ, передъ взорами которыхъ витаетъ идеалъ! Вишнія формы, учрежденія и законы подчиняются, правда, вліянію совершившихся внутреннихъ измѣненій и всецѣло ихъ отражаютъ, но сами вызвать такого рода измѣненія

С.-Петербургъ. Площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ.
9 января 1905 года.

не могутъ: для этого необходимо, чтобы былъ данъ изнутри новый толчокъ. На первый взглядъ кажется, что принятіе конституціи или офиціальное провозглашеніе законовъ, обеспечивающихъ побѣду той части націи, которая борется за свои права, окончательно укрѣпляетъ достигнутые уже успѣхи. Возможно, однако, что результатъ получится совершенно обратный. Эта хартія, эти законы, принятые повстанцами, обеспечиваютъ, правда, завоеванную свободу, но они и ограничиваютъ ее, и въ этомъ заключается опасность. Они точно проводятъ ту грань, гдѣ должны остановиться побѣдители, и она-то становится отправной точкой попятнаго движенія. Никогда не можетъ быть совершенно неподвижнаго состоянія: если нѣтъ движенія впередъ, то оно есть въ сторону реакціи. Законъ обладаетъ свойствомъ усыплять въ минутномъ торжествѣ тѣхъ, кто создалъ его; онъ лишаетъ ревностныхъ лицъ той энергіи, которая воодушевляла ихъ

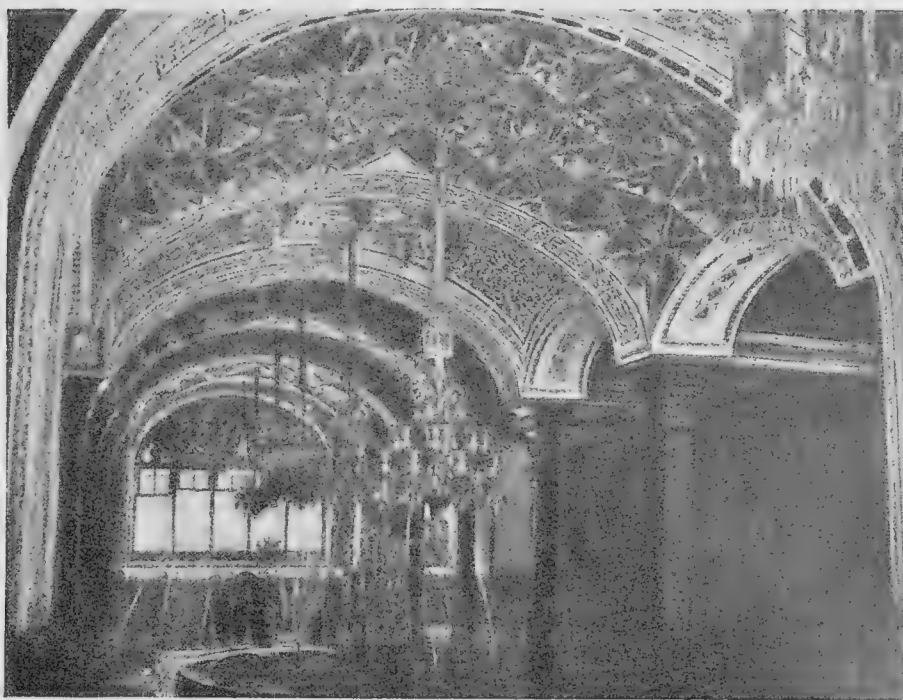
въ ихъ побѣдоносной работѣ; они передаютъ ее другимъ законодателямъ по профессіи, консерваторамъ, т.-е. врагамъ всякаго прогрессивнаго измѣненія. Впрочемъ, по существу своему народная масса всегда консервативна, и игра въ революцію недолго правится ей; она предпочитаетъ эволюцію, потому что не замѣчаетъ ея, и, неподмѣчая ея, не можетъ выказать ей своего нерасположенія. Сдѣлавшись законодателями, т.-е. добившись въ значительной мѣрѣ своихъ требованій, мятежники вступаютъ въ ряды «друзей порядка», и реакція беретъ верхъ до той поры, пока новыя группы революціонеровъ, не связанныя формулами, не воспользуются правительственными ошибками или сумасбродствами и не пробьютъ новой бреши въ древнихъ установленіяхъ.

Стоитъ лишь возникнуть какому-нибудь учрежденію, хотя бы для борьбы съ вопіющими злоупотребленіями, какъ оно уже создаетъ самимъ своимъ существованіемъ новыя; ему приходится приспособиться къ дурной средѣ, и, чтобы хоть какъ-нибудь функционировать, оно съ самаго начала должно функционировать патологическимъ образомъ. Творцы даннаго учрежденія слѣдовали лишь велѣніямъ благородныхъ идеаловъ, тогда какъ назначенные ими служащіе, естественно, имѣютъ прежде всего въ виду собственные выгоды и возможность наиболѣе долгаго занятія ими ихъ должностей. Въмѣсто того, чтобы желать скорѣйшаго успѣха данному дѣлу, они горячо желаютъ никогда не кончить его ¹⁾. О работѣ никто не думаетъ; всѣ помыслы направлены къ выгодамъ и почестямъ, которыя она приноситъ. Такъ, комиссія инженеровъ поручено было разсмотрѣть жалобы владѣльцевъ на произведенное у нихъ отчужденіе земель подъ аврскій водопроводъ. Ничего нѣтъ проще, казалось бы, какъ разсмотрѣть сначала эти жалобы и отвѣтить на нихъ по всей справедливости. Но нѣтъ: начинаютъ съ того, что употребляютъ нѣсколько лѣтъ на передѣлку уже сдѣланной, и притомъ хорошо сдѣланной, общей нивелировки мѣстности. Время идетъ, расходы растутъ, а жалобы все усиливаются. Какъ часто случается, что кредитъ, отпущенный на ту или иную постройку, оказывается явно недостаточнымъ, и его едва хватаетъ на устройство лѣсовъ, между тѣмъ какъ жалованье инженерамъ идетъ своимъ чередомъ, какъ бы за совершаемую ими полезную работу. Сколько лѣтъ потребовалось настойчивому обществу «Судоходной Луары», чтобы добиться разрѣшенія устроить на собственный счетъ фарватеръ въ руслѣ рѣки при помощи сравнительно недорого стоящихъ береговыхъ сооружений! Государство допускало лишь миллионныя работы, которыя, вѣроятно, и черезъ двадцать лѣтъ находились бы еще въ стадіи предварительныхъ изысканій, подобно столькимъ другимъ рабо-

1) Herbert Spencer, «Introduction à la Science sociale», ch. V, p. 87.

тамъ по разумному использованию французской почвы, представляющимъ жизненную необходимость.

Законъ издается парламентомъ, вышедшимъ изъ народа; въ немъ олицетворяется верховная воля націи. Чѣмъ свободнѣе страна, тѣмъ большаго уваженія заслуживаетъ избранное ею законодательное учре-

Тегеранъ. Залъ Багаристанскаго дворца,
гдѣ засѣдаетъ наиболѣе молодой изъ парламентовъ.

жденіе, но тѣмъ необходимѣе становится полная свобода мнѣній, вытекающая изъ понятія о свободѣ. Поэтому врядъ ли какое-нибудь другое учрежденіе подлежитъ въ такой мѣрѣ критикѣ, какъ парламентаризмъ.

Онъ явился несомнѣннымъ орудіемъ прогресса для націи, создавшей его, и легко понять восхищеніе Монтескье, изучавшаго дѣйствіе англійской системы, такой простой и въ то время такой логичной. Позже, въ періодъ національнаго собранія 1789 года и конвента, парламентъ пережилъ во Франціи свою героическую эпоху; въ общемъ, онъ несомнѣнно играетъ довольно полезную роль въ исторіи постепеннаго освобожденія человѣка. Впослѣдствіи онъ завоевалъ всѣ страны міра вплоть до республикъ негровъ Ганти, Санъ-Доминго и Либеріи; только

Турція, Китай, колоніи, эксплуатируемыя европейцами, и нѣкоторыя другія государства, остаются безъ народнаго представительства. Эта форма правленія видоизмѣнялась въ различныхъ странахъ, гдѣ, въ зависимости отъ условій, болѣе рѣзко проявлялись тѣ или иные ея недостатки, но вездѣ наблюдается глубокое различіе между эволюціей народа и его законодательными палатами.

Оставляя въ сторонѣ цензовыя и многостепенныя системы выборовъ и считаясь лишь съ честно проведенной всеобщей подачей голосовъ, пренебрегая даже тѣмъ, что, за рѣдкими исключеніями, женская половина населенія не имѣетъ своихъ «представителей», — врядъ ли можно утверждать, что законъ, принятый большинствомъ депутатовъ, избранныхъ, въ свою очередь, большинствомъ избирателей, выражаетъ мнѣніе большинства страны; въ дѣйствительности часто бываетъ наоборотъ. Этимъ недостаткомъ чисто-математическаго свойства можно было пренебрегать, когда въ государствѣ существовали лишь двѣ партіи, взаимныя потери и выигрыши которыхъ уравнивались въ общемъ итогѣ; но онъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ сложнѣе становится жизнь, и чѣмъ большая происходитъ дифференціація мнѣній. Только Швейцарія обращается ко всей массѣ избирателей для окончательнаго рѣшенія вопроса о принятіи всякаго новаго закона.

За исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, зрѣлище, которое представляютъ страны въ періодъ избирательной кампаніи, не изъ тѣхъ, которое можетъ радовать человѣка твердыхъ принциповъ. Поборолъ ли самъ кандидатъ свою скромность, или его выдвигаетъ комитетъ, тотчасъ же на сцену являются честолюбіе, интриги, подкупы, ложь, и далеко не всегда наиболѣе честный изъ кандидатовъ имѣетъ большіе шансы на успѣхъ. Такъ какъ законодатель долженъ быть знакомъ со всевозможнаго рода вопросами — мѣстными и мировыми, финансовыми и народнаго образованія, техническими и нравственными, то нѣтъ той спеціальной способности, которая выдвигала бы кандидата въ глазахъ избирателей. Народный представитель будетъ обязанъ своимъ успѣхомъ нѣкоторой мѣстной популярности, добродушію, своему ораторскому краснорѣчію, организаторскимъ способностямъ, но часто также своему богатству, семейнымъ связямъ, а если это крупный промышленникъ или землевладѣлецъ, то даже страху, который онъ внушаетъ; по большей части, это будетъ человѣкъ партійный; отъ него не будутъ требовать работы, направленной къ увеличенію народнаго богатства или къ облегченію общенія между людьми, но онъ долженъ будетъ бороться съ той или иной партіей; словомъ, составъ палаты ни въ чемъ не будетъ напоминать состава націй; обычно она ниже ея по нравственнымъ качествамъ: въ ней преобладаютъ професіональные политики.

Однажды выбранный народный представитель становится незави-

симымъ отъ своихъ избирателей; они должны всецѣло предоставить ему рѣшать согласно своей совѣсти во всѣхъ повседневныхъ случаяхъ; если же онъ не придерживается точки зрѣнія своихъ избирателей, то нѣтъ возможности смѣстить его. Свободный отъ контроля въ теченіе 4, 7 или 9 лѣтъ, пока длятся его полномочія, освѣдомленный о безнаказанности въ случаѣ совершенія предосудительнаго дѣянія, депутатъ тотчасъ же встрѣчаетъ со стороны правящихъ классовъ всякаго рода соблазны; вновь пришедшій пріобщается къ законодательнымъ традиціямъ подъ руководствомъ ветерановъ парламентаризма; онъ воспринимаетъ сословный духъ; у него заискиваютъ представители крупной промышленности, высшіе чиновники и, главнымъ образомъ, космополитическій финансовый міръ. Даже въ томъ случаѣ, если большинство парламента состоитъ изъ честныхъ людей, то и тогда въ немъ развивается особая атмосфера, вся проникнутая переговорами, компромиссами, отреченіями, мировыми сдѣлками, которыя должны быть скрыты отъ широкой публики, закулиснымъ торгомъ, прикрываемымъ и какимъ-нибудь блестящимъ ломаніемъ копей между опытными парламентаріями. Всякое благородство унижено, искреннее убѣжденіе осквернено, честная воля уничтожена.

Не удивительно поэтому, что такъ много людей отказывается поддерживать своимъ голосомъ подобную среду и содѣйствовать «завоеванію общественной власти». Революціонеры ясно отдають себѣ отчетъ въ томъ, что отжившія формы будутъ тѣмъ дольше сохраняться, чѣмъ больше рабочіе будутъ интересоваться ихъ существованіемъ и работать въ нихъ хотя бы для того, чтобы ихъ измѣнить; революціонеры могутъ лишь сожалѣть о наивности тѣхъ, которые вѣрятъ, что «революцію можно сдѣлать избирательными записками». Чтобы предаваться этой иллюзіи, нужно не видѣть дѣйствительной слабости этого мнимо-могущественнаго парламента; нужно закрыть глаза на всѣ другія, дѣйствительно сильныя учрежденія, выросшія вокругъ него и играющія съ законодательнымъ учрежденіемъ какъ кошка съ мышью.

Эта-то сложность системы управленія и дѣлаетъ всякую чисто-политическую революцію въ высшей степени затруднительной. Старые предразсудки укрѣпились, концентрировались въ цѣломъ рядѣ государствъ въ государствѣ, настоящихъ осьминоговъ, живущихъ на организмѣ общаго и за его же счетъ: нація гибнетъ благодаря ихъ процвѣтанію. Номинальная революція не можетъ имѣть успѣха, если она не затрагиваетъ также этихъ корпорацій, объединенныхъ полной солидарностью частныхъ и общихъ интересовъ. Лишь только одна изъ этихъ группъ превращается въ прочно установленную, официально признанную и освященную корпорацію, она невольно начинаетъ считать себя непогрѣшимой и присваиваетъ себѣ право толковать по-своему всѣ рѣшенія, провозглашенные королемъ, обычаемъ или законами. Такъ, церковь требовала себѣ

монополью не только въ дѣлѣ спасенія душъ, но и на занятія наукой; за исключеніемъ священниковъ и лицъ «духовныхъ», т.-е. людей знанія, никто не имѣлъ права говорить о вещахъ, которыя считались выше пониманія мірянъ. Знаніе человѣческой природы позволяетъ утверждать, что во многихъ случаяхъ духовныя лица возбуждали процессы по обвиненію въ еретичествѣ скорѣе изъ зависти къ соперникамъ, чѣмъ изъ святого рвенія о чистотѣ вѣры. Та же непогрѣшимость царила и въ другихъ профессіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, вплоть до различныхъ рабочихъ корпорацій, которыя съ патріотической суровостью держались за привилегіи своего цеха не только изъ-за матеріальной выгоды быть единственными поставщиками извѣстныхъ продуктовъ, но также изъ-за чести исключительнаго обладанія извѣстными секретами и пріемами ихъ ремесла. Извѣстно, что въ прежнія времена такой-то сортъ тѣста могъ выдѣлывать только булочникъ, а такой-то—только кондитеръ. Еще одна ступень въ этомъ направленіи, т.-е. религіозное и социальное освященіе этихъ разграниченій между профессіями, работами, ремеслами и кастами, была создана на Востокѣ, въ древнемъ Египтѣ и въ современной Индіи.

А между тѣмъ духъ сословности, одна изъ язвъ современнаго общества, не лишенъ былъ въ періодъ своего расцвѣта извѣстнаго величія, когда для защиты или завоеванія независимости или свободы онъ возбуждалъ въ людяхъ чувство долга, преданности, коллективной чести. Побратавшись, люди должны были вести себя такъ, чтобы не уронить себя какъ въ глазахъ одинъ другого, такъ и тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ ихъ договора. Связь, соединявшая ихъ, не должна была рушиться даже передъ лицомъ смерти. Какъ часто въ битвахъ первобытныхъ временъ войны связывали себя цѣпью, составляя одно тѣло, гигантскій индивидуумъ, предназначенный жить или умереть весь цѣликомъ! Даже современная военная исторія, объектами наблюденія въ которой не являются люди, борющіеся за свободно избранное дѣло, полна разсказовъ, свидѣтельствующихъ о храбрости и солидарности между товарищами, случайно соединенными подъ однимъ знаменемъ, въ одинъ отрядъ, гдѣ традиціей является презрѣніе къ смерти. «Гвардія вперед!»—таковъ въ различныхъ варіаціяхъ приказъ главнокомандующаго въ рѣшительныхъ битвахъ. Тщательныя статистическія изслѣдованія, собранныя относительно британской арміи, устанавливаютъ тотъ фактъ, что число убитыхъ на полѣ битвы, являясь дѣйствительнымъ мѣриломъ храбрости, растетъ параллельно съ традиціонной славой полковъ, и шотландскіе хайлендеры занимаютъ, конечно, первое мѣсто въ этомъ спискѣ.

Этотъ сословный духъ солдата, побуждающій его жертвовать собой изъ гордости, составляетъ естественный переходъ отъ примитивнаго чув-

ства свободныхъ людей, всецѣло отдававшихся любимому дѣлу, къ современному кастовому духу, царящему какъ въ ротахъ, такъ и въ различныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, члены которыхъ объединяются для защиты, поддержанія и увеличенія своихъ привилегій. Для примѣра возьмемъ хотя бы ту профессію, въ которой процентъ интересныхъ людей болѣе значителенъ, чѣмъ въ какой-либо другой профессіи, требующей серьезныхъ знаній, внимательнаго отношенія къ жизни и сочувствія къ человѣческому горю, а именно медицинской; но достаточно просмотрѣть уставы провинціальныхъ обществъ, въ которыхъ «люди науки»

Оттава. Парламентъ Владѣнія Канады.

На сѣверной сторонѣ города течетъ рѣка Оттава.

устанавливаютъ такого рода взаимныя обязательства, которыя конституируютъ, что и они развращены сословнымъ духомъ, и что ихъ меньше всего волнуютъ заботы о страждущемъ человѣчествѣ. Насколько врачъ—который является въ то же время и другомъ, дорогимъ совѣтникомъ, понимающимъ тѣлесныя недуги, и который, благодаря своей вдумчивости, мудрому знанію жизни, умѣетъ читать въ вашей душѣ—принести съ собой утѣшеніе и бодрость, настолько докторъ, гоняющійся за практикой, спекулирующій новыми методами лѣченія и патентованными средствами, придумывающій и дѣятельно популяризирующій новыя болѣзни, является опаснымъ дѣльцомъ. Онъ съ рѣдкимъ упорствомъ отстаиваетъ свою монополію не излѣчивать, но «пользовать», какъ попало, и если онъ подчасъ не можетъ не признать собрата въ Пастерѣ или

подобномъ ему ученомъ, открывающемъ новые пути, то съ тѣмъ болѣе-шей спесью относится онъ къ скромнымъ лѣкарямъ, особенно къ тѣмъ, которые безвозмездно лѣчатъ больныхъ и раненыхъ. Что бы ни говорили, но маги и кудесники, наслѣдники древнихъ волхвовъ и шамановъ, не всѣ шарлатаны; традиціонныя средства, сохраняющіяся въ нѣкоторыхъ семьяхъ противъ той или иной болѣзни, не всегда являются вредными микстурами, хотя они и не подписаны первокласснымъ аптекаремъ; травы, пластыри добрыхъ старушекъ или дикарей могутъ иногда дать исцѣленіе тамъ, гдѣ оказываются безсильными новѣйшія средства медицины. Терутахъ, «лѣкарь» съ острова Апемама (архипелагъ Жильберта), лѣчилъ Р. Л. Стевенсона отъ насморка; какой дипломированный ученый могъ бы поступить болѣе просто и въ то же время болѣе радикально ¹⁾? Священная ограда, нѣсколько магнетическихъ пассовъ, глубокій сонъ, и больной просыпается вполне здоровымъ. «Дипломы—это гарантія»,—говорятъ намъ, но не являются ли они скорѣе мистификаціей, давая призракъ знанія невѣждамъ, умѣющимъ только изложить фразы изъ учебника. Сами экзаменаторы считаютъ испытанія пустой формальностью, лишенной смысла.

Наиболѣе могущественное изъ этихъ государствъ въ государствѣ, очевидно, то, которое нѣкогда хотѣло обладать неограниченной властью и еще теперь мечтаетъ о всемірномъ господствѣ. Это—церковь. Страстно стремясь удержать власть и имѣя въ этомъ отношеніи опытъ, она уступала лишь шагъ за шагомъ въ вѣковой борьбѣ и упорно силилась вернуть себѣ все потерянное; это могло бы ей удасться, если бы наука не была достаточно сильна, чтобы воспрепятствовать такому стремленію. Но на ряду съ этой кастой, вліяніе которой хотятъ ограничить исключительно духовной областью, вырастаетъ другая, стремящаяся ее замѣнить. Обязанная своимъ существованіемъ всецѣло государству, судебная магистратура представляетъ собой, однако, вторую церковь какъ благодаря солидарности своихъ членовъ, такъ и потому, что она склонна приписывать себѣ сверхъестественныя качества и превозносить свою роль. Эта каста не воплощаетъ Бога на землѣ, но она олицетворяетъ Законъ; а это также божество, атрибутомъ котораго являются каменные дощечки съ вырѣзанными на нихъ словами, претендующими на вѣчную силу. Ничто не можетъ изгладить древнихъ писменъ, начертанныхъ самой молніей на горѣ Синаѣ или на какой-либо другой подобной горѣ; также и приговоры судей должны быть непогрѣшимы. Вѣсы, которые они держатъ въ рукахъ, безошибочно взвѣшиваютъ даже ничтожную пылинку, и остріе ихъ меча касается только преступныхъ головъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, нѣкогда вѣрили сами же судейскіе и теперь еще претендуютъ на это.

1) «In the South Seas», vol. II, p. 232—235.

Проходят цѣлыя поколѣнія, а состраданіе къ народу не побуждаетъ ихъ исправить несправедливые приговоры. Величіе правосудія требуетъ вѣды, чтобы они всегда были правы. И государство санкціонируетъ эту фикцію, дѣлая своихъ судей несмѣняемыми.

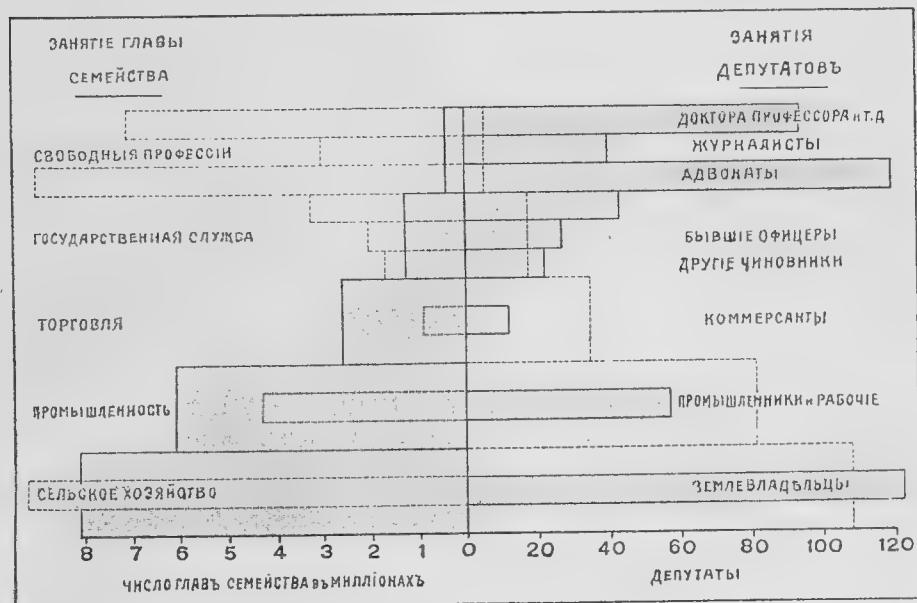
Но кто же авторы этого Закона, представителемъ котораго себя именуется судебное сословіе, и которому простодушные люди приписываютъ предвѣчное происхожденіе, считая его болѣе древнимъ, чѣмъ человѣка? Очевидно, вся масса привилегированныхъ принимаетъ участіе въ работѣ законодательныхъ нормъ, защищающихъ ея интересы и ответственность; но въ этой работѣ изобрѣтенія, составленія и окончательной редакціи Закона большая часть труда выпадаетъ на долю юристовъ-чиновниковъ, которые являются исключительными хранителями таинственныхъ книгъ, гдѣ все это записано. Это они готовятъ тѣ законопроекты, которые министры защищаютъ передъ парламентомъ, а въ случаѣ неудачи принимаютъ обратно съ затаенной мыслью сохранить ихъ сущность, измѣнивъ только редакцію. Они же въ дебатахъ опредѣляютъ смыслъ каждой произносимой фразы, не останавливаясь въ послѣдствіи передъ соблазномъ истолковать ее иначе, разъ этого требуютъ интересы ихъ сословія. Впрочемъ, во всѣхъ парламентскихъ собраніяхъ процентное отношеніе юристовъ отнюдь не находится въ естественномъ соотвѣтствіи съ представителями другихъ классовъ общества. Въ лицѣ бывшихъ судебныхъ чиновниковъ, а въ особенности въ лицѣ молодыхъ честолюбивыхъ адвокатовъ, которые искусились какъ въ искусствѣ краснорѣчія, такъ и въ хитростномъ кручкотворствѣ судебныхъ канцелярій, юристы играютъ значительную роль въ народномъ представительствѣ.

Демоленъ въ своемъ трудѣ о «Превосходствѣ англосаксовъ» приводитъ любопытную діаграмму, показывающую, насколько такъ называемое «народное» представительство во Франціи не соотвѣтствуетъ составу самого общества, и какой «условной ложью» является оно въ дѣйствительности. Депутаты, не принадлежавшіе съ самаго рожденія къ буржуазнымъ классамъ, находятся въ палатѣ въ весьма значительномъ меньшинствѣ: десятокъ—другой, самое большее три. Остальныхъ депутатовъ можно разбить на пять группъ, изъ которыхъ четыре по количеству болѣе или менѣе уравниваютъ другъ друга: землевладѣльцы, среди которыхъ представители мелкой земельной собственности попадаются рѣдко, а иногда и совсѣмъ отсутствуютъ, адвокаты, представители другихъ свободныхъ профессій (журналисты, доктора, профессора); затѣмъ, остальные чиновники (бывшіе армейскіе и флотскіе офицеры, представители администраціи, дипломаты), къ числу которыхъ можно отнести нотаріусовъ и повѣренныхъ при судѣ; наконецъ, въ пя-

тую, менѣе многочисленную категорію входятъ финансисты, промышленники и коммерсанты.

Благодаря союзу краснобаевъ съ богачами, которые, независимо отъ взаимнаго соотношенія силъ парламентскихъ партій, всегда составляютъ большинство, оказывается, что всевозможныя узаконенія, несвязное цѣлое которыхъ олицетворяется въ образѣ какого-то божества, име-

№ 556. Франція и ея палата депутатовъ.

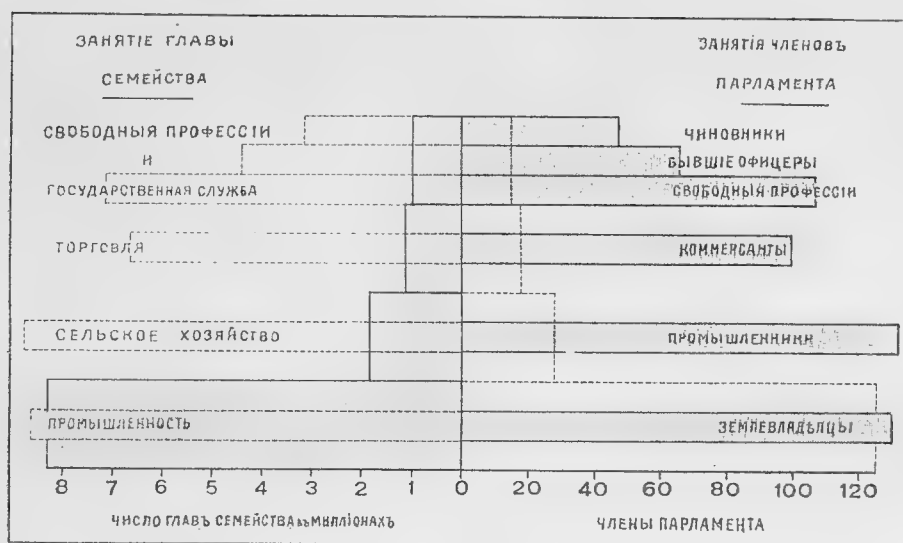

Слѣва распределены по группамъ, согласно даннымъ переписи 1901 года, 18 милліоновъ отцовъ семействъ. Справа—законодательный корпусъ по выборамъ 1906 года: 120 помѣщиковъ; 119 адвокатовъ; 126 представителей другихъ свободныхъ профессій (46 врачей, 40 журналистовъ, 26 профессоровъ и т. д.); 93 бывшихъ чиновника (26 офицеровъ, 24 судейскихъ, 19 нотариусовъ и стряпчихъ и т. д.); 78 торговопромышленниковъ и предпринимателей (12 купцовъ, 27 заводскихъ директоровъ, 18 инженеровъ, 12 рабочихъ и т. д.). Недостаётъ около 50 депутатовъ, занятія которыхъ не указаны.

нуемаго Закономъ, всегда издаются во имя «высокихъ принциповъ». Затѣмъ, вслѣдъ за подготовительнымъ періодомъ, наступаетъ моментъ приложенія Закона на практикѣ; тутъ-то судебной магистратурѣ открывается широкій просторъ въ смыслѣ отысканія въ арсеналахъ юридическихъ прецедентовъ всевозможныхъ аргументовъ, при помощи которыхъ можно либо обѣлгать, либо очернить обвиняемаго, смотря по тому, насколько онъ «силенъ или слабъ». Тяжела эта прерогатива—быть судьей въ вопросахъ добра и зла и въ одну минуту помѣстить человѣка въ категорію добрыхъ гражданъ или толкнуть въ міръ отвер-

женныхъ. Невозможно предположить, чтобы у облеченнаго подобнымъ сверхчеловѣческимъ могуществомъ судьи не закружилась голова отъ того моральнаго всемогущества. Подобно духовенству, на которое оно такъ похоже и которому охотно слѣдуетъ, судебское сословіе поддается иллюзіи полнаго своего превосходства и при столкновеніяхъ съ другими сословіями государства рѣзко защищаетъ свои традиціонные интересы.

№ 557. Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи и его парламентъ.

Въ основу этой діаграммы положены: по отношенію къ численности населенія — данныя англійской переписи 1901 года, по отношенію къ составу палаты общинъ — цифры, собранныя Эд. Демоленомъ лѣтъ десять тому назадъ: 47 чиновниковъ; 66 бывшихъ офицеровъ, 107 представителей свободныхъ профессій, 100 негоціантовъ, 131 представитель промышленности, 132 землевладельца. Названія послѣднихъ двухъ категорій стоятъ на правой сторонѣ діаграммы одно на мѣстѣ другого.

Насколько же проще управленіе на островѣ Апемама, о которомъ говорилось выше! Тамъ только одинъ чиновникъ — первоклассный стрѣлокъ: король Тембинокъ, одновременно господинъ и собственникъ, судья и палачъ; передъ смертной казнью преступникъ получаетъ только одно предупрежденіе, которое, заставши его врасплохъ, заставляетъ его глубже заглянуть въ свою совѣсть: это выстрѣлъ изъ магазиннаго ружья и свистъ пули, которая, пролетѣвъ надъ ухомъ, зарывается въ землю невдалекѣ.

Но вотъ еще каста, соперничающая съ духовенствомъ и судебной магистратурой въ ихъ мнимой непогрѣшимости; это сословіе дипломированныхъ нижеперовъ. Имѣй оно за собой престижъ долговременнаго существованія, у него въ рукахъ оказались бы всѣ шансы за верховное

владычество. У этихъ господъ сословный духъ развитъ до крайности; каждый изъ нихъ занимаетъ одновременно три мѣста іерархіи: мѣсто солдата, начальника и ученаго, и какъ бы окруженъ тройной стѣной. Воспитанные въ правительственныхъ училищахъ на военный образецъ, они установили у себя правила дисциплины, чтобы, въ свою очередь, требовать повиновенія; будучи чиновниками, они говорятъ отъ имени правительства и Закона; въ качествѣ ученыхъ они не допускаютъ возможности, чтобы кто-нибудь могъ не соглашаться съ ихъ личнымъ мнѣніемъ: каждое ихъ слово должно почитаться какъ непреложная истина. Поэтому они не останавливаются въ своихъ рѣшеніяхъ даже тогда, когда сталкиваются съ населеніемъ, умудреннымъ вѣковымъ опытомъ и знаніемъ мѣстности. Несомнѣнно, не разъ приходилось имъ обнаруживать втайнѣ, что, молъ, тотъ или другой изъ ихъ «дорогихъ коллегъ» допустилъ какую-нибудь грубую ошибку; но важнѣе вѣдь всего не допустить публику проникнуть въ тайну, плохо исполненную работу рекламировать какъ шедевръ, а въ особенности надо, во чтобы то ни стало, воспрепятствовать тому, чтобы кто-нибудь извнѣ, не окончившій училища, осмѣлился исправлять работу одного изъ избранниковъ. Хотя тѣсно замкнутые цехи пали въ средніе вѣка во всѣхъ странахъ съ европейской культурой, но монополія удержалась или же была восстановлена во всѣхъ профессіяхъ, основанныхъ на іерархическихъ началахъ и требующихъ диплома. Вслѣдствіе этого получается то, что сооруженія капитальной важности исполняются совершенно несоотвѣтствующимъ народному благу образомъ. Такъ, напримѣръ, въ Гаврѣ, вопреки заявленіямъ всѣхъ лоцмановъ, всѣхъ моряковъ, посѣщающихъ портъ, инженеры, диктуя свои предписанія изъ Парижа, отказались предоставить въ распоряженіе мѣстной торговли превосходный рейдъ, хотя построить необходимыя сооруженія было бы нетрудно, такъ какъ основаніе для нихъ существуетъ недалеко—въ трехъ километрахъ отъ стараго побережья; такимъ основаніемъ могли бы служить обломки разваливагося утеса, защищающіе при отливѣ площадь въ нѣсколько сотъ гектаровъ. Если бы довести ихъ до известной высоты и снабдить пристанями, въ Гаврѣ оказался бы превосходный внѣшній рейдъ. Несмотря на это, инженеры предпочитаютъ истратить вчетверо больше противъ того, что стоило бы возведеніе плотинъ, и рыть въ самой землѣ новыя бассейны, имѣющіе второстепенное значеніе въ сравненіи съ рейдомъ 1).

Но духовенству, администраціи, дипломированнымъ инженерамъ и прочимъ чиновникамъ пришлось бы значительно умѣрить свою спесь,

1) Fernand Maurice, «Le Havre et l'Endiguement de la Rade»; — E. Prat, «Enrochement de la Rade du Havre».

если бы государство, часть которого они составляют, не опиралось на силу, это высшее «право», избавляющее от необходимости быть правым. Почти во всех государствах европейского типа значительная часть здоровой молодежи ежегодно набирается из народных масс в рекруты и методически обучается искусству убивать. Принимаются всевозможные меры, чтобы эта громадная машина-убийца работала исправно и притом всегда в интересах именно правящих классов. Правда, организация войска не поспевает за прогрессом промышленной организации и представляет, за немногими исключениями, наследие тяжелых и отживших времен Людовика XIV. Можно судить об этой неприиспособленности войска к современной жизни, сравнивая, например, военные силы Франции и центральной Европы с силами Швейцарии, где умудрились преобразовать войска в действительно оборонительную силу, не отрывая вполне солдата от участия в гражданской и промышленной жизни. Для того, чтобы удержаться на высотах науки, военная система должна была бы постоянно эволюционировать. Но в действительности это далеко не так: с каждым днем все яснее становится нарушенное равновесие. Параллельно с усилением ужасающего могущества современного оружия увеличивается относительное значение личной инициативы; но как развить эту инициативу, не развивая разума, и как развить разум, сохраняя в то же время в силе систему пассивного повиновения? Как помешать тому, чтобы каждый солдат сознавал в душе смущенное уродство военной организации, ненужность и нелюбость тех действий, которых от него требуют? Как может он не чувствовать, с каждым днем все сильнее и сильнее, тяжести той жертвы, которую он приносит, отрываясь от работы и семьи на три или хотя бы на два года? И раз ни один гражданин не может избавиться от личной службы, то как же избывать распространения по всей стране убеждения, что-де постоянная армия отжила свой век?

Но не достигается ли, в конце концов, главная цель содержания армий—иметь под рукой неограниченное количество штыков не столько для защиты от неприятеля, сколько для того, чтобы держать в повиновении народ, склонный к критике действий правительства, угрозам, даже к революции? Военные традиции требуют, чтобы начальствующия лица имели декоративную вышность и выделялись бы, как и в средние века, обилием перьев и вышивок, пестротой красок. Во Англии почти все генералы принадлежат к высшему сословию, у которого достаточно денег на лошадей, на турниры и пиры ¹⁾. Во Франции, Австрии и России высшее офицерство состоит, главным образом, из дворян старинных фамилий. Во Франции большинство

1) H. G. Wells, «Anticipations».

называетъ себя «потомками крестоносцевъ»; а сколько среди нихъ и такихъ, которые, желая подчеркнуть, что являются самыми ярыми сторонниками реакціи, хвастаютъ тѣмъ, что принадлежатъ къ потомкамъ тѣхъ эмигрантовъ, которые сражались противъ Франціи во время первой революціи? Даже въ Швейцаріи офицерское сословіе, кадры котораго остаются постоянными, является настоящей военной аристократіей. Предоставленные самимъ себѣ войска никогда не становились на сторону свободы, не брали сторону народа противъ его тира-

Гавръ, входъ въ портъ во время прилива.

новъ, наслѣдственныхъ или узурпировавшихъ власть; напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ они всегда предоставляли свою силу въ распоряженіе того или иного деспота. Привыкнувъ къ пассивному повиновенію, они никогда не могли понять свободнаго общества; находясь въ рабствѣ у своего начальства, они способствовали порабощенію гражданскаго населенія.

Даже тогда, когда во время политической агитаціи, экономическихъ кризисовъ труда и стачекъ войска не пользуются противъ народа непосредственно, какъ «главной жандармеріей», они все же приучены относиться враждебно къ толпѣ невооруженныхъ гражданъ. Величественное презрѣніе наполеоновскихъ офицеровъ къ штатскимъ или «штафиркамъ» извѣстно уже въ достаточной мѣрѣ. Такое презрѣніе, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ прежде, приходится еще наблюдать во всѣхъ арміяхъ, даже среди

солдатъ, которые искренно вѣрятъ въ спасительную красоту «султановъ» изъ перьевъ и въ «престижъ мундира»; правда, такое пренебреженіе является у нихъ отчасти попыткой вознаградить себя такимъ образомъ за тѣ униженія, которыя имъ приходится терпѣть отъ начальства. Такое презрѣніе является зерномъ, изъ котораго вырастаетъ ненависть, и вѣдь не разъ войска, принимая участіе въ такъ пазываемой національной войнѣ, дѣйствовали совершенно въ разрѣзъ съ интересами и желаніями націи.

Такъ, во время франко-прусской войны 1870 г. Базенъ заперъ

Гаврскій рейдъ при тихой погодѣ.

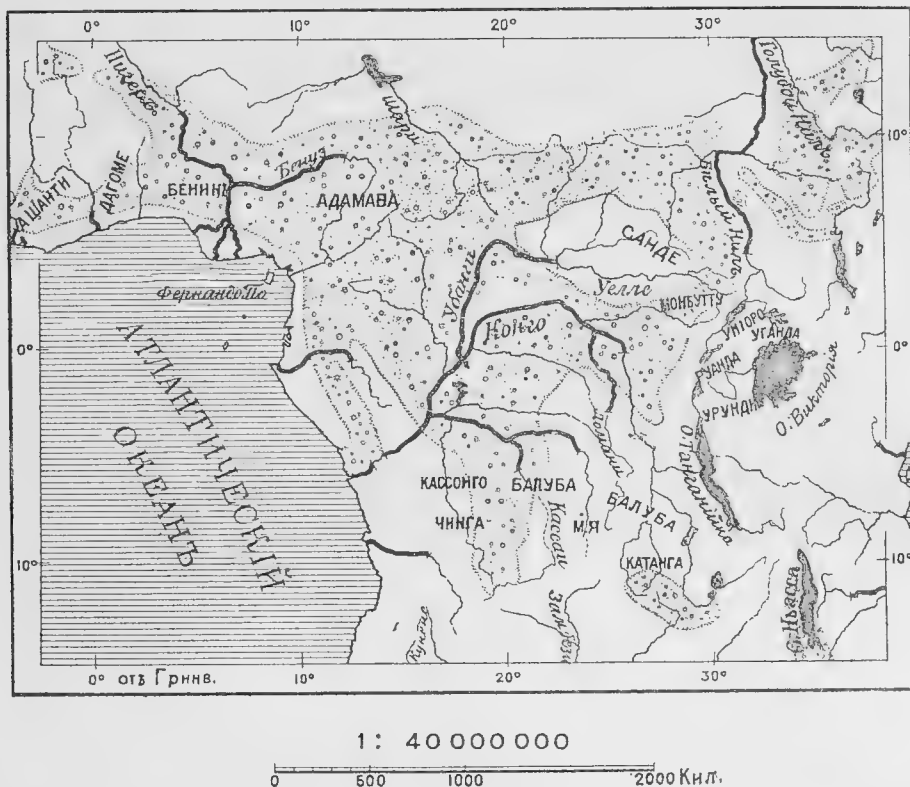
въ Мецѣ 170000 человекъ, которые ему были довѣрены, чтобы «сохранить-де своему повелителю армію на всякій случай». Точно такъ же, во время осады Парижа командовавшіе фортами офицеры всячески разжигали среди своихъ солдатъ непріязнь и насмѣшки по отношенію къ вооруженнымъ гражданамъ; одной побѣды, одержанной національной гвардіей, было достаточно, чтобы армія почувствовала себя обезчещенной. Наконецъ, и въ мирное время, благодаря сильному вліянію военнаго сословія и въ ущербъ общественному благу, отставнымъ офицерамъ и инвалидамъ предоставляются въ огромномъ количествѣ должности, къ исполненію которыхъ военная служба никоимъ образомъ не могла ихъ подготовить. Въ Алжирѣ и Суданѣ доходятъ даже до того, что будируютъ, ставятъ различныя затрудненія и даже воздвигаютъ гоненія на лицъ, производящихъ изысканія, единственная вина которыхъ заключается въ томъ, что они не принадлежатъ ни къ арміи, ни къ церкви.

По поводу преступленій, совершавшихся въ различныхъ случаяхъ въ колоніальныхъ арміяхъ и вызывавшихъ вездѣ чувство всеобщаго отвращенія, высказывалась мысль, что вліяніе тропическаго солнца обусловливаетъ особую болѣзнь, «суданить», проявляющуюся исключительно среди офицеровъ и заставляющую ихъ совершать отвратительные поступки безо всякой видимой на то причины. Изобрѣтеніе такой исключительно офицерской болѣзни, которая даетъ большіе шансы на помилованіе со стороны военныхъ судовъ и отчасти на оправданіе въ глазахъ общественнаго мнѣнія, напоминаетъ «открытіе», сдѣланное по случаю кражи въ модныхъ магазинахъ, когда ее совершили высокопоставленныя дамы, которымъ были совершенно не нужны унесенныя ими вещи; въ данномъ случаѣ оказывалось, что это-де просто случай клептоманіи, требующій скорѣе помощи врача, чѣмъ судьи. Однако, у офицеровъ, заброшенныхъ въ обширныя территоріи колоніальныхъ владѣній, это преступное помѣшательство объясняется весьма просто и безъ помощи суданита: ихъ власть здѣсь неограниченна и находитъ себѣ приложение по отношенію къ существамъ, которыя въ ихъ глазахъ едва ли являются людьми; они не боятся осужденія со стороны равнаго имъ, со стороны хотя бы одного человѣка, чья совѣсть и разумъ пользуются уваженіемъ. Такая неограниченная власть быстро превращается во власть какого-нибудь римскаго императора, а то и просто вырождается въ злодѣйство.

Созданная для насилія, армія можетъ творить только насиліе. Въ военное время она огнемъ и мечомъ истребляетъ все вокругъ себя, а государство, которое ее содержитъ, тратитъ на поставку ей оружія и продовольствія всѣ свои наличныя средства и вдобавокъ обременяетъ будущія поколѣнія такой суммой долговъ, на какую только міровые банкиры соглашаются его кредитовать. Развѣ Японія не воспользовалась бы своей побѣдой у Мукдена? Развѣ маньчжурская война не продолжалась бы до сихъ поръ (1905), если бы кредитъ не былъ исчерпанъ? Правда, что конфликты между большими государствами сдѣлались гораздо рѣже, такъ какъ державы вполне справедливо избѣгаютъ тѣхъ невѣроятныхъ усилій, которыхъ требуетъ современная война, но гордыя державы вознаграждаютъ себя тѣмъ, что раздавливаютъ отъ времени до времени какой-нибудь отдаленный народецъ, слишкомъ слабый, чтобы сопротивляться. Впрочемъ, вѣдь и то состояніе, которое называютъ миромъ, и которое на самомъ дѣлѣ остается постояннымъ приготовленіемъ къ войнѣ, всегда требуетъ цѣлой бездны расходовъ. Солдаты, которыхъ дрессируютъ на ученіяхъ и маневрахъ, обходятся правительству гораздо дороже того, во что бы они ему обошлись, если бы оставались попрежнему хлѣбопашцами или работали на другомъ поприщѣ. Многіе изъ нихъ отвыкаютъ отъ регулярнаго труда и, кончивъ срокъ службы, не могутъ уже приняться

за прежнюю работу. Наконецъ, и въ мирное и въ военное время—а въ мирное даже въ большей степени—эти несчастные развращаются и передаютъ свои пороки и болѣзни частнымъ лицамъ, съ которыми вступаютъ въ общеніе, такъ какъ они изолированы въ казармахъ отъ нор-

№ 558. Монархіи Центральной Африки и Судана.

По Лео Фробениусу—„Geographische Kulturkunde“,—въ центральной Африкѣ и въ Суданѣ существуетъ определенное географическое расположеніе формъ правленія. Въ центрѣ—охотники экваторіальныхъ лѣсовъ, затѣмъ—зона земледѣльцевъ, живущихъ коммунальнымъ строемъ, окруженная, въ свою очередь, зоной земледѣльческихъ монархій: Ашанти, Дагомея, Бенинъ, Адамава, Санде или Ніамъ-Ніамъ, Момбутту или Мангбатту, Кассонго, Чинга, западная Балуба (М. Я. = Муата-Ямво), Бакуба, восточная Балуба, Катанга. Еще дальше на периферіи находятся пастушескія племена, которыя образсвали на западѣ государства: Уганда, Уніоро, Руанда, Урунди и др.

мальныхъ половыхъ сношеній и тѣмъ поставлены въ противоестественныя условія. Вспомнимъ, сколько разъ совершенно отмѣнялись въ Индіи разныя предполагавшіяся военныя операціи изъ-за того, что полки, разрѣженные заразными болѣзнями, не могли выйти изъ своихъ казармъ и госпиталей.

Слѣдовало бы опасаться, что подъ вліяніемъ военнаго режима, главный принципъ котораго — непрекословное повиновеніе — противится всякому пробужденію мысли и народной инициативы, слѣдовало бы опасаться, что роковая доля европейскихъ народовъ состоитъ въ вѣчномъ порабощеніи, сопряженная со смертью, если бы армія была дѣйствительно вполнѣ однородной по своему внутреннему строенію, т.-е. точно такую, какою она кажется, если судить по уставамъ, которымъ каждый солдатъ обязанъ подчиняться, и въ которыхъ каждое отступленіе отъ приказа, отъ распоряженія начальства сопровождается, какъ лейт-мотивомъ, угрозой смертной казни. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; между низами и верхами не существуетъ желанной связи; въ цѣломъ армія не представляетъ собой «большой семьи», какъ ее любятъ называть. Напротивъ, между офицерами и «ихъ» людьми преобладаетъ чувство взаимной неприязни, — да иначе и быть не можетъ. Большинство офицеровъ принадлежитъ къ знати или къ буржуазіи и живетъ вдали отъ бѣднаго люда; они шли своей дорогой и, за немногими исключеніями, никогда не служили рядовыми; долгое время военная карьера была даже самымъ вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ общежитія въ казармахъ. Больше того: офицера, вышедшіе изъ рядовыхъ, обыкновенно не достигаютъ того положенія, которымъ пользуются ихъ же собратья, но вышедшіе изъ училища. Офицеръ смотритъ на рядового съ такой недостигаемой высоты, что всякая солидарность является невозможной. Условія солдатской жизни регулируютъ унтеръ-офицеры, которые представляютъ, такъ сказать, нѣчто въ родѣ помѣси между офицеромъ и солдатомъ, причемъ первый ихъ презираетъ, а послѣдній ненавидитъ. Даже на военныхъ судахъ, гдѣ офицера и солдата раздѣляетъ такое ничтожное пространство, что соприкосновеніе казалось бы неизбѣжнымъ, даже здѣсь, и особенно здѣсь, мы встрѣчаемъ наибольшую отчужденность между командующимъ и подчиненнымъ, обязаннымъ повиноваться малѣйшему жесту начальника; нигдѣ сословная рознь не сказывается въ болѣе грубыхъ формахъ; можно подумать, что начальство считаетъ необходимымъ углубить моральную рознь, чтобы компенсировать этимъ недостатокъ разницы въ пользованіи матеріальными благами.

Только благодаря существованію рѣзкой пограничной черты, отдѣляющей офицеровъ отъ ихъ «людей», обществу все-таки удастся прогрессировать. Если бы постояннымъ занятіемъ арміи дѣйствительно была война со всѣми ея ужасами и рѣзней, то она объединилась бы въ грозное цѣлое, стоящее вѣдь общества; но, по счастью, крупныя международныя столкновенія составляютъ рѣдкое явленіе, и между обоими элементами военнаго организма замѣчается разслоеніе: офицерскій классъ присоединяется къ другимъ правящимъ классамъ, тогда какъ массы, въ свою очередь, тяготеютъ все-таки къ народу, изъ среды котораго онѣ

вырваны, и куда онѣ вернутся черезъ нѣсколько сотъ дней, точный счетъ которымъ ведетъ въ умѣ каждый солдатъ, жаждущій свободы. Это разслоеніе сказывается достаточно ясно, такъ что высшіе начальники не осмѣливаются себѣ позволить слишкомъ много и волей-неволей должны допустить ужасное въ ихъ глазахъ явленіе, а именно вмѣшательство гражданскихъ лицъ въ ихъ дѣла. Республиканскія эмблемы, знамена, пѣсни, формулы, рѣзко ихъ шокируютъ, но необходимость заставляетъ ихъ приспособляться къ нимъ. Они командуютъ только по виду; имъ тоже приходится примѣняться къ новому порядку вещей. Они считаютъ себя свободными, но теченіе несетъ ихъ къ неизвѣстному будущему.

Уставъ, управляющій арміей, отъ генерала до простого солдата, кажется до извѣстной степени единообразнымъ, но на самомъ дѣлѣ къ избранныкамъ высшаго сословія и къ массѣ рядовыхъ примѣняются двѣ совершенно различныя морали, двѣ совершенно различныя системы. Последними управляютъ при помощи страха, а къ налагаемымъ на нихъ наказаніямъ прибавляются еще обычные мученія, зависящія отъ усмотрѣнія ихъ безотвѣтственныхъ палачей. Что же касается офицеровъ, то они считаютъ себя «бѣлой косточкой» и со всевозможной учтивостью и по семейному судятъ коллегіально уклоненія своихъ товарищей отъ воинскаго долга; налагая наказанія, впрочемъ, больше ради декорума, неизмѣнно выражаютъ уваженіе постигнутому карой товарищу. Часто происходятъ ужасающія драмы на почвѣ преступленій, измѣны, личнаго соперничества, но тотчасъ вслѣдъ за этимъ высшее начальство стремится возстановить то, что называется «честью арміи», и что на самомъ дѣлѣ является только призракомъ той мнимой непогрѣшимости, которая должна являться непреложнымъ фактомъ въ глазахъ невѣжественной толпы. Такъ, во время достопамятнаго «дѣла Дрейфуса», когда на голову невиннаго человѣка пало самое тяжелое обвиненіе, мы видимъ, что большинство военачальниковъ тотчасъ сплотилось, но не для того, чтобы найти истину и громко провозгласить ее, а для того, чтобы задушить ее,—стремились, во что бы то ни стало, цѣной подлоговъ, цѣной убійства, сохранить коллективную честь сословія, для чего нужна была невинная жертва, «для которой должно было явиться высшимъ счастьемъ»—какъ говорили тогда—«погибнуть для блага этого священнаго установленія».

Но страхъ—хорошій совѣтникъ. Всѣмъ упомянутымъ выше различнымъ кастамъ стало ясно, чего онѣ должны опасаться въ недалекомъ, быть-можетъ, будущемъ, и онѣ предусмотрительно объединяются, чтобы защищаться до послѣдней возможности отъ надвигающейся опасности. Поэтому, несмотря на вытекающій отсюда болѣе или менѣе длительный регрессъ для общества въ его совокупности, надо поздравлять себя съ тѣмъ, что въ такъ называемыхъ цивилизованныхъ странахъ процессъ историческаго развитія вызвалъ къ жизни болѣе тѣсный союзъ

правительствъ противъ населенія и болѣе тѣсную сплоченность организованныхъ сословій каждаго государства: духовенства, администраціи и арміи противъ эксплуатируемой массы населенія; положеніе выясняется, а событія слѣдуютъ логическому ходу вещей. Правящіе классы понимаютъ все яснѣе свою выгоду въ систематическомъ прижиманіи толпы своихъ подданныхъ безъ рѣзкихъ потрясеній войны, и ихъ главная забота заключается въ томъ, чтобы мобилизовать всѣ свои средства защиты противъ народа, если тотъ проявитъ малѣйшую претензію на независимость. Руководители народной жизни, т.-е. тѣ, которыхъ съ легкой руки Октава Мирбо привыкли называть «дурными пастырями», стремятся объединиться въ большой Совѣтъ за счетъ анонимнаго общества богатыхъ акціонеровъ, которые ихъ и удерживаютъ у власти.

Въ различныхъ государствахъ органы власти были нѣкогда совершенно обособлены другъ отъ друга, и каждый изъ нихъ поконился на фундаментѣ собственныхъ традицій; они замыкались въ кругъ завистливаго сословнаго духа и проповѣдывали свою особую мораль, дабы возвеличить свою же собственную касту. Но всѣ эти іерархіи, въ которыхъ царили взаимная зависть и ненависть, почувствовали необходимость объединиться противъ общаго врага, противъ свободнаго мыслителя, который изучаетъ ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ презираетъ; противъ того человѣка, котораго Боссюэ причисляетъ къ еретикамъ, «того, кто руководствуется собственнымъ мнѣніемъ, собственнымъ разумомъ и собственнымъ чувствомъ», а въ особенности противъ того мятежнаго духа, который не отказывается отъ права самозащиты и понялъ необходимость работать для себя и для своихъ товарищей по несчастью: «протестъ противъ врага долженъ существовать вѣчно» ¹⁾. Во всѣ времена существовали революціонеры, но почти всегда это были подавленные ничтою несчастливцы, не имѣвшіе достаточно силъ и слѣпо набрасывавшіеся на господъ. Но теперь передъ господами вырастаютъ ряды протестантовъ, знающихъ причину своей нищеты и выходъ изъ нея, «еретики», которые въ борьбѣ съ рутинной соединяютъ воедино свой разумъ, свои чувства, свои знанія для общаго дѣла,—«еретики», презирающіе тщеславіе власти и суетность богатства и стоящіе обыкновенно выше своихъ господъ не только по своему гордому взгляду на вещи, но зачастую и по моральнымъ качествамъ.

Поэтому всѣ чиновники и правящіе классы, получающіе свою долю изъ общаго бюджета, отказываются волей-неволей отъ горделиваго сознанія своего превосходства и встрѣчаютъ опасность лицомъ къ лицу: военный и священникъ, администраторъ и паразитъ, живущій эксплуа-

1) «Adversus hostem aeterna auctoritas esto». I. Morozzi, «Les Problèmes du paupérisme».

таціей трудящагося народа,—всѣ они объединяются, въ цѣляхъ общей выгоды, подъ предводительствомъ духовенства съ его душеспасительными

Независимое государство Конго. Царь Цаппо-Цабъ и высшіе сановники его двора.

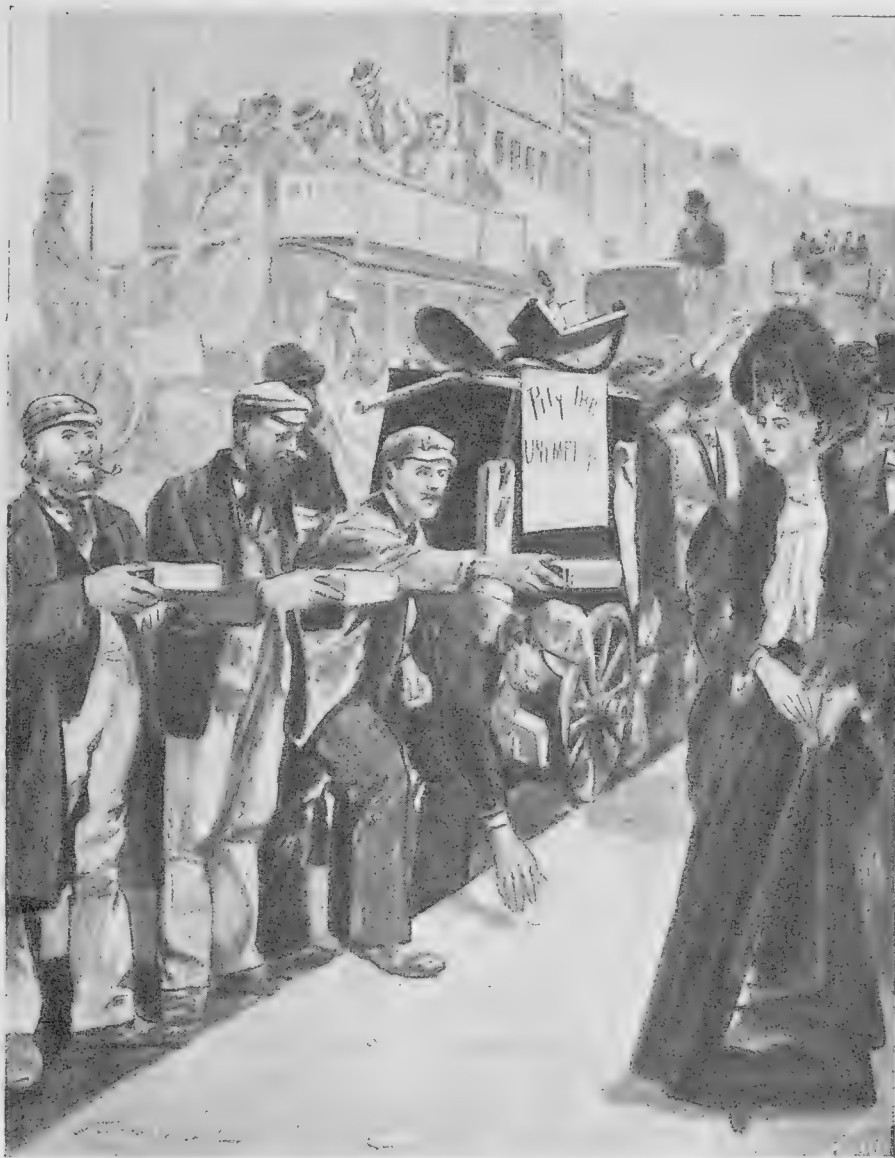
рѣчами и покладистой совѣстью, всегда одинаково готовой либо строго отдѣлать добро отъ зла, либо мудро смѣшать оба понятія между собой.

Съ обѣихъ сторонъ происходитъ одно и то же явленіе: умъ и воля группируются вокругъ двухъ противоположныхъ принциповъ: съ одной стороны, власть, получающая свою логическую санкцію отъ католицизма, преподаваемаго іезуитами; съ другой—свобода, указывающая каждому на его долгъ слѣдовать законамъ собственной совѣсти. Мало-по-малу, изъ среды безыдейныхъ, поработенныхъ людей выдѣляются элементы, стремящіеся къ одному изъ указанныхъ полюсовъ; среднія мнѣнія, стремящіяся согласовать оба крайнія, испаряются въ пылу разпогласія; они предлагаютъ только временныя формулы соглашенія. Въ политикѣ «лѣвыя» партіи распадаются, группы «прогрессистовъ», мало-по-малу, уклоняются въ сторону и сгущаются въ «центрѣ», центръ тяготеетъ къ «правой»—по мѣрѣ того, какъ народныя требованія становятся серьезнѣе и выражаются опредѣленнѣе.

Ни одно освободительное движеніе не пропадаетъ даромъ, хотя возставшіе зачастую не знаютъ другъ друга и даже не прекращаютъ своихъ недружелюбныхъ отношеній и вѣковыхъ раздоровъ. Отъ Англіи и Германіи до Франціи и Италіи встрѣчаются въ огромномъ количествѣ рабочіе, взаимно ненавидящіе другъ друга, что, однако, не препятствуетъ имъ помогать другъ другу въ ихъ общей борьбѣ съ капиталомъ—поработителемъ. Точно такъ же и среди женщинъ, стихійно ринувшихся въ ряды тѣхъ, кто требуетъ равноправія половъ, было вначалѣ много такихъ, которыя, въ качествѣ патриціанокъ или ученыхъ, были преисполнены священнаго ужаса, смѣшаннаго съ отвращеніемъ передъ рабочимъ въ поношенной и грязной одеждѣ. Однако, съ самаго зарожденія «феминизма» были мужественныя женщины, которыя шли къ проституткамъ, чтобы заодно съ ними поднять знамя протеста противъ отвратительнаго обращенія, которое тѣмъ приходится испытывать, противъ позорной несправедливости закона, который становится на сторону соблазнителя противъ жертвы. Подъ страхомъ оскорбленій и соприкосновенія съ самыми отвратительными элементами эти женщины дерзнули спуститься въ публичные дома и вступить въ союзъ со своими отверженными сестрами противъ постыдной несправедливости общества. А въ послѣдствіи грубыя насмѣшки, низкія оскорбленія, которыми было встрѣчено ихъ первое выступленіе, уступили мѣсто у многихъ насмѣшниковъ чувству глубокаго восхищенія. Это мужество совѣтъ иного рода, чѣмъ храбрость солдата, который, охваченный животнымъ изступленіемъ, сыплетъ ударами сабли или ружейными выстрѣлами.

Очевидно, всѣ требованія, предъявляемыя женщиной мужчиной, справедливы: требованія работницы, которой заплачено меньше, чѣмъ рабочему, за такой же трудъ; требованія жены, которой вмѣняется въ «преступленіе» то, что считается «грѣшкомъ» для мужа; требованія гражданки, которой воспрещенъ доступъ ко всякой сколько-нибудь за-

мѣтной общественной дѣятельности; которая повинуется законамъ, въ

Лондонъ. Безработные дѣлають сборъ и везуть по улицамъ свои инструменты.

составленіи которыхъ не принимала участія; которая платитъ налоги, на которые не давала своего согласія. Женщина имѣетъ полное право

упрекать мужчину, и ни одна изъ тѣхъ женщинъ, которая при случаѣ мститъ, не заслуживаетъ осужденія, такъ какъ главная вина мужнины—это его привилегіи. Но обыкновенно женщина не мститъ; наоборотъ, на конгрессахъ у нея вырывается наивный призывъ къ законодателямъ и правителямъ, и она ожидаетъ блага отъ ихъ рѣшеній или декретовъ. Пройдутъ года, и опытъ ей подскажетъ, что нельзя просить свободы какъ милостыни, а надо взять ее силою; кромѣ того, онъ укажетъ ей и на то, что ея дѣло тѣсно связано съ дѣломъ всѣхъ притѣсняемыхъ, кто бы они ни были; ей предстоитъ отнынѣ заниматься всѣми тѣми, съ которыми поступаютъ несправедливо, а не только несчастными женщинами, которыхъ нищета гонитъ продавать свое тѣло. И голоса всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ сольются въ одинъ общій могучій крикъ котораго нельзя будетъ не услышать.

Не слѣдуетъ обманываться: тѣмъ, которые ищутъ справедливости, не осталось бы ни малѣйшей возможности достигъ ея, ни малѣйшаго луча надежды, который поддержалъ бы ихъ въ несчастіи, если бы въ союзѣ всѣхъ враждебныхъ классовъ не происходило отпаденій, если бы онъ являлся такой же несокрушимой стѣной, какъ густой отрядъ пѣхоты. Но въ ихъ рядахъ сильныхъ міра замѣчаются постоянно перебѣжчики; одни безъ колебаній переходятъ въ лагерь революціонеровъ; другіе, которыхъ всегда можно встрѣтить то здѣсь, то тамъ, болѣе или менѣе приближаются по своему образу мыслей либо къ новаторамъ, либо къ консерваторамъ, но во всякомъ случаѣ они такъ далеко отошли отъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ, что на нихъ нельзя разсчитывать на полѣ битвы въ моментъ рѣшительнаго сраженія. Понятно послѣ этого, что, благодаря такой миграціи, организованныя сословія теряютъ одно за другимъ свои составные элементы. Изученіе событій и законовъ, которое при содѣйствіи современной науки проникаетъ въ ихъ ряды, быстрыя измѣненія въ социальномъ строѣ, новыя условія окружающей среды, потребность въ душевномъ равновѣсіи у людей, которыхъ привлекаетъ отысканіе истины путемъ логическаго мышленія,—все это создаетъ для юношества атмосферу, совершенно отличную отъ той, которая царитъ въ сложившемся вѣками организмѣ, эволюционирующемъ медленно и тяжело. Правда, приращеніе замѣчается и въ лагерѣ защитниковъ старинныхъ привилегій; эти новые рекруты вербуются среди тѣхъ, которые устали страдать за свои идеи и желаютъ, наконецъ, пріобщиться къ радостямъ и привилегіямъ міра сего, поѣсть всласть и пожить, въ свою очередь, паразитомъ. Но какова бы ни была личная цѣнность того или другого индивидуума, выбирающаго между идеаломъ и матеріальными благами, достовѣрно только то, что въ выигрышѣ при этомъ обмѣнѣ людьми остается атакующая революціонная армія, такъ какъ она получаетъ

людей пылкихъ, рѣшительныхъ, юношей, полныхъ смѣлости и твердой воли, тогда какъ въ лагерь старыхъ партій направляются побѣжденные въ жизни, приносящіе съ собой свое разочарованіе и малодушіе.

Государство, а также отдѣльныя составляющія его части имѣютъ тотъ крупный недостатокъ, что они функционируютъ при помощи столь громоздкаго и неповоротливаго механизма, что имъ трудно регулировать свое движеніе и приспособляться къ новымъ порядкамъ. Чиновничество не только не способствуетъ экономической работѣ общества, но вдвойнѣ вредитъ ей: во-первыхъ, тѣмъ, что всячески стѣсняетъ личную инициативу и даже убиваетъ ее въ зародкѣ, а затѣмъ тормозитъ, задерживаетъ и приостанавливаетъ порученныя ему работы. Въ административной машинѣ колеса расположены какъ-разъ въ обратномъ порядкѣ по сравненію съ машиной въ промышленности. Въ этой послѣдней стремятся къ тому, чтобы, по возможности, уменьшить количество ненужныхъ составныхъ частей и достичь максимума результатовъ при помощи возможно простаго механизма; въ административной же іерархіи, наоборотъ, изощряются въ томъ, чтобы увеличить количество начальниковъ и подчиненныхъ, директоровъ, контролеровъ и инспекторовъ; усложняютъ дѣло такъ, что плодотворная работа становится невозможной. И вотъ, лишь только является дѣло, выходящее изъ предѣловъ обыкновенной рутинны, какъ администрація приходитъ въ смущеніе, подобное тому, какое вызвалъ бы въ лягушачьемъ царствѣ упавшій въ воду камень. Все служитъ поводомъ къ задержкѣ или отсрочкѣ. Одинъ медлитъ съ подписью, потому что завидуетъ своему сопернику, который можетъ извлечь изъ даннаго дѣла пользу; другой—потому, что это можетъ не понравиться его начальнику; третій отказывается высказать свое мнѣніе, чтобы придать себѣ больше важности, а слѣдомъ за этими идутъ уже равнодушные и лѣнныя чиновники. Ограниченность, время, всевозможныя случайности и недоразумѣнія,—все это выставляется какъ оправданіе нерадѣнія, и дѣла, въ концѣ концовъ, исчезаютъ подъ слоемъ пыли въ конторкахъ бездѣятельныхъ и лѣнныхъ высшихъ чиновниковъ. Ненужныя формальности и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, физическая невозможность доставить всѣ необходимыя подписи, являются причиной задержки въ дѣлахъ, которыя потомъ затериваются подобно тюку, оставленному на улицѣ большого города.

Иногда нельзя выполнить работы животрепещущей важности, такъ какъ инертность канцеляріи непреоборима. Такой примѣръ даетъ намъ островъ Ре (возлѣ Ла-Рошелли), надъ которымъ постоянно виситъ опасность быть разорваннымъ бурей на двѣ части. Со стороны Атлантическаго океана онъ уже потерялъ полосу земли шириной, доходящей въ иныхъ мѣстахъ до нѣсколькихъ километровъ; здѣсь остался только

узкій перешеекъ, шириной менѣе чѣмъ въ нѣсколько сотъ метровъ, и потому море больше всегоу грожаетъ данному мѣсту; дюны, окружающія кольцомъ островъ и составляющія какъ бы его остовъ, представляютъ весьма слабую защиту, и можно предвидѣть, что какъ-нибудь во время прилива при равноденствіи поднимется сильный западный вѣтеръ и направитъ волны черезъ песчаный перешеекъ, такъ что на мѣстѣ бывшихъ болотъ и полей откроется проливъ. Всѣ сходятся на томъ, что постройка мощной плотины въ слабомъ пунктѣ острова является животрепещущимъ вопросомъ; но когда-то здѣсь былъ построенъ небольшой фортъ, — сооруженіе, не представляющее никакой цѣнности и предоставленное теперь въ распоряженіе летучихъ мышей; въ немъ нѣтъ ни одного человѣка гарнизона; но, какъ бы то ни было, онъ находится въ вѣдѣніи военно-инженернаго вѣдомства, и потому, какія бы то ни было работы, руководимыя гражданскими властями, естественно, не могутъ имѣть мѣста поблизости отъ него: эта часть острова обречена на гибель. Недалеко отъ указаннаго мѣста воды залива прорвались въ соляныя болота и превратили ихъ въ узкій неглубокій заливъ. Было бы нетрудно возстановить эти «Утраченныя болота», и прибрежные жители выработали даже соответствующій проектъ; но нахлынувшее море сдѣлало данную мѣстность національнымъ имуществомъ, и рядъ формальностей, которыя повлекли бы за собою работы по укрѣпленію почвы, такъ безконечно длинны, что предпріятіе становится невыполнимымъ. Утраченная земля едва ли будетъ возстановлена; развѣ только революція уничтожитъ когда-нибудь всякое вредное вмѣшательство индифферентнаго и невѣжественнаго государства и предоставитъ заинтересованнымъ свободу самимъ блюсти и удовлетворять свои нужды.

Маленькіе чиновники проявляютъ въ извѣстномъ смыслѣ свою власть въ еще болѣе абсолютныхъ формахъ, чѣмъ лица, занимающія видныя должности. Послѣднія, по самому положенію своему, вынуждены поддерживать извѣстный декорумъ: имъ приходится считаться съ тѣмъ, что считается «принятымъ въ свѣтъ», сдерживать свою заносчивость, чего иногда бываетъ достаточно для того, чтобы умѣрить ихъ гнѣвъ и успокоить ихъ. Съ другой стороны, грубости, промахи или преступленія, которые совершаютъ крупные бюрократы, приковываютъ всеобщее вниманіе; общественное мнѣніе заинтересовывается ихъ дѣйствіями и об-суждаетъ ихъ съ увлеченіемъ; нерѣдко они рискуютъ даже пасть, благодаря вмѣшательству общественныхъ учрежденій, и увлечь въ своемъ паденіи свое высшее начальство. Но маленькому чиновнику нечего бояться подобной отвѣтственности, когда могущественный начальникъ прикрываетъ его своимъ щитомъ. Тогда вся высшая администрація, вплоть до министра, до монарха, готова ручаться за его безупречное поведеніе. Грубіянтъ

можетъ тогда свободно во всю ширь развернуть свою грубость, насильникъ—драться, сколько его душѣ угодно, жестокой—забавляться длительными истязаніями ближняго. Какимъ адомъ должна стать жизнь для того, кто имѣлъ несчастье навлечь на себя гнѣвъ и ненависть унтеръ-офицера инструктора, тюремнаго надзирателя или смотрителя каторги! На сторонѣ мучителя законъ, предписанія, традиціи, благоволеніе начальства, и тиранъ возносится въ одно и то же время судьей, свидѣлемъ и палачемъ! Давая просторъ своему гнѣву, онъ всегда склоненъ

Берегъ острова Ре, вблизи Китовой косы и «Утраченныхъ болотъ».

думать, что заставилъ уважать достоинство непреложной справедливости. Если же злой рокъ сдѣлаетъ его сатрапомъ въ какой-нибудь отдаленной колоніи, то кто посмѣетъ противиться его капризамъ? Онъ возносится до недостигаемой высоты царей и боговъ.

Спесь какого-нибудь бюрократа, который, сидя за спиной важнаго сановника, можетъ себѣ позволить грубое обращеніе съ кѣмъ угодно; «остроуміе» судьи, которое онъ изощряетъ надъ подсудимымъ, которому онъ вынесетъ обвинительный приговоръ; грубость полицейскаго агента, который разсѣиваетъ толпу или «задаетъ встрепку» манифестантамъ; наконецъ, тысячи другихъ дерзкихъ пріемовъ властей,—вотъ что поддерживаетъ враждебность между правителями и управляемыми. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти случаи повседневной жизни прикрываются не закономъ, но цѣлымъ ворохомъ декретовъ, министерскихъ циркуляровъ, коммунікацій, правилъ, постановленій префектовъ и т. п.

Законъ можетъ быть суровымъ, даже несправедливымъ,—рабочій лишь въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣтитъ его на своемъ пути; въ иномъ случаѣ онъ можетъ даже прожить всю свою жизнь и не подозрѣвать, что онъ подчиненъ такому-то закону, не знать даже, что онъ платитъ такой-то налогъ; но при каждомъ проявленіи своей дѣятельности онъ сталкивается съ постановленіями, изданными чиновниками, которые пользуются безотвѣтственностью, но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ члены парламента; отъ этихъ постановленій нельзя уйти: они ежеминутно напоминаютъ индивиду объ опеѣ, которую накладываетъ на него государство.

Численность чиновниковъ, крупныхъ и мелкихъ, естественно, должна значительно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ растутъ ресурсы бюджета, по мѣрѣ того, какъ фискаль умудряется изыскивать новые способы извлечь побольше доходовъ изъ предметовъ, «подлежащихъ обложенію»; но сильное вліяніе на увеличеніе числа разныхъ приставовъ и чиновниковъ оказываетъ преимущественно то явленіе, которое принято называть «демократизаціей», иначе говоря,—участіе толпы въ прерогативахъ власти. Каждый гражданинъ хочетъ имѣть свою долю участія, и главное занятіе тѣхъ людей, которые уже вступили официально въ исправленіе своихъ функцій, состоитъ въ томъ, чтобы сортировать, изучать и дѣлать помѣтки на прошеніяхъ тѣхъ, которые также жаждутъ получить мѣсто. Вѣдь оплачивала же казна—а, быть-можетъ, оплачиваетъ еще и нынѣ—должность инспектора лѣсовъ острова Уссана, на которомъ имѣется всего-на-всего восемь деревьевъ: пять въ саду священника и три на кладбищѣ!

Давленіе, которое оказываютъ на правительство толпы ищущихъ мѣстъ, настолько велико, что приобрѣтеніе отдаленныхъ колоній въ значительной мѣрѣ вызывается заботой о томъ, чтобы раздать побольше должностей. Что представляетъ собою въ нѣкоторыхъ странахъ такъ называемая колонизація, можно судить хотя бы по слѣдующему факту, наблюдаемому въ Алжирѣ: число французовъ, живущихъ въ предѣлахъ американской территоріи, было въ 1896 году нѣсколько выше 260000 человѣкъ; на это количество приходилось болѣе 51000 разнаго рода чиновниковъ, что составляетъ приблизительно одну пятую часть общаго числа колонистовъ ¹⁾; въ приведенную сумму не вошли еще 50000 военныхъ. Этотъ фактъ напоминаетъ приписку, сдѣланную на картѣ противъ «города» Ушуи, самаго южнаго поселенія Америки и всего міра: «шестьдесятъ восемь жителей, всѣ—чиновники»!

Франція, взятая какъ примѣръ такой «демократизаціи» государства, управляется въ общей сложности около 600000 лицами, участни-

1) Louis Vignon, «La France en Algérie».

ками государственной власти; но если прибавить къ чиновникамъ, въ собственномъ смыслѣ слова, также тѣхъ, которые считаютъ себя таковыми, и которые дѣйствительно въ извѣстномъ мѣстѣ и на извѣстное время пользуются властью; если прибавить также тѣхъ людей, которые выдѣляются изъ общей массы народа особыми титулами или отличительными знаками своего достоинства, какъ, напримѣръ, полевые стражники, городскіе барабанщики, глашатаи, не считая даже тѣхъ, кто обладаетъ орденами и медалями, то оказывается, что общее число чиновниковъ значительно превосходитъ число солдатъ. Взятые въ цѣломъ, чиновники являются даже значительно болѣе энергичной опорой правительства, которое имъ платитъ, нежели послѣдніе; въ то время какъ солдатъ повинуются полученнымъ приказаніямъ изъ страха, у чиновника къ моменту послушанія прибавляется еще моментъ убѣжденія: являясь самъ частью правительства, онъ сосредоточиваетъ на немъ свой умъ, весь свой образъ мысли, все свое честолюбіе. Въ своемъ лицѣ онъ представляетъ государство. Кромѣ того, огромная армія чиновниковъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, имѣетъ въ резервѣ другую армію, еще болѣе многочисленную: всевозможныхъ кандидатовъ на должности, соискателей, попрошайекъ, родственниковъ, кузеновъ и друзей. Подобно тому, какъ богатые опираются на обширную массу бѣдныхъ и голодныхъ, сходныхъ съ первыми по своимъ аппетитамъ и жаднѣ наживы, такъ же точно толпа, которую всевозможные чиновники подавляютъ, обижаютъ, всячески третируютъ, сама косвенно поддерживаетъ государство, такъ какъ она состоитъ изъ людей, помогающихъ должностей.

Естественно, что это безконечное распыленіе власти, эта раздробленность по мелкимъ должностямъ, приносящимъ невысокія почести и скудное вознагражденіе вплоть до смѣнныхъ окладовъ жалованья, вплоть до одного только чаянія будущихъ благъ,—этотъ размѣръ власти на мелочь имѣетъ два послѣдствія взаимно противоположнаго характера. Съ одной стороны, распространяется, дѣлается даже всеобщимъ честолюбивое желаніе править: участіе въ управленіи общественными дѣлами становится нормальнымъ стремленіемъ обыкновеннаго гражданина. Милліоны людей стоятъ за сохраненіе государства, которое является для нихъ чѣмъ-то своимъ, ихъ достояніемъ, ихъ дѣломъ; и на ряду съ этимъ все растущій долгъ правительства, распредѣленный во многихъ тысячахъ процентныхъ бумагъ, находитъ столько же защитниковъ, сколько и кредиторовъ, которые каждое полугодіе или каждую треть предъявляютъ къ уплатѣ свои купоны. Съ другой стороны, государство, расчлененное на безчисленное множество составныхъ частей, осыпающее своими милостями ту или иную личность, которую всѣ знаютъ, и въ которой нѣтъ ничего особеннаго, за что слѣдовало бы ею восхищаться или бояться

ея, которая скорѣе достойна даже презрѣнія,—это банальное государство, слишкомъ хорошо извѣстное, перестаетъ уже властвовать надъ массами обаяніемъ своего грознаго величія, которымъ обладали нѣкогда народныя властители, почти всегда невидимые и показывавшіеся публикѣ не иначе, какъ окруженные сонмомъ судей, гайдуковъ и палачей. Государство не только не внушаетъ уже больше таинственнаго и священнаго трепета, оно вызываетъ даже смѣхъ и пренебреженіе; будущимъ историкамъ придется изучать общественное настроеніе историческаго

Державы въ Китаѣ, рисунокъ Штейнлена.

періода, начинающагося со второй половины девятнадцатаго столѣтія, по сатирическимъ журналамъ, въ особенности по превосходнымъ карикатурамъ, которыя представляютъ въ высшей степени замѣчательную форму современнаго искусства. Государство гибнетъ; оно уничтожаетъ себя самымъ фактомъ своего разсѣянія; съ того момента, какъ оно становится достояніемъ всѣхъ, оно перестаетъ фактически существовать: оно представляетъ лишь тѣнь самого себя.

Такимъ образомъ разрушаются государственныя учрежденія, которыя по вѣшнему виду торжествуютъ. Государство всюду пустило свои развѣтвленія; но на ряду съ этимъ повсюду обнаруживается другая, противоположная сила, которой въ прежнее время не придавалось никакой цѣнности, которая сама себя не знала; но она непрерывно растетъ и отнынѣ сознаетъ величіе того дѣла, которое ей предстоитъ совершить.

Эта сила—свобода человеческой личности; она самостоятельно зародилась и существовала у многих первобытных народов, впоследствии

Выскачка, рис. Ж. Форэна.

— Да, дѣти мои, лишая себя ежедневно кофе, я сдѣлался собственникомъ.

была провозглашена философами и явилась центральнымъ требованіемъ, поддержаннымъ болѣе или менѣе сознательно, съ большей или

меньшей энергіей безчисленными революціонерами. Въ наши дни ряды борцовъ за лучшее будущее растутъ; ихъ пропаганда принимаетъ иной характеръ, чѣмъ прежде, менѣе страстный, но зато болѣе обоснованный научно; они вступаютъ въ борьбу болѣе убѣжденные, болѣе увѣренные въ своихъ силахъ и находятъ въ условіяхъ окружающей среды болѣе легкія средства избѣжать мести государства, готоваго наложить на нихъ руку. Вотъ великая революція, которая готовится и частью даже уже совершается у насъ на глазахъ. Въ жизнь общественнаго организма, расщепленнаго на отдѣльныя націи, обособленныя другъ отъ друга границами, подъ властью лицъ или классовъ, которые считаютъ себя выше другихъ людей, вторгается новая струя, на смѣну ея выступаетъ все болѣе и болѣе опредѣленнымъ и рѣшительнымъ шагомъ иной видъ всеобщей эволюціи, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ свободно выраженной воли человѣка, который объединяется съ себѣ подобными для опредѣленнаго общаго дѣла, не заботясь о перегородкахъ между классами и странами. Каждое реальное дѣло, которое осуществляется такимъ образомъ, безъ помощи оффиціальныхъ начальниковъ, внѣ государства, тяжелый механизмъ котораго и устарѣлые приемы не могутъ приспособиться къ естественному теченію жизни,—каждый такой фактъ даетъ примѣръ, который можетъ быть утилизированъ для болѣе широкихъ предпріятій, и бывшіе подданные, сдѣлавшіеся сочленами свободнаго союза, группируются совершенно независимо, согласно своимъ личнымъ симпатіямъ, сообразно своему отношенію къ климату, который ихъ окружаетъ, почвѣ, которая ихъ носитъ, люди научаются обходиться безъ помочей, на которыхъ ихъ такъ плохо водили, и которыя находились иногда въ рукахъ субъектовъ, выжившихъ изъ ума, и дегенератовъ. Путемъ проявленія человѣческой дѣятельности въ различныхъ отрасляхъ труда—въ земледѣліи, промышленности, торговлѣ, наукѣ, учебномъ дѣлѣ, въ области открытій и изобрѣтеній, подчиненные шагъ за шагомъ достигаютъ своего освобожденія, добиваются въ полной мѣрѣ обладанія личной инициативой, безъ которой никогда не совершался никакой прогрессъ.

КУЛЬТУРА И СОБСТВЕННОСТЬ

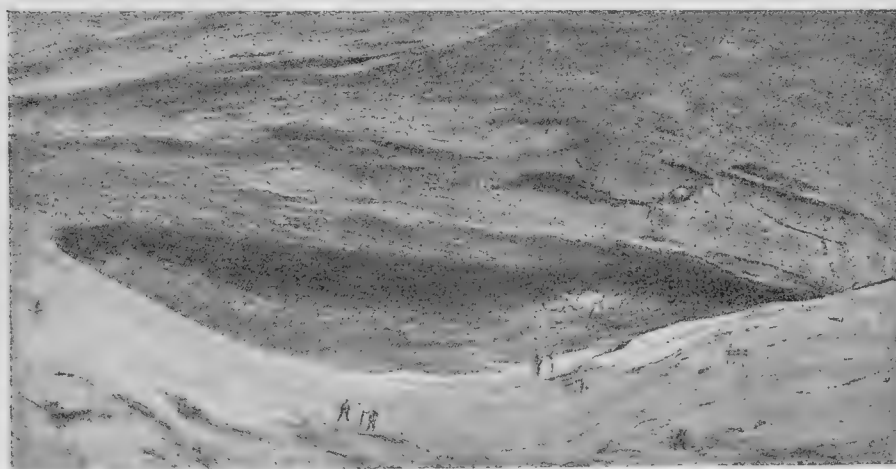
Власть императоровъ и царей ограничена, тогда какъ власть богатства безпредѣльна.

Глава восьмая.

ДОСТОЯНІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА ВЪ ОБЛАСТИ ФАУНЫ И ФЛОРЫ.—ОДОМАШНЕНИЕ. — НАЦІОНАЛЬНЫЕ ПАРКИ И ЗАПОВѢДНЫЯ ТЕРРИТОРІИ. — ПРИРУЧЕННЫЕ ВИДЫ. — ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.—КРУПНАЯ И МЕЛКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.—ЗЕМЛИ ДАРОВАННЫЯ И ОТДАННЫЯ ВЪ ЛЕННОЕ ВЛАДѢНІЕ. — ФЕРМЕРСТВО И АРЕНДНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ.—ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МЕЛІОРАЦІИ. — ЗЕМЛЯ И ФИНАНСЫ. — ОБЩАЯ КАРТИНА ПРОИЗВОДСТВА. — ХАОСЪ И НИЩЕТА.

Сумма природныхъ благъ, которыя составляютъ достояніе человѣчества, его сады и воздѣланныя поля, его стада въ степяхъ и на горныхъ выгонахъ, наконецъ, его домашнія животныя,—сумма этихъ культурныхъ приобретений, говоря вообще, возросла пропорціонально числу пользующихся этими благами; однако, въ смыслѣ изысканія новыхъ средствъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей, завоеванія

человѣка, со временъ доисторическихъ, повидимому, не особенно значительны. Въ самыя отдаленныя времена, до которыхъ восходятъ свѣдѣтельства исторіи, открытія первостепенной важности были уже сдѣланы: человѣкъ растиралъ зерно и мѣсилъ тѣсто, которое претворялось въ жизненные соки его тѣла; у него были также друзья, союзники, слуги среди животныхъ; міръ первобытнаго человѣка чрезвычайно расширился, какъ только онъ подчинилъ себѣ живыя существа изъ царства животныхъ и растеній. Если мы обратимся даже къ тѣмъ геологическимъ эпохамъ, которыя предшествовали современной и отличались иной фау-

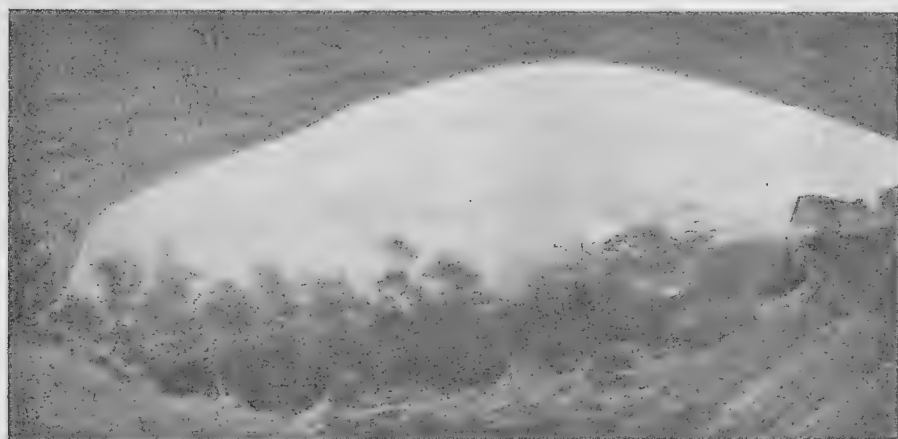
Большая пещера Ультима Сперанца.

ной, то и тамъ мы найдемъ слѣды ассоціаціи человѣка, добровольной ли, насильственной или достигнутой хитростью, съ другими животными. Открытія, сдѣланныя въ одной изъ пещеръ, по сосѣдству съ бухтой Ultima Speranza, лежащей въ Магеллановомъ архипелагѣ, не оставляютъ въ данномъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Несомнѣнно, что до начала послѣдней ледниковой эпохи троглодиты Южной Америки обладали уже домашними животными, а именно *Grypotherium domesticum*; это было тяжеловѣсное неполнозубое, которое уже давно перестало существовать; большія кучи навоза, около 2 метровъ въ поперечникѣ, покрывали площадь приблизительно въ 2600 квадратныхъ метровъ въ пещерѣ, гдѣ эти животныя жили вмѣстѣ съ людьми, что доказываетъ, что человѣкъ разводилъ цѣлыя стада *Grypotherium* ¹⁾.

Развитіе взаимоотношеній человѣка съ другими живыми существами испытало, какъ и всякая другая эволюція, нѣкоторое движеніе

1) R. Hanthal, «Revista del Museo de la Plata», tome IX, pp. 409 ss.

назадъ. Развитіе культуры шло отнюдь не равномернымъ, непрерывнымъ ходомъ впередъ; въ различныя эпохи ростъ культурныхъ благъ, напротивъ, задерживался, падалъ. Что касается прирученія животныхъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что человѣчество въ этомъ отношеніи регрессируетъ. Немало было истреблено такихъ породъ животныхъ, которыя могли бы стать цѣнными помощниками человѣка; немало и такихъ, которыя оживляли и украшали поверхность нашей планеты; теперь мы имѣемъ понятіе объ этихъ породахъ только по рѣдкимъ экземплярамъ, хранящимся въ витринахъ нашихъ зоологическихъ коллекцій, по опи-

Цѣль Андозъ. Видъ грота Ультима Сперанца.

саніямъ и рисункамъ, при помощи которыхъ проникательные естествоиспытатели воскрешаютъ передъ нами исчезнувшую фауну. Другимъ породамъ, какъ, на примѣръ, кенгуру, серьезно грозитъ гибель, и если онѣ исчезнутъ съ лица земли, потеря будетъ непоправимой. Съ другой стороны, мы знаемъ такихъ животныхъ, которыя нѣкогда были приручены, теперь же снова одичали. Такъ, на примѣръ, археологамъ удалось съ несомнѣнностью установить, что египтяне «Древняго Царства» имѣли въ своихъ стадахъ домашнихъ животныхъ три вида антилопъ, а именно: саблерогую антилопу (сернобыкъ нубійскій, *Oryx leucorhynchus*), газель въ собственномъ смыслѣ слова (*Gazella dorcas*) и видъ *A. ellipsiprymna*; кромѣ того, на одномъ барельефѣ, приведенномъ Лепсіусомъ въ его «Denkmäler», изображенъ среди домашнихъ животныхъ четвертый видъ антилопъ, пигарга (*Damalis senegalensis*), который отличается своими рогами, напоминающими лиру. Одинъ видъ козороговъ — бедень (*Capra sinaitica*), который и теперь еще часто встрѣчается въ дикомъ со-

стояніи между Ниломъ и Краснымъ моремъ, а также въ окрестностяхъ Синай, также былъ нѣкогда прирученъ ¹⁾. Но во времена «Средняго Царства» единственнымъ прирученнымъ видомъ антилопъ являлась уже саблерогая антилопа или алгазель, а послѣ вторженія гиксовъ всѣ указанныя выше животныя, которыхъ среди всѣхъ людей одни только египтяне сумѣли приручить, возвратились въ дикое состояніе.

Вмѣстѣ съ различными породами собакъ, которыхъ держали у себя и воспитывали египтяне, они сумѣли приручить два вида животныхъ, близкихъ къ гіенѣ, въ коихъ Гартманъ призналъ гіеновую собаку (*Lycan pictus*) ²⁾, которая и теперь еще живетъ въ Абиссиніи; теперь этой породой нигдѣ уже не пользуются для охоты, несмотря на то, что она отлично умѣетъ гнать стаей дичь и преслѣдовать ее даже среди бѣла дня. Египтянамъ не стоило большого труда использовать этотъ замѣчательный инстинктъ, такъ какъ гіеновая собака плодится въ состояніи одомашненія вполне нормально. Что же касается охотничьяго леопарда или гепарда (*Cynailurus guttatus*), котораго египетскіе охотники держали у себя на псарняхъ, то онъ и теперь еще служитъ алжирскимъ бени-мзабитамъ, помогая имъ преслѣдовать антилопъ. На другой оконечности материка, въ лѣсахъ Южной Америки благодаря близорукости колонистовъ голландскаго, французскаго и британскаго происхожденія, было истреблено на протяженіи какихъ-нибудь двухъ вѣковъ, пожалуй, еще большее число видовъ животныхъ, нежели человѣкъ когда-либо сумѣлъ приручить. Во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія два вида великолѣпныхъ животныхъ исчезли совершенно: это — антилопа пала (*blaubok*) и квагга. Последнюю не трудно было бы сохранить, такъ какъ ее удавалось быстро приручить, если животное было поймано молодымъ; квагги скрещиваются съ кобылой и не подвержены опасной заразѣ, передатчикомъ которой является муха цеце. Кваггъ можно было бы теперь насчитывать милліонами, если бы своевременно были сдѣланы попытки къ прирученію этихъ животныхъ, а между тѣмъ въ настоящее время отъ нихъ остались только скелеты и чучела, разбѣянные въ какой-нибудь дюжинѣ музеевъ ³⁾.

Слонъ, который двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ составлялъ въ Африкѣ гордость и славу торжественныхъ процессій, какъ это еще имѣетъ мѣсто и въ наши дни въ Индіи, не такъ давно снова одичалъ на черномъ континентѣ. Въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія среди африканскихъ представителей слоновъ не было уже ни одного прирученнаго животнаго: порода всецѣло перешла въ состояніе первобытной дикости;

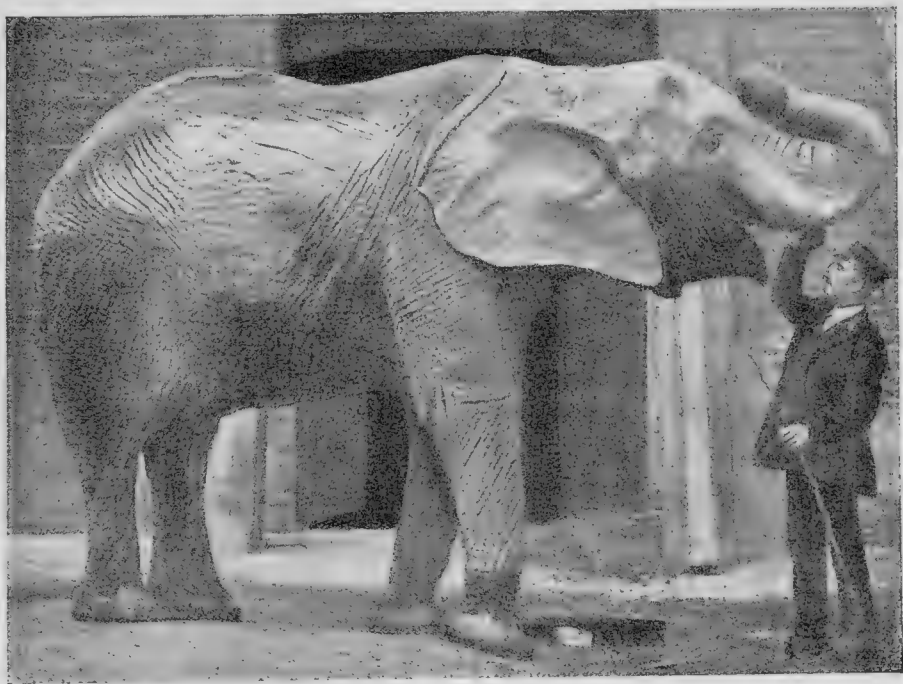
1) Fr. Lenormant, «Les Premières Civilisations». — 2) Dümichen; Hartmann, «Resultate der archäologisch-photographischen Expedition». — 3) Graham Renshaw, «Zoologist», цитировано по «Revue Scientifique», 30 марта 1901 г.

но и то, что осталось отъ расы, находилось подъ угрозой истребленія въ недалекомъ будущемъ. Вычислено, что количество добываемой въ Африкѣ слоновой кости составляетъ 800000 килограммовъ въ годъ. Лишь незначительная доля указаннаго количества цѣннаго продукта получается изъ такъ называемой «мертвой слоновой кости», т.-е. такой, которая берется отъ труповъ, находимыхъ въ лѣсахъ; все же остальное количество составляетъ изъ «живой слоновой кости» 1). Такимъ образомъ, если принять, что въ среднемъ каждый экземпляръ даетъ по 15 килограммовъ кости, окажется, что охотники убиваютъ, по крайней мѣрѣ, 40000 слоновъ въ годъ; при этомъ не приняты еще въ расчетъ тѣ животныя, которыя, получивъ рану, ускользаютъ изъ рукъ охотниковъ и умираютъ гдѣ-нибудь въ чащѣ лѣса 2). А между тѣмъ живой слонъ могъ бы представить, благодаря своей силѣ и уму, несравненно болѣе высокую цѣнность, нежели мертвый. Въмѣсто этихъ истребительныхъ охотъ, можно было бы безъ труда приручить это гигантское животное подобно тому, какъ это дѣлали нѣкогда египцы, эти «самые мудрые изъ людей»; можно было бы обратить слоновъ въ слугъ, болѣе того,—въ цѣнныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ обработки африканской почвы. Рассказы историковъ и изображенія на монетахъ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что ручные слоны арміи Ганнибала принадлежали дѣйствительно къ тому виду, который бродитъ теперь въ принильскихъ лѣсахъ. Характерными признаками этого вида являются значительная величина ушей и форма лба. Но война погубила дѣло прирученія слоновъ, и теперь, во время мира, на долю дрессировщиковъ выпадаетъ великая обязанность—терпѣніемъ и мягкостью вернуть утраченное; дѣйствительно, одно изъ самыхъ почетныхъ завоеваній человѣка состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ воспитать и поднять нѣкоторыхъ животныхъ до уровня, достойнаго общества болѣе высокаго порядка, которое понимаетъ и цѣнитъ красоту. Вѣдь сталъ же слонъ символомъ Ганеша, т.-е. бога Мудрости, и только благодаря человѣку, который сдѣлалъ изъ него своего товарища! То же можно сказать про животныхъ, также обоготворяемыхъ, какъ, напримѣръ, о собакахъ, о кошкахъ, которыя, сохраняя—въ особенности кошка—нѣкоторую независимость и оригинальность характера, несомнѣнно, «гуманизировались», чтобы принимать участіе въ жизни Homo sapiens, понимая его взглядъ, улавливая и раздѣляя его желанія, его чувства и страсти.

Дѣло вторичнаго овладѣнія африканскимъ слономъ съ точки зрѣнія эконолической и моральной совершается, правда, медленно, но все же совершается. Неудачный опытъ, произведенный въ 1879 году, аккли-

1) Количество слоновой кости, появившейся на трехъ крупныхъ рынкахъ—въ Лондонѣ, Ливерпульѣ и Антверпенѣ, равнялось въ 1895 году 674550 килограммъ. - 2) «Revue Scientifique», 21 sept. 1895.

матизаціи четырехъ индійскихъ слоновъ на берегахъ Танганайки отбилъ сначала охоту отъ дальнѣйшихъ попытокъ; но съ тѣхъ поръ Бурдари и другіе путешественники констатировали немало случаевъ, гдѣ такіе попытки увѣнчивались успѣхомъ. Во французскомъ Конго, на берегахъ Фернандо Вазъ, слонъ Фрицъ, воспитанный чернокожими, прекрасно выдрессированъ и употребляется для переноски тяжестей

Африканскій слонъ въ зоологическомъ саду въ Лондонѣ.

въ 350 килограммовъ; онъ свободно перетаскиваетъ стволы деревьевъ вѣсомъ въ полъ тонны 1). Въ Яумде, въ Камерунѣ, нѣмецъ Лоттнеръ приучилъ ручныхъ слоновъ слѣдовать за нимъ по пятамъ; при этомъ животныя относятся къ нему такъ же дружелюбно, какъ собаки. Лоттнеръ констатировалъ въ данномъ округѣ существованіе двухъ различныхъ разновидностей: одна изъ нихъ отличается свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и заостреннымъ черепомъ, другая—болѣе темнымъ цвѣтомъ и широкой головою; представители послѣдней разновидности болѣе дики и требуютъ больше терпѣнія со стороны дрессировщика.

Страусу, самой крупной птицѣ, угрожаетъ въ Африкѣ полное исчезновеніе въ качествѣ домашняго животнаго; онъ встрѣчался только

1) «Globus», 1 сент. 1900, стр. 132.

кое-гдѣ у суданскихъ негровъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ Триполи и,

Индійскій слонъ въ лондонскомъ зоологическомъ саду.

главнымъ образомъ, въ окрестностяхъ озера Чадъ, до грабежей, имѣвшихъ мѣсто во время недавнихъ войнъ. Великолѣпная птица была спасена отъ

пострѣленія ¹⁾ только благодаря жителямъ мыса Доброй Надежды, которые поняли, насколько велики матеріальныя выгоды, которыя сулитъ одомашненіе страуса, въ сравненіи съ тѣми, которыя даетъ безпощадная охота на нихъ. Подобнаго же рода попытки въ степяхъ южной Россіи увѣнчались успѣхомъ, несмотря на жестокую зимнюю стужу, тогда какъ одомашненіе страуса на слишкомъ сыромъ побережьи Алжирѣ, въ слишкомъ тѣсныхъ загонахъ, съ точки зрѣнія промышленной не дало до сихъ поръ плодотворныхъ результатовъ. Дикіе страусы, пострѣленные генераломъ Маргериттомъ и его товарищами по охотѣ, бѣгали нѣкогда по обширной поверхности плоскогорій; въ этихъ-то привольныхъ мѣстахъ, занимающихъ необозримыя пространства, можно было бы, при наличности серьезнаго желанія и планомѣрной настойчивости, снова развести алжирскую породу страусовъ.

Что же сказать о самыхъ красивыхъ породахъ птицъ, лофофорахъ, и великолѣпныхъ фантастичныхъ «лирохвостахъ», которыя, по широко распространенному нѣкогда представленію, могутъ будто бы жить только подъ ласкающимъ дуновеніемъ нѣжнаго вѣтра, направляя свой полетъ подъ яркими лучами солнца къ «раю»? Эти несравненные по красотѣ птицы могли развиваться только въ Индонезіи, благодаря отсутствію тамъ крупныхъ хищниковъ; но человѣкъ, этотъ хищникъ по преимуществу, съ лихвой замѣнилъ тигровъ и лисицъ. Мода на дамскія шляпы, украшенныя птичьими перьями и хохолками, которая воцарилась въ послѣднія десятилѣтія девятнадцатаго столѣтія, и которую демократическіе нравы распространили даже на головные уборы нищенковъ, повлекла за собою возникновеніе особаго вида коммивольжеровъ-охотниковъ, которые разъѣзжаютъ по всему свѣту и убиваютъ самыхъ красивыхъ птицъ, чтобы овладѣть ихъ перьями; торговые дома начинаютъ конкурировать другъ съ другомъ, стараясь привлечь на свою службу наиболѣе искусныхъ специалистовъ этого пагубнаго промысла, который направленъ противъ всего, что есть наиболѣе красиваго въ царствѣ пернатыхъ, какъ, на примѣръ, фламинго, цапли, даже противъ ласточекъ, къ которымъ относились съ почтеніемъ изъ вѣка въ вѣкъ.

Въ наше время исчезаетъ сѣверо-американскій фламинго. Съ давнихъ поръ полагали, что отдѣльные экземпляры этихъ птицъ, которые попадались то здѣсь, то тамъ, принадлежать къ какой-нибудь колоніи, живущей гдѣ-нибудь въ архипелагѣ Багамскихъ острововъ. Натуралистъ Франкъ Чапманъ предпринялъ поиски этой колоніи и, дѣйствительно, въ концѣ концовъ, нашелъ ее въ маѣ 1894 г. Соблюдая величайшія предосторожности, ему удалось наблюдать на свободѣ этихъ

1) Huart, «Géographie», 15 mars 1901.

великолѣпныхъ пернатыхъ, наиболѣе крупныхъ среди всѣхъ птицъ съ яркимъ опереніемъ; не возбуждая ихъ тревоги, Чапманъ сумѣлъ произвести наблюденія надъ правами этихъ животныхъ и снять многочисленныя фотографіи. Но если ученый изслѣдователь сумѣлъ уберечься отъ глазъ птицъ, то ему не удалось помѣшать другимъ людямъ пойти по его слѣдамъ, и черезъ какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ послѣ науч-

Бобръ въ лондонскомъ зоологическомъ саду.

ной экспедиціи Чапмана, фламинго почти всѣ погибли подъ безжалостными выстрѣлами алчныхъ охотниковъ ¹⁾.

Охота на хохлатыхъ пернатыхъ изъ-за ихъ плюмажа явилась въ значительно большей степени, чѣмъ погоня за золотыми рипсками, причиной дипломатическихъ конфликтовъ, разыгравшихся въ концѣ девятнадцатаго столѣтія между Великобританіей, Венесуэлой и Бразиліей. Говорились торжественныя слова о правахъ людей, объ историческихъ

1) «Century Magazine». «National geographical Magazine». Jan. 1905.

прецедентахъ и о международныхъ обязательствахъ, но въ дѣйствительности все дѣло сводилось къ тѣмъ барышамъ, которые улыбаются спекулянтамъ той или иной страны отъ ежегодной добычи двухъ или трехъ сотъ тысячъ хохолковъ ¹⁾. Однако, можно привести также примѣры менѣе варварскихъ приѣмовъ; слѣдовать имъ было бы нетрудно, а между тѣмъ результатомъ такого веденія дѣла явилось бы сохраненіе видовъ данныхъ животныхъ, и была бы обезпечена регулярная добыча интересующаго продукта. Въ Венецуэлѣ и другихъ частяхъ тропическаго и умѣреннаго пояса Америки, а также въ Марокко, въ Месопотаміи и Китаѣ удастся хорошо приручить птицъ, цѣнныхъ своими хохолками; даже сами дѣльцы, менѣе приткые на убійство несчастныхъ птицъ, чѣмъ ихъ собратья по ремеслу, поставили въ широкомъ масштабѣ и съ успѣхомъ опыты прирученія цѣлыхъ сотенъ животныхъ. Кто знаетъ, поспѣетъ ли ихъ примѣръ настолько во-время, чтобы спасти тѣ виды, которымъ угрожаетъ истребленіемъ губительная манія офицеровъ, охотниковъ и свѣтскихъ дамъ?

Подобныя же причины повели къ тому, что пушные звѣри сдѣлались столь рѣдкими, а въ нѣкоторыхъ странахъ сѣвера даже совершенно исчезли. Канадскій бобръ, правда, пока еще не окончательно истребленъ, но онъ не живётъ уже цѣлыми «обществами», какъ въ тѣ времена, когда свропейцы впервые проникли въ страну. Уже въ семнадцатомъ столѣтіи французскіе охотники въ Канадѣ произвели такіа опустошенія среди колоній бобровъ, что индѣйцы съ Миссисиппи вынуждены были сговориться для защиты поселеній бобровъ: рѣшено было оставлять въ живыхъ, по меньшей мѣрѣ, шесть самцовъ и двѣнадцать самокъ въ каждой колоніи ²⁾. Въ настоящее время названіе Beaver приходится примѣнять въ Соединенныхъ Штатахъ въ мѣстностяхъ, гдѣ бобръ подвергся истребленію, столь же рѣдко, какъ названіе Bièvre во Франціи, Bever во Фландріи и Bieber въ Германіи. Въ совсѣмъ недавнее время въ Сѣверной Америкѣ бобръ былъ, по счастью, спасенъ отъ полного истребленія путемъ искусственнаго разведенія его. Одна ферма въ Георгіи, занимающая поверхность въ 450 гектаровъ, содержитъ нѣсколько сотенъ этихъ животныхъ, молодыхъ и старыхъ, въ распоряженіи которыхъ, для выведенія ихъ построекъ, находятся обильныя воды ручья; бобрамъ всячески облегчаютъ работу; но ежегодно нѣкоторое количество ихъ убиваютъ и мѣхъ ихъ пускаютъ въ продажу ³⁾. Одинъ изъ острововъ у береговъ штата Мэнъ, Утеръ Геронъ, близъ Бутбея, равно какъ и Прибыловы острова въ Беринговомъ морѣ,

1) I. Forest, «Congrès des Sociétés nationales de Géographie». Lorient, août 1896, «Revue Scientifique», 28 nov. 1896, p. 700.—2) Michelet, «Histoire de France», XV, «Régence», p. 189. — 3) «Revue Scientifique», 13 mars 1897, p. 343; 8 janv. 1898, p. 58.

служать огражденнымъ мѣстомъ для разведенія черныхъ и «серебристыхъ» лисицъ, шкурки которыхъ продаются въ Лондонѣ по 1000—1250 франковъ за штуку ¹⁾. Разведеніе этихъ животныхъ удастся, но промышленники ограничиваютъ всѣ свои заботы тѣмъ, что регулируютъ убой дичи, обезпечиваютъ сохраненіе породы и даже, путемъ строгато отбора производителей, красоту ея; дальнѣе этого ихъ заботы не идутъ: они не дѣлаютъ никакихъ попытокъ къ одомашненію животныхъ. Однако, обреченныя на убой жертвы увозятся въ открытое море; ихъ убиваютъ вдали отъ береговъ для того, чтобы оставшіяся на островахъ не видали слѣдовъ крови и не чуяли ея запаха.

Недавнее коронованіе короля Англіи, Эдуарда VII, должно было бы стоить жизни до 108000 горностаемъ, для отдѣлки мантий пэровъ, если бы при

поставкѣ шкурокъ не было полюбовныхъ соглашеній съ придворными поставщиками, въ ущербъ безупречному качеству мѣха.

Морскія выдры перестали быть извѣстными охотникамъ. Уже къ 1876 году онѣ исчезли на берегахъ Калифорніи, но ихъ встрѣчаютъ еще на побережьи Орегона, на Аляскѣ и Алеутскихъ островахъ. Теперь выдръ осталось настолько мало даже на сѣверныхъ склонахъ, что охотиться на нихъ не представляется возможнымъ; промысла этого уже болѣе не существуетъ. Рѣдкіе экземпляры, которыми представленъ этотъ

Морской котъ въ лондонскомъ зоологическомъ саду, ласкающійся къ своему сторожу.

¹⁾ «Revue Scientifique», 21 avril 1897, p. 537; P. Dilloth, «Revue universelle» 1902.

видъ выдръ, измѣнили образъ жизни: онѣ не выходятъ болѣе на сушу для отдыха; онѣ укрываются въ скопленіяхъ плавающихъ водорослей и появляются изъ воды только для добыванія пищи на скалахъ, лежащихъ въ уровень съ водою ¹⁾. Но алчность промышленниковъ и международные аппетиты нашли возможнымъ отыграться на счетъ другихъ морскихъ обитателей, а именно такихъ, которыхъ, какъ, напримѣръ, морскихъ котовъ, легко

Сѣверо-американскій бизонъ (*Bison americanus*).

можно было бы обратить въ домашнихъ животныхъ. Такъ, въ 1896 г. одинъ изъ актовъ сѣверо-американскаго конгресса вмѣняетъ въ обязанность сторожамъ на островахъ Прибылова почти полное истребленіе морскихъ котовъ (*Callorhinus ursinus*), которые приплываютъ къ берегамъ архипелага для воспитанія своего потомства. Грустный образчикъ человѣческой мудрости! Въ теченіе первой половины девятнадцатаго вѣка избиеніе морскихъ котовъ производилось безсмысленно и безъ всякой системы; русскіе и англичане истребляли ихъ тысячами. На островахъ сѣверной части Тихаго океана можно было встрѣтить только изрѣдка отдѣльных животныхъ, когда американскимъ

1) «Revue Scientifique», 30 mai 1896; 6 août 1898.

фермерамъ пришла въ голову счастливая мысль устроить на Прибыловыхъ островахъ нѣчто въ родѣ большого парка морскихъ животныхъ. Въ 1890 году на этихъ островахъ насчитывалось уже не менѣе пяти миллионъ тюленей, изъ коихъ ежегодно должно было быть убито въ пользу промышленной компаніи сто тысячъ экземпляровъ, что составляетъ около двухъ третей того количества, которое добывается на промыслахъ всего міра. Затѣмъ наступила борьба между фермеромъ и пиратомъ; за этой борьбой послѣдовало легализованное истребленіе живот-

Мадагаскарскій зебу (*Bos indicus*).

ныхъ, положившее конецъ частымъ столкновеніямъ, которыя возникали между официальнымъ концессионеромъ и охотниками-контрабандистами. Когда останутся только тѣ немногіе экземпляры, которымъ посчастливилось пережить эпоху беспощаднаго истребленія, тогда люди, быть-можетъ, пожалѣютъ, что не сдѣлали попытокъ приручить это покорное и добродушное животное.

На сѣверномъ материкѣ, на территоріи Сѣверной Америки, въ качествѣ объекта охоты чаще всего упоминались бизоны, мясомъ которыхъ поддерживало свое существованіе немало индѣйскихъ племенъ до того времени, пока бѣлые, охваченные какой-то безумной маніей убійства, не принялись за сплошное истребленіе всего, что они встрѣчали на своемъ пути. Еще въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія бизоны въ значительномъ количествѣ бродили по лѣсамъ и саваннамъ восточнаго

предгорія Аллегановъ ¹⁾; въ Манникнтоунѣ, въ долинѣ по верхнему теченію Джэсмъ-Ривера, одна колонія французскихъ гугенотовъ сумѣла даже одомашнить бизона и использовать его если не какъ рабочую силу въ сельскомъ хозяйствѣ, то, во всякомъ случаѣ, какъ поставщика мяса и молока. Не кто иной, какъ бизонъ проложилъ всѣ дороги, ведущія отъ Атлантическаго океана къ Дальнему Западу, черезъ горы и долины, по линіямъ, представляющимъ наименьшія трудности пути; человѣку осталось только пойти по слѣдамъ животнаго, на мѣсто котораго вскорѣ появились слѣды вьючнаго скота, а теперь — желѣзныя дороги.

Въ настоящее время, по сю сторону Миссиссиппи, нѣтъ уже больше бизоновъ, а тѣхъ, которые живутъ еще по ту сторону великой рѣки, приходится считать уже единицами. Въ 1900 году численность американскихъ бизоновъ сохранялась, правда, на извѣстномъ уровнѣ, однако, не въ естественныхъ условіяхъ: размноженіе животныхъ происходило только въ особыхъ заповѣдныхъ участкахъ, тогда какъ въ степныхъ равнинахъ численность ихъ замѣтно падала ²⁾.

Однако, въ канадской части Америки, близъ форта Резолюшонъ (Рѣшенія), на берегу Большаго Невольничьяго озера, бизонъ продолжаетъ благоденствовать ³⁾: въ этомъ мѣстѣ образовалось нѣчто въ родѣ естественнаго резерва, населеніе котораго состоитъ изъ трехъ стадъ до пятисотъ головъ, и агенты владѣнія Канады обѣщаютъ защитить ихъ отъ охотниковъ. Впрочемъ, указанная порода бизоновъ отличается нѣсколько отъ той, которая встрѣчается въ равнинахъ Миссиссиппи, болѣе длинною и болѣе густою шерстью.

Бизонъ Соединенныхъ Штатовъ, охраняемый въ настоящее время въ особыхъ паркахъ, быть-можетъ, еще выживетъ; но что касается европейскаго бизона или такъ называемаго зубра, то приходится опасаться, что онъ исчезнетъ окончательно, такъ какъ численность стада, живущаго въ Бѣловѣжской Пушчѣ, гдѣ охота воспрещена, постепенно падаетъ, начиная съ середины истекшаго столѣтія. Въ 1856 году въ Бѣловѣжской Пушчѣ насчитывалось приблизительно 1900 головъ бизоновъ; сорокъ лѣтъ спустя ихъ было не болѣе 600, такъ какъ, если бизонамъ и сумѣли обезпечить пропитаніе въ теченіе зимы, открывъ имъ обширныя закрома, полныя сѣна, то отъ волковъ ихъ пока уберечь не удалось; кромѣ того, по мнѣнію нѣкоторыхъ натуралистовъ, вырожденіе расы обусловлено тѣмъ, что животные находятся между собою въ кров-

1) G. Brown Goode, «National Geographical Magazine», aug. 1896, p. 273. —

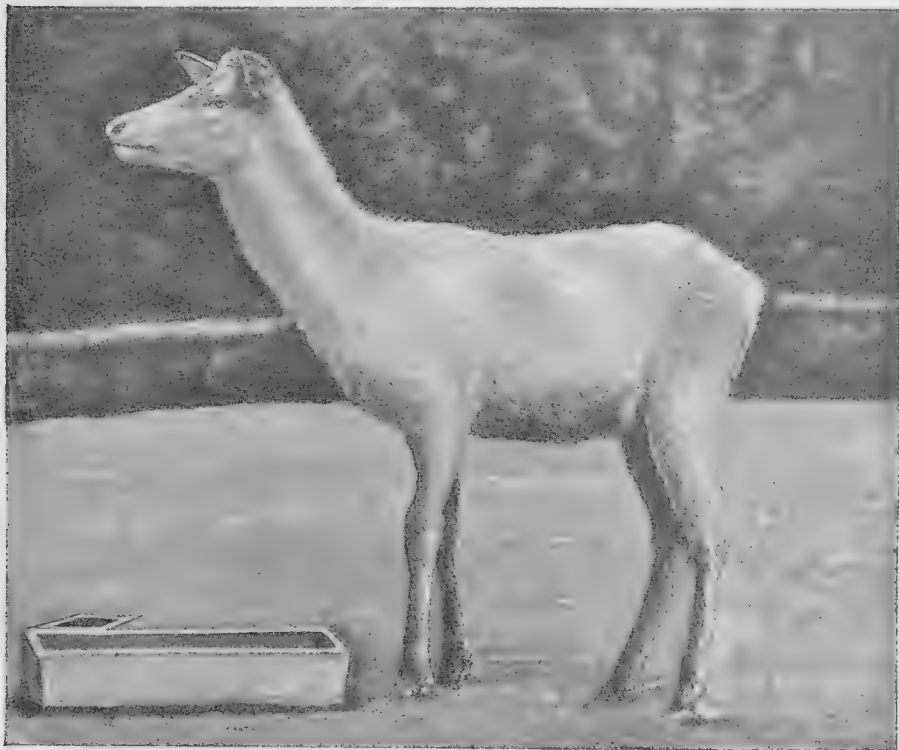
2) Бизоны Соединенныхъ Штатовъ, по «Nature», 22 nov. 1900:

1889: на свободѣ — 835, въ неволѣ — 256; итого — 1091 (по Н. Ornday);

1900: на свободѣ — 340, въ неволѣ — 684; итого — 1024 (по Марку Сюлливану).

3) Rutledge, «Canadian Gasette», 29 june 1899.

номъ родствѣ; поэтому слѣдовало бы ихъ скрестить съ бизонами, встрѣчающимися еще на Кавказѣ ¹⁾, а также съ другими представителями вида, сохранившимися кое-гдѣ въ частновладѣльческихъ лѣсахъ. Нерѣдко литовскаго бизона называютъ зубромъ, но это неправильно: прошло уже, пожалуй, три столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ настоящій зубръ

Канадскій олень или вапити (*Cervus canadensis*).

пересталъ существовать подобно исполинскому оленю (*Megacerus hibernicus*) и другимъ доисторическимъ животнымъ.

Если человѣкъ не обратится къ болѣе мягкимъ приемамъ, то и американскій карибу или канадскій сѣверный олень (*Rangifer caribou*), раздѣлитъ въ близкомъ будущемъ судьбу бизоновъ. Индѣйцы и эскимосы, а также рѣдкіе путешественники бѣлой расы, которые попадаютъ въ пустыни Канады, къ сѣверу отъ Невольничьяго озера, ежегодно убиваютъ цѣлыя тысячи карибу ради ихъ мяса, а иногда ради однихъ только языковъ, которые представляютъ особенно лакомый кусокъ. Такимъ образомъ, охота на карибу производится просто «для удовольствія». Въ

1) «Revue Scientifique». 26 sept. 1896, p. 406.

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣкогда эти животныя водились въ изобиліи, они вывелись теперь совершенно ¹⁾).

Существуетъ еще немало другихъ видовъ животныхъ, которыхъ человѣкъ научился использовать; но большинство изъ нихъ является просто помощниками его при охотѣ или рыбной ловлѣ, такъ что принимаютъ участіе только въ дѣлѣ разрушенія, въ которомъ человѣкъ показалъ себя такимъ искуснымъ и опытнымъ; въ числѣ такихъ животныхъ упомянемъ африканскаго хорька, выдру, ястреба, сокола, баклана, снѣжнаго леопарда или ирбиса, пантеру и даже льва. Съ другой стороны, за предѣлами нашихъ скотныхъ дворовъ, нашихъ фермъ и нашихъ иттичипковъ человѣкъ приручилъ ламу, вигоня, сѣвернаго оленя, дромадера и верблюда африканскихъ и азіатскихъ земель; послѣдній акклиматизированъ также въ Австраліи, гдѣ разведеніе его не предоставлено на волю случая, и поэтому получаютъ животныхъ, которыя по своему росту, своей силѣ и выносливости стоятъ выше азіатскихъ ²⁾). Носорогъ прирученъ на горахъ Гарро, гдѣ онъ пасется цѣлыми стадами; кое-гдѣ и тапиръ бываетъ полезенъ человѣку; мускусный быкъ, перевезенный изъ Гренландіи въ сѣверную Швецію, употребляется тамъ при полевыхъ работахъ.

Впрочемъ, едва ли возможно указать хотя бы одинъ видъ животныхъ, который былъ бы вовсе лишенъ инстинкта общественности, въ которомъ нельзя было бы его значительно развить при наличности нѣкоторой прозорливости и терпѣнія, и въ результатъ такихъ заботъ животное будетъ приносить извѣстную пользу; воробьи, порхающіе у насъ въ общественныхъ садахъ, индійскіе змѣи, дагомейскіе питоны, бѣлки, мыши, сурки, пауки, полуган, карпы,—все эти животныя идутъ къ намъ навстрѣчу, какъ только мы дѣлаемъ малѣйшій шагъ къ сближенію. А нашъ ближайшій родичъ—обезьяна, на которую до сихъ поръ еще смотрятъ, въ лучшемъ случаѣ, какъ на забавную диковину! Невольно приходитъ иногда въ голову мысль, что не человѣкъ покори́лъ животное, а, наоборотъ, это послѣднее приручи́ло человѣка. Нравъ и повадки собакъ и кошекъ хорошо извѣстны, но еще болѣе поразительный примѣръ представляютъ намъ уловки южно-африканской медовой кукушки-указчика, которая приводитъ туземца къ улью, наполненному дикимъ медомъ, и знаетъ, что сама при этомъ получить свою долю добычи. Нерѣдко отрицаютъ вѣрность приведеннаго только-что факта, какъ принято подвергать сомнѣнію вообще всякій рассказъ о животныхъ, который предполагаетъ у нихъ присутствіе нѣкоторой доли умственныхъ способностей, подобныхъ нашимъ, а также духовныхъ качествъ довольно высокаго порядка; а между

1) J. Mackintosh Bell, «Geographical Journal», sept. 1901.—2) David Carnegie, «Scott. Geogr. Magazine», 1898, p. 113.

тѣмъ приведенный разсказъ не заключаетъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго, масса другихъ фактовъ, демонстрирующихъ интеллектуальный прогрессъ въ мірѣ животныхъ; такъ, на примѣръ, послѣдова-

№ 559. Йеллоустонскій національный паркъ.

1: 5 000 000

0 100 200 300 Килом.

тельныя усовершенствованія въ постройкѣ гнѣздъ у зимородка, ласточки, поганки, чайки 1); далѣе, умѣнье пользоваться рычагомъ у обезьяны и слона. Исслѣдователи, которые углубились въ изученіе духовнаго міра животныхъ, добыли цѣлый рядъ замѣчательныхъ, интереснѣйшихъ наблюденій 2).

1) Paul Noël, «Notes manuscrites». — 2) См., на примѣръ, Seton Thompson, «Wild animals I have known».

Ассоціація между человѣкомъ и животнымъ представляетъ только частный случай сожительства или симбіоза животныхъ. Медовая кукушка относится къ рателю, животному изъ подсемейства барсучьихъ, совершенно такъ же, какъ и къ готтентоту, а ратель, въ свою очередь, понимаетъ указанія птички не хуже готтентота. У береговъ Перу было замѣчено, что одна птица сидитъ обыкновенно на спинѣ плавающей по поверхности воды черепахи; при приближеніи какого-нибудь судна птица, прежде чѣмъ взлетѣть, непременно ударяетъ нѣсколько разъ по щиту дремлющаго животного. Вовсе не обязательно, чтобы каждый изъ участниковъ сожительства непременно извлекалъ изъ послѣдняго нѣкоторую пользу: выгода отъ симбіоза можетъ подчасъ выпадать на долю только одной изъ сторонъ. Нерѣдко можно встрѣтить въ Кордильерахъ стада муловъ, во главѣ которыхъ, въ качествѣ вожака, выступаетъ лошадь; этимъ пользуются погонщики какъ средствомъ не дать своимъ муламъ разбредиться, такъ какъ послѣдніе вскорѣ такъ привязываются къ своему вожаку лошади, получившей кличку «*madrina*», т.-е. «крестная мать», что не могутъ перенести сколько-нибудь продолжительной разлуки съ ней ¹⁾.

Скрещиваніе расъ—это, въ общемъ итогъ, то новое, что человѣкъ внесъ въ міръ животныхъ. Человѣку обязаны своимъ происхожденіемъ многочисленныя породы куриныхъ, заячьихъ, ословъ, лошаковъ и муловъ. Тотъ фактъ, что помѣсь отличается какъ-будто болѣе высокимъ разумомъ, большею памятью, выносливостью, привязанностью къ хозяину и долговѣчностью, нежели каждый изъ родителей, указываетъ, повидимому, на то, что искусство оказалось сильнѣе природы (Дарвинъ).

Въ 1900 году европейскія державы занялись вопросомъ, какъ бы помѣшать истребленію крупныхъ животныхъ Африки. Состоялось соглашеніе, въ силу котораго въ центральной области материка охота на львовъ, леопардовъ, гіенъ, бабуиновъ, ядовитыхъ змѣй и питоновъ остается до поры до времени дозволенною, тогда какъ охота на грифовъ, на птицу-секретаря, на совъ и другихъ полезныхъ птицъ безусловно воспрещается; равнымъ образомъ, во избѣжаніе полного истребленія, взяты подъ защиту жираффа, горилла, шимпанзе, дикій осель, лось. Что же касается слона, носорога, гиппопотама, зебры и буйвола, то охота на молодыхъ животныхъ и на самокъ, которыхъ сопровождаютъ ея дѣтеныши, не дозволяется. Ясно, что такого рода соглашеніе не ведетъ еще къ созданію настоящихъ заповѣдныхъ территорій или резервовъ, которые были бы закрыты для охотниковъ. Значительно болѣе дѣйствительнымъ оказалось бы другое средство: точно ограничить мѣстности, доступъ въ которыя былъ бы безусловно воспрещенъ, какъ

1) M. Monnier, «Des Andes au Para».

дровосѣкамъ, такъ и всѣмъ, кто занимается охотой на животныхъ и людей; убійство оправдывалось бы тогда, если бы оно произведено было въ случаѣ необходимой обороны.

Въ данномъ отношеніи примѣромъ, достойнымъ подражанія, могли бы явиться правила, установленныя для Йеллоустонскаго или «Національнаго» парка въ Соединенныхъ Штатахъ. «Никакого насилія

Террасы кремнистаго туфа въ странѣ гейзеровъ. Йеллоустонскій паркъ.

не должно совершаться надъ птицей или другимъ животнымъ, ни одинъ ударъ топора не долженъ коснуться деревьевъ первобытнаго лѣса, и воды должны попрежнему течь свободно, незагроможденныя мельницами и плотинами. Все должно оставаться въ первоначальномъ видѣ, чтобы свидѣтельствовать о томъ, какимъ былъ Дальній Западъ до появленія бѣлаго человѣка». Невольно задаешься вопросомъ, не повлекутъ ли многочисленныя гостиницы съ ихъ службами и отдѣленіями нарушенія этихъ благихъ постановленій. Такія же опасенія возникаютъ за всѣ «парки» такого рода, расположенныя по сосѣдству съ большими городами, въ густо населенныхъ мѣстностяхъ. Въ штатѣ Нью-Гэмпширъ одинъ натуралистъ отмежевалъ въ гористой мѣстности участокъ прекраснаго лѣса, занимающій 17000 гектаровъ, куда были пущены 74 бизона, 1500 лосей и около 2000 представителей другихъ видовъ оленей; все это были животныя дикія, которыя въ данной мѣстности нашли

подходящія для нихъ условія существованія и стали здѣсь размножаться. Адирондакскія горы въ штатѣ Нью-Йоркъ также имѣютъ свои «резервы»; каждый изъ сѣверныхъ штатовъ стремится образовать и у себя такіа заповѣдныя территоріи ¹⁾. Аналогичное направленіе мыслей замѣчается также въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Очевидно, вѣѣнность и населеніе различныхъ національных парковъ будутъ зависѣть отъ степени любви жителей къ природѣ и отъ знаній мѣстныхъ зоологовъ. Въ Африкѣ было констатировано, что «резервъ», устроенный англичанами на лѣвомъ берегу Шире, не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ снова вернуть слона въ ту мѣстность, откуда его изгнали охотники. Дикіе звѣри, а именно львы и животныя, служащія имъ добычей, развились, правда, въ упомянутомъ паркѣ, но слонъ относится къ нему недовѣрчиво ²⁾: быть-можетъ, онъ опасается новой хитрости со стороны человѣка, своего врага по преимуществу.

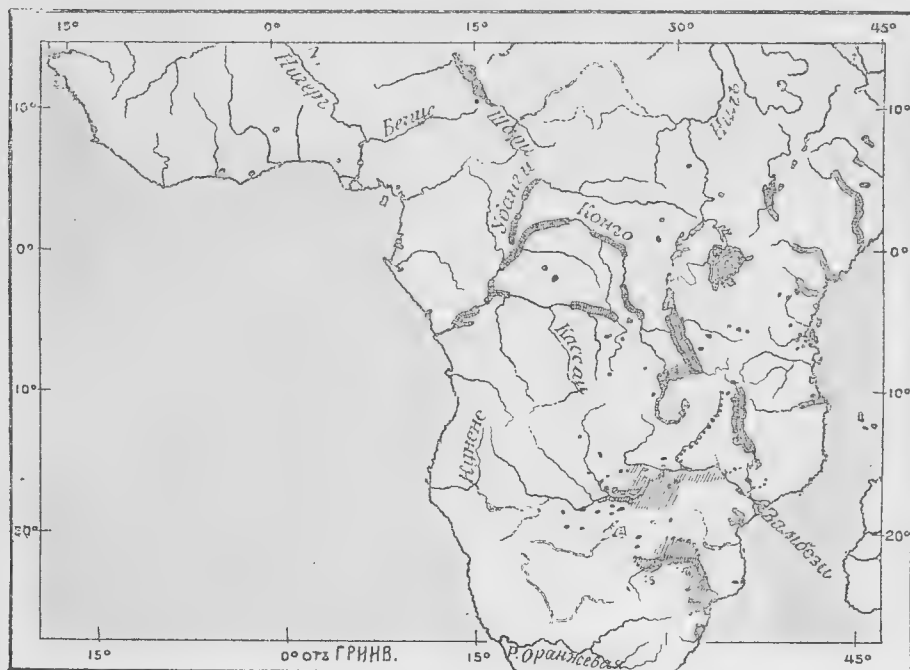
Кромѣ домашнихъ животныхъ и дичи, на которыхъ распространяется вліяніе человѣка, сказывающееся въ различныхъ отношеніяхъ, а въ особенности въ смыслѣ истребленія ихъ, еще очень много другихъ видовъ животныхъ испытываетъ на себѣ это вліяніе косвеннымъ образомъ. Нельзя избѣгать вытѣсненія многихъ животныхъ при основаніи колоній, при распаханіи новпнокъ, при обработкѣ полей, при постройкѣ дорогъ и заводовъ. Если въ музеяхъ европейскихъ странъ можно встрѣтить много видовъ птицъ перелетныхъ или туземныхъ, которыя окончательно исчезли въ теченіе девятнадцатаго столѣтія ³⁾ благодаря безпомощности охотниковъ, то въ Сѣверной Америкѣ нѣкоторыя птицы исчезли просто какъ слѣдствіе самаго факта человѣческой колонизаціи. Такъ, напримѣръ, видъ *Ectopistes migratoides* былъ нѣкогда настолько богатъ особями, что полетъ этихъ птицъ затемнялъ солнце въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Одюбонъ, который далъ намъ превосходныя описанія такихъ перелетовъ птицъ, наблюдалъ въ Кентукки колоніи перелетныхъ голубей, которая простиралась болѣе чѣмъ на 60 километровъ при средней ширинѣ въ 5 километровъ ⁴⁾.

Натуралисты, агрономъ и врачъ ежегодно расширяютъ кругъ своихъ изслѣдованій; они стараются прослѣдить участіе человѣка въ дѣлѣ распространенія по лицу земли, истребленія и исчезновенія насѣкомыхъ, червей, бактерій, возбудителей разныхъ болѣзней, виновниковъ эпидемій и носителей антитоксиновъ; съ каждымъ днемъ человѣкъ все дальше и глубже проникаетъ въ міръ бесконечно малыхъ существъ. Въ данной области приходится ограничиться лишь нѣсколькими примѣрами. Благо-

1) «Revue Scientifique», 30 avril 1898, p. 569.—2) «Globe», 1 nov. 1900, №18.—3) Leva, «Revue Scientifique», 8 janvier 1898, p. 58. — 4) «Revue Scientifique», 22 mai 1897, p. 663.

даря такого рода изслѣдованіямъ, можно было съ точностью вычислить то время, въ теченіе какого крайне непріятный паразитъ, блоха «чигое» или «шикъ» (*Sarcophylla* или *Pulex penetrans*), совершилъ переходъ черезъ африканскій материкъ вмѣстѣ съ людьми, которые пере-

№ 560. Распространеніе мухи цеце.

1 : 60 000 000

0 1000 2000 3000 Килом.

Муха цеце — *Glossina morsitans*, *G. fusca*, *G. palpalis* — является главнымъ передаточникомъ животнымъ болѣзни «пагана», а людямъ — «сонной болѣзни»; каждая изъ нихъ вызывается присутствіемъ въ крови особаго паразита, жгутиконосца *Trypanosoma*. Муха цеце водится въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, жизненные условія которыхъ еще мало выяснены; было, впрочемъ, замѣчено, что она отсутствуетъ въ культивированныхъ мѣстахъ; область ея распространія расширяется вмѣстѣ съ ростомъ торговли.

Прилагаемая карта составлена по указаніямъ Севрена (Брюссельскій музей).

носили его въ своихъ язвахъ. Говорятъ, что опасный паразитъ попалъ къ западнымъ берегамъ Африки, въ портъ Амбрицъ изъ Южной Америки, завезенный туда однимъ бразильскимъ судномъ вмѣстѣ съ мышками груза. Въ 1885 году «шикъ» достигъ уже внутренняго бассейна Конго и появился въ Стэнли-Пулъ. Въ 1892 году паразитъ добрался до береговъ Ньянцы и такъ сильно свирѣпствовалъ въ Узиньи и Урунди, что цѣлыя деревни обезлюдѣли. Отсюда наѣдомое было занесено по путямъ каравановъ къ берегамъ Танганайки, а въ 1897 году оно

было уже извѣстно въ городахъ восточнаго побережья, въ Багамойо и Пангани. Наконецъ, въ 1898 году, на островѣ Занзбарѣ было уже довольно много несчастныхъ калѣкъ, зараженныхъ паразитомъ, помѣщающимся подъ ногтями ножныхъ пальцевъ. Опасаются, что въ скоромъ времени опасное животное перейдетъ Индійскій океанъ и распространится во всѣхъ странахъ тропическаго пояса ¹⁾. Долгое время человѣкъ долженъ былъ признавать себя безсильнымъ бороться съ подобнаго рода опасностями, и эта-то безпомощность являлась однимъ изъ стимуловъ, одной изъ причинъ того, что онъ призывалъ на помощь высшее существо, въ спасительную силу котораго онъ вѣрилъ. Но въ настоящее время наука дала человѣку средства къ борьбѣ. Онъ умѣетъ уже добыть себѣ иммунитетъ, предохранить свой домашній скотъ отъ зараженія болѣзнетворными микроорганизмами; онъ видоизмѣняетъ даже обликъ природы, препятствуетъ рожденію и распространенію нѣкоторыхъ видовъ животныхъ. Подаютъ вѣдь намъ гигиенисты надежду, что опасный комаръ *Anopheles*, распространитель болотныхъ лихорадокъ, перестаетъ совершать въ средѣ людей свое вредоносное дѣло! Это можетъ быть достигнуто насажденіемъ соотвѣтствующихъ деревьевъ, химическимъ оздоровленіемъ болотъ, болѣе цѣлесообразнымъ устройствомъ жилищъ и болѣе разумнымъ покроемъ платья, соотвѣтственно требованіямъ научной гигиены.

Оставаясь охотникомъ и хищникомъ, человѣкъ не ставитъ себѣ вопроса о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ животному міру, а между тѣмъ болѣе тѣсныя его сношенія съ животными, которыя на него работаютъ, ставятъ передъ нимъ настоятельный вопросъ моральнаго свойства. Весь этотъ міръ четвероногихъ слугъ, которые обыкновенно охотно оказываютъ помощь своему хозяину-человѣку въ его предпріятіяхъ, составляетъ, по словамъ Клемансо, пятое сословіе ²⁾, весьма сходное по своему положенію съ «четвертымъ», съ той, впрочемъ, разницей, что оно находится скорѣе въ состояніи физическаго рабства древнихъ временъ, чѣмъ въ состояніи экономическаго рабства нашей эпохи. И—что особенно печально—всегда найдется рабъ, который будетъ угнетать другихъ рабовъ,—человѣкъ «низшаго» класса, который будетъ вымещать свои обиды на существѣ, еще болѣе безправномъ; угнетенный, являясь самъ сыномъ обездоленнаго, ограниченнаго въ своихъ правахъ на жизнь пролетарія, становится, въ свою очередь, палачемъ животнаго; работникъ на фермѣ отлично умѣетъ исполосовать кнутомъ вдоль и поперекъ кожу строптиваго животнаго; погонщикъ при караванѣ не даетъ закрыться ранамъ осла или мула, вопзая въ нихъ

1) Oscar Baumann, «Petermans Geogr. Mitteilungen», VII, 1898. — 2) «Le Grand Pan», p. 161 и слѣд.

острие своего дротика. Сколько можно назвать городовъ, которые, отнюдь не будучи «раемъ» для людей, являются зато настоящимъ «адамъ для лошадей»!

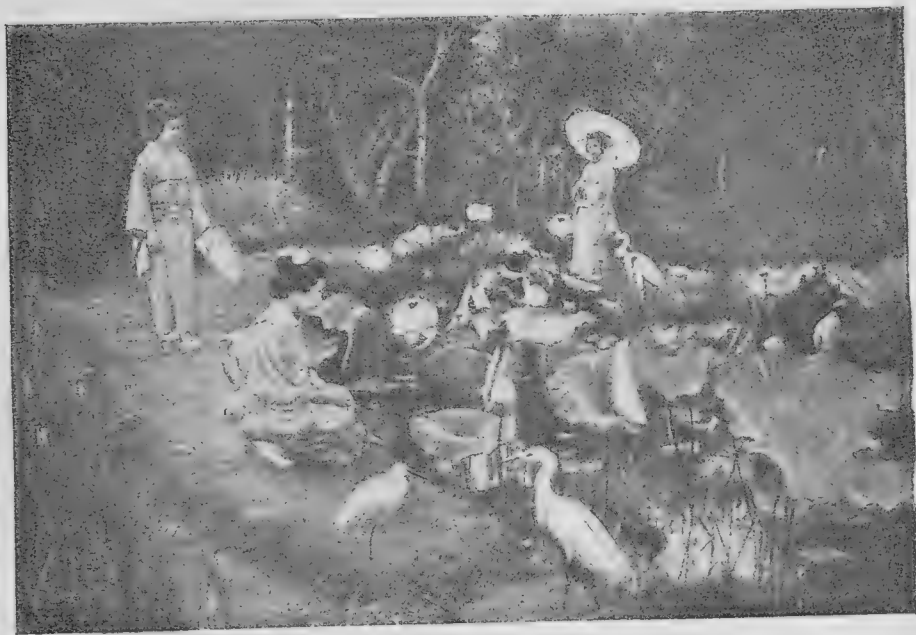
Тамъ, гдѣ сила общественнаго мнѣнія и естественное чувство симпатіи между товарищами по работѣ даютъ защиту животному, обезпечиваютъ ему хорошее обращеніе, заботливый уходъ,—тамъ совмѣстный

Запряженная собака въ Брюссель.

трудъ двуногаго и четвероногаго, воодушевленныхъ одною волею, работающихъ общими силами, представляетъ въ высшей степени отрадное зрѣлище. Красивая упряжь лошадей съ развѣвающимися гривами, со звонкими бубенчиками; пара быковъ, мѣрнымъ шагомъ движущихся по пашнѣ, а между ними человѣкъ, который умѣлой рукой направляетъ взрывающій землю сошникъ; умныя брѣссельскія собаки, которыя поднимаютъ рано утромъ громкій лай, когда повозка, наполненная посудой, начинаетъ дребезжать надъ ихъ головами,—не даетъ ли все это превосходную иллюстрацію чувству солидарности въ дѣлѣ, выполнение котораго разсматривается какъ долгъ? Можно ли сказать, что у человѣка чувство долга и добросовѣстность стоятъ выше, чѣмъ у этихъ благородныхъ животныхъ? А, между тѣмъ, какъ часто грубый человѣкъ присваиваетъ себѣ право жизни и смерти надъ животнымъ? Какъ часто добрая или злая участь домашняго животнаго зависитъ всецѣло отъ случая, отъ каприза хозяина, отъ добраго права или жестокости того, кто пользуется его трудомъ? Правда, что въ большинствѣ такъ называемыхъ

«цивилизованныхъ» странъ образовались «общества покровительства животнымъ», которыя заслуживаютъ полнаго одобренія, и которыя дѣлаютъ, конечно, известную долю добра, пропорціональную индивидуальной иниціативѣ, добротѣ, чувству симпатіи, которое вносятъ въ это дѣло сами граждане, такъ какъ законы, созданные друзьями животныхъ для облегченія задачъ этихъ обществъ, получаютъ реальную цѣнность

Лотосъ въ Японіи.

только при содѣйствіи общественнаго мнѣнія; только въ такихъ странахъ, какъ Англія, гдѣ человѣкъ дѣйствительно любитъ своихъ меньшихъ братьевъ, лишенныхъ дара слова, такія установленія могутъ реализоваться на дѣлѣ. Какъ могли бы законы дать дѣйствительную защиту домашнимъ животнымъ, разъ они не предоставляютъ гарантіи самимъ людямъ, однихъ отдають на произволъ другихъ? Однако, среди людей угнетенные могутъ, по крайней мѣрѣ, дать отпоръ лигѣ притѣснителей; путемъ солидарности въ протестѣ обездоленный людъ не разъ уже добивался соединенными усиліями побѣды; но что могутъ сдѣлать бѣдныя животныя? Они не устраиваютъ стачекъ, и поэтому улучшенія своей участи они могутъ ожидать только отъ степени развитія, интеллигентности и доброты ихъ хозяевъ и воспитателей.

Приходится задаться вопросомъ: руководились ли, говоря вообще, при разведеніи домашнихъ животныхъ соображеніями о томъ, насколько

примѣняемые методы приносятъ пользу самимъ животнымъ, или это не входило въ заботы скотоводовъ? Надо сознаться, что до настоящаго времени цивилизованный человѣкъ, приручая животныхъ, имѣлъ въ виду только свои эгоистическіе расчеты; онъ цѣнилъ въ животномъ только такія качества или продукты, которые могли принести нѣкоторую пользу ему самому, его состоянію или его расѣ. Подобно тому, какъ онъ уби-

Хризантемы въ Японіи.

валъ врага-человѣка, онъ избавлялся отъ неудобнаго ему животнаго; подобно тому, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе поработать при возможности себѣ подобнаго, изъ трудовой силы котораго онъ могъ извлечь нѣкоторую пользу, такъ же точно онъ взваливалъ тяжелую ношу на покорное животное и заставлялъ его трудиться для него. Руководимый этими чисто-эгоистическими побужденіями, воспитатель прирученнаго, а затѣмъ одомашненнаго животнаго въ большинствѣ случаевъ оказывалъ только отрицательное вліяніе на породу; она становилась физически слабѣе, некрасивѣе, тѣшедушнѣе и оказывалась совершенно не въ состояніи поддерживать свою жизнь собственными силами въ борьбѣ за существованіе; человѣкъ окружалъ животное такими условіями, которыя являлись вполне искусственными; достаточно напомнить, въ видѣ примѣра, отвратительное зрѣлище, которое представляютъ премированныя на сельскохозяйственныхъ выставкахъ свиньи, напоминающія грузныя туши мяса, едва способныя двигаться.

Вліяніе человѣка на животное могло бы оказаться значительно болѣе глубокимъ, если бы оно производилось не въ цѣляхъ извлечь изъ животнаго возможно большую выгоду для человѣка, а съ тѣмъ, чтобы результаты такого вліянія принесли пользу прежде всего самому животному, сдѣлавъ его болѣе красивымъ, болѣе сильнымъ, болѣе умнымъ. Безъ помощи человѣка свиньи, овцы, птицы нашихъ скотныхъ дворовъ должны были бы въ короткое время исчезнуть съ лица земли; рогатому скоту угрожала бы опасность скорого вымирания; собаки и кошки могли бы перейти снова къ жизни своихъ предковъ не иначе, какъ цѣною гибели отъ голода болѣе половины ихъ породы ¹⁾; такая же участь постигла бы, вѣроятно, и лошадь. Но если большинство животныхъ подъ вліяніемъ человѣка сдѣлалось менѣе способнымъ къ матеріальной борьбѣ за жизнь, если нѣкоторые виды, а именно тѣ, которые разводятся только ради мяса или шерсти, какъ, напримѣръ, крупный рогатый скотъ и овцы, совсѣмъ оскотинились и превратились просто въ ходячія туши,—если это и такъ, то все же существуютъ и такія животныя, которыя настолько слились въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніи съ человѣкомъ, что ихъ уже нельзя разлучить съ нимъ: между нимъ и одомашненными породами такихъ животныхъ создался тѣсный союзъ; мы представляемъ вмѣстѣ съ ними громадное цѣлое, охваченное однимъ общимъ кругомъ цивилизаціи.

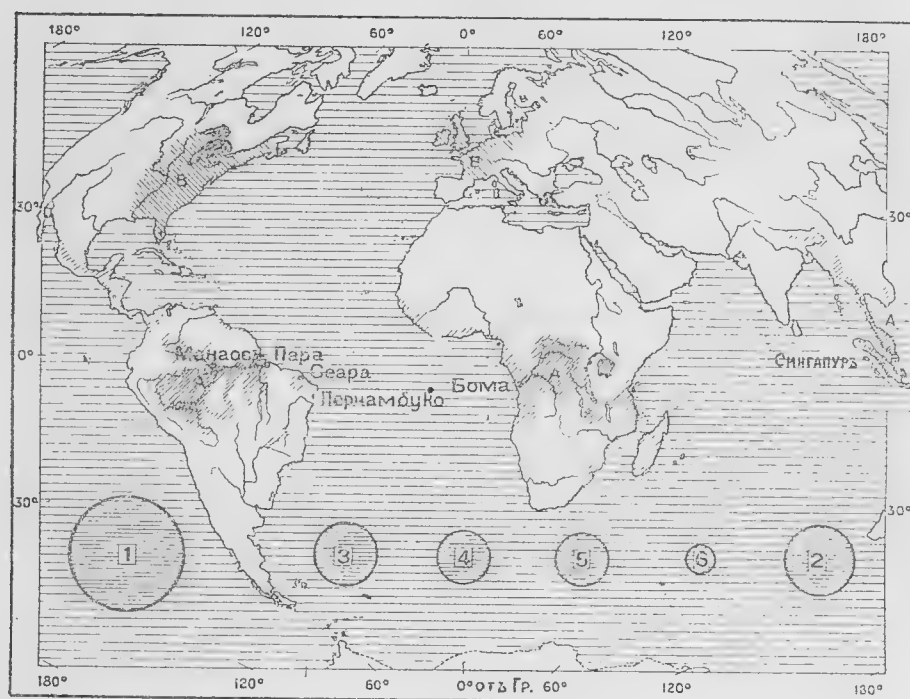
Исторія флоры, въ смыслѣ ея познанія и одомашненія человѣкомъ развивалась параллельно исторіи фауны. Существуетъ цѣлый рядъ растений, многочисленныя разновидности которыхъ такъ обычны на полѣ въ саду, на грядкѣ около хижины, что ихъ нельзя себѣ представить иначе, какъ въ непосредственной близости съ работникомъ, который ихъ сѣетъ, сажаетъ, ухаживаетъ за ними, поливаетъ ихъ,—словомъ, заботится объ ихъ повседневномъ существованіи. Какъ представить себѣ нормальное благосостояніе человѣческихъ семей безъ домашняго хлѣба, безъ овощей, сухихъ и зеленыхъ, безъ пахучихъ травъ для приправы кушаній и салата, безъ вкусныхъ плодовъ, поставляемыхъ виноградникомъ и фруктовымъ садомъ?

Человѣкъ не всегда оставался вѣрнымъ растеніямъ, которыя питали его предковъ. По Гомеру, лотофаги Сиртскаго побережья и острова Мениякса, который теперь носитъ названіе Джерба, считали плодъ лотоса, *Rhamnus lotus* или *Zizyphus lotus*, самымъ цѣннымъ элементомъ пищи и приписывали ему необыкновенно высокія цѣлительныя свойства, а между тѣмъ въ наше время ягода лотоса служитъ только поживой для празднаго пастуха. Не имѣли ли мы въ другой части свѣта

1) W. J. Mac. Gee, «The Earth, the Home of Man», p. 22.

цѣлую литературу, воспѣвающую славу «soma», божескаго напитка, которымъ упивался Индра? А въ настоящее время этотъ напитокъ извѣстенъ только подъ видомъ плохого пива у малокультурныхъ племенъ, населяющихъ долины Афганистана. Поступательный ходъ цивили-

№ 561. Мировое производство каучука.

1: 200 000 000

0 2500 5000 10000 Килом.

Очень большое число растеній доставляетъ вещества эластическія и слабо проводящія электричество: каучукъ, гуттаперчу, балата и т. д.; всѣ они сгруппированы на прилагаемой картѣ. Штриховка А обозначаетъ мѣста добыванія; штриховка В—мѣста потребленія. Относительная значительность вывоза, для 1901—1903 годовъ, показана кружками съ горизонтальной штриховкой: 1, Бразилія; 2, Индонезія, включая Борнео; 3, другія страны Америки; 4, государство Конго; 5, другія страны Африки; 6, другія страны Азіи, изъ коихъ Цейлонъ, по недосмотру, не заштрихованъ.

лизаціи можно въ извѣстной мѣрѣ разсматривать какъ постепенную замѣну грубаго хлѣба хлѣбомъ болѣе питательнымъ и сытнымъ. Если сравнить остатки пищи, найденные въ пещерахъ доисторическихъ людей, съ тѣми остатками, которые попадаютъ теперь на нашихъ чердакахъ, то нетрудно убѣдиться, какой громадный шагъ впередъ совершилъ человѣкъ въ смыслѣ умѣнья готовить пищу. Даже въ современную намъ эпоху можно констатировать, что питательная пшеница получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. А сколько пере-

мѣнѣ и усовершенствованій: въ данномъ отношеніи можно ожидать благодаря введенію химическаго удобренія почвы, благодаря развитію знаній и техники! Мы стоимъ наканунѣ крупнаго завоеванія въ области сельскаго хозяйства, которое состоитъ въ культурѣ микроорганизмовъ, синтезирующихъ азотистыя вещества, усвояемыя затѣмъ растеніями; слѣдствіемъ этого будетъ созданіе болѣе сильныхъ и болѣе питательныхъ сортовъ растеній. Геній человѣка поставилъ себѣ смѣлую задачу: подчинить своимъ интересамъ безконечно многочисленный міръ неизмѣнно малыхъ существъ ¹⁾.

Всѣ успѣхи, которые были достигнуты въ теченіе истекшаго столѣтія въ области изученія жизни животныхъ и растеній, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличеніе могущества человѣка въ дѣлѣ измѣненія, разведенія и воспитанія животныхъ и растительныхъ видовъ; они сопряжены съ болѣе глубокимъ пониманіемъ гармонической цѣлостности органическаго міра. Истинные предшественники Дарвина, которые дали обильный матеріалъ его творческой мысли, которыхъ слѣдовало бы считать авторами эволюціоннаго ученія,—это скотоводы и садоводы, которые путемъ своихъ остроумныхъ изысканій сумѣли получить такіа великолѣпныя розы, развести такіа замѣчательныя хризантемы и добиться такой удивительной красоты формъ и красокъ у нашихъ воздѣланныхъ и одомашненныхъ видовъ ²⁾. Каждый годъ приноситъ новыя чудеса. Садоводы, всей душой преданные міру растеній, которыя они воздѣлываютъ, съ удомлетвореніемъ могутъ видѣть, насколько достигнутые результаты окупаютъ ихъ труды. «Замѣчается какъ-разъ противоположное тому, что говорятъ люди индифферентные и неопытные. Они воображаютъ, что результаты труда садовника исчезнутъ вмѣстѣ съ перемѣной времени года, а между тѣмъ изъ года въ годъ растутъ красота и разнообразіе богатой флоры, благодаря нѣкоторому умѣнью использовать законы жизни» ³⁾.

Крупныя завоеванія, достигнутыя человѣкомъ въ дѣлѣ улучшенія породъ, измѣняются также и количествомъ ихъ; значеніе ихъ велико какъ съ точки зрѣнія интенсивности, такъ и экстенсивности. Новыя нужды промышленности вызываютъ необходимость использовать такіе виды, цѣнности которыхъ въ прежнее время не знали; все экономическое равновѣсіе переселеній измѣнилось, вслѣдствіе необходимости добыть тотъ или иной продуктъ въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ. Такъ, открытіе Новаго Свѣта повлекло за собою черезъ нѣкоторое время перемѣщенія въ области колоніальной промышленности, вызвало культуру сахарнаго тростника, кофейнаго, банановаго дерева,

1) E. Duclaux, «Traité de Microbiologie». — 2) Patrick Geddes, «Education for Economics and Citizenslif», p. 27. — 3) Alfred Dumesnil, «Libre».

и, какъ слѣдствіе такого роста плантацій по ту сторону океана, явилось громадное переселенческое движеніе съ одного материка на другой,

Молодое кофейное деревцо на Мадагаскарѣ.

выплыли на сцену весьма серьезныя проблемы условій труда. Аналогичная революція въ области промышленности совершалась тогда, когда рези-

новыя и непромокаемыя издѣлія, гуттаперча и каучукъ получили перво-степенное значеніе въ современной индустріи. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, на островѣ Суматрѣ, были прямо вырублены деревья, дающія цѣнный продуктъ, иными словами грубой рукой уничтожены источники богатства, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ его сумѣли поддержать путемъ насажденія на подходящихъ земельныхъ участкахъ, или же, какъ, напримѣръ, въ Конго и въ безграничныхъ лѣсахъ бассейна Амазонки, посчастливилось открыть естественные источники эксплуатаціи, настолько обильные, что они даже превышаютъ растущія потребности. Какъ слѣдствіе такой эксплуатаціи «саучерос», установилось непрерывное переселенческое движеніе изъ штата Сеара въ лѣса внутренней части Бразиліи; среди необитаемыхъ пространствъ то здѣсь, то тамъ основываются все новыя временныя колоніи, и центръ равновѣсія американскихъ республикъ невольно перемѣщается. «Каучуковый вопросъ» вызвалъ къ жизни небольшую политическую единицу Акръ; изъ-за него едва не загорѣлась война между двумя смежными государствами, Бразиліей и Боливіей: слѣдствіемъ этого спора явилось перемѣщеніе пограничной линіи, конечно, въ пользу, страны лучше вооруженной, которое, помимо всего прочаго, повлечетъ за собою открытіе новыхъ дорогъ черезъ первобытный лѣсъ. А какую роль играетъ въ международныхъ отношеніяхъ «красный каучукъ»,—который вызвалъ недоразумѣнія между Бельгіей, противъ ея воли втянутой въ политику Независимаго Государства Конго, и Англіей.

Аналогичное явленіе такого замѣчательнаго переворота въ промышленности вызвано было открытіемъ другого вещества—коры цинхоны или хинной корки. Вліяніе, которое оказываетъ добыча этого цѣлебнаго продукта на міровые рынки, правда, менѣе значительно, чѣмъ вліяніе каучуковаго производства, но все же весьма замѣтно. Перуанская каскарилла или хинная корка въ настоящее время уже не привозится въ Европу изъ области Андовъ. Неразуміе туземцевъ получило достойное наказаніе: они вырубали всѣ деревья, которыя давали имъ цѣнное лѣкарство, и потому имъ отнынѣ уже нечего вывозить; мало того, когда они сами заболѣваютъ, они вынуждены обращаться къ европейскимъ госпиталямъ, которые получаютъ хининъ изъ различныхъ мѣстъ земного шара, главнымъ образомъ, съ о. Явы, но не изъ Америки. Первые экземпляры хиннаго дерева, которое подверглось у себя на родинѣ такой печальной участи, появились на Явѣ въ 1833 году. Немного лѣтъ спустя англичанину Маркгаму удалось, путемъ остроумно задуманныхъ способовъ акклиматизаціи, снабдить Индію и Цейлонъ перуанскимъ растеніемъ; здѣсь, на чужбинѣ, оно росло и благоденствовало, въ то время какъ у себя на родинѣ оно постепенно исчезало. Въ началѣ текущаго столѣтія насчитывалось въ разныхъ странахъ около 100000000

хинныхъ деревьевъ, но наибольшую долю цѣлебнаго продукта поставляютъ медицинскому міру островъ Ява ¹⁾).

Вплоть до 1868 года чай, продаваемый въ Великобританіи, получался почти исключительно изъ Китая; индійскій чай, который впервые появился на лондонскомъ рынкѣ въ 1845 году, составлялъ въ 1882 году одну треть всего количества чая, потребляемаго въ Англіи. Кофейное дерево, листь котораго подвергся пораженію особымъ грибомъ *Hemelia vastatrix*, исчезло съ Цейлона и было замѣнено чай-

Ферма, расположенная на опушкѣ лѣса. Британская Колумбія.

нымъ деревомъ. Съ 1895 до 1905 года вывозъ изъ странъ, дающихъ чай, въ Англію распределяется слѣдующимъ образомъ: Цейлонъ 35%, Индія (на первомъ планѣ—провинція Ассамъ) 60%, Китай 5%. Мѣста добыванія кофе, потребляемаго въ Европѣ, также претерпѣли значительныя перемѣщенія за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Культура хлопка также породила многочисленныя предпріятія. Начиная съ 1840 года, если не считать перерыва, вызваннаго междоусобной войною, Соединенные Штаты высылаютъ на европейскій рынокъ болѣе половины всего потребляемаго въ Европѣ хлопка;

1) Flahaut, «Géographie», 15 mars 1904.

въ началѣ XX столѣтія на долю Сѣверной Америки приходится болѣе трехъ четвертей общаго количества добываемаго во всемъ мірѣ хлопка. Все усилія, которыя употребляютъ европейскіе капиталисты для того чтобы пошатнуть всемогущество хлопчатобумажнаго синдиката плантаторовъ Соединенныхъ Штатовъ и Каролины въ Техасѣ, не привели еще къ ощутительнымъ результатамъ.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ борьбы страстей и разума, на земной поверхности происходитъ въ однихъ мѣстахъ разрушеніе, въ другихъ—возрожденіе къ жизни растительныхъ видовъ. Искатели орхидей рыщутъ по лѣсамъ Колумбіи и Бразиліи не столько для того, чтобы, въ цѣляхъ собственной выгоды, отыскать рѣдкіе экземпляры, сколько для уничтоженія, въ ущербъ своимъ конкурентамъ, тѣхъ цѣнныхъ цвѣтовъ, которыхъ они не могутъ унести съ собою. Что же касается честнаго земледѣльца, то онъ уничтожаетъ различные виды сотнями, пожалуй, даже тысячами, и все это въ угоду единообразію, методичности установленныхъ въ земледѣліи приѣмовъ.

Распашка земли или оставленіе ея подъ паромъ неминуемо влечетъ за собою совершенно разныя послѣдствія. Флора ландовъ, флора болотъ исчезаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прошелъ плугъ. Въ Шамбландѣ, близъ Лозанны, послѣ распашки пови семь видовъ растений болѣе не появились. По той же причинѣ на прежнихъ болотистыхъ земляхъ восточной Пруссіи не встрѣчаются болѣе ни *Trapa natans*, ни *Betula nana*, ни другія растения, нѣкогда здѣсь очень распространенныя. Конвентцъ предлагаетъ сохранить кое-гдѣ по нѣсколько гектаровъ болотъ, которыя явились бы своего рода ботаническими музеями для мѣстныхъ студентовъ ¹⁾.

Въ общемъ итогѣ, работа людей въ дѣлѣ хозяйственной эксплуатаціи земной поверхности оказывается безсистемной. Люди отлично понимали, какіе участки почвы болѣе пригодны для культуры, и умѣло останавливали на нихъ свой выборъ; но какъ варварски дѣйствовали они при обработкѣ почвы! Еще теперь въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Канадѣ, въ Бразиліи пионеры земледѣльческой культуры начинаютъ свое дѣло обогащенія земли съ разоренія дѣвственнаго лѣса. Они поджигаютъ благопріятнаго времени года, а именно засуху, поджигаютъ тогда лѣсъ, и пожаръ неустойчивой волной распространяется отъ одной рѣки къ другой, или на всемъ пространствѣ между двумя горами, сжигая попутно животныхъ, заволакивая небо густыми клубами дыма, отдавая на волю вѣтра массы пепла, которыя разносятся на сотни километровъ. Все уничтожено на обуглившейся поверхности земли: лишь кое-гдѣ торчатъ громадные пни, пощажены огнемъ, которые въ видѣ неров-

1) «Globus», 9 janvier 1902, p. 36.

ныхъ, обожженныхъ стволовъ одиноко высятся надъ засыпанной пепломъ почвой. Стоило бы подождать нѣсколько лѣтъ, и эти массы дерева, которыя по глупости людской сдѣлались жертвою пламени, получили бы громадную цѣнность для плотничьихъ и тонкихъ столярныхъ работъ! А самое главное—эти деревья сохранили бы свою долю участія въ поддержаніи общихъ гигиеническихъ условій земли и населяющихъ ее видовъ, такъ какъ въ процессѣ географическаго распредѣленія живыхъ существъ на долю лѣсовъ выпадаетъ чрезвычайно существенная роль, почти столь же важная, какъ и на долю пространствъ океана и архитектурники горъ и плоскогорій.

Прежде всего плохой уходъ за лѣсами или, вѣрнѣе, предоставленіе ихъ на произволъ судьбы отражается нежелательнымъ образомъ на климатѣ. А, между тѣмъ, земля нуждается въ уходѣ; дыханіе этого громаднаго тѣла, осуществляемое лѣсами, слѣдовало бы регулировать сообразно указаніямъ науки; земля также имѣетъ свои легкія, съ которыми человѣкъ долженъ былъ бы обращаться бережно, такъ какъ отъ нихъ зависитъ его собственное здоровье и благоденствіе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ продолженіе послѣднихъ столѣтій пространства, покрытыя лѣсомъ, уменьшились на миллионы гектаровъ, благодаря недалновидности земледѣльцевъ, благодаря безсистемной рубкѣ лѣса, превращенію его въ пастбища. Не только площадь, покрытая лѣсами, уменьшилась, но и тѣ лѣса, которые остались, утратили значительную долю своей красоты, своихъ богатствъ, своихъ высокоствольныхъ представителей; во многихъ мѣстахъ, гдѣ въ бывшее время красовались лиственные деревья, теперь вмѣсто нихъ возвышается темная зелень суровыхъ сосенъ и елей. Изучая географическую номенклатуру Германіи, фонъ Бергъ констатировалъ въ 1871 году, что изъ общей суммы 6905 названій мѣстностей, происшедшихъ отъ названій лѣсныхъ растений, 6115 приурочены къ деревьямъ лиственнымъ, даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ въ настоящее время таковыя совершенно не встрѣчаются или, по крайней мѣрѣ, занимаютъ ничтожное мѣсто въ сравненіи съ хвойными. Въ 1300 году въ Ганноверѣ, въ Гольштиніи, въ сѣверной Вестфаліи сосновыхъ лѣсовъ не было вовсе, а, начиная съ девятнадцатаго столѣтія, хвойныя играютъ все болѣе и болѣе видную роль въ флорѣ указанныхъ мѣстностей. Хвойныя деревья постепенно распространились съ востока на западъ, изъ славянскихъ земель въ Германію, такъ какъ они растутъ быстрѣе лиственныхъ и довольствуются менѣе тучной почвой. Но зато это—деревья, болѣе низко организованныя, формы ихъ менѣе богаты и менѣе разнообразны, чѣмъ лиственныхъ; прогрессъ лѣсоводства сводится, стало-быть, къ тому, чтобы возвратитъ намъ лѣса, въ былыя времена украшавшіе нашу землю¹⁾.

1) Hans Hausrath, «Geographische Zeitschrift», 1901; «Globus», 6 мѣрз 1902.

Итакъ, въ настоящее время нами править случай. Человѣчество еще не составило инвентаря своихъ богатствъ и не рѣшило еще, какъ оно должно ими пользоваться, чтобы эти богатства были распределены наиболѣе цѣлесообразно въ интересахъ красоты, благосостоянія и здоровья людей. Наука еще не пришла на помощь человѣку, чтобы въ общихъ чертахъ намѣтить тѣ части земной поверхности, которыя наилучшимъ образомъ пригодны для сохраненія первобытнаго убранства ея, а также и тѣ, которыя слѣдуетъ такъ или иначе утилизировать, въ смыслѣ добычливости либо пищевыхъ продуктовъ, либо другихъ элементовъ общественнаго благосостоянія. Но какъ можно требовать отъ общества цѣлесообразнаго приложенія па дѣлѣ уроковъ статистики, разъ оно заявляетъ себя безсильнымъ передъ частнымъ собственникомъ, передъ отдѣльной личностью, которой принадлежитъ право «пользоваться и злоупотреблять»!

Фактъ капитальнаго значенія накладываетъ свою печать на современную цивилизацію, а именно тотъ фактъ, что собственность одного лица можетъ разрастаться безпредѣльно и даже, въ силу чуть ли не всеобщаго признанія, облять весь міръ. Власть императоровъ и королей ограничена, но власть богатства безпредѣльна. Долларъ—это господинъ господствующихъ; ему мы обязаны, прежде всѣхъ другихъ причинъ, тѣмъ, что люди расселены по лицу земли неравномѣрно, что они распределены здѣсь и тамъ по городамъ и деревнямъ, по полямъ, по мастерскимъ и заводамъ; онъ то гонитъ ихъ отъ работы къ работѣ, какъ морская волна прибрежный галечникъ по отлогому берегу.

Главная задача цивилизованнаго европейца, а тѣмъ паче сѣвероамериканца, это—погоня за наживой, которая дала бы ему возможность властвовать надъ людьми при помощи всемогущей силы денегъ. Его власть растетъ вполне пропорціонально его богатству. Вотъ законъ, признаваемый въ настоящее время повсюду, не только въ странахъ съ европейской культурой, но и въ азіатскихъ странахъ, развитіе которыхъ пошло въ духъ этого экономическаго идеала, а также во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта, увлеченныхъ примѣромъ Европы и ея всепокоряющей волею. Старинныя формы собственности, которыя признаютъ за каждымъ членомъ общины равное право на пользованіе землею, водою, воздухомъ и огнемъ, являются теперь лишь древними пережитками, стоящими на пути къ быстрому исчезновенію.

Тамъ, гдѣ племя не было многочисленно, а, съ другой стороны, площадь земли была, такъ сказать, безгранична, никто и не помышлялъ о томъ, чтобы присвоить себѣ клочекъ земли для своего собственнаго, частнаго хозяйства. Плодородная почва находилась въ изобиліи; ее бралъ, кто хотѣлъ; такъ же точно каждый вдосталь дышалъ и грѣлся подѣ

солнечными лучами, когда ему было холодно. Еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи, въ то время, когда населеніе Юры было еще очень рѣдко, каждый человѣкъ, обработавъ данный участокъ пови, имѣлъ право стать его владѣльцемъ ¹⁾. Въ Индіи и на всемъ Востокѣ пользуется всеобщимъ признаніемъ принципъ, согласно которому тотъ получаетъ закон-

№ 562. Дикій рисъ въ Сѣверной Америкѣ.

ОБЛАСТИ, гдѣ РАСТЕТЪ ДИКІЙ РИСЪ.

1: 50 000 000

0 300 1000 2000 Килом.

Присутствіе дикаго риса, *Oriza sativa* (menominee—по-алгонкински, wild rice—по-англійски), оставило слѣдъ на цѣломъ рядѣ географическихъ названій: 1) Меномини, городъ въ Висконсинѣ; 2) Райслэкъ-сити, въ томъ же штатѣ; 3) Уайльдрайсъ и 4) Райслэкъ, деревни въ штатѣ Миннесота; 5) Меномини, рѣка, городъ и округъ въ штатѣ Мичиганѣ; 6) Меномини, городъ въ Иллинойсѣ; и т. д. Встрѣчаются также названія „Pshu“ и „Psimmdse“,—слова, которыя имѣютъ то же значеніе на языкѣ племени сіу и на другихъ индѣйскихъ нарѣчіяхъ.

ное право на пользованіе землей, кто вкладываетъ въ нее свой трудъ, т.-е. тотъ, кто обрабатываетъ ее своими руками. Но разъ культура даннаго участка прервана, и земля находится снова подъ паромъ, то всякій вновь пришедшій можетъ себѣ позволить, по истеченіи срока въ три или пять лѣтъ, присвоить себѣ данный участокъ, вкладывая въ него свой трудъ ²⁾.

1) Ed. Girod, «Ville de Pontarlier», p. 189.—2) Максимъ Ковалевскій, «Историческій переходъ изъ коллективной собственности къ частной».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая, напримѣръ, въ Сечуенѣ, выжидаютъ на берегахъ Ян-тсе-кианга благопріятнаго момента; какъ только спадаютъ воды рѣки, обнажая острова и отмели, тотчасъ же, какъ по мановенію волшебнаго жезла, появляются поля, и на едва

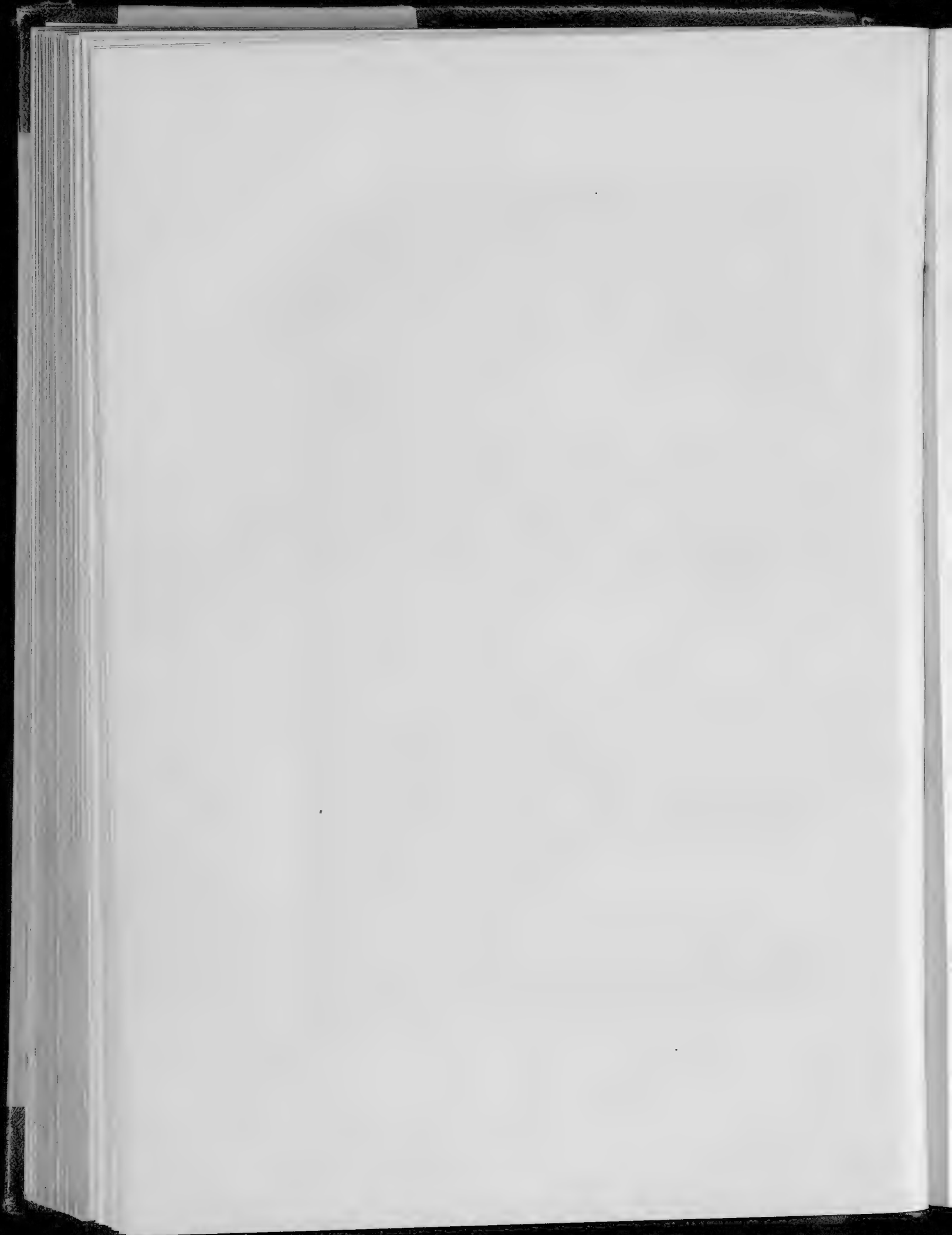

Бананъ и уходъ за нимъ.

успѣвшей подсохнуть почвѣ вырастаютъ бамбуковыя хижины. Общественное мнѣніе является какъ естественною силою вещей, закономъ, который ревнивымъ окомъ слѣдитъ за земледѣльцемъ, недостаточно заботливо относящимся къ землѣ, которою онъ имѣетъ счастье обладать; если онъ запуститъ поля, то наказывается конфискаціей ихъ; если онъ плохо обрабатываетъ землю, то подвер-

Банановая роща въ Новой Каледоніи.

гается тѣлесному наказанію бамбуками; не добыть питающаго зерна, которое земля могла бы произвести, это значитъ—совершить крупное преступленіе.

За этой первоначальной формой обладанія землею,—вѣдь если признается, что вмѣстѣ съ прекращеніемъ обработки земли теряется право называть ее своею съ того момента, какъ обладатель ея перестаетъ воздѣлывать почву своимъ трудомъ, то такое право на землю не можетъ еще считаться «собственностью»,—за такой формой землевладѣнія слѣдуетъ коллективная собственность на землю. Эта послѣдняя форма представляетъ уже нѣкоторое ограниченіе первобытнаго права землепользованія, принадлежащаго всѣмъ. Дѣйствительно, нетрудно понять, что обитатели данной округи съ неудовольствіемъ посматриваютъ на сосѣдей, которые такъ же, какъ и они сами, имѣютъ свои поля и нивы, свои луга и лѣса и начинаютъ въ то же время захватывать части территоріи, которую они, въ силу продолжительной давности, привыкли считать «своею». Мало-по-малу, силою вещей устанавливается распредѣленіе земель между общинами, или группами селянъ, или же между семьями, аналогичное физиологическому раздѣленію труда между клѣтками. Историками-экономистами былъ въ недавнее время выясненъ тотъ замѣчательный фактъ, что преобладающимъ режимомъ въ древнихъ обществахъ являлась нѣкогда общественная собственность.

Впрочемъ, приходится удивляться, что существованіе такого стариннаго уклада нужно было еще, такъ сказать, «открывать», тогда какъ во всѣхъ странахъ и теперь можно констатировать либо сохраненіе его въ той или иной формѣ, либо многочисленные остатки, слѣды такой формы земельныхъ отношеній. Дѣло въ томъ, что люди науки изучали эти учрежденія только по книгамъ и рассматривали ихъ сквозь призму римскаго права. Всякій изъ нихъ игнорировалъ самые очевидные законы даже того самаго общества, къ которому принадлежалъ. Такъ, въ 1828 году полякъ Мелевель былъ, повидному, первымъ, кто указалъ на существованіе общественной собственности, а трудъ нѣмецкаго ученаго Гакстаузена, который привлекъ вниманіе изслѣдователей къ такой формѣ совмѣстной эксплуатаціи почвы, появился только лишь въ 1847 г. Пришлось ждать до 1883 года, пока одинъ трансильванскій писатель, Тейчъ, не показалъ, что такого же рода общины существуютъ въ «саксонскихъ» мѣстностяхъ Карпатъ¹⁾.

Теперь является уже фактомъ общепризнаннымъ—такъ какъ собрано тому подавляющее количество доказательствъ,—что села всей Венгерской низменности и окрестныхъ горъ были окружены обществен-

1)Karl Taganyi, «Geschichte der Feldgemeinschaft in Ungarn»;—«Ungarische Revue», 1895, p. 103.

ными полями или «передѣльной землей», называемой также «землей стрѣлы» на томъ основаніи, что при метаніи жребія между участниками въ дѣлежъ пускалась стрѣла. Въ тринадцатомъ столѣтіи общинное землепользованіе было распространено на всей территоріи, которую занимаетъ въ настоящее время Венгрія; села перемѣщались вмѣстѣ со своими жителями по мѣрѣ того, какъ культивируемыя земли теряли свою производительную силу, и являлась необходимость найти новыя мѣста, еще нетронутыя или же возрожденныя продолжительнымъ пребываніемъ подъ паромъ. У славянъ, которые были предшественниками мадяровъ въ Венгріи, существовалъ также общинный строй ¹⁾, а передъ ними пользовались землею на такихъ же основаніяхъ римскіе ветераны и хеты, населявшіе страну. Итакъ, съ самаго начала писанной исторіи страны, раскинувшейся на берегахъ Дуная, земля оставалась въ общественномъ владѣніи, и вплоть до текущаго столѣтія постоянно встрѣчаются слѣды такого положенія вещей; такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Таганого, частная собственность на землю существуетъ въ трансильванской деревнѣ Фельвинѣ, на Марошѣ, только начиная съ 1845 года. Переходъ отъ первоначальной свободной общины къ современному режиму частной собственности совершился постепенно, вслѣдствіе неравномѣрныхъ раздѣловъ: мадяры начали получать болѣе крупныя участки, чѣмъ славяне и румыны, знать и чиновники стали также точно домогаться разныхъ преимуществъ, затѣмъ добились окончательнаго укрѣпленія за собою своихъ участковъ, которые съ каждымъ передѣломъ увеличивались все болѣе и болѣе. До того какъ римское право оказало свое вліяніе на современные общества, господствовалъ старинный институтъ коллективной собственности, являясь въ различныхъ формахъ, въ зависимости отъ среды и времени.

Такъ, напримѣръ, въ Россіи, заслуживающей съ точки зрѣнія господствующаго порядка вещей особаго вниманія, благодаря переживаемой ею переходной эпохѣ отъ коллективной собственности къ частной, три вѣка тому назадъ еще до возникновенія крѣпостного права, существовали совершенно иныя бытовыя условія. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту эпоху не замѣтно никакихъ слѣдовъ того періодическаго земельного передѣла, какой можно наблюдать въ нынѣшней общинѣ. Вотъ это-то обстоятельство и дало основаніе Чичерину и Фюстель-де-Куланжу выдвинуть гипотезу, гласящую, что форма коллективной земельной собственности возникла благодаря тому, что землевладѣльцы, для обезпеченія своихъ ежегодныхъ доходовъ, стали уравнивать крестьянскіе надѣлы періодическими земельными передѣлами. Но эта гипотеза была отвергнута, послѣ того какъ было установлено, что еще до эпохи земельныхъ

1) Максимъ Ковалевскій, «Первобытное право»

передѣловъ годные для обработки участки были достаточно обширны для того, чтобы каждая крестьянская семья могла безпрепятственно занимать необходимое для нея количество земли. Если вѣрить древнимъ источникамъ, то крестьянинъ самъ опредѣлялъ границы своихъ владѣній, проводя пограничную черту плугомъ, отмежевывая луга косой, а лѣса топоромъ. Коль скоро почва въ данной мѣстности истощалась, онъ передвигался на болѣе удобныя земли.

Этотъ первобытный порядокъ свободного обладанія землей членами одной общины удержался въ Россіи вплоть до XIX-го столѣтія. Область Войска Донскаго, состоящая изъ 74-хъ станицъ, или большихъ деревень, представляла, тѣмъ не менѣе, одну общину, остававшуюся еще въ 1875 г. совершенно нераздробленной. Каждое хозяйство ежегодно могло занимать болѣе или менѣе обширную часть всей территоріи и оста-

Биссы или оросительные каналы въ окрестностяхъ Сіона (Швейцарія).

влять ее за собой во все время обработки. Но приращеніе населенія по необходимости привело къ пропорціональному раздѣлу по числу «душъ» въ деревнѣ; вся пахотная земля была распределена между мелкими хозяйствами, но луга во многихъ станицахъ остались неподѣленными, сѣнокосъ производился коллективнымъ трудомъ, и урожай распределялся между членами общины.

Теперь становится понятнымъ, какимъ образомъ за первымъ раздѣломъ общественной собственности на семейные надѣлы обыкновенно

слѣдуютъ періодически одинъ за другимъ новые передѣлы. Лишь только начинаетъ мало-по-малу нарушаться первоначальное равенство между участвующими въ дележѣ семьями, тотчасъ же возникаетъ борьба между собственниками лучшихъ надѣловъ и тѣми, которые считаютъ себя обиженными при раздѣлѣ; нарушенное равновѣсіе даетъ себя чувствовать все сильнѣе, и, въ концѣ концовъ, недовольные добиваются новаго передѣла, если только не восторжествуютъ интересы болѣе богатыхъ, поддерживаемые правительствомъ; въ послѣднемъ случаѣ система передѣловъ, примѣняемая все рѣже и рѣже, подъ конецъ торжественно¹⁾ упраздняется привилегированными классами, а вмѣсто нея устанавливается порядокъ частной собственности на землю. Такова эволюція, завершившаяся въ предшествующія столѣтія въ Западной Европѣ и завершающаяся еще и нынѣ въ Пенджабѣ и на нѣкоторыхъ окраинахъ Россіи¹⁾.

Малороссія, на богатыхъ нивы которой направлены взоры, полные вождѣнія, перешла въ концѣ девятнадцатаго столѣтія болѣе чѣмъ на трети своей территоріи къ системѣ частной собственности, между тѣмъ какъ менѣе плодородная Великороссія почти цѣлкомъ до сихъ поръ еще вѣрна общинѣ съ ея періодическими передѣлами²⁾.

На островѣ Явѣ происходитъ аналогичная эволюція. Индивидуальная собственность беретъ теперь верхъ надъ собственностью коллективной. Существованіе точно отмежеванныхъ земельныхъ участковъ стало правиломъ въ 13201-й деревнѣ изъ всѣхъ 23473-хъ, тогда какъ раньше всѣ примыкавшія къ деревнѣ рисовыя плантаціи, влажныя нивы и рощи были достояніемъ каждаго члена общины³⁾.

Но на островѣ Явѣ такъ же, какъ и въ Россіи, не установлено точныхъ размѣровъ надѣла, и частная собственность не служитъ поэтому интересамъ обрабатывающихъ землю: скупщиками земельныхъ участковъ являются, главнымъ образомъ, китайцы, арабы и европейцы, которые сами не воздѣлываютъ почвы. Точно такую же эволюцію можно замѣтить и въ Индіи; Азія пережила, подобно Европѣ, тотъ же экономическій переходъ отъ общиннаго пользованія землей къ періодическимъ передѣламъ, а отъ нихъ къ частной собственности. Будь то въ Бенгаліи или Скандинавіи, на Гималаяхъ или Альпахъ,—мы одинаково встрѣчаемъ аналогичныя превращенія, которыя, впрочемъ, гораздо распространеннѣе, чѣмъ это вообще принято думать. Еще въ пятнадцатомъ столѣтіи въ Англіи послѣдовательные передѣлы коллективной собственности между членами общины были обыкновеннымъ явленіемъ. Этотъ обычай извѣстенъ подъ

1) Максимъ Ковалевскій, «Историческій переходъ отъ коллективной собственности къ частной». — 2) Тернеръ, «Вѣстникъ Европы» за май 1895 г., стр. 49, цит. Ковалевскимъ. — 3) Rienzi-Vankol, «La propriété foncière à Java».

названіемъ «running», то - есть «хороводной пляски». Кромѣ того, въ Великобританіи до сихъ поръ еще можно видѣть луга, называемые «lammas», соотвѣтственно англійскому названію перваго августа; эти луга считаются сначала частной собственностью вплоть до перваго сѣнокоса; затѣмъ, въ продолженіе осени и зимы, до 25-го марта, они считаются собственностью общественной ¹⁾).

Въ Швейцаріи можно наблюдать всю лѣстницу послѣдовательныхъ

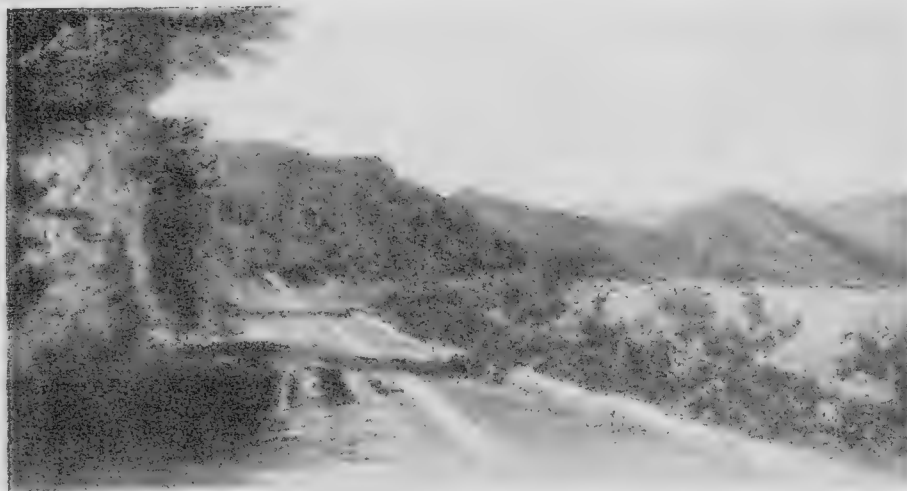

Крупная поземельная собственность въ Шотландіи. Стадо оленей на островѣ Арранѣ.

переходныхъ ступеней отъ старинной формы коммунальной земельной собственности къ собственности рѣзко индивидуальной. Все общественное поле подѣлено тамъ на извѣстное количество участковъ по числу деревень; каждый участокъ принадлежитъ той или иной сельской общинѣ и сдается въ долгосрочную аренду, доходы съ которой поступаютъ въ муниципальную казну. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Гандринъ въ Тессинскомъ кантонѣ, земля принадлежитъ не совокупности всѣхъ чле-

1) Thorold Rodgers. «Interprétation économique de l'Histoire».

новъ общины, а только извѣстному ограниченному числу семействъ, причемъ иногда случается, что одинъ семьи, въ силу тѣхъ или иныхъ условій, выходятъ изъ общества, а на ихъ мѣсто входятъ новыя. Въ кантонѣ Ваадтъ можно насчитать всего лишь 202 общины, гдѣ земля была бы всеобщимъ достояніемъ¹⁾. Въ Валлисѣ, гдѣ горы выше, и гдѣ поэтому было бы труднѣе подѣлить возвышенныя пастбища и превратить ихъ въ частныя надѣлы, общественная собственность удержалась и понынѣ (по крайней мѣрѣ, на высотахъ), и всякія производящія тамъ

Виды Арденнъ. На берегу рѣки Семуа.

работы должны служить общимъ интересамъ. Я говорю о цѣлесообразномъ распредѣленіи водъ, которое было хорошо понято и осуществлено на дѣлѣ членами общины, и которое сохранилось и понынѣ даже тамъ, гдѣ орошенные луги среднихъ и нижнихъ склоновъ находятся въ частныхъ рукахъ. Валлійцы захватываютъ быстрые ручьи при ихъ истокахъ изъ высоко лежащихъ ключей и ледниковъ, задерживаютъ бурные потоки, низвергающіеся со скалъ, и переводятъ ихъ по разнымъ направленіямъ на противоположащіе склоны долины; такіе каналы или, по мѣстному, «bisses», охватывающіе склоны горъ сѣтью параллельныхъ линій, проведены съ непогрѣшимой математической точностью, сообразно рельефу почвы. Эти сооруженія, совокупность которыхъ потребовала долгихъ вѣковъ работы, а содержаніе и ремонтъ которыхъ стоитъ ежегодно порядочнаго количества труда, позволяютъ жителямъ высотъ регулировать орошеніе всѣхъ склоновъ и рассчитывать ежегодно на обильные урожаи: биссы—

1) Max. Kovalevsky, «Geschichte der Zerstückelung im Kanton Waadt».

это богатство страны. Поэтому-то валлійцы относятся съ большимъ вниманіемъ къ этимъ сооруженіямъ, безъ которыхъ воды пропадали бы даромъ; нѣкогда они возводили это уваженіе въ своего рода культъ. Вершина горы, гдѣ два бисса, текущіе изъ различныхъ долинъ, сливали свои воды, а затѣмъ развѣтвлялись на второстепенные рукава, считалась священнымъ мѣстомъ; здѣсь происходили засѣданія суда, что, впрочемъ, можно объяснить и тѣмъ, что поводомъ къ могущимъ возникнуть столкновеніямъ служили зачастую всевозможныя несправности

Деревня въ бельгійскихъ Арденнахъ.

въ оросительной сѣти; въ такомъ случаѣ вопросъ требовалъ изученія и разрѣшенія тутъ-же на мѣстѣ. На древне-германскомъ нарѣчій верхне-валлійцевъ биссы назывались «suonen», отъ слова «suon», что значитъ «судъ» или «рѣшеніе спора» ¹⁾.

Какъ замѣчаетъ одинъ историкъ, разсматривать уничтоженіе сельской общины какъ результатъ нормальной эволюціи, явившейся будто бы желанной для части населенія, было бы столь же мало основательно, какъ говорить объ естественной смерти солдатъ, умершихъ на полѣ сраженія ²⁾. Правда, община на самомъ дѣлѣ исчезла почти во всѣхъ странахъ Западной Европы, но это случилось потому, что ее уничтожали декреты, приказы и грубая сила. Когда стоимость земли повысилась, земельнымъ скупщикамъ, — помѣщикамъ и купцамъ, — достаточно

1) Daniel Baud-Bowy, «A travers les Alpes», p. 19.—2) Pierre Kropotkine: «L'Entr'aide».

было опереться на законы, которые они сами диктовали правительству, для того, чтобы постепенно присоединить къ своимъ владѣніямъ лучшіе общественные участки; законами они воспользовались и для того, чтобы разрушить до основанія мѣстную автономію. Особенно отмѣчена этимъ экономическимъ переворотомъ, обезземеленіемъ крестьянъ въ Швейцаріи, Германіи и въ Англіи, эпоха реформаціи въ XVI вѣкѣ. Въ Англіи, путемъ такой же эволюціи, началось превращеніе обрабатываемыхъ земель въ пастбища. Когда церковные удѣлы были розданы Генрихомъ VIII дворянству, то новые владѣльцы воспользовались своимъ законнымъ правомъ для того, чтобы вытѣснить ненужныхъ, какъ имъ казалось, крестьянъ и замѣнить ихъ стадами животныхъ. Слѣдствіемъ этого явились бунты и разбои, но правительство водворило «порядокъ» массовыми избиеніями. Этотъ пріемъ былъ повторенъ еще нѣсколько разъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, въ промежуткѣ между 1810 и 1820 годами, въ сѣверной Шотландіи: тысячи крестьянъ были согнаны съ тѣхъ земель, которыя они обрабатывали, и замѣнены стадами барановъ и оленей ¹⁾.

Ни одно правительство не дѣйствовало противъ общинной собственности болѣе категорично, чѣмъ конвентъ. Онъ проводилъ тотъ принципъ, который могла-бы поставить себѣ цѣлью абсолютная монархія: не допустить существованія какихъ бы то ни было промежуточныхъ интересовъ между національными и индивидуальными. Государство, единое и нераздѣльное, царящее надъ жалкой пылью раздробленныхъ участковъ,—вотъ этотъ идеалъ. Департаментъ, волость, кантонъ, община,—все это должно было превратиться въ пустые официальные термины; надо было, чтобы законъ содѣйствовалъ разрушенію всѣхъ давнишнихъ связующихъ звеньевъ между отдѣльными единицами той или иной группы. Поэтому-то конвентъ декретировалъ продажу всѣхъ общинныхъ земель, но существованіе его было слишкомъ кратковременнымъ для того, чтобы поставленная цѣль могла быть вездѣ достигнута. Тамъ, гдѣ этому способствовали географическія условія, общинная собственность удержалась и до нашихъ дней.

На самомъ дѣлѣ нѣтъ такой страны въ Европѣ, гдѣ бы традиціи древней формы коллективной собственности на землю исчезли безслѣдно; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно въ Арденнахъ и въ скалистыхъ областяхъ Швейцаріи, гдѣ крестьянъ не удалось раздавить, какъ это удалось сдѣлать съ нѣмецкими поселянами послѣ войны Реформаціи, общинныя земли еще достаточно обширны и составляютъ значительную часть всей территоріи.

Всю площадь бельгійскихъ Арденнъ, находящуюся въ общественномъ пользованіи, можно раздѣлить на три категоріи: лѣса,

1) Подробности см. въ «The Scottish Geographical Magazine», nov. 1902.

пастбища и пространства, покрытыя морскими водорослями; кромѣ того, попадаются еще пахотная земля и каменоломни. Лѣсная область, составляющая большую часть коммунальных владѣній, дѣлится на извѣстное число участковъ, обыкновенно отъ двадцати до двадцати двухъ. Ежегодно одинъ изъ этихъ участковъ обслуживаетъ нужды населенія въ качествѣ топлива, причемъ съ деревьевъ предварительно снимается кора, которая поступаетъ въ запасы коммунальной казны. Для лѣсопильных работъ члены распределяются на группы изъ пяти семействъ каждая, послѣ чего участники каждой отдѣльной группы поочередно приступаютъ къ рубкѣ, очисткѣ отъ коры и перевозкѣ стволовъ. Послѣ рубки каждый приступаетъ къ выкорчевыванію выпавшаго на его долю участка и засѣваетъ его рожью на слѣдующій годъ. Черезъ два съ половиною года послѣ жатвы ржи жители дѣлятъ между собой выросшій за это время дрокъ, послѣ чего данный участокъ, начавшій уже снова зарастать, предоставляется самому себѣ до тѣхъ поръ, пока до него снова не дойдетъ очередь. Пастьба скота производится тоже совмѣстнымъ трудомъ, но безъ определенной организаціи, на необработанныхъ участкахъ, въ высокоствольныхъ лѣсахъ и среди кустарниковъ, лѣтъ черезъ шесть-семь послѣ вырубки деревьевъ; добываніе камней изъ каменоломенъ производится свободно подъ условіемъ предварительнаго заявленія.

Эти обычаи несомнѣнно оказываютъ вліяніе на моральный складъ личности, сильно развивая въ немъ духъ солидарности, взаимной услужливости и готовности помочь; такимъ образомъ, вошло въ обычаи добровольно помогать въ работѣ тѣмъ, кто въ данную минуту нуждается въ этомъ: стоитъ только огласить свою просьбу. Это заявленіе дѣлается посредствомъ особаго шествія по деревнѣ—по-мѣстному «bassinage»,—сопровождаемого выкрикиваніемъ, что, молъ, «такой-то проситъ о такой-то услугѣ! Кто согласенъ оказать ему ее»? Тотчасъ собирается нѣсколько человѣкъ, начинаютъ обсуждать, кому удобнѣе взяться за данную работу, и обязанность оказать услугу возлагается на того или другого члена. Такимъ образомъ просьба удовлетворена ¹⁾. Приблизительно такія же описанія мы имѣемъ и относительно нѣкоторыхъ мѣстностей Швейцаріи ²⁾.

Въ Швейцаріи двѣ трети альпійскихъ луговъ и лѣсовъ принадлежатъ общинамъ, которыя, кромѣ того, являются собственниками значительной части торфяниковъ, камышниковъ и каменоломенъ, не считая уже полей, садовъ и виноградниковъ. Подчасъ совмѣстная работа членовъ общины походитъ скорѣе на празднество, чѣмъ на трудъ. Вотъ, напримѣръ, молодые люди и дѣвушки, поднимающіеся въ горныя альпій-

1) Paul Gille, — «Société Nouvelle». Mars 1888. — 2) Briot, «Etudes sur l'Economie alpestre».

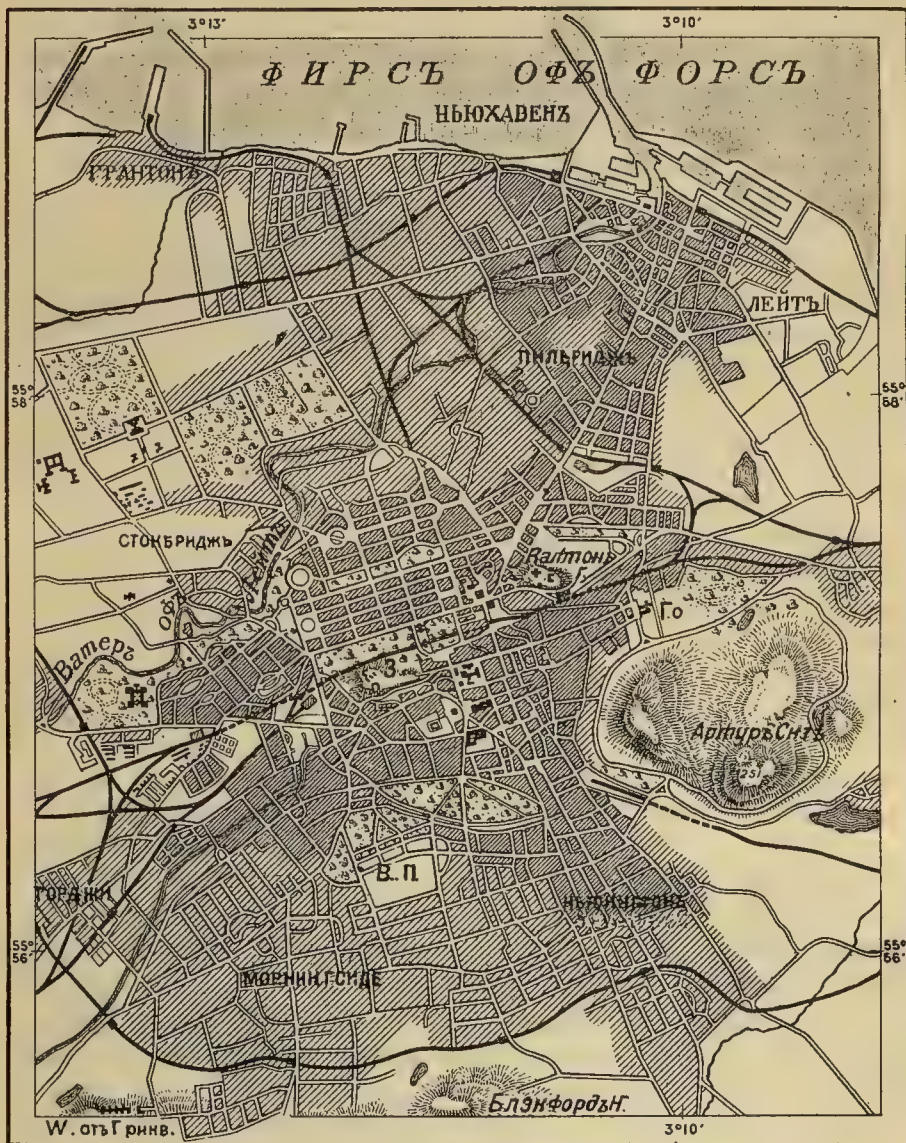
скія пастбища со своими стадами, которыя весело позваниваютъ своимъ благозвучными бубенчиками. Правда, иной разъ работа бываетъ и потяжелѣе: когда ранней весной снѣгъ еще не обнажилъ земли, вооруженные топорами дровосѣки отправляются въ общественные лѣса рубить высокія сосны; они очищаютъ стволы отъ коры и спускаютъ ихъ по узкимъ рыввинамъ между снѣжными лавинами въ бурные потоки, упосящіе ихъ своимъ бурнымъ теченіемъ.

А долгіе зимніе вечера, когда всѣ собираются то у одного, то у другого и коротаютъ время за общей работой: вылущиваютъ мансѣ, очищаютъ орѣхи или же работаютъ надъ придавленнымъ певѣсты! Въ этихъ собраніяхъ трудъ кажется радостью, и даже дѣти всячески стараются принять въ немъ какое-нибудь участіе. Здѣсь все ново для нихъ: вмѣсто того, чтобы ложиться спать, они бодрствуютъ вмѣстѣ со старшими; въ горячей золѣ они пекутъ каштаны, изъ которыхъ лучшіе достанутся имъ; когда же сонъ спускается на ихъ отяжелѣвшія вѣки, имъ спюютъ пѣсню, расскажутъ сказку, приключенія, басню, которыя перенесутъ ихъ въ міръ чудесныхъ видѣній и грезъ. Въ такія-то ночи общаго мира и согласія зачастую опредѣляется будущее ребенка; здѣсь зарождается любовь, и смягчаются житейскія горести.

Такимъ образомъ, въ общинѣ вовсе не исчезъ духъ единенія, несмотря на всѣ старанія богатыхъ собственниковъ и правительства, которымъ выгодно погасить очагъ, питающій силы сопротивленія ихъ алчности и могуществу, и которые стараются имѣть дѣло только съ обособленными лицами. Обычай взаимнаго обмѣна услугъ прививается даже среди людей различныхъ націй и языковъ: въ Швейцаріи существуетъ обычай мѣняться дѣтьми между семьями нѣмецкихъ и семьями французскихъ кантоновъ; такимъ же образомъ, беарнскіе поселяне посылаютъ своихъ дѣтей въ земли басковъ, но, въ свою очередь, принимаютъ къ себѣ, въ качествѣ слугъ на фермѣ, молодыхъ эускарцевъ. Такимъ образомъ, и тѣ и другіе скоро выучиваютъ оба языка, не увеличивая расходовъ своихъ родителей. Наконецъ, во всѣ времена между угольщиками, охотниками, моряками и такъ далѣе—словомъ, между всѣми представителями одной и той же профессіи, объединенными общими интересами, существовали своего рода братства, хотя и безъ писанныхъ уставовъ, даже безъ какихъ бы то ни было письменныхъ обязательствъ, но представлявшія, тѣмъ не менѣе, тѣсно сплоченныя маленькія республики. Ярмарочные купцы, которые могутъ видѣться другъ съ другомъ только благодаря случайностямъ путешествія, объединены въ своего рода франкъ-масонское общество, раскинувшее свою сѣть по всему міру и гораздо болѣе сплоченное. Чѣмъ то, въ которомъ принимали участіе одни только посвященные «братья»

Само собой разумѣется, что каждый человѣкъ, сдѣлавшійся господиномъ надъ себѣ подобными, въ результатѣ ли войны, покоренія

№ 563. Эдинбургъ и Варрендеръ-Паркъ.

Въ 1695 году муниципалитетъ Эдинбурга сдалъ одному изъ своихъ членовъ, Г. Варрендеру, за плату 1 шиллингъ серебромъ въ годъ, домъ и паркъ, занимающій 30 гектаровъ, на разстояніи свыше 1 километра отъ города, который оканчивался въ тѣ времена тамъ, гдѣ проходить главная улица, гедущая отъ Голируда (Го) къ замку (З). Постепенно разрастаясь, Эдинбургъ охватилъ Варрендеръ-Паркъ (В.-П.; оставленъ на картѣ незаштрихованнымъ) своими шупальцами. Паркъ былъ разбитъ на участки, которые были сданы въ наемъ. Ежегодный доходъ, получаемый отсюда потомкомъ Г. Варренера шестого поколѣнія, пользующимся правомъ первородства, исчисляется въ 1 600,000 франковъ. Масштабъ карты равенъ 1:50000.

ростовничества или другимъ какимъ-нибудь путемъ, будетъ, въ силу этого самаго обстоятельства, стараться установить, въ цѣляхъ своей выгоды, форму частной собственности: завладѣвъ человѣкомъ, онъ тѣмъ самымъ присваиваетъ себѣ какъ самый его трудъ, такъ и продуктъ этого труда, а затѣмъ и самый участокъ, который обработанъ руками его раба. Носитель власти, въ какомъ бы уголкѣ земного шара ни находились его подданные, и какъ бы стойко ни держались они за старинные обычаи, всегда обнаруживалъ тенденцію, именно благодаря своей власти, удовлетворять свои собственные капризы: онъ бралъ людей, бралъ землю, а затѣмъ распредѣлялъ ее по своему усмотрѣнію. Способы выраженія благодарности, характеръ почестей, воздаваемыхъ вассалами, условія зависимости,—все это мѣнялось соотвѣтственно странѣ и эпохѣ; но суть дѣла въ томъ, что земельная собственность изъята изъ рукъ трудящихся на ней и передана тому, кто не умѣетъ даже орудовать заступомъ или управлять плугомъ.

Древній феодальный порядокъ, по которому подаренная нѣкогда верховной властью кому-нибудь провинція на материкѣ или на островѣ остается вѣками въ рукахъ одной и той же фамиліи, удержался до нашихъ дней. Въ Америкѣ можно встрѣтить еще достаточно типичные примѣры подобныхъ явленій, не претерпѣвшихъ никакихъ измѣненій со времени дара. Такъ, напримѣръ, островъ Антикості, называвшійся встарину у индѣйцевъ *Naticosteh*, принадлежитъ цѣликомъ одному лицу. Хотя этотъ островъ, лежащій при самомъ устьѣ рѣки Св. Лаврентія, кажется на нашихъ картахъ незначительнымъ по размѣрамъ, однако, онъ занимаетъ площадь въ 628000 гектаровъ, то-есть, немного меньшую, чѣмъ занимаетъ Корсика; по южному, обращенному къ солнцу, склону острова тянутся мѣста, пригодныя для обработки. Безъ сомнѣнія, цѣлые лѣса низкорослыхъ деревьевъ, переплетающіяся вѣтви которыхъ образуютъ нѣчто въ родѣ навѣса, разстилающагося надъ обширными торфяниками, не представляютъ бьющаго въ глаза богатства, но пушные звѣри и цѣлыя тысячи черныхъ медвѣдей, приплывающихъ сюда, по всей вѣроятности, изъ устья рѣки зимою на льдинахъ, должны были бы привлечь вниманіе охотниковъ, и не мѣшало бы изслѣдовать островъ хотя бы для того, чтобы узнать, не скрывается ли въ силирийскихъ отложеніяхъ острова минеральныхъ богатствъ? Но Антикості, переданный въ 1680 году Жолліету, навсегда остался собственностью одного лица; рѣдкое населеніе—около пяти сотенъ душъ—состоитъ изъ рыбаковъ или охотниковъ, а то изъ разныхъ служащихъ, въ родѣ сторожей при маякахъ или спасательныхъ лодкахъ. Часто мореплаватели, потерпѣвшіе здѣсь крушеніе и выброшенные на эти пустынные песчаные берега, бывали доведены голодомъ и отчаяніемъ до того, что пожирали другъ друга ¹⁾.

1) J. U. Gregory, «L'Ile d'Anticosti et ses Naufrages».

Очевидно, причиной почти полной запущенности этого большого острова является концентрация всей земли въ руках одного лица.

Кокосовая пальма на Мадагаскарѣ.

Не такъ давно однимъ изъ очаровательныхъ Антильскихъ острововъ, Барбудой, владѣлъ тоже одинъ единственный человѣкъ; теперь этотъ островъ раздѣленъ на двѣ части, владѣльцы которыхъ обязаны ежегодно

подносить въ даръ губернатору сосѣдняго острова Антигуи либо по жирной овцѣ, либо по оленю ¹⁾. Крупная земельная собственность была причиной пустынности этого плодороднаго и здороваго уголка: это самый рѣдко населенный островъ изъ всего Антильскаго архипелага; въ 1890 году плотность населенія опредѣлялась здѣсь скромной цифрой четырехъ человѣкъ на квадратный километръ, тогда какъ на островѣ Барбадосѣ она была во сто кратъ больше (426 чел.). Занимая такую же площадь, какъ и Нормандскіе острова, Барбуда могла дать пріютъ всего лишь 1000 человѣкамъ, тогда какъ на островахъ Джерси и Гернси находятъ себѣ пропитаніе до 100000 жителей.

По той же причинѣ Великобританія, которая такъ гордится своими колоніями, вынуждена признать унизительный контрастъ, замѣчаемый между ея колоніей въ Центральной Америкѣ, Британскимъ Гондурасомъ, и сосѣдними колоніями бѣлыхъ испанскаго происхожденія и такъ называемыхъ «ladinos» смѣшанной крови. Причина столь крупной разницы между обширной колоніей, не приносящей почти никакихъ выгодъ, и сосѣдними территоріями, обогащенными культурой и разработкой естественныхъ богатствъ, заключается въ томъ, что Британскій Гондурасъ цѣликомъ находится въ рукахъ крупныхъ собственников: кому придется охота быть здѣсь рабомъ, когда въ сосѣднихъ странахъ можно оставаться свободнымъ?

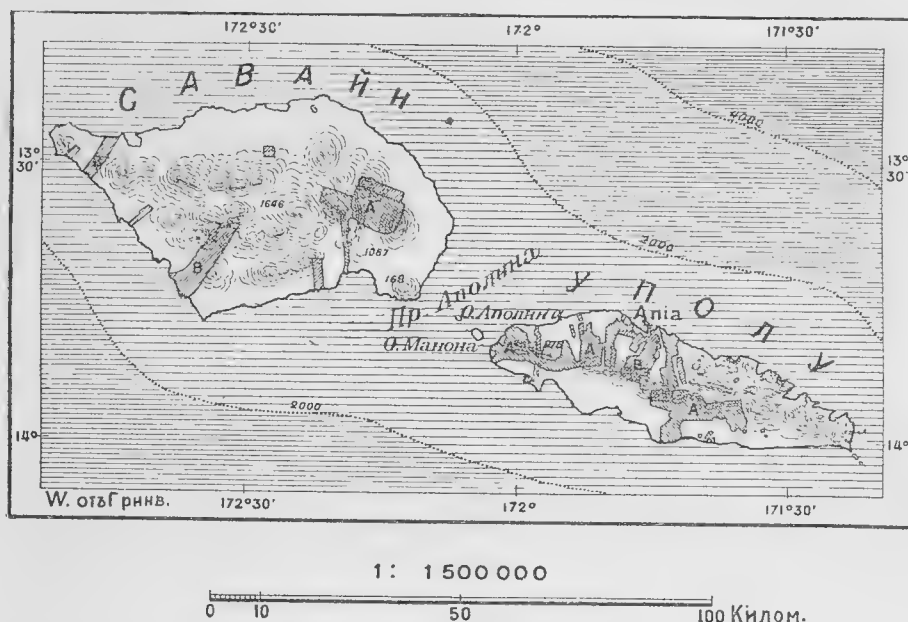
Въ нѣкоторыхъ странахъ, будь то слѣдствіемъ феодальнаго наслѣдія, какъ въ Великобританіи, Сѣверной Германіи или въ Ломбардіи; будь то въ силу колоссальныхъ пріобрѣтеній, какъ въ Австраліи; будь то въ силу завоеванія, какъ это имѣло мѣсто въ Ирландіи, — раздѣленіе земли на огромныя владѣнія стало правиломъ; тамъ изъ рукъ дѣйствительныхъ работниковъ повсюду почти совершенно вырвано право собственности на ихъ кормилицу-землю. Въ большинствѣ случаевъ приводятъ классическій примѣръ сѣверной Шотландіи, гдѣ вся территорія находится, такъ сказать, цѣликомъ въ рукахъ нѣсколькихъ привилегированныхъ лицъ; многія изъ этихъ помѣстій нельзя проѣхать отъ края до края за цѣлый день, скача верхомъ во весь опоръ. Впрочемъ, многіе изъ этихъ крупныхъ помѣщиковъ не даютъ себѣ даже труда ознакомиться со своимъ имѣніемъ и ограничиваются лишь полученіемъ доходовъ. Почти все графство Сѣтерлэндъ, занимающее пространство въ 5200 квадратныхъ километровъ, принадлежитъ одному привилегированному лицу, носящему тоже имя Сѣтерлэндъ. Въ 1890 году тринадцати другимъ крупнымъ собственникамъ принадлежало больше чѣмъ по 100000 акровъ (405 квадр. километровъ каждому), сосредоточенныхъ въ одномъ имѣніи; общая площадь такихъ владѣній доходитъ до 15000 квадр. кило-

1) Ober, «Camps in the Caribbees».

метровъ и можетъ сравниться по величинѣ съ площадью, занимаемой обѣими Савоями и департаментомъ Верхнихъ Альповъ.

У англійскихъ помѣщиковъ нѣтъ такихъ крупныхъ земель. Собственниковъ, у которыхъ количество земли превышало бы площадь въ 500 кв. километровъ, можно, и то съ трудомъ, насчитать не болѣе

№ 564. Владѣнія бѣлыхъ на островахъ Самоа.

а) Владѣнія, приобретенныя нѣмецкими домами. в) Владѣнія, принадлежащія англичанамъ или американцамъ. По раздѣлу 1899 года, данные острова выпали на долю Германіи. Бѣлые объявили неприемлемыми требованія одного мѣстнаго князька; онъ считалъ своею территорію, обнимающую всю сѣверо-западную половину острова Савайи, въ силу традицій, давность которыхъ исчисляется 22 поколѣніями¹⁾.

четырехъ, причемъ трое изъ нихъ приходится на Ирландію. Но у нихъ имѣются такіе источники доходовъ, которые много превышаютъ доходность сельскихъ помѣстій въ Шотландіи: это копи, каменоломни, гавани, города. Одинъ изъ этихъ помѣщиковъ является собственникомъ города Кардифа, въ Уэльсѣ, со всѣми его каменноугольными копами, всей системой желѣзныхъ дорогъ, бассейновъ, эллинговъ, пристаней, пакгаузовъ. Почва Лондона, этого мірового города, принадлежит небольшому числу герцоговъ и бароновъ, изъ коихъ каждому приходится содержать цѣлое вѣдомство сборщиковъ и приставовъ для взиманія своихъ громадныхъ и все растущихъ доходовъ. Именно такой порядокъ хотѣла ввести правящая англійская аристократія во всѣхъ своихъ колоніальныхъ государствахъ, но только въ еще болѣе чудовищныхъ размѣрахъ, чѣмъ

1) «Globus», 1900, I, p. 118, et 1902, I, p. 85.

у себя на родинѣ. Такъ, въ восточной Австраліи, въ Ливерпуль-Доупсѣ, четыре переселенца подѣлили между собою площадь въ 3250000 гектаровъ (территорія Бельгін занимаетъ всего 2945000 гект.), причемъ каждому досталось, сверхъ того, 70000 головъ скота; всѣ расходы по этому имѣнію сводились къ содержанію полудюжины пастуховъ. Всѣ эти крупные вассалы, которымъ громадныя владѣнія достались всего лишь за 250 франковъ, называли себя демократическимъ именемъ «скоут-теровъ», то-есть «сидящихъ, припавшихъ къ землѣ», какъ-будто они дѣйствительно сидѣли на занятой ими землѣ. Только съ большимъ трудомъ удалось, подъ давленіемъ общества, заставить правительство измѣнить этотъ позорный режимъ въ области землевладѣнія.

Въ Германіи крупные землевладѣльцы такъ же, какъ и англійскіе лорды, пользуются пережитками феодализма, чтобы сохранить нетронутыми свои обширныя помѣстья; кромѣ того, они пользуются специальнымъ законодательствомъ для сбыта своихъ продуктовъ. Пятнадцать самымъ крупнымъ землевладѣльцамъ германской имперіи принадлежитъ вмѣстѣ свыше 4600000 гектаровъ земли; одному изъ нихъ принадлежитъ одна шестая часть великаго герцогства Бадена. Но всѣ эти цифры покажутся ничтожными въ сравненіи съ количествомъ земель русскаго императора: его личная собственность обнимаетъ пространство въ 51 милліонъ гектаровъ, то-есть, приблизительно, площадь, занимаемую Франціей.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, именно въ Андалузін, собственниками на землю являются исключительно вельможи; между милліонерами и пролетаріями, всецѣло зависящими отъ хозяевъ за жалкое ежедневное пропитаніе, нѣтъ переходныхъ ступеней. Положеніе здѣшняго пролетаріата походитъ на положеніе древнихъ рабовъ; оно даже еще хуже. Для того, чтобы довести заработную плату до минимума, землевладѣльцы объединились въ синдикатъ; получая зачастую только два реала, то-есть, 50 сантимовъ, рабочій принужденъ голодать. Но приблизительно около 1880 года герцогу Осуна, который устыдился своего столь легко добытаго богатства, пришла въ голову мысль подѣлить свои обширныя владѣнія между обрабатывающими его землю и положить начало мелкой земельной собственности. Тотчасъ противъ него поднялся всеобщій вопль; его считали сумасшедшимъ, предателемъ, и синдикату землевладѣльцевъ, наконецъ, удалось, при содѣйствіи правительства, заставить герцога-физиктрома сохранить за собою свою монополію. ¹⁾

Такимъ же образомъ, не такъ давно въ Новомъ Свѣтѣ, и притомъ въ иную стадію развитія собственности, замѣчалось, что общественное мнѣніе и правительство создавали всевозможныя затрудненія къ про-

1) «Société Nouvelle», апрѣль 1894 г., стр. 568.

цвѣтанію коллективной собственности на землю, такъ мало согласующейся съ ходячей практикой и уловками администраціи. Я говорю о духоборахъ, или «борцахъ духомъ», которымъ ихъ религіозныя убѣжденія запрещаютъ носить оружіе, но къ которымъ, тѣмъ не менѣе, русское правительство предъявляло требованіе о ежегодной поставкѣ рекрутовъ. Извѣстно, что духоборы съ героической твердостью противостояли этимъ требованіямъ, несмотря на удары кнута, тюремное заключеніе, ссылки и даже разстрѣлы; извѣстно также, что русское правительство, наконецъ, уступило, хотя и не изъ великодушія, разрѣшивъ этимъ сектантамъ покинуть русскія владѣнія. Первая партія въ 1126 человекъ отправилась на островъ Кипръ, гдѣ англійскіе квакеры приготовили имъ пристанище, но слишкомъ недостаточное и нездоровое. Смертность все увеличивалась, и потому толпа эмигрантовъ, измѣнивъ прежнее направленіе и значительно пополнивъ по дорогѣ свои ряды, направилась въ Манитобу, гдѣ ее ожидали другія, болѣе благопріятныя условія. Къ 1900 году въ сѣверо-западной части Канады окончательно поселилось до семи тысячъ духоборовъ, оставившихъ за собой въ далекихъ кавказскихъ губерніяхъ лишь незначительное количество своихъ товарищей. Но здѣсь возникли осложненія другого рода, нѣкоторыя подробности которыхъ еще не разрѣшены (1905). Съ первыхъ-же шаговъ переселенцы, привыкшіе къ приемамъ управленія русскихъ властей, не допустили официальной регистраціи актовъ гражданскаго состоянія, и пришлось удовлетвориться ихъ устными показаніями относительно рождаемости и смертности; давать же отчетъ о бракахъ они не считали нужнымъ вовсе. Еще труднѣе было установить данныя для кадастровой росписи земельныхъ участковъ. Правительство отказывалось записать ихъ на имя извѣстнаго коллектива, тогда какъ пришельцы отвергали всякую личную собственность, такъ какъ «частная собственность можетъ существовать только на основаніи законовъ принудительнаго характера и опираясь на войско или полицію» ¹⁾. Являлась даже мысль избрать нѣсколько подставныхъ лицъ въ качествѣ фиктивныхъ собственниковъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они никогда не вздумали воспользоваться своимъ официальнымъ положеніемъ въ ущербъ остальнымъ членамъ общества. Но такой шагъ являлся слишкомъ рискованнымъ, и опасность была слишкомъ велика: уже нѣкоторые поддались соблазну и пошли по пути обогащенія; они измѣнили общій укладъ своей жизни и поставили себѣ идеаломъ не общіе интересы коммуны равныхъ и друзей, а, подобно собственникамъ и капиталистамъ, личное благосостояніе; они стали проводить въ жизнь систему эксплуатаціи до предѣловъ возможнаго, которая управляетъ теперь обществомъ въ Но-

1) Léon Tolstoj, «Revue Blanche», 15 nov. 1900.

вомъ Свѣтѣ, пожалуй, еще въ большей степени, чѣмъ въ Старомъ. Но достаточно было простой угрозы новымъ переселеніемъ, чтобы сломить упорство канадскаго правительства, которое успѣло уже оцѣнить высокія достоинства переселенцевъ и пользу отъ ихъ пребыванія въ странѣ; замѣчено было совершенство ихъ земледѣльческихъ приемовъ, убѣдились въ ихъ непоколебимой честности. Итакъ, правительство рѣшилось уступить требованіямъ этихъ идеально тихихъ людей, у которыхъ, подѣ влияніемъ вѣковыхъ скитаній и принципа «непротивленія», выработался духъ мученичества. Чѣмъ оставить свой коммунальный образъ жизни, чѣмъ унизиться до того, чтобы позволить себя внести въ официальные списки собственниковъ, законныхъ супруговъ и отцовъ, облеченныхъ вѣншиимъ авторитетомъ, «борцы духомъ» скорѣе согласятся взяться за скитальческій посохъ и отправиться по міру искать болѣе милосерднаго народа, который ихъ принялъ-бы, или же странствовать безуспѣшно до гробовой доски.

Формѣ крупнаго землевладѣнія во многихъ мѣстахъ противопологается форма раздробленія земли на мелкіе участки. При нормальномъ раздѣлѣ, наблюдаемомъ, главнымъ образомъ, въ Китаѣ, каждое семейство получаетъ въ среднемъ такое количество земли, какое оно можетъ обработать собственными средствами, и котораго могло бы хватить на его содержаніе. Но нигдѣ такая система передѣловъ не возникла подѣ влияніемъ разсудка или здраваго смысла: напротивъ, она скорѣе бывала результатомъ вѣковой борьбы противоположныхъ интересовъ. Едва только земельный участокъ былъ выдѣленъ изъ общенациональной или коммунальной собственности, какъ работникъ спѣшилъ стать на защиту своего клочка земли отъ завоевателей или скупщика, и при благоприятныхъ условіяхъ ему иногда удавалось сохранить свой надѣлъ. Въ иныхъ мѣстахъ ему шла на помощь сама природа устройствомъ ли поверхности, или климатическими условіями: то крутизны, стѣны скалъ или болота защищаютъ обрабатываемый участокъ; то онъ затерялся за каналами, на островкахъ или среди лѣсныхъ опушекъ; онъ сжался, съжился, чтобы оставаться незамѣченнымъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мелкій собственникъ путемъ борьбы заставилъ признать свое право на непосредственное пользованіе землей; чтобы упрочить свой плугъ на отцовской нивѣ, онъ поставилъ себя такъ, чтобы его боялись; мелкая собственность возникла благодаря революціи. Только благодаря силѣ народа, возставшаго противъ короля, дворянства и церкви, населенію Санъ-Клода, находившемуся въ условіяхъ крѣпостной зависимости, удалось отдѣлать себя отъ огромныхъ владѣній аббатства собственные поля, и, опять-таки только благодаря силѣ, рабамъ въ Санъ-Доминго удалось раздробить на мелкіе участки плантаціи бѣлыхъ и поселиться тамъ въ качествѣ свободныхъ гражданъ.

ряться среди обширныхъ латифундій; иногда она увеличивается до помѣстія среднихъ размѣровъ, для обработки котораго недостаточно однихъ рабочихъ рукъ семьи; но въ такомъ случаѣ доходъ съ него растетъ благодаря эксплуатаціи наемнаго труда. Всѣ экономическія колебанія въ обществѣ, касающіяся рабочихъ и капиталистовъ, дворянъ и мѣщанъ, отзываются на земельныхъ отношеніяхъ и измѣняютъ общія очертанія границъ отдѣльныхъ владѣній. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ практикуются періодическіе земельные передѣлы, увеличеніе численности населенія влечетъ за собой полное измѣненіе земельной собственности. Вслѣдствіе этого тѣ, которые не желаютъ допустить дальнѣйшаго раздробленія своего и безъ того крошечнаго клочка земли, стараются не имѣть больше одного ребенка; такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ странѣ грозитъ обезлюденіе. Постоянное примѣненіе системы передѣловъ превращаетъ участокъ cadaqua «участника» дѣлежа въ простую фикцію. Логика «передѣловъ» доходитъ порой до того, что дѣлежу между нѣсколькими лицами подвергаются предметы, по самой своей природѣ недѣлимые. Странно уже то, что можно было подѣлить поле на такія узкія полосы, что ихъ обработка становится почти призрачной, но еще нелѣпѣе покажется обычай, заставляющій сонаслѣдниковъ раздѣлить домъ между столькими собственниками, сколько въ домѣ этажей. Именно такіе случаи имѣли мѣсто въ Ниццѣ, Единбургѣ и другихъ мѣстахъ. Или, напримѣръ, между нѣсколькими погонщиками происходитъ дѣлежъ разрѣзанныхъ тушъ и отдѣльныхъ членовъ выюнныхъ животныхъ ¹⁾; иногда дерево разрѣзается на части, разбирается по вѣточкѣ и складывается въ вязанки хвороста, причемъ на каждую отдѣльную вязанку есть свой владѣлецъ; такіе случаи далеко не рѣдкость въ Джуръ-Джурѣ, на Берберскомъ плоскогоріи, и на Цейлонѣ. На этомъ островѣ недавно разбирался процессъ, причемъ была предъявлена претензія въ размѣрѣ $\frac{1}{25}$ -ой доли десяти кокосовыхъ деревьевъ (Emerson Tennent).

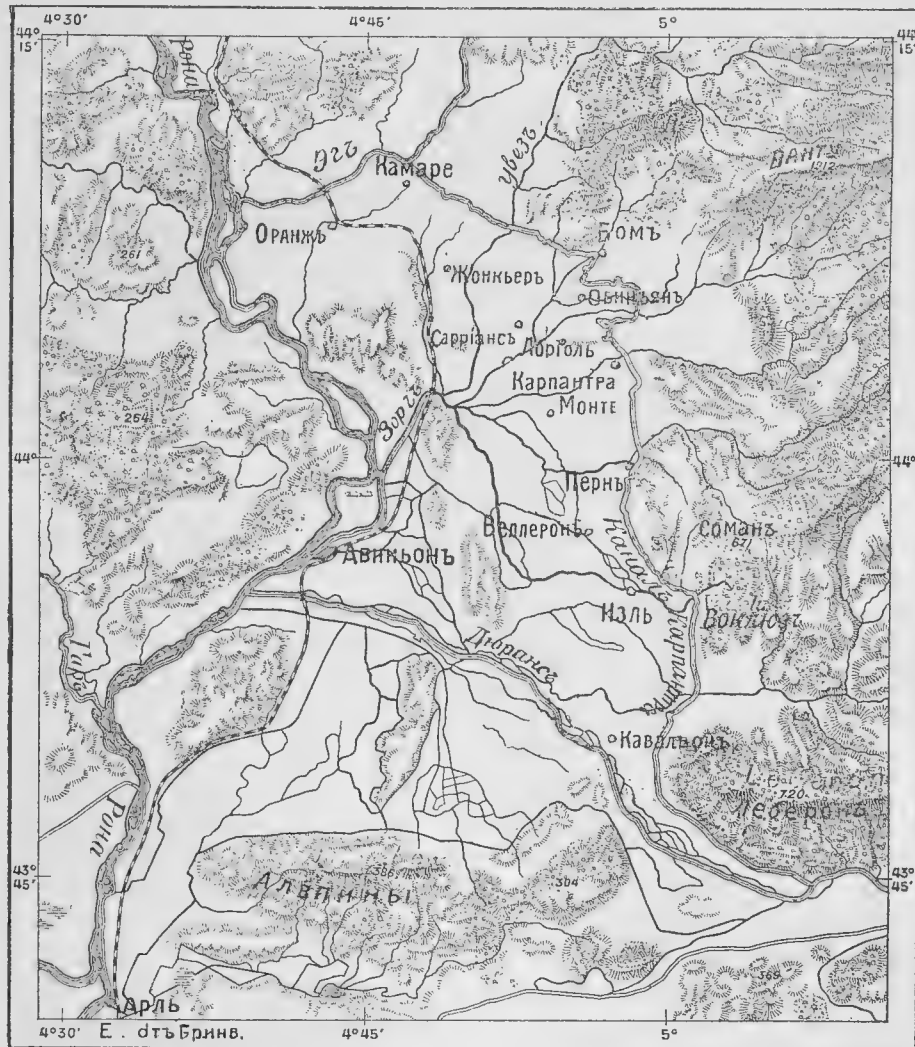
Развѣ подобныя вещи не могутъ показаться нарочно придуманными для того, чтобы возбуждать ненависть и порождать сутяжничество?

Между крупной и мелкой собственностью свирѣпствуетъ такая же война, какъ между собственностью общественной и собственностью частной. Эти два вида общественныхъ отношеній не только создаютъ два враждебныхъ лагеря, но и сами сталкиваются какъ двѣ разнородныя, даже противоположныя по духу системы. Хотя обѣ онѣ возникли на почвѣ людской жадности и низменныхъ человѣческихъ инстинктовъ, однако, обѣ эти формы собственности защищаются каждая своими сторонниками какъ системы, имѣющія право на существованіе въ силу

1) P. Molesworth Sykes, «R. Geographical Society», june 28, 1897.

своихъ особенныхъ достоинствъ. Преимущественно восхваляется си-

№ 566. Каналь Карпантра.

1 : 500 000

0 10 20 30 Килом.

Каналь Карпантра, начатый лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, значительно улучшенъ въ концѣ истекшаго столѣтія; длина его равна 88 километрамъ, считая отъ того мѣста, гдѣ онъ, близъ Кавальона, отдѣляется отъ другихъ каналовъ поменьше. Шесть кубическихъ метровъ, взятыхъ отъ Дюрансъ, дали бы возможность сросить 5400 гектаровъ почвы, занимающихъ территорію двѣнадцати общинъ; въ 1903 году лишь 64% было дѣйствительно орошено.

стема мелкой собственности, такъ какъ она больше походить на есте-

ственное имущественное равенство: при такой системѣ семья хлѣбопашца наполняетъ свою жизнь непрерывнымъ трудомъ и находитъ въ немъ полное примѣненіе своимъ силамъ въ теченіе многихъ часовъ и дней. Даже тогда, когда полевыхъ работъ нѣтъ, члены семьи должны заботиться о скотѣ, объ извлеченіи пользы изъ добытыхъ продуктовъ, объ украшеніи своего жилища; такимъ образомъ, даже искусству отведено свое мѣсто въ жизни поселяннина. Романтизмъ легко проникаетъ въ убогую сельскую хижину, гдѣ находитъ превосходную обстановку для идилліи, для которой здѣсь столько простора; но, съ другой стороны, какъ часто у домашнего очага гнѣздится угрюмая нищета! И даже тогда, когда семья въ состояніи наслаждаться скромнымъ благосостояніемъ, что можетъ она сдѣлать для расширенія своего умственного кругозора, своей мысли? Какъ можетъ она обогатить свой духовный міръ хотя бы такими познаніями, которыя прямо относятся къ ея ремеслу? Рутинная, приковавшая крестьянина къ его наслѣдственному участку, связала его и со старыми привычками: на видъ свободный, въ душѣ онъ остался рабомъ.

Крупные землевладѣльцы пытаются оправдать узурпацію коммунальных и частныхъ земель разсужденіемъ, что они-де являются учителями въ области раціональной земледѣльческой техники; между тѣмъ, своими землями они обязаны либо своему происхожденію, богатому наслѣдству, либо различнымъ спекуляціямъ. Во всякомъ случаѣ многіе изъ нихъ отрѣшились уже отъ этой теоріи; такими землевладѣльцами являются преимущественно представители знати, которые боятся жить въ своихъ имѣніяхъ, какъ, напримѣръ, большинство титулованныхъ ирландскихъ помѣщиковъ, чувствующихъ на себѣ ненависть людей, которыхъ они держатъ въ цѣпяхъ крѣпостничества. Говорить о такихъ землевладѣльцахъ, какъ объ учителяхъ, было бы просто смѣшно. Положимъ, что многихъ помѣщиковъ населеніе приняло бы довольно хорошо, такъ какъ оно, собственно говоря, свыкло съ своимъ положеніемъ полного отчужденія отъ права собственности на землю. Но и эти землевладѣльцы большей частью заботятся только объ исправномъ полученіи своего опредѣленнаго дохода и охотно сваливаютъ хлопоты по веденію сельскаго хозяйства на разныхъ экономовъ, управляющихъ и другихъ лицъ, облеченныхъ законной властью; дѣятельность которыхъ не лишена корыстолюбивыхъ стремленій.

Правда, изрѣдка появлялись въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ ученые агрономы и вводили въ нѣкоторыхъ странахъ усовершенствованные способы агрикультуры; они вели свое хозяйство съ полнымъ знаніемъ дѣла и вводили при обработкѣ своихъ полей приемы и орудія, представляющіе послѣднее слово техники, какъ это имѣетъ мѣсто на химическихъ заводахъ; они выводили новые виды растений и животныхъ

или же создавали новыя, неизвѣстныя еще до нихъ отрасли промышленности. Однако, несмотря на все это, не слѣдуетъ забывать, что самое существованіе подобныхъ латифундій влечетъ за собой обезземеленіе большей части населенія; если у однихъ лицъ очень ужъ много земли, то это значитъ, что у другихъ нѣтъ совсѣмъ ничего. Нѣкоторые крупные земельные собственники, одержимые страстью къ запятію сельскимъ хозяйствомъ, будутъ, пожалуй, претендовать на званіе мѣстныхъ благодѣтелей; но самый тотъ фактъ, что крупная собственность поглощаетъ всѣ мелкіе участки въ округѣ, составляетъ самъ по себѣ такое несчастье, которое можно сравнить развѣ только съ разореніемъ или пожаромъ; въ концѣ концовъ, сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ крупныхъ земельныхъ богатствъ приводитъ къ тому же результату, то-есть, къ обнищанію населенія и, зачастую, къ постепенному истощенію самой земли. Безъ сомнѣнія, просвѣщенные землевладѣльцы могутъ создать превосходныхъ фермерскихъ слугъ; у нихъ будетъ прислуга безупречнаго поведенія; но, предполагая даже, что богатые промыслы, созданные ими, дадутъ окрестному населенію болѣе чѣмъ достаточную работу, все же необходимымъ слѣдствіемъ ихъ самовластнаго, дискреціоннаго образа дѣйствія, того, что они сами предписываютъ тѣ или иные работы, должно явиться то, что они создадутъ себѣ подданныхъ, а не равныхъ. Они стараются удерживать въ обществѣ, главнымъ образомъ, монархическія традиціи; мало того, они стремятся даже вернуться къ прошлому, стараются задушить всѣ демократическіе элементы въ самой ихъ основѣ и возродить феодальный строй, въ которомъ власть принадлежала бы тѣмъ, кого они считаютъ наиболѣе достойнымъ, то-есть, имъ же самимъ; но за недостаткомъ заслугъ власть достанется тому, у кого больше земли. Стоитъ только внимательно всмотрѣться въ карту Франціи, чтобы прочесть на ней вліяніе крупной собственности. Изъ всѣхъ причинъ, предающихъ заразе тотъ или иной округъ въ руки реакціонныхъ господъ, сторонниковъ духовенства и милитаризма, самой дѣйствительной является вліяніе крупныхъ собственниковъ. Они держатъ своихъ фермеровъ и вообще поселянъ въ такой нравственной припиченности, что тѣ добросовѣстно подають свой избирательный голосъ за порядокъ полного повиновенія своимъ наслѣдственнымъ господамъ; тѣ же причины направляютъ также избирательные шары прислуги и поставщиковъ въ богатыхъ кварталахъ городовъ и курортовъ.

Какъ бы тамъ ни было, но крупная собственность, которую считаютъ посетительницей прогресса въ деревнѣ, въ ея цѣломъ и при помощи всей совокупности оказываемаго ею вліянія, принесла меньше пользы въ смыслѣ улучшенія матеріальнаго положенія, чѣмъ раздробленная мелкая собственность. Если бы при общемъ экономическомъ обзорѣ Франціи пришлось установить въ подробностяхъ, съ одной стороны, полезныя

факты, явившіеся слѣдствіемъ владычества одного лица на обширной территоріи, а съ другой—всѣ убытки, понесенные коммунами отъ сосѣдства громаднѣхъ частновладѣльческихъ парковъ, участковъ, отведенныхъ для охоты, и пустошей, прямо противорѣчащихъ интересамъ мелкой собственности,—весьма возможно, что коромысло вѣсовъ склонилось бы значительно въ сторону убытковъ, и оказалось бы, что крупная собственность осталась для современнаго населенія тѣмъ же, чѣмъ она была и для древнихъ,—безпощаднымъ бичемъ. Въ иныхъ мѣстахъ среди мелкихъ собственниковъ проснулся духъ инициативы; особенно это замѣтно среди огородниковъ, садоводовъ и мелкихъ хлѣбопашцевъ такъ же, какъ и среди богатѣхъ агрономовъ, хотя и съ меньшимъ блескомъ и безъ помощи богатой литературы, какъ у послѣднихъ. Бѣднякъ скованъ рутинной и хотя рискуетъ иногда вложить въ дѣло свои гроши, уцѣлѣвшіе послѣ уплаты податей и разныхъ процентовъ, но дѣлаетъ это съ величайшей осторожностью. Нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ наблюдать, производить опыты, учиться; смѣняющіеся поколѣнія и проходящіе вѣка оставляютъ имъ въ наслѣдіе хорошій опытъ. Факты налицо: земля настойчиваго крестьянина приноситъ теперь вдвое больше дохода противъ того, что она давала въ тѣ времена, когда Юнгъ проѣзжалъ по французскимъ провинціямъ и констатировалъ ихъ безотрадную бѣдность. Прогрессъ является только благодаря частной инициативѣ; но объединеніе силъ путемъ коопераціи, которая пользовалась бы всѣми преимуществами какъ крупной, такъ и мелкой собственности, еще не вошло въ обиходъ: кооперація только зарождается.

Среди послѣдствій, сопровождающихъ существованіе крупной собственности, не слѣдуетъ забывать тѣхъ препятствій, которыя она ставитъ свободѣ сообщеній въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окрестное населеніе не сумѣло обойти запреты. Въ Великобританіи вопросъ о правѣ проѣзда, «right of way», волнуетъ общественное мнѣніе, по меньшей мѣрѣ, въ двадцати мѣстахъ одновременно. Населеніе видитъ, какъ одна за другой закрываются для проѣзда старыя дороги, и горе общинѣ, обратившейся къ суду, не имѣя въ рукахъ неоспоримыхъ документовъ! Въ нѣкоторыхъ округахъ Шотландіи крупные помѣщики воспрепятствовали, при содѣйствіи судебныхъ властей, восхожденію на горы, и здѣсь пѣшеходамъ приходится пользоваться тѣмъ же шоссе, которымъ пользуются велосипедисты и автомобили. На англійскихъ картахъ главнаго штаба значится даже предусмотрительная оговорка: «Существованіе дороги на картѣ не обусловливаетъ еще права пользоваться ею». Быстро расклется тотъ путешественникъ, который вздумаетъ проникнуть въ лѣсъ или перейти черезъ паровое поле. Внутреннія заставы близки уже къ полному уничтоженію. Недавно, всего въ 1893 году, за 600000 франковъ было куплено право сноса заставы, заграждавшей

свободный доступъ скоту на Gower Street въ Лондонѣ, улицу, аналогичную Bergère въ Парижѣ; но заставу замѣнило множество новыхъ преградъ. Обычная причина, которую выставляютъ собственники, закрывая свободный проходъ по дорогамъ, проложеннымъ черезъ ихъ владѣнія, это—забота объ охраненіи дичи; поэтому однимъ изъ слѣдствій существованія крупной собственности является браконьерство. На ряду съ «картинами природы», которыми вдохновляется легальный охотникъ,

Террасы для рисовыхъ плантацій въ странѣ игорротовъ (Филиппинскіе острова).

По «National Geographical Magazine» за 1904 годъ.

происходятъ извѣнія, производимыя его ночнымъ коллегой, рыбная ловля при помощи динамита, которая въ нѣсколько часовъ уничтожаетъ всю рыбу въ рѣкѣ; но законъ относится различно къ этимъ двумъ категориямъ. На практикѣ охота на человѣка разрѣшена помѣщику и его лѣсничимъ; но, съ другой стороны, трудно было бы сосчитать, сколько людей въ девятнадцатомъ столѣтіи охота за кроликомъ или за «священной птицей» стоило цѣлыхъ годовъ тюрьмы и каторги, и сколькохъ она довела даже до эшафота.

Среди государственныхъ дѣятелей и экономистовъ часто возбуждается вопросъ о поощреніи мелкой земельной собственности; такъ, напримеръ, въ Даніи предоставлены всевозможныя льготы къ пріобрѣтенію участковъ, не превышающихъ своими размѣрами четырехъ гектаровъ. Часто

ссылаются также на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ съ ихъ такъ называемымъ homestead exemption: на извѣстныхъ условіяхъ, съ незначительными измѣненіями въ каждомъ штатѣ, семьямъ предоставляется не передаваемый и не отчуждаемый участокъ земли вмѣстѣ съ жилыми постройками. Но, очевидно, такая система можетъ распространяться лишь на незначительную часть населенія; въ противномъ случаѣ, каждому производителю, получившему доступъ къ землѣ, была бы обеспечена независимость, и устои современнаго общества были бы подорваны въ самомъ корнѣ. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что во Франціи подобнаго рода установленіе можетъ получить силу закона, развѣ только въ томъ случаѣ, если самый фактъ получить характеръ фикціи. Между всѣми европейскими народами одни исландцы стали вовремя насторожѣ и воспрепятствовали введенію земельной монополіи: начиная съ 1884 года, всякій собственникъ, не обрабатывающій самъ своего участка, обязанъ сдать его въ аренду другому.

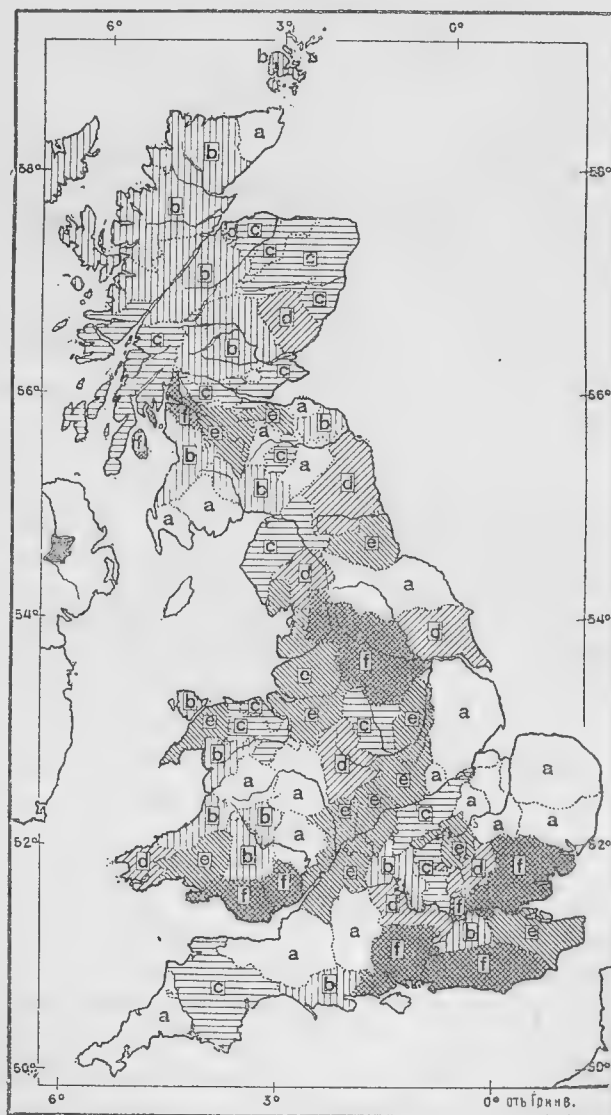
Зачастую Западъ противопоставляется Востоку, какъ-будто и тотъ и другой были совершенно разнородны по духу и по обычаямъ, но на самомъ дѣлѣ оказывается, что именно основные обычаи, касающіеся пользованія землей, подверглись и здѣсь и тамъ одной и той же эволюціи: и китайцы, и славяне, и германцы, и галлы одинаковымъ образомъ руководствовались одними и тѣми же соображеніями въ дѣлѣ регламентаціи своихъ главныхъ интересовъ—интересовъ хлѣбопашца; и всѣ столкновенія классовъ по этому поводу также протекали совершенно тождественно. Въ Китаѣ такъ же, какъ и въ нынѣшней Великороссіи, существовала нѣкогда община, «міръ», вслѣдъ за періодомъ общественной собственности на землю безъ періодическихъ передѣловъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китая удержались еще до сихъ поръ слѣды той и другой системы коммунальной собственности такъ же, какъ и во всѣхъ государствахъ Запада. Какъ вездѣ, гдѣ прочно установилась центральная власть, такъ и въ Китаѣ господа злоупотребили своей силой, чтобы завладѣть, подъ видомъ ли аренднаго пользованія, или въ полную собственность, земельными участками, значительно превосходящими ту норму, которую они могли бы обработать собственными руками, и которая воздѣлывается на самомъ дѣлѣ фермерами, арендаторами и даже поденщиками. Но экономическое явленіе, подобное тому, которое мы наблюдали, напримѣръ, въ Великобританіи, гдѣ земледѣліе находится, такъ сказать, на пути къ вымиранию¹⁾, отвлекло на нѣкоторое время свободные капиталы къ промышленности и торговлѣ, требующимъ болѣе простыхъ, болѣе однородныхъ методовъ дѣйствія, чѣмъ земледѣліе; слѣдствіемъ этого явилось то, что трудовому крестьянству удалось сохранить за собой свои поля,

1) Ridder Haggard, «Rural England».

помощью которыхъ оно можетъ содержать себя и свою семью; для богатыхъ доходы съ этихъ надѣловъ кажутся слишкомъ мизерными. Итакъ, господствующій въ Китаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, порядокъ—это мелкая земельная собственность, встречающаяся нерѣдко въ формѣ семейной собственности. Однако, экономическая эволюція совершается болѣе быстрымъ темпомъ на Западѣ, нежели на Востокѣ. Китайское земледѣліе находится въ настоящее время въ положеніи, аналогичномъ тому, въ которомъ находилась европейская земледѣльческая промышленность въ прошломъ столѣтіи. Тамъ каждый крестьянинъ разводитъ въ изрѣзанномъ каналами садикѣ возлѣ дома все то, что ему необходимо для того, чтобы насытиться и одѣться: рисъ, хлѣбъ,

хлопокъ, нѣсколько тутовыхъ деревьевъ съ шелковичными червями, бамбукъ;

№ 567. Возрастаніе цѣны на землю въ Великобританіи, 1860—1906 гг.

а, 0,96 до 1,25.—b, 1,25 до 1,50.—с, 1,50 до 1,75.—d, 1,75 до 2,00.—e, 2,00 до 2,50.—f, возрастаніе свыше 2,50. Оно доходитъ до 3,36 въ Ренфрю; 3,44 — въ Эссексѣ; 4,14 — въ южной части Йоркшира; 5,16 — въ Гламорганѣ; 6,92 — въ Лондонскомъ графствѣ. Что же касается арендной платы, то она колеблется отъ 5 франковъ за гектаръ (Сѣтерландъ) до 1427 фр. (Ланкаширъ) и 2510 фр. (Лондонское графство).

Масштабъ карты 1 : 750000.

во дворѣ у него свиньи, въ прудикѣ рыбы, утки. И каждое хозяйство представляетъ кошію сосѣдняго ¹⁾).

Такимъ же образомъ, и въ старой Франціи у каждаго свободнаго крестьянина были собственные пшеница, рожь и овесъ; нѣсколько футовъ виноградника давали ему его вино, или нѣсколько яблонь доставляли ему сидръ; кромѣ того, въ огородѣ его встрѣчалось орѣховое дерево или другія фруктовыя деревья, немного льна и конопли, изъ которыхъ онъ дѣлалъ себѣ простыни и рубахи; въ хлѣву и птичникѣ—кабанъ, утки, куры; всякая мелкая собственность организована по тому же плану. Теперь въ исторіи европейскихъ народовъ наступила переходная стадія между двумя системами: отъ прежней формы мелкаго хозяйства, когда крестьянинъ находилъ у себя дома то, что ему было необходимо, но не могъ ничего продавать, европейскіе народы переходятъ къ системѣ интенсивнаго производства продуктовъ, рассчитаннаго на мѣстный сбытъ или на вывозъ и обмѣнъ на другіе необходимые предметы потребленія.

Периодъ борьбы между этими двумя крайними формами производства, пользующимися одна свободнымъ трудомъ, а другая трудомъ раба, вызвали къ жизни нѣкоторыя другія формы хозяйства, играющія роль промежуточныхъ ступеней между обѣими указанными выше. Самой простой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самой распространенной формой является фермерское хозяйство. Обладая настолько большимъ помѣстьемъ, что его и пройти трудно, и не умѣя управлять имъ, собственникъ ввѣряетъ его цѣликомъ или по частямъ специалистамъ, обязующимся поднять доходность земли. Если условія являются благоприятными, если фермеръ обладаетъ предпринимательской жилкой, если онъ вкладываетъ въ дѣло свои знанія и опытъ, примѣняетъ цѣлесообразные методы въ хозяйствѣ и способенъ воспринять новыя идеи, если онъ обрабатываетъ землю добросовѣстно, не истощая ея, если продолжительность его контракта позволяетъ ему производить опыты, результаты которыхъ могутъ сказаться лишь по прошествіи большого количества времени,—однимъ словомъ, если онъ обладаетъ необходимыми личными достоинствами, и обстоятельства помогаютъ ему, то онъ можетъ окультурить и поднять производительность земли, увеличить во много разъ ежегодный доходъ съ нея и примѣромъ своимъ способствовать просвѣщенію крестьянъ, заведенныхъ рутинной. Но въ большинствѣ случаевъ фермеръ нѣтаетъ къ землѣ, которая въ сущности не принадлежитъ ему, и которую рано или поздно придется покинуть, лишь незначительный интересъ; онъ не старается ее полюбить, чтобы потомъ не пришлось страдать; поэтому онъ обрабатываетъ ее только ради тѣхъ денегъ, которыя она ему можетъ дать,—и когда въ послѣдніе годы своего фермерства онъ старается извлечь изъ земли какъ можно больше,

1) Eug. Simon, «La Cité chinoise»; Jean Brunhes, «L'homme et la terre cultivée».

истощая при этомъ почву, то думаетъ ли онъ о правахъ своего преемника? Итакъ, есть ли основаніе отдавать предпочтеніе передъ землевладельцемъ фермеру, который распоряжается землею также во имя личной выгоды?

Что же можно сказать о взаимоотношеніи интересовъ собственника и арендатора, имѣющаго право на половину, треть, четверть или пятую долю дохода? Вѣдь отношенія эти сводятся къ непрерывной, ожесточенной борьбѣ. За полученную землю арендаторъ долженъ заплатить изъ собранной жатвы; такимъ образомъ, интересы фермера при всякихъ обстоятельствахъ діаметрально противоположны интересамъ землевладельца. Каждый изъ контрагентовъ старается уступить поменьше; оба они спорятъ по поводу каждой мелочи, не проносятъ ни одного

слова, прежде чѣмъ не взвѣсятъ его и не обдумаютъ со всѣхъ сторонъ, чтобы въ результатѣ выгадать на этомъ лишнее зерно или какой-нибудь сантиметръ. Такимъ-то образомъ обстоитъ дѣла при непосредственномъ соприкосновеніи представителей землевладѣнія и аренды; но большей частью каждый изъ нихъ вращается въ своемъ, совершенно отличномъ отъ другого кругу, а взаимные интересы регулируются при помощи посредниковъ, этихъ паразитовъ второго порядка, толкающихъ почти всегда контрагентовъ на скользкій путь взаимнаго обхода и обмана. Какъ

Бамбуковая роща (*Phyllostachys quilloi*).

По «National Geographical Magazine» за 1904 г.

Бамбукъ достигаетъ своей предѣльной вышины въ теченіе одного лѣта. Возрастъ деревьевъ изображенной рощи равенъ двумъ недѣлямъ.

можетъ при такихъ условіяхъ арендаторъ проникнуться сознаниемъ необходимости лучшаго ухода за землей? Единственнымъ его стремленіемъ является прожить по-добру, по-здорову и по возможности приспособиться къ своей незавидной долѣ¹⁾.

Среди другихъ формъ землепользованія, имѣющихъ также промежуточный характеръ, слѣдуетъ еще отмѣтить практикуемую въ Бретани

Теодоръ ванъ-Тюльденъ (1606—1676). — Свадьба въ деревнѣ (часть картины).

систему такъ называемыхъ «помѣстій, подлежащихъ выкупу». Эта система кажется на первый взглядъ менѣе несправедливой, чѣмъ фермерство или аренда, но она еще менѣе устойчива. Немало дворянъ, которые получили въ собственность обширныя помѣстья, не знаютъ, что имъ дѣлать съ землей, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ способностей, личной инициативы и достаточной предпримчивости, чтобы использовать разумно свои владѣнія, или, по крайней мѣрѣ, открыть доступъ къ своимъ полямъ арендаторамъ. Поэтому-то они стали сдавать свои

1) Edmond Demolins, «Les Français d'aujourd'hui», p. 313.

земли, не приносящія имъ никакой выгоды, первымъ встрѣчнымъ и взаимно получали кой-какую плату за наемъ; сначала она была очень низка, но потомъ стала сильно повышаться, благодаря возрастающему спросу. Если собственнику представлялись болѣе выгодныя условія сдачи въ аренду, онъ имѣлъ право покончить съ прежнимъ арендаторомъ

Франсуа Буше (1703—1770).—Свирѣль.

лишь подѣ условіемъ возмѣщенія расходовъ, понесенныхъ послѣднимъ на сооруженія и улучшенія на сданной территоріи. Опираясь на это условіе, сельскимъ хозяевамъ въ Бретани удавалось сохранять за собой надолго свои участки, а нѣкоторые изъ нихъ даже выкупали у законнаго владѣльца землю за низкую плату. Но землевладѣльцы, пользуясь своими титулами и привилегіями, постоянно пускали въ ходъ свое вліяніе на власти и суды съ тѣмъ, чтобы свести къ минимуму или даже совершенно на нѣтъ стоимость работъ, произведенныхъ арендаторами на ихъ землѣ. Въ 1647 году собраніе чиновъ въ Нантѣ воспретило арендаторамъ оцѣнивать хозяйственныя постройки и предъявлять иски о возмѣщеніи понесенныхъ расходовъ на улучшенія въ суммѣ, превышающей извѣстную опредѣленную часть стоимости зе-

мельнаго участка; являясь одновременно и судьями и заинтересованной стороной, члены собранія постановили, что отнынѣ они получаютъ право измѣнять слову, данному арендатору, и порывать съ нимъ съ тѣмъ, чтобы заключить новую сдѣлку съ другимъ фермеромъ или арендаторомъ. По мѣрѣ того, какъ земля повышалась въ цѣнѣ, землевладѣльцы стали обогащаться и начали уже сами ставить условія вмѣсто того, чтобы принимать ихъ ¹⁾).

Еще недавно охотно думали, что съ предполагаемымъ исчезновеніемъ старинныхъ коммунальных формъ собственности конфликты будутъ происходить только между крупной и мелкой собственностью; но вотъ на арену выступаютъ новые бойцы: финансовые союзы и рабочія ассоціаціи; борьба между новыми противниками, которые въ сущности остаются тѣ же, что и прежде, мѣняетъ свой ви́днѣйшій обликъ. Объектъ собственности уже не является, какъ нѣкогда, чѣмъ-то видимымъ, осязаемымъ, опредѣленнымъ участкомъ земли, покоящимся на неизблемой почвѣ; мало-по-малу она превращается въ мѣтовую цѣнность, представленную переходящими изъ рукъ въ руки бумагами; это уже величина, перемѣщающаяся и переходящая изъ рукъ въ руки въ водоворотѣ всевозможныхъ спекуляцій, въ которой вовлечено все: копи, желѣзныя дороги, флоты, даже государства. Отнынѣ борьба приняла такіе размѣры, что ставкой здѣсь уже не могутъ служить ни простыя помѣстья, несмотря на ихъ величину, ни земледѣльческій классъ самъ по себѣ, какъ бы многочисленъ онъ ни былъ; дѣло касается одновременно и крестьянина и рабочаго, словомъ всякаго трудящагося человѣка, мало того,—всего общества въ его цѣломъ; аграрный вопросъ нужно изучать не отдѣльно, но въ связи со всею совокупностью вопросовъ соціального устройства.

Заканчивая разсмотрѣніе того періода, который характеризуется постоянными усиліями мелкаго собственника, обрабатывающаго лично свой участокъ, противостоять натиску крупнаго землевладѣльца, на котораго работаютъ поденщики, слѣдуетъ замѣтить, что общее положеніе трудящихся массъ въ нѣкоторыхъ странахъ стоитъ значительно ниже элементарныхъ требованій уваженія къ человѣческому достоинству, и что оно можетъ быть обрисовано почти въ тѣхъ же чертахъ, какъ и тысяча лѣтъ тому назадъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ о труженникахъ — земледѣльцахъ бібліотекарь тщеславнаго Сесостриса въ одномъ изъ своихъ писемъ ²⁾. «Представлялъ ли ты себѣ когда-нибудь существованіе крестьянина? Прежде даже, чѣмъ онъ сниметъ жатву, часть ея истреблена будетъ насѣкомыми; въ поляхъ масса крысъ, под-

1) E. Beslay, «Notes [manuscrites]». — 2) Цитировано Ф. Ленорманомъ. «Les premières civilisations».

тачивающихъ корни; за ними является нашествіе саранчи, порча нивы скотомъ, цѣлыя стаи воробьевъ, нападающихъ на снопы. Если крестьянинъ не успѣетъ достаточно быстро свезти спятый хлѣбъ, воры расхитятъ его; его лошадь издыхаетъ отъ усталости, таща плугъ. Но вотъ является въ деревню сборщикъ податей въ сопровожденіи стражи, вооруженной палками, и негровъ съ пальмовыми вѣтками. Всѣ они говорятъ: «отдай намъ часть своего хлѣба», а отвѣтить отказомъ на ихъ вымогательства нельзя; иначе несчастный будетъ схваченъ и отправленъ на принудительныя работы въ каналахъ, его жена будетъ отдана въ рабство, а дѣти его будутъ разорены»...

Чѣмъ были для просвѣщеннаго «городского или придворнаго» общества крестьяне два вѣка тому назадъ, извѣстно по ужасному описанію Лабрюера; подчасъ думается, что эти потрясающія страницы соотвѣтствуютъ дѣйствительности только отчасти; но уже ужасно то, что все, что тамъ говорится, относится къ милліонамъ человѣческихъ существъ. Такой наблюдатель, какимъ является авторъ «*Caractères*», долженъ былъ распространить свои изслѣдованія на весь народъ въ его цѣломъ; и то, что написалъ такой художникъ о положеніи крестьянства, должно быть понято, какъ обвинительный актъ всему политическому и соціальному режиму, лежавшему бременемъ на плечахъ народа. Начиная съ маршала Вобана и вплоть до Ричарда Гита ¹⁾, это описаніе одной и той же картины, передача все тѣхъ же жалобъ. Другія печальныя сви-

Константинъ Менъе.—Крѣпостные.

1) «*Dime Rygale*».—«*The Via dolorosa of the English Peasant*».

дѣтельствъ даютъ намъ общее понятіе о просвѣщенномъ обществѣ въ его отношеніи къ крестьянству. Всмотримся повнимательнѣе въ послѣдовательный рядъ картинъ Брюгели, Тенирса и многихъ другихъ извѣстныхъ художниковъ, работавшихъ одновременно съ только-что названными или же послѣ нихъ и изображавшихъ на полотнѣ сцены изъ сельскаго быта. Чувствовали ли они хоть какое-нибудь уваженіе или хоть слѣдъ состраданія къ тѣмъ, которые въ потѣ лица добывали для нихъ хлѣбъ? Нѣтъ! Всѣ эти художники, составляющіе указанную нами группу, покрывали красками свои полотна, стремясь прежде всего, сознательно или нѣтъ, угодить своимъ заказчикамъ и покупателямъ; поэтому-то они громко, грубо и безстыдно издѣвались надъ мужикомъ, запачканнымъ въ навозѣ, которымъ онъ удобряетъ кормилицу-землю. Имъ любо было смѣяться надъ всѣми этими несчастными, изображая ихъ какъ существа неизмѣримо низшей въ физическомъ отношеніи расы, чѣмъ та, къ которой принадлежатъ зажиточные люди и ихъ господа-чиновники. Конечно, кое-гдѣ встрѣчаются такіе непривлекательные типы; въ Брабантѣ, напримѣръ, и въ сосѣднихъ съ нимъ провинціяхъ можно встрѣтить такихъ неуклюжихъ представителей рода человѣческаго, съ громоздкимъ туловищемъ, съ громадной, вросшей въ плечи головой, съ тощими и несуразными членами; но нигдѣ вы не встрѣтите, чтобы цѣлое населеніе состояло сплошь изъ такихъ неуклюжихъ существъ, всецѣло отдавшихся удовлетворенію низменныхъ человѣческихъ влеченій, проводящихъ жизнь на задворкахъ, среди нечистотъ. Здѣсь достигается выгода двоякаго рода: одновременно заставить смѣяться блестящее общество и дать въ то же время выходъ собственному чувству отвращенія къ существамъ якобы низшаго порядка; точно также и въ Америкѣ негръ долженъ быть обязательно изображенъ въ видѣ смѣшного чудища съ безобразно зіяющимъ ртомъ ¹⁾.

Столь же неправдоподобно, хотя и въ противоположномъ смыслѣ, изображаютъ крестьянъ въ своихъ картинахъ художники, «влюбленные въ природу», которые жили и дѣйствовали въ столѣтіи, предшествовавшемъ французской революціи. Они изображали крестьянина такимъ, какимъ хотѣли его видѣть. Всюду фигурировали пастушки, одѣтые въ шелка и разукрашенные лентами, играющіе на свирѣли и кокетничающіе со своими пастушками съ развѣвающимися шарфами; въ такомъ-то видѣ изображали упорныхъ тружениковъ, идущихъ за плугомъ и поддерживающихъ плодородіе почвы непрерывнымъ трудомъ. Но мода рѣшила, что нужно вернуться къ природѣ; вотъ и вернулись къ ней, но придали ей напыщенность и жеманство, представляющія отра-

1) Henry Vandewelde, «Le Paysan en peinture».

женіе обычаевъ высшаго свѣта. Нужно было, чтобы послѣ стараго порядка разыгрались ужасныя соціальныя драмы, войны и массовыя убійства, чтобы явилась на сцену мануфактурная промышленность, чтобы на смѣну старому порядку пришла новая эра,—и только тогда художникъ, наконецъ, увидѣлъ настоящаго крестьянина, посмѣлъ изобразить его въ истинной обстановкѣ съ его острой нуждой, съ его радостями и горестями, посмѣлъ увидѣть въ немъ человѣка, который долженъ

Сборъ водоросли (*Fucus*) на островѣ Ре.

быть связанъ узами братства съ другими людьми, рабочими и буржуа. Художникъ и писатель, изображающіе крестьянина въ самомъ жалкомъ видѣ, подъ гнетомъ нужды и на пути къ физической или нравственной дегенераціи, руководятся при этомъ иногда даже добрыми чувствами къ нему: Зола любитъ крестьянина, когда рисуетъ его въ романѣ «Земля» жаднымъ, хитрымъ, низменнымъ и грубымъ; Миллэ тоже любитъ виноградаря, когда изображаетъ его намъ сломленнымъ усталостью и зноемъ, сидящимъ, обливаясь потомъ, на откосѣ и опухшимъ отъ застоя крови, переставшей свободно обращаться въ его жилахъ; любитъ его, описывая, какъ сваливается безъ силъ изнуренное тѣло, въ которомъ едва тлѣетъ не вполне еще угасшая искра жизни.

Впрочемъ, типъ крестьянина, какимъ его знали раньше, постепенно исчезаетъ: онъ измѣняется сообразно тѣмъ измѣненіямъ, которыя происходятъ вокругъ него, которыя испытываютъ формы землевладѣнія. Даже мелкій собственникъ, который все еще ходитъ въ деревенныхъ

башмакахъ, какіе носили его отцы и дѣды, который съ отчаяніемъ цѣпляется за старую рутину въ области обработки полей,—даже онъ не можетъ не знать о новыхъ методахъ, примѣняемыхъ сосѣдомъ, не можетъ не слышать разсказовъ объ этомъ на ярмаркѣ. Онъ видитъ постоянно, что вокругъ него расширяется кругъ интересовъ; спрашиваетъ ли онъ о томъ, или нѣтъ, но онъ поневолѣ узнаетъ, что русская пшеница и мансъ Соединенныхъ Штатовъ создаютъ конкуренцію его продуктамъ и понижаютъ ихъ цѣну на рынкѣ; помимо его воли онъ подчиняется вліянію, специализаціи труда; его положеніе все больше и больше приближается къ положенію рабочаго, который захваченъ въ городахъ въ цѣпкія руки крупной промышленности. По мѣрѣ того, какъ въ дѣлѣ обработки земли примѣняются новые научные методы, сглаживаются различія между положеніемъ крестьянина и городского рабочаго. Различныя категоріи пролетаріевъ постепенно сливаются, подобно тому, какъ уже слились категоріи крупныхъ земельныхъ собственниковъ и владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій.

Весь этотъ хаосъ борющихся силъ, отъ скромнаго труженика на нивѣ и до тщеславнаго капиталиста, который располагаетъ жатвами въ тысячѣ различныхъ мѣстъ земного шара, фатально влечетъ за собой печальный результатъ: безпорядочное производство безъ системы, безъ метода. Предполагая даже, что человѣкъ никогда не будетъ имѣть недостатка въ необходимыхъ средствахъ для обработки земли для того, чтобы заставить взойти и созрѣть растенія, которыя его кормятъ, такъ какъ въ природѣ ничто не теряется, ничто не пропадаетъ, а только видоизмѣняется и превращается,—даже тогда слѣдствіемъ такого непредусмотрительнаго веденія дѣла явится то, что необходимые источники богатства земли изсякнутъ, и поля будутъ истощены на долгое время. Можетъ случиться, что то здѣсь, то тамъ источникъ, дающій средства къ жизни, перемѣстится въ другое мѣсто, а тамъ, гдѣ онъ былъ когда-то въ изобиліи, останутся отъ него лишь жалкіе остатки. Такимъ образомъ, самая плодородная страна можетъ превратиться буквально въ пустыню. Таковы, по мнѣнію многихъ авторовъ, были причины, вслѣдствіе которыхъ нѣкоторыя страны утратили значительную часть своихъ обитателей; таковы Бактріана, Месопотамія и другія мѣстности Азіи, какъ, на примѣръ, доступныя части Такламакана. Вслѣдствіе исчезновенія въ почвѣ фосфора, унесеннаго въ моря, не могутъ произрастать хлѣбныя растенія, не могутъ созрѣвать жатвы, и, слѣдовательно, не можетъ жить человѣкъ. Впрочемъ, такія утвержденія, повидимому, преувеличены, такъ какъ земли, которыя воздѣлывались три тысячи лѣтъ тому назадъ предшественниками тюрковъ, арійцами, эламитами и аккадцами, до сихъ поръ еще приносятъ обильные урожаи, лишь бы не было недостатка въ дождевой водѣ. Воды Тарима, Оксуса, Тигра и

Евфрата приносят достаточное количество фосфатов и других необходимых элементов почвы.

Какъ въ странахъ Средней и Малой Азіи, такъ и въ Тунисѣ уменьшеніе земледѣльческихъ богатствъ можно приписать все возрастающей сухости климата; однако, въ старинныхъ документахъ, относящихся къ мѣстной метеорологіи, нѣтъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, которыя позволили бы составить себѣ на этотъ счетъ вполне правильное

Жатва въ Японіи.

представленіе ¹⁾. Съ другой стороны, возможно также, что виновникомъ теперешняго безплодія почвы является человекъ. У арабскихъ писателей сплошь-да-рядомъ встрѣчаются указанія, что во времена нашествія мусульманъ въ Мавританію можно было пропутешествовать изъ Триполи въ Танжеръ, проходя отъ деревни къ деревнѣ подлѣ сѣнью деревьевъ. Кромѣ того, близъ разрушеннаго селенія Сбейтлы тщательнымъ изслѣдованіемъ почвы были обнаружены на пространствѣ 27000 гектаровъ развалины, показывающія, что здѣсь, кромѣ Сбейтлы, находились иѣкогда три города, пятнадцать селеній, 49 деревушекъ и, наконецъ, 1007 масляныхъ мельницъ. Сбейтла, старинная Suffetula,

¹⁾ «La Tunisie», официальное изданіе, т. I, стр. 178—179.

принадлежала сначала Карфагену, а затѣмъ Риму, и расположена въ пустынѣ между Кайруаномъ и Тебессой. По минимальному исчисленію, приведенному выше количеству обитаемыхъ пунктовъ должно было соответствовать населеніе въ 40000 человѣкъ и плантаціи въ 400000 оливковыхъ деревьевъ. Нынѣ же на этомъ пространствѣ кочуетъ до 1500 номадовъ, и нѣтъ тамъ никакого жилья, кромѣ палатокъ, разбитыхъ среди тощихъ кустарниковъ. Въ эпоху римскаго владычества землепашцы холмовъ возлѣ Меджерды старались удержать влагу всевозможными средствами; изученіе большого количества мѣстныхъ плановъ убѣдило Картона, что во всей мѣстности старались задержать не только всякій ручей, но даже просачивающуюся сквозь почву воду; когда въ почвѣ не оставалось уже совсѣмъ влаги, то прибѣгали къ помощи цистернъ¹⁾. Въ каждомъ простомъ селеніи, даже въ каждой уединенной фермѣ были сооружены цѣлыя системы каналовъ и резервуаровъ. Война все это разрушила, какъ истребила оливковыя рощи Сбейтлы и другихъ мѣстностей. Начиная отъ сыновъ пустыни и до французовъ, всѣ завоеватели особенно ожесточенно истребляли деревья и тѣмъ успѣшнѣе выживали жителей изъ данной мѣстности. Если правда то, что нѣкогда дожди были сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ нынѣ, то очень возможно, что причиной этому былъ нынѣ исчезнувшій зеленый покровъ почвы. Можно надѣяться, что путемъ постепеннаго разведенія оливковыхъ деревьевъ, пускающихъ глубоко длинныя корни и требующихъ поэтому меньше влаги, будетъ достигнуто прежнее благосостояніе въ области земледѣлія.

Пусть такъ! Пусть завоеватели, дровосѣки, земледѣльцы, вообще всѣ тѣ, которые работаютъ на поверхности земли, принесли много переходящаго вреда; но развѣ море не является обширѣйшимъ резервуаромъ, развѣ оно не можетъ снова отдать сушѣ въ различныхъ формахъ всего того, что принесено ему рѣками? Вѣдь даетъ же оно прибрежнымъ жителямъ въ Септонжѣ, въ Пуату, въ Бретани цѣнныя водоросли, «варекъ», и плодоносный илъ! Развѣ море не таитъ въ своихъ глубинахъ многихъ миллиардовъ тоннъ ила, всевозможныхъ ракушекъ и остатковъ животныхъ, которыхъ коснется со временемъ драга промышленности будущаго? У береговъ штата Массачусетсъ бывають иногда такіе уловы, что пойманную рыбу употребляютъ какъ удобреніе.

Тамъ, гдѣ плугъ бороздитъ дѣвственную почву, или гдѣ земля была очень долго плодородной, гдѣ она поддерживается правильнымъ трудомъ и достаточнымъ удобреніемъ, — урожая хорошихъ и даже среднихъ годовъ вполнѣ достаточно, чтобы прокормить [все населеніе, какъ сель-

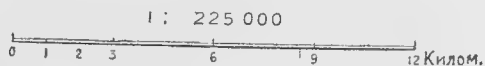
1) Carton, «Etudes sur les travaux hydrauliques des Romains en Tunisie», p. 17. — «Revue Tunisienne», 1897.

ское, такъ и городское; но случается, что, въ силу измѣненія климата или экономическихъ условій, урожай оказывается неудовлетворительнымъ если не по всей землѣ или на цѣломъ материкѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ обширной странѣ или провинціи. Не проходитъ года, чтобы въ нѣсколькихъ уголкахъ свѣта не слышалось слово «голодь» или,

№ 568. Джерси, страна, удовлетворяющая свои жизненныя потребности продуктами собственного производства.

Числовыя обозначенія—въ метрахъ.

Островъ Джерси занимаетъ площадь въ 116 квадратныхъ километровъ и имѣетъ 52796 жителей, число коихъ уменьшилось съ 1871 года приблизительно на 4000 человекъ. Плотность на квадратный километр равна 452 жителямъ. На островъ Гернси плотность доходитъ до 800 чел. (на 5106 гектарахъ разселено 40777 жителей), и населеніе растетъ изъ года въ годъ.

по крайней мѣрѣ, «неурожай»; притомъ замѣчательно, что это бываетъ большей частью въ тѣхъ странахъ, которыя производятъ обыкновенно избытокъ зерна. Однако, если не принимать во вниманіе тѣхъ людей, которые всегда голодны въ силу своего социальнаго положенія,—а такихъ много,—то нужно сознаться, что голодь, въ буквальный смыслъ слова, сдѣлался сравнительно рѣдкимъ явленіемъ среди культурныхъ

народовъ; объ этомъ свидѣлствуетъ между прочимъ то, что при появленіи голода современные люди оказываются застигнутыми врасплохъ и не умѣютъ извлечь изъ безчисленнаго множества окружающихъ насъ тѣлъ содержащихся въ нихъ питательныхъ веществъ; но пока не наступила еще эра, возвѣщенная Бертело, когда питательныя вещества будутъ создаваться химическимъ синтезомъ, современное культурное человѣчество уступаетъ въ изобрѣтательности тѣмъ народамъ, которыхъ оно называетъ дикарями.

Во время осады Парижа изобрѣтательность людей, изыскивавшихъ средства къ жизни, не шла дальше поимки собакъ, кошекъ, дальше охоты на крысъ и мелкихъ животныхъ. Большая часть голодающихъ складывала руки, и этимъ несчастнымъ оставалось только покорно ожидать смерти отъ болѣзней и истощенія послѣ закрытія булочныхъ и кондитерскихъ, по прекращеніи раздачи администраціей пайковъ. Когда Россію постигаетъ неурожай, и крестьянамъ становится ясно, что необходимыхъ средствъ къ жизни имъ не добыть ни трудомъ, ни нищенствомъ, они прибѣгаютъ къ особому средству, называемому у нихъ «лежкой»: это своего рода зимняя спячка: одинаковыя условія заставляютъ ихъ пользоваться одинаковыми обычаями съ сурками. Семья готовится спать въ теченіе четырехъ-пяти мѣсяцевъ: домъ закопачивается, печь и полки подъ самымъ потолкомъ приспособляются для сна; жизненныя проявленія доводятся до минимума темнотой и тишиной. Спячка прерывается только для исполненія самыхъ необходимыхъ вещей, и все, что нужно, совершается какъ бы во снѣ. Такимъ образомъ населеніе цѣлыхъ областей ухищряется сократить до извѣстной степени свои жизненныя потребности и компенсировать этимъ недостатокъ въ хлѣбѣ ¹⁾.

Совершенно иначе поступаютъ въ виду приближенія голода въ странѣ зулусовъ; туземцы находятъ возможнымъ замѣнить обычную фду корнями, стеблями, листьями или ягодами 32-хъ видовъ растений, которые раньше совершенно не употреблялись ими въ пищу ²⁾.

Уравненіе экономическихъ условій не было возможно въ тѣ времена, когда путей сообщенія не существовало вовсе, или они были такъ затруднительны и дороги, что торговля сношенія производились только по воднымъ путямъ морей и судоходныхъ рѣкъ. Во внутреннихъ странахъ складывали запасы хлѣба не для продажи, но имѣя въ виду возможные неурожай; въ расчетъ могло приниматься извѣстное время, а не пространство и разстоянія. Подобно тому, какъ это дѣлалось въ отдаленные вѣка въ Египтѣ, лишній хлѣбъ складывали въ амбары, рискуя тѣмъ,

1) Волковъ, Бюлетень и записки Антропологическаго Общества за 1900 г., стр. 67—68. — 2) P. Hariot, «La Nature», 30 juillet 1898, p. 134.

что онъ будетъ съѣденъ жуками-долгоносиками или крысами. Въ этихъ «продовольственныхъ складахъ» сохранялось иногда зерно, собранное въ прошлыхъ столѣтїяхъ; такъ, въ амбарахъ Страссбурга въ 1633 году лежали еще хлѣба 1525 и даже 1439 года, и сохраненіе ихъ требо-

Финиковая пальма въ Бискрѣ.

вало большихъ предосторожностей и расходовъ. Цѣны на хлѣбъ бывали очень разнообразны; случалось такъ, что въ одной провинціи онъ стоилъ въ десять и больше разъ дороже, чѣмъ въ сосѣдней; въ 1197 году цѣна хлѣба въ Котантенѣ была въ шестнадцать разъ выше, чѣмъ въ провинціи Ожъ; переводя стоимость денегъ и мѣры на современные,

мы увидимъ, что цѣна гектолитра зерна колебалась отъ 87 сантимовъ близъ Евре до 43 франковъ 50 сантимовъ въ Страсбургѣ. Изъ этого всего видно, что голодъ является постояннымъ гостемъ, регулярно навѣщавшимъ нѣкоторыя мѣстности Европы, котораго ждали и встрѣчали какъ неизбѣжный рокъ ¹⁾).

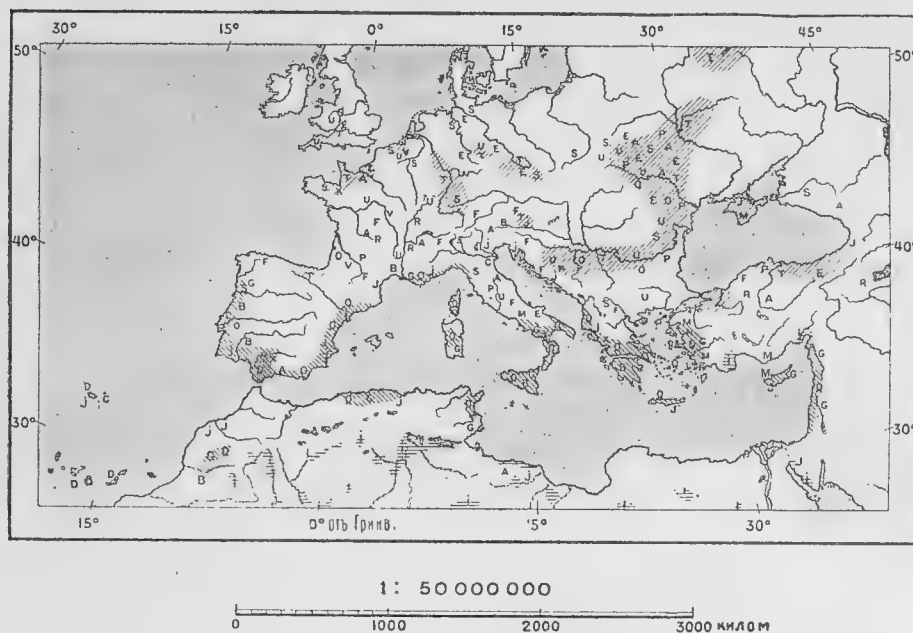
Въ ту эпоху, когда не было еще обширной сѣти дорогъ во всѣхъ направленіяхъ по морю и по сушѣ, страхъ передъ недостаткомъ въ хлѣбѣ до того волновалъ народное воображеніе, что вывозъ хлѣба подъ всевозможными предлогами затруднялся: при малѣйшемъ признакѣ неурожая воспрещалась перевозка хлѣба изъ одной деревни въ другую, а порой доходили даже до того, что добровольно истребляли зерно, опасаясь, не безъ основанія, чтобы оно не попало въ руки крупныхъ собственниковъ, сборщиковъ податей и даже самого короля.

Неоднократно прорицатели несчастья заявляли, что близко то время, когда земля перестанетъ давать достаточные урожан, и это бѣдствіе будетъ роковымъ результатомъ непредусмотрительности человѣка; близится ослабленіе, разореніе и вымираніе человѣчества. Такъ, въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія химикъ Либихъ предсказывалъ, что всѣ культуры постепенно истощатся вслѣдствіе исчезновенія изъ почвы солей калия (поташа), уносимыхъ безвозвратно въ море проточными водами. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ 1898 г., другой химикъ и физикъ, Круксъ, сдѣлалъ докладъ въ собраніи британскихъ ученыхъ, засѣдавшемъ въ Бристолѣ, что почва скоро не въ состояніи будетъ родить хлѣба; что запасы азотнокислаго натра или селитры должны истощиться до 1930 года; что единственное средство избѣжать всемірнаго голода—это придумать способъ искусственнаго добыванія этой соли. Но, несмотря на всѣ эти мрачныя предсказанія, полныя отчаянія, населеніе продолжало увеличиваться, и ему хватало необходимыхъ пищевыхъ продуктовъ, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку объ этомъ можно говорить при наличности голодающихъ; впрочемъ, можетъ-быть, количество этихъ послѣднихъ находится даже на пути къ уменьшенію. Если бы человѣчество отложило на время всѣ другія дѣла и занялось методическимъ увеличеніемъ плодородія почвы, не предоставляя ничего слѣпому случаю, то сколько начатыхъ работъ было бы закончено, сколько доказанныхъ истинъ можно было бы приложить на дѣлѣ, какъ продвинулся бы впередъ прогрессъ! Если бы люди утилизировали воды всѣхъ рѣкъ, бесполезно теряющіяся въ океанѣ; если бы они старательно собирали продукты разложенія сложныхъ веществъ, разсѣивающіеся въ сложномъ процессѣ круговорота веществъ въ природѣ; если бы стали примѣнять правильную обработку земель, лежащихъ подъ паромъ

1) G. d'Avenel, «Paysans et ouvriers depuis sept siècles».

или содержимыхъ неряшливо,—тогда урожанъ увеличивались бы изъ года въ годъ огромными скачками и достигли бы чрезвычайнаго обилія. Но предположимъ на мгновеніе, что земледѣліе не пошло бы по пути прогресса въ смыслъ приложенія къ нему новѣйшихъ научныхъ открытій и не приняло бы болѣе интенсивнаго характера; но и тогда общаго урожая было бы вполне достаточно, чтобы прокормить все чело-

№ 569. Производство фруктовъ въ Европѣ.

Бананы, финики, апельсины и яблоки обозначены штриховкой, направленной въ различныя стороны.

A, абрикосы;	B, миндаль;	C, ананасы;	D, бананы;	E, вишни;	F, каштаны;
G, лимоны;	H, айва;	I, финики;	J, фиги;	K, земляника;	L, малина;
M, гранаты;	N, крыжовникъ;	O, орѣхи;	P, волошскіе орѣхи;	Q, апельсины;	R, персики;
S, груши;	T, яблоки;	U, сливы;	V, виноградъ;	X, изюмъ.	

вѣщество, конечно, при условіи справедливаго распредѣленія и потребленія продуктовъ. Считааясь съ нынѣшнимъ положеніемъ земледѣлія, можно все-таки сказать съ увѣренностью, что земля даетъ достаточно для того, чтобы всякій могъ получить достаточное пропитаніе.

Впрочемъ, факты налицо. До сихъ поръ многочисленность населенія на любой территоріи не являлась препятствіемъ къ тому, чтобы земля могла ихъ прокормить. Есть мѣстности, которыя съ незапамятныхъ временъ не знали неурожая, несмотря на то, что онѣ густо населены. Напротивъ, въ странахъ, въ которыхъ голодъ составляетъ періодическое явленіе или даже постоянное, густота населенія далеко не

соотвѣтствуетъ плодородію почвы и благопріятнымъ нынѣ климатическимъ условіямъ. Сравнимъ, на примѣръ, часть Европейской Россіи, лежащую южнѣе шестидесятой параллели съ Бельгіей; въ первой плотность населенія въ восемь разъ меньше, чѣмъ въ послѣдней; однако, тамъ существованіе крестьянина гораздо менѣе обезпечено, хотя въ Россіи имѣются большія пространства, обладающія прямо-таки легендарнымъ плодородіемъ. Въ Индіи на квадратный километр приходится почти такое же число жителей, какъ и во Франціи; тамъ нѣтъ недостатка ни въ обильно орошаемыхъ равнинахъ, ни въ живительныхъ лучахъ солнца. Если бы человѣкъ сумѣлъ воспользоваться этой страной, она была бы однимъ изъ главныхъ продовольственныхъ пунктовъ земного шара. Возьмемъ, съ другой стороны, Нормандскіе острова, которые, очевидно, удовлетворяютъ свои потребности продуктами собственнаго производства. Правда, тамъ превосходный климатъ, но онъ не представляетъ ничего особенно выдающагося по сравненію съ климатическими условіями остальной приатлантической Европы. Хотя островитяне ввозятъ къ себѣ колониальные товары, начиная пряпостями и кончая банами, мясо и муку, но зато ихъ фермы даютъ молоко, масло, сыръ, птицу и яйца въ такомъ количествѣ, что этотъ маленькій архипелагъ считается важнымъ пунктомъ въ смыслѣ снабженія провизіей англійской метрополіи; кромѣ того, съ острововъ Джерси и Гернси въ Англію ввозятъ въ огромномъ количествѣ дойныхъ коровъ; наконецъ, на этихъ островахъ процвѣтаетъ въ широкихъ размѣрахъ выращиваніе раннихъ плодовъ, овощей и фруктовъ въ парникахъ, занимающихъ цѣлыя гектары земли; всѣ эти плоды поступаютъ на лондонскій рынокъ при наступленіи зимы. Если сопоставить цифры ввоза и вывоза, касающіяся не только стоимости продуктовъ, но даже просто ихъ вѣса, то сравненіе это склоняется въ пользу мѣстнаго производства. Тѣмъ не менѣе, средняя плотность населенія опредѣляется въ Гернси цифрой—восемь человѣкъ на гектаръ, т.-е. значительно превосходящей всѣ цифры такого рода, даваемые нашей статистикой, за исключеніемъ только острова Цзунгъ-минга.

Уже à priori, не входя въ детальное разсмотрѣніе статистики отдѣльныхъ отраслей производства пищевыхъ продуктовъ, можно было бы вывести слѣдующее заключеніе: неурожаи происходятъ не вслѣдствіе недостаточнаго плодородія почвы, не вслѣдствіе густоты населенія, принимающаго участіе въ «пирѣ природы»; происхожденіе ихъ должно быть всецѣло приписано тому факту, что трудовое населеніе лишено доступа къ землѣ. Однако, небезполезно констатировать тотъ же фактъ, опираясь на цифры.

Безъ сомнѣнія, невозможно точно установить количество пищевыхъ продуктовъ, добываемыхъ всѣми земледѣльцами обоихъ полушарій, такъ какъ не во всѣхъ странахъ ведется соотвѣтствующая статистика, и нельзя было бы сравнить всѣхъ данныхъ во всѣхъ деталяхъ; но, благодаря

ежегоднымъ свѣдѣніямъ, которыя собраны специалистами, занимающимися торговлей хлѣбными злаками, которыя проверены и критически рассмотрѣны представителями промышленности, интересы коихъ взаимно противоположны, мы можемъ достигнуть высокой степени точности, весьма приближающей-

ся къ истинному положенію вещей. Количество хлѣбныхъ и другихъ питательныхъ продуктовъ, проходящихъ ежегодно черезъ міровой рынокъ цивилизованныхъ странъ, приблизительно извѣстно; что же касается странъ, обитатели которыхъ живутъ еще внѣ сферы международной торговли, то совершенно излишне будетъ заниматься ими при веденіи общей статистики, такъ какъ эти страны относятся къ болѣе ранней исторической эпохѣ, чѣмъ мы. Но, начиная съ нашей эры, свидѣтельство цифръ неоспоримо; оно такъ очевидно, что уже выходитъ изъ употребленія тотъ аргументъ, который еще такъ недавно былъ весьма въ ходу и выдвигался противъ «утопистовъ» и

«мечтателей», грезившихъ о допущеніи всѣхъ людей къ справедливому пользованію землей. Уже остерегаются возражать такъ, какъ это дѣлали раньше, коль скоро рѣчь заходитъ о недостаткѣ въ хлѣбѣ: «разъ хлѣба недостаточно, то пусть обойдутся безъ него тѣ, которые не могутъ его купить!» Нѣтъ! Всякому извѣстно, что хлѣба можетъ хватить на всѣхъ, и потому выплылъ на сцену аргументъ второго порядка, который,

Клубеньки на корняхъ бобовыхъ растений.

Клубеньки изображены на рисункѣ въ 1/2 натуральной величины, съ рисунка, помѣшеннаго въ «National Geographic Magazine» за 1934 г. Они обязаны своимъ происхожденіемъ бактеріямъ (*Rhizobium leguminosarum*), связывающимъ азотъ воздуха. Поэтому разложеніе этихъ корней способствуетъ обогащенію почвы. Для даннаго рисунка взятъ экземпляръ съ тщательно воздѣланнаго опытнаго поля.

навѣрное, приходилось слышать каждому по тысячѣ разъ: «но, позвольте, для кого же въ вашемъ обществѣ будущаго останутся сотериъ и шампанское?»

Начнемъ же съ хлѣбныхъ злаковъ, какъ главнаго пищевого продукта. Среднее производство пшеничнаго зерна въ Европѣ, Америкѣ, сѣверномъ Китаѣ, Индіи и нѣкоторыхъ африканскихъ колоніяхъ, какъ, напримѣръ, Алжирѣ, превосходитъ миллиардъ гектолитровъ. Однако, число людей, питающихся пшеничнымъ хлѣбомъ, сравнительно невелико: таковыхъ можно насчитать, во всякомъ случаѣ, не свыше трехсотъ милліоновъ; если бы все это зерно превратить въ муку, то получилось бы 80 милліардовъ килограммовъ, т.-е. по 600 граммовъ хлѣба въ день на человѣка. Для тѣхъ, кто питается исключительно хлѣбомъ,—а такихъ вѣдь немного,—этого, конечно, мало; но такое количество все-таки значительно превышаетъ то, которое потребляетъ въ день средній человѣкъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Говоря о производствѣ пшеницы, нельзя не упомянуть о другихъ хлѣбныхъ растеніяхъ, которыя входятъ въ составъ пищи американскихъ племенъ, потомковъ европейцевъ и туземцевъ, усвоившихъ правы бѣлыхъ. Рожь, овесъ, ячмень, маисъ и другіе виды, кромѣ риса, служащіе пищей людямъ и нѣкоторымъ животнымъ, даютъ ежегодный урожай, значительно превышающій цифру въ два милліарда гектолитровъ; это невѣроятное количество питательныхъ веществъ, половина котораго, въ видѣ хлѣба и другихъ кушаній, свободно можетъ удовлетворить нуждамъ 300 милліоновъ людей; значительная часть этого зерна идетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на приготовленіе пива и на другія нужды промышленности.

Что же касается риса, которымъ питаются двѣ пятыхъ всего человѣчества, если не больше, то относительно количества его производства у насъ нѣтъ достаточно точныхъ данныхъ, и поэтому мы здѣсь не можемъ опираться въ своихъ выводахъ на цифры. Извѣстно, что въ большей части Китая рисъ является главнымъ предметомъ культуры; извѣстно также, что, благодаря хорошему удобренію и добросовѣстному труду, удается получать обильныя, въ смыслѣ количества зеренъ, жатвы. Относительно Японіи мы имѣемъ статистическія данныя, касающіяся площади обрабатываемой земли и размѣровъ урожая; точно также въ британскихъ «спискахъ книгъ» мы находимъ свѣдѣнія о величинѣ рисовыхъ плантацій въ Индіи и о количествѣ тоннъ всей жатвы. Извѣстны также умѣренность индусовъ и то, какимъ малымъ количествомъ зерна они довольствуются для своего пропитанія; но, можетъ-быть, не всякому извѣстно, что голодъ, этотъ постоянный гость въ Индіи, обуславливается не столько случайнымъ недостаткомъ атмосферныхъ осадковъ, какъ тѣмъ положеніемъ полной зависимости, въ которой находится несчастный туземецъ. Ему не принадлежитъ ни земля, ко-

торую онъ обрабатываетъ, ни хижина, построенная изъ камыша и облѣпленная грязью, въ которой онъ ютится; у него отнята всякая собственность, всякое право, всякая воля. Тотъ самый рисъ, который могъ бы служить ему пропитаніемъ, сложенъ имъ же самимъ въ мѣшки, нагруженъ на товарные поѣзда для отправки европейскимъ пивоварамъ и мельникамъ; нищетою его даже пользуются для того, чтобы изъ года

Сборъ яицъ альбатросовъ на островъ Лейсанъ (*Diomedea immutabilis*).

По «National Geographical Magazine» за 1904 г.

Территорію этого острова Сандвичева архипелага, величиной въ 5 километровъ на 3, подѣлили между собою нѣсколько видовъ птицъ; замѣчательно, что они свято чтутъ какъ свои, такъ и чужія границы. Теперь запрещено трогать яйца альбатросовъ, которые по нраву своему легко поддаются прирученію.

въ годъ понижать его скудную заработную плату; въ теченіе послѣдняго столѣтія подневная плата индуса уменьшилась до ужасающихъ размѣровъ: въ 1850 году его трудъ оплачивался приблизительно 20 сантимами въ день; затѣмъ въ 1882 году заработная плата понизилась до 15 сантимовъ, и въ 1900 году она колебалась между 7—8 сантимами. И такое положеніе называютъ «благосостояніемъ Индіи!»¹⁾. Теперь понятно, какъ нелѣпо заключать изъ факта существованія въ Индіи голода, что, при условіи размноженія населенія, передача рисовыхъ полей въ руки трудящихся классовъ на началахъ частной или общественной собственности не будетъ дѣйствительной мѣрой, и земля не въ

1) William Digby, «Prosperous British India».

состояніи будетъ прокормить все увеличивающееся населеніе. Индія надѣлена природой, пожалуй, еще щедрѣе, чѣмъ Китай: она могла бы прокормить свое населеніе не хуже, чѣмъ послѣдній.

Но «человѣкъ живетъ не однимъ только хлѣбомъ». Къ хлѣбнымъ злакамъ надо прибавить еще сушеные и зеленые овощи, сѣмена бобовыхъ растеній. Горохъ, фасоль, бобы, чечевица, соя и др. составляютъ значительную часть пищи маньчжуровъ и китайцевъ, хотя статистика не даетъ о нихъ столь точныхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ по отношенію хлѣбовъ; тѣмъ не менѣе, исчисляя ежегодный сборъ перечисленныхъ продуктовъ въ 200 милліоновъ гектолитровъ, мы имѣемъ цифру, значительно меньшую, чѣмъ дѣйствительная; но даже при такомъ условіи къ пищѣ каждого человѣка, включая женщинъ и дѣтей, прибавится въ мѣсяцъ по литру чрезвычайно питательныхъ веществъ. Производство картофеля, имѣющее весьма важное экономическое значеніе, выражается ежегодной цифрой не ниже милліарда гектолитровъ и является весьма важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ прокормленія человѣчества. Что же касается свѣжихъ овощей и фруктовъ, то о нихъ мы не имѣемъ никакихъ общихъ статистическихъ данныхъ, вслѣдствіе ихъ чрезвычайнаго изобилія, а также вслѣдствіе того, что эти продукты почти совсѣмъ не концентрируются на рынкахъ; все потребляется на мѣстѣ, за исключеніемъ раннихъ плодовъ, отборныхъ овощей и фруктовъ, выдающихся своей исключительной красотой и сочностью; улицы и базары каждого города обыкновенно переполнены плодами,—а сколько потерь отъ кражъ и порчи несутъ продавцы во время перевозки, лежанія, долгаго ожиданія покупателя! Сотни людей питаются остатками овощей, которые они собираютъ въ окрестностяхъ Парижа; милліоны людей могли бы прокормиться яблоками, грушами, вишнями, персиками, упавшими въ хорошіе годы съ деревьевъ, и которыхъ никто не подобралъ, такъ какъ въ той же мѣстности у всѣхъ этого добра было много, а экспортъ и консервированіе въ видѣ варенья, желе и пастилы, обошлись бы слишкомъ дорого. Въ фруктовыхъ садахъ Делавара цѣлые милліоны персиковъ зарываются у подножія деревьевъ; въ портахъ Антильскихъ острововъ и Центральной Америки бросаютъ въ воду всѣ грузы банановъ, которыхъ не хотѣли взять съ собой крупные покупатели съ большихъ судовъ; на улицахъ бразильскихъ городовъ мальчишки часто бросаютъ на землю всѣ свои апельсины, чтобы только отвоевать другъ у друга честь понести зонтикъ.

Путемъ очень простаго вычисленія, повтореннаго многократно со времени Гумбольдта, можно установить, что все человѣчество могло бы прокормиться одними бананами тропическаго пояса. Сахаръ, столь необходимый для поддержанія жизни человѣка, доставляется тоже множествомъ растеній, какъ, напримѣръ, сахарнымъ тростникомъ, свеклови-

цей, сахарным кленомъ, сорго. Въ одной Европѣ его добывается до шести милліоновъ тоннъ, что, при правильномъ распредѣленіи, дало бы въ день на человѣка около сорока граммовъ кристаллизованнаго сахара, что вполне удовлетворяетъ нормальнымъ требованіямъ гигиены.

Животная пища добывается путемъ охоты, рыбной ловли или разведенія домашнихъ животныхъ и птицъ, или же путемъ утилизаціи молока и яицъ. Въ былое время значительная часть человѣческаго рода оспаривала свою добычу у хищныхъ животныхъ, но теперь количество людей, живущихъ охотой, стало такимъ незначительнымъ, что послѣднія не имѣетъ никакого экономическаго значенія. Въ Европѣ такихъ людей больше нѣтъ; на африканскомъ континентѣ среди народовъ, живущихъ преимущественно охотой, можно указать развѣ только на нѣсколько жалкихъ карликовыхъ племенъ экваторіальной части материка, да на бушменовъ Калахарской пустыни ¹⁾.

Однако, въ обширной Сибири кочуютъ еще охотничьи племена, бродящія по обширной территоріи въ поискахъ за сѣдобнымъ и пушнымъ звѣремъ. Оба материка — Америка и Австралія — единственныя страны, въ которыхъ удержался первобытный и представленъ достаточно типичными племенами охотничій бытъ; но ихъ осталось очень немного, вслѣдствіе затрудненій, сопряженныхъ съ кочевой жизнью на огромныхъ пространствахъ. Поэтому можно сказать, что «охотничьихъ народовъ», въ собственномъ значеніи этого слова, уже не существуетъ. Нигдѣ — говоритъ Гроссе — они не могли достигнуть такого развитія, чтобы заслужить названіе «народа»; существуютъ только «охотничьи племена». Рыбная ловля на морскихъ глубинахъ, напротивъ, играетъ до сихъ поръ значительную роль въ дѣлѣ пропитанія человѣчества, особенно по берегамъ острововъ Тихаго океана, въ Японіи, по китайскому побережью, въ Норвегіи и сѣверныхъ частяхъ Америки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на островахъ и материкахъ, сохранились еще племена, питающіяся почти исключительно рыбой. И хотя море не представляетъ неисчислимаго богатства, хотя нѣкоторыя породы стали даже рѣдкими, вслѣдствіе особеннаго преслѣдованія ихъ со стороны человѣка, тѣмъ не менѣе, ежегодный уловъ постоянно увеличивается благодаря тому, что человѣкъ сталъ употреблять сѣти и другіе снаряды, все болѣе и болѣе приспособленные къ требованіямъ промысла, а также и потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запялись искусственнымъ разведеніемъ рыбы въ заливахъ, а также въ озерахъ, прудахъ и рѣкахъ.

Та роль въ пищѣ человѣка, которую играетъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ мясо домашнихъ животныхъ, приблизительно извѣстна. Она опредѣляется цифрой въ 20 милліардовъ килограммовъ, т.-е. около

1) Ernest Grosse, «Die Anfänge der Kunst», p. 43.

тридцати килограммовъ на человѣка. Многіе гигиенисты отрицаютъ, что человѣку необходима мясная пища, а многіе народы подтверждаютъ это мнѣніе своимъ примѣромъ. Но, предполагая даже, что человѣкъ дѣйствительно не можетъ обходиться безъ мяса, можно констатировать, что его было бы достаточно для того, чтобы каждый человѣкъ могъ разнообразить имъ свой столъ, оставляя, конечно, въ сторонѣ особенныхъ любителей покусать, тѣмъ болѣе, что къ этому роду пищи можно еще прибавить до 20 милліардовъ яицъ, получаемыхъ изъ нашихъ курятниковъ, 60 милліардовъ килограммовъ молока и 15 милліардовъ килограммовъ сыра, которые даютъ фермы. Въ Китаѣ также собирается невѣроятное количество яицъ,—можетъ-быть, даже больше, чѣмъ въ Европѣ и Америкѣ.

Всѣ эти пищевыя вещества, включая сюда, кромѣ хлѣбныхъ злаковъ и другихъ зеренъ, являющихся необходимыми элементами питанія, разнообразные продукты растительнаго царства и царства животныхъ, даютъ въ итогъ сумму благъ, которая съ избыткомъ можетъ удовлетворить потребностямъ всего человѣчества. Мы еще не затрагивали вопроса о тѣхъ продуктахъ, которые можно было бы назвать предметами роскоши, такъ какъ въ природѣ они не встрѣчаются непосредственно, а требуютъ со стороны человѣка еще дополнительной обработки; я говорю о разнаго рода напиткахъ, винахъ, маслахъ, эссенціяхъ, начиная отъ «soma» ведическаго періода и кончая виномъ, которое изобрѣтено, какъ гласитъ легенда, Ноемъ, у подножія Арарата, гдѣ, какъ полагаютъ, онъ пилъ впервые ту влагу, которая составляетъ теперь гордость столькихъ виноградниковъ отъ Франціи до Калифорніи и отъ Австраліи до Аргентины.

Еще въ 1882 году на основаніи самаго низкаго годового урожая былъ произведенъ расчетъ, сколько пищевыхъ продуктовъ приносятъ Европа и Соединенные Штаты. Цифра достигла на видъ гиперболическихъ размѣровъ—380 милліардовъ килограммовъ, т.-е. около тысячи килограммовъ на человѣка. Къ какому бы методу питанія мы ни прибѣгали по совѣту врачей-гигиенистовъ, мы всегда можемъ комбинировать пищевые продукты такъ, чтобы количество потребляемаго нами не превышало 475 килограммовъ въ годъ, такъ какъ здѣсь я говорю опять-таки не о выдающихся ѣдокахъ, но о среднемъ человѣкѣ, включая сюда женщинъ, дѣтей и стариковъ. Это значитъ, что при теперешнемъ положеніи земледѣлія, находящагося во многихъ странахъ въ зачаточномъ состояніи, общая сумма производства превосходитъ болѣе чѣмъ вдвое сумму, необходимую для удовлетворенія наличныхъ потребностей ¹⁾.

А, между тѣмъ, не всѣ находятъ себѣ мѣсто за столомъ на жизненномъ пиру! Голодные существуютъ и притомъ въ огромномъ количествѣ; но

1) «Les Produits de la Terre, Le Révolté», 23 nov. 1884—15 fév. 1885.

и богатымъ и тѣмъ, которые могутъ быть всегда сыты, будущее не обезпечено; много миллионовъ людей съ ужасомъ глядятъ впередъ и, обѣдая сегодня, не знаютъ, будутъ ли они обѣдать завтра. Призракъ нищеты преслѣдуетъ не только бѣдныхъ, но и богатыхъ, впрочемъ, не безъ основанія, такъ какъ богатство измѣнчиво: тотъ, кто, торжествуя, стоитъ въ данную минуту на колесницѣ, можетъ въ слѣдующее мгновеніе оказаться раздавленнымъ ея окровавленными колесами. Очевидно, если бы въ современномъ обществѣ не были сильны пережитки прошлаго, если бы давно отжившее не цѣплялось постоянно за живущее, то нынѣшнее человѣчество поставило бы своей первой и необходимой задачей—обезпечить всякому хлѣбъ насущный, который добывается трудящимися классами, и который часто теряется въ дорогѣ, портится на мѣстѣ и пропадаетъ даромъ, благодаря различнымъ случайностямъ, въ вагонахъ, на корабляхъ, въ амбарахъ, складахъ и особенно въ тысячахъ различныхъ лавокъ. Первой заботой человѣчества было бы внести порядокъ въ дѣло распредѣленія; этотъ порядокъ долженъ былъ бы привести къ тому, чтобы продукты въ родѣ муки, овощей и плодовъ отправлялись и доставлялись на мѣста съ той же аккуратностью, съ какой доставляются по утрамъ письма и газеты. То, что возможно установить по отношенію къ бумагѣ, возможно и по отношенію къ пищевымъ продуктамъ; но, чтобы произвести этотъ переворотъ, согласно требованіямъ справедливости, раціонально, надо положить руки на святыни архаическаго строя, надо уничтожить всѣ неравенства, столь любезныя сердцу привилегированныхъ тѣмъ, что, благодаря имъ, они держатъ въ своихъ рукахъ не только земельную и фабрично-заводскую монополію, но и всѣ отрасли человѣческаго труда; у нихъ въ рукахъ сила, право называться хозяевами и господами; тѣ, которыхъ они притѣсняютъ, должны занекивать передъ ними, почитать ихъ, обожать и добиваться ихъ милостей.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Свобода производства и равномерное для всех распределение — вот то, чего мы требуем от будущего.

Глава девятая.

БЫСТРОТА РАЗВИТІЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ РАБОЧИХЪ. — РАЗДѢЛЕНІЕ ТРУДА. — ВЛІЯНІЯ МАШИННАГО ПРОИЗВОДСТВА. — МѢСТНЫЯ ПРЕУСПѢЯНІЯ И УПАДОКЪ. — ПОСТОЯННАЯ БОРЬБА ВЪ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОМЪ ДѢЛѢ. — НЕВѢЖЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНІЕ КЪ ОБЩЕСТВЕННОМУ БЛАГУ. — ТОРГОВЛЯ; УПАДОКЪ РОЗНИЧНАГО ТОРГА. — КАРАВАНЫ, ЯРМАРКИ, ТАМОЖНИ. — ПРИСПОСОБЛЕНІЕ КАПИТАЛОВЪ И ЗАКОНОВЪ. — ДОПУСКАЕМЫЯ МОШЕННИЧЕСТВА. — ЦЫГАНЕ И ЕВРЕИ. — ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРЕДѢЛЕНІЕ. — КУПЛЯ И ПРОДАЖА.

Происхожденіе промышленности не менѣе древне, чѣмъ и земледѣлія. Самая суть промышленности быстро содѣйствовала развитію чувства личной собственности, потому что предметы, сработанные первыми ремесленниками, обыкновенно считались принадлежностью того,

кто ихъ дѣлалъ. Ничего, значить, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что онъ хранилъ ихъ для себя самого или отдавалъ, кому самъ хотѣлъ. Вообще же говоря, можно признать, что въ человѣческихъ обществахъ промышленная собственность развилась параллельно земледѣльской. Тамъ, гдѣ земля, состоявшая въ пользованіи лица или группы лицъ, ограждалась еще заборами и хижинами, лодки и разныя орудія производства охранялись не особенно ревниво. Собственностью семьи, которая владѣла данною землею, считались разные предметы обстановки: орудія, инструменты, оружіе, находившіеся въ предѣлахъ участка. Также считались неотъемлемой принадлежностью рода (клана), племени или общины соотвѣтственно всѣ предметы производства. Крупныя владѣнія обнимали не одни только поля, луга, лѣса, которыми могло пользоваться все населеніе; оно располагало на правахъ собственности людьми извѣстныхъ категорій: кліентами, крѣпостными и наемными рабочими, рабами. Богатства владыки заключались не въ одномъ его жилищѣ и зерновомъ хлѣбѣ, собранномъ съ его полей въ житницы: ко всему этому причислялись дорогія вазы, драгоценныя металлы и камни, ткани, ковры, картины. Тутъ накапливались плоды самыхъ разнообразныхъ отраслей человѣческаго труда.

Съ одной стороны, успѣхи науки, съ другой—развитіе судоходства и устройство путей сообщенія доставили промышленности возможность значительно опередить земледѣліе. Земледѣліе могло воспользоваться только нѣкоторыми улучшеніями, примѣнимыми къ наиболѣе крупнымъ владѣніямъ. Но, какъ бы земельный собственникъ ни былъ богатъ и могущественъ, онъ не могъ идти далѣе извѣстнаго предѣла, безгранично умножать число своихъ кліентовъ: сама природа ограничивала его стремленія; тогда какъ промышленникъ уже въ первые годы эпохи Возрожденія могъ видѣть, какъ быстро расширяется кругъ его дѣятельности, особенно въ вольныхъ городахъ Италіи, Франціи, Германіи, Фландріи. Покупая въ значительномъ количествѣ сырой матеріалъ, онъ могъ произвольно увеличивать размѣры производства своихъ мастерскихъ и пересылать продукты съ одного рынка на другой до самыхъ конечныхъ предѣловъ извѣстнаго тогда свѣта. Благодаря неограниченному кредиту, онъ могъ пускаться въ оборотъ не только свою, но и чужую собственность. Онъ былъ настолько же торговцемъ, насколько и промышленникомъ; въ союзѣ съ денежнымъ человѣкомъ онъ, при помощи займовъ и иныхъ банковыхъ операцій, получалъ возможность мобилизовать колоссальную недвижимую собственность, которая безъ этого оставалась почти непроизводительной, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ. Наконецъ, онъ, получая возможность повелѣвать даже королямъ, руководилъ дипломатами и арміями. Словомъ, онъ подготовлялся къ своей будущей роли—міровому господству.

Надо, однако, замѣтить, что поступательное движеніе промышленности было многократно задерживаемо завистливымъ соревнованіемъ. Ни одно изъ спеціальныхъ открытій не могло занять подобающаго ему положенія безъ тяжелой борьбы. Изобрѣтателей преслѣдовали какъ еретиковъ. И, въ самомъ дѣлѣ, новыя изобрѣтенія являлись какъ бы оскорбленіями давно всѣми принятаго порядка, покушеніями на достоинство рутинны. Напримѣръ, каменный уголь. До самаго послѣдняго времени, когда стали пользоваться нефтью и водяной силой, каменный уголь служилъ на всѣхъ современныхъ фабрикахъ единственнымъ источникомъ движущей силы. Между тѣмъ, въ первое время его появленія пользованіе имъ строго воспрещалось потому, что оно было невыгодно лѣсоторговцамъ и инымъ привилегированнымъ промышленникамъ. Англійскіе ремесленники и рабочіе скоро привыкли къ каменному углю въ своемъ обиходѣ. Но богатымъ классамъ это не понравилось. Они жаловались на запахъ, распространяемый такимъ топливомъ. Было назначено разслѣдованіе, результатомъ котораго, въ 1305 г., явился эдиктъ короля Эдуарда I, грозившій суровыми наказаніями тѣмъ, кто осмѣлится привозить каменный уголь въ какой бы то ни было англійскій городъ. Этотъ запретъ былъ снятъ лишь въ 1340 г., да и то исключительно для нѣкоторыхъ, особенно покровительствуемыхъ правительствомъ фабрикантовъ. Не ранѣе какъ по истеченіи цѣлаго столѣтія повсемѣстное употребленіе каменнаго угля было разрѣшено въ Англии. Во Франціи, въ царствованіе Генриха II всѣ парижскіе кузнецы, осмѣливавшіеся пользоваться каменнымъ углемъ, подвергались штрафу и тюремному заключенію ¹⁾.

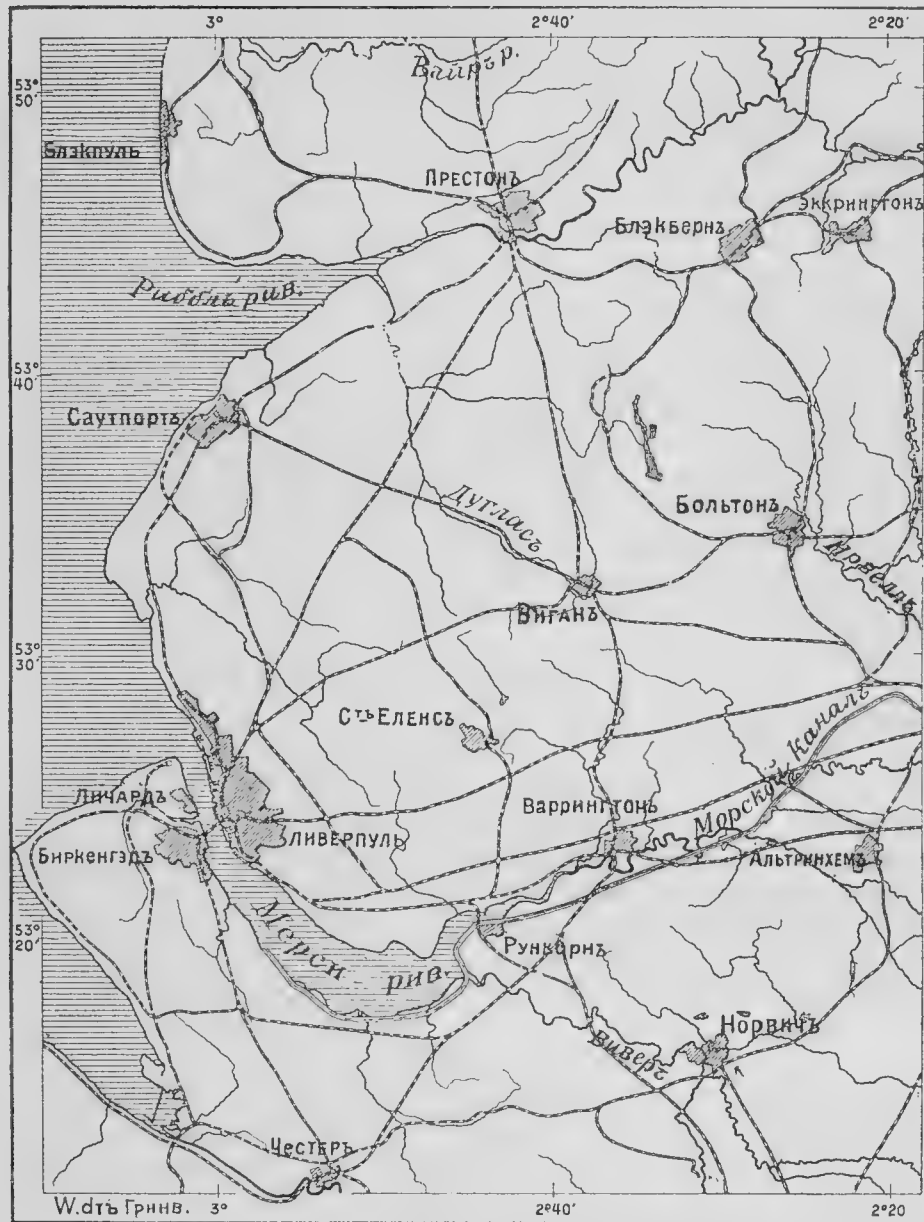
Въ Германіи вначалѣ было то же самое. Тамъ косилась на каменный уголь «наука», въ лицѣ мѣстныхъ медиковъ, утверждавшихъ, что уголь причиняетъ у тѣхъ, кто его сжигаетъ, одышку, чахотку и другія опасныя болѣзни. Даже революціонный духъ населенія города Льежа приписывали тому, что оно постоянно топить печи каменнымъ углемъ ²⁾! Между тѣмъ, настоящіе поводы къ мятежамъ, т.-е. несправедливость князей-епископовъ, стѣсненія, которымъ они подвергали своихъ подданныхъ, и т. д., можно было бы съ такимъ же основаніемъ объяснять тоже влияніемъ новаго топлива.

Точно также были отвергаемы, осмѣиваемы и даже воспрещаемы всѣ изобрѣтенія и открытія, слѣдовавшія за примѣненіемъ каменнаго угля. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно было ввести желѣзныя дороги въ Западной Европѣ. Самые умные люди утверждали, что локомотивъ ни-

1) Paul Noël. «Origine et analyse du charbon de terre». — 2) A. Boghaert-Vacké, «La Nature». 1 janv. 1898, p. 71.

когда не будет иметь возможности подниматься по покатой плоскости,

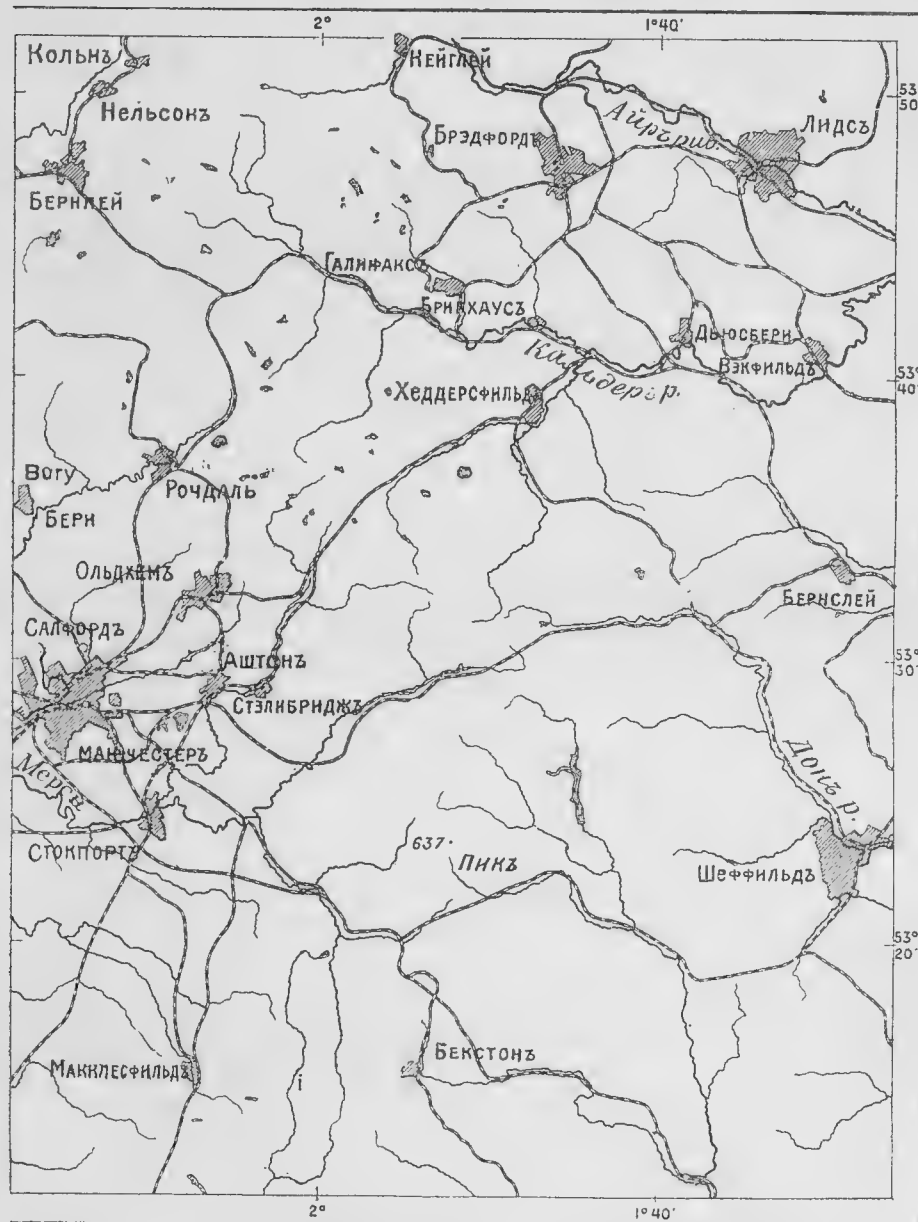
570 и 571. Промышленная область в Англии:

1 : 500 000

0 10 20 30 Килом.

а тѣмъ менѣ тащить за собой нагруженные вагоны. Ученые отвергали
Ланкаширъ и западный Йоркширъ.

очевидные факты, не желая соглашаться съ доводами, шедшими въ
разрѣзъ съ ихъ классическими ученіями.

Однако, разъ ставъ на надлежащій путь, промышленныя предприятия, заводы и фабрики уже болѣе не останавливались въ своемъ прогрессивномъ движеніи, хотя не разъ являлись имъ помѣхой то международныя войны, то внутреннія волненія. Быстрота развитія промышленности постоянно возрастала. Ея быстрое, постоянно ускоряющееся развитіе, ея неуклонно возрастающее значеніе, дававшее проникательнымъ умамъ основаніе предсказывать важную для нея роль въ будущемъ, началось, однако, только въ XVIII вѣкѣ, когда дальнія морскія путешествія (весьма рѣдкія дотолѣ) стали учащаться и дѣлаться болѣе общедоступными, когда на нѣкоторыхъ фабрикахъ минеральное топливо замѣнило древесное, когда стали входить въ употребленіе машины, замѣнявшія человѣческій трудъ. Мало-по-малу, во всѣхъ мастерскихъ машина стала словно божествомъ, ритмическія движенія котораго руководили всѣми движеніями рабочаго. Каменный уголь, извлеченный изъ глубины земли-превращаетъ свой запасъ тепловой энергіи въ живую силу, приводящую въ движеніе огромный организмъ, состоящій изъ рычаговъ, поршней, колесъ, зубчатокъ и человѣческихъ существъ. Сила, которою можетъ располагать промышленникъ, становится безграничной. Количество продуктовъ накапливается; соответственно возрастаетъ и число потребителей. Наука заковала Вулкана въ цѣпи, чтобы заставить его безъ передышки ковать потребныя для нея орудія.

Вначалѣ большія промышленныя предприятия являлись чѣмъ-то варварскимъ, свирѣпымъ, титаническимъ. Машины не были еще надлежащимъ образомъ приспособлены къ тому, чего отъ нихъ требовалъ промышленникъ. Онѣ были громоздки, сложны, почти чудовищны по размѣрамъ, а между тѣмъ ихъ втискивали въ зданія старой, примѣненной къ ручному труду конструкціи; зданія необширныя, у которыхъ стѣны, полъ—все сотрясало отъ грохота механизмовъ. Паръ, продукты горѣнія угля, газы, образующіеся при разложеніи сырыхъ продуктовъ, портили воздухъ. Обломки старыхъ орудій производства валялись кучами на грязныхъ, зловонныхъ дворахъ. Рабочіе, очутясь между насльдственной привычкой къ ручному труду и новѣйшими указаніями хозяевъ, работали неаккуратно; плоды ихъ труда были лишены изящества. Старый ритмъ работы, система сгруппировыванья подходящихъ рабочихъ, вооруженныхъ дѣдовскими инструментами, не приводили ихъ, какъ прежде, къ желанному результату и совершенству продуктовъ; но и то и другое исчезло. По новому пути рабочіе еще не могли двигаться съ надлежащимъ успѣхомъ. А тѣмъ временемъ открытіе слѣдовало за открытіемъ; система вытѣсняла рутину; орудія производства принимали совершенно новый характеръ, и промышленные рабочіе постепенно припоровились къ новому порядку вещей. Они, если можно такъ выразиться, выучились жить въ огнѣ, среди потоковъ электричества, въ самомъ центрѣ

борьбы силъ первобытнаго хаоса и управлять ими; безъ особеннаго труда, при посредствѣ спокойныхъ, но увѣренно властныхъ движеній, нажмутъ рычагъ, переведутъ стрѣлку, коснутся кнопки,—и все измѣняется согласно ихъ желанію, въ опредѣленной мѣрѣ, согласно извѣстному ритму, малѣйшее колебаніе котораго регулируется рабочимъ.

Члены личнаго состава фабрики именуются иначе, чѣмъ въ ста-

Лидвилль, у подножія Скалистыхъ горъ.
Главнѣйшіе свинцово-серебряные рудники.

рину; новое дѣло требуетъ новыхъ органовъ. Въ старину во всякомъ данномъ дѣлѣ почитательно послушный сынъ-подмастерье поступалъ такъ же, какъ отецъ. Достаточно было толково знать свойства сырого матеріала (всегда одного и того же), быть практически знакомымъ съ послѣдовательностью работы и строго держаться, какъ религіознаго обряда, одной и той же системы, знать, какіе виды продукта предпочитаютъ крупными торговцами и королями, умѣть придавать имъ характеръ старины. Словомъ, никакой инициативы отъ рабочаго не требовалось.

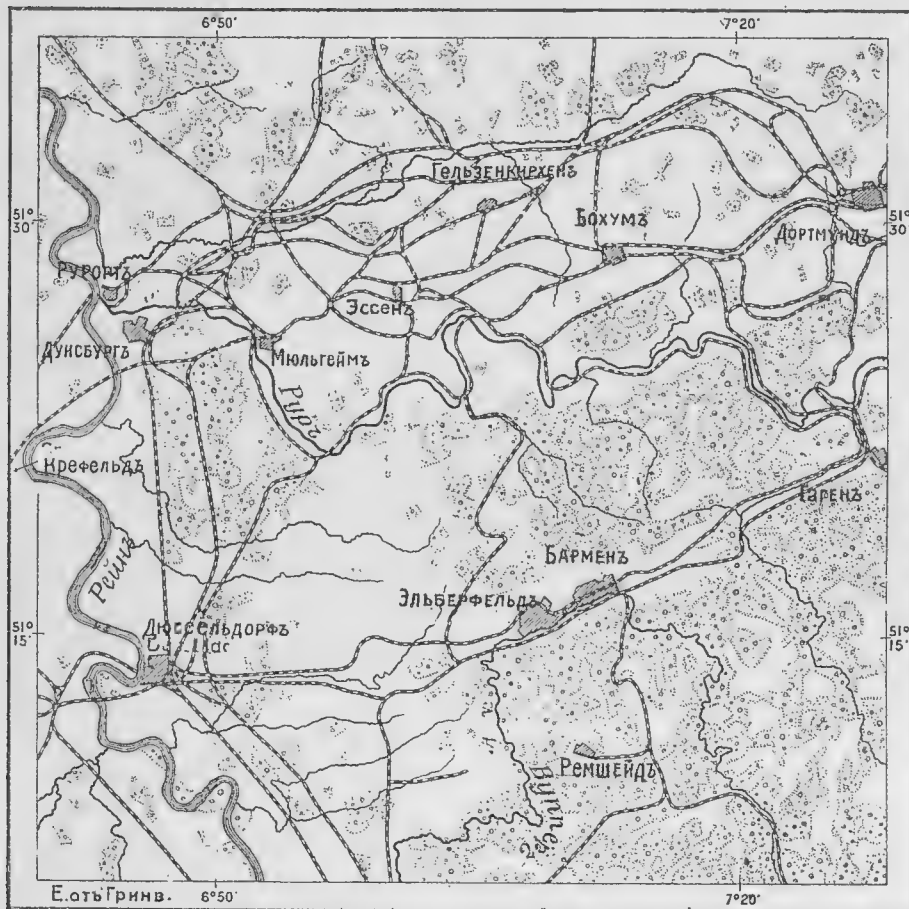
Конечно, въ старину каждое ремесло тѣмъ болѣе процвѣтало—и даже прогрессировало въ нѣкоторой степени—, чѣмъ моложе были сами

ремесленники, особенно если они были свободными людьми. Но работа не заставалась и тогда, когда хозяинъ ставилъ на нее рабовъ подъ начальствомъ надзирателей, принадлежавшихъ къ болѣе или менѣе свободнымъ классамъ. Однако, новая промышленность такими рабочими удовлетворяться не можетъ, и не потому, чтобы она нынѣ стала сострадательнѣе, челоѡколюбивѣе прежняго. Въ этомъ смыслѣ она не измѣнилась просто потому, что чувствительность не ея дѣло. Самое названіе «промышленность» указываетъ, что цѣль ея заключается единственно въ пріобрѣтеніи выгодъ. Она стала только болѣе прежняго дѣятельной, подвижной; она обязана идти въ ногу съ вѣкомъ, слѣдить, за его успѣхами, даже опережать ихъ, и, слѣдовательно, не можетъ примѣняться къ положеніямъ закоснѣлымъ, удручающимъ, какимъ является, напримѣръ, рабство, загромоздившее бы ее грудными младенцами и старцами. Ей нужны теперь рабочіе наемные, расположенные къ данной работѣ и подходящіе къ ней по своей силѣ, ловкости и выносливости. Ихъ нынѣ держатъ до тѣхъ поръ, пока они приносятъ пользу данному предпріятію, т.-е. даютъ болѣе того, во что обходятся сами; потомъ отъ нихъ освобождаются какъ отъ излишняго бремени. Контракты, вѣрнѣе условія, съ ними заключаются помѣсячно, понедѣльно, а для нѣкоторыхъ работъ даже подневно. И идетъ непрерывная, яростная борьба за размѣръ оплаты ихъ труда: рабочій жаждетъ повысить ее, а хозяинъ—понизить.

Экономисты склонны утверждать, что раздѣленіе труда является одной изъ побѣдъ современной промышленности, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, раздѣленіе труда есть одно изъ неизбѣжныхъ условій всякаго коллективнаго труда; о о всегда, безъ исключенія, примѣнялось не только при челоѡческой работѣ, но и при работѣ нашихъ отдаленныхъ предковъ—животныхъ. Раздѣленіе труда существуетъ естественно, безъ всякаго посторонняго принужденія, у обезьянъ, сернъ, птицъ, даже у карасей,—вообще, у многихъ животныхъ, которыя съ основательнымъ недоѡріемъ относятся къ своимъ бродячимъ врагамъ, въ томъ числѣ и къ двуногому челоѡку. Животныя никогда не забываютъ ставить своихъ часовыхъ около мѣстъ, гдѣ они пасутся, отдыхаютъ или забавляются. Одинъ изъ прекрасныхъ примѣровъ раздѣленія труда мы видимъ у перелетныхъ птицъ: онѣ добровольно смѣняютъ одна другую во время непрерывнаго своего полета противъ упорнаго сопротивленія воздуха. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія раздѣленіе труда является признакомъ полнѣйшей солидарности. Она истинная, если раздѣленіе труда проявляется добровольно, т.-е. если въ общей работѣ каждый отдѣльный индивидъ охотно выбираетъ себѣ долю труда, руководясь своими силами, своими свойствами, своимъ расположеніемъ въ данную минуту и удобствами. Иначе работа не можетъ быть доведена до совершенства; для полнаго достиженія цѣли необходимо искреннее согласіе всѣхъ индиви-

дуальныхъ воле и взаимное соглашеніе всѣхъ, касающееся надлежащаго примѣненія, разнообразныхъ способностей. Какія дивныя произведенія труда, и въ то же время какой радостный подъемъ духа, поро-

№ 572. Промышленный районъ Рура.

1: 500 000

0 10 20 30 Килом.

Въ Барменъ-Эльберфельдѣ скучено болѣе 300000 жителей; въ Дюссельдорфѣ и Эссенѣ болѣе 200000; въ Дуйсбургѣ, Дортмундѣ, Гельзенкирхенѣ, Бохумѣ и Крефельдѣ болѣе 100000. Остальные города, отмѣченные на картѣ, имѣютъ каждый, за исключеніемъ Рурорта, болѣе 500000 жителей.

ждаются общимъ воодушевленіемъ, подъ вліяніемъ котораго работаютъ совместно друзья, читающіе въ глазахъ другъ у друга, какъ и что нужно дѣлать, за какой инструментъ взяться, насколько напрягать мускулы!

Трудно себѣ представить, что всѣ эти люди, умѣющіе въ какихъ-нибудь два года, даже въ полтора, заканчивать въ совершеннѣйшемъ видѣ современныхъ быстроходныхъ морскихъ гигантовъ («*lévriers des mers*»), суть не болѣе, какъ наемные рабочіе. Для того, чтобы выучиться воздвигать съ такой постоянно возрастающей быстротой и безусловной точностью пловучіе города, размѣры которыхъ изъ года въ годъ увеличиваются, которымъ ввѣряются при каждомъ рейсѣ тысячи человѣческихъ жизней, смѣнилось много поколѣній рабочихъ. Чтобы достигъ такого результата, необходимо, чтобы каждый участникъ этой гигантской работы отдавалъ ей всѣ свои умственные способности, вкладывалъ въ нее всю свою душу. Вотъ что говорилъ Бэкеръ, главный инженеръ, строившій Форскій мостъ, обращаясь къ собранію ученыхъ. «Этотъ мостъ, состоящій изъ трехъ арокъ, по шестисотъ метровъ длиною каждая, по существу своему представляетъ созданіе рабочихъ, ибо успѣхъ подобнаго дѣла зависить столько же отъ сообразительности и изобрѣтательности каждаго рабочаго отдѣльно и всѣхъ ихъ въ совокупности, какъ и отъ научныхъ познаній инженеровъ, какъ и отъ самой организаціи рабочихъ, руководимыхъ ихъ старшинами. Почти невѣроятно велико число случаевъ, когда во время возведенія этого новаго сооруженія рабочимъ, для преодоленія непредвидѣнныхъ затрудненій, приходилось поступать по собственному соображенію и рѣшать тотчасъ же, не ожидая ничьихъ указаній. Единственно благодаря смысленности и изобрѣтательности всѣхъ участниковъ работы мы могли вести дѣло и закончить безъ трагическихъ эпизодовъ».

А, съ другой стороны, посмотрите, какой жалкій видъ представляетъ работа, раздѣленіемъ которой распоряжаются сами хозяева или ихъ ставленники; распоряжаются нерасчетливо и часто не зная хорошенько рабочихъ, когда второстепенные начальники грубо обращаются съ рабочими, обманываютъ ихъ. При такихъ обстоятельствахъ рабочій, заинтересованный единственно своей платой, валитъ чрезъ пень колоду, безо всякаго усердія и безъ любви къ дѣлу. А вѣдь такимъ образомъ строится немало сооруженій, которыя можно назвать не только негодными, но и смертоносными; напримѣръ, мосты, которые бурные вѣтры сносятъ, какъ дырявыя полотнища холста ¹⁾, благодаря негодности и матеріала и работы. Настоящая цѣль раздѣленія труда, идеаль его, заключается не только въ томъ, чтобы расширить производство, а, главное, въ томъ, чтобы всѣ отдѣльныя его функціи были между собой согласованы ²⁾. Между тѣмъ, на практикѣ обнаруживается странное, противорѣчащее этой цѣли явленіе, а именно: раздѣленіе труда ведетъ къ

1) Тэйскій мостъ, провалившійся въ 1879 г. — 2) Emile Durkheim, «De la division du travail social».

ухудшенію производства и къ раздробленію массы работающих во враждебныя касты.

Современные промышленники, преслѣдуя свои эгонистическія цѣли, взираютъ на раздѣленіе труда не только какъ на средство увеличить количество продукта, но и какъ на средство разъединять самихъ рабочихъ, изолировать ихъ, отстрапять одного отъ другого, дабы усилить

Развѣдки золота на Уралѣ.

свое могущество раздробленіемъ противоположной ему силы. Подобно этому поступаютъ нѣкоторыя правительственныя учрежденія, которыя, держась такой системы, доходятъ до того, что лишаютъ себя всякой возможности поддерживать необходимое согласіе между органами обдумывающими (или, по крайней мѣрѣ, обязанными обдумывать) и органами исполнительными: «Пожалуйста, не разсуждай; это мое дѣло!» Такимъ языкомъ, хотя и въ иной формѣ, разговариваютъ начальствующія лица на всѣхъ фабрикахъ, во всѣхъ департаментахъ и конторахъ. А вѣдь каждый смышленный хозяинъ или начальникъ не можетъ не сознавать, что такое разъединеніе элементовъ, работающих надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, вредно отзывается на успѣхѣхъ этого дѣла. Никакая машина не могла бы быть хорошо изготовлена, если бы ея изобрѣтатель пользовался только трудомъ единичныхъ рабочихъ, исключительно отдѣльныхъ спе-

ціальностей; одинъ умѣлъ бы только подпиливать, другой только ковать, тотъ только сверлить, а этотъ облованивать. Такіе рабочіе никогда не имѣли бы возможности понимать смыслъ общаго. А будь у всѣхъ у нихъ въ головѣ ясное и полное понятіе о машинѣ, они хорошо бы совладали съ дѣломъ.

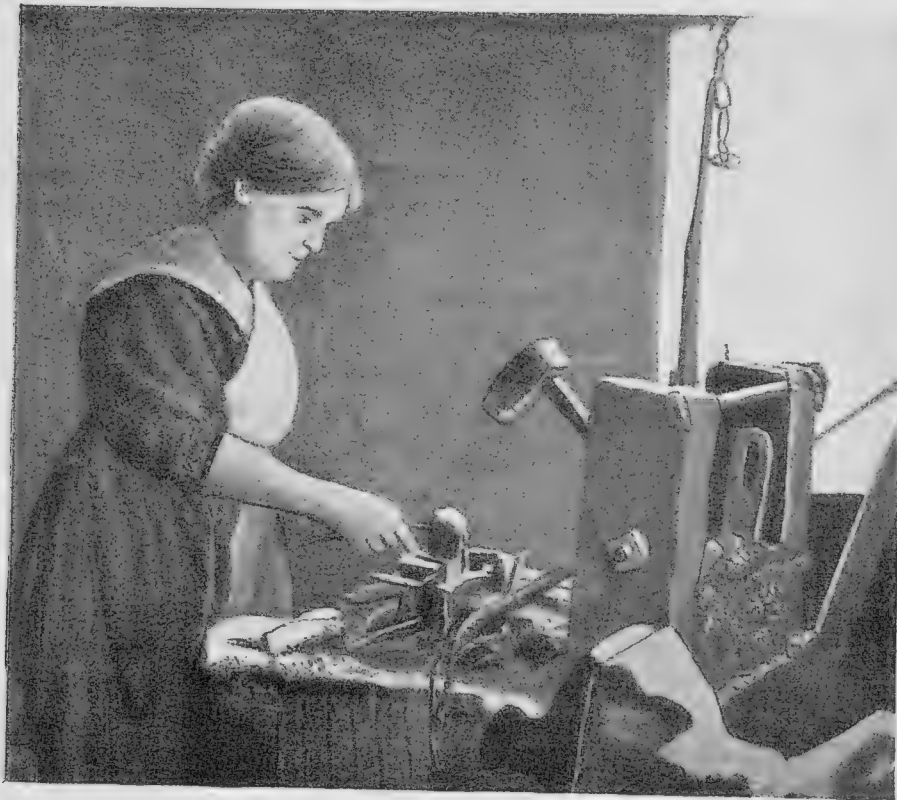
Припомните мрачное пророчество Адама Смита ¹⁾, утверждавшего, что раздѣленіе труда—въ томъ видѣ, какъ оно практикуется,—вызывая неизбежность безконечнаго повторенія одного и того же движенія, приѣмовъ, доведетъ рабочихъ, приговоренныхъ къ этой каторгѣ, до умственной атрофіи; что они «отупѣютъ, будутъ невѣжественны до крайней, доступной человѣческому существу, степени»; что они утратятъ ясность нравственныхъ свойствъ, будутъ неспособны находить удовольствіе въ мало-мальски разумной бесѣдѣ, испытывать чувство нѣжнаго расположенія, быть великодушными, благородными. А, слѣдовательно, они не будутъ въ частной жизни въ силахъ здраво размышлять о своихъ обязанностяхъ, вырабатывать надлежащіе сужденія, даже самыя обыкновенныя».

Это пророчество исполнилось, но только отчасти, единственно потому, что эволюція современной промышленности постоянно совершалась съ такой быстротой, что влекла за собой преобразованія, перемѣны, которыхъ нельзя было осуществить безъ поднятія умственнаго уровня рабочихъ. Какъ во всякомъ историческомъ явленіи, эта эволюція сказывалась въ двоякомъ смыслѣ: и прогрессивномъ, и регрессивномъ. Прогрессъ выражался въ болѣе и болѣе обширномъ примѣненіи машинъ, а машины все болѣе и болѣе совершенствовались, не потому только, что скопленіе огромныхъ богатствъ шло быстро, а также и потому, что быстро возрастало число рабочихъ, приобщавшихся къ наукѣ, механикѣ и союзнымъ ей отраслямъ знанія: электротехникѣ, химіи, технологіи металловъ. Рабочихъ, знакомыхъ съ наукой, явились цѣлыя легіоны; школы для техническаго образованія начинаютъ основываться повсюду ²⁾. Вообще начинаютъ понимать, что всякій серьезный рабочій долженъ быть хорошо знакомъ съ наукой, или науками, выраженіемъ которой является его ежедневный трудъ. Старинное выраженіе «déclassé» (не принадлежащій ни къ какому сословію или классу) утрачиваетъ смыслъ. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ воспитанникомъ гимназій, сыномъ буржуа, нисходящимъ до ранга рабочихъ, садится теперь рабочій, сынъ рабочаго же, воспитывающій себя для того, чтобы подняться по стезѣ труда. Мало-по-малу синтезъ интеллигентнаго и ручного труда становится настоятельно нужнымъ; наука принимаетъ болѣе дѣятельный ха-

1) «Richesse des Nations». — 2) Louis de Brouckère, «Conférence au groupe des Etudiants collectivistes de Paris», 30 mai 1899.

рактерь; близко время, когда картографъ будетъ превосходнымъ географомъ, когда химикъ будетъ заниматься удаленіемъ и утилизаціей нечистотъ, когда кузнецъ будетъ слѣдить за успѣхами металлургіи.

Пока, однако, все это проявляется еще въ очень скромныхъ

Женщина, кующая гвозди; Мюсгровъ въ графствѣ Вустеръ (Worcester).

Въ провинціи Мюсгровъ очень много женщинъ занимается этимъ ремесломъ: онѣ получаютъ 68 сантимовъ за 1150 гвоздей. Двое рабочихъ, имѣющихъ общій горнъ въ теченіе пятнадцати часовъ въ сутки, могутъ зарабатывать до 15 франковъ въ недѣлю. Изъ этого заработка должно вычестъ 1 фр. 90 сантим. на уголь, 4 ф. 40 сантим. за наемъ мастерской. На пищу, одежду и пр. остается всего 8 фр. 70 сантим. По Флоренсъ Торнъ Рингу, въ „Sweated industries“, стр. 52.

размѣрахъ. Правда, рабочіе, завѣдующіе движеніемъ машинъ, учатся, выдвигаются въ первые ряды «мыслящихъ». Зато другіе рабочіе, остающіеся въ положеніи живыхъ частей машины—кочегары, сцѣпщики проволоки,—обреченные на продѣлываніе миллионы, миллиарды разъ одного и того же движенія, доходятъ до того, что только по внѣшнему виду напоминаютъ живыхъ существъ. Вся эта категорія рабочихъ какъ бы заражена немощью, потому что женщины, дѣти, словомъ всѣ, кто по

своей физической слабости вынужденъ довольствоваться недостаточнымъ заработкомъ, приставляются къ дѣлу, притупляющему сознание и истощающему силы. Сколько вы найдете городовъ и провинцій, жители которыхъ утратили въ значительной степени тѣлесную красоту, мускульную и умственную силу, жизнерадостность и чувство нравственности. Они въ лучшіе часы дня, а иногда въ ночную очередь, въ часы, предназначенные природой для сна, дышать нечистымъ, а случается—просто отравленнымъ воздухомъ, питаются недостаточно, почти всегда дурно приготовленной пищей. Милліоны такихъ существъ, разбѣянные по нашимъ цивилизованнымъ странамъ, имѣютъ только очень отдаленное сходство съ хорошимъ образцомъ человѣческой расы. А сколько семей гаснетъ, такъ сказать, исчезаетъ, обезображивается подъ игомъ жестокихъ лишеній, непосильнаго труда, воды, противоестественныхъ пороковъ ¹⁾!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ наше время рабочій, считающійся даже свободнымъ, работаетъ «не больно-то весело», въ сравненіи съ ремесленниками древности, занимавшимися соотвѣтственно одинаковымъ съ нимъ производствомъ; по крайней мѣрѣ, ритмическіе звуки пѣсни, иногда и музыки подбодряли, давали послѣднему возможность менѣе сознавать тяготу своего труда ²⁾. Флейтистъ и тамбуринистъ облегчали даже рабскій трудъ. Въ наше время на всѣхъ фабрикахъ, заводахъ, прядильняхъ царитъ законъ безусловнаго безмолвія. Во многихъ мастерскихъ надсмотрщики не дозволяютъ рабочимъ даже тихонько напѣвать или посвистывать себѣ подъ носъ. Изъ этого правила допускаются два исключенія, и то только благодаря мощной вѣковой привычкѣ, а именно: странный монотонный напѣвъ мастеровъ, когда они тянутъ канатъ, и ритмическое нѣтье мнущихъ тѣсто хлѣбниковъ въ пекарняхъ.

Для того, чтобы припереть рабочій персоналъ къ стѣнѣ, легче управлять имъ и понижать плату на фабрикахъ, капиталисты съ самаго начала расцвѣта крупной промышленности уменьшали число взрослыхъ мужчинъ, стараясь замѣнять ихъ женщинами и дѣтьми. Чѣмъ рутиннѣе становился характеръ труда, тѣмъ болѣе трудъ сводился къ рефлексивнымъ движеніямъ, обусловливаемымъ мѣрными движеніями взадъ и впередъ данныхъ частей машины, тѣмъ большее количество женщинъ и дѣтей обращалось какъ бы въ живые зубчатки и колесики колоссальнаго механизма. Всѣмъ хорошо извѣстны роковыя послѣдствія этого явленія: женщина теряетъ одного за другимъ своихъ дѣтей, ясно видитъ, какъ

1) Arsène Dumont, «Etude sur Lillebonne».—2) Carl Bücher, «Arbeit und Rythmus».

истощаются ея собственныя силы, и преждевременно умираетъ почти-что за станкомъ.

Даже самыя грандіозныя и поразительныя проявленія прогресса, величайшія открытія—напримѣръ, открытіе новой движущей силы,—изобрѣтеніе и введеніе остроумнѣйшихъ машинъ или средствъ обработки извѣстнаго продукта, замѣняющихъ ручной трудъ, — все это часто пагубно отражается на положеніи рабочихъ, грозитъ имъ бѣдствіями и нищетою. Несомнѣнно, что конечная цѣль всѣхъ усовершенствованій должна заключаться въ умаленіи тяготы человѣческаго труда. Но до сихъ поръ они только расширяютъ область промышленности и порождаютъ тѣмъ новыхъ изобрѣтеній, дающихъ возможность специализировать и дифференцировать трудъ по тысячамъ совершенно непредвидѣнныхъ разнѣ путямъ. Разнообразіе промышленныхъ и ремесленныхъ отраслей такъ сильно увеличивается, что статистики насчитываютъ ихъ нынѣ тысячами въ крупныхъ центрахъ, гдѣ какихъ-нибудь сто лѣтъ назадъ ихъ существовало не болѣе одной или—много—двухъ сотенъ. Переходы совершаются безо всякаго вниманія къ интересамъ массы. Если бы изобрѣтатель былъ самъ членомъ какой-нибудь ассоціаціи, то, конечно, вся группа, къ которой онъ принадлежалъ бы, могла бы извлечь пользу изъ его нововведенія. Но обыкновенно онъ самъ оказывается между двухъ огней, между двумя враждебными ему элементами: между хозяиномъ и рабочими. Личный интересъ, конечно, побуждаетъ его обратиться къ хозяину, потому что хозяинъ ему сейчасъ же заплатитъ; тогда какъ рабочіе, озабоченные только добываніемъ куска хлѣба для своихъ дѣтей, не задумаются разрушить его новый механизмъ. Какой-нибудь новый способъ обработки, какое-нибудь техническое нововведеніе, допущенное на фабрику, въ ихъ глазахъ является чѣмъ-то въ родѣ заряженнаго орудія, грозящаго пробить брешь въ ихъ слишкомъ густой толпѣ.

Этимъ-то легко объясняется ненависть рабочихъ ко всѣмъ «дьявольскимъ», «смертоноснымъ» изобрѣтеніямъ и открытіямъ, даже такимъ, которыя по существу составляютъ славу человѣческаго генія. Множество возмущеній, и притомъ небезосновательныхъ, было порождено введеніемъ въ промышленный организмъ открытій, которыми отмѣчается поступательное движеніе человѣческаго прогресса. Напримѣръ, первый рельсовый путь, проложенный въ 1829 году въ Бельгіи между копиями Гракъ-Горню и Монскимъ каналомъ, былъ совершенно разрушенъ въ слѣдующемъ году перевозчиками и мѣстными ломовиками ¹⁾.

Въ другихъ странахъ, Англіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ,

1) Edmond Peny, «Revue des traditions populaires», 1895, p. 555.

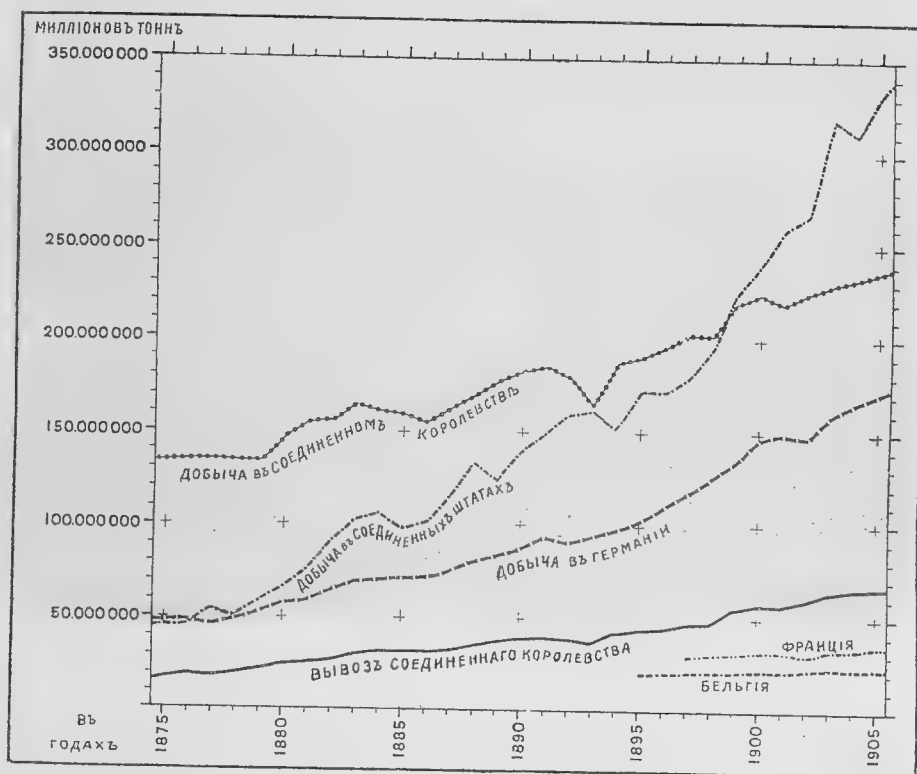
Германіи, прогрессъ промышленнаго производства многократно вызывалъ пассивные протесты рабочей массы,—протесты, имѣвшіе чуть ли не большія послѣдствія, чѣмъ бунты; во всякомъ случаѣ, эти протесты еще долѣе, чѣмъ волненія, задерживали техническое развитіе современной промышленности. Напримѣръ, наборщики и печатники,—классъ рабочихъ, имѣющихъ дѣло съ кингой, основательно признаваемый наиболѣе просвѣщеннымъ,—цѣлые полвѣка боролись на каждомъ шагу съ нововведеніями, умудрялись не допускать въ свои мастерскія вновь придуманный способъ набора при помощи клавишей, въ значительной мѣрѣ умалявшій потребность въ трудѣ человѣка. Въ концѣ концовъ, однако, машина осталась побѣдительницей: типографщики убѣдились, что они не могутъ съ ней конкурировать по части выполненія работъ, требующихъ особеннаго вниманія, сообразительности и аккуратности.

Крупные промышленные перевороты вызываются также прихотями моды, смѣной привычекъ, правовъ, обычаевъ и, вообще, переворотовъ свойства экономическаго. Такого рода новшества совершаются иногда столь быстро, что фабриканты, и даже весьма богатые, не успѣваютъ примѣнять къ новымъ требованіямъ свои предпріятія, пріобрѣсть новыя орудія производства; хозяева банкротятся, а для рабочихъ это полное разореніе. Такъ, напримѣръ, когда химики нашли способы добывать изъ каменнаго угля краски различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, которые дотолѣ давалъ только анилинъ, то употребляемая ранѣе марена оказалась сразу никому ненужной. Естественно, что всѣ,—какъ земледѣльцы, культивировавшіе это растеніе, такъ и промышленныя заведенія, употреблявшія его,—были разорены. Подобнымъ же образомъ пострадали и плантаторы и ремесленники извѣстнаго разряда, когда индиго стало бесполезнымъ для промышленности. Едва ли можно найти хотя бы одну какую-либо отрасль человѣческаго труда, которая не переживала-бы потрясеній отъ подобныхъ внезапныхъ переворотовъ. А такъ какъ страны весьма другъ отъ друга отдаленныя, часто бываютъ связаны между собою тѣмъ или инымъ предпріятіемъ,—однѣ воздѣлываютъ данный сырой матеріалъ, другія его обрабатываютъ,—то всякая крупная перемѣна вкусовъ или потребностей потребителей отзывалась соотвѣстственными толчками въ разныхъ частяхъ свѣта: отъ Аргентинской республики, съ одной стороны, до имперіи Восходящаго Солнца, съ другой. Сообразно настроенію промышленно-торговыхъ рынковъ, а также свойству мѣстныхъ продуктовъ, такой переворотъ то создаетъ, то уничтожаетъ цѣлыя состоянія, то удваиваетъ, то понижаетъ рабочую плату.

До начала повѣйшей эпохи крупнѣйшая промышленность группировалась только въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ странахъ. Народилась она по преимуществу въ Англіи, хотя и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ можно тоже подмѣтить ея зачатки. Перво-

начально она стала развиваться, главнымъ образомъ, въ непосредствен-
номъ сосѣдствѣ съ какимъ-нибудь большимъ морскимъ портомъ, кото-
рый доставлялъ ей возможность пріобрѣтать сырой матеріалъ по самой
дешевой цѣнѣ; напримѣръ: хлопокъ Соединенныхъ Штатовъ, металлы
Швеціи или Испаніи. Кромѣ того, она ютилась вблизи залежей камен-

№ 573. Количество каменного угля, добываемаго въ нѣкоторыхъ странахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ жирный уголь исчисляется въ англійскихъ тоннахъ по 2000 англійскихъ фунтовъ на тонну, а антрацитъ въ тоннахъ, по 2240 фунтовъ каждая, такъ что при переводѣ данныхъ на метрическія тонны весьма легко впасть въ ошибку.

наго угля, дабы быть постоянно обезпеченной топливомъ и постоянно покупать его по сходной цѣнѣ. Но капитализмъ, постоянно стремящійся къ открытію новыхъ и новыхъ источниковъ обогащенія, скоро отыскалъ и въ другихъ странахъ земного шара столь же выгодно для него расположенные пункты. Манчестерскимъ прядильнямъ въ Англіи стали откликаться изъ-за океана прядильни Новаго Манчестера въ Новой Англіи, а потомъ—руанскія во Франціи, слезскія въ Германіи. Затѣмъ,

понемиго продвигаясь по земному шару, прядильни добрались до Индіи, Китая, Японіи. Вездѣ между каменноугольными коями, морскими портами и большими городами протянулись линіи желѣзныхъ дорогъ. Это доставляло возможность воздвигать фабрики въ мѣстностяхъ, удобныхъ для работы и для сбыта. Соотвѣтственно ежегодному развитію сѣти путей сообщенія, устанавлилось и относительное равенство между производителями разныхъ государствъ. Правительства устанавливали

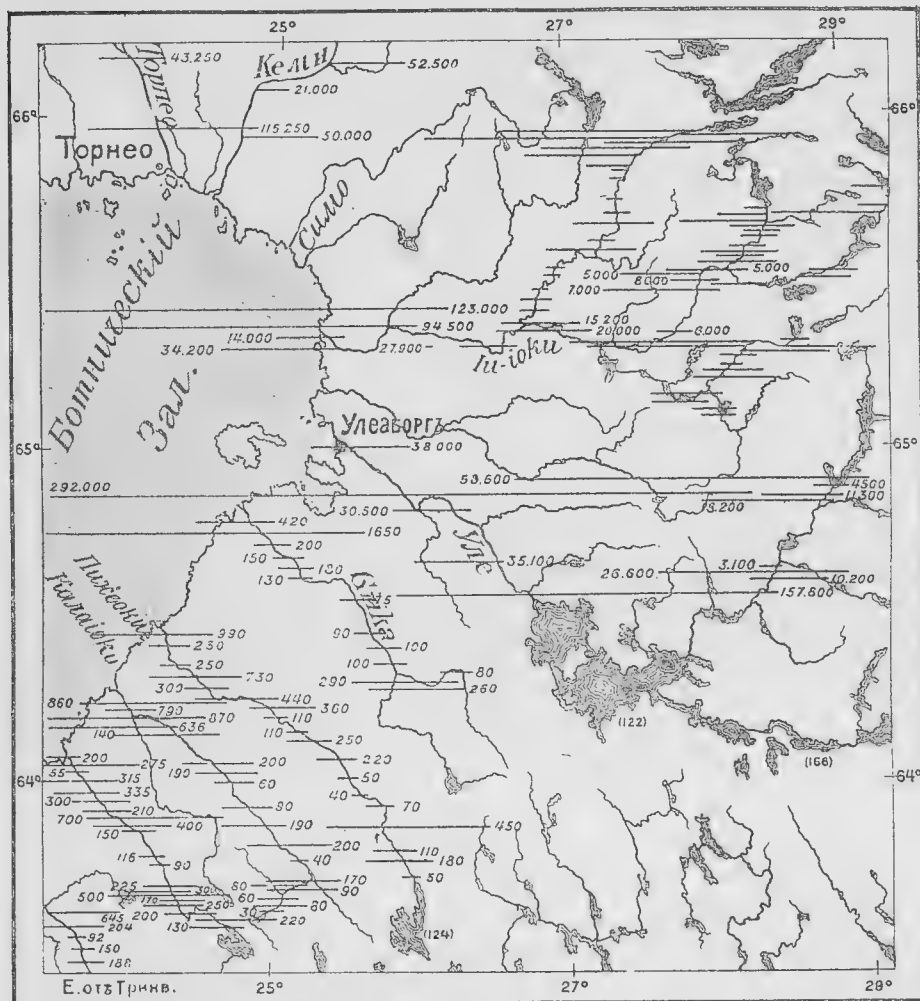
Внѣшній видъ на заводы праваго берега Ніагары, съ нижней стороны потока.

покровительственныя таможенныя пошлины. Цѣль была патріотическая: задерживать на границѣ чужеземные продукты ради облегченія сбыта отечественныхъ. Между тѣмъ эти пошлины въ сущности оказывались очень выгодными только для мѣстныхъ промышленниковъ.

Пользованіе минеральнымъ топливомъ представляетъ для промышленности такое мощное подспорье, что фабрики и различныя ихъ разновидности были—насколько можно судить—вынуждены группироваться около каменноугольныхъ бассейновъ. На зарѣ двадцатаго вѣка распределеніе органовъ труда представляется въ такомъ видѣ: промышленные города ютятся по сосѣдству съ коями каменнаго угля; рабочее населеніе большими массами скучивается поблизости, живетъ на почернѣвшей отъ угля землѣ, подъ небомъ, на которомъ никогда не видно солнца. Однако, благодаря глубокимъ изслѣдованіямъ силъ природы, современ-

ная намъ наука продолжаетъ указывать человѣческой промышленности

№ 574. Водопады Финляндіи.

1 : 2 500 000

0 50 100 150 Килом.

Водопады рѣкъ нѣкоторой части Финляндіи обозначены по атласу, изданному Географическимъ Обществомъ этого государства. Цифры выражаютъ силу паденія воды въ паровыхъ лошадиныхъ силахъ (для всей карты общая сумма 1320000). Длина черты выражаетъ высоту паденія по расчету 1,5 миллиметра на метръ. Цифры въ скобкахъ высоту берегового потока.

на новыхъ слугъ. Вода, падающая съ горныхъ высотъ, наравнѣ съ каменнымъ углемъ, представляетъ источникъ энергіи, которая можетъ быть

превращена въ безконечно-разнообразныя движенія, полезныя для обработки сырыхъ матеріаловъ. И вотъ промышленникъ начинаетъ передвигаться на новыя мѣста; новые города возникаютъ въ горныхъ долинахъ, среди пастбищъ и лѣсовъ. Дровосѣковъ и пастуховъ смѣняютъ суровые рабочіе. Увы! и вся природа кругомъ измѣняетъ свой видъ: мощные потоки пересѣкаются плотинами; веселые каскады исчезаютъ или сбѣгаютъ тоненькой ниточкой по скаламъ, излоданнымъ вѣковой волной; огромные водопроводы какъ драконы впиваются вглубь почвы, тянутся по стѣнамъ и аркамъ; сѣти густыхъ проволокъ пересѣкаютъ воздушную высь. Весьма многія мѣстности французскихъ и швейцарскихъ Альповъ, Юры, Шотландіи, Швеціи, Финляндіи, Канады уже успѣли утратить всю свою величественную первобытность, обратиться въ муравейники, кишачіе грубыми людьми, которые сверлятъ, прокапываютъ, разрушаютъ горные склоны, повидимому, безъ системы, по крайней мѣрѣ, пока ни мало не заботятся о красотѣ природы. Тамъ, гдѣ стояли недавно миниатюрныя мельницы, мирно ворочая колесами, двигающимися по волѣ тихо журчащей воды, нынѣ выросли колоссальныя зданія, къ которымъ устремляются всѣ мощные окрестные потоки, питающіеся тысячами своихъ мелкихъ прислужниковъ.

Аналогичное, но гораздо болѣе значительное экономическое движеніе обнаружится въ промышленныхъ сферахъ, когда будутъ изобрѣтены практическіе способы использованія движущей силы, обусловленной смѣной морскихъ приливовъ и отливовъ. Тогда на мѣстѣ жалкихъ, нгрущечныхъ точилень, шевелящихся нынѣ, подъ вліяніемъ прибоя морской волны, въ Сэнъ-Жанъ де Люцъ, на берегахъ нѣкоторыхъ заливовъ Бретани и на Эврипѣ Евбеи, мы увидимъ гигантскіе заводы, располагающіе миллионами паровыхъ лошадиныхъ силъ, выкидывающихъ изъ своихъ пѣдръ продукты промышленности миллионами тоннъ за разъ.

Промышленные перевороты не всегда зависятъ исключительно отъ причинъ экономического свойства. Они бываютъ также вызваны явленіями, находящимися въ совершенно нормальной связи съ ходомъ общественной жизни. Примѣръ такихъ явленій, которыя вызываютъ весьма бурные кризисы, недавно пережила Англія. Въ исторіи непрестаннаго роста англійской промышленности, главнымъ представителемъ которой является Бирмингемъ съ окружающими его городами, 1873 годъ былъ самымъ цвѣтущимъ: успѣхи промышленности тогда достигли своего апогея. Никогда ранѣе Англія не вывозила за границу столько машинъ и продуктовъ промышленности. Казалось, прекратись внезапно работа въ этой огромной кузницѣ,—и жизнь на всемъ земномъ шарѣ прекратится. Однако, повсюду внѣ Англіи, на континентахъ и островахъ, отъ Аргентины до Японіи, возникали фабрики одна за другой. Эти новые за-

воды не ограничивались подражаніемъ англійскимъ; они стремились работать лучше послѣднихъ. Бирмингемъ утратилъ свои старые рынки

Соціальный вопросъ въ Лондонѣ. — Безработные возятъ по улицамъ свои инструменты и собираютъ пособія.

одинъ за другимъ. И для того, чтобы завоевать новые, этотъ городъ, до того бывшій «радикальнымъ», перешелъ къ «уніонизму». Пока Бирмин-

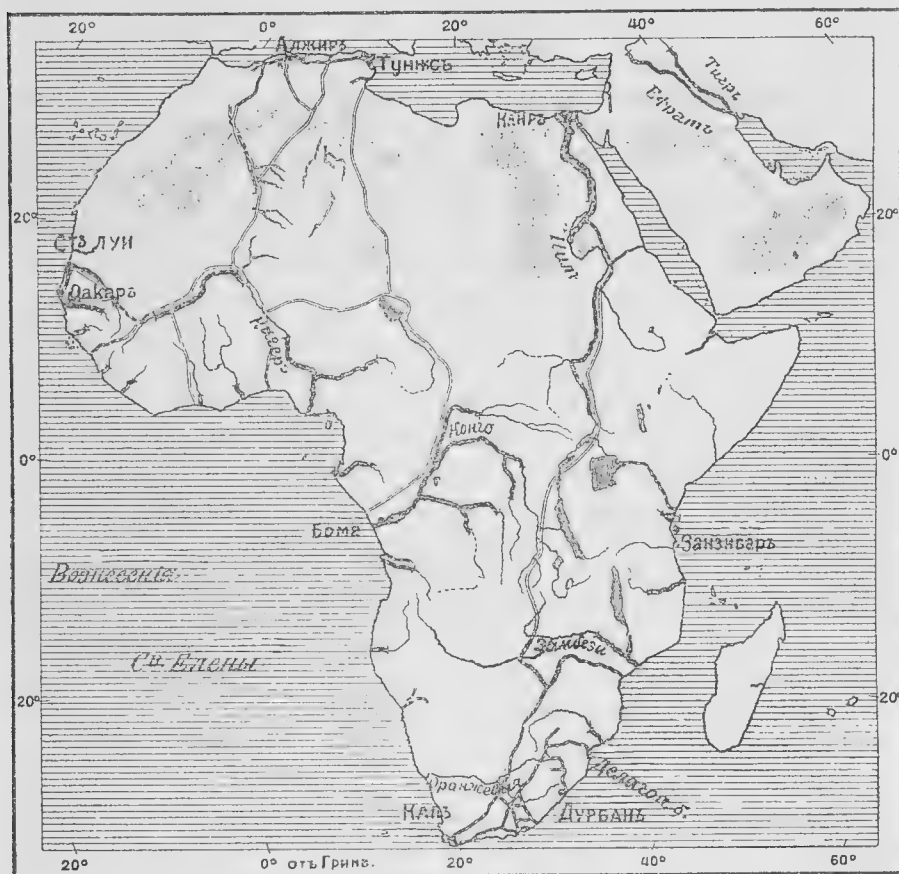
гамъ могъ разсчитывать на свою собственную энергію и изобрѣтательность, пока остроумная изобрѣтательность его мастеровъ и безконечное разнообразіе его продуктовъ производства сохраняли за нимъ и успѣхъ и обогащеніе, онъ игнорировалъ или презиралъ старый общественный элементъ, аристократическій, рутинный, гордившійся своимъ прошлымъ и, такъ сказать, жившій имъ. Но когда капиталисты-промышленники, тоже нажившіе колоссальныя богатства, оробѣли, утративъ значительную долю своей предпримчивой смѣлости, неудержимую жажду работы и даже трезвость своего житейскаго обихода, тогда они измѣнили и свои общественные принципы и свои политическіе взгляды. Они привыкли къ роскоши, воспитывали своихъ дѣтей вмѣстѣ съ сыновьями лордовъ и даже роскошнѣе, расточительнѣе, чѣмъ лорды. Ихъ стала грызть зависть. Отцы ихъ были усердными тружениками, а они возмечтали, что могутъ стоять на одномъ уровнѣ съ тѣми, къ которымъ богатство валилось какъ съ неба, могутъ во всемъ подражать этимъ счастливымъ.

Однако, чтобы хорошо вести дѣла, прикидываясь беззаботно досужимъ аристократомъ, надо быть увѣреннымъ въ расположеніи всей массы потребителей, надо быть монополистомъ, держать въ своихъ рукахъ торговые пункты такъ, чтобы туда не могла пробиться никакая конкуренція,—словомъ, надо быть совершенно увѣреннымъ въ будущемъ. Тогда, пожалуй, можно обойтись и безъ восторженныхъ рѣчей въ защиту свободнаго обмѣна, безъ здравницъ за братство всего человѣчества. Тогда можно расхваливать не «free trade»—свободный обмѣнъ, а только «fair trade»—добросовѣстный обмѣнъ, т.-е. торговые обороты, дающіе только традиціонныя выгоды. Тогда можно расхваливать и признавать строго обязательнымъ обмѣнное движеніе между метрополіей—«Little Britain» и колониальными территориями—«Greater Britain» ¹⁾. Однако, какъ ни обширны всѣ британскія владѣнія, взятая вмѣстѣ, онѣ не могутъ давать капиталистамъ-промышленникамъ такихъ прибылей, которыя послѣднимъ желательно получать. Значитъ, надо къ имѣющимся областямъ присоединить новыя,—такія, которыя явились бы потребителями всяческихъ продуктовъ. А развѣ возможно удовлетворить всѣ эти стремленія—не обратившись въ империалиста, «jingo» (джинго), т.-е. въ воинствующаго патріота? Война вѣдь представляетъ сугубую выгоду для промышленности. Во-первыхъ, она влечетъ за собой цивилизацію народовъ, дотошъ варварскихъ, т.-е. культивируетъ въ нихъ вкусъ къ дорого оплачиваемымъ потребностямъ. Во-вторыхъ, она сама требуетъ разныхъ военныхъ припасовъ для войска и нынѣ въ такомъ значительномъ количествѣ, что всякое сраженіе, даже какая-нибудь стычка, доставляетъ

1) «Малая Британія» и «Большая Британія».

плодотворное въ торговомъ отношеніи дѣльце. Такова естественная эволюція, которая въ концѣ XIX вѣка вызвала взрывъ британскаго империализма, вовлекла Англію «съ легкимъ сердцемъ» въ необъяснимую

№ 575. Желѣзныя дороги и судоходныя рѣки Африки.

1 : 75 000 000

0 1000 2000 4000 Килом.

Линія жел.-дор. пути «Мысль Доброй Надежды—Каиръ» по бассейнамъ Замбези и Виктория-Ньянда еще далеко не опредѣлилась. Она можетъ выясниться только послѣ соглашенія между Англіей и независимыми владѣніями Конго.

южно-африканскую войну. Иосифъ Чамберленъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Джо, негоціантъ, добившійся высокаго положенія, стоявшій у кормила правленія во время этой ужасной авантюры, явился типичнымъ представителемъ англичанъ въ моментъ, когда Великобританія пыталась задержать быстроту своего промышленнаго паденія завоева-

ніемъ цѣлаго континента и созданіемъ міровой и непоколебимой имперіи ¹⁾).

Всѣ эти перипетіи, всѣ эти промышленныя перемѣщенія обыкновенно втягиваютъ въ работо-промышленныя сферы все большее и большее число націй. Вообще, можно утверждать, что машинно-рабочая область на земномъ шарѣ разрастается одновременно съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ; что каждый поворотъ локомотивнаго колеса на вновь открытомъ пути содѣйствуетъ расширенію этой области. Въ странахъ, только-что открытыхъ для матеріальной цивилизаціи, успѣхъ обнаруживается тѣмъ явственнѣе и быстрѣе, что тутъ не приходится выметать накопленнаго старыми порядками мусора. Тутъ сразу можно приниматься за работу, потому что не приходится считаться: ни съ наслѣдіемъ прошлаго, ни съ международными договорами, ни съ обычными приличіями, ни съ традиціоннымъ взаимнымъ уваженіемъ. Понятно, что путешественникъ, пріѣхавшій въ Новый Свѣтъ, бываетъ крайне изумленъ такими, напримѣръ, городами, какъ Жуніъ-дѣ-Фора или Белло-Оризонте. Они чуть не вчера выросли «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» и уже снабжены всѣми новѣйшими удобствами общественной жизни, всѣми соотвѣтствующими усовершенствованіями, всей роскошью ихъ,—словомъ, всѣмъ тѣмъ, чего многимъ европейскимъ почтеннѣйшимъ, исторіей прославленнымъ и вѣками цивилизованнымъ городамъ, какъ Сансъ, Ла Рошель или Монпелье, Лувенъ или Оксфордъ, придется дожидаться еще долгіе годы.

Какъ быстро рассматриваемое нами движеніе захватываетъ юнѣйшія государства, доказываетъ Россія. Мы приводимъ Россію только потому, что это самая мощная численно европейская нація. Россія не потрудилась прослѣдовать по обычнымъ путямъ, указываемымъ исторіей цивилизаціи. Она, такъ сказать, шла «пряникомъ». Еще менѣе ставъ лѣтъ тому назадъ у ней совсѣмъ не было путей сообщенія. Существовали тропинки, протоптанныя пѣшеходами, и «большія дороги», т.-е. широкіе коленстые пути, которые перерѣзали ея поля и степи. Первая шоссеиная дорога была проложена между Стрѣльной и Петербургомъ въ 1822 году, т.-е. десять лѣтъ спустя послѣ отступленія французовъ отъ Москвы. Вскорѣ и притомъ ранѣе, чѣмъ Россія получила достаточное количество вполнѣ удобныхъ для проѣзда экипажей дорогъ, вся эта страна покрылась сѣтью желѣзныхъ путей сообщенія. И прежде, чѣмъ она могла располагать рабочимъ классомъ, Россія обзавелась всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для «развитія промышленности на широкую ногу. Фабрики появились такъ внезапно, что промышленность и земледѣліе не успѣли еще раздѣлиться» и оставались еще въ связи. Русскій фабричный рабочий не былъ, какъ въ Западной Европѣ, совершенно отторгнутъ отъ

1) Victor Bérard, «Revue de Paris» 15 janvier 1899.

земли. Онъ вступаетъ въ ряды промышленнаго пролетаріата, не успѣвъ еще освободиться отъ путъ пролетаріата земледѣльческаго. Заводы Владимірской, Кіевской, Екатеринославской губерній нанимаютъ рабочихъ только на нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Остальное же время этотъ рабочий попрежнему «остается обязаннымъ» воздѣлывать землю. Мы говоримъ «остается обязаннымъ», ибо въ обоихъ случаяхъ заработокъ его ничтоженъ до жалости ¹⁾).

Съ тѣхъ поръ, какъ стали извѣстны сочиненія Карла Маркса, повсемѣстно установилось слѣдующее воззрѣніе на крупную промышленность: она, какъ и другія формы накопленія богатствъ, постепенно сосредоточивается все въ меньшемъ количествѣ рукъ; колоссальное накопленіе ея «орудій производства» достигнетъ такихъ размѣровъ, что это скопленіе отпадетъ, вѣроятно, автоматически, такъ сказать, само собою, какъ вполне созрѣлый плодъ, отъ капиталистовъ и обратится въ собственность трудящихся. Надо сознаться, что вѣднѣе факты новѣйшей исторіи промышленности какъ-будто подтверждаютъ мнѣнія теоретика социализма. Но иныя явленія эволюціи, едва еще примѣчаемыя въ то время, когда онъ занимался своими изслѣдованіями, противорѣчатъ значительной части его доводовъ. Хотя бы въ нашей старой Европѣ едва ли какое ное явленіе такъ рѣзко бросается въ глаза, какъ изъ года въ годъ разрастающіеся размѣры крупныхъ магазиновъ, этихъ складовъ издѣлій промышленности. Ихъ значеніе въ жизни общества становится все значительнѣе, возрастаетъ чуть не ежедневно. Они растекаются какъ масляныя пятна, занимаютъ все болѣе и болѣе обширныя помѣщенія, притягиваютъ къ себѣ все большее и большее количество приказчиковъ и прочихъ служащихъ. Кому не извѣстно, что крупнѣйшія предпріятія—копи, металлургическіе заводы, желѣзныя дороги, трамваи и omnibusy, газовыя и страховыя общества, торговыя сношенія съ колоніями и проч. руководятся весьма ограниченнымъ числомъ финансистовъ и капиталистовъ—промышленниковъ. Система «соглашеній» между послѣдними устанавливаетъ международныя цѣны на чугунъ, желѣзо разнаго рода, сталь. Это предметы первой необходимости для промышленности. Также, и даже больше, необходимы и химическіе препараты, и на нихъ тѣмъ же способомъ опредѣляются цѣны. И всѣ эти функціи, практически говоря, монополизированы. Въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ это явленіе развивалось во всей своей полнотѣ. Тамъ промышленныя синдикаты стали необходимостью, какъ бы закономъ установленною. У стали, керосина, мѣди, у желѣзныхъ дорогъ и проч., у каждаго производства въ отдѣльности имѣется свой король, едва ли не могущественнѣйшій, чѣмъ многіе коронованные государи. Группа милліардеровъ контроли-

1) Paul Louis. «Revue Blanche», 15 octobre 1899.

руетъ и производство и распредѣленіе. Мало того: она мощно вліяетъ на политику и даже на то, что въ человѣческихъ обществахъ представляетъ наивозвышеннѣйшій элементъ, т.-е. науку и искусство. Цѣлыя сонмища ученыхъ продаютъ этимъ «королямъ» свои формулы, проекты, похвальные листы. Художники устраиваютъ для нихъ музеи. Нѣкто обогатившійся необузданной эксплуатаціей европейскихъ эмигрантовъ увѣнчиваетъ свою славу, одаривая церкви органами. Другой великій человѣкъ заставляетъ забывать о тысячахъ человѣческихъ труповъ, ко-

Въ шахтѣ. Барельефъ Константина Менке.
Брюссельскій музей.

торые общественное мнѣніе приписываетъ его дѣяніямъ тѣмъ, что онъ покупаетъ картину Рафаэля, которая отнынѣ будетъ служить вывѣской для жилища эксплуататора.

И, несмотря на все это, мелкая промышленность, какъ и мелкая торговля, еще жива. Крупная промышленность производитъ предметы наиболѣе ходкіе, сбытъ которыхъ несомнѣненъ. Зато она охотно предоставляетъ своему скромному сопернику работать надъ новыми изобрѣтеніями, разумѣется, предоставляя себѣ право овладѣть новинкой, если она будетъ имѣть успѣхъ. Ей нельзя примѣняться къ условіямъ, гдѣ царятъ спѣшка и неожиданность, ибо они требуютъ изрядной, чуть не ежедневной ломки. Сколько мелкихъ починочныхъ, такъ сказать, ма-

стерскихъросло около каждаго крупнаго заведенія, напр., изготовляющихъ автомобили! Нарождающаяся промышленность и промышленность мелкотравчатая умѣютъ удовлетворять требованіямъ публики на ихъ издѣлія. Онѣ работаютъ рядомъ съ крупной промышленностью, но ихъ не страшитъ сосредоточеніе капитала въ рукахъ послѣдней, не безпокоитъ презрѣніе, съ какимъ относятся къ нимъ ея представители. То же самое и въ торговлѣ: существованіе и разрастаніе огромныхъ базаровъ, гдѣ можно купить и масло, и панталоны, и карету, не пре-

Промышленность. Барельефъ Константина Мёнье.
Брюссельскій музей.

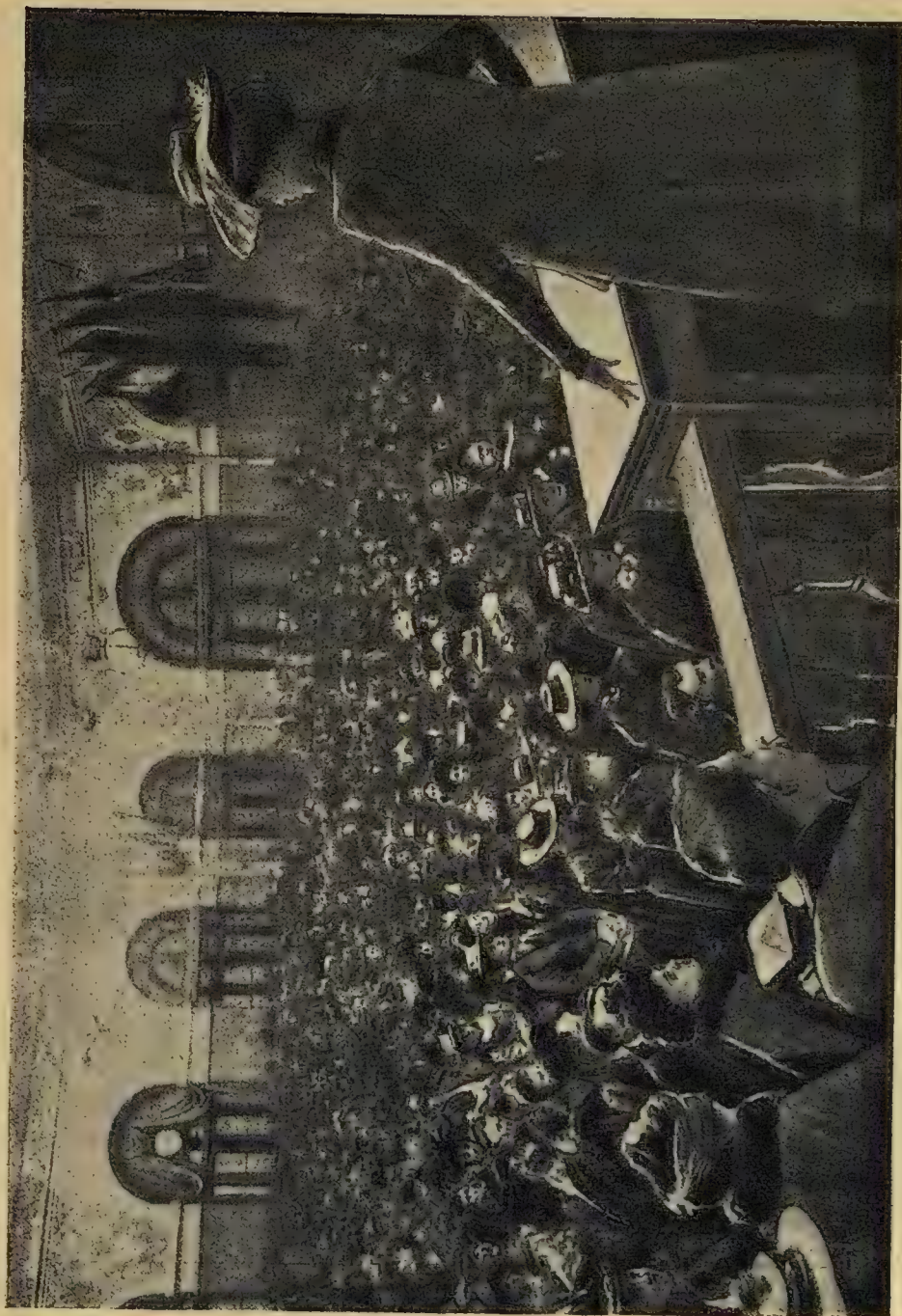
пятствуетъ тому, чтобы всюду, гдѣ строится новая группа домовъ, всюду, куда городъ закидываетъ метровъ на сто свои шупальца, тотчасъ же открывались булочныя, зеленныя, фруктовыя и молочныя лавки. Правда, дѣло распредѣленія продуктовъ совершается при помощи пріемовъ, которые можно было бы назвать ребяческими, но, во всякомъ случаѣ, доселѣ оно лежитъ преимущественно на мелкой торговлѣ.

Конечно, если мы станемъ сравнивать положеніе цивилизованныхъ странъ въ 1850 году съ ихъ положеніемъ въ 1900 г., то скоро убѣдимся, что лѣстница богатствъ значительно удлинилась кверху; разстояніе между «умирающими съ голоду» и богачами нынѣ гораздо больше, чѣмъ прежде. Милліардеры замѣнили милліонеровъ. Но все-таки средній,

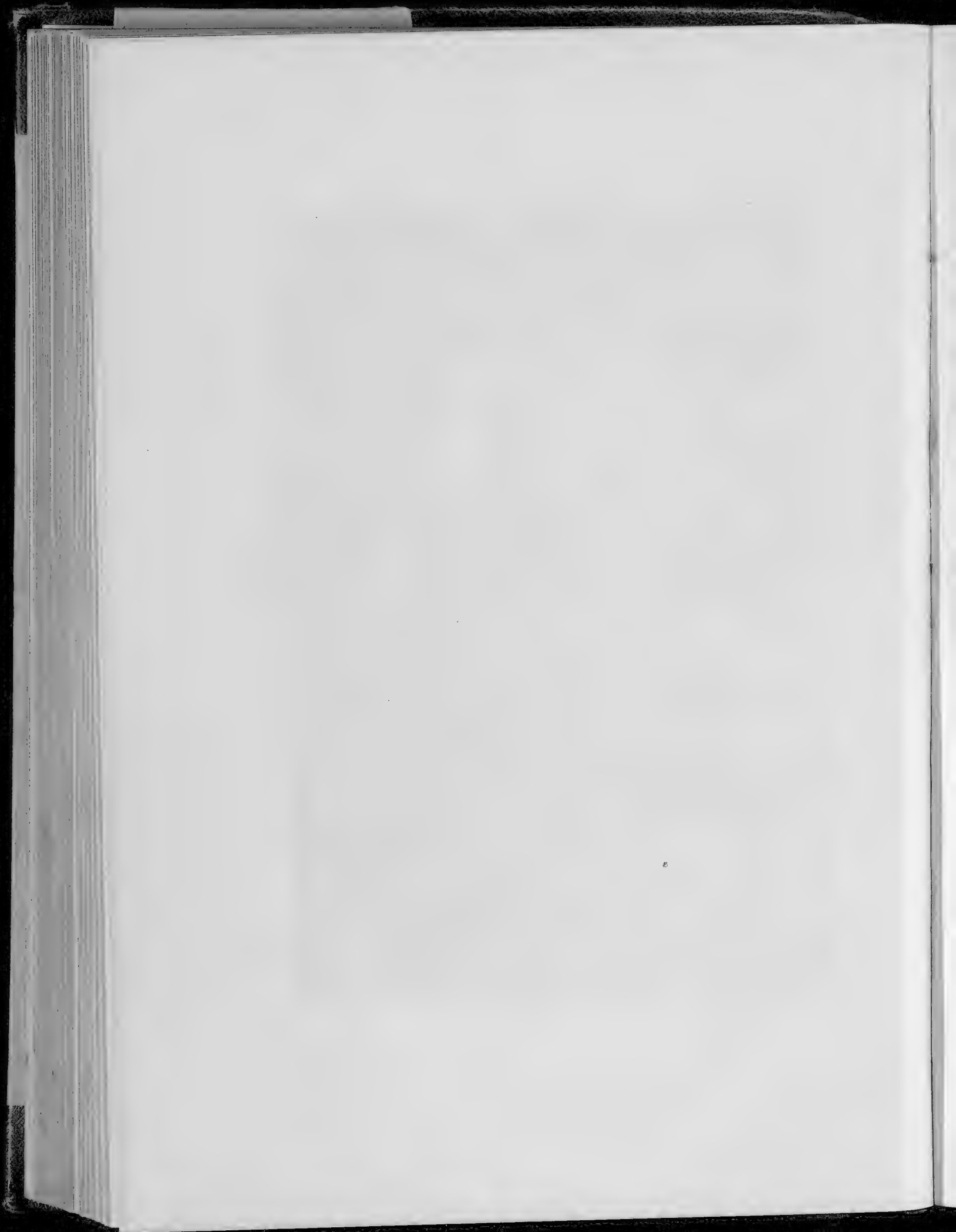
посредствующій классъ не атрофировался. Каковы бы ни были главные источники его доходовъ,—свободныя профессіи, служба въ конторахъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, правительственное жалованье или рента, выгоды, извлекаемыя изъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, доходы съ недвижныхъ имуществъ, зданій или земли, наконецъ, проценты съ акцій разныхъ компаній,—во всякомъ случаѣ, этотъ средній классъ, точнѣе мелкая и средняя буржуазія, не исчезъ; даже напротивъ: ростъ его увеличивался непрерывно съ половины девятнадцатаго столѣтія. Пока еще не разработана теорія, принимающая въ расчетъ всѣ эти факты, но все-таки можно утверждать, что соотвѣтствующія явленія гораздо сложнее, чѣмъ можно было полагать въ 1840 и даже въ 1870 годахъ. Соціализмъ уже не является теперь выразителемъ борьбы, завязавшейся исключительно изъ-за матеріальныхъ выгодъ, ибо при разсмотрѣніи множества частныхъ случаевъ самъ собой возникаетъ вопросъ: да не составляетъ ли буржуазія, взятая вмѣстѣ со всѣми связанными съ нею элементами населенія, большинство націи? Не входятъ ли въ это большинство всѣ лица, заинтересованныя денежно сохраненіемъ существующаго традиціоннаго строя, богачи, лица, обеспеченныя постояннымъ доходомъ (рантьееры), служащіе при нихъ и зависящіе отъ нихъ люди, которые никогда и не интересовались вопросомъ о человѣческомъ достоинствѣ? Рѣшеніе вопросовъ, дотолѣ хотя и горячо, но все-таки только обсуждаемыхъ, неутомимое, упорное исканіе идеала и нравственная эволюція могутъ склонить вѣсы всего міра въ сторону трудящихся.

Пока же развитіе промышленности и соціалистическихъ началъ шло параллельно. И въ какой бы то ни было странѣ, со старой ли, съ новой ли цивилизаціей, на промышленное движеніе взираютъ какъ на борьбу между интересами капитала, распоряжающагося трудомъ ради извлеченія наибольшихъ для себя выгодъ, и рабочими, которые робко предлагаютъ капиталу свои руки, и которые просятъ за свою работу только платы, вмѣсто того, чтобы требовать участія въ барышахъ, что было бы естественнѣе.

Изъ самихъ условій найма явствуетъ, что интересы договаривающихся сторонъ противоположны. Между ними идетъ война, роковая, непрестанная, иногда словно притаившаяся, иногда открытая, такъ что лицо, стоящее во главѣ завода, постоянно держится насторожѣ, постоянно держитъ наготовѣ средства обороны, даже противъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Онъ и въ нихъ предполагаетъ враговъ. Онъ самъ назначаетъ смотрителей, надзирателей и даже шпионовъ. Ему лично представляютъ донесенія,—офіціальныя и секретныя. Съ другой стороны, и у рабочихъ есть свои вожаки; у нихъ есть свои собранія, условныя пароли и лозунги; они тоже готовятъ свои планы обороны и сраженій. Иногда—а за послѣдніе годы почти обыкновенно—чрезъ извѣст-

Собрание забастовщиковъ въ залѣ Биржи Груда въ Парижѣ.

ные и предвидимые промежутки времени завязывается открытый бой, то изъ-за платы, которую хозяева пытаются уменьшить, а рабочіе требуютъ увеличить; то изъ-за числа рабочихъ часовъ, которое одни жаждутъ удлинить, а другіе укоротить; то изъ-за какого-либо вопроса, касающагося человѣческаго достоинства или солидарности между рабочими. Война вспыхиваетъ, и полчища рабочихъ покидаютъ фабрику. Иногда инициатива движенія исходитъ со стороны рабочихъ, и они устраиваютъ забастовку. Иногда представители капитала, предвидя, что имъ будутъ предъявлены неисполнимыя (съ ихъ точки зрѣнія) требованія, сами, во избѣжаніе столкновеній, запираютъ двери мастерскихъ. Вслѣдствіе тысячи разнообразныхъ условій, зависящихъ отъ мѣстностей и торговыхъ рынковъ, столкновенія въ порядкѣ своего развитія бывають тоже крайне разнообразны. Обыкновенно же силы сторонъ, участвующихъ въ борьбѣ, оказываются весьма неравными. Рабочіе представляютъ—это правда—массу, но они лишены финансовыхъ ресурсовъ; развѣ что товарищи, столь же бѣдные, какъ они сами, придутъ къ нимъ на помощь, или населеніе данной мѣстности, убѣжденное въ ихъ правотѣ, окажетъ имъ поддержку во всеоружіи общественнаго мнѣнія. Если же ни того, ни другаго не случится, то имъ грозитъ голодъ. Съ каждымъ новымъ днемъ это чудовище становится все ближе и ужаснѣе. Имъ приходится скрываться отъ своихъ семей, чтобы не слышать жалобъ и рыданій. А хозяева въ то же самое время, досадуя на нѣкоторое истощеніе своихъ кошельковъ, продолжаютъ все-таки жить въ довольствѣ и удобствахъ. Они-то могутъ ждать: голодъ всегда хорошій слуга капитала и даже слуга даровой ¹⁾. Да, они могутъ ждать, если только забастовка не обратится въ революцію.

И вотъ, чтобы избѣгнуть такой альтернативы (впрочемъ, самой естественной, потому что рабочіе имѣютъ за собой численность и не имѣютъ никакихъ основаній относиться съ пренебреженіемъ къ своей силѣ, которую обыкновенно называютъ «насиліемъ», если она проявляется не на службѣ государства), капиталисты, собственники заводовъ, вступаютъ въ тѣсное единеніе съ представителями преобладающей власти. Послѣдніе же въ большинствѣ и безъ того принадлежатъ къ одному съ капиталистами слою общества. Люди богатые и могущественные, вліяющіе на правительство, и безъ того связаны между собой родственными или иными узами. Во всѣхъ высшихъ совѣщательныхъ собраніяхъ непременно засѣдаютъ, между прочимъ, либо сами обладатели крупнѣйшихъ состояній и предпріятій, либо, — что бываетъ чаще, — ихъ креатуры—

1) Gizynski. «Sociale Ethik».

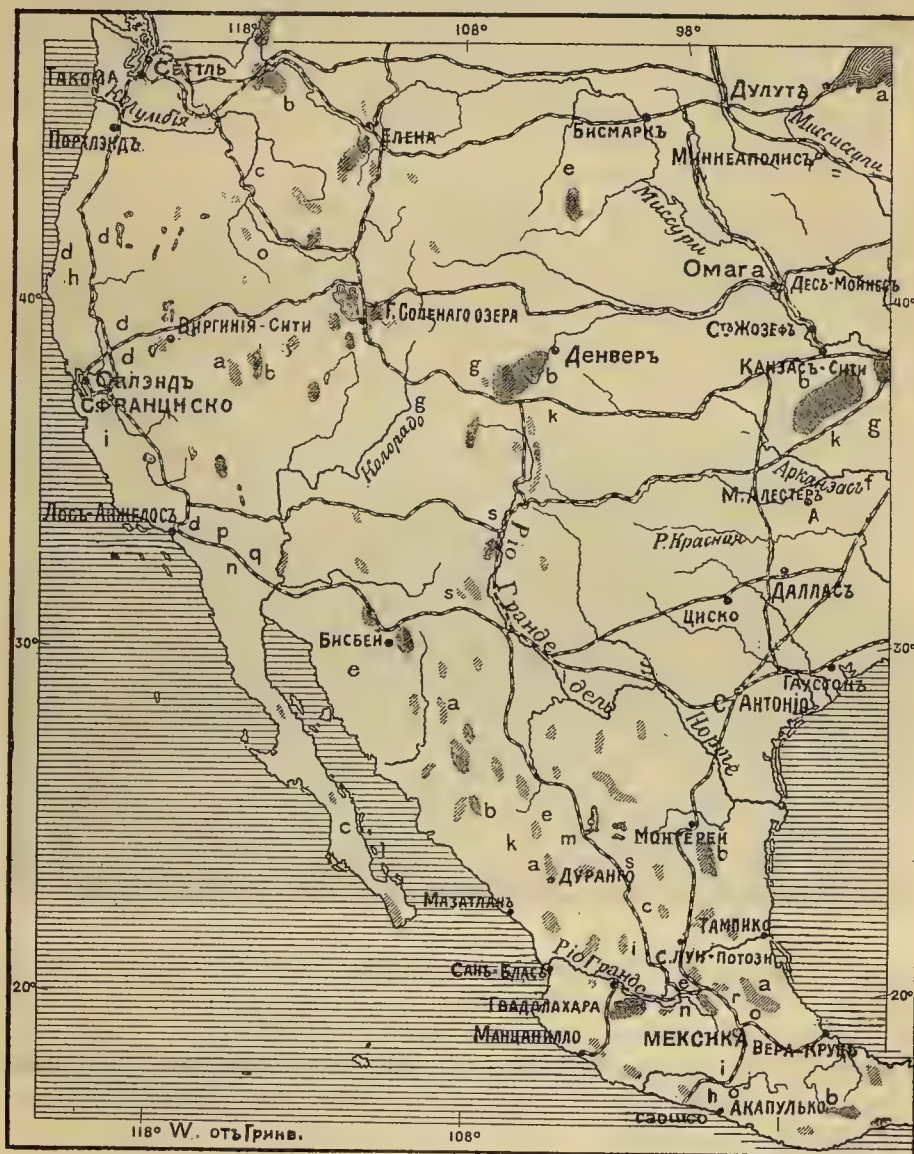
лица, зависима отъ принципаловъ, истинные лакеи ихъ. Этимъ лицамъ вмѣняется въ обязанность проводить въ собраніяхъ извѣстныя желанія, даже капризы принципаловъ, и, конечно, принимать мѣры, чтобы эти желанія воплощались въ статьи государственныхъ законовъ. Разумѣется, трудно отказаться поработать въ угоду людямъ, которые, благодаря своимъ деньгамъ, располагаютъ всевозможными житейскими благами и имѣютъ возможность распредѣлять эти удобства, какъ имъ вздумается. Словомъ, работодатели, при столкновеніяхъ съ рабочими, имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлую армію. Какъ только они обдумали свой планъ дѣйствій, направленный къ пониженію платы или увеличенію рабочаго времени, или вообще къ какой-либо выгодной для нихъ комбинаціи, то они немедленно увѣдомляютъ о томъ правительство, «первѣйшій долгъ котораго заключается въ охраненіи порядка». И тогда тотчасъ же для защиты капиталистовъ отъ ихъ раздраженныхъ рабочихъ и для предупрежденія возможныхъ со стороны послѣднихъ насилій являются батальоны, эскадроны, батареи...

Современная организація крупной промышленности была бы совершенно немыслима, если бы не существовало постоянныхъ армій и гражданской (т.-е. буржуазной) милиціи.

Кромѣ того, что крупные промышленники располагаютъ войскомъ, которое охраняетъ ихъ замки и мастерскія, они имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлый арсеналъ законовъ, истолковываемыхъ въ ихъ пользу. Рабство, конечно, уничтожено, но они ничего не имѣли бы противъ его восстановленія. Это доказываетъ примѣръ Сѣверной Америки, гдѣ освобожденіе негровъ было въ свое время возведено такъ торжественно. Нетрудно усмотрѣть, что сыновья плантаторовъ, проникнутые наслѣдственными предразсудками, подкапываются, насколько возможно, подъ устои, на которыхъ зиждется свобода негровъ,—подъ условія, законность которыхъ они обязаны были признать. Они пытаются управлять на старинный ладъ толпами своихъ теперешнихъ крѣпостныхъ.

То же самое можно сказать о директорахъ разныхъ компаній, занимающихся добываніемъ и обработкой металловъ въ Тенесси, Георгіи, Алабамѣ. Эти господа стараются подражать старымъ обычаямъ; бивачное расположеніе ихъ рабочихъ, негровъ, поразительно напоминаетъ лагери бывшихъ рабовъ. Мало того, въ этихъ мѣстностяхъ распространяется обычай употреблять на заводскія работы за счетъ заводчиковъ людей, приговоренныхъ судами къ тюремному заключенію. Во многихъ судебныхъ округахъ судьи либо имѣютъ пай въ мѣстныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, либо, благодаря покровительству капиталистовъ, получаютъ мѣсто. Они, по соглашенію съ хозяевами заводовъ и копей, стараются завербовать какъ можно больше лицъ, преступившихъ за-

№ 576. Подпочвенныя богатства Мексики и западныхъ штатовъ.

Масштабъ этой карты 1 : 25000000.

Жирный уголь встрѣчается въ окрестностяхъ Циско и на протяженіи полосы земли, идущей отъ Демуанъ къ Макъ-Алестеру. Лигнитъ извлекается преимущественно около Елены, Бисмарка и въ округѣ, расположенномъ между Санъ-Антоніо и Далласомъ. Самый значительный желѣзный рудникъ въ Еленѣ. Мѣста добыванія серебра *a* и свинца *b* обозначены различной штриховкой. Мѣдь *c* добывается близъ Елены, Бисби и въ другихъ мѣстностяхъ, отмѣченныхъ на картѣ; *d*, золото; *e*, олово; *f*, алюминій; *g*, марганецъ; *h*, платина; *i*, ртуть; *j*, сурьма; *k*, цинкъ; *l*, жемчугъ; *m*, рубинъ; *n*, топазъ; *o*, опалъ; *p*, бериллъ; *q*, гранатъ; *r*, сапфиръ; *s*, бирюза.

конъ и приговоренныхъ къ лишенію свободы на очень продолжительные сроки. Эта система доставляетъ хозяевамъ или директорамъ даннаго предприятия возможность имѣть сколько имъ угодно рабочихъ такихъ, которыхъ они обязаны только кормить (ибо жалованье платится самое ничтожное), которыхъ могутъ подвергать гнету суровой военной дисциплины подъ надзоромъ тюремщиковъ, оплачиваемыхъ госу-

Высокая заводская труба въ Денанъ.

дарствомъ. Въ никкелевыхъ копяхъ Новой Каледоніи продѣлывается то же самое, хотя менѣе грубо и при соблюденіи (формально) нѣкоторой установленной процедуры.

Другой примѣръ доведенной до ожесточенія борьбы между хозяевами и рабочими представляютъ раскопки золота и драгоценныхъ камней. Эти «нивы», засѣянные сокровищами, производятъ на человѣческое воображеніе какое-то волшебное дѣйствіе. Въ сущности все это иллюзіи, потому что при тщательномъ сравнительномъ подсчетѣ оказывается, что выгоды, которыя выпадаютъ на долю рабочихъ, набрасывающихся

на эти «Пактолы»¹⁾, въ среднемъ выводѣ ниже тѣхъ, которыя получаютъ рабочіе въ иныхъ отрасляхъ промышленности. Между тѣмъ чрезмѣрные и часто безплодные усилія цѣлыхъ полчищъ людей, набрасывающихся внезапно на эти золотыя или алмазныя розсыпи, такъ истощаютъ человѣческій организмъ, что смертность проявляется въ ужасающихъ размѣрахъ. Прежде чѣмъ работа упорядочивается, разыскиваніе золота похоже на какую-то азартную игру, какъ, напримѣръ, въ Монте-Карло. Только эта игра несравненно драматичнѣе монашеской и обходится дорожее. Когда же предпріятіе приняло уже нормальный промыш-

Металлургическіе заводы въ Лонгви.

Документъ, извлеченный изъ официальной программы международнаго конгресса: „Отъ холода“.

шленный характеръ и доставляетъ компаніи нормальный доходъ, то постоянный гнетъ, подѣ которымъ трудятся рабочіе, мало чѣмъ разнится отъ рабства. Нигдѣ такъ опредѣленно не вырабатывается плутократическій характеръ общества, какъ въ Кимберлеѣ и Йоганнисбургѣ,—въ первомъ алмазныя розсыпи, во второмъ золотыя. Тамъ одинъ человѣкъ хозяйничалъ и повелѣвалъ. Практическія отношенія къ чернокожимъ рабочимъ до англо-бурской войны были крайне просты. Впрочемъ, они остались и нынѣ такими же, хотя и примѣняются къ наемнымъ рабочимъ иной категоріи. Промышленная компанія могла, согласно установленной закономъ системѣ, набирать рабочихъ кафровъ такъ, что условія найма зависѣли

1) Пактоль—золотоносная рѣка древней Лидіи.

Прим. перев.

вполнѣ отъ нея. Этихъ, такъ сказать, рекрутовъ запирали на три мѣсяца въ «сompound» (обширные карре бараконъ изъ жести), посреди которыхъ находился резервуаръ, наполненный водой. Къ этому прибавлялись больница, аптека и лавка, въ которой дозволялось торговать товарами, допускаемыми компаніей, и саран, служившіе складами разныхъ предметовъ. Это и былъ бивуакъ или лагерь рабочаго отряда. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, опредѣленныхъ закономъ для заключенія рабочаго, они лишались всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Ежедневно его платье подвергалось внимательному осмотру, и даже чрезъ отверстія его тѣла свѣдѣтельствовались внутреннія его части. Тѣ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ «алмазонасной» землей, были обязаны предварительно обучиться—подъ надзоромъ бѣлыхъ—работать въ рукавичкахъ. Наконецъ, кафръ передъ выходомъ изъ своей тюрьмы былъ обязанъ принять большую дозу кротонаваго масла. Эта система была даже усовершенствована. Мѣстное населеніе, повидимому, не доставляло достаточнаго количества рабочихъ рукъ, такъ что со времени трансваальской войны въ странѣ появились китайцы¹⁾, работавшіе прежде въ Рандѣ. Обеспеченность работы хозяевамъ значительно выиграла, потому что контракты возможно стало заключать на длинныя, трехлѣтніе сроки. Съ другой стороны, эти новые рабочіе, т.-е. китайцы, настолько самымъ разстояніемъ оторваны отъ своей родины, что хозяева и директора промышленныхъ предпріятій могутъ безопасно помыкать ими, какъ угодно. Прежде эти господа побаивались, что мѣстное черное населеніе (численно превосходящее бѣлое разъ въ пять или шесть) можетъ, рано или поздно сознать свою силу, возмутиться противъ европейцевъ. Что же касается собственно рабочихъ европейцевъ, то они обитаютъ въ роскошной, удобной, изящной части города, состоящей изъ группы прекрасныхъ виллъ. Но это обстоятельство ничуть не дѣлаетъ ихъ свободнѣе другихъ. Они тоже обязаны отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи, въ своемъ образѣ мыслей; на выборахъ они должны голосовать по указанію хозяина. Если же они уклоняются отъ этого, то теряютъ свое мѣсто²⁾.

Добряки, огорченные «борьбой между классами», не предлагающіе, однако, никакого средства для ея прекращенія, любезно напоминаютъ о деньгахъ, которыхъ добровольно лишаютъ себя рабочіе при забастовкѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, сумма заработка, ежегодно утрачиваемая рабочими, въ этихъ случаяхъ достигаетъ весьма крупныхъ цифръ. Но эти цифры совершенно ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя получаютъ при исчисленіи другого рода. А именно никто, кромѣ самихъ рабочихъ, не подсчитываетъ, сколько они утрачиваютъ въ пері-

1) Въ 1906 году въ количествѣ около 50000. 2) S. Passarge, «Globus», 3 Februar 1900.

оды постоянного труда благодаря тому, что их заработок стоит гораздо ниже цѣнности затраченного ими производительного труда. Слѣдовательно, если разсматривать тактику рабочих со стороны исключительно денежной, окажется, что вообще она имъ выгодна, несмотря на всевозможныя лишенія, которыя они испытываютъ въ періоды прекращенія работъ. Что же касается «недохватокъ», причиняемыхъ забастовкою тѣмъ, «кто даетъ работу», то о нихъ помалкиваютъ, чтобы не быть вынужденнымъ признать ихъ размѣры.

Очевидно, движимые жаждою наживы, властители промышленности считаютъ своими врагами всѣхъ рабочихъ и [конторскихъ служащихъ при фабрикахъ и этимъ наносятъ себѣ большой вредъ, теряютъ иногда деньги. Во-первыхъ, ненависть, которой они такъ страдаютъ, отъ этого только усиливается, преслѣдуетъ ихъ и порождаетъ иногда ужасающія драмы. Но даже если бы передъ ними всѣ постоянно униженно пресмыкались, ненавидимые ими рабочіе и служащіе все-таки не вносили бы въ дѣло желательнаго усердія. Они теперь считаютъ свою работу удовлетворительною, если ихъ не прогоняютъ съ фабрики, не штрафуютъ и не упрекаютъ. Они безо всякаго рвенія и любви относятся къ обрабатываемымъ ими предметамъ, ни мало не заботятся о красотѣ ихъ и совершенствѣ. А бываетъ часто такъ, что небрежность работы они возводятъ даже въ систему, жертвуютъ качествомъ ради вѣншности. При неудовольствіи, съ которымъ они исполняютъ свои обязанности, невозможенъ никакой прогрессъ. Случается, что они какими-то тайными путями наказываютъ своихъ товарищей, которые по простотѣ душевной стараются работать слишкомъ быстро и слишкомъ хорошо. Это то, что называется «sabotage'омъ», который грозитъ организоваться прочно, сдѣлаться необходимымъ условіемъ солидарности между рабочими. Ни одинъ конгрессъ не обходится безъ горячаго обсужденія такого способа борьбы съ хозяиномъ, несмотря на то, что, высказывая сочувствіе такому способу, рабочій рискуетъ понизить свою профессиональную цѣнность.

Небольшое число англійскихъ капиталистовъ-промышленниковъ, болѣе другихъ чловѣколюбивыхъ или, можетъ-быть, болѣе проникательныхъ, чѣмъ остальные, поняло, чѣмъ надо бороться съ враждебностью рабочихъ, доходящей до ненависти, и уразумѣло, что тенденціи, подобныя указаннымъ, вредны для успѣха работы. Средство, предлагаемое ими, заключается въ томъ, чтобы денежно серьезно заинтересовать рабочаго въ успѣхѣ его труда. Нѣкоторыя изъ попытокъ въ этомъ направленіи (т.-е. попытокъ лицъ, стоящихъ во главѣ предпріятія, заслужить расположенія рабочихъ) удались прекрасно, можетъ-быть, даже слишкомъ хорошо, потому что онѣ отвлекаютъ рабочихъ отъ намѣреній создать за свой счетъ коллективныя промышленныя предпріятія. Мы мо-

жемъ указать нѣкоторые успѣшныя примѣры такой заботливости патронъ; на примѣръ, «города-сады» (garden cities), которые поразительно разнятся отъ своихъ прокопченныхъ сосѣдей, какъ въ архитектурномъ, такъ и въ гигиеническомъ отношеніяхъ, а также съ точки зрѣнія житейскихъ удобствъ. Такъ, въ Бурневиллѣ въ 1902 году изъ 3500 жителей умерло только трое, тогда какъ въ Бирмингемѣ въ тотъ же промежутокъ времени на каждые 3500 обывателей умерло по 66 человекъ.

Въ началѣ двадцатаго столѣтія въ Сѣверной Америкѣ образовалась компанія для монополизированія металлургической промышленности на всемъ земномъ шарѣ. Ея учредители отлично поняли, что для полнаго обезпеченія успѣха подобнаго предпріятія основу его необходимо закрѣпить интересомъ къ нему всѣхъ рабочихъ; что надо вдохнуть въ нихъ коллективную любовь къ дѣлу; что для достиженія таковыхъ цѣлей необходимо превратить весь трудящійся персоналъ въ акціонеровъ, заинтересованныхъ непосредственно въ ожидаемыхъ прибыляхъ. И вотъ, каждый рабочій,—а ихъ цѣлое полчище,—взирая на зданіе фабрики, на машину, на массивный кусокъ металла, подлежащій обработкѣ, чувствуетъ сугубое рвеніе къ труду, потому что часть всего этого принадлежитъ и ему самому.

Существуютъ, значитъ, на земномъ шарѣ уголки, гдѣ борьба начинаетъ утрачивать свой острый характеръ. Къ сожалѣнію, они составляютъ рѣдкія исключенія, и разрѣшеніе труднаго вопроса все-таки не совершится мирнымъ путемъ. Можно даже сказать, что вообще враждебность между рабочими и нанимателями возрастаетъ съ теченіемъ времени. Хозяинъ кончаетъ тѣмъ, что въ періоды регулярной работы трепещетъ столько же, сколько и въ моменты стачки, ибо первые для него являются не болѣе какъ вооруженнымъ миромъ, а забастовка, т.-е. открыто объявленная война, все-таки даетъ ему право требовать защиты у государства. Рабочій же въ успѣхѣ данной забастовки не признаетъ конечнаго достиженія цѣли, къ которой направлены его усилія. Забастовка въ его глазахъ не болѣе какъ эпизодъ сраженія, загорѣвшагося по всей линіи. Для него, по большей части, важно не удовлетвореніе какихъ-нибудь его требованій, болѣе или менѣе случайно пробившихся на передній планъ, а «экспроприація всего класса капиталистовъ». Онъ считаетъ мѣстныя забастовки какъ бы военными маневрами, подготовляющими бойцовъ къ генеральному сраженію, т.-е. къ «всеобщей забастовкѣ».

Допустимъ, что крупная промышленность именно въ силу своей колоссальности можетъ-таки уничтожить конкуренцію между производителями, которые заключаютъ уже теперь союзы между собою. Допустимъ, что она можетъ устранить враждебность рабочихъ, предоста-

вляя имъ участіе въ барышахъ. Но публику, т. е. всю массу своихъ потребителей, это стадо, которое все оплачиваетъ и нынѣ даже лишено утѣшенія въ возможности поторговаться,—публику-то промышленники не примирять съ собою, невзирая на все свое могущество. Продавецъ и покупатель нуждаются постоянно другъ въ другѣ и постоянно остаются прирожденными другъ другу врагами. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ

Промышленное село въ перуанскихъ Андахъ.

Чикла, находящаяся на пути въ Оройа, лежитъ на высотѣ 3725 метровъ.

уже начинаютъ тамъ и сямъ раздаваться голоса недовольныхъ вредными для здоровья отраслями промышленности; но это лишь тогда, когда производство грозитъ непосредственно здоровью и даже жизни населенія. Однако, общественное мнѣніе успѣло, чрезъ подлежащія правительственныя власти, добиться запрещенія употреблять на заводахъ свинцовыя бѣлила, настояло на закрытіи заводовъ, приготовлявшихъ крѣпкіе спиртные напитки. По крайней мѣрѣ, въ законодательство многихъ государствъ внесены строгія, запретительныя въ этомъ смыслѣ статьи. Работа въ подземныхъ рудникахъ также значительно ассени-

зирована. Но сколько еще все-таки работаетъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ воздухъ негоденъ для дыханія, гдѣ онъ полонъ болѣзнетворныхъ и смертоносныхъ элементовъ! И все еще возникаетъ множество промышленныхъ заведеній, единственная цѣль которыхъ—удовлетворять потребностямъ противогосударственныхъ преступленій, извращеннымъ вкусамъ или разнузданной роскоши, между тѣмъ какъ фабрики, изготовляющія предметы первой необходимости, страдаютъ перѣдко отъ застоя работы.

Слѣдовательно, и самое слово «перепроизводство», которое, казалось бы, выражаетъ понятіе о несомнѣнной неудачѣ или даже о разореніи того или другого фабриканта, не находящаго рынка для сбыта своихъ произведеній, ницѣ слѣдуетъ понимать, если выплнуть въ его естественный смыслъ, какъ жестокую насмѣшку. Развѣ не въ высшей степени нелѣпо толковать о «перепроизводствѣ» въ сферѣ земледѣльческаго труда, когда милліоны человѣческихъ существъ не имѣютъ хлѣба? Рабочіе на какой-нибудь фабрикѣ не имѣютъ возможности замѣнить свою засаленную рубашку чистой, а ихъ глава будетъ наивно жаловаться на перепроизводство тканей. Какой-нибудь разорившійся книгоиздатель будетъ увѣрять, что его разорило «перепроизводство» въ сферѣ книжнаго дѣла, тогда какъ въ такъ называемыхъ «цивилизованныхъ» странахъ число печатаемыхъ въ годъ томовъ почти всегда ниже, а если и выше, то на самую ничтожную величину общаго числа жителей. Словомъ, если бы крупная промышленность преслѣдовала исключительно цѣли, полезныя для всего населенія, а не обогащенія одной небольшой группы или нѣсколькихъ капиталистовъ, то, пожалуй, господствующія въ массѣ бѣдность, пужда и невѣжество совершенно могли бы быть ею стерты съ лица земли.

Съ другой же стороны, и сами рабочіе не могутъ похвастаться, чтобы они, во время своей борьбы съ капиталомъ, въ большей степени, чѣмъ ихъ патроны, преслѣдовали цѣли общественнаго блага. Несомнѣнно, они представляютъ большинство человѣчества и съ этой стороны обращаютъ на себя вниманіе безпристрастнаго наблюдателя. Кромѣ того, ихъ жизнь пока протекаетъ подъ гнетомъ подавляющаго ихъ режима; они борются съ классомъ привилегированнымъ. Все это побуждаетъ людей справедливыхъ сочувствовать имъ. Однако, рабочіе сводятъ всѣ свои требованія на очень узкій путь: на классовую борьбу. Развѣ тѣ, кто принадлежитъ къ синдикатамъ, заботятся сколько-нибудь о своей братіи, стоящей внѣ синдикатовъ? Развѣ тѣ, у кого въ полномъ порядкѣ книжки отъ корпорацій, въ кон они вступили, защищаютъ рабочихъ, не вступившихъ въ эти общества? Развѣ они не оставляютъ внѣ сферы своихъ протестовъ и требованій цѣлѣя полчища людей, словно выброшенныхъ за

бортъ: воровъ, проститутковъ, бродягъ, каторжниковъ? А вѣдь всѣ эти отверженные тоже имѣютъ право на нравственное возрожденіе, на полезное воспитаніе, на разумное удовлетвореніе человѣческихъ потребностей! Наконецъ, отчего они, объявивъ забастовку, остаются праздными; не выказываютъ желанія съ пользой употребить свой досугъ, т.-е. обучаться чему-нибудь, работать въ качествѣ людей независимыхъ? Какія мѣры употребляютъ они, чтобы сохранить за собой симпатіи общества? Последнее при началѣ забастовокъ, подъ впечатлѣніемъ справедливости ихъ жалобъ, обыкновенно держатъ ихъ сторону, ободряютъ рабочихъ, но скоро, когда прекращеніе работъ отражается неудобствами на ихъ собственномъ обиходѣ, измѣняютъ свое отношеніе къ забастовавшимъ. Дѣла послѣднихъ принимали бы совершенно иной оборотъ, если бы они, рабочіе, возмущившись противъ своихъ хозяевъ, съ перваго же дня забастовочнаго досуга употребляли его на что-либо непосредственно полезное для общей массы обывателей и тѣмъ закрѣпляли бы свою солидарность съ населеніемъ. Удобные случаи для такого образа дѣйствій представлялись неоднократно. Но рабочіе не сумѣли ими воспользоваться во-время, и эти случаи ускользали. Такъ, напримѣръ, желѣзнодорожные служащіе въ Америкѣ держали одно время всю сѣть желѣзнодорожныхъ путей сообщенія Иллинойса и сосѣднихъ ему штатовъ въ своихъ рукахъ, и все время оставляли вагоны и локомотивы въ сараяхъ безъ всякой пользы. Между тѣмъ, какъ бы было хорошо, если бы они догадались организовать увеселительныя поѣздки на новыхъ условіяхъ комфорта и цѣнъ, соответствующихъ новому положенію вещей. Тогда, если бы они даже и проиграли дѣло, ихъ забастовка оставила бы въ населеніи прекрасныя воспоминанія, подготовила бы благоприятную почву для ихъ будущихъ попытокъ улучшить свое положеніе. Вѣдь каждая забастовка можетъ обратиться въ исходный пунктъ для попытокъ, направленныхъ къ пользѣ всего населенія.

Эволюція мелкой торговли идетъ параллельно земледѣльской и мелкопромышленной эволюціи. Нельзя сомнѣваться, что современная форма развитія всѣхъ этихъ отраслей,—передвиженіе съ мѣста на мѣсто отдѣльныхъ субъектовъ со своими лавченками, погребцами, досчатыми будками, со своими грошевыми оборотами,—обречена на гибель. Эта форма непосредственно сама изъ себя совершенствоваться при настоящемъ строѣ общества болѣе не можетъ. Всѣ мелкіе торговцы проявили бы серьезный, исторически провидящій здравый смыслъ, если бы покинувъ старую рутинную систему, направили свои объединенныя силы, всѣ свои достатки на путь ассоціаціи. Несомнѣнно, что это по-

пятно для многихъ; однако, не для большинства, которое воспитано въ сферѣ близорукихъ заботъ о своихъ непосредственныхъ выгодахъ, и которое не видитъ и не хочетъ видѣть, съ какой именно стороны на него надвигается опасность. И вотъ эти люди яростно накидываются именно на тѣхъ, кто могъ бы ихъ спасти. И въ этомъ нѣтъ ничего изумительнаго: погибающій въ волнахъ цѣпляется за плывущую щепку.

Старыя формы мелочной торговли начинаютъ исчезать, какъ уже исчезли формы прежней крупной коммерціи, какъ исчезаютъ, напримѣръ, въ странахъ, гдѣ господствуетъ еще кочевой бытъ, круговыя поѣздки нѣсколькихъ торговцевъ, вошедшихъ между собою въ соглашеніе, т.-е. караваны. Самое слово «караванъ» (kîarvan или kiarban) «странствующая прибыль», персидскаго происхожденія. Оно означаетъ «обезпеченіе, застрахованіе» какого-либо предпріятія. Оно достаточно ясно выражаетъ происхожденіе самого явленія предмета: коллективнаго передвиженія. Совершенно понятно, что взаимобоженіе, ассоціація лицъ, родъ успѣха задуманнаго предпріятія, изыскиваетъ средства для огражденія его отъ различнаго рода опасностей. А опасности многочисленны и разнообразны. Въ нѣкоторыхъ странахъ угрожаютъ естественныя явленія природы: дневной зной, ночной холодъ, безплодіе почвы, отсутствіе воды. Въ другихъ странахъ надо опасаться грабителей, и, чтобы съ успѣхомъ отражать ихъ нападенія, необходимо располагать весьма большимъ числомъ вооруженныхъ людей, чуть-ли не арміей; надо имѣть многочисленныхъ развѣдчиковъ—и въ авангардѣ, и въ тылу, и съ обѣихъ сторонъ пути. Въ виду всего этого, организаторы каравановъ поджигаютъ обыкновенно, чтобы торговыя потребности сгруппировали около нихъ значительное число торговцевъ съ соотвѣствующимъ количествомъ вьючныхъ животныхъ, и чтобы эти примкнувшіе къ нимъ коммерсанты подчинились ихъ, инициаторовъ, руководству. Возникаетъ цѣлый передвижной городъ, состоящій изъ хозяевъ—караванщиковъ, многихъ тысячъ ихъ служащихъ, которые, въ свой чередъ, завѣдуютъ многими тысячами вьючныхъ животныхъ. Каждое изъ этихъ странствующихъ человѣческихъ обществъ конституируется по образу и подобию тѣхъ городовъ, по которымъ оно намѣревается развозить свои товары. Въ этомъ обществѣ вы найдете представителей различныхъ отраслей управленія точно такъ же, какъ и въ осѣдлыхъ городахъ данной страны. Словомъ, такой караванъ представляетъ иногда подвижную республику, иногда странствующую неограниченно-деспотическую монархію. Во время передвиженія этихъ каравановъ въ Персіи вы можете встрѣтить должностное лицо, соотвѣтствующее городскому головѣ; его зовутъ каршонда; въ прежнее время онъ часто бывалъ облеченъ сильной властью: онъ могъ казнить и миловать cadaго изъ своихъ

спутниковъ. И теперь еще въ его распоряженіи состоятъ суды и палачи. Нерѣдко случалось, что къ экспедиціи, организованной человѣкомъ, который пріобрѣлъ извѣстность какъ жестокій тиранъ, никто не хотѣлъ присоединяться, и обратно: къ лицамъ, извѣстнымъ своей справедливостью, спутники сходились толпами.

Конечно, передвиженіе товаровъ составляетъ смыслъ, такъ сказать, караванной жизни. Но и всѣ прочіе элементы обыкновеннаго городского

Изъ Томска въ Иркутскъ; зимній обозъ съ чаемъ.

существованія далеко не чужды ему уже потому, что караванъ каждый вечеръ раскидываетъ свои шатры и до утра живетъ въ нихъ осѣдло. Сюда явятся, съ цѣлью поживиться крохами торговыхъ выгодъ, получаемыхъ вождями, священники, монахи, нищіе, лодочники, пѣвцы, гадалышники. Женщины свободныхъ нравовъ вмѣшиваются въ толпу солдатъ и торговцевъ, входящихъ въ составъ экспедиціи. Словомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, караванъ сохраняетъ почти вполнѣ характеръ городской жизни. Развѣ только въ началѣ пути въ немъ или вовсе нѣтъ больныхъ, калѣкъ, или ихъ относительно несравненно менѣе, чѣмъ въ городахъ и селахъ. Населеніе каравана обнаруживаетъ даже,

подобно городамъ, классовыя подраздѣленія: имѣются и богатые, элѣгантныя кварталы, и предмѣстья. Бѣдные, маломущіе благоразумно стѣсняются отъ центра, гдѣ обыкновенно находятся люди, власть имущіе, сидящіе на верблюдахъ или отдыхающіе подъ своими пышными шатрами ¹⁾).

Въ странахъ, которыя нынѣ населены мирными человѣческими обществами, а также въ пустыняхъ теперь уже проведены разныя пути сообщенія, въ томъ числѣ и желѣзныя дороги, снабженныя дорогою стѣйщими станціями, такъ что караваны начинаютъ терять свой смыслъ. Рано или поздно эти «переносныя страховыя общества» должны будутъ совершенно прекратить свое существованіе. Въ Европѣ эта форма путешествія и перевоза движимостей давно уже исчезла. Если на другихъ континентахъ она еще встрѣчается, то все-таки какъ рѣдкое исключеніе. Ею болѣе всѣхъ пользуются мусульманскіе народы, хотя значительно менѣе, чѣмъ прежде, потому что современная коммерція изыскала новые способы обходить то по морю, то по желѣзнымъ дорогамъ излюбленные караванщиками пути. Однако, надо сознаться, что караваны играли немалую роль въ воспитаніи человѣчества. Политическое устройство этихъ торговыхъ обществъ весьма не совершенно, но все-таки члены ихъ пользовались относительною свободой, испытывали наслажденіе жить на открытомъ воздухѣ, видѣть то въблизи, то въдали мѣстности, созерцаніе и знакомство съ которыми доставляли имъ большое и назидательное удовольствіе. Современная цивилизація должна немало поломать голову для замѣны своими изобрѣтеніями по части передвиженія всѣ исчисленныя положительныя стороны каравановъ, чтобы исчезновеніе послѣднихъ не оказалось для человѣческаго развитія чувствительной утратой. Если вѣрить Вамбери, утверждающему, что ежегодно пятьсотъ тысячъ человѣкъ персійцевъ всѣхъ возрастовъ и всякихъ общественныхъ положеній участвовало въ передвиженіи взадъ и впередъ торговыхъ и паломническихъ каравановъ, то нельзя не допустить, что этой колоссальной массой движетъ болѣе всего желаніе переживать тѣ радости и наслажденія, съ которыми бывають сопряжены подобнаго рода странствованія. Характеръ иранской жизни по преимуществу осѣдлый, малоподвижный, сравнительно съ туранскимъ. Это не мѣшаетъ, однако, иранцамъ, какъ и номадамъ-туранцамъ, поситъ въ крови нѣкоторое влеченіе къ путешествіямъ и приключеніямъ.

Какъ далеки кажутся намъ, жителямъ Западной Европы, времена караванной торговли, когда товары перевозились при помощи длинныхъ вереницъ вьючныхъ животныхъ. Едва только человѣкъ выучился спускать

¹⁾ Herman Vambéry, «Sittenbilder aus dem Morgenlande», p. 218.

деревянную доску на текучую воду, какъ онъ умудрился распредѣлять продукты своего труда; при содѣйствіи этихъ вспомогательныхъ средствъ онъ связалъ короткіе переходы водой въ цѣлыя сѣти путей сообщенія. И этотъ способъ оказался несравненно удобнѣе и полезнѣе перевозки на вьючныхъ животныхъ. Водяной путь въ механическомъ

Железнодорожный путь въ Скалистыхъ горахъ. Озеро Янки Дудль.

смыслѣ—самый экономическій способъ передвиженія. Однако, и рѣчные пути, въ свою очередь, были частью покинуты, когда люди осмѣлились, наконецъ, плавать по морю. Альпы, Карпаты, болота Дибровскаго бассейна перестали служить препопами для сообщеній между Адріатикой и Чернымъ моремъ, между Чернымъ моремъ и Балтикой, ибо оказалось возможнымъ обходить моремъ весь европейскій полуостровъ, отъ Скандинавіи до средиземноморскаго Востока. Даже въ такихъ странахъ, гдѣ караванная торговля имѣла очень большое значеніе, потому что было мало рѣкъ (напримѣръ, въ Сахарской области Африки, Аравіи, Средней Азіи, Андахъ), количество товаровъ, передвигаемыхъ такимъ способомъ на большое разстояніе, никогда не было особенно велико. Въ теченіе тысячи лѣтъ общая сумма ихъ, конечно, не достигла тамъ

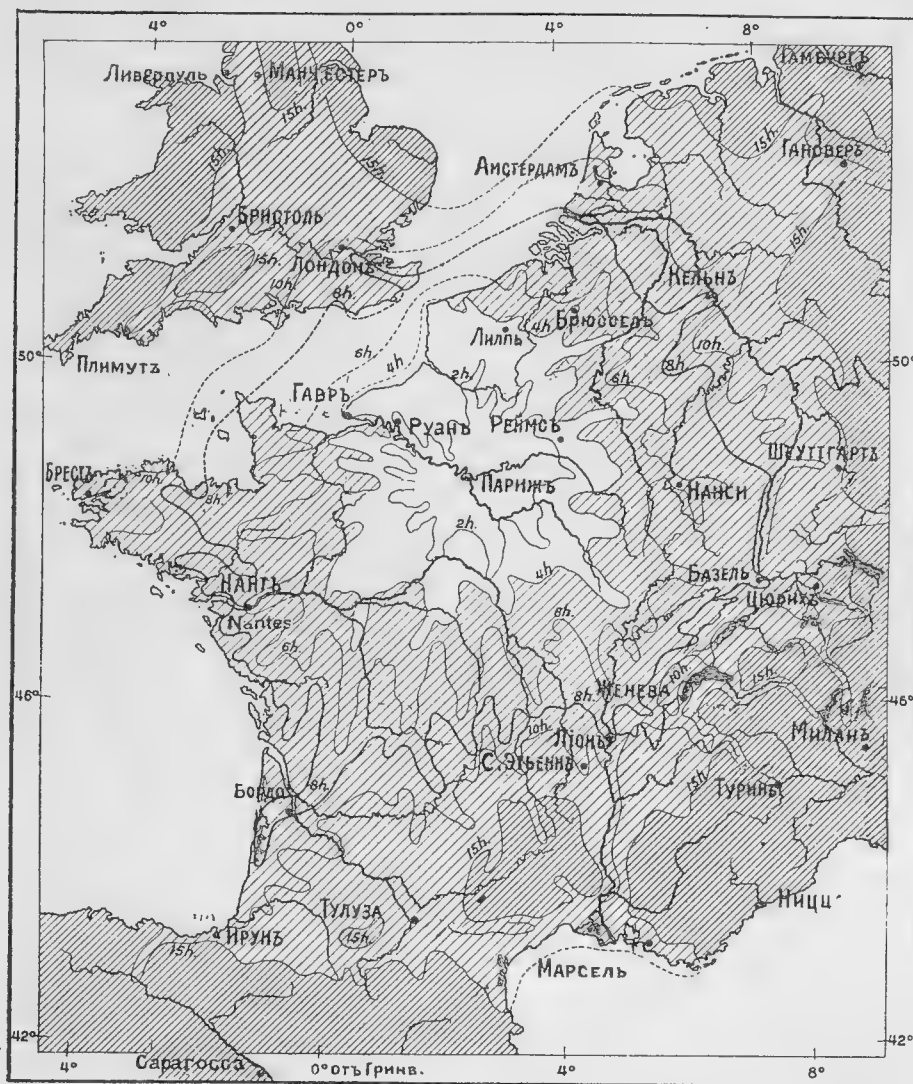
такихъ размѣровъ, которые представляютъ нынѣ въ общей суммѣ товары, передвигаемые только за одинъ годъ по желѣзнымъ дорогамъ въ одной какой-либо европейской странѣ, т.-е. вѣса, измѣряемаго милліардами тоннъ на километръ и превышающаго, можетъ-быть, триста милліардовъ, если, разумѣется, принять въ расчетъ всѣ сѣти желѣзныхъ путей, покрывающія земной шаръ ¹⁾.

Желѣзные пути и дальнія плаванія замѣнили сухопутные караваны не только по отношенію къ торговлѣ, но и въ смыслѣ удовлетворенія стремленія человѣка переноситься съ мѣста на мѣсто. Потребность въ путешествіяхъ въ наше время не только проникаетъ все глубже и глубже въ слои человѣческихъ обществъ, но во многихъ случаяхъ удовлетворяетъ и гігіеническимъ требованіямъ. Въ ожиданіи лучшаго, можно отмѣтить отвоеванный пролетаріатомъ недѣльный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Онъ обыкновенно употребляется трудящимися на поездку къ морскому берегу, на купанья и т. д. Это новое прогрессивное явленіе сопровождается увеличеніемъ удобствъ, быстротой передвиженія и даже уменьшеніемъ расходовъ для тѣхъ, кого оно касается. Въ 1830 году французскому флоту потребовалось 18 дней, чтобы переплыть въ Алжиръ. Нынѣ этотъ переходъ совершается нормально въ 26 часовъ. Съ 1845 по 1901 годъ цѣнность перевозки километр-тонны понизилась съ 12 до 4,5 сантимовъ, а пассажировъ—съ 7 до 4 сантимовъ. Надо, правда, сказать, что страсть къ путешествіямъ у многихъ богатыхъ людей обратилась въ настоящую мацію. Они положительно страдаютъ, если имъ приходится долго оставаться на одномъ мѣстѣ, и переѣзжаютъ изъ одной страны въ другую безъ всякой пользы въ смыслѣ умственнаго развитія. Этой безумной страстью къ бѣшено скорому передвиженію образованный западникъ рѣзко отличается отъ невозмутимо спокойнаго жителя востока: одинъ, повидимому, не сознаетъ, какъ проходитъ его время; другой иногда изрядно волнуется, соображая, какъ бы ему ничего не дѣлать.

Ярмарки, какъ и караваны, должны были измѣнить свой характеръ. Прежде всего имъ приходилось перемѣнять свои мѣста, соображаясь съ расширеніемъ сѣтей путей быстрого сообщенія, создающихъ новые торговые центры, которые, впрочемъ, совпадаютъ съ главными городами. Въ прежнее время излюбленными ярмарочными пунктами бывали какія-нибудь пограничныя мѣстечки между двумя большими государствами. При этомъ мѣстныя власти и собственно политика были не

1) По французской сѣти (45000 километровъ, т.-е. около двадцатой части протяженія всѣхъ желѣзныхъ дорогъ на землѣ) перевезено въ 1901 г. шестнадцать милліардовъ километр-тоннъ.

при чемъ. Торговцы поступали такъ, чтобы не вводить въ соблазнъ какого-
 № 577. Одновременныя (изохронныя) передвиженія по желѣзнодорожнымъ линіямъ, приуро-
 ченныя къ отбытіямъ изъ Парижа отъ 2-хъ до 15-ти часовъ.

1: 10 000 000

0 100 250 500 Килом.

Для изображенія изохронныхъ линій приняты въ соображеніе только поѣзда наибольшей скорости, хотя бы и не ежедневныя: здѣсь важно только опредѣлить количество времени, необходимое для достиженія данныхъ ж.-д. станцій.

нибудь могущественнаго монарха, пожелавшаго извлекать, не стѣс-

няясь международными договорами, для себя лично выгоды изъ торговыхъ оборотовъ. Мѣсто обыкновенно избиралось гдѣ-нибудь въ пустырь, никому ненужномъ, въ промежуткѣ между ярмарками. Торговцы, подобно

№ 578. Изохронныя передвиженія по желѣзнодорожнымъ линіямъ, приуроченныя къ отбытію изъ Парижа. Полушаріе, полюсъ котораго занимаетъ Франція.

Карты № 578 и 579 составлены по масштабу, въ среднемъ выражающемуся 1 : 73000000. Ихъ горизонтальныя проекціи отнесены къ 45° сѣверной широты, а не къ парижской параллели. Для движенія длящихся 20, 30, 40 сутокъ мы пользовались картой Ж. Бартоломью (J. Bartholomew), помѣщенной въ „World's Atlas of Commerce“ (Атласъ міровой торговли).

караванщикамъ, вступали между собою въ соглашеніе, налаживали временное управленіе, форму котораго приравнивали къ господствовавшимъ въ данный моментъ обычаямъ, политическому строю, традиціямъ и даже

предубѣжденіямъ купцовъ-богачей, волѣ которыхъ подчинялись мелкіе торговцы. Конечно, по самой силѣ обстоятельствъ, преобладающія официальныя власти ближайшихъ къ такимъ ярмарочнымъ пунктамъ мѣстностей старались извлекать и для себя пользу изъ импровизированной автоно-

№ 579. Изохронныя передвиженія по желѣзно-дорожнымъ линіямъ, приуроченныя къ отбытію изъ Парижа. Полушаріе, противоположное Франціи.

міи коммерсантовъ, и почти всюду имъ это удавалось. Даже въ то время, когда сила привычки или уваженіе къ старинѣ еще поддерживали эту ярмарочную автономію, уже успѣла исчезнуть полная свобода выборовъ: главные надсмотрщики и завѣдующіе порядкомъ уже намѣчались заранѣе.

Впрочемъ, удобства, которыя прежде представляли для населенія эти

торговья сборища, имѣвшія мѣсто всегда въ опредѣленные дни, всегда на опредѣленныхъ пунктахъ, исполнѣ замѣнены нынѣ большими магазинами, функционирующими постоянно, круглый годъ, изо дня въ день. Нѣкоторыя рѣдкости, привозимыя издалека, покупатель могъ приобрѣтать только на ярмаркахъ; нынѣ же онъ можетъ ихъ купить въ любое время въ специальномъ магазинѣ, торгующемъ ежедневно. На какомъ-нибудь современномъ базарѣ Парижа или Лондона скопляется постоянно и одновременно такое богатство разнообразнѣйшихъ товаровъ, на такія колоссальныя суммы, какого прежде нельзя было бы найти во всѣхъ караванахъ и на всѣхъ ярмаркахъ, взятыхъ вмѣстѣ. Нынѣ желѣзнодорожные пути выбрасываютъ ежедневно въ каждый большой городъ столько представителей и агентовъ коммерціи, сколько за весь ярмарочно-караванный періодъ не видѣли, наприимѣръ, Сингаля, Бокеръ, Лейпцигъ или Новгородъ. Словомъ, въ торговлѣ великій переворотъ уже совершился: періодичность обмѣна уступила мѣсто непрерывности обмѣна. Этотъ обмѣнъ не прекращается и ночью, ибо солнце непрерывно освѣщаетъ то одно, то другое полушаріе нашей планеты, а желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны не прерываютъ и ночью своей работы, перевозятъ товары, передаютъ заказы изъ города въ городъ, съ континента на континентъ.

Обороты международной торговли и теперь уже выражаются цифрами, превышающими сотни миллиардовъ. Но они могли бы достигнуть еще несравненно болѣе значительной цифры, если бы правительства, подъ вліяніемъ крупныхъ промышленниковъ, не прибѣгали къ фискальнымъ мѣрамъ подѣ предлогомъ «покровительства» мѣстной промышленности; другими словами, если бы эти правительства не содѣйствовали обладателямъ большихъ капиталовъ своей страны извлекать весьма полновѣсныя выгоды изъ своихъ предпріятій. Какъ только эти производители получаютъ свѣдѣнія, что цѣны на фабрикуемые ими предметы поднялись, или что поднялась цѣна на однородные предметы, изготовляемые заграничными заводами, то они прибѣгаютъ ко всякаго рода уловкамъ и интригамъ, чтобы предрержація власти ихъ государства воспрепятствовали проникновенію въ страну иностранныхъ продуктовъ или доставили имъ самимъ возможность явиться раньше другихъ на международные рынки. Словомъ, они добиваются, чтобы ихъ правительство помогло имъ обогащаться за счетъ остальныхъ соотечественниковъ, которымъ въ этомъ случаѣ приходится платить добавочный косвенный налогъ. Во Франціи эти дѣла оборудуются почти автоматически, заботами такъ называемой «таможенной комиссіи». Какъ только какое-либо новое усовершенствованіе или изобрѣтеніе доставляетъ иностранному промышленнику возможность продавать данный предметъ во Франціи по болѣе дешевой

цѣнѣ, сравнительно съ той, которая установлена мѣстными фабрикантами, то, по инициативѣ комиссіи, испрашивается разрѣшеніе возвысить на этотъ продуктъ ввозную пошлину. И не было еще примѣра, чтобы законодательныя палаты отказали въ удовлетвореніи такого ходатайства. Въ виду этого является вопросъ: какъ же при такихъ порядкахъ не возрастать постоянно цѣнѣ жизненныхъ потребностей вообще? Если

Рынокъ въ Сигири.

хлѣбъ, покупаемый народомъ, дорогъ, то онъ неминуемо долженъ еще болѣе вздорожать ради доставленія возможности собственнику увеличить свои доходы. Если ткани или желѣзныя издѣлія мѣстнаго производства по достоинству ниже тканей или желѣзныхъ издѣлій, которыя могутъ быть доставлены чужими краями... ну, такъ что же? Не выпускайте ихъ къ памъ, наложивъ на ихъ ввозъ безусловный запретъ или обложивъ ихъ тяжкими, но глубокомысленно обдуманнѣми запретительными пошлинами. При этомъ правительство достигаетъ двухъ цѣлей: оно доставляетъ казначейству новый источникъ дохода—налогъ, который, въ сущности, оплачивается

потребителями и усиливаетъ расположеніе къ себѣ друзей изъ высшаго общественнаго класса, которые и являются настоящими хозяевами страны.

Примѣровъ полного подавленія передвиженія товаровъ во имя «покровительства отечественной торговлѣ» можно привести много: таможенни считаютъ себя обязанными оказывать это покровительство, напримѣръ, въ Алжирѣ. Тамъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія таможенное управленіе держалось правила не допускать во французскія владѣнія каравановъ, идущихъ со стороны Сахарской границы, а отсылать ихъ либо на западъ къ Марокко, либо на востокъ къ Тунису и Триполи. Политиканствующіе господа утверждаютъ, что уничтоженіе въ Африкѣ рабства подѣйствовало угнетающе на мѣстную торговлю, основой которой служила дотолѣ перепродажа рабовъ. Предполагали также, что враждебность туареговъ какъ бы парализовала торговлю. Однако, туареги такъ же, какъ и прочіе обитатели Сахары, весьма охотно воспользовались бы свободой торговыхъ путей, ведущихъ къ алжирской территоріи, если бы эти пути на самой границѣ французскихъ владѣній не были загорожены таможенными постами; слѣдовательно, настоящими-то «пресѣкателями путей» («coupeurs de routes») оказывались не варвары Сахары, а французы. Приводимъ фактъ, не подлежащій спору. Кофе, сахаръ разныя пряности потребляются жителями Сахары въ значительномъ количествѣ, и со всѣхъ этихъ предметовъ на алжирской границѣ взимается таможенная пошлина, въ семь разъ превышающая пошлину на триполитанской границѣ. Понятно, что покупатели, идущіе за этими продуктами за тысячи километровъ, покинули свой вѣками протоптанный путь къ Алжиру и направляются къ Триполи ¹⁾.

Разсказавъ о вредныхъ послѣдствіяхъ замедленія или совершеннаго подавленія международныхъ торговыхъ сношеній, слѣдуетъ указать на нелѣпости и грубо-комичныя послѣдствія, къ которымъ можетъ привести мелочное усердіе блюстителей тарифа; напримѣръ, мумія одного изъ фараоновъ была занесена въ таможенные списки подъ наименованіемъ трески; или: въ Иллинойсѣ свалился съ неба метеоритъ; счастливаго владѣльца земли, на которую онъ упалъ, заставили уплатить таможенные пошлины какъ за желѣзо, полученное имъ изъ-за границы ²⁾. Но смѣшная сторона таможенныхъ эпизодовъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который наноситъ умственной дѣятельности человѣчества плохая система пограничныхъ пошлинъ. Чаще всего государственное «покровительство» ведетъ къ монополизированію данныхъ отраслей промышленности, а монополизациа истощаетъ эту от-

1) A. Fock, «Bulletin de la Société de Géographie», p. 170; séance du 3 mai 1895. — 2) Stanislas Meunier, «Revue Scientifique», 9 mai 1896, p. 581.

расль, пользующуюся особенным покровительством властей; промышленность чахнет, а иногда и совсѣмъ умираетъ, ибо свободное влеченіе къ ней рабочихъ исчезаетъ. Покровительство государства всегда вредно, ибо всегда подавляетъ индивидуальную инициативу, обезкураживаетъ изыскателей, искажаетъ и затемняетъ характеръ изобрѣтенія соперничающихъ между собою. Въ исторіи Персіи мы встрѣчаемся съ

Нижній-Новгородъ и ярмарочный мостъ.

На переднемъ планѣ нижняя часть города, затѣмъ Ока; далѣе Волга. Ярмарка происходитъ между двумя рѣками и длится съ 25 іюля до 10 сентября. Мостъ изъ барокъ имѣетъ 900 метровъ длины, но пользуются имъ только въ теченіе лѣта.

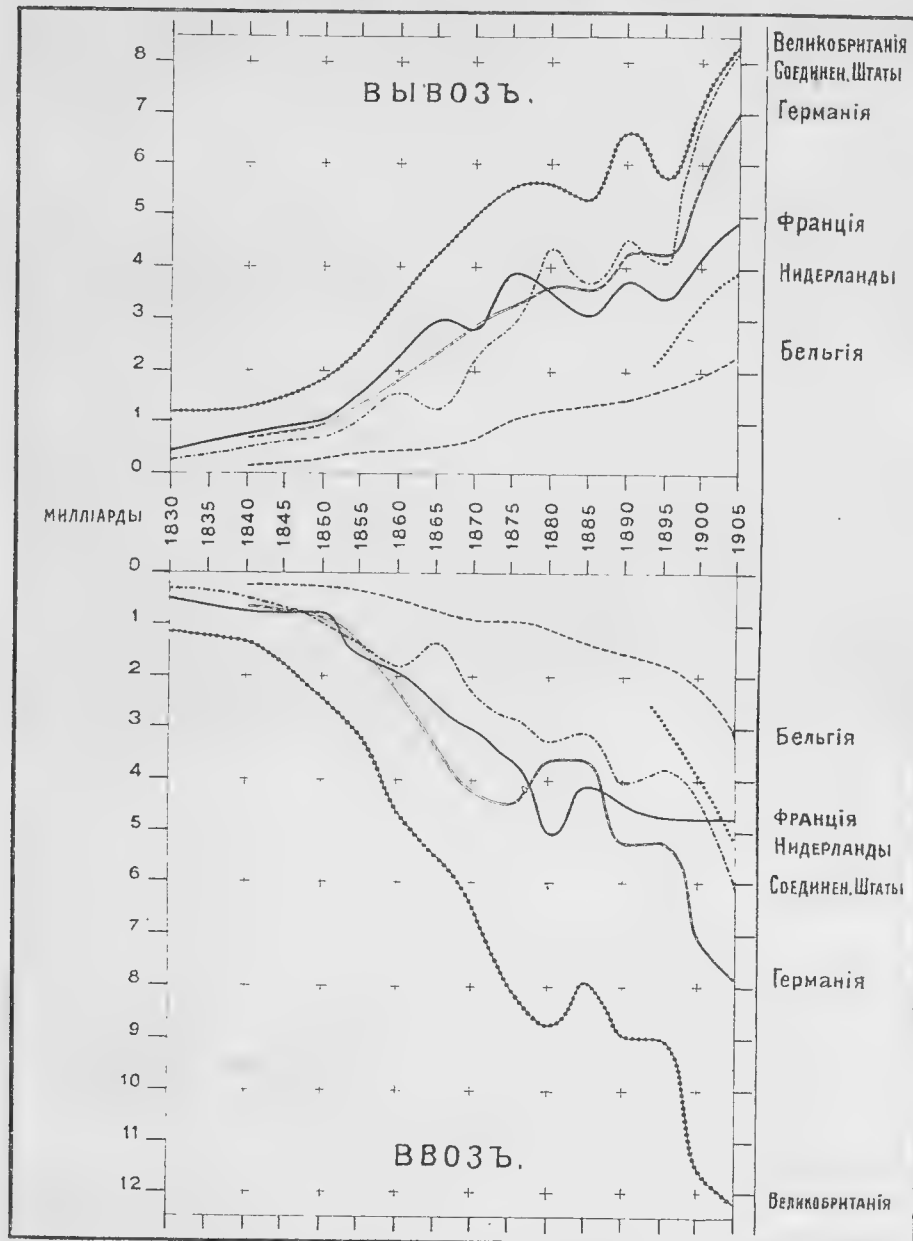
забавнымъ случаемъ послѣдствій монополизациі: пѣкій сановникъ былъ возведенъ въ званіе «великаго адмирала» озера Урміи и, вступивъ въ должность, первымъ дѣломъ обнародовалъ извѣщеніе, гласившее, что всѣ торговыя потребности даннаго воднаго бассейна будутъ обслуживаться исключительно судами флотилии, которою онъ самъ командуетъ; онъ приказалъ уничтожить всѣ суда, принадлежавшія рыбакамъ и купцамъ; но у него не хватило денегъ для постройки собственныхъ, и озеро осталось безъ судовъ. У насъ въ Европѣ подобныя вещи происходятъ чаще, чѣмъ это думаютъ; иначе оно и быть не можетъ, такъ какъ у насъ исходятъ изъ того принципа, что процвѣтаніе промышленности находится въ соотвѣтствіи съ дороговизной про-

дуктовъ. Для нашихъ экспортеровъ деревянныхъ издѣлій и машинъ, отправляющихъ ихъ изъ Ліона или Сентъ-Этьена на Дальній Востокъ, не представляется выгоднымъ везти товаръ черезъ Марсель; они находятъ, что скорѣе и дешевле (отъ 20 до 40 противъ 100) направлять товаръ въ портъ Антверпенъ окружными путями черезъ Швейцарію и Германію ¹⁾. Для нихъ было бы, пожалуй, даже еще выгоднѣе отправлять его морскимъ путемъ изъ Гамбурга.

Монополіи, уже уничтоженныя, часто возрождаются подъ новыми видами; но къ этому приводитъ вѣдь логика вещей, разъ самый принципъ пользуется въ обществѣ правомъ гражданства. Считается, что французская революція уничтожила внутреннія пошліны, которыя шли какъ въ пользу государствъ, такъ и въ пользу откупщиковъ, сеньоровъ или городовъ; но городскія общины, вовлеченныя правительствомъ на эту скользкую дорогу, возстановили пошліну на ввозимые въ нихъ продукты подъ именемъ «октруа»; вѣдь прогрессъ, говорятъ, заключается въ перемѣнѣ старыхъ названій. Какъ бы то ни было, невозможно не считать совершеннымъ абсурдомъ ту пошліну, которая взимается у городскихъ воротъ съ продуктовъ, предназначенныхъ для этихъ же самыхъ городовъ и якобы въ ихъ же пользу; это ложный кругъ, и слѣдованіе по немъ не обходится никогда безъ ущерба. Эти внутреннія пошліны, уже давно осужденныя въ принципѣ и все-таки почти навязанныя правительствомъ тѣмъ изъ муниципалитетовъ, которые хотѣли отказаться отъ нихъ, представляютъ массу неудобствъ, такъ какъ онѣ затрудняютъ одновременно и производство, и обмѣнъ, и потребленіе. Онѣ были установлены безъ всякой системы и различны въ каждомъ городѣ, измѣняясь въ зависимости отъ характера товаровъ и производства. Въ отношеніи экономическомъ это—учрежденія разорительныя; морально онѣ приучаютъ чиновниковъ къ злоупотребленію своею властью и къ вымогательству, а гражданъ къ униженіямъ, лжи и хитрости. Большая часть волненій, разразившихся въ разныхъ мѣстахъ Испаніи тридцать лѣтъ тому назадъ, началась со столкновений между крестьянами и служащими на таможенныхъ, а когда страсти разгорѣлись, когда было провозглашено возстаніе, и толпа атаковала представителей власти, то первыми запылали тѣ именно зданія, гдѣ производились таможенные сборы. Всѣ согласны, что эта система не-лѣпа; но, несмотря на то, она выдерживаетъ всѣ попытки уничтожить ее. Развѣ не смѣшно видѣть такой городъ, какъ Парижъ, стѣны котораго, со всѣми принадлежащими къ нимъ рвами, откосами, контрэскарпами, пограничными зонами, не имѣютъ другого непосредственнаго примѣненія, кромѣ какъ служить барьеромъ между деревенскими произво-

1) Mangini, «Compte-rendu de la Chambre de Commerce», 1890, Lyon.

№ 580. Торговля нѣкоторыхъ большихъ государствъ.

Здѣсь указана только специальная торговля каждой страны, транзитные же товары въ счетъ не идутъ. До 1875 г. цифры Германіи—не официальные, по причинѣ особаго положенія свободныхъ городовъ, имѣвшихъ свою отдѣльную статистику. Цифры Нидерландовъ не всегда внушаютъ такое же довѣріе, какъ цифры другихъ странъ.

дителями и городскими потребителями? Это довольно дорогія средства для осуществленія печальной цѣли!

Можно предвидѣть, что одинаково вредныя виѣшнія и внутреннія пошлыны будутъ, въ концѣ концовъ, снесены могучимъ потокомъ общей эволюціи. Онѣ продержатся до тѣхъ поръ, пока государства сохраняютъ свою кажущуюся независимость отъ власти торжествующаго капитала. Уже теперь крупные промышленники нашли способъ избѣжать стѣснительныхъ пошлинъ. Чтобы обойти границы, имъ достаточно только основать свой заводъ въ каждомъ изъ государствъ, куда они хотятъ сбыть свои продукты; нѣкоторыя измѣненія въ названіи, въ уставахъ служащіе различнымъ національностямъ—и все улажено. Обладаніе капиталомъ ставитъ ихъ внѣ всякихъ законовъ, созданныхъ противъ ихъ предшественниковъ; они достаточно сильны, чтобы воспользоваться этими же законами, обративъ ихъ противъ своихъ болѣе слабыхъ конкурентовъ. Развѣ только всеобщая лига потребителей всего міра могла бы представить достаточную силу для освобожденія отъ диктатуры крупныхъ промышленниковъ.

Эволюція торговли съ первыхъ ея дней представляетъ своеобразные контрасты. Сначала она была презираема: торговать—считалось чѣмъ-то позорнымъ, а теперь это занятіе почетное *par excellence*. Согласно принципамъ древней морали, обмѣнъ могъ происходить только между чужеродцами, такъ какъ въ предѣлахъ племени членъ его имѣлъ право брать и дѣйствительно бралъ, что ему нужно. Буряты Монголіи въ своей общинѣ не продаютъ и не покупаютъ ¹⁾; никогда, даже въ наше время, они не заплатятъ за оказанныя однимъ членомъ другому услуги; никто не можетъ быть ни господиномъ, ни слугою. Кабилы—ремесленники, которые хорошо знаютъ цѣну деньгамъ, ходятъ изъ дома въ домъ поправлять инструменты и готовить плуги, но не за деньги, а какъ бы въ гости, такъ какъ плуги—вещь священная, и было бы профанаціей касаться «презрѣннаго металла» послѣ работы надъ этими благородными предметами, отъ которыхъ зависитъ произрастаніе хлѣба ²⁾.

Во всѣхъ частяхъ свѣта, въ особенности въ сельскихъ обществахъ, мало затронутыхъ современными потрясеніями, можно еще встрѣтить примѣненіе въ жизни этихъ принциповъ солидарности, которые принуждаютъ ко взаимной помощи и запрещаютъ употребленіе денегъ между сосѣдями и друзьями.

Но такъ какъ по древнему опредѣленію «чужеземецъ есть врагъ», то понятно, что его-то, конечно, можно грабить; онъ не только долженъ заплатить за то, что покупаетъ, но даже если съ него возьмутъ вдвое

1) Pierre Kropotkin, «L'entraide». — 2) Hanoteau et Letournieux, «La Kabylie».

или втрое дороже того, что дѣйствительно стоитъ купленная имъ вещь, то это будетъ съ точки зрѣнія морали общины только похвальнымъ актомъ. А сколько еще людей даже среди цивилизованныхъ націй придерживается этого примитивнаго взгляда на торговлю! Возьмите, напримеръ, барышниковъ, которые вообще, при продажѣ лошадей, имѣютъ, по большей части, дѣло съ иностранными покупателями. Точно такъ же и

Шлюзы канала Соть-Сентъ-Мари, между озерами Верхнимъ и Гуономъ.

Въ статистикѣ воднаго транспорта цифры канала Соть являются самыми крупными. Въ 1905 г. итогъ равняется 44 милліонамъ тоннъ (6 милл. въ 1888, 21 милл. въ 1893), стоимостью въ два милліарда франковъ. Это болѣе чѣмъ въ два раза выше цифръ Лондона, но интересно было бы знать, какъ получены эти данныя?

овернецъ, который приводитъ на ярмарку этихъ благородныхъ животныхъ, выросшихъ на тучныхъ лугахъ возвышенностей, отлично знаетъ всѣ достоинства и недостатки своего товара; но онъ будетъ выставлать лишь первыя и скрывать или приуменьшать вторые; вѣдь онъ отлично владѣетъ этимъ искусствомъ, такъ какъ никакой другой видъ торговли не приучаетъ въ большей степени ко всевозможнымъ хитростямъ, какъ торговля лошадьми. Торговля скотомъ создаетъ изъ овернца хорошо извѣстный типъ купца-проныры, умѣющаго такъ искусно обманывать на мелочахъ, надувать на количествѣ и качествѣ своего товара ¹⁾.

1) Edmond Demolins, «La Géographie sociale de la France. Science sociale», juillet 1896, pp. 23 ss.

По самой своей сущности принципы торговли крайне эгоистичны, индивидуалистичны, полны пренебреженія ко всякимъ интересамъ иностранцевъ, пропитаны даже въ высшей степени наслѣдственной враждой къ людямъ чужой націи и чужого языка; и въ силу этого, еще въ наши дни общественное мнѣніе и государственные законы уважаютъ того несчастнаго, который на преступленіи, на систематическомъ разореніи другихъ строитъ свое собственное благополучіе. Вѣдь не порицаютъ же тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, адвокатовъ, судейскихъ чиновниковъ, которые разжигаютъ манію процессовъ, которые питаютъ ихъ безконечными рѣчами, спорами и бумагами; даже преклоняются передъ тѣми изъ нихъ, которые признаны носить красную одежду—символъ права проливать кровь; питаютъ также большое почтеніе къ докторамъ, достигшимъ славы, практикуясь въ труднѣйшихъ операціяхъ надъ «презрѣнными» тѣлами бѣдныхъ въ госпиталяхъ, къ генераламъ, получившимъ свои кресты и перья за стрѣльбу въ негровъ или въ стачечниковъ. Наконецъ, не говоря уже объ этихъ высшихъ классахъ высокочекъ, закрываютъ также глаза на преступленія торговцевъ человѣческимъ тѣломъ и отравителей общества; спокойно ждутъ, что они, составивъ себѣ состояніе, удалятся въ роскошныя виллы и займутся тамъ, подъ отеческимъ руководствомъ достойнаго духовника, богоугоднымъ дѣломъ благотворительности именемъ Христа. Развѣ не опустошены нѣкоторые промышленные округа, точно отъ циклона, благодаря употребленію водки, чистой или фальсифицированной? Винокуры, продавцы и очистители вина, видящіе тутъ дѣло рукъ своихъ, все же обращаются за мандатами къ несчастнымъ избирателямъ, чтобы стать ихъ представителями и выработать новые, благопріятные для ихъ достойнаго промысла законы. Способъ отравлять—вотъ по временамъ главная тема, обсуждаемая на парламентскихъ засѣданіяхъ,—тема, въ противоположность вопросамъ патріотизма, свободы и народнаго образованія, волнующая одинаково всѣ партіи. Это ясно сказывается, когда грозитъ какая-нибудь опасность привилегіямъ винокуровъ. Какая наглость! Оспаривать традиціонное право честнаго человѣка, готовить по всѣмъ правиламъ науки напитокъ, который губитъ его ближняго! А въ послѣдствіи—сколько мы увидимъ жестокихъ или отвратительныхъ сценъ въ деревняхъ, въ портовыхъ кабакахъ, въ чайныхъ около заводовъ, которые покажутъ намъ послѣдствія этого прекраснаго законодательства!

Въ особенности же, когда дѣло касается такъ называемыхъ «низшихъ» расъ, торговля мало стѣсняется совершать надъ ними свои прибыльные убійства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Океаніи и въ Нижнемъ Конго, отравленіе водкой дѣйствовало столь быстро, что достаточно было одного поколѣнія, чтобы совершенно обезлюдить ту или иную область, доступную вліянію «цивилизаціи». Часть Каконго, при-

№ 581. Главнѣйшіе порты Западной Европы.

1 : 20 000 000

0 250 500 1000 Килом.

Значеніе порта охарактеризовано на данной картѣ тоннажемъ посѣщающихъ его судовъ, на-груженныхъ или нѣтъ, не считая каботажна. Порты, названія коихъ не нанесены на картѣ, полу-чаютъ свыше 3000000 тоннъ; тѣ, которые обозначены свѣтлымъ кружкомъ, — свыше 2000000 тоннъ; обозначенные черной точкой, по меньшей мѣрѣ, 1000000. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что портовая статистика ведется въ различныхъ странахъ различными способами, и что при сужде-ніи объ истинномъ значеніи порта слѣдовало бы принимать во вниманіе только тѣ товары, кото-рые выгружаются на пристани, но отнюдь не транзитные.

Какъ бы тамъ ни было, приводимъ перечень портовъ, для коихъ тоннажъ посѣщающихъ судовъ, безъ наботажна, выражается, въ 1905 году, наиболѣе крупными цифрами (въ милліонахъ тоннъ): Лондонъ—18,7; Суэцъ—18,3; Константинополь—15,3; Ливерпуль—14; Кардифъ—11,8; Гамбургъ—10,4; Нью-Йоркъ—10,2; Гонгъ-Конгъ—9,8; Антверпенъ—9,8; Сингапуръ—9,4; Нью-кастль—9,2; Марсель—7,7; Роттердамъ—7,6; Монтевидео—6,8; Генуя—6,4. Затѣмъ идутъ (или же предшествуютъ? Шанхай) Неаполь, Бостонъ, Гулль, Глэсго, Лиссабонъ и др.

легающая къ морю и рѣкѣ, была занята въ половинѣ прошлаго столѣтія весьма густымъ населеніемъ; теперь деревни стали рѣдки, по среди пустынныхъ равнинъ тянутся кладбища съ могилами, украшенными пустыми бутылками—символами грознаго божества, погубившаго ихъ. Чернокожіе, оставшіеся еще въ этихъ оскверненныхъ мѣстахъ, носятъ явные признаки физическаго вырожденія, въ сравненіи съ обитателями центральныхъ частей; они стали тощими, хилыми, тупыми; недуги и болѣзни сдѣлали изъ нихъ погибающую расу ¹⁾. Эти соображенія должны были, конечно, повліять до известной степени на правительства въ ихъ рѣшеніи уничтожить право ввоза спиртныхъ напитковъ въ африканскія колоніи, но все же главной причиной этого рѣшенія было то обстоятельство, что торговля алкоголемъ, подрывая сначала физическія и моральныя силы туземцевъ, а затѣмъ и совсѣмъ ихъ истребляя, въ концѣ концовъ, уничтожила всякую другую торговлю.

Торговля не только въ своей обычной практикѣ—ложь и обманъ, но, благодаря позорной рекламѣ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вредная, неудержимая и некрасивая страсть. Въ то время какъ въ промышленности конкуренція, по большей части, ведетъ къ открытіямъ новыхъ приѣмовъ, изобрѣтенію машинъ, болѣе приспособленныхъ къ своей цѣли, торговля, если не считать утонченнаго искусства раскладывать товары въ витринахъ, не имѣетъ другихъ средствъ, какъ выставять подѣ всевозможными видами и по возможности чаще известныя слова передъ глазами покупателей. Это—объявленія, развѣшанныя по улицамъ и покрывающія грязными кучами тротуары наиболѣе посѣщаемыхъ кварталовъ; это—свѣтящіеся анонсы, постоянные или то потухающіе, то вспыхивающіе, бѣлые или разноцвѣтные, преслѣдующіе взоръ и мучающіе мозгъ; это—рекламы, разставленныя по полямъ, изображенныя на камняхъ и въ глубинѣ водъ, отраженныя въ облакахъ и уродующія лучшія мѣста земного шара; это—объявленія, которыя утравляютъ вѣсь нашихъ журналовъ, заполняютъ собой все съ первой до шестой страницы—а въ англійскихъ и американскихъ журналахъ еще гораздо больше—и раскрываютъ всѣ недобрыя инстинкты и всю скрытую глупость человѣчества. Реклама, наконецъ, увеличиваетъ въ огромной пропорціи работу всемірнаго почтоваго союза и незаконно доводитъ до тридцати и сорока миллиардовъ число ежегодныхъ пересылокъ ²⁾. Слѣдуетъ, говоря о меркантилизмѣ, упомянуть о городѣ Единбургѣ, гдѣ общественное благо-разуміе было достаточно сильно, чтобы заставить коммерсантовъ отказаться отъ попытокъ устроить свѣтящіеся объявленія, и съ благодар-

1) «Actes de la Conférence pour la revision du régime des spiritueux en Afrique, tenue à Bruxelles en 1899».—2) Въ 1901 году число почтовыхъ пакетовъ равнялось 30 миллиардамъ, и оно значительно растетъ съ каждымъ годомъ.

ностью подумать о тѣхъ изданіяхъ, небольшихъ еженедѣльныхъ журналахъ, трехъ или четырехъ обзорѣніяхъ, которыя порвали съ этой системой рекламъ и не строятъ своего благополучія на какихъ бы то ни было финансовыхъ комбинаціяхъ.

Благодаря этимъ безконечнымъ, бесполезнымъ, приносящимъ лишь вредъ предпріятіямъ, торговля «даетъ средства къ существованію» большому числу людей; но обществу было бы, конечно, выгоднѣе просто кормить ихъ даромъ, пока оно не сумѣетъ примѣнить ихъ силы къ дѣлу обработки почвы. Именно подъ условіемъ освобожденія человѣчества отъ этого сора реформаторы и утописты могли обѣщать не требовать отъ взрослого члена будущаго общества болѣе трехъ или четырехъ часовъ каждаго ежедневнаго интеллигентнаго труда.

Теперь цифру торговыхъ сдѣлокъ въ каждой странѣ принимаютъ за показатель ея благосостоянія. Обратная точка зрѣнія была бы болѣе логична: чѣмъ лучше земля обрабатывается ея обитателями, тѣмъ меньше нужды вывозить продукты; чѣмъ лучше ведется работа на заводахъ, тѣмъ меньше становится обмѣнъ товаровъ. Въмѣсто того, чтобы смотрѣть на торговлю какъ на фетишъ, слѣдовало бы каждой отдѣльной группѣ людей изучить, какъ было бы лучше примѣнить свои собственные силы и природныя богатства, которыми они располагаютъ, и затѣмъ благоразумно распредѣлить эти силы между земледѣліемъ, промышленностью и торговлей.

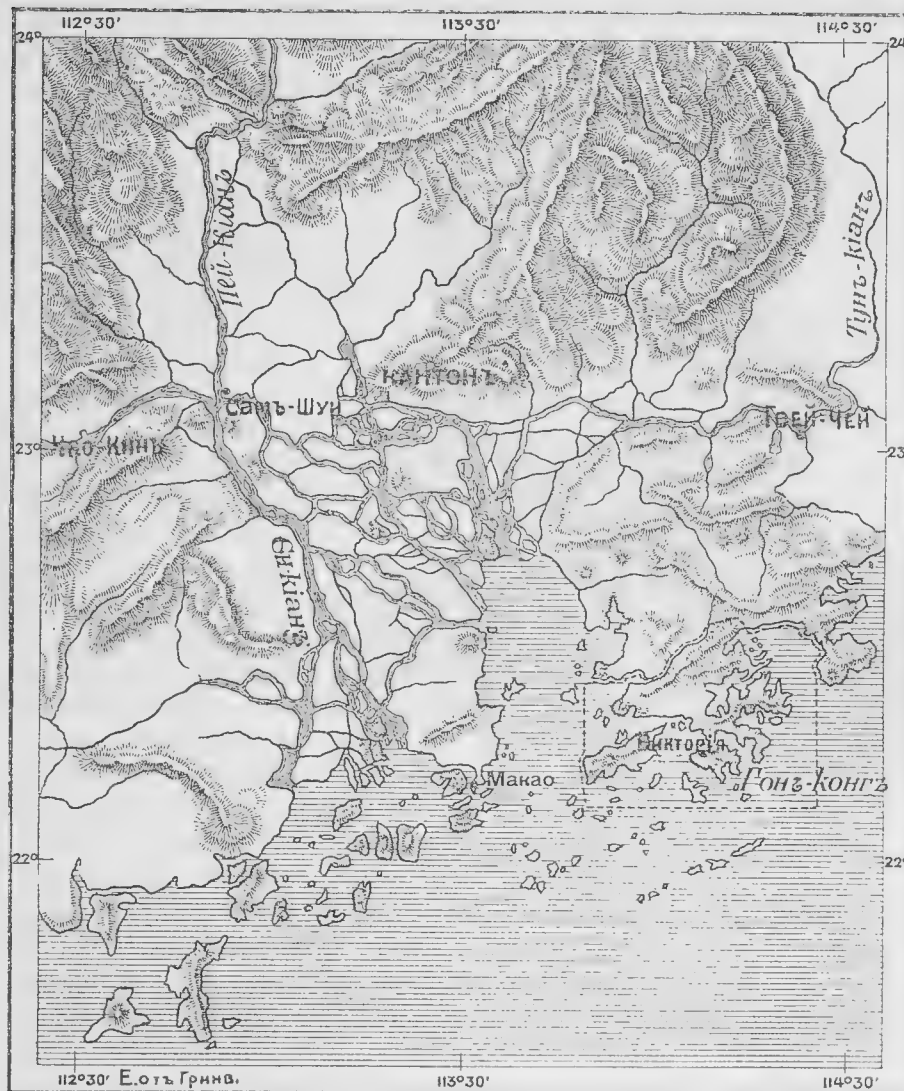
Конечно, удачная торговля внушаетъ всѣмъ уваженіе къ торговцу, но все же еще въ силѣ остается нѣкоторый слѣдъ древней морали, запрещавшей брату торговаться съ братомъ, гражданину обмѣниваться съ согражданиномъ, и въ глубинѣ души все же чувствуется непріязнь ко всѣмъ этимъ операціямъ. А потому понятно, что охотно находятъ какую-нибудь жертву, какого-нибудь козла отпущенія за грѣхи всего народа, какъ цѣкогда козла Азазела, изгонявнагося евреями въ пустыню. Этимъ козломъ является иностранецъ; къ обвиненію его въ обманъ можно прибавить всѣ тѣ обвиненія, которыя [вѣками накапливаются противъ всѣхъ людей, рожденныхъ по ту сторону горизонта. Поскольку въ этомъ иностранцѣ нуждаются,—вѣдь онъ бываетъ дѣйствительно незамѣнимъ въ той или другой отрасли промышленности и торговли,—стараются быть къ нему терпимыми, но лишь только онъ перестаетъ быть необходимымъ, его презираютъ, преслѣдуютъ или даже изгоняютъ и казнятъ. Во время франко-прусской войны всѣ рожденные по ту сторону Рейна были грубо высланы изъ Франціи; но я зналъ одинъ городъ, откуда остерегались изгнать нѣмецкаго пирожника, признаннаго незамѣнимымъ для тонкихъ обѣдовъ буржуазіи. Ворча про себя, ему позволяли даже громко высказывать свою радость по поводу пораженій Франціи.

Такъ же поступаютъ народы Европы съ цыганами, этими потомками индусской касты, нѣкогда бродившей изъ деревни въ деревню, съ ярмарки на ярмарку, мѣняя лошадей, лудя кастрюли, продавая лѣкарственные травы, предсказывая людямъ судьбу. И пока эти бродяги были всѣхъ искуснѣй въ этихъ различныхъ занятіяхъ, легко можно было примириться съ ихъ странствованіями и короткими пребываніями на ярмаркахъ или въ сосѣдней степи, но лишь только среди мѣстныхъ жителей появилась толпа собственныхъ барышниковъ, лудильщиковъ, лѣкарей, колдуновъ, тотчасъ же бродячіе цыгане были обвинены во всевозможныхъ преступленіяхъ; въ нихъ видѣли теперь конокрадовъ и, въ особенности, похитителей женщинъ и дѣтей. Презираемые и поносимые, прогнанные изъ деревенскихъ общинъ и загнанные въ города и пригороды, они должны были, подѣ страхомъ голодной смерти, постараться разсѣяться и затеряться среди пролетаріата. Притомъ ихъ считали за нѣчто столь ничтожное, что, казалось, для нихъ не было и закона; ихъ сажали въ тюрьмы и высылали административнымъ порядкомъ; многіе изъ нихъ, во время второй имперіи, во Франціи, были, такимъ образомъ, переселены въ Гвіану, откуда они такъ и не вернулись. Въ восточной же Европѣ съ ними вынуждены были, по крайней мѣрѣ, считаться, по причинѣ ихъ значительнаго количества: такъ, въ Венгріи, гдѣ ихъ почти сто тысячъ, и гдѣ они, благодаря своему музыкальному таланту, являются совершенно незамѣнимыми на всѣхъ свадьбахъ и деревенскихъ праздникахъ, ихъ силой прикрѣпили къ землѣ, давъ имъ участки въ собственность, и они кончили тѣмъ, что принялись обрабатывать ее, подобно своимъ сосѣдямъ другихъ расъ.

Еврей также принадлежитъ къ тѣмъ инородцамъ, которыхъ ненавидятъ не за какіе-нибудь недостатки, которые были бы чужды многимъ аріицамъ Европы, Азии и Америки, а именно за тѣ пороки, которые послѣдніе раздѣляютъ съ ними всецѣло. Евреевъ обвиняютъ въ чрезмѣрной страсти къ деньгамъ и въ низкихъ способахъ ихъ пріобрѣтенія. Развѣ въ этомъ нельзя обвинять также и всѣхъ тѣхъ, къ какой бы расѣ и къ какой бы религіи они ни принадлежали, кто обвѣшиваетъ и продаетъ испорченные товары,—всѣхъ тѣхъ, кто переноситъ отъ своихъ господъ, платящихъ имъ, оскорбленія или, по крайней мѣрѣ, презрительное отношеніе,—всѣхъ тѣхъ, кто въ крови и въ грязи собираетъ деньги? Таковыхъ легіоны! Даже то воспитаніе, которое почти повсемѣстно получаетъ молодежь, состоитъ въ постоянномъ внушеніи, что нужно-де стремиться къ успѣху, во что бы то ни стало. И если въ конкуренціи еврей счастливѣе такъ называемаго христіанина, то не ненавидитъ ли его послѣдній потому, что повинуется чувству рабской зависти? Еврею ставятъ въ вину заодно и его личныя низости и тѣ, которыя совершаютъ всѣ другіе, стараясь обогнать его по пути къ успѣху.

Ненависть толпы отличаетъ евреевъ отъ другихъ гражданъ или

№ 582. Гонгъ-конгъ и Кантонъ.

1 : 2 000 000

0 25 50 100 Килом.

Въ 1905 г., 8555 судовъ вмѣстимостью въ общемъ въ 9863325 тоннъ вошли въ Гонгъ-конгъ. Прибавивъ сюда каботажъ (16709 джонокъ и 900 пароходовъ), мы получимъ 11328015 тоннъ. Для Кантона у насъ нѣтъ, конечно, статистическихъ данныхъ. Англійская территорія обозначена пунктиромъ.

подданныхъ страны по нѣкоторымъ яснымъ признакамъ. Въдѣ дѣйстви-

тельно, хотя у евреевъ нѣтъ собственной общей территоріи, какъ нѣтъ и общаго всѣмъ имъ языка, все же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они составляютъ одну націю; въ нихъ живо сознаніе общаго прошлаго, полнаго радостей и страданій, общихъ традицій и вѣры, болѣе или

Бѣлый еврей, купецъ, съ Малабарскаго берега.

менѣ иллюзорной, въ общность происхожденія. Объединенныя именемъ, они какъ бы образуютъ особую, если не національную, то религіозную группу въ средѣ другихъ людей. Отъ Китая до Калифорніи, отъ Эіопіи до Англіи и Марокко у нихъ существуетъ известная солидарность. Но различія между отдѣльными центрами ихъ жительства—Польшей, Палестиной, Македоніей, Голландіей—весьма значительны. Сколько странъ, столько же и различныхъ языковъ, и едва ли одинъ еврей на сто знаетъ тотъ языкъ, на которомъ написаны священныя книги. Евреи

подчиняются въ различныхъ странахъ самымъ различнымъ правительствамъ; въ однихъ они принимаютъ участіе въ политической жизни, въ другихъ они совершенно исключены изъ нея; наконецъ, что бы ни говорили, они принадлежатъ часто къ самымъ различнымъ націямъ. Тамъ гдѣ у нихъ нѣтъ больше общей вѣры и экономической солидарности, національная связь тоже порывается. Прежде ихъ дѣлалъ евреями религіозный прозелитизмъ; теперь они индифферентны къ вопросамъ вѣры; онъ ихъ не объединяетъ больше. Въ нашемъ современномъ обществѣ очень многіе, по рожденію евреи, перестаютъ быть ими.

Не обращая вниманія ни на субъективныя впечатлѣнія путешественниковъ, ни на болѣе или менѣе точныя сообщенія самихъ евреевъ, ослѣпленныхъ націонализмомъ, современные этнологи изучаютъ черепа и

другіе антропологическіе признаки такъ называемыхъ израильтянъ различныхъ областей. И вотъ, оказывается, что голова только тѣхъ евреевъ похожа именно на голову арабовъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. на семитовъ *par excellence*, которые находятся на Аравійскомъ полуостровѣ и въ сосѣднихъ обла-

стяхъ, именно на сѣверѣ Африки. Дѣйствительно, арабы по своему типу приближаются къ негроподобнымъ, такъ какъ задняя часть ихъ черена сильно развита. Съ другой стороны, евреи на Кавказѣ почти всѣ брахицефалы, и ихъ средній показатель колеблется отъ 80 до 83; значитъ, ихъ типъ похожъ здѣсь на типъ народовъ, среди которыхъ они живутъ (иновъ). То же самое повторяется и во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ встрѣчаются евреи. Еврей въ Польшѣ имѣетъ голову поляка, въ Португаліи — голову португальца. Даже ни орлиная форма носа, ко-

Черный еврей, рабочій, съ Малабарскаго берега.

торая обыкновенно считается признакомъ еврея, ни изогнутыя, похожія на цифру 6 носовыя крылья встрѣчаются у представителей религіи Моисея не чаще, чѣмъ у ихъ сосѣдей ¹⁾.

Но, тѣмъ не менѣе, различія все же есть, и не только физическія, но и моральныя. Они не представляютъ собою того большого значенія, какое имъ часто приписываютъ, но разъ они существуютъ, то существуетъ и естественная тенденція ихъ преувеличивать. Вопросъ для насъ заключается въ томъ; зависятъ ли эти различія отъ расы, или же ихъ можно объяснить экономическими условіями. Такъ,

¹⁾ Meyer, Kopernicki; William Ripley, «Racial Geographie of Europe, Appleton Science Monthly», 1898 и 1899.

евреи почти всегда ниже ростомъ, чѣмъ народы, среди которыхъ они живутъ. Но развѣ ростъ не находится въ прямомъ соотношеніи съ благосостояніемъ, и развѣ не наблюдаются тѣ же различія въ ростѣ между отдѣльными группами одной націи въ зависимости отъ условій суще-

ствованія? Такъ, въ Англіи разбогатѣвшія еврейскія семьи, пользовавшіяся благосостояніемъ въ теченіе многихъ поколѣній, ускользнули отъ этого пресловутаго закона низкаго роста, и никто не утверждаетъ, чтобы въ этомъ отношеніи они отличались отъ англичанъ-христіанъ. Бѣдные же евреи не только ниже средняго, нормальнаго роста, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вмѣстимость ихъ легкихъ очень мала, а объемъ ихъ груди не достигаетъ средней нормы; очевидно, эти органическіе недостатки обязаны своимъ происхожденіемъ недостаточному питанію многихъ поколѣній; но, съ другой стороны, евреи, приученные къ вынужденному воздержанію, извлекли изъ этого вы-

Арабская женщина изъ Эль Голеи.

годную способность легко приспособляться къ средѣ, и они живутъ значительно дольше, чѣмъ ихъ сосѣди. На 100 американцевъ 50 не достигаютъ 47 лѣтъ, въ то время какъ половина всѣхъ евреевъ въ Соединенныхъ Штатахъ доживаетъ до 71 года; на 1000 американскихъ дѣтей 453 умираетъ, не достигши семилѣтняго возраста; еврейскихъ же—только 217.

Фактъ несомнѣненъ: 2000 евреевъ, которыхъ подвергалъ измѣренію Риплей, представляли не семитическій типъ, приближающійся къ арабамъ, но типы тѣхъ народовъ, среди которыхъ они жили, и съ которыми они физически смѣшались. Поэтому, конечно, невозможно говорить объ евреяхъ какъ объ особомъ народѣ чистой расы и проти-

вопоставлять ихъ, какъ «семитовъ», мнимымъ «арійцамъ», представленнымъ европейцами Запада и Востока. Въ эпоху религіознаго рвенія, когда поклонники Единого Бога проповѣдывали со страстью и энтузіазмомъ свою вѣру, часто бывали увлечены цѣлыя толпы, и онѣ вносили новые этнические элементы въ среду вѣрующихъ. Такъ, на-примѣръ, армяне, слѣдуя своему царю, массами переходили въ вѣру евреевъ, съ которыми они имѣли, впрочемъ, много общаго по своимъ привычкамъ номадовъ и любви къ торговлѣ. Позже сотнями тысячъ другихъ «евреевъ» явились не кто иные, какъ хозары, жившіе по Дону, Волгѣ и Днѣпру, обращенные въ Моисееву вѣру, которая оспаривала тогда владычество надъ восточной Европой у Ислама и христіанскихъ культовъ. Точно такъ же массовыя обращенія въ еврейскую религію происходили въ Мавританіи; что же касается отдѣльныхъ переходовъ, то они не прекращались все время,

Представитель племени шамба изъ Эль-Голеи.

даже въ эпохи преслѣдовацій; еще въ наши дни, въ періодъ полнаго индифферентизма, можно было бы указать нѣсколько обращеній. Дѣйствительно, демократическій, народный характеръ іудейства придалъ ему эту силу притяженія, которой онъ всегда обладалъ, несмотря на преслѣдовавшую его ненависть. Извѣстно, что въ восьмомъ столѣтіи вавилонскіе евреи, возмущившись противъ священниковъ, желавшихъ свои личныя мнѣнія выдать за божественныя откровенія, основали независимую секту карамитовъ, которые энергично отстаивали свое право на самостоятельное, независимое изученіе и толкованіе. И въ этомъ отношеніи всѣ еврейскія синагоги, за исключеніемъ лишь погрязшихъ въ бездѣйствіи,

нѣсколько напоминаютъ караимовъ. Связь евреевъ между собою во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ міра поддерживалась благодаря сравнительно незначительной роли, которую играли у нихъ священники. Въ раввинахъ мало элементовъ священнаго; они, скорѣе, «первые среди равныхъ». Въ результатѣ этого, нація въ своемъ цѣломъ могла сохранить свою гибкость и эластичность, приспособляться къ измѣнчивой средѣ,—жить, наконецъ. Засушенные священниками въ неизмѣнной доктринѣ и тактикѣ, они не пережили бы тяжелыхъ дней средневѣковья ¹⁾.

Объединенные религіей въ одну полу-кочевую націю, имѣющую во всѣхъ центрахъ цивилизованнаго міра мѣста своего пребыванія, евреи были сохранены и, такъ сказать, скованы, спаяны экономическими условіями. Уже одинъ тотъ фактъ, что, несмотря на различіе своего происхожденія, они носили одно имя, участвовали въ общихъ церемоніяхъ, проявляли въ своихъ сношеніяхъ одинъ и тѣ же привычки и выказывали себя солидарными передъ лицомъ другихъ націй, въ концѣ концовъ, привелъ къ тому, что образовался одинаковый характеръ у всѣхъ, именующихъ себя братьями по Израилю: изъ первоначальнаго различія искусственно создано подобіе единства. Кроме того, надо принять въ соображеніе происхожденіе и развитіе особаго профессиональнаго типа евреевъ, образовавшагося постепенно вслѣдствіе постоянныхъ однихъ и тѣхъ же занятій, къ которымъ ихъ принуждали окружающія условія. Повсюду, гдѣ они появлялись, мѣстное, господствующее населеніе относилось къ нимъ съ подозрѣніемъ какъ къ инородцамъ, и они добровольно оставались въ городахъ, гдѣ они находили болѣе благопріятныя условія для занятій своими ремеслами, и гдѣ они въ то же время имѣли больше шансовъ ускользнуть отъ грубыхъ проявленій пародной ненависти.

Земледѣліе, фактически или же въ силу закона, было для нихъ недоступно, и изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ продолженіе вѣковъ, они отучались отъ той культуры земли, которой нѣкогда занимались въ долинахъ Земли Обѣтованной ихъ предки, благословенные израильтяне. Теперь для нихъ главнымъ занятіемъ стало то, которое они переняли отъ финикійцевъ во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря: они способствовали передвиженію имуществъ, облегчая сдѣлки; они брали и давали въ долгъ подъ проценты, служили посредниками и банкирами для христіанъ, которымъ нужно было скрыть свое имущество отъ притязаній правительства и отъ жадности сеньоровъ и духовенства. Многие же евреи, не обладавшіе достаточными средствами, чтобы вести, такимъ образомъ, дѣла другихъ, прибѣгали къ ремеслу ювелировъ и мѣняль,—занятіе, которое было почти невозможно для осѣдлыхъ христіанъ, такъ какъ

1) Chmerkin, «Conséquences de l'antisémitisme en Russie».

для перевозки монетъ и драгоценныхъ матерій было необходимо поддерживать сношенія съ доверенными людьми во всѣхъ иностранныхъ государствахъ. Одни евреи пользовались этой привилегіей, которую обезпечивалъ имъ ихъ космополитизмъ. Что же касается большинства еврейскаго населенія, то ему нужно было всячески ухищряться, чтобы жить, въ особенности, прибѣгая къ тѣмъ ремесламъ, которыми можно заниматься дома, дабы избѣжать ругани и обидъ. Но доходъ отъ этихъ мелкихъ работъ очень невеликъ, и борьба за жизнь была бы чрезвычайно трудна для европейскаго пролетаріата, если бы избытокъ несчастій не принудилъ его къ взаимной солидарности.

Незначительное число ремеслъ и профессій, которыми занимались евреи, и, въ особенности, та крупная роль, которую играла въ ихъ жизни денежная торговля, конечно, много способствовали образованію особаго еврейскаго типа, позволяющаго часто легко отличить еврея отъ другихъ этническихъ и социальныхъ элементовъ. Профессиональная мораль, живущая въ умахъ многихъ поколѣній и постепенно укрѣпляющаяся все больше и больше, переходя отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку, не будучи умѣряема какой-нибудь другой профессиональной моралью, паложилъ, въ концѣ концовъ, свою неизгладимую печать ¹⁾; постоянное стремленіе къ барышу стало проглядывать, наконецъ, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ выраженіи лица и движеніи тѣла бѣднака-еврея. Милліоны каррикатуръ изображаютъ еврея съ протянутыми руками, изогнутой спиной, коварной улыбкой и посомъ лживой птицы; но это вовсе не расовый типъ; здѣсь слѣдуетъ видѣть временное уклоненіе, ктому суждено исчезнуть вмѣстѣ съ породившими его причинами, то-есть, съ условіями собственности и коммерческой конкуренціи. «Это гетто—повторяли часто,—это гетто создало еврея»! Открывая рѣшетку проклятаго мѣста, еврея уже на половину превращаютъ въ обыкновеннаго человѣка.

Но легко понять, что, сдѣлавшись болѣе свободнымъ или достигнувъ даже положенія гражданина и ставъ въ тѣ же условія, какъ и люди другихъ культовъ, еврей все же стремится освободиться отъ того позора, который всегда лежитъ на вольноотпущенникахъ. Въ то время, какъ еврейская масса лишь приспосаблиется по возможности лучше къ условіямъ и надѣется на «терпѣніе и время», ея высшіе представители, разные несомнѣнные потомки банкировъ, еврейскихъ раввиновъ, позорнымъ образомъ стараются затереться среди христіанъ, заставить позабыть свое происхожденіе; но нѣкоторые, болѣе благороднаго характера, остаются преданными своему прошлому, гордо произносятъ свое имя, чтутъ преданія отцовъ и даже провозглашаютъ

1) Ed. Hartmann, «Das Judenthum».

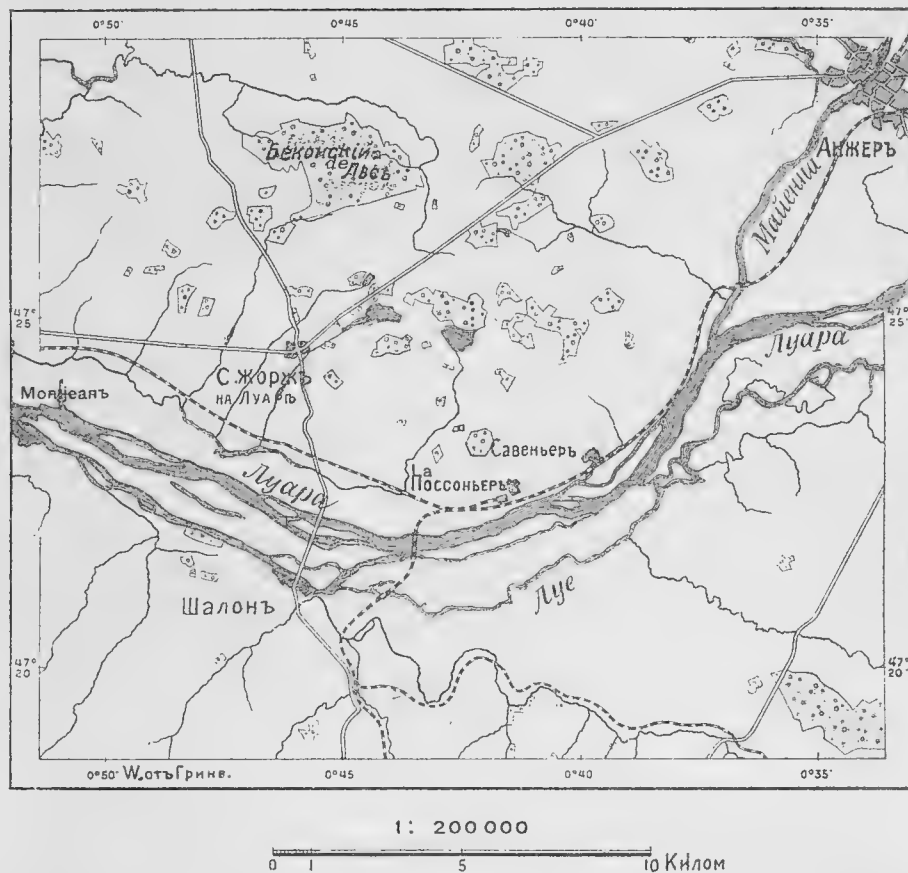
себя еще приверженцами древней религіи, хотя и перестали вѣрить. Многіе изъ этихъ евреевъ слишкомъ горячіе патріоты, чтобы чувствовать себя солидарными съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ людей своей расы, мечтали даже создать себѣ настоящую, реальную родину, съ особыми границами и законами. А какая страна годится лучше для отечества евреевъ, какъ не Іудея, «Земля Обѣтованная», гдѣ нѣкогда высплсся храмъ Соломона, и гдѣ каждая скала, каждая роща маслинъ, каждый колодезь носятъ священное имя. Правда, эта Святая Земля не въ ихъ распоряженіи, и, чтобы вступить въ нее, надо униженно просить разрѣшенія у иностраннаго владыки, у человѣка враждебной религіи. Но кто знаетъ? Развѣ евреи не народъ чудесъ, и неужели Богъ, который ихъ ведетъ, не имѣетъ уже мощи въ десницѣ своей?

Въ теченіе всего времени послѣ великаго разгрома евреевъ римскими войсками въ Палестинѣ оставалось нѣкоторое количество представителей прежняго населенія, хотя бы отчасти фанатиковъ, прятавшихся въ пещерахъ или развалинахъ, хотя бы несчастныхъ, жившихъ грабежомъ и нищенствомъ. Благодаря возстановленію режима мирнаго сожительства культовъ, число евреевъ, привлеченныхъ обратно на старую родину очарованіемъ святого мѣста, стало довольно значительнымъ. Въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія ихъ насчитывали до двадцати тысячъ въ Іерусалимѣ и вдвое вообще въ предѣлахъ древней Святой Земли. Но огромное большинство этихъ евреевъ было не болѣе какъ жалкіе паразиты, воображавшіе, что ихъ молитвы и причитанія даютъ имъ право жить на счетъ всѣхъ вѣрующихъ міра. Они какъ должнаго требуютъ своего чадука, то-есть собранной въ городахъ Европы милостыни, и, когда нѣкоторые новаторы хотѣли употребить эту милостыню на поощреніе труда, а не на развитіе лѣности, святое населеніе подняло вопль негодованія.

Два класса евреевъ противятся идеѣ реставраціи израильскаго народа путемъ эмиграціи въ Палестину: евреи, окончательно обевропеизировавшіеся, которые не говорятъ по-еврейски, которые не знаютъ даже еврейско-нѣмецкаго жаргона и не думаютъ по-еврейски, и тѣ особенно «благочестивые», хасидисты, которые не соглашаются ни за какую цѣну признать въ ихъ «Святой Землѣ» господство нечестиваго владыки, и которые войдутъ въ страну, обѣщанную имъ Предвѣчнымъ, лишь со своимъ Мессіей, судьей живыхъ и мертвыхъ. Изъ этихъ противоположныхъ группъ одни уже болѣе не являются истинными евреями, другіе же впадаютъ въ другую крайность и не желаютъ мало-душно приспособляться къ міру, какимъ его сдѣлали язычники. Но между этими двумя крайними группами есть мѣсто и для «оппортунистовъ», которые согласны вступить въ землю предковъ, испросивъ на то разрѣшеніе у султана и отдавъ себя подъ покровительство

европейскихъ консуловъ. Впрочемъ, здѣсь возникаетъ вопросъ, въ высшей степени интересный въ экономическомъ и социальномъ отношеніи, а именно: дѣйствительно ли евреи, которые испоконъ вѣковъ занимаются мелкой

№ 583. Работы на судоходной Луарѣ.

Работы, произведенныя съ іюля 1904 по октябрь 1907 года между устьемъ Майенны и Монжааномъ (24 километра), дали русло глубиною въ 1,4 метра, при низкомъ уровнѣ воды, тогда какъ прежде здѣсь находились многочисленные пороги, покрытые водою всего лишь на нѣсколько сантиметровъ. Установка береговыхъ укрѣпленій и прорытіе канала по рукаву Гильметты, мимо Савеньера, а затѣмъ ниже желѣзнодорожнаго моста, по шалонскому рукаву, — всѣ эти работы обошлись всего лишь 1.160.000 франковъ. Ниже Поссоньера сѣверный рукавъ получалъ 80—85% всей массы воды Луары, но присутствіе на южномъ рукавѣ антрацитовыхъ копей и печей для обжиганія известняковъ побудили провести судоходный каналъ по южному рукаву.

торговлей, скупкой и перепродажей поддержанныхъ вещей, отдѣлкой драгоценныхъ металловъ, способны снова приняться за дѣятельность своихъ предковъ — воздѣлывать поля, разводить виноградники и маслины? Установилось мнѣніе, что такое превращеніе невозможно; но евреи желали доказать на дѣлѣ, что они могутъ возродить изъ глубины вѣковъ

быть своихъ предковъ. Вотъ причина, давшая толчокъ хъ основанію еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ окрестностяхъ Яффы, въ Галилеѣ и даже по ту сторону Іордана.

Движеніе началось съ покупки сада на средства одного еврей-милліонера. Затѣмъ всемірный Еврейскій союзъ основалъ въ 1860 году земледѣльческую школу, а разные крупные банкиры, — въ томъ числѣ и тотъ, котораго легкомысленные политики часто склоняли къ тщеславной идеѣ выкупа Палестины у турецкаго султана и основанія въ ней самостоятельнаго государства, — закупили годныя для пахоты земли въ наиболѣе благопріятныхъ мѣстностяхъ. Въ 1891 году въ Палестинѣ существовали уже 24 еврейскія колоніи, занимавшія въ совокупности площадь земли въ 25000 гектаровъ; обрабатывались эти земли руками двухъ тысячъ земледѣльцевъ-евреевъ, не считая туземныхъ рабочихъ. Нѣкоторыя такія учрежденія дѣйствительно достигли известной степени процвѣтанія, и задача, казалось, была уже рѣшена, особенно для интеллигентныхъ колонистовъ, вышедшихъ изъ русскихъ университетовъ, которые видѣли въ эксплуатаціи почвы дѣйствительно научную задачу. Въ настоящее время всѣ сіонистскія колоніи, за исключеніемъ одной, основаны на принципѣ частной собственности.

Подобные же опыты были произведены и въ Македоніи. Въ своей книгѣ о «Современномъ эллинизмѣ» Викторъ Берардъ говоритъ о еврейской общинѣ въ Касторіи, которая, подъ давленіемъ обстоятельствъ, именно въ силу измѣненія въ направленіяхъ торговыхъ путей, ведущихъ въ Салоники, должна была заняться непосредственной эксплуатаціей почвы, которую навязывали ей колебанія въ процентной стоимости земель. Но культура, которою занимались евреи Касторіи, имѣющіе то же испанское происхожденіе, что и салоницкіе, сводится, главнымъ образомъ, къ огородничеству или разведенію плодовыхъ садовъ; такія работы требуютъ большей систематичности и кропотливаго ухода, нежели земледѣліе въ собственномъ смыслѣ слова; объ этихъ евреяхъ можно сказать, что и въ данной, новой для нихъ сферѣ дѣятельности они остаются такими же аккуратными ремесленниками, какъ и въ остальныхъ ¹⁾. Колоніи евреевъ-эмигрантовъ, которымъ отвели значительное количество земли въ Винлэндѣ, на полуостровѣ Нью-Джерси, омываемомъ съ юга волнами Делаварскаго залива, также приобрѣли большую известность на рынкѣ сосѣднихъ крупныхъ центровъ превосходными сортами своей клубники, смородины, черники и другихъ ягодъ; тысячи еврейскихъ семействъ въ этомъ округѣ занимаются этой отраслью садоводства, которую по качеству получаемыхъ результатовъ можно было бы сравнить съ другимъ родомъ еврейской промышленности, а именно съ

1) Victor Bérard, «La Turquie et l'Hellenisme contemporain».

ТАМОЖЕННЫЕ ТАРИФЫ И ПОДВОДНЫЕ КАБЕЛИ.

- Среднее отклонение между таможенными сборами и относительную величину товаров.
- Меньше 5% от 5 до 10% от 10 до 20% от 20 до 30% больше 30%
- Кабели, принадлежащие английским компаниям.
- Кабели, принадлежащие другим компаниям.

Море, недоступно для плавания в течение года.

Море, всегда свободное от льдов.

тонкой ювелирной работой. Подобныя же наблюденія были сдѣланы надъ колоніями эмигрантовъ семитическаго происхожденія, утвердившимся на территоріи Аргентинской республики.

Въ своемъ постоянномъ движеніи и быстрыхъ видоизмѣненіяхъ современное общество представляетъ теперь смѣсь разнородныхъ пережитковъ старыхъ формъ и видовъ промышленности и торговли. Въ различныхъ мѣстахъ можно замѣтить всѣ сложившіяся вѣками формы производства, потребления и обмѣна. Весьма вѣроятно, что можно еще встрѣтить тотъ своеобразный видъ обмѣна, который совершался на лѣсныхъ опушкахъ и на отлогихъ берегахъ между врагами, прятавшимися другъ отъ друга: ночью производители клали свои предназначенные для продажи предметы гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, а на слѣдующую ночь они приходили снова за тѣмъ, что покупатели оставили взаменъ товара. Быть-можетъ, этотъ обычай исчезъ уже на островѣ Цейлонѣ, этой классической нѣкогда мѣстности, которая неизмѣнно упоминается въ любомъ трудѣ по политической экономіи. Но если ведды дошли уже до практикуемыхъ теперь приѣмовъ купли-продажи подъ давленіемъ народовъ, оказывающихъ на нихъ свое вліяніе, какъ-то: индусовъ, дравидовъ и европейцевъ—голландцевъ, англичанъ и шотландцевъ,—то робкія карликовыя племена африканскихъ лѣсовъ все еще живутъ въ мірѣ примитивныхъ образовъ и впечатлѣній, который кладетъ пастолько рѣзкую грань между ними и другими чернокожими, что они не осмѣливаются завязывать съ послѣдними свободныхъ торговыхъ сношеній: принадлежа къ примитивной человѣческой расѣ, пигмеи охвачены безотчетнымъ страхомъ передъ существами, стоящими выше ихъ.

Неизмѣнно существуетъ также типъ мелкаго торговца, сидящаго на корточкахъ за лоткомъ, на которомъ лежатъ десятокъ-другой банановъ, миндаля, фисташки или раскрашенныя конфеты; такъ влачить онъ все свое существованіе, не имѣя на своемъ интеллектуальномъ кругозорѣ ничего, кромѣ горсти мѣдныхъ монетъ, которыя появляются у него въ рукахъ взаменъ его мелкаго товара. Этотъ видъ мелочной торговли представляетъ послѣднее звено цѣпи, на противоположномъ концѣ которой занимаетъ мѣсто міровая торговля: съ одной стороны, едва уловимыя нити, теряющіяся среди самыхъ низшихъ, убогихъ представителей человѣческаго рода, съ другой—громадная, мощная сѣть, охватывающая цѣлыя народы и раскидывающаяся съ каждой минутой все шире и шире посредствомъ тѣхъ силъ, которыя даютъ паръ, электричество и вся совокупность новѣйшихъ изобрѣтеній, надъ которыми неустанно работаетъ цѣлая армія физиковъ и химиковъ. Между указанными двумя крайними звеньями можно найти, правда, не безъ труда, полный рядъ переходныхъ ступеней; въ кажущемся на первый взглядъ

хаосъ взаимоотношеній при внимательномъ разсмотрѣніи начнетъ вырисовываться извѣстная правильность и послѣдовательность ступеней. Отсутствие солидарности интересовъ выражено настолько рѣзко, что отдѣльные классы дошли до желанія другъ другу всякихъ бѣдъ, надѣясь извлечь изъ этихъ неудачъ нѣкоторую выгоду для себя самихъ.

Человѣчество расчленено на враждебныя націи, которыя видятъ въ ненависти къ сосѣду проявленіе патріотическихъ чувствъ; но этого

Лондонъ, Royal Exchange.

Налѣво банкъ; направо дворецъ лордъ-мера.

мало: каждая нація, въ свою очередь, подраздѣлена на общественныя группы второго порядка, которыя охвачены «духомъ» взаимной отчужденности и непріязни. Солдаты настроены враждебно по отношенію къ буржуа, а этотъ послѣдній смотритъ съ презрѣніемъ на рабочаго. Одежда, занятія, традиціи, но прежде всего реальные интересы,—все это создаетъ атмосферу взаимнаго соперничанія и столкновеніе противоположныхъ тенденцій. Во имя частичной выгоды люди не останавливаются даже передъ желаніемъ общаго бѣдствія. Такъ, врачъ, могильщикъ желаютъ эпидеміи, несмотря на рискъ, самимъ сдѣлаться ея жертвой; военный мечаетъ о битвахъ, въ которыхъ его, быть-можетъ, ожидаетъ смерть, адвокатъ желаетъ судебныхъ процессовъ, а торговецъ спиртными напитками поощряетъ пьянство. Прибрежные жители, на обязанности которыхъ лежитъ содержаніе въ порядкѣ и ремонтъ береговыхъ защитныхъ плотинъ, радуются, когда буря разрушаетъ насыпи и гро-

зигъ потопить ихъ въ морскихъ волнахъ; вѣдь въ такихъ случаяхъ они получаютъ двойную плату; въ ихъ услугахъ нуждаются; они приобретаютъ тогда особое расположеніе и особую цѣнность въ глазахъ людей.

Нью-Йоркъ, Уолль-стрить.

А, между тѣмъ, въ этой сутолокѣ враждебныхъ элементовъ, стремящихся уничтожить другъ друга, чувствуется всеобщая тенденція къ объединенію, къ сліянію въ одно живое, гармоничное цѣлое, отдѣльныя части котораго будутъ находиться въ цѣлесообразной взаимной зависимости, и которое, въ концѣ концовъ, приведетъ къ объединенію даже враговъ, сдѣлавъ изъ cadaго торговца только уполномоченнаго для распредѣленія продуктовъ, которые проходятъ черезъ его руки, органъ,

функціонирующій въ унисонъ съ ритмомъ громаднaго цѣлаго,—всемирной ассоціаціей людей. Съ другой стороны, та небольшая кучка могущественныхъ лицъ, которыя думаютъ управлять всею колоссальною совокупностью процессовъ обмѣна, связаны безчисленными нитями съ милліонами людей, которые, въ силу самихъ условій своего существованія, вліяютъ опредѣляющимъ образомъ на коммерческія операціи, не взирая на «свободную волю» въ спекуляціяхъ, которую приписываютъ себѣ обладатели капиталовъ.

Все указываетъ на то, что мы находимся на пути къ созданію гармоничнаго общественнаго организма, въ которомъ каждая клѣточка сохраняла бы свою индивидуальность, сообразно свободному труду отдѣльной личности, гдѣ всѣ взаимно дополняли бы другъ друга, гдѣ работа каждаго была бы нужна для осуществленія общаго дѣла. Такой организмъ могъ бы функціонировать превосходно, если бы, въ силу все еще прочнаго пережитка, каждый не считалъ для себя обязательнымъ имѣть въ рукахъ значекъ, предоставляющій ему право на участіе въ потребленіи, т.-е. деньги, презрѣнный металлъ. «Купить», «продать»—вотъ слова, которыя все еще неизбѣжно присутствуютъ въ лексиконѣ всякаго вступающаго въ жизнь; но уже теперь нѣкоторые признаки даютъ намъ понять, что наступитъ день, когда эти слова будутъ совершенно упразднены. Свобода производства и равномерное для всѣхъ распределеніе—вотъ то, чего мы требуемъ отъ будущаго.

РЕЛИГИЯ и НАУКА

Новая сила явилась міру—
это знаніе числа и мѣры; она
несетъ съ собой большее ду-
шевное равновѣсіе.

Глава десятая.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО, ЗАТѢМЪ БОРЬБА МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И НАУКОЙ.—СТАТИСТИКА КУЛЬТОВЪ.—ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.—ХРИСТИАНСТВО, ИСЛАМЪ, БУДДИЗМЪ.—ПОСТЕПЕННОЕ ИЗГЛАЖИВАНІЕ ДОГМАТОВЪ.—ОБЪЕДИНЕНІЕ РЕАКЦІОННЫХЪ СИЛЪ ВОКРУГЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ТВЕРДЫНЪ.—МОНАХИ И МОНАХИНИ.—ЦЕРКОВЬ И ДЕНЬГИ.—МОГУЩЕСТВО НАУКИ.—ПОЗИТИВНОЕ ЗНАНІЕ И МИСТИЦИЗМЪ.—НАУКА И УЧЕНІЕ.

Эволюція, которая нынѣ совершается въ человѣчествѣ, создала рѣзкія несогласія, беспощадную войну между наукой, т.-е. объективнымъ исканіемъ истины, и той совокупностью чувствъ, вѣрованій и фетишистическихъ переживаній, которую называютъ религіей. Эта ожесточенная война, истребившая обширѣйшую литературу, является даже одной изъ самыхъ существенныхъ чертъ современной эпохи. Напрасно нѣкоторые теологи, занимающіеся въ то же время мірскими науками, протестуютъ

противъ такого порядка вещей, зачатокъ котораго былъ заложенъ—этого не слѣдовало бы имъ забывать—еще до грѣхопаденія, если придерживаться соотвѣтствующей главы Бытія. Религія запрещаетъ тамъ человѣку касаться плодовъ древа познанія, слишкомъ роскошнаго для насъ, а теперь наука, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ, что плоды религіи не насыщаютъ человѣка.

Однако, это непримиримое разногласіе, поддерживаемое съ той и съ другой стороны пламенными бойцами, является фактомъ сравнительно новымъ, ибо иѣкогда религія и наука, обѣ возникшія изъ стремленія познать причины вещей, составляли нѣчто слитное. Человѣкъ не можетъ допустить, чтобы онъ не понималъ явленій окружающаго его міра; онъ хочетъ, во что бы то ни стало, себѣ ихъ объяснить, но онъ не слишкомъ разборчивъ въ тѣхъ объясненіяхъ, какія ему преподносятъ, и довольствуется часто фразами, словами, лишенными смысла; поэтому, при самомъ возникновеніи науки къ ея погонѣ за истиной примѣшиваются ошибки или ишній балластъ ничего не значащихъ фразъ, а виновнымъ же является отецъ, который отвѣчаетъ, что попало, на «почему» своихъ дѣтей, или человѣкъ разума, ошибающійся иногда въ объясненіяхъ явленій окружающаго міра. И, тѣмъ не менѣе, и тотъ и другой были все же первыми учеными для болѣе невѣжественныхъ, чѣмъ они; у первобытныхъ же народовъ знахарь, шаманъ, магъ, или какъ бы его ни называли, является одновременно и паставникомъ и жрецомъ: эти двѣ роли у нихъ еще не разграничены. Тотъ, кто воспринимаетъ прямымъ наблюденіемъ окружающее, и кто облачаетъ въ реальную форму свои фантазіи, утверждаетъ одною и тою же рукою какъ истину, такъ и химеры.

Но развитіе знанія неизбежно должно было привести къ раздѣленію тѣхъ первоначально слитныхъ элементовъ, которые въ наше время называются религіей и наукой. Каждое открытіе вело къ борьбѣ между новымъ изобрѣтателемъ и древнимъ магомъ, за которымъ толпа признавала до тѣхъ поръ привилегію на знаніе. Революціонный новаторъ не могъ отказаться отъ пропаганды своей истины, и его рѣчи направляются противъ тѣхъ, кто въ своихъ поученіяхъ придерживался старыхъ формулъ; со своей стороны, консерваторъ, положенію и славѣ котораго угрожали нападки дерзкихъ, энергично защищалъ свои «прирожденные права» и пускалъ въ ходъ противъ своихъ враговъ всякое оружіе, какимъ онъ только располагалъ; въ особенности же то, которымъ онъ могъ подавить голосъ своихъ противниковъ. Это была безпощадная война между «истиной» вчерашняго и «истиной» завтрашняго дня. За первой была вся сила традицій; вокругъ второй объединялись смѣльчаки, отказывавшіеся идти по избитой дорогѣ,—и, такимъ образомъ, изъ вѣка въ вѣкъ, благодаря постояннымъ разногласіямъ, человѣчество всегда рас-

падалось на два класса. Рѣчь здѣсь идетъ не о тѣхъ классахъ, которые образовались на почвѣ борьбы изъ-за хлѣба, а о классахъ, возникшихъ на почвѣ различія взглядовъ на причину вещей; правда, въ большинствѣ случаевъ эта враждебность идей совпадала съ соперничествомъ матеріальныхъ интересовъ; но все же въ борьбѣ между теоріями старыми и теоріями новыми, являющимися въ болѣе свободной формѣ и подкрѣпленными болѣе или менѣе значительнымъ багажомъ новыхъ наблюдений истинъ, на первомъ планѣ стояли двигатели чисто-интеллектуальные и моральные.

Въ наши дни отмѣченный антагонизмъ принялъ иную форму и характеръ большей опредѣленности, чѣмъ это было прежде, потому что теперь враждуютъ не противоположныя вѣрованія, опирающіяся на божественную санкцію: теперь одна только религія провозглашаетъ себя посительницей неземныхъ истинъ въ то время, какъ наука, порвавъ связь человѣческаго познанія съ непознаваемымъ, ищетъ истину лишь путемъ наблюденія природы, провѣряя эти наблюденія опытами и строя на добытыхъ фактахъ гипотезу за гипотезой. Между этими двумя методами познанія нѣтъ, слѣдовательно, болѣе ничего общаго: одинъ получаетъ все безъ усилій ума, какъ простой даръ небесъ, а другой пріобрѣтаетъ свои плоды непрерывнымъ трудомъ, работой, которая прекращается только со смертью. Одинъ долженъ уступить другому, и можно даже уже предвидѣть, за кѣмъ останется побѣда. Еще недавно традиціи прошлаго, опираясь на велѣнія государства и заповѣди официальныхъ ученій, повсюду позволяли религіи занимать первое мѣсто, вполне законное въ глазахъ тѣхъ, кто во всемъ видѣлъ волю Творца, непрерывно дѣйствующую въ мірѣ. Но иначе обстоитъ дѣло въ гражданскомъ обществѣ, которое нынѣ научается управлять собою собственными силами, и которое должно поэтому опредѣлиться путемъ все болѣе и болѣе тѣснаго приспособленія къ условіямъ среды. Въ такомъ случаѣ, на долю знанія выпадаетъ первенствующая, исключительная роль въ дѣлѣ управленія людьми.

Прежде всего не слѣдуетъ придавать никакого значенія пресловутымъ статистическимъ даннымъ относительно числа послѣдователей различныхъ религій. Всѣ подобнаго рода исчисленія имѣли бы нѣкоторую цѣну лишь въ томъ случаѣ, если бы отдѣльныя личности действительно опрашивались опытнымъ психологами, а не подсчитывались бы цѣлыми милліонами на основаніи переписей гражданского населенія. Искренне исповѣдуетъ религію лишь тотъ, кто способенъ пострадать за нее. Вѣдь побудительной причиной къ одному словесному присоединенію къ какой-нибудь вѣрѣ можетъ быть и матеріальный интересъ и тщеславіе, или оно можетъ даже сопровождаться политическимъ равнодушіемъ и пренебреженіемъ къ религіи. Такъ, цыгане

во всѣхъ странахъ считаются принадлежащими къ господствующей религии, хотя они совершенно не знали бы ея догматовъ и не исполняли бы ея обрядовъ. Точно такъ же въ каждой націи огромное большинство, несмотря на ту религіозную печать, которую накладываютъ на человѣка окружающіе его вѣрующіе, живетъ безъ всякихъ личныхъ убѣжденій, безъ мыслей, безъ гипотезъ относительно таинственныхъ явленій міра и довольствуется лишь тѣми проявленіями дѣятельности своего ума, которыя безусловно необходимы для обычныхъ занятій повседневной жизни. Люди считаются католиками или протестантами, мусульманами, синтоистами или буддистами потому, что это принято въ той странѣ, гдѣ они живутъ. По невѣжеству однихъ или по небрежности другихъ они получаютъ религіозное наименованіе, которое имъ въ сущности не принадлежитъ. Такъ, обыкновенныя статистическія данныя объединяютъ и японцевъ, и китайцевъ, и аннамитовъ подъ общимъ названіемъ буддистовъ, которое къ нимъ совсѣмъ не подходитъ (A. Myrial).

По крайней мѣрѣ, въ Англіи, гдѣ религіозные вопросы занимаютъ немало умовъ, внѣ зависимости отъ политическихъ соображеній, по частной инициативѣ была собрана тщательная статистика средней посѣщаемости храмовъ всѣхъ религій и во всѣхъ городахъ. Общие выводы изъ этихъ точныхъ цифръ показываютъ съ несомнѣнностью, что число христіанъ или считающихъ себя таковыми очень значительно и составляетъ даже большую часть націи, такъ какъ къ той трети населенія, которая посѣщаетъ церкви, слѣдовало бы также прибавить дѣтей, стариковъ, больныхъ, плохо одѣтыхъ и голодныхъ, которые не осмѣливаются явиться въ столь величественное мѣсто, какъ храмъ съ его таинственными сводами и гулкимъ резонансомъ. Слѣдовательно, англійскіе христіане, прибѣгая къ преувеличеніямъ, могутъ сказать, что они представляютъ собою основу націи, и что эта основа въ большей своей части протестантская; но можно ли съ такимъ же основаніемъ отнести французовъ къ католическимъ націямъ? Становясь на другую точку зрѣнія, нельзя ли Францію назвать скорѣе «матерью революцій»? Какъ бы то ни было, у насъ нѣтъ данныхъ, которыя позволили бы намъ установить, въ какой мѣрѣ Франція осталась еще страной католической, сколько еще сохранилось въ ея національной жизни римскихъ, языческихъ пережитковъ или остатковъ вѣрованій друидовъ. Не извѣстна даже численность тѣхъ, кто выполнилъ всѣ формальности крещенія, и кто, такимъ образомъ, официально причисленъ къ членамъ церкви. Равнымъ образомъ, остается для насъ неизвѣстнымъ хотя бы приблизительное число тѣхъ католиковъ по рожденію, которые такъ или иначе принимаютъ участіе въ церковныхъ обрядахъ: исповѣдяхъ, молитвахъ, постахъ, посѣщеніяхъ церкви, — словомъ, тѣхъ, кто хотя бы какой-нибудь стороною своей жизни имѣетъ отношеніе къ церкви, считая сюда даже тѣхъ, кто

поджидаетъ на паперти выхода изъ храма дамъ. По мнѣнію церковныхъ оптимистовъ, именно архіепископа аннесійскаго, около десяти милліоновъ французовъ, т.-е. около четверти всего населенія, присоединяется къ католической церкви прямыми актами. Но эти цифры, несомнѣнно, преувеличены, такъ какъ, какъ бы ни были многочисленны и обширны наши церкви, все же ихъ недостаточно въ населенныхъ

Фрейбургъ, городъ въ Швейцаріи.

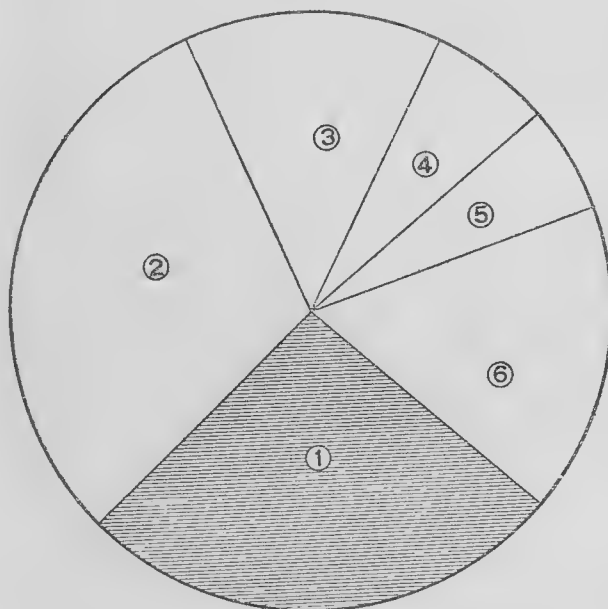
Нижняя часть города на р. Саринъ населена католиками, говорящими на нѣмецкомъ языкѣ; а верхняя—протестантами, говорящими на французскомъ языкѣ.

мѣстностяхъ, чтобы вмѣстить въ себя хотя бы десятую часть жителей,—напримѣръ, въ Парижѣ триста тысячъ человѣкъ,—а что касается деревень, то извѣстно, что тамъ церковныя службы посѣщаются чрезвычайно малымъ количествомъ людей: на тридцать тысячъ человѣкъ причащаются на страстной недѣлѣ въ коммунахъ въ окрестностяхъ Парижа двадцать-пять ¹⁾, и еще можно спросить себя, сколько лицъ изъ этихъ двадцати-пяти преклоняетъ колѣна изъ лицемѣрія или потому, что такъ принято въ ихъ средѣ.

Эти вопросы не рѣшены и во всѣхъ другихъ странахъ, Объ

1) G. de Rivalière, «Revue Bleue», 12 fév. 1898, p. 196.

Испаніи и Италіи, напримѣръ, говорятъ, что ихъ населеніе сплошь католическое, но на ряду съ этимъ утверждаютъ также, что одна часть населенія къ религіознымъ вопросамъ совершенно равнодушна, другая же, наоборотъ, погружена въ старый, доисторическій фанатизмъ, только съ поверхности принявшій христіанскую оболочку.

Распределение по главнымъ сектамъ англійскихъ христіанъ, принимавшихъ причастіе.

1 — католики, 2 — англиканцы, 3 — методисты, 4 — конгрегационалисты, 5 — баптисты, 6 — пресвитерианцы. Въ этой діаграммѣ распределено 72000000 человекъ, маленькія же секты здѣсь не представлены.

имѣютъ никакихъ основаній; эта часть христіанскаго міра должна ограничиться лишь первымъ [по числу послѣдователей мѣстомъ] среди другихъ христіанскихъ церквей; 250 [милліоновъ] человекъ, т.-е. одну седьмую часть всего человѣчества, можно причислить если не къ католикамъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, то къ тѣмъ, кто по религіозному и моральному воспитанію являлся, въ большей или меньшей степени, питомцемъ Святой Церкви.

Главныя религіи человѣческаго рода хотя и сильно перемѣшаны въ различныхъ странахъ, все же въ общемъ связаны съ условіями почвы и климата. Такъ, страны безъ географическаго единства, гдѣ отдѣльныя, маленькія народности представляютъ большое разнообразіе политическихъ организацій, являются въ то же время странами съ самыми разнообразными религіями — фетишистическими, анимистическими.

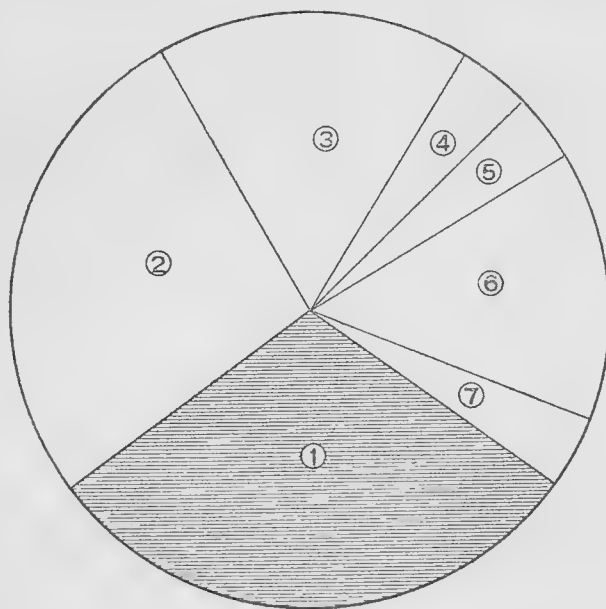
Сравнительно самыми полными данными блещутъ статистики автономныхъ колоній Англіи и статистики, издаваемые различными сектами Соединенныхъ Штатовъ, которыя, къ слову сказать, всегда стремятся завербовать возможно большее число послѣдователей; послѣдніе являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, добровольными жертвователями.

Какъ бы то ни было, претензіи римско-католической церкви именовать себя «міровой» или даже «великой» не

Такъ обстоитъ дѣло въ центральныхъ, не-мусульманскихъ частяхъ Африки. Восточная половина Азіи представляетъ собою обширную страну, въ которой населеніе придерживается вѣры въ безчисленное множество божествъ и духовъ,—вѣрованій, возникшихъ на роскошномъ полуостровѣ Индіи съ ея разнообразными и причудливыми растеніями, животными, съ ея

столь различными народностями, съ ея удивительными контрастами лѣсовъ и пустынь, горъ и долинъ. Но въ Китаѣ, Японіи и Аннамѣ религіи, тоже индусскаго происхожденія, носятъ особый характеръ, благодаря смѣшенію съ культомъ предковъ, благоговѣнно поддерживаемымъ мѣстными жителями. Подъ той же широтой, что и Индія, но съ совершенно инымъ климатомъ, безплодная Аравія—этотъ почти-что островъ—стала колыбелью религіи самой моноте-

истической и, слѣдовательно, наиболѣе далекой отъ индусскаго браминизма. Въ безконечной равнинѣ великой Россіи, окруженной частью морями, частью горами, господствующей религіей является православіе, одинъ изъ видовъ христіанства, а въ центральной и западной Европѣ господствуютъ другія формы той же вѣры, развившіяся изъ одного и того же ствола и давшія столь различныя исповѣданія, какъ римскій католицизмъ и протестантизмъ. Католики, болѣе живые, болѣе артисты, любящіе свѣтъ и шумъ,—это люди юга; протестанты, болѣе вдумчивые, болѣе медлительные, расчетливые,—это сѣверяне; но при такой характеристикѣ приходится считаться со многими исключеніями, объясняющимися для каждаго народа историческими причинами: завоеваніями, политическими конфликтами, особыми условіями соціальной среды.

Религіозный составъ населенія главныхъ англійскихъ колоній Канады, Капской земли, Австралазіи.

1—католики, 2—англиканцы, 3—методисты, 4—конгрегационалисты и лютеране, 5—баптисты, 6—пресвитеріанцы, 7—голландская церковь.

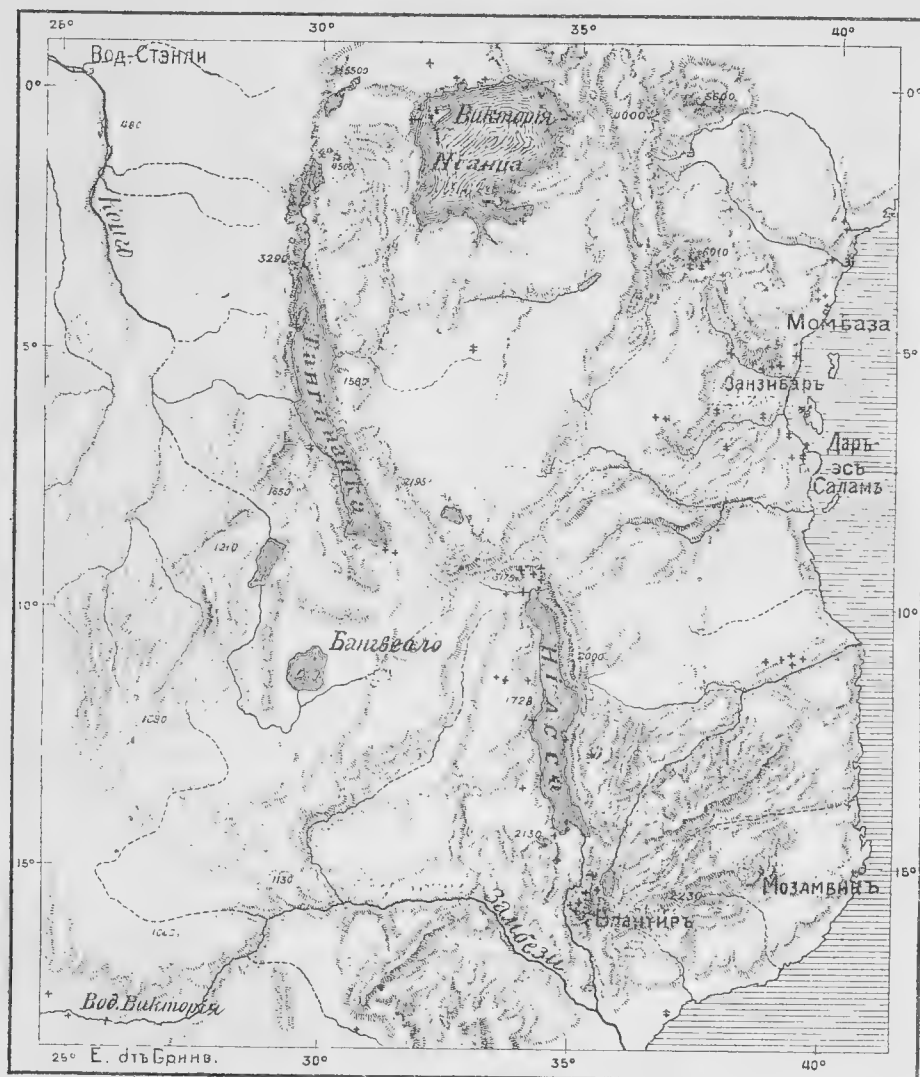
Въ этой діаграммѣ распределено 10500000 человекъ, т.-е. почти все населеніе перечисленныхъ странъ.

Въ своемъ стремительномъ распространеніи по всему міру западная цивилизація лишь въ очень слабой степени сопровождается официальными европейскими религіями; народы всѣхъ расъ, въ концѣ концовъ, принимаютъ промышленные приемы и логическія основы наукъ, приносимыя имъ европейцами, и если они не берутъ также ихъ религій, то это въ дѣйствительности происходитъ отъ того, что большинство изъ новопришедшихъ само не исповѣдуетъ серьезно своей религій: она для нихъ лишь приправа къ ихъ повседневной жизни. За исключеніемъ миссіонеровъ, лишь очень немногіе изъ европейцевъ дѣлаютъ хотя что-нибудь для пропаганды своей вѣры; серьезно они занимаются лишь своими дѣлами; если они даютъ себѣ трудъ исполнять обряды, то совершаютъ это съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Что же касается проповѣди миссіонеровъ, то она обыкновенно остается безуспѣшной; эти благородные люди—здѣсь идетъ рѣчь только объ искреннихъ проповѣдникахъ—либо дорожатъ точностью догматовъ и придерживаются въ своей проповѣди теологической терминологіи, традиціоннаго церковнаго языка и въ такомъ случаѣ остаются совершенно непонятными своимъ слушателямъ, привыкшимъ къ совсѣмъ иному способу выраженій, или же, наоборотъ, они стараются быть понятными, приспосабливаются къ образу мыслей туземцевъ и, въ концѣ концовъ, сами начинаютъ походить на послѣднихъ какъ въ моральномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Отъ бывшей религій у нихъ остается лишь форма, въ которую они укладываютъ воззрѣнія своихъ новыхъ друзей и товарищей; они продолжаютъ проповѣдывать, но, собственно, обращаются-то они сами, впрочемъ, сами того не сознавая. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительно чтеніе миссіонерскихъ журналовъ, «Annales de la Propagations de la Foi». Сколько простоватыхъ и наивныхъ миссіонеровъ доходятъ до того, что начинаютъ, по простотѣ душевной, выражаться такимъ же языкомъ, какъ разные крики, кичуа, карены и лолы, которыхъ они обращаютъ!

Но эти чистыя души далеко не обычное явленіе среди миссіонеровъ, что вполне понятно, такъ какъ проповѣдническая работа является не просто свободнымъ избраніемъ по влеченію дѣломъ и самопожертвованіемъ, а службой оплачиваемой. Нѣкоторые изъ миссіонеровъ откровенно признавались, что ихъ проповѣдь вообще связана съ интересами торговли. Подобно тому, какъ полководцы передъ глазами своихъ солдатъ рисуютъ заманчивость будущей добычи, точно такъ же великій путешественникъ могъ бы обратиться къ миссіонерамъ, указывая имъ на тѣ выгоды, которыя принесетъ крещеніе язычниковъ. По своемъ возвращеніи изъ Конго (1884), Стэнли первымъ дѣломъ обратился къ торговымъ представителямъ Манчестера. Онъ обратилъ вниманіе купцовъ на то, что по тому рѣчному бассейну, откуда онъ вернулся, жи

ветъ миллионное населеніе, которое не носить ни дневной, ни ночной сорочки. Все, что слѣдуетъ сдѣлать манчестерскимъ торговцамъ,—это

№ 584. Мисіи въ юго-восточной Африкѣ.

Масштабъ карты 1 : 16000000

Согласно картамъ миссій, простой крестъ обозначаетъ мисіи протестантскія, крестъ двойной—католическія. Здѣсь не обозначены церкви, посѣщаемыя должностными лицами—европейцами.

послать въ тѣ страны побольше миссіонеровъ, которые научили бы туземцевъ прилично одѣваться, и слѣдствіемъ этого [новаго крестоваго

похода должно явиться колоссальное повиновеніе вывоза бумажной ткани изъ Манчестера. «Точно такъ же—обратился онъ къ промышленникамъ Шеффилда—и вы, граждане Шеффилда, должны лишь послать въ Конго побольше миссіонеровъ: они уничтожаютъ отвратительную привычку ѣсть руками, и тогда вы продадите массу пожей, вилкокъ и ложекъ» ¹⁾!

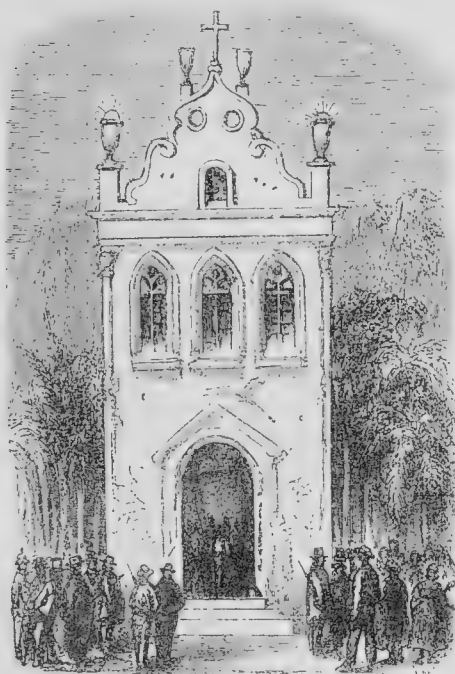
Конечно, было бы несправедливостью думать, судя по этому призыву къ миссіонерамъ ради прибыли, что многими, быть-можетъ, даже большинствомъ изъ тѣхъ, кто идетъ проповѣдывать христіанскую вѣру въ отдаленныя страны, не руководятъ мотивы болѣе возвышенныя. Въ особенности же англичане—великіе пропагандисты; если у нихъ есть убѣжденіе, религіозное, соціальное, экономическое, или какое-нибудь иное, то они непремѣнно стремятся заставить увѣровать въ него и другихъ. Это—общее стремленіе человѣческой природы, но у нихъ оно, повидимому, отличается большей страстностью и упорствомъ. Побуждаетъ ли ихъ къ тому счастье моральнаго или интеллектуальнаго единенія съ ближними? Быть-можетъ, у нихъ альтруистическіе порывы сильнѣе, чѣмъ у другихъ людей? Но ихъ общій характеръ такой, какимъ онъ намъ является въ исторіи,—нисколько не подтверждаетъ такого предположенія, скорѣе наоборотъ: въ отношеніи англичанина даже къ своимъ соотечественникамъ проглядываетъ очень часто что-то жесткое, что-то скрытное, что-то специфически «островное», и это дѣлаетъ его похожимъ на характеръ географическаго положенія его отечества, изолированнаго отъ Европы. Что, главнымъ образомъ, объясняетъ страстность пропаганды англичанина, такъ это, повидимому, какъ-разъ относительная узость горизонта,—узость, которая позволяетъ ему сосредоточивать всю силу своей воли въ одномъ направленіи; окружающій его міръ не такъ обширенъ, какъ на континентѣ, но тѣмъ большую энергію англичанинъ вноситъ въ то специальное частное дѣло, которымъ онъ занимается. Еще въ до-римскую эпоху бретонскіе друиды великаго острова послали въ Галлію миссіонеровъ для обращенія тамошнихъ жителей въ болѣе высокую вѣру ²⁾; затѣмъ, когда англичане стали христіанами, они съ чрезвычайнымъ усердіемъ принялись за распространеніе новой вѣры среди своихъ братьевъ. Англійскіе миссіонеры для проповѣди христіанства отправлялись въ отдаленныя сѣверныя части континента. Позже, во время гражданскихъ войнъ, которыя были вызваны захватами земель и нищетою крестьянъ, требованія обратнаго возвращенія земли облекались обыкновенно въ религіозную форму. Точно въ толпѣ жива была заповѣдь, что не хлѣбомъ единымъ

1) Edward Carpenter, «Human Review», oct. 1900. — 2) Цезарь. — Ern. Desjardins, «Description de la Gaule romaine».

живъ будетъ человекъ, но и Словомъ Божиимъ! Точно также временному испроверженію королевской власти и провозглашенію республики въ семнадцатомъ столѣтіи предшествовала война, въ которой побѣдители были одушевлены религіознымъ фанатизмомъ, отчасти христіанскимъ, отчасти іудейскимъ, внушеннымъ имъ чтеніемъ обоихъ Заветовъ. Наконецъ, развѣ добровольное переселеніе паломниковъ «*Mauflowers*», которые въ 1620 году высадились на Нью-Плимутской скалѣ, не явилось важнымъ и рѣшающимъ моментомъ въ исторіи заселенія Сѣверной Америки,—фактомъ, который чрезвычайно сильно отразился на развитіи будущей республики Соединенныхъ Штатовъ?

Но какую бы роль ни играло искреннее одушевленіе многихъ британскихъ миссіонеровъ, все же несомнѣнно, что промышленныя вожделѣнія и имперіалистическій фанатизмъ оказали свою долю вліянія на распространеніе протестантскихъ миссій; эти тенденціи часто вели къ важнымъ политическимъ послѣдствіямъ и даже къ военнымъ экспедиціямъ въ Африку, Океанію и страны Дальняго Востока. Что же касается миссіонеровъ католическихъ, то относительно ихъ часто утверждали, будто они въ смыслѣ проповѣдническаго усердія должны еще превосходить протестантовъ, такъ какъ они давали обѣтъ послушанія и, кромѣ того, не связаны семейными интересами. Отчасти это вѣрно: въ странахъ, гдѣ католическая церковь не можетъ стремиться къ политическому господству, напримѣръ, въ Великобританіи и въ англійскихъ колоніяхъ, за исключеніемъ Канады, они умѣютъ дѣйствовать тактично и самоотверженно; ея члены здѣсь старательно подбираются, и ихъ моральный уровень значительно выше, чѣмъ уровень ихъ протестантскихъ коллегъ. Въ большихъ городахъ Шотландіи одни католическіе священники не отказываются селиться въ народныхъ кварталахъ, жить бѣдно среди бѣдныхъ и, не щадя трудовъ, круглый годъ пасутъ свое паству; пресвитеріанскимъ же священникамъ нужны, наоборотъ, образованное общество, гигиеничная обстановка, комфортъ, продолжительныя лѣтніе отпуска,—словомъ, послѣдніе являются людьми совсѣмъ другого класса общества. Тотъ же контрастъ замѣчается и въ миссіяхъ Индіи. Но, когда католическое духовенство можетъ говорить тономъ господина, характеръ ся представителей совершенно мѣняется; іерархія, рабами которой они являются, поощряетъ ихъ тѣмъ сильнѣе стремиться къ славіи и преслѣдовать интересы Церкви. Въ этомъ случаѣ ничто не можетъ остановить ея стремленія къ власти и богатству. Совсѣмъ недавно европейское выступленіе въ Китаѣ показало, до какой степени цинизма дошло вмѣшательство католическихъ миссіонеровъ во внутреннія дѣла имперіи. Въ Индо-Китаѣ они приносятъ еще больше вреда туземцамъ, потому что они тамъ полные хозяева страны, благодаря тайному вліянію, которое оказываетъ въ ихъ пользу официальное правительство. Они не

только устанавливають пошлину, которая носитъ благочестивое наименованіе «выкупа плѣнныхъ», не только окружають себя презрѣнными людьми, которые расстаются съ семьей и отечествомъ для того, чтобы добиться успѣха лестью и низкими поступками, но—что гораздо важнѣе—они создаютъ пауперизмъ, завладѣвая общественными землями. Ловко пользуясь затрудненіями аннамитовъ при уплатѣ тяжелыхъ податей, они

Церковь въ Санта-Круцъ; видъ спереди.
По рисунку Люсіена Біара (1860).

даютъ имъ деньги въ долгъ подѣ большіе проценты, подѣ залогъ общественныхъ рисовыхъ плантацій; черезъ нѣсколько лѣтъ села, разоренныя ежегоднымъ взносомъ процентовъ и погашеній, должны продавать плантаціи. Патеры строятъ свое благополучіе на разореніи земледѣльцевъ; нищенство появляется въ странѣ, гдѣ не было даже бѣдныхъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, церкви, какъ католическія, такъ и протестантскія, стремятся распространиться по земному шару, увлекаемыя скорѣе стремленіемъ къ власти, чѣмъ ради счастья видѣть въ своей средѣ новыхъ членовъ. При такихъ условіяхъ всѣ послѣднія приобщенія къ нимъ различныхъ народовъ представляютъ только кажущійся успѣхъ. Возрастаніе могущества церкви совпадаетъ съ фактическимъ ослабле-

ніемъ, паденіемъ вѣры. И если тысячи протестантскихъ миссіонеровъ, располагающихъ бюджетомъ, достаточнымъ, пожалуй, для какого-нибудь второстепеннаго государства, проповѣдуютъ свои болѣе или менѣе согласованные догматы милліонамъ индусовъ и китайцевъ, то это нисколько не мѣшаетъ тому, что въ ихъ собственномъ отечествѣ религіозные принципы не въ силахъ противостоятъ критикѣ, и что новыя идеи, свидѣтельствуя о рационалистическомъ вліяніи невѣрующихъ, все болѣе и болѣе проникають въ ученіе Церкви. Точно такъ же, если католическая проповѣдь распространяется по всему міру, и если люди, говорящіе на сотнѣ различныхъ языковъ, могутъ прочесть по-латыни «Pater noster»

1) Félicien Challaye, «Cahiers de la Quinzaine», 16 janv. 1902, pp. 53 ss.

и «Ave Maria», если всюду строятся католическія церкви, то это все же нисколько не придаетъ свѣжести и искренности основному характеру движенія. Пусть религія продолжаетъ распространяться; по чему это можетъ помочь, если изсякли святыя источники, нѣкогда дававшіе живую воду; если, вопреки традиціямъ и энцикликамъ, Церковь стремится примириться съ вліяніями вѣка и, не опираясь болѣе на вѣковѣчныя истины, пытается приладиться къ вещамъ преходящимъ?

Итакъ, господство христіанства, повидимому, теперь ограничено. Конечно, область его распространенія увеличилась на счетъ народовъ, рожденных рабами; негры Соединенныхъ Штатовъ исповѣдуютъ и сейчасъ различныя христіанскія религіи, въ которыя они были обращены своими прежними господами. То же самое и на Антильскихъ островахъ, и въ Бразиліи, и въ тѣхъ областяхъ Андовъ,

гдѣ туземцы обращались въ христіанство силой: «крещеніе или смерть»! Но въ странахъ, гдѣ европейцы не располагаютъ жизнью и свободой туземцевъ, эти послѣдніе продолжаютъ беречь, какъ зѣницу ока, свои интимныя вѣрованія, къ которымъ примѣшиваются, конечно, и всѣ новыя впечатлѣнія, полученныя отъ сношеній съ иностранцами. Официально христіанами становятся лишь отбросы, паразиты, которые ради матеріальныхъ выгодъ льстятъ новымъ пришельцамъ и питаются крохами, падающими со стола пирующихъ. Въ Китаѣ, въ Индіи и въ Африкѣ вокругъ церквей и часовенъ собирается довольно-таки презрѣнная толпа; остальная же масса народа слѣдуетъ нормальному ходу своей эволюціи, подъ вліяніемъ эмигрантовъ европейской расы.

Церковь въ Санта-Круцъ; видъ сбоку.
Бразилія, провинція Эспирито Санто.

Очень часто утверждали, какъ неоспоримый фактъ, что Исламъ очень быстро одержалъ побѣду въ Африкѣ и Азін; по это распространенное мнѣніе вѣрно, такъ сказать, только съ внѣшней стороны.

Феллахи, мандинги и гаусса, которые являются главнѣйшими мусульманскими націями въ Африкѣ, имѣютъ перевѣсъ не только благодаря сознанію своего превосходства надъ разрозненными негритянскими племенами, но, въ особенности, благодаря своему сильному распространенію, которое обуславливается ихъ склонностью къ торговлѣ, и, наконецъ, въ извѣстной мѣрѣ, благодаря стремленію пропагандировать свою вѣру, сообщать свое знаніе другимъ. Капитальное преимущество даетъ имъ то, что они являются среди разрозненныхъ племенъ воодушевленными и сплоченными идеей исламизма. Такимъ образомъ, моральная сила на ихъ сторонѣ, и негръ, обращенный въ Исламъ, считаетъ, что поднялся тѣмъ самымъ на одну ступень среди людей. Съ другой стороны, бѣлые, сдѣлавшіеся обладателями африканской территоріи, охотно вступаютъ въ сношенія съ коммерсантами, не спрашивая, какъ и въ кого они вѣруютъ, и такими коммерсантами являются какъ-разъ мандинги или гаусса, послѣдователи Магомета. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы основали колонію Того, возникъ гаусскій и мусульманскій городъ Кетъ, и къ концу 1902 г. караваны, принадлежащіе тому же племени, появились въ различныхъ частяхъ Камеруна ¹⁾.

Дѣйствительно, число послѣдователей пророка увеличивается изъ года въ годъ, но что касается религіознаго рвенія, то нашъ вѣкъ чрезвычайно далекъ отъ тѣхъ временъ, когда правовѣрные съ оружіемъ въ рукахъ боролись за обращеніе народовъ въ Исламъ и ставили себѣ цѣлью истребленіе невѣрныхъ. Китайскіе мусульмане, которые нѣкогда готовы были разбить единство имперіи, на западѣ—въ Канъ-су, на югѣ—въ Юнь-нанѣ, приспособили свою религію къ культу предковъ, т.-е. въ томъ смыслѣ, что они въ существенныхъ чертахъ исполняютъ національные обряды. Также точно индусскіе мусульмане, которые по численности своей составляютъ главную массу послѣдователей Магомета, примѣшиваютъ къ своимъ религіознымъ обрядамъ такія особенности, благодаря которымъ они, несомнѣнно, явились бы въ глазахъ своихъ арабійскихъ единовѣрцевъ еретиками. Даже наиболѣе ревностные представители мусульманскаго міра, сенусситы, на которыхъ склонны были смотрѣть какъ на непримиримыхъ фанатиковъ, проповѣдующихъ избиеніе невѣрующихъ и пропагандирующихъ идею священной войны (Г. Дювейрье),—даже они почти всегда вполне благородно выполняли долгъ гостепріимства по отношенію къ бѣлымъ, а войны между магометанами и войсками европейскихъ державъ всегда были вызваны не кѣмъ инымъ,

1) F. Wurz, «Die mohamedanische Gefahr in Westafrika».

какъ самими европейцами, которые сами либо производили непосредственно нападеніе, либо притѣсненіями возбуждали противъ себя мусульманское населеніе. Если нѣкоторые почитатели Аллаха сохранили во всей чистотѣ вѣру предковъ и святое отвращеніе къ профанаци, то весьма значительное большинство причисляющихъ себя къ послѣдова-

Разливка въ бочки воды Іордана.

Въ центрѣ — „полковникъ“, представитель компаніи „International River Jordan Water Co“, которая снабжаетъ нѣкоторыя американскія секты іорданской водой, для крестинъ и даже для питья: въ этихъ цѣляхъ воду предварительно кипятятъ и фильтруютъ. Рядомъ съ представителемъ американской фирмы—губернаторъ Іерихона и представитель Іерусалимскаго патриарха.

телямъ пророка относится къ религіи чисто-внѣшнимъ, формальнымъ образомъ. Въ настоящее время одни только марабуты, т.-е. люди, въ жизни которыхъ главное мѣсто—фигктивно ли, или реально—это другой вопросъ—занимается религія, предаются молитвамъ и совершаютъ предписанныя ритуаломъ омовенія. Мусульмане ограничиваются обыкновенно нѣкоторыми внѣшними дѣйствіями, подобно индифферентнымъ къ дѣламъ вѣры католикамъ, пальцы которыхъ по привычкѣ машинально творятъ

крестное знаменіе. Соблюденіе рамазанскаго поста подобно тому, какъ у католиковъ пятничнаго поста,—вотъ къ чему сводится, главнымъ образомъ, вся религія магометанина, забывшаго рвеніе своихъ предковъ.

Говорять иногда, что Исламъ сохранилъ въ девятнадцатомъ столѣтіи свой воинствующій характеръ повсюду, гдѣ онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ другими религіями; однако, религіозный элементъ занималъ обыкновенно въ возникавшихъ войнахъ чисто-второстепенное мѣсто, тогда какъ на первомъ планѣ почти всегда стояли различія культуры, языка, обычаевъ, экономическихъ интересовъ и т. д., являясь главными причинами конфликта. Сказанное справедливо для войнъ, которыя велись въ Мавританіи между французами и арабо-берберами, для столкновений, такъ часто возникавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ между болгарами, сербами, македонцами, албанцами, турками и русскими, для экспедицій англичанъ въ Афганистанъ, для походовъ русскихъ въ Среднюю Азію и для возстанія той-той въ китайской имперіи. По всей вѣроятности, немало конфликтовъ возникнетъ и въ будущемъ, но религіозные поводы къ нимъ все болѣе и болѣе будутъ отступать на второй планъ передъ причинами національными и, въ особенности, социальными. Призывы къ священной войнѣ уже не встрѣчаютъ достаточнаго отклика въ массахъ. Исламъ отличается гораздо болѣею терпимостью, нежели это принято думать на Западѣ. Достаточно исповѣдывать, что «нѣтъ иного бога, кромѣ Бога, и Магометъ—пророкъ Его», и виѣшние подчиняться мусульманскому закону, а догматы не возбраняется толковать по своему разумѣнію. Отсюда въ мусульманскомъ мірѣ столько различныхъ сектъ, терпимыхъ благосклонно, которыя доходятъ «отъ абсолютнаго монотеизма къ самому грубому антропоморфизму или къ пантеизму чистѣйшей воды, отъ самаго суроваго воздержанія до самаго снисходительнаго эпикурейства» ¹⁾.

Почему сотни миллионовъ магометанъ, которые приходятъ въ соприкосновеніе съ европейской цивилизаціей, не поддаются ея вліянію, относятся къ ней даже враждебно? Нельзя приписать этого явленія тому, будто бы мусульмане не признаютъ наукъ и разнообразныхъ практическихъ приложений ихъ; въ прошломъ они дали удивительные и многочисленные примѣры жажды знанія, которая ихъ воодушевляла, и мощи своего духа. Но въ тѣ времена мусульмане, среди коихъ имѣлись, впрочемъ, представители всѣхъ народовъ и расъ, пользовались свободой инициативы и обладали властью, необходимою для удовлетворенія въ полной мѣрѣ своей жажды знанія, а также необходимыми для этого средствами обученія. Въ настоящее время положеніе кореннымъ образомъ

¹⁾ Edward G. Browne, «Questions Diplomatiques et Coloniales», 15 mai 1901, p. 593.

измѣнилось. Хозяева цивилизаціи дѣйствительно держатъ себя какъ существа высшаго порядка, мнятъ себя таковыми и афишируютъ свое превосходство; ихъ манера держать себя оскорбительна для мусульманъ, и, вслѣдствіе этого, послѣдніе отвергаютъ ее съ вѣжливымъ видомъ или напускнымъ равнодушіемъ, на самомъ же дѣлѣ—съ негодованіемъ. Изъ носителей цивилизаціи магометане прежде всего видятъ передъ собою тѣхъ, которые провозглашаютъ себя наставниками по преимуществу, т.-е. миссіонеровъ, монаховъ, школьных учителей всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: вотъ съ кѣмъ мусульмане имѣютъ прежде всего дѣло! Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что они сразу же настраиваются враждебно къ этимъ наставникамъ: другихъ результатовъ нельзя ожидать, зная человѣческую психологію. Вмѣсто того, чтобы явиться въ роли гостей, скромно ждать, пока къ нимъ обратятся съ вопросомъ, за совѣтомъ, непрощенные наставники начинаютъ съ того, что объявляютъ себя «христіанами», т.-е. исконными, заклятыми врагами мусульманъ, и первымъ дѣломъ начинаютъ богохульствовать передъ тѣми, кого они имѣютъ претензію сдѣлать своими учениками; увѣренные въ своей безнаказанности, такъ какъ за ихъ спиной стоитъ матеріальная сила, они провозглашаютъ себя проповѣдниками во имя «Святой Троицы», что рѣжетъ слухъ истыхъ монотеистовъ, которые ихъ слушаютъ; сынъ Ислама спрашиваетъ себя, какъ единый Богъ, «который не рождается и не рождается», не повергнетъ во прахъ богохульника. Непрощенный наставникъ дебютируетъ въ своей роли, оскорбляя чувства своихъ слушателей.

Правда, большинство образованныхъ людей Запада далеки отъ того, чтобы быть дѣйствительно христіанами; по крайней мѣрѣ, они являются таковыми лишь отчасти, даже сами того не сознавая, и все ихъ христіанство заключается въ нѣсколькихъ обрывкахъ морали и предрасудкахъ, усвоенныхъ ими вмѣстѣ со школьнымъ катехизисомъ. Но стоитъ только этимъ не-христіанамъ явиться подъ покровительствомъ христіанской державы, стоитъ имъ только сослаться на консула или министра, который подчиняется директивамъ духовныхъ конгрегацій, священниковъ и пастырей церкви,—и на нихъ будутъ смотрѣть какъ на дѣйствующихъ подъ знаменемъ христіанства; знаніе, которое они несутъ, будетъ казаться мусульманамъ такимъ же извращеннымъ и непривлекательнымъ, какъ и знаніе ревностныхъ христіанъ. Какая же изъ современныхъ державъ можетъ разсчитывать въ этомъ отношеніи на наименьшее предубѣжденіе со стороны убѣжденнаго мусульманина? Монархъ Англіи носитъ вѣдъ титулъ «защитника вѣры». Верховный вождь Россіи является первымъ блюстителемъ православія въ странѣ. Германскій императоръ, держа въ одной рукѣ шпагу, несетъ въ другой Евангеліе. Столица Италіи является въ то же время столицей

Папы 1). Что же касается Франціи, то позволительно было бы послѣ ея великой революціи ожидать, что она явится представительницей чисто-свѣтской цивилизаціи, и что, не замыкаясь въ какое-нибудь изъ существующихъ вѣроисповѣданій, она провозгласитъ себя носителемъ космополитической религіи. Но оказалось, что политики, считающіе себя весьма искусными, рѣшили иначе: «разумъ не является предметомъ вывоза». Анти-клерикалы, вышедшіе изъ своей родины, считаютъ своимъ долгомъ быть клерикалами за границей своего отечества. Вотъ почему политика Франціи на средиземноморскомъ Востокѣ является продолженіемъ политики крестовыхъ походовъ; она—чисто-христіанская. иначе говоря—анти-мусульманская, а вслѣдствіе этого способна вызвать только недовѣріе и ненависть. Въ Мавританіи, Алжирѣ, Тунисѣ и Марокко проведеніе въ жизнь такой политики въ полной мѣрѣ было бы равносильно самоубійству; здѣсь было бы чистымъ безуміемъ объявить себя ревностнымъ христіаниномъ, что, впрочемъ, было бы справедливо лишь для весьма ничтожной части иммигрантовъ. Мало того, центральное управленіе обнаруживало подъ часъ тенденцію объявить себя «арабскимъ» или «мусульманскимъ», что было бы также неблагоприятно, какъ и объявить себя «французскимъ» или «христіанскимъ». Какъ бы то ни было, но на практикѣ, въ концѣ концовъ, возьметъ верхъ духъ терпимости или, вѣрнѣе сказать, индифферентизма. Подъ вліяніемъ соприкосновенія съ европейцами, большинство представителей конхъ относится безразлично къ вопросамъ религіознымъ, въ движеніи, происходящемъ среди мусульманъ, естественно, даютъ себя знать двѣ противоположныя тенденціи. Первая изъ нихъ—сопротивляться, сохранить по возможности ортодоксію, сохранить догматы во всей чистотѣ: это—слѣдствіе ненависти къ притѣснителямъ 2). Другая, которая замѣчается особенно въ массахъ,—это подчиненіе новымъ вліяніямъ, постоянное отступленіе отъ вѣры отцовъ, сохраняя только самые обыденные обряды, которые, мало-по-малу, утрачиваютъ свой первоначальный смыслъ.

Даже паломничества ведутъ до извѣстной степени къ ослабленію мусульманскаго фанатизма. Правда, путешествія въ Мекку значительно больше способствуютъ поддержанію единства Ислама, чѣмъ Коранъ и проповѣди имановъ и марабутовъ, такъ какъ посѣщеніе Каабы собираетъ ежегодно во-едино массу народа, людей, пришедшихъ изъ различныхъ частей свѣта, и подчиняетъ ихъ однимъ и тѣмъ же вліяніямъ; вполне естественно, что именно взаимное расположеніе и солидарность пилигримовъ создаютъ великое единство вѣры отъ Магриба на берегахъ Атлантическаго океана и до китайской провинціи Юнь-нань. Не подлежитъ сомнѣнію, что путешествія паломниковъ въ Мекку обуслови-

1) Scheikh Abdul Hadgk, «Revue», 1. mars 1902. 2) Edm. Doutié, «Questions diplomatiques et coloniales», 1 okt. 1900.

ваются, какъ въ прежнія времена крестовые походы, направлявшіеся въ Іерусалимъ, не однимъ только религіознымъ фанатизмомъ; жажда приключеній, желаніе повидать чужеземныя страны и людей, наконецъ, — и это главнымъ образомъ, инстинктивное стремленіе къ расширенію торговыхъ сношеній, — все это играетъ немаловажную роль въ указанномъ явленіи; пути, по которымъ направляются паломники, являются въ то же время по преимуществу торговыми путями. Вамбери приписываетъ вліянію многочисленныхъ путешествій персовъ къ святынямъ Кума, Мешеды и Кербелы практическую сметку и живую сообразительность, которая составляютъ характерную черту персидской націи.

Пилигримы многому научаются во время своего путешествія и въ результатъ оказываются значительно выше въ интеллектуальномъ отношеніи,

чѣмъ ихъ не двигающіеся съ мѣста сосѣди 1). Обыкновенно «хаджи», пропутешествовавшій въ Мекку, который не дѣлаетъ изъ своихъ путевыхъ воспоминаній источника прибыли, и которому нѣтъ прямого смысла на страиваться фанатично, приобретаетъ болѣе ясный взглядъ на вещи и

Добровольное самоистязаніе на Кавказѣ.
Съ картины Верещагина.

1) «Sittenbilder aus dem Morgenlande», p. 274.

отличается, вслѣдствіе этого, меньшей наивностью въ религіозныхъ вопросахъ, чѣмъ его соотечественникъ, оставшійся дома.

Различныя государства центральной Африки являются тѣми мѣстностями, въ которыя Исламъ проникалъ нѣкогда очень интенсивно; здѣсь превосходство знанія арабовъ и величавая простота ихъ вѣры давали мусульманству неоспоримое преимущество. По несчастью для дѣла распространенія Ислама, въ числѣ почитателей Аллаха, которые проникаютъ внутрь темнаго материка, арабовъ, приближающихся къ нимъ, или чернокожихъ нильскаго бассейна встрѣчаются не одни только пилигримы, путешественники или безобидные купцы; нѣтъ, негроторговцы, торгующіе еще живымъ товаромъ въ портахъ Индійскаго океана, такъ же являются мусульманами, а ихъ отвратительный промыселъ едва ли способенъ возбудить симпатію къ религіи, которую они исповѣдуютъ: невозможно быть мучителемъ и въ то же время обращать въ свою вѣру. Кромѣ того, истребительныя войны, во время которыхъ арабы поступали на службу въ войска европейскихъ державъ, имѣли послѣдствіемъ сильную реакцію противъ арабскаго могущества на берегахъ Индійскаго океана. Также точно на берегахъ Гвинеи и во всемъ бассейнѣ Конго различныя христіанскія религіи и затѣмъ—въ значительно большей степени, чѣмъ эти религіи Запада—вліяніе Европы и мощное давленіе міровой жизни ставятъ крупныя преграды широкому распространенію магометанской вѣры; въ то же время указанные факторы содѣйствуютъ исчезновенію какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи маленькихъ государствъ и незначительныхъ фетишистскихъ культовъ, извѣстныхъ въ прежнее время подъ общимъ именемъ «паганизма» или язычества. Весь этотъ хаосъ примитивныхъ вѣрованій находится на пути къ вымиранию и исчезновенію, тогда какъ широкія массы, несущія ярлыки доминирующихъ религій и націй, разрастаются непрестанно. Тутъ-то совершается косвенное подготовленіе къ великой конфедераціи людей.

Буддизмъ часто считаютъ—повидимому, не вполне основательно—религіей, имѣющей наибольшее число послѣдователей. Во всякомъ случаѣ онъ положилъ свои слѣды и посѣялъ сѣмена своего ученія на всемъ необъятномъ материкѣ Азіи, начиная отъ мыса Коморина до самыхъ крайнихъ полуострововъ Сибири. Мало того, въ силу его вліянія на католицизмъ, примитивная религія, отъ которой зародился буддизмъ, оказываетъ еще вліяніе на западный міръ, передавъ ему въ наслѣдіе церемоніи, пѣснопѣнія, торжественныя шествія, виѣшнее благолѣпіе. И вотъ, спустя два-три тысячелѣтія, въ Европу и Америку снова проникаетъ вліяніе буддизма, имѣющее на этотъ разъ болѣе философскій и эгическій характеръ, въ результатъ чего возникаютъ сотни теософскихъ сектъ, зародившихся на почвѣ христіанскихъ догмъ, но старающихся освободиться отъ нихъ и замѣнить ихъ болѣе свободнымъ ученіемъ,

№ 585. Успѣхи Ислама въ Адамавъ.

0 50 100 150 Кн.

Божіе, отвѣчающее ихъ чувству справедливости, скрѣпя сердце, ушли отъ католицизма съ его «вѣчными муками ада» и вѣчными проклятіями,

и только въ буддійскихъ твореніяхъ онѣ могли найти слова, исполненныя мистичизма, менѣе мрачнаго, болѣе мягкаго, болѣе утѣшительнаго для тѣхъ, которые не созданы для упорной борьбы съ иллюзіей и заблужденіемъ. Религіозное вліяніе Индіи на Великобританію, несомнѣнно, играетъ болѣе важную роль въ развитіи человѣчества, чѣмъ вся совокупность обращеній въ христіанство, достигнутыхъ въ Индіи миссіонерами.

Въ каждой религіи замѣчается крупный контрастъ между двумя категоріями ея адептовъ: съ одной стороны, тѣ, которые пропитаны стремленіемъ къ безконечно высокому идеалу, съ другой—тѣ, которые просто соблюдаютъ положенный ритуаль, которые, благодаря множеству правилъ, подлежащихъ выполненію, не имѣютъ ни одной минуты свободной жизни, чтобы мыслить и чувствовать. Въ этомъ отношеніи буддизмъ даетъ намъ примѣры самыхъ удивительныхъ крайностей. Съ одной стороны, чистыя души, исполненныя возвышеннымъ стремленіемъ къ истинѣ и добру, съ другой—тупыя, лишеныя разума существа, которые способны воспріять одно лишь монотонное бормотаніе молитвъ. Такъ, буддистскіе монахи Сіама, Тибета, Монголіи настолько заняты соблюденіемъ различныхъ обрядовъ и настолько стѣснены всевозможными запретами, что жизнь для нихъ стала бы невозможной, если бы послушники и слуги, а также простой народъ, не работали на нихъ. Правила запрещаютъ монахамъ копать землю, сажать или сѣять, такъ какъ они могли бы убить при этомъ какое-нибудь мелкое животное; имъ запрещено варить рисъ или другія зерна, такъ какъ при этомъ они уничтожили бы зародышъ растенія; имъ нельзя взлѣзть на дерево, такъ какъ они могли бы обломать вѣтку или сучекъ; они не смѣютъ зажечь и потушить огонь, изъ боязни сжечь живое существо или нанести вредъ пламени, которое также обладаетъ даромъ жизни; имъ запрещено ковать желѣзо, такъ какъ искры погибаютъ въ воздухѣ. А если кто-нибудь изъ нихъ нарушитъ то или иное изъ этого множества запрещеній, то виновный теряетъ все то, что онъ приобрѣлъ предшествовавшимъ умерщвленіемъ плоти; онъ падаетъ внизъ до самыхъ низшихъ ступеней, съ которыхъ онъ успѣлъ подняться во время своей праведной жизни, и обреченъ начать снова свои земныя мытарства¹⁾. Потребность успокоиться за свою судьбу, заслужить либо счастливое новое воплощеніе, либо спасеніе своей вѣчной души, должна побуждать буддиста, какъ и католика, подвести итоги своимъ дѣяніямъ, взвѣсить положительную и отрицательную цѣнность своихъ различныхъ поступковъ, зарегистрировать, расцѣпить свои грѣхи и добрыя дѣла въ порядкѣ ихъ важности, привести въ извѣстность и выразить въ точныхъ цифрахъ ошибки и

1) Colquhoun. «Amongst the Shans»; Hallert, «A thousand Miles on an Elephant»; цитировано по A. H. Keane, «Man, Past and Present», p. 210.

попытки искупить ихъ. Столько-то спеціальныхъ молитвъ будетъ достаточно для того, чтобы компенсировать и, слѣдовательно, искупить то или иное упущеніе религіознаго долга; столько-то разъ надо перебрать четки, чтобы создать точную компенсацію столько-то дурнымъ мыслямъ. У нѣкоторыхъ китайскихъ буддистовъ имѣется точный тарифъ заслугъ и проступковъ: дать свободу птицѣ — представляетъ доброе дѣло, которое точно аннулируется проступкомъ, заключающимся въ томъ, чтобы вырыть зимой изъ земли наѣкомое; сотня заслугъ, которыя записываются на счетъ лица, выполнишаго свое обѣщаніе жениться на бѣдной дѣвушкѣ, уничтожаются сотней проступковъ, которые ставятся въ вину человѣку, отвѣдавшему бычьяго или собачьяго мяса.

Мизорскій (Майсурскій) быкъ
(Южная Индія),
высѣченный въ одинокой скалѣ.

При такомъ режимѣ, всякая личная инициатива, а также всякое вліяніе на вѣдущую политику, неминуемо должны сойти на нѣтъ: роль націи въ міровомъ равновѣсіи сводится совершенно къ нулю. Въ Монголіи, въ Тибетѣ должно даже происходить уменьшеніе народонаселенія тамъ, гдѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ округахъ, четверть, треть и даже половина числа жителей надѣли монашескую одежду и клубокъ. Либиковъ¹⁾ утверждаетъ, — что, впрочемъ, является весьма сомнительнымъ, — что численность населенія Тибета, упавшая въ настоящее время до 3 милліоновъ человѣкъ, уменьшилась на девять десятыхъ благодаря практикуемому въ широкихъ размѣрахъ уходу въ монастыри и благодаря эпидеміямъ, развивающимся какъ слѣдствіе упадка жизненной энергіи. Не слѣдуетъ также удивляться, если обширныя пространства центральной Азіи уже заранѣе принадлежать тѣмъ завоевателямъ, которые сюда придутъ. Будучи нѣкогда данниками китайцевъ, монголы быстро становятся вассалами Россіи, а тибетцы, которымъ не представило бы большого труда защищаться, такъ какъ климатъ и

1) «Visite de Lhassa en 1900».

орографія страны на ихъ сторонѣ, такъ же готовы, какъ тупыя животныя, подставить спины подъ ярмо новыхъ господъ. Можно ли ожидать сколько-нибудь значительной силы сопротивленія отъ народа, у котораго путешественникъ, изслѣдующій Тибетъ, можетъ себѣ позволить купить цѣлый храмъ со всѣми его святынями и со всѣмъ персоналомъ священниковъ и служителей, выдавая себя за будду, воплощеннаго въ себѣ религію Запада ¹⁾.

Въ Китаѣ слишкомъ развита привычка къ интенсивному труду; нація испоконъ вѣковъ хорошо приучена къ поддержанію въ порядкѣ своихъ культуръ, такъ что празднымъ монахамъ грозило бы здѣсь всеобщее презрѣніе. Въ этой странѣ буддизмъ оказываетъ свое вліяніе болѣе возвышенными сторонами ученія; идея солидарности и всемірной симпатіи выступаетъ въ проповѣди все рельефнѣе на мѣсто бичеванія грѣховъ. Въ Японіи, гдѣ настроеніе народа также не допускаетъ господства религіи, исполненной грезъ и чистой созерцательности, все, что осталось отъ буддизма, превратилось въ простую мораль, одухотворенную поэтической любовью къ природѣ, къ людямъ, къ животнымъ и ко всему существующему ²⁾. Также у сингалезовъ и бирманцевъ, буддистовъ, сохранившихъ наибольшую вѣрность древнимъ обычаямъ равенства и полной свободы совѣсти, мы встрѣчаемъ поистинѣ полную взаимную терпимость. Никто никогда не позволитъ себѣ критиковать образъ дѣйствій, идею своего ближняго ³⁾. Но, съ другой стороны, не знаменуетъ ли это смерть мысли?

Такъ или иначе, всѣ религіи эволюционируютъ въ сторону уничтоженія догматики, которая ихъ разъединяетъ и дѣлаетъ ихъ взаимно нетерпимыми другъ къ другу. Новая сила вошла въ міръ, проникнувъ сначала въ умы нѣсколькихъ натуралистовъ, математиковъ и философовъ, затѣмъ пробудивъ ихъ учениковъ къ размышленію и завладѣвъ потомъ, мало-по-малу, значительной частью общества. Это—сила, которую дастъ знаніе числа и мѣры, внося съ собою больше точности въ мышленіе, больше системы въ разсужденія, больше уравновѣшенности въ рѣшенія и создавая, вслѣдствіе этого, болѣе полное духовное равновѣсіе. Ясность разума, «свободная мысль» отвоевываютъ себѣ все болѣе и болѣе рѣшительно то мѣсто, которое занимало въ «душѣ» религія, т.-е. страхъ, иллюзія, неясный идеаль. Нѣтъ сомнѣнія, что указанное вытѣсненіе и замѣна совершаются лишь очень постепенно, что историческая эволюція ускользаетъ отъ взоровъ недалководидныхъ людей, которые не умѣютъ сопоставлять и сравнивать факты прошлыхъ вѣковъ, но, тѣмъ

1) L. Austine Waddel, «The Buddhisme of Tibet». — 2) Lafcadio Hearn. — 3) H. Fiedling, «The Soul of a People».

не менѣе, глубокія измѣненія все же имѣють мѣсто и не перестанутъ совершаться и впредь. Религіозная вражда, питаемая съ такимъ усердіемъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ цѣлымъ рядомъ смѣняющихся поколѣній, гнѣздится еще въ душахъ многихъ людей и охотно проявилась бы наружу и вылилась бы въ форму преслѣдованій инако вѣрующихъ и мыслящихъ, въ форму жестокихъ пытокъ, сдиранія живьемъ кожи и поджариванія несчастныхъ жертвъ на медленномъ огнѣ; но такъ какъ тѣ, которые нѣкогда подвергались гоненіямъ, имѣють въ настоящее время достаточно смѣлости защищаться, то свободонепавистники находятъ болѣе благо-разумнымъ умѣрять традиціонный пылъ своихъ необузданныхъ рѣчей, и подъ вліяніемъ неизбѣжной реакціи правы, какъ и слова, въ концѣ концовъ, примѣнились къ новымъ условіямъ жизни.

Аннамитскій бонза.

Нѣкоторые ортодоксальные теологи выдаются еще въ современномъ обществѣ, на подобіе «межевыхъ знаковъ», оставленныхъ землемѣрами на поверхности равнины послѣ нивелировки, и все еще съ неумолимымъ упорствомъ поддерживаютъ исконную доктрину Церкви, касающуюся наказанія еретиковъ; современная исторія можетъ привести весьма поучительныя сравненія между настоящимъ и прошедшимъ. Іезуитъ де-Лука, профессоръ ватиканскаго университета въ Римѣ, выражается слѣдующимъ образомъ въ своей книгѣ по церковной юриспруденціи, вышедшей изъ печати въ 1901 году: «Свѣтская власть должна примѣнять къ еретiku смертную казнь по приказанію и въ интересахъ

Церкви; какъ только Церковь предала этой власти еретика, послѣдній не можетъ быть освобожденъ отъ заслуженной кары. Ей подлежатъ не только тѣ, которые отступились отъ своей вѣры, но и тѣ, которые всосали ересь съ молокомъ матери и упорно въ ней коспѣютъ, а также рецидивисты, хотя бы они и выражали желаніе снова обратиться къ истинную вѣру». Не далѣе, какъ 17 іюля 1898 года, культурный міръ былъ свидѣтелемъ, какъ официальный католицизмъ, въ лицѣ высокихъ представителей Церкви, съ торжественной помпой праздновалъ воспоминаніе объ одномъ ауто-да-фе пятерыхъ евреевъ, сожженныхъ послѣ пытокъ на одной изъ площадей Брюсселя. Подъ предлогомъ духовнаго конгресса и праздника архитектуры, Церковь, спустя пять вѣковъ, объявила себя солидарною съ отвратительнымъ преступленіемъ, порожденнымъ самымъ чудовищнымъ невѣжествомъ, такъ какъ упомянутые евреи были обвинены въ томъ, что они произвели книжалами Святые Дары, изъ которыхъ потекла кровь Богочеловѣка. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, несмотря на пресловутое раздѣленіе власти, суды и администрація охотно являются къ услугамъ Церкви, когда ей желательно обвинить своихъ враговъ. Римскій «Index» нерѣдко находитъ поддержку у свѣтскихъ судей. Такъ, «Завѣщаніе» священника Меслье, которое было сожжено до французской революціи по постановленію парижскаго парламента, было уничтожено полстолѣтіе спустя исправительнымъ судомъ департамента Сены (1824), какъ «посягательство на политическую и религіозную мораль», судомъ присяжныхъ Сѣвернаго департамента (1835), королевскимъ судомъ въ Дуэ (1837), судомъ присяжныхъ въ Вѣнѣ (1838). Какъ свѣтская, такъ и духовная власть охотно оказываютъ другъ другу услуги, когда дѣло идетъ объ ихъ общемъ врагѣ—свободномъ человѣкѣ, который мыслить свободно. Инквизиція, этотъ кровавый трибуналъ, который ополчается противъ всякаго новшества, считаетъ себя безсмертнымъ въ той же мѣрѣ, какъ и непогрѣшимымъ. Торквемада, повидимому, мертвъ, но его останки шевелятся еще въ гробу.

Понистинѣ поражаешься, когда приходится констатировать, что ни одна изъ старинныхъ религій не исчезла совершенно. Всѣ онѣ проявляютъ болѣе или менѣе активную жизнедѣятельность и слѣдуютъ тѣмъ же ритуаламъ, какъ и тысячелѣтія тому назадъ. Въ Великобританіи въ ночь на 21 іюня около мегалитическаго круга Стонгенджа, близъ Салисбери, собираются окрестные жители,—по крайней мѣрѣ, они это дѣлали до самаго послѣдняго времени—и затѣмъ, при благопріятной погодѣ, когда восточный горизонтъ совершенно не подернутъ ни туманомъ, ни облаками, они, охваченные благоговѣйнымъ чувствомъ, ожидаютъ восхода лучезарнаго свѣтила. Тѣ, которые находятся въ серединѣ пространства, ограниченнаго каменными глыбами, на центральномъ камнѣ алтаря видятъ, что одно мгновеніе огненный шаръ какъ бы стоитъ въ равно-

вѣсн на краю глыбы, называемой «Friar's Heel», «Пята монаха». Рассказываютъ, что въ 1895 году появленіе солнца представляло зрѣлище рѣдкой красоты ¹⁾. Одинъ шотландскій литераторъ, Вилліамъ Шарпъ, рассказываетъ ²⁾, что онъ присутствовалъ въ 1860 году, будучи еще молодымъ человѣкомъ, на принесеніи въ жертву барана во время лѣтняго солнцестоянія; это происходило на возвышенномъ холмѣ, на сѣверѣ Шотландіи, и пастухъ, совершавшій жертвоприношеніе, бормо-

Карнакъ.—Дольмень Мане-Керіонедъ.

талъ какія-то слова на языкѣ, не похожемъ ни на одинъ изъ тѣхъ, на которомъ говорятъ въ нашемъ вѣкѣ въ данной странѣ.

Въ Альпахъ, во французской Бретани также происходятъ аналогичныя церемоніи и не встрѣчаютъ препятствій со стороны католическаго священника. Но зато послѣдній принимаетъ на себя во всемъ языческомъ, старомъ мірѣ, ставшемъ христіанскимъ только по имени, роль кудесника и отправляется, въ сопровожденіи торжественной процессіи вѣрующихъ, благословлять поля, изгонять изъ нихъ сорныя травы, вредныя насѣкомыхъ, ограждать ихъ отъ града, бури и всякаго зла. А въ важныхъ случаяхъ, если Богъ и Его святые не услышатъ людскихъ молитвъ, суевѣрные люди не останавливаются передъ тѣмъ,

1) «Nature», June 29, 1899, p. 204, 205. — 2) «Рукописныя записки».

чтобы обратиться къ дьяволу и его приснымъ. Разъ человѣкъ вѣрующій въ могущество сверхъестественныхъ силъ, желаетъ прежде всего, чтобы вняли его мольбамъ, то психологически понятно, что онъ, не получивши удовлетворенія своихъ желаній отъ Бога свѣта и добра, обращается къ владыкѣ мрака. Въ Арденнахъ, въ концѣ XIX столѣтія, молодые люди, боясь «дурного глаза», все еще совершали «молитвы въ теченіе девяти ночей»; при этомъ они обращали тщательное вниманіе на то, чтобы идти въ сторону, обратную той, въ которую движутся церковныя процессіи; они совершали даже крестное знаменіе въ обратномъ направленіи. Другія церемоніи также должны совершаться въ обратномъ порядкѣ и становятся тогда «чародѣйствомъ». Уваженіе къ святынямъ сохраняется, но только въ силу той профанаціи, которой ихъ подвергаютъ. На ряду съ молитвой получаетъ право гражданства богохульство ¹⁾.

Одно изъ самыхъ распространенныхъ заблужденій—это думать, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ названій смѣняющихся культовъ наступаютъ внутреннія измѣненія религіознаго склада. Нерѣдко не измѣняется даже форма амулетовъ и другихъ священныхъ предметовъ. Все на томъ же священномъ языкѣ повторяются все тѣ же формулы; мѣста, привлекающія пилигримовъ, остаются все тамъ же; церемоніи справляются во имя исполненія все тѣхъ же желаній или для полученія тѣхъ же исцѣленій отъ болѣзней; обычаи стоятъ все на томъ же уровнѣ цивилизаціи, а между тѣмъ люди, къ которымъ прежде прилагалось наименованіе язычниковъ, включены теперь въ ряды христіанъ; ихъ называли буддистами; они становятся шивантами или магометанами. Даже тогда, когда новые символы замѣнили старые, когда усвоены памятью магическіе знаки и кабалистическія слова, считаемыя болѣе дѣйствительными, и тогда рутинна живетъ во всей своей неприкосновенности въ умахъ вяло мыслящихъ ²⁾. Большинство предразсудковъ, такъ, на примѣръ, боязнь числа тринадцать, относятся къ традиціямъ болѣе древнимъ, чѣмъ исповѣдуемыя нынѣ религіи, и оказываются прочнѣе послѣднихъ.

Эта закулисная, такъ сказать, сторона религій, съ поверхности незамѣтная, можетъ по временамъ пробуждаться, въ періоды крупныхъ смутъ. Религіозный фанатизмъ можетъ доходить чуть ли не до коллективнаго умопомѣшательства, даже до уничтоженія самыхъ естественныхъ чувствъ. Такъ, генераль Россиньоль рассказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что къ нему пришли въ его главную квартиру близъ Жалэ, недалеко отъ Анжера, пятьдесятъ женщинъ, каждая съ

1) Marie de Villermont, «Revue Mauve», 1899.—2) П. Лавровъ, «Идея прогресса въ антропологіи».

двумя дѣтьми на рукахъ: «Господа синіе! Намъ сказали, что вы пришли, чтобы ѣсть нашихъ дѣтей; мы ихъ вамъ приносимъ,—ѣшьте ихъ» 1). Эти фанатичныя матери рассчитывали на то, что ихъ дѣти воскреснутъ черезъ три дня, и хотѣли своей жертвой придать этому событію бѣлѣ славный характеръ. А, между тѣмъ, вандейская война стала войной религіозной только благодаря второстепеннымъ причинамъ, она не была вызвана единственно враждой противоположныхъ вѣрованій; при которой воинственное ожесточеніе получаетъ спеціальную санкцію со стороны божества и его святыхъ. Впрочемъ, даже во время полного мира, когда, казалось бы, нѣтъ никакихъ поводовъ къ взрыву религіознаго фанатизма, появляется какой-нибудь субъектъ, усердно начитавшійся Библии и вызывающій видѣнія, который совершаетъ ужаснѣйшее дѣло, повинувся якобы таинственному голосу. Не проходитъ года, чтобы періодическія хроники не повѣствовали объ убійствѣ, совершенномъ новымъ Авраамомъ, вообразившимъ, что Господь приказалъ ему принести въ жертву новаго Исаака, или новымъ Иисусомъ Навиномъ, призваннымъ уничтожить враговъ Божіихъ. Гдѣ же та религія, которая могла бы заявить себя чистой отъ подобныхъ преступленій? Каждая изъ нихъ имѣла свои ритуальныя убійства; но было бы столь же мало согласно съ истиной утверждать невозможность такихъ преступленій, какъ и попытка распространить за нихъ отвѣтственность на всѣхъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ въ данной странѣ опредѣленную вѣру. Слѣдуетъ, впрочемъ, задать себѣ вопросъ, не уместно ли будетъ искать корней многихъ жестокостей, совершенныхъ во время чисто-политическихъ революцій, въ почвѣ, на которой властвовали древнія религіи. Вѣдь во имя Бога совершаются и преступленія!

По самой сущности своей, религіи, въ томъ числѣ и католицизмъ, который называютъ «гибкимъ», такъ какъ онъ стремится сдѣлать характеръ мягкимъ, гибкимъ, не могутъ эволюционировать быстро. Обремененныя огромнымъ багажомъ различныхъ пережитковъ, унаслѣдованныхъ съ незапамятныхъ временъ, вынужденны держаться старинныхъ

Фигура божества на носу меланезійскаго челнока.

1) «Revue Blanche», 15 sept. 1895, p. 272.

формуль, чтобы оправдать свои притязанія на непогрѣшимость, позволя успѣхамъ знанія постоянно опережать себя, онѣ роковымъ образомъ обречены на неизбежность сначала оспаривать то, что онѣ должны будутъ черезъ сто лѣтъ молчаливо признать или даже проповѣдывать. Религін образуютъ аррьергардъ въ эволюціи современныхъ народовъ и настолько сжились съ этой ролью, что отказываются даже принять новыя ситуаціи, которыя могли бы быть для нихъ полезны. Такъ, папство, которое свѣтскія власти принудили стать чисто-духовною властью, не пожелало понять, насколько бы ему было выгодно избѣгнуть отнынѣ постоянныхъ унижительныхъ компромиссовъ съ государствомъ, отказавшись отъ окладовъ и привилегій и сохранивъ въ то же время болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, въ глазахъ вѣрующихъ ореолъ Божескаго величія (1905). Такая героическая непримиримость была едва отмѣчена нѣсколькими красивыми позами, оставившими мимолетный слѣдъ, нѣсколькими пышными словами, унесенными вѣтромъ, а папы продолжали, между тѣмъ, торговаться изъ-за жалкихъ остатковъ своей свѣтской власти, сохранять въ силѣ свои доходные конкордаты съ различными правительствами; наконецъ, вести свои дѣла какъ князья и капиталисты, провозглашая себя въ то же время «плѣнниками».

Сохраненіе привилегій такъ хорошо согласуется съ сохраненіемъ старинныхъ догмъ, что всѣ тѣ, которыхъ пугаетъ призракъ роста самосознанія въ массахъ, ищутъ пріюта подъ знаменами клерикальных когортъ. Даже тѣ, которые еще вчера поносили духовенство, протягиваютъ ему сегодня руку. Впрочемъ, христіанизмъ современной буржуазіи не является однимъ только лицемѣріемъ; когда какой-нибудь общественный классъ проникся предчувствіемъ своего неизбежнаго и близкаго исчезновенія, когда онъ чувствуетъ за собою дыханіе приближающейся смерти, онъ въ отчаяніи обращается къ святынь, отъ которой чаётъ спасенія, къ фетишу, къ освященному амулету; первый встрѣчный колдунъ, который предрекаетъ ему спасеніе или искупленіе, привлекаетъ на мгновеніе его симпатію. Такъ, римляне обращались въ христіанство; такъ, вольтеріанцы обращаются въ лоно Церкви ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, у громаднаго большинства тѣхъ, которые изъ интереса снова пріобщаются къ Церкви, не остается ничего, что хоть немного напоминало бы вѣру, и эту свою эволюцію они признаютъ съ полнымъ цинизмомъ. Естественными союзниками Церкви являются всѣ тѣ, которые хотятъ имѣть подчиненныхъ, надъ которыми они могли бы владствовать: короли и военные, магистраты и чиновники, вплоть до отцовъ семействъ, которые желаютъ имѣть дѣтей послушныхъ и отменно вы-

1) G. Sorel, «Humanité Nouvelle», 10, VII, 1899, p. 35.

школенныхъ, рискуя даже при этомъ угасить въ нихъ блескъ очей и зрѣлость мысли.

Указанной группировкой враждебныхъ силъ управляетъ фактъ капитальной важности, состоящей въ томъ, что защитники Церкви хотя и ненавидятъ и презираютъ другъ друга, однако, должны цѣнить такую группировку, важную для нихъ въ одномъ отношеніи. Являясь изолированными, ихъ доктрины, каждая въ отдѣльности, казались бы слишкомъ нелогичными, слишкомъ примитивными съ моральной стороны, чтобы имѣть возможность удержаться; имъ слѣдуетъ, стало-быть, дать высшую санкцію, санкцію божественную. Такъ, во время битвы войска оставляютъ въ критическій моментъ заново возведенную наружную линію укрѣпленій и концентрируются въ центрѣ позиціи, въ старинной крѣпости, приспособленной инженерами къ условіямъ современной войны.

Главная выгода отъ такой концентраціи реакціонныхъ силъ въ цитадели клерикализма приходится на долю католицизма. Кромѣ покоя мысли, который обрѣтается для многихъ вѣрою въ высшее существо, католицизмъ даетъ еще другую поддержку въ жизни: онъ предписываетъ непреложную линію поведенія—послушаніе; поэтому всѣ тѣ, которыхъ пугаетъ развитіе индивидуальной самодѣтельности и духа протеста, съ полнымъ основаніемъ обращаются съ мольбою къ Папѣ; члены епископальной Церкви въ Англіи и Америкѣ массами возвращаются въ лоно римской Церкви.

Сильная опасность, которая грозитъ обществу отъ концентраціи реакціонныхъ силъ около церкви, состоитъ не въ томъ, что догматы ея будто бы приносятъ вредъ, вліяя извѣстнымъ образомъ на духовный складъ народовъ цивилизованнаго міра. Тѣ люди, которые не имѣютъ искренней и живой вѣры, не могутъ ея вернуть; они дѣлаютъ видъ, что имѣютъ ее, иногда даже воображаютъ, что это такъ, но на самомъ дѣлѣ у нихъ нѣтъ вѣры. Вотъ эта-то симуляція вѣры и представляетъ крупное зло. Человѣкъ не вѣритъ ни въ адъ, ни въ дьявола; о Богѣ онъ имѣетъ весьма смутное представленіе, граничащее съ пантеизмомъ или фетишизмомъ; идея вездѣсущія Божія занимаетъ его очень мало; существеннѣйшія основы религіи остаются ему совершенно неизвѣстными,—но разъ онъ считаетъ для себя полезнымъ проникнуть въ Церковь, онъ ревностно соблюдаетъ всѣ традиціонные обряды: становится на колѣна, бьетъ земные поклоны, воздѣваетъ очи и руки къ небу. Дѣло обстоитъ такъ, что интересы собственности, капитала, социальнаго паразитизма во всѣхъ его видахъ и формахъ требуютъ соблюденія установленнаго ритуала католическаго культа, и миллионы людей принаравливаются къ этой обязательности, лишенной всякихъ слѣдовъ искренности. Лицемеріе стремится стать на мѣсто исчезнувшей вѣры, и, вслѣдствіе этого, религія все болѣе и болѣе инцистируется въ социальномъ организмѣ, такъ

что, наконецъ, не имѣетъ уже силы властвовать надъ умами и вести человѣчество за собою; вліяніе ея, ставши извращеннымъ, становится тѣмъ самымъ ядовитымъ и пагубнымъ, и съ этимъ зломъ необходимо бороться, во что бы то ни стало. Сюда же присоединяется власть духовенства, держащаго въ рукахъ ключи отъ рая и ада, которая въ нѣкоторыхъ странахъ достигала громадныхъ размѣровъ. Такое духовенство можетъ, пользуясь своимъ всемогуществомъ, вопли подчинить себѣ народъ, какъ стадо овецъ, сдѣлать изъ него сѣрую массу, безъ мысли, безъ права, безъ сознанія личности; въ исторіи извѣстно немало случаевъ, когда это ему удавалось. Грустное явленіе представляетъ духовная пустота, склонность къ пустякамъ, къ ребячеству, наивнымъ проказамъ—фактъ, констатированный у многихъ людей, воспитаніемъ которыхъ завѣдывало духовенство, и даже у лицъ духовнаго званія: монаховъ, монахинь и священниковъ ¹⁾.

Внести обновленіе могутъ только люди, воодушевленные новой идеей. Все средневѣковье, со всѣмъ своимъ арсеналомъ суевѣрій и церковной рутины, сгнуло передъ Коперникомъ. Всѣ церкви католическаго и протестантскаго міра дрогнули, когда Ламаркъ и Дарвинъ, какъ новые Сампсоны, потрясли своимъ ученіемъ столбы, поддерживающіе ихъ своды. Общество обновляется силою идеи, осуществляемой на дѣлѣ, а не шопотомъ молитвъ, доносящихся изъ исповѣдаленъ, или шорохомъ перебираемыхъ четокъ.

Правда, церковная армія пополнилась новыми силами: къ такъ называемому «бѣлому» духовенству присоединяются безконечно длинныя ряды «чернаго» духовенства—монаховъ и монахинь. Эти-то толпы принадлежатъ къ числу самыхъ пламенныхъ, самыхъ преданныхъ ревнителей вѣры, къ числу тѣхъ, которые съ особеннымъ мужествомъ вступаютъ въ жизнь, и, наоборотъ, тѣхъ, которые удаляются въ уединеніе и даютъ обѣтъ отреченія, такъ какъ боятся жизненной борьбы.

Вступленіе въ монашескій орденъ является нерѣдко бѣгствомъ, въ особенности у женщинъ, воспитаніе коихъ не предусматрѣло [грядущія] испытанія судьбы; все ихъ пугаетъ, въ томъ числѣ таинственныя опасности, которыя сулитъ имъ любовь, и обязанности, которыя налагаютъ на нихъ семья. Затѣмъ на сцену выступаетъ вліяніе священника, исповѣдника, который сосредоточиваетъ инстинкты, стремленія, всѣ силы и помыслы даннаго существа на идеалѣ личности, который явился бы божественнымъ сочетаніемъ красоты физической и духовной, который познавалъ бы отраду даже въ страданіи. И вотъ, открываются двери тихаго пріюта, монастыря, гдѣ робкая душа можетъ мирно предаваться сладостнымъ эмоціональнымъ переживаніямъ въ предвидѣніи неизвѣстнаго, подѣ

1) «Pages Libres», № 99, 22 novembre 1902.

тѣмъ полутемныхъ церковныхъ сводовъ, гдѣ правильное чередованіе молитвъ, исполненіе тысячи методически смѣняющихся другъ друга занятій поддерживаютъ душу въ первоначальномъ настроеніи, гдѣ правила превращаютъ абсолютное послушаніе больше чѣмъ въ долгъ,—въ настоящую необходимость. Вѣдь такъ трудно принимать твердыя рѣшенія и такъ легко повиноваться! Морякъ Ревельеръ замѣтилъ какъ-то одному человѣку, желавшему постричься въ монахи: «Почему вы не вступаете въ ряды блага духовенства, гдѣ вы могли бы сдѣлать много добра»?— «Потому что тогда мнѣ придется самому вырабатывать линію своего поведенія; теперь же, какъ іезуита, меня поведутъ другіе. Это надежнѣе».

Религіозные обычаи индѣйцевъ Кора.

Не считая наставниковъ, погрязшихъ въ рутинѣ элементарнаго образованія, существуютъ духовныя лица, которые занимаются болѣе глубокимъ изученіемъ наукъ и слѣдуютъ единственно правильнымъ мето-

У этого мексиканскаго племени существуетъ весьма замѣчательное смѣшеніе религій, организованное францисканцами около двухъ вѣковъ тому назадъ. На рисункѣ показано, какъ во время праздника Пасхи индѣйцы, изображающіе евреевъ, бросаются ницъ на землю и ждутъ въ такой позѣ прихода апостоловъ (K. Th. Preuss, „Globe“ 1906, 2, p. 168).

дамъ наблюденія, опыта и логическаго разсужденія, необходимымъ для плодотворнаго изслѣдованія; но этимъ вѣрнымъ сынамъ Церкви, отважившимся пуститься на опасный путь интеллектуальныхъ работъ, выводы продиктованы заранѣе: необходимо, чтобы ихъ какъ бы за руку привели на паперть храма, гдѣ бы они простерлись ницъ передъ Всемогущимъ Творцомъ всего сущаго, счастливые тѣмъ, что могутъ принести въ даръ, какъ соломнику, свою небольшую жатву открытій, собранную ими на нивѣ знанія. Если же, напротивъ, изслѣдователю случится наткнуться на какой-нибудь камень преткновенія и придти къ малѣйшему противорѣчію между результатами своихъ трудовъ и традиціями Церкви, рѣшеніями соборовъ или папскими буллами, то тогда онъ рискуетъ подвергнуться анаемѣ, если только онъ не принесетъ публичнаго покаянія и не согласится отправиться отбывать наказаніе въ ка-

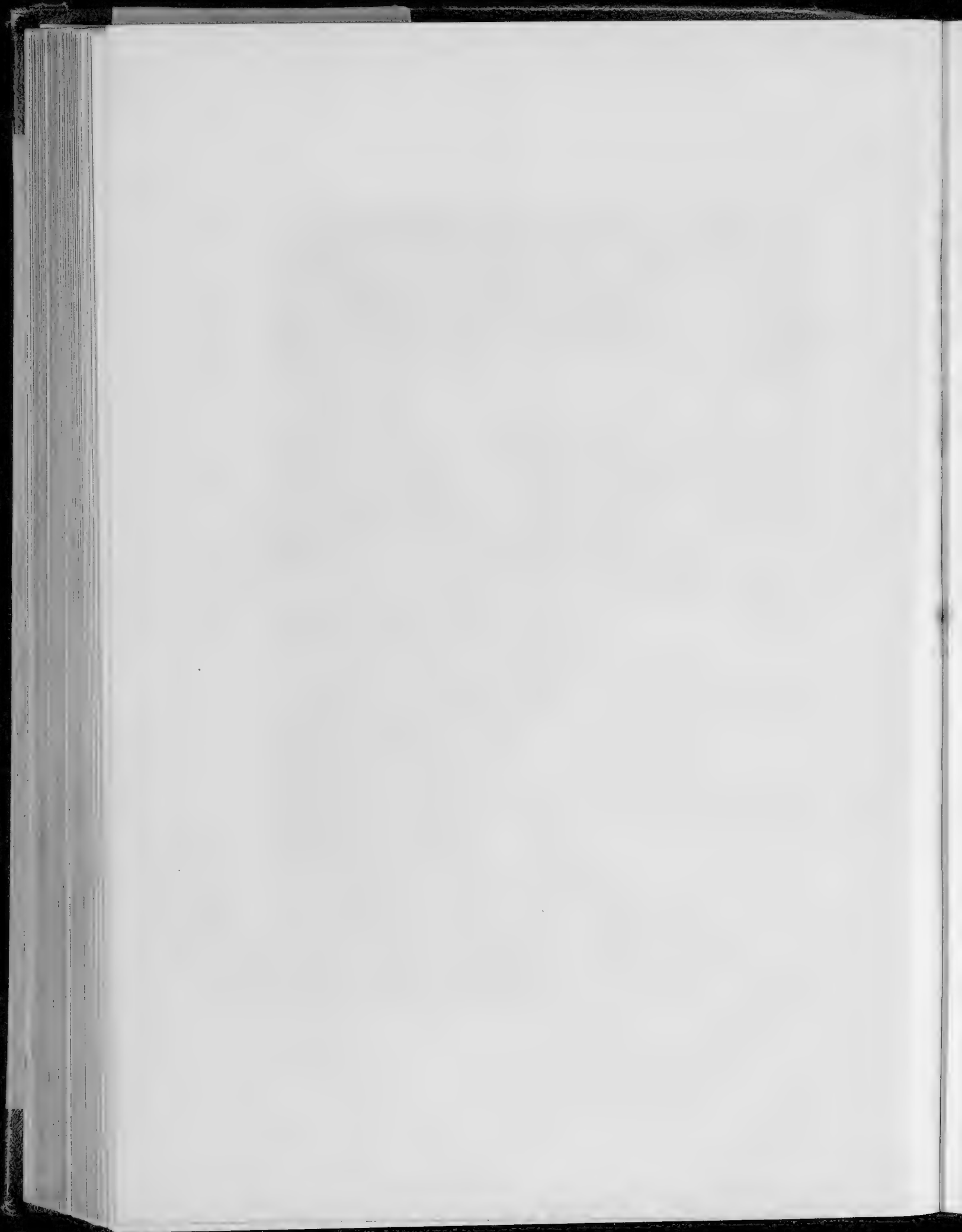
кой-нибудь отдаленный монастырь, гдѣ онъ будетъ забыть тѣмъ, кто счесть его ученіе за оскорбленіе. Какъ въ отдаленныя времена средне-вѣковья, наука имѣетъ право лишь на званіе «слуги» передъ лицомъ властвующей Церкви, тогда какъ для невѣрныхъ она является Царицей и Матерью.

Такъ какъ интеллектуальная область въ современномъ мірѣ отнынѣ недоступна для церквей, которыхъ все еще разъединяетъ другъ отъ друга догматика, то ихъ притязанія должны сузиться и ограничиться менѣе широкимъ горизонтомъ. Церкви стремятся, главнымъ образомъ, къ власти, самымъ существеннымъ элементомъ которой является обладаніе богатствомъ. Одинъ стихъ Софокла ¹⁾ подчеркиваетъ уже жадность къ деньгамъ духовенства, и то, что было справедливо для эллинскаго міра, гдѣ роль посредниковъ между людьми и божествомъ была довольно-таки второстепенной, то же въ значительно большей мѣрѣ вѣрно для современнаго общества, гдѣ духовенство присваиваетъ себѣ абсолютное право властвовать надъ душами. Какъ только какая-нибудь религія перестаетъ подвергаться преслѣдованіямъ, признается господствующимъ культомъ и становится официальнымъ учрежденіемъ, послѣднее тотчасъ же стремится воспользоваться благами міра сего: оно чеканитъ монету и выпускаетъ въ храмъ торгашей, подобно тому, какъ это было въ тѣ времена, когда Христосъ вооружился бичемъ и изгналъ торгующихъ изъ храма. Развѣ въ церквахъ не продаются съ аукціона мѣста для сидѣнія? Развѣ антверпенскій архіепископъ не затягиваетъ покрываломъ замѣчательныя произведенія искусства, украшающія его соборъ, съ тѣмъ, чтобы раздѣлить съ церковнымъ сторожемъ деньги, которыя платятъ иностранцы за то, чтобы осмотрѣть эти шедевры? И не стыдятся вѣдь нѣкоторые храмы—укажемъ хотя бы на церковь Сентъ-Жюльенъ въ Бриудѣ—вывѣшивать на боковыхъ дверяхъ самого фасада крикливыя рекламы разныхъ презрѣнныхъ торговцевъ! Деньги не имѣютъ запаха, даже тѣ, которыя собраны въ грязи, лишь бы онѣ служили величію и славѣ Церкви. Памятуя, что человѣкъ не живетъ одною только вѣрою, но что ему нуженъ еще хлѣбъ, духовенство, даже тѣ, отдѣльные члены котораго остаются бѣдными и очень бѣдными, работаетъ надъ своимъ обогащеніемъ; въ высшей степени любопытное въ психологическомъ отношеніи явленіе представляетъ какой-нибудь монахъ, просящій милостыню, или сестры-монахини, которыя довольствуются самыми мизерными обѣдками, одѣваются въ скромныя одежды, чтобы имѣть счастье обогатить это огромное общество, Церковь, въ которомъ онѣ затеряны какъ капля воды въ волнахъ океана. И вотъ Церковь, питаемая огромными приношеніями безчисленнаго мно-

1) «Τὸ παντὶν ὅν γὰρ πᾶν φιλάργυρον γένος», «Антигона», стихъ 1055.—«Божескій родъ дѣйствительно сплошь жаденъ до денегъ».

Богослуженіе въ Финляндіи, съ картины Эдельфельта.

жества бѣдняковъ и суммами, взимаемыми съ доходовъ богатыхъ, собрала больше богатствъ, чѣмъ, когда бы то ни было, обладалъ какой-либо монархъ. Она не только располагаетъ субсидіями отъ государства въ большинстве странъ такъ называемаго цивилизованнаго міра, но она больше чѣмъ удваиваетъ свой офіціальный бюджетъ; съ одной стороны, она домогается пожертвованій, раздаетъ индульгенціи, продаетъ знатные титулы, организовываетъ—въ Мексикѣ—лотереи по одному доллару за билетъ, въ которой каждый выигрышный номеръ «переноситъ измученную и окровавленную душу изъ чистилища на небо»; съ другой стороны, она пускается на коммерческія предпріятія, фабрикуетъ различные предметы, пищевые продукты, даже спиртные напитки, строитъ корабли, насаживаетъ плантаціи въ отдаленныхъ колоніяхъ. Когда такого рода предпріятія не увѣчиваются успѣхомъ, то правительства и вѣрующіе приглашаются покрыть образовавшійся дефицитъ; когда же они даютъ хорошій доходъ, добытая прибыль служить для расширенія круга дѣятельности церкви. Однимъ изъ фактовъ, какъ нельзя лучше характеризующихъ эту погоню за наживой, является тотъ, который былъ открытъ въ 1898 году испанскимъ министромъ юстиціи. Начиная съ 1851 года, въ списки умершихъ не было записано ни одной монахини изъ числа принадлежащихъ къ нѣкоторымъ монастырямъ; оказалось, что какъ-разъ этимъ лицамъ была пожалована закономъ 1837 года пожизненная пенсія размѣромъ по одному цезету въ день.

Мы видимъ, что въ городахъ высятся громадныя каменные зданія, съ симметрично расположенными окнами, въ которыхъ скучиваются люди церковнаго клира, ихъ кліенты и паразиты. Поверхность земель, принадлежащихъ духовенству, разрастается изъ года въ годъ; почти въ каждомъ городѣ можно видѣть большіе, разукрашенные памятники, которые стоили милліоны, а между тѣмъ строитель не имѣлъ ничего въ то время, когда былъ положенъ первый камень. Огромныя коллективныя богатства церкви являются тѣмъ моментомъ, который обеспечиваетъ ей кліентуру: по мѣрѣ того, какъ живая вѣра изсякаетъ, какъ религія исчезаетъ, клерикальный коммерческій домъ все больше расширяетъ свои операціи, а его опека все болѣе бременемъ ложится на плечи народа.

Духовенство усиливаетъ свое вліяніе на ви́шній міръ, главнымъ образомъ, какъ эксплуататоръ труда, но въ данномъ отношеніи, несмотря на милліарды, которыми оно располагаетъ, ему недостаетъ крупной инициативы; оно не умѣетъ сгруппировывать рабочихъ въ многочисленныя массы, подобно тому, какъ это дѣлаетъ свѣтскій капиталъ. Беззастѣнчивая утилизація труда сиротъ, заключенныхъ, больныхъ, стариковъ, производство напитковъ и пищевыхъ продуктовъ, туалетныхъ принадлежностей и разныхъ мелкихъ предметовъ обихода,—вотъ что составляетъ предметъ его дѣятельности въ данной области. Въ сферѣ иной

работы можетъ обнаруживаться лишь постепенное ослабленіе результатовъ, такъ какъ исходная двигательная сила, вѣра, у однихъ исчезаетъ, а у другихъ смѣшивается все въ большей и большей пропорціи съ элементами, совершенно посторонними. Слѣдуетъ остерегаться, дабы не впасть въ этомъ отношеніи въ заблужденіе, которое можетъ создаться при видѣ массъ народа, которыя тѣснятся у престола Папы, ожидая его благословенія, или же благодаря процессіямъ паломниковъ, направляющимся къ освященнымъ источникамъ. Въ этихъ явленіяхъ элементъ любопытства, банальности преобладаетъ надъ элементомъ благочестія. Очевидно, паломничества имѣли въ средніе вѣка сравнительно гораздо большее значеніе, чѣмъ въ наше время, такъ какъ они приводили въ движеніе несравненно болѣшую массу народа, несмотря на трудности дальняго путешествія черезъ незнакомыя страны, гдѣ, къ тому же, часто свирѣствовали войны. Но если нѣсколько-часовой переѣздъ въ Лурдъ, Эмизидельнъ или Триръ является дѣтской игрушкой по сравненію съ тѣмъ, что представляло собою нѣкогда паломничество въ Сантьяго-ди-Компостелла или къ Гробу Господню, то современная дѣятельность, которою занимается Церковь, дала ей возможность перемѣстить однимъ взмахомъ еще болѣе многочисленныя массы людей. Послѣ войны 1870 года, когда французская нація, достаточно ослабленная, достаточно разбита, чтобы поддаться вліянію духовенства, находилась въ полной неувѣренности за свое близкое будущее и спрашивала себя, не суждено ли ей подпасть подъ абсолютную власть Церкви, послѣдняя организовывала торжественныя паломничества, именовавшіяся національными. Въ 1872 г. въ Лурдѣ можно было видѣть шествіе, во главѣ котораго шли двадцать четыре епископа, а за ними генералы, сановники, свыше тридцати префектовъ, состоявшихъ тогда на службѣ, сто десять депутатовъ, сорокъ сенаторовъ, свыше 250 разряженныхъ и расшитыхъ галунами господъ и, наконецъ, до тридцати тысячъ паломниковъ, среди коихъ было до 1100 больныхъ, жаждущихъ погрузить свое тѣло въ воды священнаго источника. Милліонами насчитываются читатели «*Annales de Lourdes*», повѣствующихъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ, и милліонами франковъ исчисляются доходы, получаемые желѣзнодорожными компаніями отъ провоза паломниковъ. Между тѣмъ, Лурдъ является во Франціи только однимъ изъ 1253 святилищъ, куда стекаются вѣрующіе, чтобы преклонить колѣна передъ Мадонной, Черной или Бѣлой, передъ Мадонной Жалости, Милосердной и Утѣшительницей, Дубовъ и Полей, Снѣга и Моря.

Если католики не могутъ претендовать теперь на роль просвѣтителей современныхъ народовъ въ области науки, если они оказываются, въ силу своего доктринерства, роковымъ образомъ отброшенными въ сторону мрака и стали врагами знанія, то за ними, тѣмъ не менѣе, остается полное право утверждать, что въ предшествующихъ цивилизаціяхъ

искусство самымъ тѣснымъ образомъ сливалось съ религіей. Иначе и быть не могло во всѣ тѣ времена, когда не были еще дифференцированы великія проявленія народной жизни; они представлялись тогда какъ бы

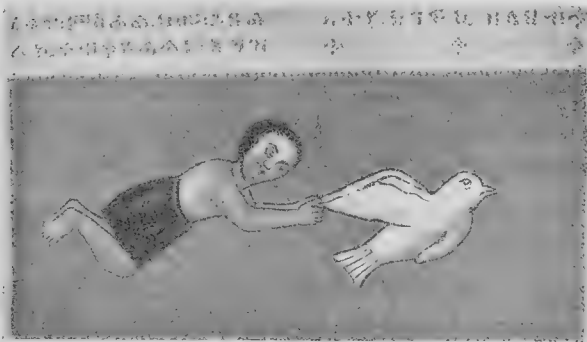

Буржскій соборъ.

въ одной межѣ, были такъ сходны между собою, что нетрудно было ошибиться насчетъ ихъ происхожденія. Халдеи и персы, греки и римляне дали своимъ жрецамъ великолѣпныя одежды и пышныя церемоніи; тѣ же духовные предки передали христіанамъ торжественныя тѣсноплѣ-

нія. Ремесленные цехи въ Византіи и Западной Европѣ воздвигли великолѣпныя базилики, которыя являются въ настоящее время собственностью Церкви, которая воображаетъ, что вызвала ихъ появленіе изъ земли какимъ-то чудомъ; затѣмъ явились художники и скульпторы, которые украсили храмы и часовни и превратили многіе соборы въ настоящіе музеи искусства.

Такимъ образомъ, всѣ искусства, зародившіяся путемъ индивидуальной инициативы и почти всегда подъ вліяніемъ какихъ-нибудь мя-

Древняя абиссинская живопись.

Святая Дѣва въ видѣ голубя даетъ свободу одному плѣннику. См. статью въ «Globus», 1904, 2, р. 327, по путешествію д-ра К. Келлера.

тежныхъ импульсовъ, примкнули къ свѣтѣ католической религіи; и эта послѣдняя, сильная величіемъ истекшихъ вѣковъ, можетъ развертывать передъ взорами смущенной толпы величіе своихъ горделивыхъ процессій. Однако, то, что было разъединено при своемъ зарожденіи, снова получило свою самостоятельность, подобно

тому, какъ вѣтви, отходящія отъ древеснаго ствола, пріобрѣтаютъ независимость отъ корней. Каждое изъ искусствъ смѣло эмансипировалось отъ Церкви; все, что есть молодого, новаго, творческаго, совершается внѣ нея. Что за печальное зрѣлище представляютъ всѣ эти картины, написанныя въ символическихъ тонахъ, всѣ эти статуи, украшенныя сіяніями, которыя епископы заказываютъ нуждающимся художникамъ; какое жалкое впечатлѣніе производятъ церковныя постройки, если только онѣ не представляютъ собою простой копій съ какого-нибудь памятника прошедшихъ вѣковъ. Живая сила искусства бьетъ ключемъ всецѣло въ обществѣ свѣтскомъ, но послѣднему все еще недостаетъ чувства единства, которое явится какъ слѣдствіе сознательнаго движенія по пути коллективнаго прогресса.

Среди различныхъ областей человѣческой дѣятельности, которыя окончательно высвободились изъ-подъ гегемоніи Церкви, можно въ первую голову указать на правила общественной гігіены. Прежде полагали, и, конечно, вполнѣ неосновательно, что «Моисеевы законы», касающіеся ухода за тѣломъ, питанія, содержанія въ порядкѣ жилища и поселенія, являлись мѣрами гігіеническими. Очевидно, однако, что они сводились къ своего рода знахарству, и въ основѣ ихъ лежали предвзятые взгляды

на «добрых» или «дурных» влияній, которыя обуславливались формою предметовъ, нравами данныхъ животныхъ, а также традиціями предковъ. Какъ бы то ни было, но такого рода правила, которыя существуютъ еще понынѣ у буддистовъ и католиковъ, у евреевъ и магометанъ, имѣютъ силу закона развѣ только въ предѣлахъ семьи. Тѣ, кто изучаетъ основы гігіены личной и общественной, не останавливаются болѣе на всѣхъ

этихъ предписаній поста, умерщвленія плоти, воздержанія. Свою систему здоровья они осуществляютъ совсѣмъ иными способами: они стараются помѣстить человѣка въ условія, болѣе нормальныя для его развитія и благосостоянія, поскольку, впрочемъ, отношенія экономическаго неравенства позволяютъ имъ коснуться священныя «правъ» собственности. Согласно мѣткому замѣчанію одного гігіениста, производящее правъ человѣка въ концѣ восемнадцатаго столѣтія давало здоровую право гражданства 1).

Такимъ образомъ, забота о сохраненіи общественнаго здоровья не находится уже въ вѣдѣніи Церкви. Забота о нравственномъ здоровіи точно такъ же ускользаетъ отъ нея все болѣе и болѣе 2), и со всѣхъ сторонъ общество поднимается противъ нея, чтобы отнять у нея вліяніе на умы черезъ посредство обученія. Подобно тому, какъ Папа, помогав-

Старинная абиссинская живопись.

Мученичество святого Севастьяна.

Нетрудно усмотрѣть, что византийское вліяніе сильно отразилось на абиссинскомъ искусствѣ.

1) Bruno Galli-Valerio, «Bull. de la Soc. Vaud. des Sciences naturelles», mars 1899. — 2) Gustave Loisel, «Revue Scientifique», 11—X, 1902.

пійся абсолютной власти надъ цѣлымъ міромъ, долженъ былъ, въ концѣ концовъ, ограничить сферу своихъ владѣній стѣнами своего дворца, такъ же точно и Церковь шагъ за шагомъ лишалась всякаго господства надъ умами и волею, «котораго она добивалась. Ни Будда, ни Иисусъ, ни Магометъ не могутъ надумать ее въ данномъ отношеніи: человѣчеству не нужно Верховнаго Жреца! Мало того, нѣтъ религій, которая могла бы вполне удовлетворить мистика, увлеченнаго иллюзорными грезами: какъ бы ни желала каждая изъ нихъ открыть свои объятія прозелиту, однако, каждая изъ нихъ слишкомъ опредѣленна въ своихъ догматахъ, своихъ традиціяхъ, своей исторіи, чтобы не стѣснять тѣхъ, чья необузданная фантазія витаетъ въ безконечности времени и пространства. Церковь и церкви представляютъ только отдѣльные моменты въ исторіи человѣчества, и поэтическія стремленія духа вырываются повсюду за ихъ предѣлы. Насколько шире, необъятнѣе напѣвы таинственнаго! Развѣ человѣкъ не является незамѣтной точкой въ необъятности природы? «Слезы вещей», по выраженію римскаго поэта, волновали человѣка во всѣ времена, даже раньше «прихода боговъ». Обманутая любовь, преждевременная смерть молодого и добраго, борьба за существованіе—вотъ проблемы, которыя какъ въ современномъ обществѣ, такъ и въ обществѣ будущаго еще долго будутъ составлять предметъ мечтаній, томительныхъ и жгучихъ, которыя наполняютъ индивида такими глубокими эмоціями, съ которыми не могло бы сравниться никакое религіозное возбужденіе.

Хотя наука намъ и открываетъ безграничный міръ изумительныхъ явленій, возбуждая массу восхищенія и энтузіазма, она, тѣмъ не менѣе, движется по своему пути тихо и спокойно, ища только правды, хотя бы эта истина несла съ собою разрушеніе. Ей надлежитъ открыть ящикъ Пандоры, хотя бы надеждѣ суждено было послѣ этого унестиcя навѣки. Въ этомъ отношеніи наука имѣетъ своихъ мучениковъ, какъ и религія, но ея мученики совершенно не заинтересованы, такъ какъ они не мечтаютъ послѣ смерти возсѣсть за свои заслуги «одесную Бога Отца», привѣтствуемые сонмомъ ангеловъ. Опыты, которые производитъ врачъ на своемъ собственномъ тѣлѣ, испытывая на немъ дѣйствіе ядовъ или опасныхъ лѣкарственныхъ средствъ, прививка и лѣченіе заразныхъ болѣзней доставляютъ ему просто тяжелыя страданія и смерть, и притомъ у него нѣтъ иного удовлетворенія, кромѣ сознанія содѣяннаго добра. Впрочемъ, ему незачѣмъ сѣтовать на свою судьбу, такъ какъ человѣкъ, который имѣетъ счастье идти своей независимой дорогой, работать на пути, который онъ предлагаетъ себѣ къ завоеванію неизвѣстнаго,—такой человѣкъ обладаетъ несравненнымъ счастьемъ, которое дается открытіемъ и созерцаніемъ добытой истины.

Конечно, не слѣдуетъ думать, что всѣ ученые—герои; напротивъ,

приходится признать, что большинство носитъ въ себѣ заскоружныя человѣческія привычки. Съ моральной точки зрѣнія, имъ грозитъ совершенно особая опасность, которая пронстекаетъ отъ ихъ слишкомъ далеко зашедшей специализаціи: когда они не видятъ на части горизонта, къ которой обращены ихъ взоры, ничего, кромѣ своихъ изслѣдованій, они сильно рискуютъ потерять пониманіе нормальной жизни, измельчать и сузиться во всѣхъ отрасляхъ, которыми они пренебрегаютъ; и часто удивляешься, когда приходится констатировать въ нихъ своеобразную противоположность между ихъ гениемъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ обширными познаніями и нѣкоторыми смѣшными, мелочными сторонами ихъ характера. Страсти, частные интересы, низменное искательство передъ сильными міра сего, завистливость, вѣроломство, — все это нерѣдко встрѣчается въ мірѣ ученыхъ, къ великому ущербу для самой науки. Приходится изумляться, видя, что пережитки національной вражды также находятъ себѣ мѣсто въ области исканія истины, общемъ достоинствѣ человечества. Весьма еще распространена привычка дѣлить завоеванія и владѣнія науки между отдѣльными націями. Каждый человѣкъ науки является лишь представителемъ мыслящаго человечества, и если онъ это забываетъ, онъ тѣмъ самымъ принижаетъ величіе своего дѣла.

Между тѣмъ, замѣчаются иногда курьезныя попытки сузить науку въ интересахъ какой-нибудь партіи, какого-нибудь класса или какого-нибудь земного владыки. Правда, одинъ знаменитый химикъ — говорятъ, Тенаръ — служилъ долгое время объектомъ насмѣшекъ, послѣ того какъ онъ демонстрировалъ королю Людовику-Филиппу «два глаза, которые должны были имѣть честь соединиться передъ Его Величествомъ»; но слѣдовало ли смѣяться или плакать, когда одинъ выдающійся профессоръ, носившій французское имя, домогался неоправданной въ глазахъ нѣмецкихъ ученыхъ привилегіи состоять интеллектуальнымъ тѣлохранителемъ императорскаго Дома Гогенцоллерн-Зигмундовъ?

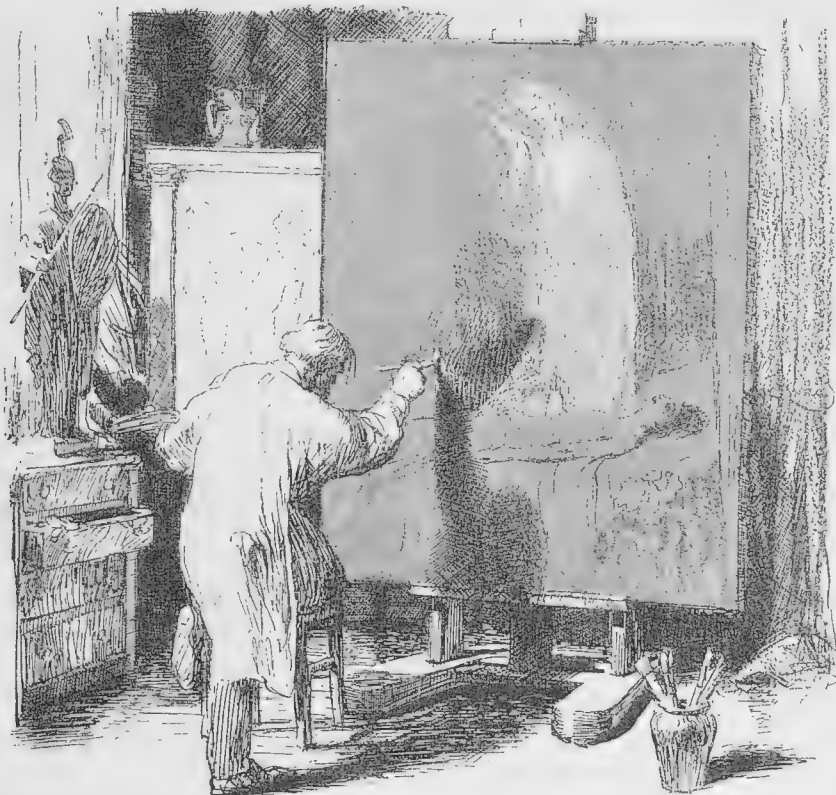
Если иные ученые считаютъ для себя большою честью служить господамъ, то существуетъ немало и такихъ, которые сами претендуютъ на роль господъ. Въ теченіе нѣкотораго времени, подъ вліяніемъ примитивнаго социализма сенъ-симонистовъ и послѣдователей Конта, казалось, властвовало надъ умами слѣдующее положеніе: подобно тому, какъ большой заводъ раціонально ведется инженерами, такъ же точно и обществомъ должны были править, по крайней мѣрѣ, въ теченіе извѣстнаго времени, техники и художники, т.-е. какъ-разъ предводители новыхъ школъ, претендующихъ, въ свою очередь, на непогрѣшимость. До сихъ поръ эти претензіи все еще не получили осуществленія даже въ Бразиліи, хотя тамъ позитивистская школа Конта, казалось, управляла національной политикой, которая, какъ и вездѣ, была подчинена рутинѣ и

капризу. Не подлежитъ сомнѣнію, что, замкнутые въ классы и касты, подобно китайскимъ мандаринамъ, европейскіе ученые, даже самые выдающіеся въ своей спеціальности, были бы столь же плохими правителями, какъ и всякіе другіе властелины; и тѣмъ легче прониклись бы они убѣжденіемъ въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ надъ обыкновенными смертными, чѣмъ выше стояла бы въ дѣйствительности ихъ ученость.

Уже задолго до момента обладанія властью многіе ученые, а въ особенности тѣ, которые занимаютъ высокія положенія, весьма озабочены вліяніемъ, производимымъ тѣмъ или инымъ ученіемъ. Такъ, въ сентябрѣ 1877 года, во время сѣзда естествоиспытателей въ Мюнхенѣ, возникъ великій споръ по поводу эволюціонной теоріи, которая, подъ названіемъ «дарвинизма», волновала тогда весь міръ. И вотъ, по странному перемѣщенію точекъ зрѣнія, главный вопросъ, вокругъ котораго сосредоточивались пренія, касался не самой истины, какъ таковой, и тѣхъ соціологическихъ слѣдствій, которыя вытекали изъ новыхъ идей. Заботы экономическаго и политическаго характера овладѣли умами всѣхъ, даже тѣхъ, которые желали отъ нихъ освободиться. «Прогрессисты» Вирховъ энергично атаковалъ новую теорію органической эволюціи и резюмировалъ свою мысль слѣдующей заключительной сентенціей, которую онъ считалъ рѣшающей: «Дарвинизмъ ведетъ къ социализму». Съ своей стороны, Геккель и за нимъ всѣ послѣдователи Дарвина, присутствовавшіе на конгрессѣ, доказывали, что отстаиваемая ими теорія наноситъ смертельный ударъ социалистамъ, и что послѣднимъ, чтобы продлить на нѣкоторое время свои печальныя иллюзіи, остается только дѣлать фигуру умолчанія по отношенію къ работамъ учителя ¹⁾. Но годы шли за годами. Несмотря на строгія рѣчи Вирхова и Геккеля, исторія шла своимъ ходомъ, и социализмъ вступилъ въ міръ параллельно съ дарвинизмомъ, который проникалъ въ науку. Оба «революціонныя» ученія превосходно ужились другъ съ другомъ, и немало можно назвать ученыхъ, которые объяснили намъ, *post factum*, почему это такъ и должно было быть. По крайней мѣрѣ, изъ невѣрности ихъ пророчествъ вытекаетъ тотъ выводъ, что педанты, замкнутые въ заинтересованную касту, отнюдь не представляютъ собою науки, и что послѣдняя развивается безъ ихъ оффиціальной помощи; ея развитіе подвигаютъ тысячи человѣческихъ интеллектовъ, которые работаютъ надъ ней, каждый въ отдѣльности, и горячо ищутъ только истины. Прогрессъ знанія совершается только путемъ постоянного обновленія. Ни одинъ человѣкъ не

1) Hans Kurella, «Socialismus und moderne Wissenschaft».

может что-нибудь создать, не может даже изучать, если онъ не всосетъ въ свою плоть и кровь новое знаніе, вполне искренно и прямо. Въ свободныхъ успѣхахъ каждаго индивида коренится вся проблема ученія.

ВОСПИТАНІЕ

Школа, дѣйствительно сбросившая съ себя ярмо древняго рабства, можетъ получить правильное развитіе только въ самой природѣ.

Глава одиннадцатая.

НЕПОГРѢШИМОСТЬ ОБУЧЕНІЯ.—ВОСПИТАНІЕ У ПЕРВОБЫТНЫХЪ НАРОДОВЪ.—ПРИМѢРНАЯ ШКОЛА.—СОВМѢСТНОЕ ВОСПИТАНІЕ.—ИСПЫТАНІЯ, ЭКЗАМЕНЫ И ДИПЛОМЫ.—НОРМАЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА ВЫСШАГО ОБРАЗОВАНІЯ.—РАСПРОСТРАНЕНІЕ НАУКИ.—ВСЕОБЩІЙ ЯЗЫКЪ.—ВСЕОБЩАЯ ГИГИЕНА.—НАРОЖДЕНІЕ КРАСИВОЙ ПОРОДЫ.—ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.—ИСКУССТВО СВОБОДНО.—НАГОТА.—НАУКА, ИСКУССТВО И ПРИРОДА.—ИСКУССТВО—ЭТО ЖИЗНЬ.

Подобно самой наукѣ, даже въ еще болѣе опредѣленной мѣрѣ, обученіе обуславливается національными особенностями, то-есть географическими, а затѣмъ и историческими условіями, при какихъ развивался каждый народъ. Въ теоріи же дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: подразумѣвается, что всякій человѣкъ, берущій на свою отвѣтственность обученіе другого человѣка, будь-то ребенокъ или взрослый,

имѣть въ виду одну только цѣль: быть добросовѣстнымъ истолкователемъ истины и перелить въ душу другого то, что онъ самъ уже позналъ въ совершенствѣ, и что находитъ нужнымъ передать съ полной радостью знанія, съ братской любовью. На практикѣ подобныя явленія встрѣчаются больше въ видѣ исключенія, а между тѣмъ знанія могли бы при такихъ условіяхъ распространиться въ массахъ на подобіе пылающаго пожара. На дѣлѣ же мы видимъ, что такъ называемое обученіе получаетъ обыкновенно совершенно иной обликъ. Учителя, большей частью просто ремесленники, обыкновенно не одухотворены этимъ священнымъ пламенемъ—вдохновеніемъ истины, и дѣло преподаванія исполняется ими подъ диктовку національныхъ, религіозныхъ и кастовыхъ интересовъ. Всѣ пережитки старины входятъ въ составъ столь сложнаго и столь разносторонняго дѣла обученія.

Прежде всего, самый капитальный недостатокъ школьной системы—это тотъ, который свойственъ всѣмъ человѣческимъ учрежденіямъ, а именно: претензія на непогрѣшимость въ своихъ сужденіяхъ, которую такъ охотно приписываютъ себѣ учителя. Дѣти, глядя на строгое лицо своего отца или того, кто замѣняетъ имъ его, готовы запечатлѣть въ своей памяти каждое великое слово, пророченное имъ; навпно и добровольно они даютъ благоприятную почву, которая такъ правится преподавателямъ. Такимъ образомъ, безъ особаго труда образуется своего рода религія, святители которой охотно признаютъ себя проводниками истины. Къ представленію объ ихъ личной непогрѣимости присоединяются другія претензіи на непогрѣимость, въ зависимости отъ различныхъ странъ, различныхъ культовъ и классовъ, давая первой болѣе высокую санкцію. Такимъ образомъ, въ каждой странѣ функционируетъ своя особая система обученія, причемъ разница доходитъ порой до полной взаимной противоположности двухъ системъ. Отечество, религія, каста,—все имѣетъ свою условную истину, служащую исходной точкой всякаго воспитанія, составляющую основу всей системы. Но общая эволюція, сближающая людей, сглаживая постепенно столкновеніе расъ, идей и страстей, стремится также къ уравниенію всѣхъ методовъ преподаванія, ослабляетъ постепенно его деспотическій характеръ и предоставляетъ ребенку болѣе широкій просторъ для развитія личной инициативы.

Искусство воспитанія, какъ и всякое другое искусство, не выдуманно человѣкомъ. Во всѣхъ побѣдахъ духа человѣку предшествовали животныя; всякій разъ, какъ человѣкъ переставалъ слѣдовать преподаванію ему примѣру, онъ попадалъ на ложный путь. Воспитаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно понято «нашими низшими братьями», сохранило свой нормальный характеръ, тогда какъ у людей

оно часто переходило въ чистую рутину, а по временамъ принятое имъ направленіе становилось въ противорѣчіе съ самой цѣлью воспитанія; перѣдко оно переходило даже въ настоящее звѣрство. Птица очень мило обучаетъ своихъ птенчиковъ искусству избѣгать непріятеля и добывать себѣ пищу; затѣмъ она ихъ учитъ щебетать, поетъ имъ то, что мы назвали бы «національными пѣснями», учитъ ихъ держаться въ кажущейся пустотѣ, приучаетъ ихъ вылетать изъ родного гнѣзда на постепенно увеличивающіяся разстоянія; затѣмъ, когда она ничему не можетъ болѣе обучить своихъ птенцовъ, когда устанавливается полное равенство между обоими поколѣніями въ силѣ, ловкости, смысленности, тогда она отходитъ, отказывается отъ своей воспитательской дѣятельности. Животныя, наиболѣе приближающіяся къ человѣку, какъ, наприкладъ, лисица, собака, кошка, воспитываютъ своихъ дѣтенышей, обучая ихъ быстрой бѣготѣ, отчаяннымъ прыжкамъ и играмъ, требующимъ силы и ловкости, въ тотъ періодъ, когда эти молодыя животныя изобилуютъ запасомъ энергіи, властно требующей проявиться наружу¹⁾.

Но этотъ избытокъ энергіи всегда использованъ самымъ разумнымъ образомъ, хоть и радостно и съ полнымъ проявленіемъ веселья, такъ какъ игры эти—сознательно со стороны родителей и безсознательно со стороны дѣтей—преслѣдуютъ цѣль приспособленія ко всякимъ обстоятельствамъ самостоятельной жизни, которая скоро для нихъ начнется. По классификаціи Гросса²⁾, игры сводятся къ изслѣдованію окружающихъ предметовъ; къ наблюденію за движеніями, отличающимися различными породы животныхъ; къ приобрѣтенію навыка въ охотѣ на живую, мертвую или даже воображаемую добычу, въ борьбѣ, въ постройкѣ жилищъ, въ наблюденіи причинной связи нѣкоторыхъ явленій; къ подражанію ухваткамъ и дѣйствіямъ взрослыхъ, которое особенно ярко выражается у людей въ заботахъ о куклѣ, символизирующей будущаго ребенка. Вотъ эти-то уроки и готовятъ къ жизни дѣтенышей, не переступившихъ еще ея порога.

Воспитаніе у первобытныхъ народовъ ничѣмъ не отличается отъ только-что описаннаго. Дѣти находятся въ непосредственной близости къ своимъ родителямъ, перенимая такимъ путемъ ихъ рѣчь, походку, дѣйствія. Они становятся мужчинами по образцу отца, а женщинами по образцу матери, но живутъ одной жизнью съ природой и въ сферѣ тѣхъ же самыхъ работъ, обязанность продолжать которыя перейдетъ къ нимъ, когда сойдутъ со сцены ихъ предшественники. Всякій успѣхъ зависитъ отъ ихъ личныхъ способностей, отъ степени ихъ приспособляемости къ средѣ, которая можетъ дать имъ благосостояніе. Школа

1) Гербертъ Спенсеръ.—2) Karl Groos, «Die Spiele der Thiere».

ихъ, подобно школъ вободныхъ грековъ, представляетъ собой часы досуга и отдыха отъ повседневныхъ занятій для родителей, каникулы и является, вообще говоря, періодомъ освѣжающихъ бесѣдъ, укрѣпляющихъ дружбу, прогулокъ, во время которыхъ совершается обмѣнъ мыслей. Въ эту эпоху цивилизаціи требованія труда были уже таковы, что родители должны были порвать эту первобытную неразлучность съ дѣтьми и принуждены были отдавать ихъ подъ присмотръ специальныхъ воспитателей. Такъ возникла школа. Контрасты, которые представляютъ школы различныхъ странъ въ смыслѣ методовъ воспитанія, даютъ намъ необходимый матеріалъ для установленія того, какія страны находились на пути къ прогрессу, а какія на пути къ регрессу. Произведенія

Женская школа въ Тунисѣ.

скульптуры и пісьни изображаютъ греческихъ дѣтей играющими, пляшущими, украшающими себя вѣнками изъ цвѣтовъ, почтительно обращающими головы къ женщинамъ и старикамъ. Что же касается египетскихъ памятниковъ, то они довольно настойчиво свидѣлствуютъ о томъ, въ какомъ почетѣ находилась у воспитателя

палка, разгуливавшая по спинамъ учениковъ. Отсюда-то черезъ посредство «священныхъ» книгъ и появилась у насъ столь зловѣщая поговорка, примѣняемая къ дѣтямъ изъ поколѣнія въ поколѣніе: «кого люблю, того и бью».

Въ нынѣшнюю историческую эпоху, столь выдающуюся по обилію театровъ, на сценѣ которыхъ разрѣшаются жизненные вопросы человечества,—въ эту эпоху всѣ методы воспитанія примѣняются въ равной мѣрѣ. Большинство изъ нихъ приняло за исходную точку тотъ принципъ, что воспитатель является замѣстителемъ родителей и, главнымъ образомъ, отца; этотъ послѣдній передаетъ ему всѣ свои полномочія воспитателя, учителя и собственника ребенка. Но и отецъ не единственный собственникъ своего сына: общество, являющееся, въ зависимости отъ борьбы различныхъ партій, либо теократическимъ, либо свѣтскимъ государствомъ, считаетъ, что ученикъ принадлежитъ ему, и требуетъ, чтобы онъ былъ воспитанъ соотвѣтственно тому положенію,

къ которому его предназначаютъ, и которое онъ долженъ занять въ будущей своей жизни. Наконецъ, опираясь на свободныя требованія самихъ дѣтей, изъ окружающаго мрака появляется идея, гласящая, что дѣти—существа, равноправныя со взрослыми, и что воспитаніе ихъ должно идти отнюдь не сообразно съ волею отца, требованіями церкви или государства, но должно отвѣчать на ихъ личные духовные запросы. Слабые, маленькіе, эти юнцы тѣмъ болѣе священны для взрослыхъ, которые любятъ и защищаютъ ихъ. Тѣ немногія школы, которыя на практикѣ строго придерживаются указаннаго педагогическаго принципа, являются убижищами радостнаго и плодотворнаго ученія, благодаря тому, такъ сказать, «крайнему уваженію», которымъ ребенокъ пользуется со стороны своихъ наставниковъ. Увы! При одной лишь мысли о томъ, что представляли собою школы въ которыхъ обучалось большинство людей нашего поколѣнія, кто изъ насъ не повторитъ словъ святаго Августина: «лучше умереть, нежели вернуться въ школу нашего дѣтства»!

Мужская школа въ Тунисѣ.

Каждой новой фазѣ, въ которую вступаетъ общество, соответствуетъ особый взглядъ на воспитаніе, опредѣляющійся сообразно интересамъ доминирующаго класса. Пережитки древнихъ монархическихъ и теократическихъ цивилизацій продолжаютъ существовать въ школахъ по слѣдующей причинѣ: въ то время какъ въ активной жизни взрослые мужчины освобождаются отъ древняго гнета, дѣти, подобно женщинамъ, принесены, въ силу своей слабости, въ жертву и надолго обречены испытывать на себѣ рутину прежнихъ методовъ. Образецъ руководства воспитанія существуетъ уже много тысячъ лѣтъ, и все-таки до сихъ поръ еще повторяютъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ встрѣчающіяся въ нихъ «наравоучительныя» наставленія. «Повиновеніе, повиновеніе и повиновеніе!»—такова, въ сущности, единственная мораль, которая красной нитью проходитъ черезъ всю книгу Пта-Готенъ, составленную, а, быть-можетъ, всего лишь переписанную съ какой-нибудь другой, еще болѣе древней книги, въ концѣ пятой династіи, другими словами—пятьдесятъ

одинъ вѣкъ тому назадъ, и хранящуюся нынѣ въ парижской національной библіотекѣ. Повиноваться для того, чтобы быть вознагражденнымъ долго лѣтней жизнью и благосклонностью учителей, — вотъ въ чемъ состоитъ вся добродѣтель. Авторъ этой книги приводитъ въ примѣръ самого себя «Этимъ путемъ я заслужилъ на землѣ названіе древняго; я прожилъ сто десять лѣтъ жизни и при благосклонности царя и одобреніи древнихъ исполняя свой долгъ по отношенію къ царю въ предѣлахъ его милости» Это буквально то же правоученіе, которое было повторено въ послѣдствіи заповѣдью, вложенною Моисеемъ въ уста Божьи: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будешь на земли» ¹⁾.

Упорно сохраняющіеся предрассудки, благодаря которымъ легко смѣшиваютъ дружескія семейныя отношенія съ ложнымъ признаніемъ необходимости строгости, съ одной стороны, и безусловнаго повиновенія — съ другой, затрудняютъ составленіе яснаго сужденія о постановкѣ школьнаго дѣла. Если каждый человѣкъ въ частности долженъ пользоваться полной свободой, то казалось бы на первый взглядъ, что родители имѣютъ полную свободу строить воспитаніе своихъ дѣтей на традиціонныхъ принципахъ порабощенія и кастраціи духа. Но изъ права на свободу отца вовсе не вытекаетъ, чтобы онъ могъ посягать на свободу сына. Это соответствовало бы тому, какъ если бы предоставили профессиональному палачу свободу снимать головы; военному предоставили бы свободу забавляться штыкомъ, избравъ объектомъ для этого китайцевъ или толпу бастующихъ рабочихъ; судья далъ бы волю отправлять людей въ тюрьмы изъ одной прихоти или по капризу. Точно такой же характеръ носитъ полноправіе отца, когда онъ безусловно воленъ распоряжаться судьбой своего потомства, посвящая его либо государству, либо церкви: въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ убиваетъ его или — что еще хуже — уничтожаетъ. Въ своей близорукой «любви» онъ самымъ роковымъ образомъ дѣлается врагомъ своихъ близкихъ.

Въ сферѣ социальныхъ отношеній свободныхъ людей между собою имѣть отнюдь не вмѣняется въ обязанность видѣть въ отцѣ полноправнаго собственника своего сына или дочери, подобно тому, какъ это было во всѣ времена, начиная отъ Аристотеля и отцовъ церкви и до временъ отцовъ американской конституціи: въ тѣ времена хозяинъ являлся полноправнымъ собственникомъ своихъ рабовъ. Приверженцы новой морали должны признавать всякаго человѣка полноправнымъ; признавая это полноправіе таковымъ даже за новорожденнымъ младенцемъ, они отстаиваютъ его права у всѣхъ и прежде всего у отца. Разумѣется, что такая коллективная солидарность борца за справедливость съ угнетеннымъ ребенкомъ представляется на практикѣ дѣломъ чрез-

1) «Исходъ», гл. XX, ст. 12.

вычайно щекотливымъ, но, тѣмъ не менѣе, оно не перестаетъ быть общественнымъ долгомъ: надо быть либо борцомъ за право, либо соучастникомъ преступленія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всякомъ правственномъ вопросѣ, возникаетъ задача о сопротивленіи или непротивленіи злу; уклоняясь отъ сопротивленія, завѣдомо отдаешь кроткихъ и бѣдныхъ подъ власть угнетающихъ и богатыхъ.

Нѣкоторые воспитатели начинаютъ уже понимать, что на ихъ обязанности должно лежать облегченіе ребенку развиваться сообразно съ логикой его природы; единственная цѣль, къ которой надо стремиться, это—во-первыхъ, дать развиваться въ юномъ умѣ тѣмъ задаткамъ, которыми онъ одаренъ, и которые хранятся въ немъ пока въ безсознательномъ состояніи; во-вторыхъ, добросовѣстно способствовать внутренней работѣ, не торопясь и не дѣлая преждевременныхъ заключеній. Ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ силой открывать цвѣтокъ, чтобы заставить его расцвѣсть, откармливая растеніе или животное, прежде времени давать ему слишкомъ питательную пищу. При обученіи ребенка надо поддерживать въ немъ охоту учиться: ни грамматика, ни литература, ни всемірная исторія, ни искусство не могли бы его заинтересовать безъ этого условія; онъ можетъ понять эти предметы только тогда, когда они преподнесены ему въ конкретныхъ формахъ: въ удачномъ выборѣ оборотовъ и словъ, въ разсказахъ и описаніяхъ, въ сказкахъ, картинахъ. Мало-по-малу, все то, что ребенокъ видѣлъ и слышалъ, возбуждаетъ въ немъ желаніе получить цѣльное представленіе, логическую систематизацію своихъ отрывочныхъ свѣдѣній; тутъ наступаетъ время обучить его родному языку, показать ему логическую связь между различными явленіями, между литературными и художественными произведеніями. Тогда только онъ будетъ способенъ познать науки не одной только памятью, и сама природа его будетъ требовать сравнительнаго изученія. Подобно народамъ, стоящимъ на низкой степени развитія, юнцамъ предстоитъ пройти черезъ обыденный путь, представленный гимнастикой, ремеслами, наблюденіями и первымъ опытомъ. Къ обобщеніямъ приступаютъ значительно позже. Въ противномъ же случаѣ рискуешь тѣмъ, что у дѣтей утратится пылкость воображенія, ихъ умственные способности притупятся прежде времени, и изъ нихъ выйдутъ скептики и пресыщенные люди, а это изъ всѣхъ золъ было бы наихудшимъ.

Любовь и уваженіе къ ребенку должны были бы удерживать наставника въ его воспитательской и преподавательской дѣятельности отъ упрощеннаго способа древнихъ деспотовъ, то-есть, отъ угрозы и дѣйствія страхомъ. Главная сила, имѣющая въ его распоряженіи, это естественное превосходство, присущее воспитателю, сказывающееся въ его ростѣ и силѣ, въ его возрастѣ, въ его умѣ, научныхъ познаніяхъ, въ нравственныхъ достоинствахъ и въ знаніи жизни. Этого достаточно, но

важно, чтобы ребенокъ сохранилъ полное господство надъ своими способностями и не утомлялся чрезмѣрной работой.

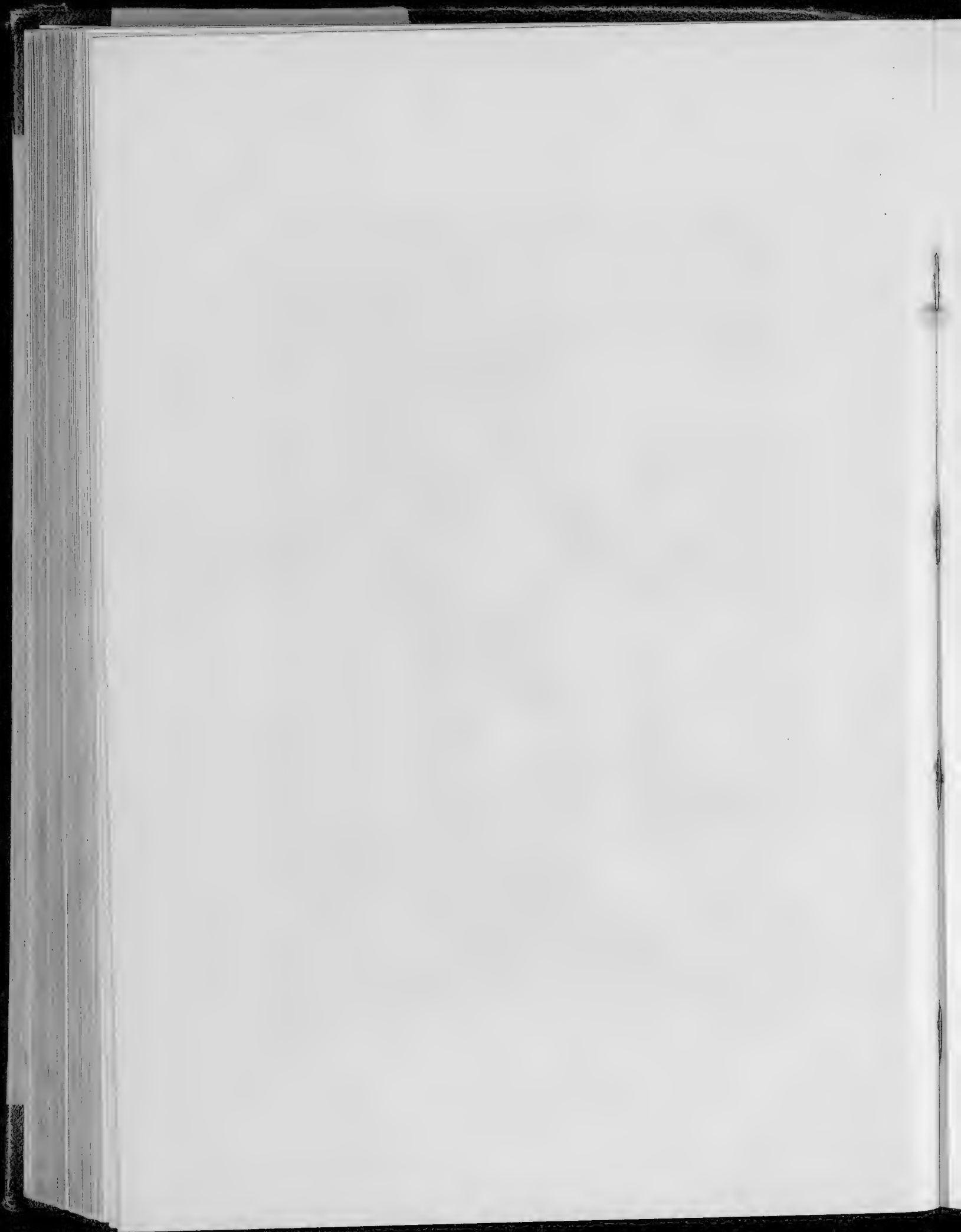
Принимая во вниманіе, что воспитаніе есть не что иное, какъ сотрудничество между ученикомъ, съ его индивидуальнымъ характеромъ, со всѣми его привычками, особенностями духовнаго склада, его спеціальнымъ призваніемъ, съ одной стороны, и учителемъ, желающимъ использовать эти задатки для разрѣшенія задуманной имъ задачи интеллектуальнаго и нравственнаго развитія ребенка,—съ другой; наставникъ долженъ въ совершенствѣ узнать каждого изъ своихъ питомцевъ; сохраняя полное безпристрастіе и справедливость, онъ долженъ, однако, приступать къ каждому отдѣльному ребенку съ различными приѣмами. Въ силу этого классъ его не долженъ состоять изъ большого количества учениковъ; многочисленный классъ можетъ быть допустимъ только при составленіи хоровъ, при гимнастическихъ упражненіяхъ, прогулкахъ, играхъ.

Тѣмъ не менѣе, необходимо, чтобы ученикъ имѣлъ нѣсколько товарищей и при серьезныхъ занятіяхъ; такъ какъ индивидуальная инициатива должна дополняться развитіемъ подражательной способности. Въ томъ, что мы называемъ соревнованіемъ, сказывается, пока мы имѣемъ дѣло съ хорошими проявленіями его, естественная потребность подражать своему товарищу, знать то, что онъ знаетъ, быть ему равнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Большинство учениковъ тратило бы на занятія больше труда, если бы они должны были учиться въ одиночествѣ, безъ друзей, невольно подбодряющихъ ихъ своимъ голосомъ, жестами, мимикой: проявленіе жизни въ другихъ вызываетъ жизнь въ нихъ самихъ. Примѣръ товарищей выучиваетъ ихъ гораздо большему, нежели факты, которыми они обогащаютъ свою память; они приравниваются къ извѣстной методѣ, приучающей ихъ къ извѣстному порядку въ занятіяхъ. Имъ удается дисциплинировать свои усилія; они приучаются осуществлять на практикѣ начала взаимопомощи, которая окажется имъ въ послѣдствіи очень полезной въ жизни. Такимъ образомъ, хорошо поставленная система воспитанія допускаетъ одновременныя занятія съ довольно многочисленной группой дѣтей, въ цѣляхъ предоставить имъ болѣе веселую и живую обстановку при работѣ.

Изъ сколькихъ же единицъ можетъ быть составлена группа? Пѣ-которые теоретики преподаванія хотѣли ограничить ее восемью; число это, казалось имъ, вносило естественную гармонію, ритмъ легкаго распре-дѣленія, который отразился-бы на всей совокупности занятій (Barthélemy Meun), но жизнь, вѣчно измѣняющаяся въ своихъ проявленіяхъ, не укладывается въ эти рамки, заранѣе уже намѣченные: несомнѣнно полезнымъ является модифицировать школьныя условія въ зависимости отъ личностей и отъ среды. Большое значеніе имѣетъ то обстоятельство,

Петрушка въ Маньчжуріи.

чтобы группа молодых учеников не образовывала шумного собрания, среди котораго отдѣльные индивидуумы могли бы ускользнуть отъ непосредственнаго наблюденія наставника; ученики должны, напротивъ, составить, въ видахъ радостной, веселой и плодотворной работы, настоящую семью. Воспитатель былъ бы одновременно отцомъ и братомъ, идя со своимъ умомъ и знаніями навстрѣчу запросамъ дѣтей, точно отдавая себѣ отчетъ о состояніи ихъ познаній, какъ сознательныхъ, такъ и безсознательныхъ, зарожда въ молодомъ сознаніи работу мысли, соотвѣтствующую его собственной, и доводи его, такимъ образомъ, до пониманія истины и счастья дѣятельности.

Сравнивая между собою ту систему воспитанія, при которой дѣти образуютъ какъ бы большую семью, съ той, при которой ребенокъ растетъ въ одиночествѣ, мы убѣдимся, что въ первомъ случаѣ дѣти, вступая между собою въ общеніе, входятъ во вкусъ внѣшней жизни со всѣми ея радостями и печалями, во второмъ же, будучи объектомъ исключительнаго вниманія со стороны отца и матери, ребенокъ превращается въ дѣйствительно обездоленное созданіе: въ этомъ случаѣ ясно сказывается отсутствіе у него товарищей, съ которыми онъ могъ бы работать какъ съ равными, являющимися одновременно друзьями и сверстниками. Родители какъ-разъ своей самоотверженной любовью могли воспитать въ немъ только эгоиста, и вотъ, когда ему будетъ лѣтъ двадцать, и онъ превратится уже въ молодого человѣка, онъ вступитъ въ жизнь, считая свою драгоценную персону центромъ всего мірозданія.

Самое важное—это не пойти по ложному пути въ первые годы воспитанія. Для того, чтобы «создать» мужчинъ и женщинъ, надо выбирать для начальныхъ школъ самыхъ лучшихъ, самыхъ серьезныхъ, но и самыхъ мягкихъ воспитателей, чтобы подъ ихъ вліяніемъ юношество совершенствовалось физически и морально. Не надо стараться при ихъ содѣйствіи что-то такое «насадить», въ школѣ не должно быть мѣста «презрѣнію къ плоти», этому наслѣдію первыхъ вѣковъ христіанства, которое создаетъ, во имя превосходства духа надъ плотью, людей, работающихъ изъ-подъ палки и непригодныхъ для реальной жизни; регулярность обученія и воспитанія не должна также нарушаться ни задержками, ни внезапной стремительностью или отступленіями назадъ, ни какими бы то ни было колебаніями. Долой «уроки», являющіеся уроками лишь по формѣ, а на самомъ дѣлѣ состоящіе лишь въ зубреніи книжекъ, не вызывающемъ никакихъ усилій мысли, такъ какъ такое преподаваніе ничуть не повышаетъ дѣятельности мозга ¹⁾. Для религіознаго обученія такой методъ преподаванія имѣетъ свои положительныя стороны, такъ какъ, если бы это обученіе велось серьезными методами,

1) Самсоновъ, «Жизель» за дек. 1899 г.

то въ душу ребенка вселился бы ужасъ, внесенный идеей о Богѣ-мстителѣ. Какъ краснорѣчиво говорить объ этомъ Толстой¹⁾, наибольшимъ преступленіемъ, которое можно совершить по отношенію къ ребенку, и въ которомъ повинны почти всѣ воспитатели и родители цивилизованныхъ странъ, является то, что преподаваніе начинается изображеніемъ Высшаго Существа — начала всего существующаго—въ устрашающихъ краскахъ, подъ видомъ какойто въ высшей степени капризной, несправедливой и дикой силы, которая, сотворивши человѣка съ наклонностями къ первородному грѣху, караетъ за этотъ самый грѣхъ вѣчными мученіями. Но если даже ребенокъ смутно представляетъ себѣ, что люди должны помогать другъ другу въ поискахъ за счастьемъ, и отворачивается отъ этого варварскаго метода обученія, который ему преподносятъ, мысли его не будутъ отъ этого менѣе спутанными и нерѣшительными, а двойственность, внесенная въ его внутренній міръ, приучитъ его къ лицемерію словомъ.

Подобно тѣмъ, которые изъ страха передъ революціей превозносятъ терпѣніе какъ высшую добродѣтель и держатся пословицы: «тише ѣдешь—дальше будешь», и мы могли бы ждать отъ школы, что со временемъ она станетъ развивать въ своихъ питомцахъ идеи свободы. Но это значило бы забывать, что на ряду со школами прогрессивнаго направленія существуетъ множество и такихъ, которые идутъ по пути регресса. Благодаря предписаннымъ имъ программамъ, а также направленію тѣхъ лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ онѣ находятся, большинство школъ является очагомъ рутины и даже реакціи; здѣсь, благодаря безсмысленности и превратному преподаванію, заранѣе воспитывается армія или, по крайней мѣрѣ, шайка людей, враждебныхъ прогрессу. Существуетъ множество такъ называемыхъ школъ, въ которыхъ проводится въ жизнь идеалъ контръ-революціи, одухотворяющій ихъ основателей; здѣсь дѣти, правда, выучиваются осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, класть земные поклоны, оттарабанивать зазубренную, но непонятую молитву, придерживаясь рабскихъ правовъ. Но, когда послѣ перваго причащенія они начинаютъ работать, оказывается, что они забыли уже читать, а когда становятся постарше, то едва могутъ написать собственное имя. Какими ихъ создала Церковь, такими они и останутся на всю свою жизнь.

Но постепенная эволюція идей, все болѣе удаляясь отъ устоевъ стараго порядка, все же связана съ нимъ глубоко засѣвшими предрасудками, общимъ направленіемъ всей умственной дѣятельности, привыкшей работать такъ, а не иначе. На этой почвѣ и возникло современное не-

1) «De l'Education Religieuse», «Revue Blanche», 15 sept. 1900, pp. 102 ss.

суразное обученіе, дающее въ результатъ безтолковщину и противорѣчія.

№ 586. Грамотность на Апеннинскомъ полуостровѣ.

1: 10 000 000

0 100 250 500 Кил.

Эта карта-диаграмма изображаетъ, при помощи болѣе или менѣе густо заштрихованныхъ мѣстъ, процентное отношеніе количества вступившихъ въ бракъ (обоого пола) и не умѣвшихъ расписаться на брачномъ контрактѣ:

А, отъ 0—15 0/0. В, отъ 15—30 0/0. С, отъ 30—45 0/0.
D, отъ 45—60 0/0. E, отъ 60—75 0/0. F, свыше 75 0/0.

Данныя относительно Корсики за 1901 г. устанавливають отношеніе въ 34 0/0, въ Приморскихъ Альпахъ — 23 0/0. Относительно Австро-Венгрии и Балканскаго полуострова нѣтъ достовѣрныхъ и точныхъ данныхъ.

При всей скудости преподаванія, у христіанскаго пастыря стараго времени было большое преимущество, заключавшееся въ наличности

извѣстной логики, находящейся въ связи съ искренней вѣрой и наивнымъ поклоненіемъ. Но у нынѣшняго воспитателя нѣтъ болѣе вѣры; онъ обязанъ, по извѣстному выраженію, «изгнать Бога изъ школы» и долженъ поэтому согласовать между собою всѣ методы преподаванія, навѣянные католицизмомъ и монархіей. Они опираются на тѣ же старинные прецеденты въ области обученія и мнимой нравственности, такъ что у нихъ получается та-же старая погудка, но на новѣйшій ладъ. Бога они замѣняютъ новымъ божествомъ: «закономъ» или «отечествомъ», облеченнымъ въ различные символы, въ родѣ флаговъ и т. под. Если бы въ дѣтяхъ укрѣпилась серьезная вѣра въ эти новые фетиши, то ихъ умственный горизонтъ неминуемо долженъ былъ бы значительно сузиться, такъ какъ «отечество» въ изображеніи «патріотовъ» есть не что иное, какъ узкій клочекъ земли, окруженный, какъ полагаютъ, со всѣхъ сторонъ врагами, тогда какъ идея въ Богѣ должна была бы будить въ простыхъ и мягкихъ душахъ представленіе о какой-то высшей справедливости и всеобъемлющей любви.

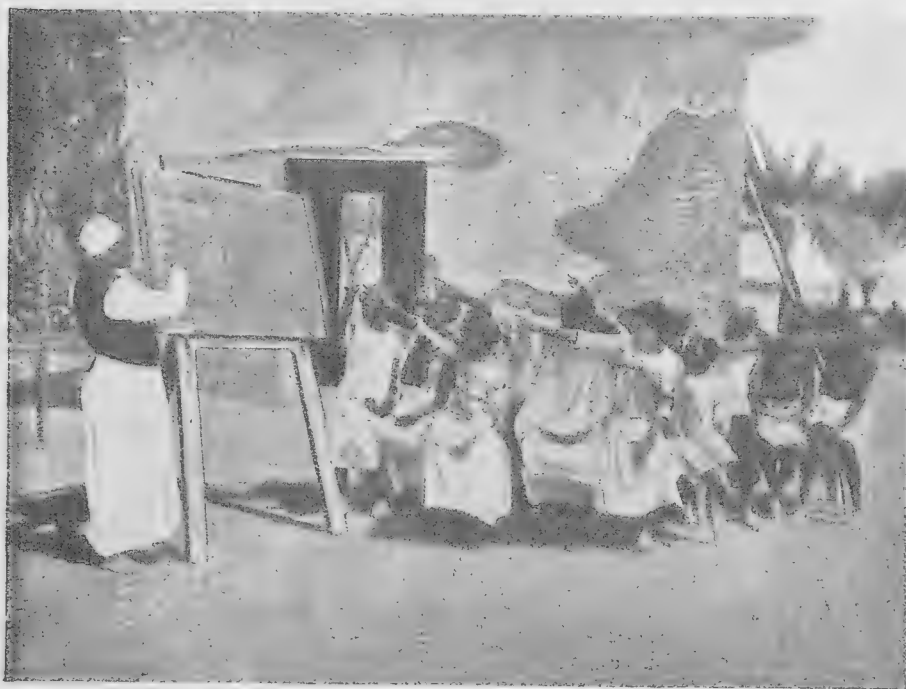
Школа, дѣйствительно сбросившая съ себя ярмо древняго рабства, можетъ получить правильное развитіе только въ самой природѣ. Всевозможныя прогулки, пикники въ поляхъ, лугахъ и лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ или моря,—все то, что считается теперь въ нашихъ школахъ чѣмъ-то исключительнымъ, какимъ-то праздникомъ, должно было бы стать правиломъ. Ибо только на вольномъ воздухѣ можно ознакомиться съ растеніями, животными, съ тѣмъ же трудящимся классомъ, быть котораго изучаютъ; только такимъ путемъ можно составить собѣ точное и связанное представленіе о внѣшнемъ мірѣ. Но родители и воспитатели очень робко идутъ по этой дорогѣ созданія «школы на вольномъ воздухѣ». А вѣдь какъ полезно было бы соединить развитіе физическаго здоровья съ развитіемъ нравственнаго путемъ радостнаго труда внѣ душнаго класса, на свѣжемъ воздухѣ и деревенскомъ просторѣ!

Такъ, напримѣръ, въ Купвре (деп. Сены и Марны) среди школьниковъ образовалось нѣчто въ родѣ общества покровительства птицамъ, которое защищало въ 1898 году 570 птичьихъ гнѣздъ отъ ихъ постоянныхъ враговъ: совъ, ласокъ, крысъ и мышей¹⁾. Въ областяхъ Юры учащіеся въ Сенкветралѣ, близъ Сентъ-Клода, принялись за посадку деревьевъ по изборожденнымъ оврагамъ склонамъ; теперь они не безъ гордости могутъ показать на этихъ склонахъ лѣсокъ приблизительно въ 15000 деревьевъ какъ на продуктъ своего труда; не одинъ лугъ защищается этими деревьями отъ того вреда, который имъ приносили испорченные воды.

Эти полезныя занятія на свѣжемъ воздухѣ заключаютъ въ себѣ рудименты тѣхъ ремеслъ, которыя сначала были достояніемъ первобыт-

1) «Revue Scientifique», 13 févr. 1899, p. 128.

наго человека, а теперь развились въ мощную промышленность нашихъ дней. Имъ принадлежитъ почетное мѣсто въ программѣ преподаванія. На ряду съ ними слѣдовало бы включить сюда архитектуру, скульптуру и рисованіе, которое дѣти такъ любятъ, но съ которымъ тѣсно связано искусство письма и, слѣдовательно, чтенія; здѣсь слѣдуетъ удѣлить мѣсто и пѣнію, танцамъ, мимикѣ, обученію пластикѣ, изящнымъ ритмичнымъ движеніямъ. Такова должна быть программа занятій, имѣющихъ цѣлью

Негритянская школа.

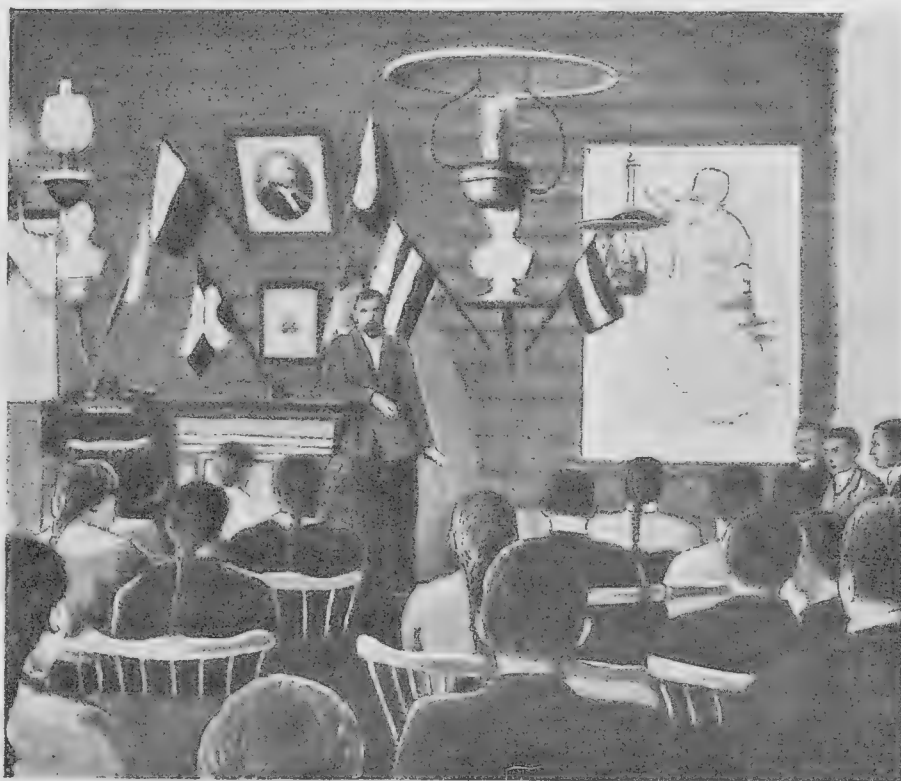
подготовить ребенка къ дальнѣйшему изученію цикла наукъ, благодаря которымъ онъ выйдетъ въ люди. Кромѣ того, дѣтей слѣдовало-бы обучать математикѣ постольку, поскольку это возможно при помощи фигуръ, начерченныхъ на пескѣ. Геометрія и алгебра являются великолѣпными способами для развитія логичности мышленія и выраженія мыслей: тотъ, кто получаетъ понятіе о величинахъ, научивается связывать въ одну цѣль свои сужденія и управлять своею рѣчью. Что же касается специальныхъ наукъ, которыя явятся на сцену уже въ періодъ юношества, то онѣ будутъ комбинироваться сообразно со способностями индивида, такъ какъ важно, чтобы онѣ были приспособлены къ каждой отдѣльной личности и отвѣчали бы безусловно ея собственному призванію. Однако,

важно, чтобы каждый воспитанникъ имѣлъ болѣе или менѣе ясное понятіе обо всемъ, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы его могъ радовать прогрессъ въ каждой отрасли науки и искусства, и чтобы онъ могъ принимать участіе въ разговорахъ своихъ товарищей на тему о тѣхъ матеріяхъ, которыя интересуютъ ихъ какъ специалистовъ. Но такъ какъ невозможно познать всего, то пусть, по крайней мѣрѣ, каждый изучаетъ тотъ предметъ, который ему нравится, но по извѣстной методѣ и въ его связи съ другими науками.

Въ современныхъ педагогическихъ спорахъ считаютъ предметомъ капитальной важности вопросъ, который можно разрѣшить весьма просто, если бы слѣдовать велѣніямъ природы. Дѣти, рождающіяся въ деревенскихъ хижинахъ, воспитываются вмѣстѣ, мальчики рядомъ съ дѣвочками; все юношество данной деревни или клана готовится къ жизни совместной работой и совместными развлеченіями; «совмѣстное воспитаніе», то-есть, совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола, обыкновенно очень кратко, и никому не приходитъ въ голову отдѣлять мальчиковъ отъ дѣвочекъ для того, чтобы преподавать потомъ и тѣмъ и другимъ одни и тѣ же техническія правила или въ одинаковыхъ выраженіяхъ передавать имъ ту или иную старинную легенду. Въ начальныхъ школахъ, въ которыхъ обучаются вмѣстѣ всѣ дѣти данной мѣстности, «раздвоеніе» происходитъ только въ то время, когда воспитанники достигаютъ половой зрѣлости и начинаютъ готовиться къ тѣмъ испытаніямъ, которыя открыли бы имъ доступъ къ жизни: мальчики готовятся вступить въ общество зрѣлыхъ мужчинъ, а дѣвушки стать женщинами и матерями. Но тогда затворничество дѣвушки, являющееся какъ-бы прелюдией къ тому порабощенію, которое ее ожидаетъ въ послѣдствіи, кладетъ свои предѣлы всякому обученію: полное порабощеніе женщины мужчиной отрѣзываетъ ее отъ общественной жизни.

Точно такимъ же образомъ, во имя того же принципа зависимости женщины сначала отъ отца, а въ послѣдствіи отъ мужа, во многихъ современныхъ государствахъ установился обычай воспитывать дѣвушекъ внѣ всякаго общенія съ мальчиками; ихъ послѣдовательно воспитываютъ на началахъ покорности и субординаціи, а потому тѣ знанія, которыя имъ преподаются, болѣе или менѣе уснащаются различными сказками и отклоненіями отъ истины. Было рѣшено, что точное знаніе должно быть достояніемъ только мужчинъ, тогда какъ женщинамъ слѣдуетъ преподавать побольше нелѣпыхъ фіоритуръ и начала мнимой морали. Но теперь, когда всѣмъ сознается то уваженіе, съ которымъ нужно относиться къ наукѣ, когда всѣмъ признано право каждого человѣка знать истину во всей ея чистотѣ,—нѣтъ уже благовиднаго предлога для созданія одного рода духовной пищи для мальчиковъ, а другого для дѣвочекъ. Впрочемъ, женщины уже проникли въ стѣны университета и сидятъ рядомъ съ молодыми людьми вокругъ профессорскихъ кафедръ. Съ дру-

гой-же стороны, и давнишній обычай совмѣстнаго обученія дѣтей младшаго возраста, характеризующій наши начальныя школы, не возбуждастъ уже никакихъ толковъ и пререканій. Въ такъ называемыхъ латинскихъ странахъ единственная стадія образованія, на которой не хотятъ допустить совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, это—средняя школа. Для сопоставленія можно взять, съ одной стороны, смѣшанныя

Школа въ Финляндіи.

Снимокъ взятъ изъ сочиненія Д. Протопопова, „Финляндія“.

школы Финляндіи, Скандинавіи, Соединенныхъ Штатовъ, Шотландіи и Голландіи, а съ другой,—французскіе лица съ ихъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ. Въ этой разницѣ одни видятъ отраженіе этническихъ различій, другіе же—простое доказательство полезности совмѣстнаго воспитанія. Рѣдкія школы въ Испаніи и Франціи, въ которыхъ дѣти обоего пола воспитываются вмѣстѣ, достаточно, кажется, ясно показываютъ, что совмѣстныя занятія и игры создаютъ благоприятную атмосферу для нормальнаго развитія силъ ребенка во время его переходнаго, отроческаго возраста.

Слѣдствіемъ такого сближенія людей обоего пола на почвѣ образованія является то, что взаимное непониманіе и насильственнымъ образомъ вызванная рознь между мужчиной и женщиной постепенно исчезаютъ; постоянно скрадывается и уменьшается пропасть, вырытая между ними, благодаря Церкви; стусеиваются различія въ развитіи каждаго отдѣльнаго пола, и это благодаря тому, что сокровища науки становятся всеобщимъ достояніемъ. Среди студентовъ и студентокъ устанавливается извѣстное равноправіе, тогда какъ между молодыми людьми, вырвавшимися изъ-подъ родительской опеки, и молодыми дѣвушками, остающимся при матеряхъ нянчить дѣтей или заниматься хозяйствомъ, различіе въ духовномъ складѣ обоихъ половъ подчеркивается еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Но въ пользу освобожденія женщины, въ пользу того, чтобы ей дали возможность сродниться съ мужчиной духовно, путемъ приобщенія ея къ его занятіямъ и образу жизни, говорятъ еще другіе факты демографически-соціологическаго характера. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что главная задача женщины, какъ таковой, а именно—воспитаніе дѣтей, значительно упрощается въ смыслѣ матеріальныхъ затрудненій и утомленія, благодаря болѣе правильному пониманію условій общей гігіены, а также благодаря «общественной взаимопомощи». У большей части такъ называемыхъ дикихъ племенъ кормленіе ребенка грудью продолжается нѣсколько лѣтъ; у цивилизованныхъ же народовъ оно большей частью замѣняется искусственными способами, хотя это и не всегда является прогрессомъ. Кромѣ того, количество рождающихся дѣтей уменьшается, и необходимо должно уменьшаться въ силу того, что правильная гігіена значительно понизила коэффициентъ смертности во всѣхъ странахъ Европы и прилегающихъ къ ней. Еще въ XVIII столѣтіи нужно было быть готовымъ къ смерти большей части новорожденныхъ; въ настоящее время большинство грудныхъ дѣтей избѣгаетъ смерти, и это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что обязанность воспроизведенія ложится на женщину не такимъ тяжелымъ бременемъ ¹⁾.

Получивъ должное образованіе и воспитаніе въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ, молодые люди, какъ тѣ, которые развивались самостоятельно, такъ и тѣ несчастные, которые приучились произносить опредѣленные слова, вызубренные наизусть подъ наблюденіемъ ворчливаго и карающаго учителя,—вся эта молодежь подходитъ, такъ или иначе, къ тому рѣшительному моменту, когда ихъ объявятъ «зрѣлыми».

Среди большинства первобытныхъ народовъ юноши считаютъ какимъ-то счастьемъ пройти суровыя испытанія, для доказательства своего мужества въ минуту опасности, своей выносливости и ловкости въ играхъ и

1) Leopold Bresson, «Les Trois Evolutions», p. 57.

работѣ. Такого рода испытанія были подчасъ очень тяжелы и длились не только въ теченіе нѣсколькихъ дней, но даже недѣлями и цѣлыми мѣсяцами. Большею частью они состояли въ пыткѣ, которую надо было перенести съ улыбкой на лицѣ. Въ однихъ мѣстностяхъ тѣло испытываемаго подвергалось укусамъ муравьевъ, ударамъ кинжала или пожа, раздраженію и воспаленію при помощи ядовитыхъ растеній; въ другихъ мѣстахъ дѣвушкамъ вырывали половину волосъ по одному, колотили палками

Молодые обрѣзанные на покой на берегахъ Сенегала въ 15 километрахъ
вверхъ по рѣкѣ отъ Бакеда.

Они остаются на покой до тѣхъ поръ, пока не зарубцуются ихъ рана; молодыя дѣвушки изъ деревни приносятъ имъ ѣду. На первомъ планѣ юноша, связанный за нарушение какого-то предписанія.

молодого героя до потери имъ сознанія или повергали его въ особаго рода болѣзненное опьянѣніе, заставляя его выпить дозу ядовитой жидкости. Зачастую подобныя процедуры производились въ сопровожденіи религіозныхъ обрядовъ, какъ, напримѣръ, обрѣзаніе, а въ такихъ случаяхъ видъ крови будилъ въ присутствующихъ дикіе инстинкты, доводившіе ихъ даже до звѣрскихъ поступковъ. У многихъ народовъ испытаніе юношей совпадало съ военными дѣйствіями такъ же, какъ у европейскихъ народовъ права гражданства покупались единоборствомъ и убійствами. Извѣстно, что среди даяковъ-головорѣзовъ ни одна женщина не выйдетъ замужъ за человѣка, не принесшаго ей окровавленнаго скальпа, снятаго съ головы врага во время битвы или вылазки.

Подобнымъ же образомъ и у камчатскихъ коряковъ женитьбѣ предшествовало предварительное испытаніе въ храбрости и выносливости. Посвященіе въ жепихи сопровождалось избіеніемъ палками испытываемаго. Если тотъ сносилъ побои съ довольнымъ выраженіемъ и безъ жалобъ, его признавали тогда зрѣлымъ человѣкомъ, способнымъ перенести съ подобающей твердостью жизненныя невзгоды; послѣ этого его впускали въ хижину, гдѣ ждала его невѣста ¹⁾.

Въ общемъ, современные экзамены и конкурсы не что иное, какъ особое видоизмѣненіе старинныхъ испытаній. На самомъ дѣлѣ современные испытанія сохранили отличительныя черты старыхъ въ той же пропорціи, но потеряли только въ смыслѣ первобытной искренности. Безпощадность жизненной конкуренціи, необходимость, заставляющая молодыхъ людей стараться съ возможной быстротой взять отъ жизни все, что она можетъ дать, наконецъ, глупое тщеславіе родителей, желающихъ для своихъ дѣтей возможно скорѣйшаго прохожденія курса,— все это ведетъ лишь къ одному: слѣдствіемъ всего этого является торопливость, поверхностность и даже неправильность образованія. Множество всевозможныхъ кандидатовъ стараются, по возможности, упростить свою работу и для этого зубрятъ наизусть свой учебникъ, пережевывая безъ конца однѣ и тѣ же фразы, сказанныя нѣкогда выдающимися профессорами, и загромождавая свою память ворохомъ сухихъ, безцвѣтныхъ и безжизненныхъ опредѣленій. Знанія ихъ—одни слова и только слова, и весь этотъ балластъ заслоняетъ отъ ихъ сознанія истину. Всевозможныя руководства, напоминающія требники или молитвенники, вселяютъ въ нихъ отвращеніе къ книгамъ, а въ особенности къ природѣ; программы ограничиваютъ ихъ умъ; всевозможныя вопросники порождаютъ его косность; сокращенія вызываютъ бѣдность разсудка; наконецъ, готовя заранѣе фразы окончательно убиваютъ его. Горе тому юношѣ, который обладаетъ даромъ легкаго усваиванія; такое изученіе предметовъ поверхностно и, такъ сказать, только скользитъ по верхушкамъ. Пониманіе, слишкомъ быстрое пониманіе, безъ труда и долгихъ усилій, чрезвычайно опасно. Такой юноша отбрасываетъ съ презрѣніемъ ту кость, которую другой высосалъ бы до послѣдней капли; онъ доходитъ до равнодушнаго, почти презрительнаго отношенія къ самымъ прекраснымъ предметамъ; онъ пресыщенъ. Недостатокъ же самостоятельности въ работѣ убиваетъ инициативу и отнимаетъ всякую оригинальность въ словахъ и дѣйствіяхъ.

Въ наши дни преподаваніе большей частью имѣетъ въ виду предстоящій экзаменъ; впрочемъ, иначе и не можетъ быть, разъ полученіе мѣста, любое официальное и социальное положеніе зависятъ всецѣло

1) A. S. Bickmore, «American Journal of Science», may 1868, p. 12.

№ 587. Университеты Западной Европы.

1 : 10 000 000

0 100 250 500 Кил.

Университеты Анжера, Феррары, Лувэна и Нанта не являются государственными учреждениями. Высшие школы Лондона, Бирмингама, Ливерпуля, Лидса, Шеффилда и Дёргема рассматриваются подчас как университеты; высшие школы Денди и Сент-Андрюс представляют вместе один университет.

Заштрихованные участки в Италии и Франции представляют местности, где 10 0/0 зарегистрированного населения не умеют ни читать, ни писать (Морбигань — 17,4 0/0); в Бельгии заштрихованные места означают, что здесь, по переписи 1900 года, до 30 0/0 населения было неграмотно.

отъ экзамена. Что является господствующимъ въ странѣ въ данное время? Церковь?—Въ такомъ случаѣ экзаменующему придется доказать путемъ подобранныхъ аргументовъ и примѣровъ, какъ законны и святы всѣ требованія клерикаловъ. Положимъ, объектомъ религіознаго поклоненія сдѣлался глава государства или само государство какъ абстрактное понятіе.—Въ такомъ случаѣ надо всѣ помыслы и желанія направить въ эту сторону. Всѣ идеи, всѣ капризы, идущіе сверху, становятся какимъ-то фетишемъ. Наполеонъ превратилъ университетъ въ большую школу, основанную на принципѣ повиновенія его персонѣ. Точно такимъ же образомъ и въ Россіи конца XIX столѣтія профессора исторіи должны были замалчивать всѣ тѣ факты, которые не служили въ пользу автократіи. Давленіемъ сверху вгоняются въ произвольныя рамки даже чисто-научные вопросы. «Таково желаніе власти!» Въ 1841 году правительство выставило, какъ «научную истину», этническую идентичность великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ, съ цѣлью выставить всякое стремленіе къ сепаратизму какъ продуктъ научной ереси и невѣжества ¹⁾).

Студенчество, такимъ образомъ, предупреждено: молодые люди входятъ въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній не для накопленія научныхъ знаній, но съ надеждой, подчасъ выраженной въ формѣ весьма циничнаго признанія, превозмочь тѣ препятствія, которыя отдѣляютъ ихъ отъ заманчивой будущности. Такимъ образомъ, экзамены принимаютъ уродливый и чуждый наукѣ образъ, такъ какъ сама наука становится только средствомъ для полученія соответствующаго officialнаго ярлыка; какъ только студенту удалось получить дипломъ, онъ чувствуетъ себя какъ бы освобожденнымъ отъ той работы, которую онъ успѣлъ возненавидѣть, и считаетъ себя теперь въ правѣ всецѣло предаться лѣни. По своей идеѣ, по своему принципу экзаменъ долженъ быть совершенно не такимъ; этотъ принципъ долженъ теперь восторжествовать во всей своей прежней силѣ повсюду, гдѣ любовь къ наукѣ не является фикціей, гдѣ ищутъ дѣйствительнаго знанія, а не мнимаго. Преподаваніе греческихъ философовъ въ томъ видѣ, какимъ рисуютъ его намъ «Диалоги» Платона, состояло просто въ постоянной бесѣдѣ учащагося со своимъ внутреннимъ «я», въ постоянномъ экзаменѣ, въ постоянномъ контроллинганіи своихъ мыслей собственнымъ же разсудкомъ, подъ руководствомъ какого-нибудь Сократа или другого искателя истины. Тогда, когда надо было прежде всего «познать самого себя», этотъ непрерывный экзаменъ былъ необходимъ учащемуся; надо согласиться, что такой экзаменъ еще болѣе важенъ теперь, когда надо «познать природу», въ которой каждый человѣкъ не болѣе какъ ничтожная клѣтка! Поэтому каждый

1) К. Тарасовъ, «La Société Nouvelle», сент. 1895 г., стр. 330.

юноша, дѣйствительно жаждущій знаній, долженъ безпрестанно задавать себѣ вопросы и отвѣчать на нихъ со всей честностью и искренностью. Что представляютъ, въ сравненіи съ этимъ собственнымъ экзаменомъ, всѣ тѣ формальности, которыя необходимы, чтобы быть принятымъ въ кругъ избранныхъ? На эти экзамены кандидатъ можетъ тогда идти смѣло, со спокойной совѣстью, относясь къ нимъ даже съ долей презрѣнія; такъ какъ онъ стоитъ гораздо выше всѣхъ этихъ трудностей,

Чаепитіе на «Summer meeting»'ѣ въ Единбургѣ.

На изображенной террасѣ Outlook Tower'a въ Единбургѣ собрались представители семи или восьми національностей.

то ему нетрудно будетъ придать въ умѣ всѣмъ этимъ разбросаннымъ экзаменаціоннымъ вопросамъ извѣстную общность, которой имъ недостаетъ. Только такимъ путемъ можетъ быть восстановлено достоинство науки!

Если же въ рѣшительный день студентъ, набравшись всевозможныхъ словъ, сваленныхъ въ кучу въ его памяти, не имѣетъ за собой ничего, кромѣ умѣнія дать отвѣтъ на вопросъ, подобно болѣе или менѣе вѣрному эхо; если онъ боится оставаться самимъ собой; если онъ боится сказать что-нибудь отъ себя, въ страхѣ, какъ бы превратившійся въ мумію экзаменаторъ не счелъ это ересью или «пара-

доксомъ», то-есть, придерживаясь школьной терминологіи, мнѣніямъ, «въ курсъ не входящимъ», то является вопросъ: какой реальный смыслъ имѣютъ эти долгіе годы ученія? На это можно съ увѣренностью отвѣтить, что смыслъ этого ученія заключается въ исканіи мѣстъ и богатства. Кандидатъ — только «карьеристъ», ремесленникъ, старающійся припомнить въ нужный моментъ нѣсколько формулъ, чтобы въ послѣдствіи превратить ихъ въ золото. Печальное и позорное разрѣшеніе вопроса о «философскомъ камнѣ»!

При нынѣшнемъ положеніи, вслѣдствіе условій самого общественнаго строя, обладаніе золотомъ сдѣлалось чуть ли не роковымъ предметомъ желаній нашего юношества, — а между тѣмъ трудно себѣ представить, какимъ прекраснымъ сдѣлался бы храмъ науки, въ которомъ процвѣтала бы жажда знанія, любовь къ наукѣ, если бы благосостояніе людей было обезпечено! Съ самаго начала отдѣльныя группы студентовъ сдѣлались бы болѣе подвижными, и постепенно исчезало бы прикрѣпленіе студента къ университетскому городу. Нынѣ это прикрѣпленіе къ мѣсту необходимо, такъ какъ въ университетѣ находятся лабораторіи, коллекціи, бібліотеки, все, что является для студенчества притягательнымъ центромъ. Въ послѣднее время появились, правда, очень рѣдкія еще, дѣтскія школы, путешествующія въ хорошее время года для осмотра любопытныхъ мѣстностей или интересныхъ городовъ. Точно такимъ же образомъ будутъ составляться группы студентовъ, иногда численностью въ сто человѣкъ и выше, для настоящихъ научныхъ экскурсій въ мѣстности горнозаводскія или представляющія крупный геологическій интересъ, въ страны, замѣчательныя своей флорой, искусствомъ, обычаями. Не такъ давно еще группа американскихъ студентовъ зафрахтовала пароходъ, чтобы въ теченіе мѣсяца изучать природу африканскаго побережья.

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ такими странствующими университетами являются въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ такъ называемые «Summer meetings», въ которыхъ учащіе и учащія сходятся на началахъ добрыхъ товарищескихъ отношеній. Смотря по научному интересу, какой представляетъ та или иная мѣстность, касается ли онъ памятниковъ старины или наиболѣе насущнаго вопроса современности, лекція происходитъ или въ лѣсу, или на берегу моря, подъ сводами фабрики, а то даже и на поросшей мхомъ террасѣ какого-нибудь стариннаго замка. Въ древности «перипатетики» прогуливались подъ колоннадой или въ какомъ-нибудь саду; «перипатетикамъ» нашихъ дней открывается болѣе широкое поле: благодаря удобству путей сообщенія, они могутъ путешествовать изъ одной страны въ другую. Большая потеря для нихъ, если они путешествуютъ безъ опредѣленнаго плана, наудачу и безъ цѣли глубокаго изученія; но большое ихъ преимущество,

если они пускаются въ путь, чтобы дѣйствительно учиться, чтобы всю природу и всю человѣческую работу ввести въ кругъ своего наблюденія, если они вопрошаютъ землю, обращаются къ ней непосредственно, а не стараются разсматривать ее сквозь призму книжныхъ описаній, къ тому же всегда нѣсколько искажающихъ дѣйствительность.

Даже внѣ природы, въ буквальномъ значеніи этого слова, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ студентъ можетъ добиться положительныхъ результатовъ въ томъ случаѣ, если онъ будетъ идти путемъ точнаго наблюденія, именно того, что составляетъ, главнымъ образомъ, предметъ изслѣдованій человѣка. Предметомъ его научной работы будутъ живыя существа; онъ будетъ ихъ изучать съ точки зрѣнія происхожденія, ихъ пылѣющую жизнь, всевозможныя условія ихъ существованія, совершающіяся въ нихъ патологическія явленія, условія ихъ одряхлѣнія и смерти. Развѣ внѣ тѣхъ книгъ, которыхъ старитъ время,—развѣ не здѣсь самыя важныя книги, книги всегда живыя? Развѣ не здѣсь для внимательнаго читателя открываются новыя страницы, все болѣе и болѣе прекрасныя, которыя присоединяются къ предыдущимъ? Но и это не все: читатель постепенно превращается въ автора. Благодаря магической силѣ, которую даетъ ему въ руки опытъ, онъ можетъ вызывать измѣненія въ окружающей природѣ, вліять на тѣ или иные явленія, воспроизводить жизнь вещества въ самыхъ глубокихъ ея проявленіяхъ при помощи различныхъ лабораторныхъ операцій; онъ можетъ стать, такъ сказать, творцомъ, Прометеемъ — похитителемъ огня! Какія печатныя строки, хотя бы и старательно вызубренныя наизусть, могутъ замѣнить ему эту поистинѣ божественную дѣятельность?

Результаты такой работы могутъ оказаться еще плодотворнѣе, если она будетъ протекать въ атмосферѣ дружескихъ отношеній съ товарищами по специальности. Благодаря такимъ отношеніямъ изслѣдователей между собою, силы каждаго изъ нихъ удваиваются. Серьезныя бесѣды молодого ученаго съ товарищами значительно поднимаютъ его въ умственномъ отношеніи, облегчаютъ ему приобрѣтеніе мыслительной техники, придадутъ его уму больше силы и остроты, значительно расширятъ кругъ его свѣдѣній и научатъ его въ совершенствѣ въ нихъ ориентироваться. Но кругомъ его личныхъ друзей, его непосредственныхъ товарищей по работѣ не исчерпывается вся та среда, съ которой онъ вступаетъ въ общеніе, и въ которой онъ можетъ развить свое духовное «я»; такъ какъ къ тому времени наука перестанетъ быть привилегіей-исключительнымъ «достояніемъ посвященныхъ», то коллегами его и отчасти инициаторами въ нѣкоторыхъ вопросахъ явятся всѣ искатели истины въ данной области науки, всѣ, приобщившіеся къ научному міру, будь то въ университетахъ или иныхъ мѣстахъ. Въ настоящее время по всей Европѣ и особенно въ Англіи установился обычай свободно

ставить другъ другу различные вопросы по всеѣмъ отраслямъ знанія путемъ корреспонденціи, писемъ или журнальныхъ статей; такимъ образомъ, между людьми самаго различнаго общественнаго положенія, отъ крестьянина, урывающаго по ночамъ часокъ-другой для самообразованія, до знаменитаго ученаго британскаго музея, образовалось своего рода братское единеніе на почвѣ обмѣна идей; при этомъ не слѣдуетъ думать, что наибольшую цѣнность имѣютъ всегда слова людей, окруженныхъ ореоломъ славы. Теперь видно, какая глубокая пропасть отдѣляетъ свободную науку, порождающую это единеніе, отъ той, которая обязана служить интересамъ промышленности и личной выгоды. Примеромъ этого втораго вида науки могутъ служить тѣ заводы, особенно въ Германіи, на которыхъ работаетъ рядомъ множество химиковъ, запертыхъ въ отдѣльныя помѣщенія и находящихся подъ строжайшимъ запретомъ сообщать другъ другу результаты своихъ изысканій; они не знаютъ даже, какова конечная цѣль той работы, для которой ихъ изслѣдованія являются фундаментомъ.

Не диплома, но живого дѣла надо требовать отъ студента. Коль скоро занятія будутъ направлены въ сторону дѣла, и притомъ дѣла небезполезнаго, тотчасъ же все молодые люди—юноши и дѣвушки—получатъ возможность показать, что они сдѣлали, какую лепту внесъ каждый изъ нихъ въ общую сокровищницу человѣческаго знанія. Подобно тому, какъ первобытному дикарю надо было доказать, что онъ настоящій мужчина, прежде чѣмъ считаться таковымъ, подобно тому, какъ средневѣковому рабочему нужно было представить лучшую свою работу для полученія званія мастера, точно такъ же юношамъ и дѣвушкамъ станетъ ясно, что они не могутъ быть приняты въ ряды сильныхъ, пока не представятъ доказательствъ своего участія въ серьезныхъ работахъ на благо обществу, особенно въ тѣхъ, которыхъ нельзя совершить безъ самоотверженной преданности дѣлу, безъ нѣкоторой доли самопожертвованія.

Техническія учебныя заведенія въ Москвѣ, Бостонѣ и многихъ другихъ городахъ показали съ достаточной ясностью, какихъ поистинѣ великолѣпныхъ результатовъ можно ожидать отъ работы дѣтей и юношей, работающихъ съ увлеченіемъ въ атмосферѣ дружбы и соревнованія. Нѣтъ того завода, того моста, желѣзной дороги, локомотива, нѣтъ, вообще, той технической работы, исполненіе которой нельзя было бы довѣрить группѣ такихъ молодыхъ людей, нѣсколько лѣтъ учившихся на практикѣ въ мастерскихъ. Точно также множество сестеръ милосердія, вышедшихъ изъ спеціальныхъ лондонскихъ школъ, показываютъ на примѣрѣ, до какой степени совершенства можно довести уходъ за больными, при условіи преданности людей дѣлу.

Если бы той конкуренціи, которую составляютъ трудящимся массамъ монастыри, тюрьмы и богадѣльни, гдѣ рабочія руки не стоятъ

почти ничего, не сопутствовало постоянное безпокойство рабочихъ и служащихъ о хлѣбѣ - насущномъ, для добыванія котораго они берутся безъ разбора за любой трудъ, то, несомнѣнно, оказалось бы, что всѣ эти милліоны учениковъ и студентовъ, которые заняты теперь зубрежкой учебниковъ, могутъ съ большою пользою какъ для своихъ знаній, такъ и для здоровья вносить и свою лепту въ дѣло подготовки и завершенія

Воскресная бесѣда въ Россіи.

Съ картины Богданова-Бѣльскаго.

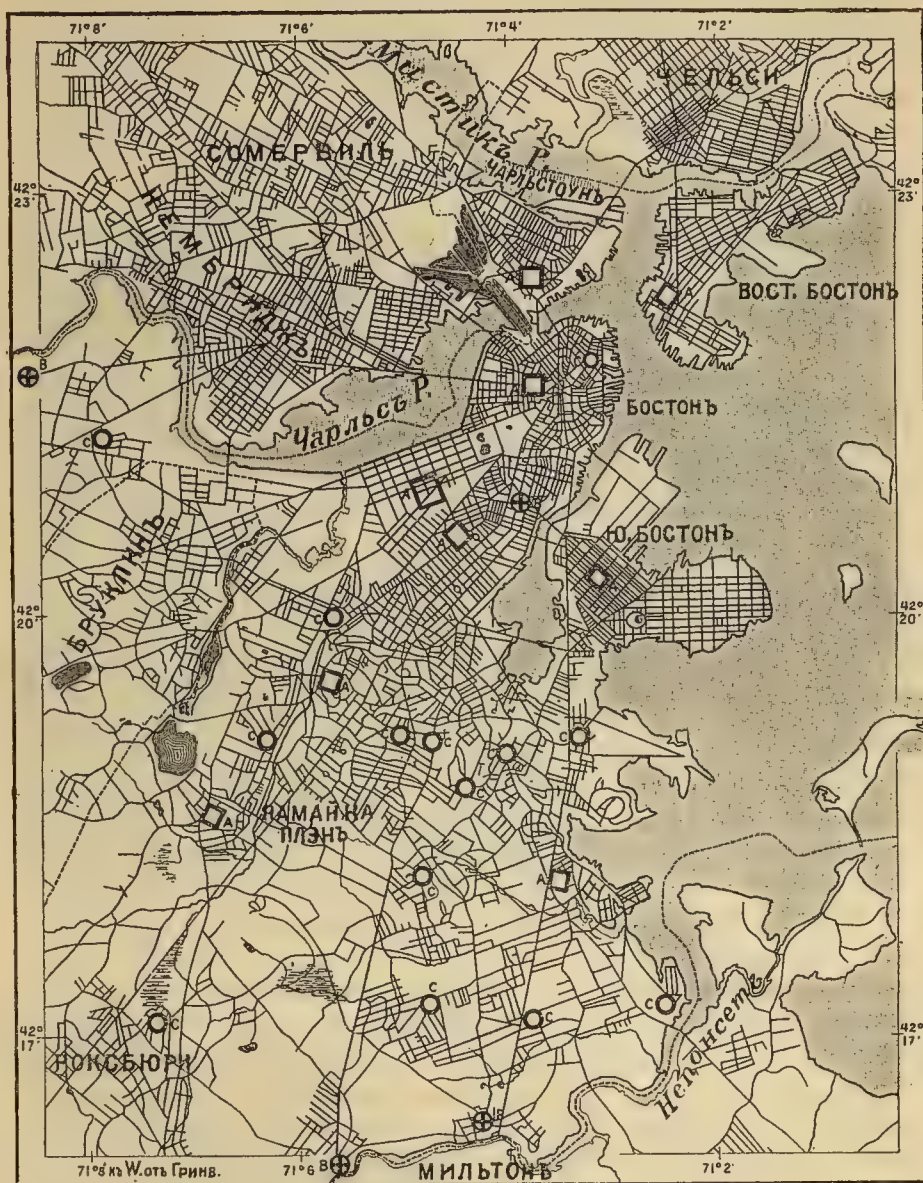
тѣхъ работъ, которыя необходимы для существованія человѣчества и для общей экономики нашей планеты.

При современныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ, основанныхъ на частной собственности и куплѣ-продажѣ труда, примѣненіе къ дѣлу той силы, которая находится въ качествѣ резерва въ школахъ, признается недопустимымъ; но факты, имѣвшіе мѣсто въ видѣ исключенія въ различныхъ мѣстахъ, вопреки предписываемой свыше системѣ воспитанія, свидѣтельствуютъ о томъ довѣріи, которое юношество оказываетъ глашатаямъ и провозвѣстникамъ истины. Когда передъ научной работой не будутъ отступать, какъ теперь, вслѣдствіе необходимости добывать средства къ жизни, то не будетъ больше препятствій къ тому, чтобы изучить всѣ уголки земного шара, произвести всевозможныя измѣрительныя работы и изслѣдованія, подвести итогъ всему достоянію человѣчества, какъ матеріальному, такъ и интеллектуальному, перестроить

жизнь на землѣ соотвѣтственно человѣческому идеалу. Сила всегда готова къ услугамъ; стоитъ только перестать бояться пользоваться ею. Но вопросомъ самой настоятельной необходимости является все-таки вопросъ о воспитательской дѣятельности; именно на этомъ поприщѣ должно происходить упражненіе, соревнованіе юношей; только обладая искусствомъ воспитывать, они сумѣютъ передать грядущимъ поколѣніямъ тѣ блага, которыя они сами получили отъ своихъ предшественниковъ. Мы думаемъ, что посвятить нѣсколько лѣтъ учебному дѣлу, во всякомъ случаѣ, не менѣе полезно, чѣмъ теперешней военной повинности, посвященной изученію усовершенствованныхъ способовъ убивать.

Только то образованіе имѣетъ какую-нибудь цѣну и смыслъ, которое можетъ служить въ жизни, которое не оканчивается тотчасъ по выходѣ человѣка изъ школы, но продолжается путемъ поддержанія умственныхъ силъ на той же высотѣ и путемъ интеллектуального прогресса. Тѣмъ, чья профессія требуетъ приложенія къ жизни добытыхъ въ университетѣ свѣдѣній, дѣло представляется относительно легкимъ; однако, большинство тѣхъ, кому дипломъ открываетъ путь къ научной карьерѣ, отдается всецѣло рутинѣ и примѣняетъ на практикѣ свое знаніе, не умѣя удержаться на уровнѣ все прогрессирующей науки, глашатаями которой оно должно быть; такіе люди находятся въ постоянной опасности замкнуться въ узкій кругъ своей спеціальности, благодаря которой они добываютъ себѣ пропитаніе или богатство. Прилагая къ практической жизни спеціальность, доктора, юристы, инженеры и т. д. зачастую спускаются значительно ниже уровня требованій того экзамена, выдержавъ который имъ было такъ трудно въ первый разъ. Кромѣ того, современные соціальныя условія даютъ людямъ науки общее направленіе въ сторону достиженія матеріальнаго благосостоянія; дѣйствуя въ этомъ направленіи, часто не отличаютъ добра отъ зла, справедливаго отъ несправедливаго. Развѣ далеко то время, когда медицина, до наступленія эры антисептики, была, главнымъ образомъ, носительницей смерти, несмотря на всѣ дипломы и экзамены? Даже въ такомъ частномъ вопросѣ, какъ лѣченіе ранъ, медики стояли ниже знахарей, къ которымъ относились свысока и которымъ запрещали лѣчить подъ страхомъ штрафа или тюремнаго заключенія. А оказалось, что именно эти-то народные лѣкари, слѣдуя предписаніямъ древней науки, употребляли мази, приготовленныя при высокой температурѣ со скипидаромъ, а примочки дѣлали съ виномъ или водкой. Другими словами, они продолжали передавать имъ по традиціи начала антисептики; съ другой стороны, медики, кончившіе университетъ и рабски слѣдующіе всѣмъ предписаніямъ усвоенной ими науки, прикладывали къ ранамъ вощаныя мази и припарки, создавая, такимъ образомъ, очаги для развитія микробовъ,

№ 588. Публичныя библіотеки Бостона.

1 : 100 000

0 1 2 4 6 Кил

Зданія, обозначенныя квадратиками А, представляютъ главныя библіотеки; кружки В означаютъ второстепенныя залы для чтенія; кружки С — мѣста, гдѣ происходитъ обмѣнъ книгъ, выдающихся на домъ. Относительное количество жителей, пользующихся библіотеками, колеблется, въ зависимости отъ кварталовъ, между 4 и 34 0/0; средняя величина—12 0/0.

которые разѣдали рану и приводили къ смертному исходу ¹⁾. Благодаря официальной наукѣ, въ XIX вѣкѣ умирали сотни тысячъ больныхъ, которыхъ могли бы исцѣлить знахари. То же наблюдается и въ другой профессіи,—въ той, которая должна бы стремиться, путемъ изученія психологій человѣка и цѣлыхъ націй, къ созданію всеобщаго благополучія; мы видимъ, что наиболѣе ученые юристы принимаются, подобно стаѣ гончихъ, желающихъ затравить дичь, за преслѣдованіе обвиняемыхъ. Имъ нужно жертвъ и еще жертвъ; только тогда они счастливы, только тогда ихъ совѣсть легка, когда имъ удалось заставить пасть хотя бы и невинную голову.

Итакъ, мы видимъ, что недостаточно быть ученымъ, чтобы стать полезнымъ человѣчеству. По крайней мѣрѣ, сбившійся съ истиннаго пути ученый приноситъ пользу не непосредственно, но только путемъ распространенія знаній среди людей. Велико разстояніе отъ вершинныя скалы, съ которой струится неиссякаемый источникъ знанія, до той плодотворной почвы, которая даетъ плодъ. Тотъ счастливецъ, который можетъ учиться и даже дѣлать новыя открытія,—это своего рода отецъ; кругомъ него группируется множество молодежи, и вотъ великая семья безконечно увеличивается, между тѣмъ какъ онъ самъ не знаетъ и маленькой горсточкѣ тѣхъ людей, которыхъ онъ вызвалъ къ умственной жизни. Какъ велико, на примѣръ, потомство какого-нибудь Бэкона, Декарта, Аристотеля, Гумбольдта! Всѣ, изучающіе какую-либо отрасль науки, получаютъ отъ своихъ предшественниковъ необходимую пищу, которую они сами потомъ передаютъ безчисленнымъ поколѣніямъ. Нигдѣ солидарность не шествуетъ съ такимъ триумфомъ, какъ въ области мысли; связь и взаимодѣйствіе существуютъ здѣсь внѣ пространства и времени.

Но въ такой вѣкъ, когда провозглашается идеалъ возможно полной свободы всѣхъ гражданъ, было-бы умѣстно, чтобы радости, связанныя съ ученіемъ и знаніемъ, не составляли привилегіи нѣкоторыхъ избранныхъ; явленіе далеко не рѣдкое, что люди, дѣйствительно выдающіеся по своимъ знаніямъ и, въ особенности, даромъ слова и литературной рѣчи, этимъ замѣчательнымъ искусствомъ, которое придаетъ такую цѣнность мысли,—что такіе люди образуютъ совместно съ себѣ подобными своего рода утонченную аристократію и эгоистически наслаждаются такими интеллектуальными радостями, которыя, по ихъ мнѣнію, остались бы недоступными пониманію презираемой толпы: такого рода кружки людей, взаимно возвеличивающихъ другъ друга, неминуемо должны исчезнуть, такъ какъ наука не таится болѣе подъ покровомъ тайны, какъ это было по неизбѣжности въ эпоху гоненій и мученичества. Наука можетъ теперь распространиться вширь, и по самой своей природѣ она стремится широкой

1) Emile Forgue, «Revue Scientifique», déc. 1901, p. 776.

волною разлиться во всѣ стороны. Хотя благоразумное изреченіе и совѣтуетъ «не метать бисера передъ свиньями»,—слова, прекрасно выражающія ту дань глубокаго уваженія, которую носитель знанія обязанъ отдавать своему сокровищу,—однако, тѣ истины, которыми онъ имѣетъ счастье обладать, все же составляютъ общее достояніе, которымъ онъ имѣетъ право только пользоваться, и которое доставитъ ему тѣмъ большее удовольствіе, чѣмъ съ большимъ количествомъ людей онъ раздѣ-

Гарвардскій университетъ въ Кембриджѣ, близъ Бостона.

лить свое богатство. Даже и тогда, когда человѣкъ остается одинокимъ, онъ долженъ чувствовать потребность сообщать свое знаніе, кричать о немъ... хотя бы птицамъ небеснымъ, звѣздамъ, всей необъятной природѣ!

Необходимо, чтобы «познаніе добра и зла», а также правды и лжи, этотъ объектъ перваго раздавшагося на землѣ проклятія, получило распространеніе среди всѣхъ людей, по мѣрѣ ихъ доброй воли и способности ихъ воспринять это знаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время человѣчеству еще далеко до полной реализаціи поставленнаго идеала: подобно тому, какъ всеобщее обученіе, доступъ къ которому открытъ многимъ, порождаетъ лишь незначительное сравнительно число людей, со страстью, увлеченіемъ и усиліемъ отдающихся

наукѣ,—подобно этому универсальное распространение знанія совершится лишь постепенно; лишь шагъ за шагомъ вытѣснить оно атаквистическіе пережитки варварскихъ народовъ, которые съ трудомъ приспосаблиются къ новой средѣ, теряя во время этого процесса немало жертвъ. Однако, новое оружіе пущено въ ходъ; съ каждымъ днемъ дѣйствіе его становится все болѣе активнымъ и продуктивнымъ: курсы для взрослыхъ, техническіе и профессиональные, дневныя и вечернія лекціи, практическія занятія и демонстраціи, театральныя представленія, наконецъ, народныя университеты, зародившіеся въ нѣкоторыхъ странахъ—въ Англіи, Америкѣ, Франціи—и робко пытающіеся пустить ростки даже въ окутанной мракомъ Россіи. Только нѣкоторые доктринеры старинной науки, рутинеры, пугающіеся всего молодого, смѣлаго, могутъ притворяться, что видятъ въ этихъ зарождающихся просвѣтительныхъ учрежденіяхъ не больше, не меньше, какъ нескладныя попытки, обреченныя на гибель или, по меньшей мѣрѣ, на жалкое прозябаніе, на томъ-де основаніи, что учащимся въ этихъ учрежденіяхъ недостаетъ начальнаго образованія, т.-е. исходной точки опоры для всякаго дальнѣйшаго образованія. Но среди этихъ учащихся найдется немало такихъ, которые работаютъ съ рѣдкимъ упорствомъ и настойчиво добиваются дѣйствительныхъ знаній, задаются цѣлью построить зданіе отъ самаго его фундамента, и надо сознаться, что своимъ упорнымъ трудомъ они добиваются блестящихъ результатовъ. Мы уже имѣемъ этому массу доказательствъ. Сколько самоучекъ могутъ съ гордостью стать рядомъ съ хорошими учениками, приученными къ научной работѣ съ юныхъ лѣтъ, и сравниться съ ними по результатамъ труда! Нелишне также задаться вопросомъ: не отважатся ли народныя университеты пуститься на неизслѣдованные еще пути, на которые университеты, представители аристократизированнаго знанія, не рѣшаются вступить? Не сочла ли бы для себя Сорбонна упизительнымъ, если бы кто-нибудь изъ ея профессоровъ спустился до того, что началъ бы читать курсъ эсперанто?

Однако, какъ ни существенна роль, которую играютъ или могутъ сыграть въ будущемъ народныя университеты, ихъ вліяніе почти ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, которое принадлежитъ прессѣ, т.-е. самому голосу человѣчества. Замѣчательное открытіе книгопечатанія привело въ XIX столѣтіи къ изумительнымъ результатамъ, которыхъ никто не предвидѣлъ: тѣ «новости дня», которыя были задуманы нѣкоторыми смѣлыми умами въ эпоху Возрожденія, и къ осуществленію которыхъ дѣлались кое-гдѣ (въ Италіи, Германіи, Голландіи) скромныя попытки,—теперь такія изданія публикуются во многихъ милліонахъ экземпляровъ, продаются на улицахъ любого города, на перекресткахъ каждой деревни. Газеты, питаемыя новостями при помощи телеграфныхъ прово-

довъ, которые раскинулись безконечной сѣтью по лицу земли и на морскихъ глубинахъ и приносятъ извѣстія всѣмъ, кто желаетъ ихъ имѣть; въ самыхъ захолустныхъ деревушкахъ, гдѣ люди прошлыхъ поколѣній довольствовались растительной жизнью, замкнувшись эгоистически въ узкій кругъ своихъ повседневныхъ занятій, теперь появляется газетчикъ, который сталъ уже почти столь же необходимымъ, какъ и разносчикъ хлѣба; фермеръ, прислуга поджидаютъ его прихода на порогъ своего жилища, на перекресткѣ улицъ, и веселый, радостный часъ наступаетъ для нихъ тогда, когда они получаютъ свѣжій нумеръ, заключающій продолженіе начатаго разсказа или романа и всѣ интересные факты изъ современной жизни народовъ. Правда, интеллектуальная пища, на которую предъявляютъ спросъ милліоны читателей во всѣхъ концахъ свѣта, не отличается ни тонкостью вкуса, ни богатствомъ по сути, но во всякомъ дѣлѣ важно его начало. Вполнѣ справедливъ взглядъ Зола, которому его друзья сообщали о кампаніи, организованной противъ него во всей Франціи самыми распространенными газетами; онъ чувствовалъ себя счастливымъ тѣмъ, что вчерашніе невѣжды съ жадностью принимаютъ сегодня за чтеніе: если листокъ, читаемый въ данный моментъ, распространяетъ ложь, то завтрашній скажетъ, наконецъ, и правду.

Прежде всего важно, чтобы научились читать; и здравая критика, въ концѣ концовъ, сумѣетъ извлечь изъ хаоса перемѣшанныхъ фразъ то, что въ немъ есть хорошаго, что полезно узнать и запечатлѣть въ памяти для руководства въ жизни. И, кромѣ того, среди того громаднаго потока печатныхъ произведеній, который непрестанно наводняетъ міръ, сколько имѣется вещей дѣйствительно хорошихъ, способныхъ принести съ собою либо специальное указаніе для представителя даннаго ремесла или профессіи, либо отголосокъ какихъ-нибудь великихъ событій, которыя составляютъ существенный моментъ въ прогрессѣ! Отголосокъ такого событія доносится къ читателю изъ какого-нибудь отдаленнаго уголка земного шара и тѣмъ приобщаетъ его къ массѣ мыслящаго человѣчества.

Безусловно преобладающее вліяніе прессы и всѣхъ отраслей художества, съ ней связанныхъ, какъ-то: гравюры, фотографіи, различнаго рода репродукцій и т. п., представляетъ результатъ настолько еще недавнихъ измѣненій, что пока нѣтъ возможности составить себѣ представленіе обо всѣхъ возможныхъ модификаціяхъ, которыя печать внесетъ въ политическую и соціальную жизнь народовъ. Но каковы бы ни были вульгарность, банальность, желаніе скандала, лицемѣрный патріотизмъ большинства ежедневныхъ газетъ и періодическихъ журналовъ, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что они расширяютъ интеллектуальный кругозоръ читателей; они оторвутъ его отъ узкихъ интересовъ околотка, отъ примитивныхъ условій жизни родного города, и, мало-по-малу, со-

вершится очистительный процессъ, благодаря которому общество, требующее духовной пищи, все болѣе и болѣе существенной, стоящей на уровнѣ всеобщихъ интересовъ, очиститъ прессу отъ той пустоты, которая удовлетворяла его въ младенчествѣ. Очевидно, это море общихъ знаній нахлынетъ ко всѣмъ народамъ, какъ волна новаго потопа, наполняя сначала мѣста болѣе низменные и оставляя то здѣсь, то тамъ острова и островки; но поднимающаяся волна покроетъ, въ концѣ концовъ, и эти остатки суши. Дѣйствительная передача знанія будетъ совершаться непосредственно отъ одного индивида другому, но при взглядѣ съ высоты будетъ казаться, что все интеллектуальное перерожденіе совершилось въ большихъ массахъ, сразу у цѣлыхъ народовъ.

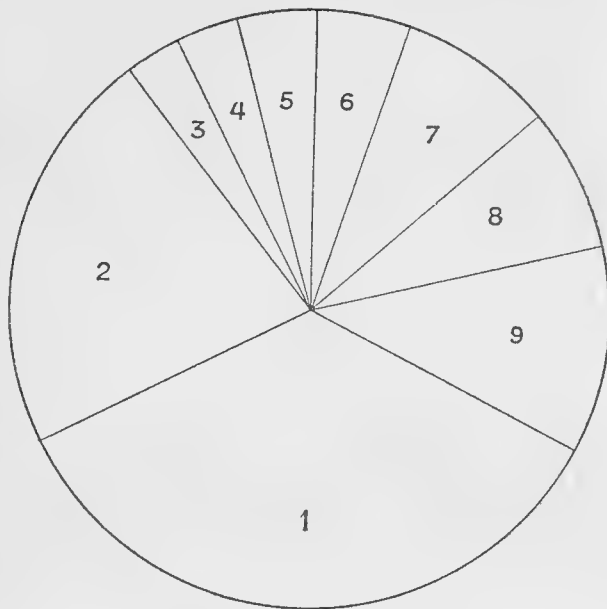
Спрашивается, не даетъ ли всемогущество прессы еще гораздо большіе результаты, если она приведетъ, — сама, быть-можетъ, того не желая и не вѣдая — къ тому, что всѣ народы будутъ говорить на общемъ языкѣ? Она уже сдѣлала въ этомъ направленіи значительный шагъ. Телеграммы, которыми постоянно обмѣниваются между собою страны міра, редактируются теперь въ сжатомъ, краткомъ, логичномъ, понятномъ для всѣхъ стилѣ, для котораго пользуются заранѣе условленнымъ репертуаромъ словъ. Стилъ статей, въ которыхъ развиваются эти краткія депеши, испытываетъ неизбѣжно вліяніе послѣднихъ; къ тому же, при редактированіи этихъ статей обращается не особенно большое вниманіе на литературную красоту слога: въ большинствѣ случаевъ — это просто распространенная передача телеграммъ, которая носитъ довольно-таки стереотипный характеръ. Оригинальныя слова данного языка охотно избѣгаются въ этихъ статьяхъ и замѣняются все чаще и чаще терминами дипломатическими и парламентскими, взятыми изъ лексикона банальныхъ выраженій космополитическихъ салоновъ. Хотя французъ можетъ понимать испанскій, итальянскій, португальскій, румынскій языки, которыми пользуются художники прозы и поэты, только послѣ серьезнаго изученія, однако, онъ можетъ свободно читать газеты, написанныя на данныхъ языкахъ, встрѣчая въ нихъ все тѣ же знакомыя слова, но только съ различными окончаніями, все тѣ же обороты, съ примѣсю нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ словъ, значеніе которыхъ однако, легко угадывается по смыслу всей фразы. Во всемъ романскомъ мірѣ уже начинается создаваться общій языкъ, и языки славянъ, германцевъ и англо-саксовъ, мало-по-малу, смягчаютъ свои различія, стремясь приблизиться, по общей конструкціи фразъ, къ нѣкоторой средней, получающей всеобщее признаніе. Отнынѣ на международныхъ научныхъ конгрессахъ принято, чтобы всѣ участники понимали главнѣйшіе языки Запада.

Тотъ, кто любитъ свой родной языкъ и относится несочувственно ко всякимъ уродливымъ жаргонамъ, которые проникаютъ со всѣхъ сто-

роизъ, если не въ литературный храмъ націи,—это правда,—то, во всякомъ случаѣ, въ обиходъ политики и торговли, тотъ можетъ привѣтствовать созданіе дѣйствительно общаго языка какъ истинное благодѣяніе. Это была бы, по крайней мѣрѣ, открытая революція, которая, представляя въ распоряженіе каждаго два языка—одинъ международный и другой свой родной, позволила бы защищать послѣдній—не изъ вражды къ чужому, а изъ уваженія къ своему родному—отъ вторженія въ него иностранныхъ словъ и оборотовъ, которые не соотвѣтствуютъ его духу.

Что такимъ общимъ языкомъ не можетъ стать ни одинъ изъ мертвыхъ языковъ, какъ, напримѣръ, санскритскій, греческій или латинскій, это вполне очевидно, что бы ни говорили благоговѣйные хранители чудной рѣчи былыхъ временъ, такъ какъ эти древніе языки принадлежали цивилизаціи, которую современная намъ давно уже опе-

редила: для выраженія новыхъ мыслей нужно новое орудіе. Такъ же точно ни одинъ изъ современныхъ языковъ не подходитъ къ роли универсальнаго передатчика человѣческой мысли. Хотя французскій и англійскій языки и могли бы претендовать на такое преобладающее положеніе, однако, національное соперничество не допустить, чтобы между людьми состоялось такого рода мирное соглашеніе; къ тому же, среди всѣхъ находящихся теперь въ употребленіи языковъ нѣтъ ни одного, который можно было бы хорошо изучить безъ значительныхъ затрудненій, обусловленныхъ либо обиліемъ словъ, либо разнообразіемъ оборотовъ и нюансовъ, либо трудностию синтаксиса, либо, наконецъ, тонкостями произношенія: всѣ языки представляютъ по своей структурѣ нѣчто весьма сложное, сильно отличаются другъ отъ друга, и поэтому разнообразіе правилъ, обусловленное глубокимъ несходствомъ, объяс-

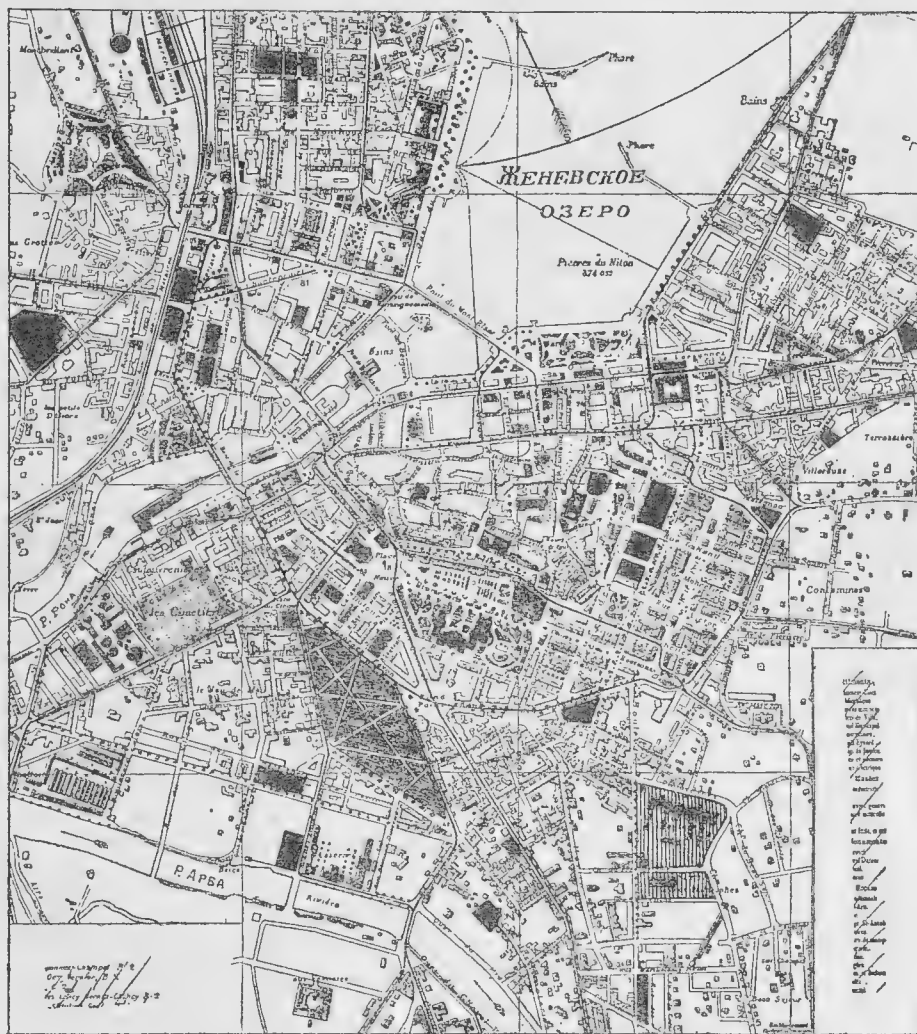
Нѣкоторые коммерческіе языки.

1. Китайскій.—2. Индусскій.—3. Арабскій.—4. Итальянскій.—5. Испанскій.—6. Французскій.—7. Русскій.—8. Нѣмецкій.—9 — Англійскій.— Около одной пятой всего населенія земного шара понимаютъ, по меньшей мѣрѣ, одинъ изъ перечисленныхъ девяти языковъ или же ихъ простонародные говоры.

ваетъ всякаго желающаго знать языкъ углубиться въ основательное изученіе его. Далѣе, большинству тѣхъ, кто изучаетъ за границей одинъ изъ европейскихъ языковъ, было бы весьма затруднительно всецѣло использовать его какъ универсальный языкъ; большинство ограничивается тѣмъ, что обременяетъ память нѣкоторымъ запасомъ словъ и фразъ, знаніе которыхъ облегчаетъ ему исполненіе самыхъ обычныхъ житейскихъ операцій и поддерживаетъ обыденный разговоръ. Это жаргонъ въ родѣ средиземноморскаго «sabiŕ»'а или тихоокеанскаго «ridge on english», а отнюдь не языкъ.

Вотъ причины, заставившія нѣкоторыхъ людей попытаться создать искусственный языкъ, который не заключалъ бы никакихъ исключеній изъ общихъ правилъ. Въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ цѣлый рядъ попытокъ, и нѣкоторыя изъ нихъ получили настолько крупное значеніе, что породили цѣлую литературу. Среди всѣхъ этихъ измышленій, языкъ эсперанто, какъ онъ названъ творцомъ его, Заменгофомъ (смыслъ этого названія нетрудно угадать), соединяетъ въ себѣ, повидимому, много преимуществъ, необходимыхъ для искусственнаго языка. Корни словъ не были измышлены по личному капризу автора, а имѣютъ естественное происхожденіе, такъ какъ взяты изъ наиболѣе употребительныхъ языковъ Европы и Америки; они приближаются либо къ латинскому языку, самому существенному изъ всѣхъ, либо къ германскимъ нарѣчіямъ. Обладая этимъ цѣннымъ запасомъ самыхъ необходимыхъ словъ, которыя елико возможно ближе подходятъ ко всей совокупности европейскихъ языковъ, на которыхъ говорятъ наиболѣе цивилизованные народы, всякій изучающій новый языкъ модифицируетъ и комбинируетъ ихъ, пользуясь легко запоминаемыми формами, чтобы придать своей мысли необходимые нюансы; онъ руководится, далѣе, неизмѣнными правилами для указанія рода, числа, времени, наклоненія. Имѣется всего какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ правилъ, съ которыми можно освоиться въ одинъ день; ихъ вполне достаточно для того, чтобы эсперантистъ, пользуясь своимъ словаремъ, могъ понимать и писать на универсальномъ языкѣ; онъ можетъ вступить въ общеніе со всякимъ корреспондентомъ, который обладаетъ тѣмъ же ключемъ ко взаимному пониманію. Число адептовъ эсперанто, вступившихъ на путь практической реализаціи этой идеи, уже настолько велико, что отражается замѣтно на почтовой статистикѣ; всего черезъ десять лѣтъ послѣ изобрѣтенія эсперанто число лицъ, пользующихся въ своей перепискѣ этимъ языкомъ, превышаетъ 120000 человѣкъ. Сколько можно насчитать оригинальныхъ языковъ въ Африкѣ, Азіи, Америкѣ и даже въ Европѣ, на которыхъ объясняется значительно болѣе скромное число людей! Эсперанто дѣлаетъ быстрые успѣхи; при этомъ надо замѣтить, что новый языкъ проникаетъ, быть-можетъ, скорѣе въ народныя массы,

нежели въ высшіе, такъ называемые интеллигентные слои общества. Причину этого можно видѣть въ томъ, что, съ одной стороны, чувство международного братства находитъ отчасти свое выраженіе въ стремленіи пользоваться общимъ языкомъ,—чувство, которое особенно живо

Школы и больницы Женевы.

Участки, закрашенные чернымъ, означаютъ школы начальныя, среднія, спеціальныя и университетъ; заштрихованные — означаютъ больницы.

волнуетъ сердца работниковъ-соціалистовъ, враждебныхъ всякой идее международной войны; съ другой стороны, рабочимъ, которые не обладаютъ большимъ досугомъ для своихъ умственныхъ занятій, легче всего

справиться съ эсперанто, такъ какъ изученіе его представляетъ меньше трудностей, чѣмъ всякій другой языкъ. Замѣчается также, что большинство интеллигентовъ у маленькихъ народовъ юго-западной Европы, говорящихъ на весьма мало распространенныхъ языкахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вынужденныхъ обратиться лицомъ къ центральной и западной Европѣ, стараются изучить эсперанто, хотя его научный багажъ еще весьма бѣденъ; но эту интеллигенцію соблазняютъ тѣ замѣчательныя выгоды, которыя можетъ имъ дать эсперанто, въ смыслѣ немедленнаго приобщенія ихъ къ западно-европейской цивилизаціи.

Замѣчательно, что этимъ новымъ языкомъ уже широко пользуются; онъ функціонируетъ уже какъ органъ человѣческой мысли, а между тѣмъ критики и противники эсперанто все еще твердятъ, какъ очевидную истину, что языкъ никогда не можетъ быть созданъ искусственнымъ путемъ, что онъ долженъ зародиться въ нѣдрахъ народной жизни, изъ самыхъ сокровенныхъ тайниковъ его духа. Вполнѣ справедливо, что корни всякаго языка дѣйствительно извлекаются изъ глубины первобытной основы народной жизни; но эсперанто какъ-разъ и является, по всему составу своего лексикона, тому новымъ и неопровержимымъ доказательствомъ; дѣло только въ томъ, что принятые имъ корни словъ могутъ быть использованы для различныхъ нюансовъ самымъ простымъ, самымъ непосредственнымъ образомъ, какъ это имѣло мѣсто по отношенію ко всѣмъ искусствамъ, ко всѣмъ наукамъ. Въ этомъ отношеніи исключеній нѣтъ: всѣ спеціалисты имѣютъ свой особенный, техническій способъ выраженія. Изобрѣтатель эсперанто, а также всѣ тѣ, кто оказалъ ему во всѣхъ странахъ міра энергичную поддержку, отнюдь не проповѣдуютъ рискованной мысли, будто эсперанто можетъ замѣнить собою современные языки, имѣющіе столь длинное и столь прекрасное литературное и философское прошлое; они предлагаютъ свой способъ взаимнаго объясненія между различными націями только какъ вспомогательное средство къ языкамъ, на которыхъ говорятъ данные народы. Нелишне задать себѣ слѣдующій вопросъ: наши культурные языки звучатъ такъ красиво, благородно въ устахъ геніевъ, которые сумѣли наилучшимъ образомъ использовать ихъ красоту, гибкость, силу и создать изъ нихъ замѣчательное и могучее орудіе мысли,—это такъ; но, спрашивается, не появится ли, въ силу закона наименьшаго сопротивленія, тенденція у тѣхъ, кто въ школѣ овладѣетъ обоими языками,—однимъ—усвоеннымъ отъ матери, другимъ—изученнымъ съ помощью словаря,—тенденція пользоваться обычно языкомъ болѣе легкимъ, болѣе правильнымъ, болѣе логичнымъ въ своей конструкціи? Какъ бы то ни было, такая капитальная революція, какъ принятіе универсальнаго языка, не можетъ совершиться, не вызвавъ въ жизни народовъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій, въ смыслѣ укрѣпленія всеобщаго мира и согласія.

Еще болѣе чревато послѣдствіями будетъ преобразование общественной гигиены, которое производится во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра и даже въ нѣкоторыхъ варварскихъ областяхъ, а именно: въ болотистыхъ мѣстностяхъ, откуда изгоняють комара *Anopheles* (распространяющаго болотную лихорадку), и на большихъ дорогахъ, гдѣ задерживаютъ заразу, имѣющую міровое значеніе, какъ, на примѣръ, холеру, желтую лихорадку и чуму. Такія улучшенія имѣютъ самое первостепенное значеніе, такъ какъ они касаются непосредственно всей массы человѣчества, какъ-будто бы оно представляло собою одинъ громадный индивидъ. Великія задачи всемірной гигиены осуществляются теперь вопреки границамъ, вопреки официальнымъ преградамъ между людьми. Съ точки зрѣнія борьбы съ эпидеміей наука не дѣлаетъ болѣе различій между иностранцемъ и туземцемъ. Она не повторяетъ болѣе предписанія Моисея ¹⁾: «Не ѣшьте мертвыхъ животныхъ, но отдавайте ихъ или продавайте чужеземцамъ». Отнынѣ наука знаетъ, что человѣчество солидарно, и что болѣзни распространяются путемъ заразы отъ индивида къ индивиду, отъ города къ городу, отъ народа къ народу. Она знаетъ, что съ точки зрѣнія оздоровленія необходимо смотрѣть на каждый городъ, даже на весь міръ, какъ на цѣльный, огромный организмъ, и что здоровье японцевъ, африканцевъ, эскимосовъ, даже здоровье куръ, крысъ, коровъ имѣетъ отношеніе къ здоровью всѣхъ людей. Гигиенисты Европы, представленные комиссіями медиковъ и другихъ ученыхъ, выступили со своею помощью въ Джеддѣ и Меккѣ, чтобы воспрепятствовать возникновенію или, по крайней мѣрѣ, развитію холеры среди «*hadji*» (паломниковъ), которые тѣснятся вокругъ священнаго камня; также точно они явились въ Индію, чтобы изучить на мѣстѣ очаги чумной заразы, изыскать средства борьбы съ нею, опредѣлить границы распространенія этого бича; завтра они придутъ въ Персію и Халдею, чтобы урегулировать перевозку труповъ къ святилищамъ Кербелы и Неджефа, которые оставляютъ за собою на караванной дорогѣ отвратительный запахъ мертвецовъ. Въ настоящее время нѣтъ болѣе городовъ, гдѣ бы не заботились объ общественномъ здоровіи путемъ устройства стоковъ, путемъ проведенія чистой воды, путемъ очистки улицъ, путемъ сжиганія и химическаго обезвреживанія нечистотъ. Стараются улучшить положеніе либо заботою о плохо питающихся дѣтяхъ, либо принимаясь за группы нездоровыхъ домовъ, либо тысячами другихъ способовъ; но всѣ эти мѣропріятія постоянно сопровождаются жалобами со стороны собственниковъ. Пусть такъ! Но, какъ бы то ни было, толчокъ въ этомъ направленіи данъ; стало ясно, что въ каждомъ обществѣ здоровье болѣе достаточныхъ тѣсно связано со здоровьемъ бѣдня-

1) Второзаконіе, гл. XIV, ст. 21.

ковъ; наука активировала эволюцію чувствъ: самый аристократичный человѣкъ долженъ, повинуваясь разсудку, выказать солидарность или же вѣчно опасаться заразы.

Благодаря научно разработаннымъ методамъ, удалось значительно сократить или даже совсѣмъ уничтожить страшные бичи, какъ оспа, дифтеритъ, тифъ и другія опасныя болѣзни, которыя въ прежнее время періодически производили опустошенія во всемъ мірѣ. Какъ только

Отправленіе на сѣнокосъ школьной дѣтвора.

появляются первые проблески такой болѣзни, сейчасъ же находятъ источникъ зла въ казармахъ, тюрьмахъ, госпиталяхъ или монастыряхъ, и тогда ищутъ спасенія въ могущественныхъ средствахъ, даваемыхъ асептикой и чистотой. Такія мѣры болѣе дѣйствительны, чѣмъ процес-сін, паломничества или усердное самобичеваніе, которыми въ былыя времена надѣялись изгнать отравляющихъ организмъ духовъ. Огонь, это великолѣпное средство дезинфекціи, употреблялся нѣкогда не для уничтоженія труповъ и различныхъ зараженныхъ предметовъ, а для сожженія тѣхъ несчастныхъ, особенно часто—евреевъ, которыхъ обвиняли въ распространеніи инфекціонныхъ болѣзней; такъ, во время большой эпидеміи, разыгравшейся въ XIV столѣтіи, было сожжено на кострѣ до 2000 евреевъ въ Гамбургѣ и около 1200 въ Майнцѣ. И до самаго послѣдняго времени народное невѣжество всегда искало случая

выместить на врагахъ зла послѣдствія своей собственной безопасности и перадрѣнія.

Итакъ, теперь извѣстны способы, какими слѣдуетъ бороться съ инфекціонными заболѣваніями, т.-е. съ болѣзнями, которыя поражаютъ обширныя массы народа; имѣются также обширныя свѣдѣнія, касающіяся того, что предпринять, чтобы устранить, уничтожить индивидуальныя заболѣванія. Однако, еще недостаточно наукѣ высказаться,

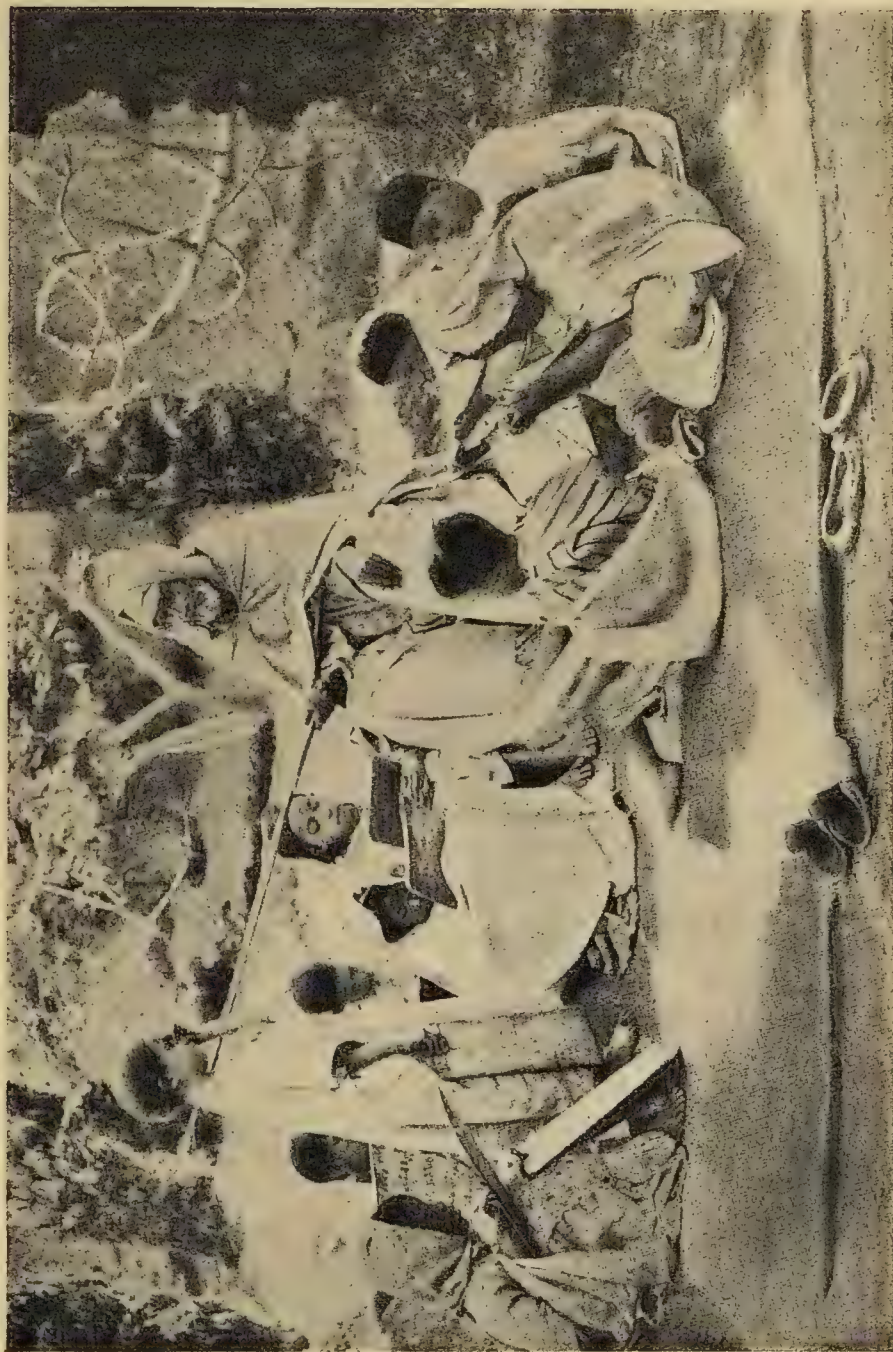

Урокъ чтенія въ вольной дѣтской школѣ.

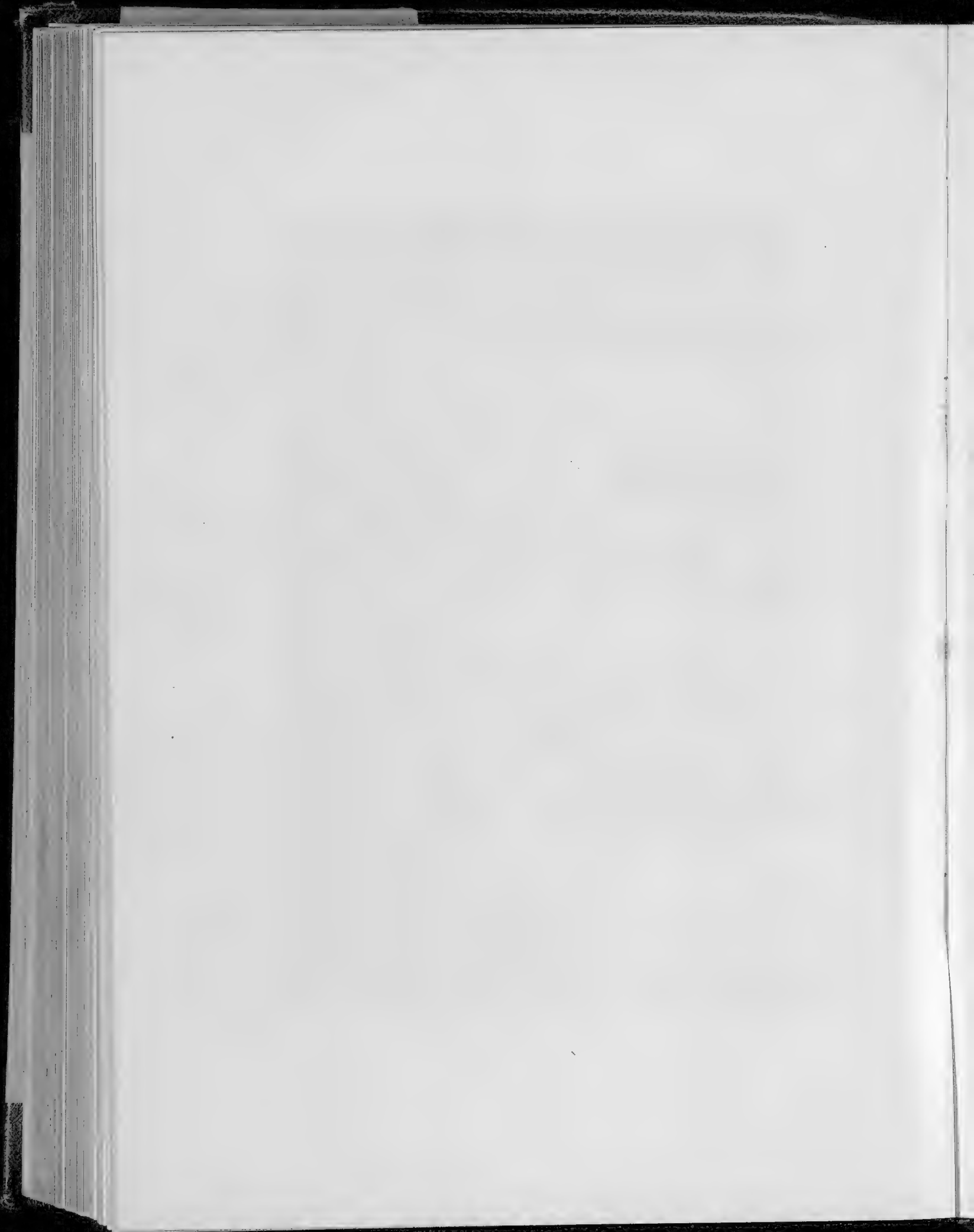
чтобы человѣчество согласовало свои дѣйствія съ ея указаніями. Случается даже, что страсти и аппетиты заставляютъ реагировать противъ нея, и что зло растетъ прямо пропорціонально накопленію знанія. Такъ, вредное дѣйствіе спиртныхъ напитковъ было превосходно выяснено гигиенистами, и весьма рѣдки теперь закоренѣлые пьяницы, которые не сознавали бы, насколько основательны доводы и совѣты, направленные противъ пьянства; а между тѣмъ рутинна побѣдоносно вкладываетъ имъ въ руку стаканъ съ ядомъ; они осушаютъ его, проклиная свою недостойную слабость. Также точно на каждомъ шагѣ приходится встрѣчать ярыхъ курильщиковъ, оплакивающихъ свое пристрастіе къ сигарамъ и трубкамъ, а также обжоръ, превозносящихъ воздержаніе. Можно встрѣтить цѣлыя массы врачей, которые своимъ поведеніемъ подають примѣръ противъ своихъ же собственныхъ совѣтовъ. Но, несмотря на все это, все-таки полезно знать истину и поставить ее, какъ маякъ, надъ несообразностями, практикуемыми въ жизни; важно быть освѣ-

домленнымъ о путяхъ, которымъ надлежитъ слѣдовать; надо предоста-
вить біологамъ пролить окончательно свѣтъ на всѣ вопросы, касающіеся
питанія, болѣзней и здоровья.

Но великій источникъ болѣзней находится въ той области, гдѣ—
это достаточно извѣстно—предпочитаютъ оставить все по-старому; источ-
никъ этотъ—соціальное неравенство. Экономическія причины богатства
и нищеты точно совпадаютъ съ причинами жизни и смерти. Въ каждомъ
городскомъ центрѣ статистики составили поражающія своей наглядностью
діаграммы смертности, которая точно соответствуетъ степени благосостоя-
нія классовъ; пропорціональность варьируютъ отъ простой до удвоенной,
утроенной и даже ушестеренной величины. Вотъ пастырь, который
проповѣдуетъ своимъ пасомымъ безропотную покорность волѣ Провидѣ-
нія, а вотъ и само стадо, которое толпами шествуетъ какъ бы на
бойню! Люди, принадлежащіе къ богатымъ классамъ, выживаютъ въ
условіяхъ, рѣзко противорѣчащихъ требованіямъ гігіены; они выносятъ
и слишкомъ обильный столъ, и продолжительное бодрствованіе, и полу-
ночиство, и болѣзни, связанныя съ распутной жизнью; заботливый
уходъ, освѣжающія путешествія, чистый воздухъ, отдыхъ, пріятная ра-
бота ставятъ ихъ снова на ноги и позволяютъ имъ дожить до почтен-
ной старости. Напротивъ того, люди бѣдныхъ классовъ стоятъ лицомъ
къ лицу съ постоянной угрозой смерти, въ особенности на самомъ по-
рогѣ своего существованія; первый годъ жизни уноситъ значительный
процентъ дѣтей немущихъ; затѣмъ, когда они вступаютъ въ жизнь,
полную лишеній, гдѣ ихъ встрѣчаетъ плохое питаніе, отвратительныя
гігіеническія условія, внушительная часть ихъ становится жертвой
различныхъ болѣзней, распространителями которыхъ въ значительной
мѣрѣ являются тѣ, кого благосостояніе поставило въ условія меньшей
уязвимости; самый обычный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый страшный по
своимъ результатамъ недугъ—туберкулезъ—собираетъ въ арміи бѣд-
ноты болѣе обширную жатву, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Кромѣ того,
именно среди бѣдныхъ развертывается особенно широко свою вредо-
носную дѣятельность извѣстная категорія различныхъ цѣлителей, па-
тентованныхъ и непатентованныхъ знахарей, хирурговъ, костопра-
вовъ, шарлатановъ, которыхъ своекорыстный интересъ побуждаетъ длить
болѣзнь, создавать ее въ случаѣ надобности. При настоящемъ социаль-
номъ состояніи общества существованіе нѣкотораго противорѣчія между
миссіей и профессиональнымъ заработкомъ всегда опасно. Впрочемъ,
ставя себя въ экономическія и моральныя условія, которыя создаются
въ обществѣ, благодаря антагонизму интересовъ, не всегда повернется
языкъ для осужденія врача и аптекаря, которые мечтаютъ объ эпидеміи
или слабомъ здоровьѣ своихъ ближнихъ. Для реализаціи истинной, дѣй-
ствительной общественной гігіены необходима болѣе высокая мораль,

Школа на открытомъ воздухѣ, въ Сахарѣ.

которая может родиться только при условіи перемѣщенія въ человѣчествѣ соціальной оси.

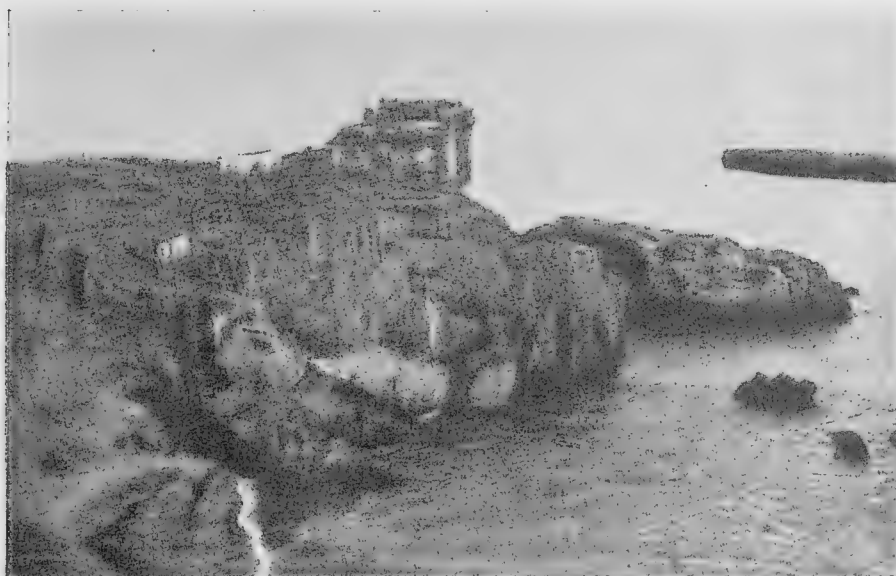
Одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, который должно разрѣшить будущее, это воспитаніе людей, рожденіе которыхъ зависитъ теперь почти всецѣло отъ случая, и развитіе которыхъ подвержено всѣмъ превратностямъ, связаннымъ съ богатствомъ и нищетою, благополучіемъ и несчастьемъ; а между тѣмъ слѣдовало бы обезпечить нарожденіе послѣдовательныхъ поколѣній людей вполне здоровыхъ, сильныхъ, ловкихъ, умныхъ и красивыхъ. Было бы неправильно утверждать, что это требованіе невыполнимо, потому что садовники сумѣли въѣдь, путемъ удивительныхъ опытовъ, видоизмѣнить по своему желанію форму, цвѣтъ, ростъ, весь *habitus*, нравы весьма многихъ растений; потому что скотоводы сумѣли въѣдь создать, путемъ скрещиваній, различныя породы, вызвать къ жизни безчисленное множество варіацій такихъ животныхъ, среди которыхъ были извѣстны только одинъ или два типа; потому что рука безбожныхъ рабовладѣльцевъ сумѣла въѣдь спаривать въ своихъ баракахъ негровъ и негрятенокъ, чтобы получить отъ нихъ породу съ болѣе или менѣе сильно развитымъ бицепсомъ или грудными мышцами. Уже Фридрихъ-Вильгельмъ I Прусскій повелѣвалъ браки между могучими мужчинами и сильными дѣвушками, съ тѣмъ, чтобы получить отборныхъ гренадеровъ для праваго фланга своихъ полковъ.

По примѣру знаменитаго монарха, авторитетные реформаторы предлагали надзоръ государства, его прямое вмѣшательство въ заключеніе всѣхъ брачныхъ союзовъ, какъ средство обезпечить человѣчеству будущаго возможно большую наличность силы, долговѣчности, положительныхъ физическихъ и моральныхъ качествъ. Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что въ такомъ обществѣ, какъ наше, въ которомъ существуютъ еще абсолютные властители, и въ которомъ, въ то же время, замѣчается блестящій и величественный расцвѣтъ науки,—нѣтъ ничего невозможнаго, что какой-нибудь владыка или даже какая-нибудь партія, якобы «научная», имѣли смѣлость проявить свое вмѣшательство въ естественныя отношенія между мужчиной и женщиной, присваивая себѣ то право рѣшающаго голоса въ вопросахъ брака, которымъ пользовались нѣкогда почти всѣ родители въ силу права собственности на своихъ дѣтей. Весьма вѣроятно, что въ такомъ направленіи будутъ даже сдѣланы попытки, такъ какъ въ великой экспериментаторской работѣ, которую представляетъ собою исторія, всякій опытъ имѣетъ въ свое время мѣсто, всякая комбинація можетъ быть воспроизведена самымъ неожиданнымъ образомъ; но заранѣе уже можно предсказать самую жалкую неудачу тѣмъ, которые, занявъ изолированную позицію надъ естественными законами взаимнаго влеченія половъ, попытались бы создать человѣческую породу по задуманному ими образцу. Но если бы

ихъ попытка даже и удалась,—это было бы величайшее изъ несчастій, такъ, субъекты, которыхъ создавали бы земные властелины, были бы не люди, а рабы, одаренные рабскими «качествами», т.-е. существа, счастливыя своимъ униженіемъ, покорно мирящіяся со своимъ безправнымъ положеніемъ, утрачивающія—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—всякую самостоятельность и упругость характера. Такимъ-то образомъ фараоны, при содѣйствіи министровъ типа Іосифа, создали расу терпѣливыхъ землепашцевъ, которые представляли одинъ общій земледѣльческій классъ вмѣстѣ съ волами, медленнымъ шагомъ тянущими за собою плугъ. Перуанцы, подъ владычествомъ инковъ, гуаранисы, подъ пастырскимъ руководствомъ іезуитовъ,—вотъ типы, которые были бы избраны въ качествѣ модели для воспроизведенія, первоначальныя очертанія которой изъ дня въ день изглаживались бы все болѣе и болѣе. Какъ часто вмѣшательство духовныхъ отцовъ и начальниковъ проявлялось въ смыслѣ настойчиваго противодѣйствія браку молодыхъ дѣвушекъ съ «вольнодумными головами»; какъ часто родители, въ разладѣ со своими дѣтьми, желающими вступить въ бракъ, предпочитали «положеніе» силѣ, здоровью и красотѣ; сколько несчастій, самоубійствъ, сколько преступленій породило это пресловутое вмѣшательство!

Въ этомъ вопросѣ капитальной важности, касающемся того направленія, которое слѣдовало бы придать, при свѣтѣ науки, скрещиваніямъ, сохраняя въ то же время полное уваженіе къ праву свободного выбора супруговъ, придется пройти черезъ ту борьбу, которая, какъ и во всѣхъ остальныхъ общественныхъ вопросахъ, связана съ раздѣленіемъ людей на власть имущихъ и добивающихся равенства. При всякомъ частичномъ улучшеніи, продиктованномъ наукой, благія начинанія наталкиваются на неизбѣжныя препятствія, обусловленныя тѣмъ, что между идеаломъ и его возможной реализаціей влииваются условія соціальнаго неравенства. Идетъ, на примѣръ, рѣчь о прогрессѣ, въ самой существенной области изъ всѣхъ: о томъ, чтобы обезпечить здоровье и существованіе новорожденнымъ. Въ этомъ отношеніи, естествознаніе, біологія, гигиена, терапевтика даютъ намъ всѣ необходимыя указанія, и мы превосходно знаемъ, какъ надо дѣйствовать, чтобы приспособить грудного ребенка къ средѣ, во всякомъ мѣстѣ и во всякое время года; мы знаемъ даже, какъ надо поступать, чтобы парализовать промахи природы и заставить жить ребенка, родившагося раньше времени,—это безформенное существо, въ которомъ только анатомъ и кормилица признаютъ представителя человѣческаго рода. Гигиенистъ учитъ, какъ увеличивать изъ года въ годъ, изъ часа въ часъ шансы рождающагося индивида въ его борьбѣ за существованіе, онъ въ общемъ знаетъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать, стоя передъ той или иной мѣдицинской или хирургической проблемой, но ему знакомы также установленныя судьбою

неравенства, и онъ вступаетъ въ борьбу для огражденія только отирысковъ привилегированныхъ. Вѣдь это значило бы быть революціонеромъ, если бы онъ вздумалъ не считаться со священными правами капитала, даже въ такомъ вопросѣ, который прежде всего и больше всего касается сохраненія рода человѣческаго. Врачъ не имѣетъ права и власти отвлечь мать отъ того рода занятій, который предназначили ей въ удѣлъ современныя экономическія отношенія, и что можетъ онъ подѣлать, если эта мать вынуждена, по самой сущности своей работы, освободиться

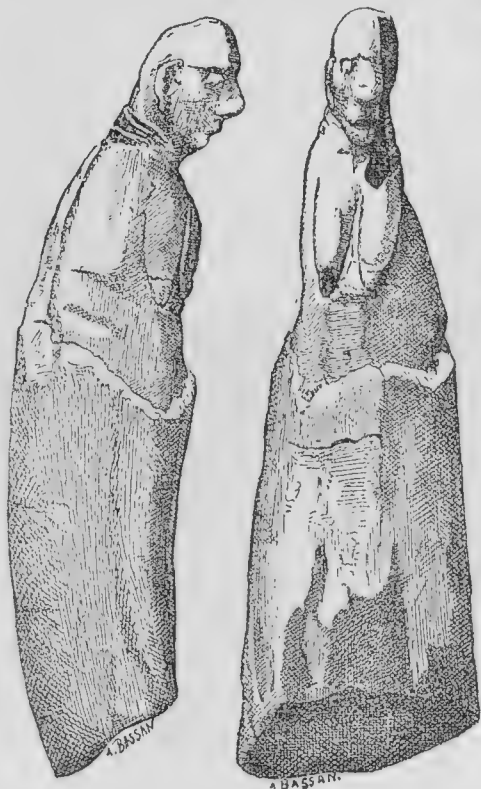

Мысъ Пескада, близъ Алжира, и его фортъ.
(См. стр. 493 и 494).

дѣться отъ своихъ дѣтей, отправить ихъ вдаль, къ наемникамъ, гдѣ уходъ, которымъ будутъ пользоваться малыши, подъ призоромъ чиновниковъ, слишкомъ часто вполне индифферентно относящихся къ своему дѣлу, рискуетъ быть совершенно иллюзорнымъ?

То же можно сказать и о другихъ улучшеніяхъ, на которыя направлялись мечты и попытки людей доброжелательныхъ, интересующихся специально тѣмъ или инымъ вопросомъ, связаннымъ съ социальнымъ прогрессомъ. Такъ, среди гигиенистовъ не существуетъ больше никакихъ сомнѣній относительно вліянія ядовъ, отравляющихъ человѣческій организмъ, какъ-то: алкоголя, табака, морфія, опиума. Правда, на этотъ вопросъ широко пролить свѣтъ, по на ряду съ этимъ не менѣе ясно, что національные и мѣстные бюджеты, а также интересы производителей и коммерсантовъ, требуютъ въ широкой мѣрѣ покровительства

пороку. Поэтому едва ли придется видѣть, чтобы предрержація власти когда-либо осмѣлились, при настоящихъ соціальныхъ условіяхъ, открыто осудить зло. Довольствуются тѣмъ, что теоретически разбираютъ вопросы, касающіеся организаціи труда и воспитанія, что принимаютъ безъ возраженія то, что говорятъ гигиенисты, по поводу необходимости дышать чистымъ воздухомъ, чередовать физическій трудъ съ интеллектуальными

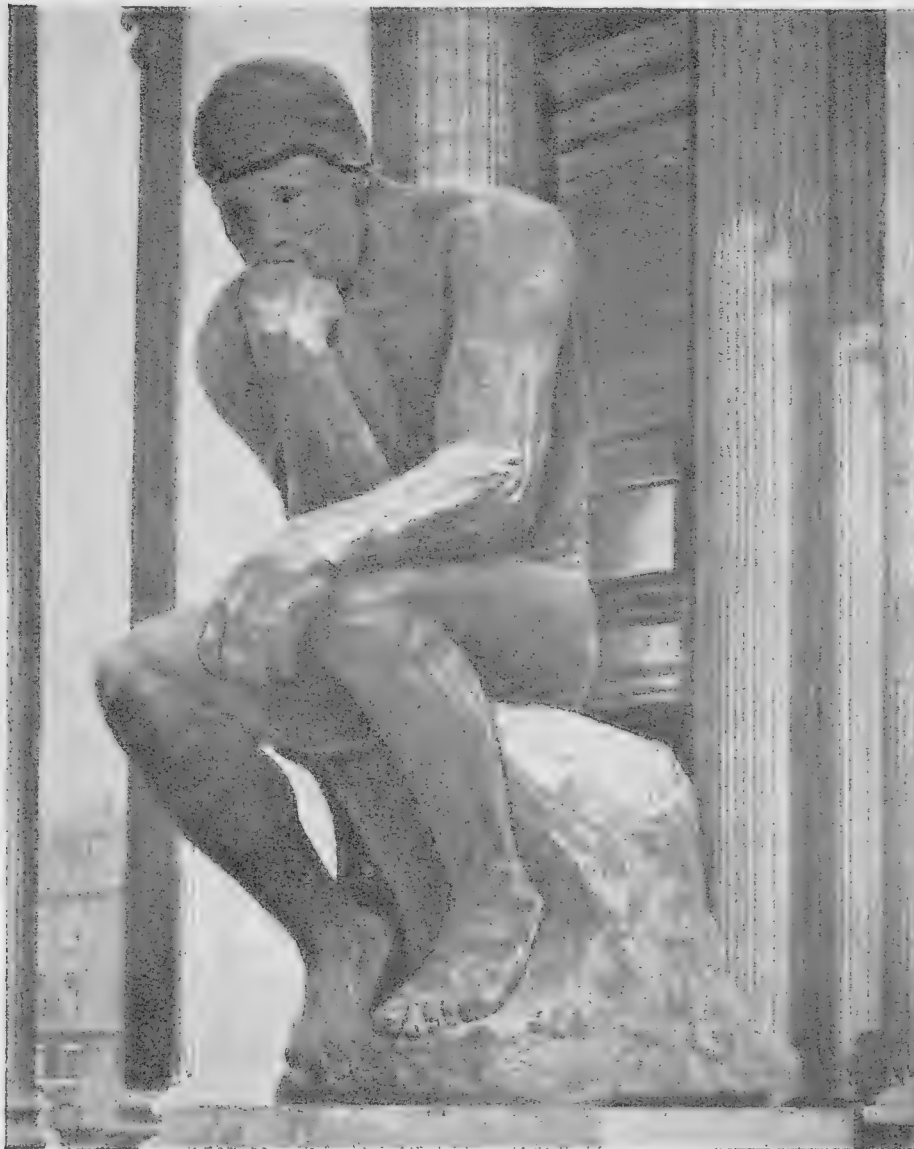

Доисторическая скульптура. Бюстъ женщины, сдѣланный изъ зуба лошади.
Масъ-д'Азиль. — Удвоенная величина.

занятіями, необходимости доставить каждому человѣку достаточно разнообразную и обильную пищу, не насиловать ни призванія, ни физическихъ силъ, обезпечить широкій вполне заслуженный отдыхъ тѣмъ, кто утомленъ интенсивнымъ трудомъ. Но что можетъ подѣлать наука, разъ не осмѣливаются примѣнять къ жизни ея принципы? Потому, что владѣльцамъ фабрикъ выгодно получать въ свое распоряженіе человѣческій трудъ по цѣнамъ, обусловленнымъ нуждою, и что родители торопятся приспособить своихъ дѣтей къ какой-нибудь профессіи, которую они считают если не хорошо оплачиваемою, то, по крайней мѣрѣ, необходимою для непосредственнаго предотвращенія голода! А проституція? Пока она — система, признанная государствомъ и даже приносящая ему нѣкоторый доходъ какъ извѣстная статья обложенія, проституція

всегда будетъ находить постыдныхъ защитниковъ, хотя бы среди военачальниковъ, заботящихся о томъ, чтобы публичные дома красовались по сосѣдству съ казармами. А какъ предотвратить массовыя бойни, устраиваемыя отъ времени до времени желѣзнодорожными компаніями? Конечно, бываютъ случайности, которыя совершенно не поддаются учету и не могутъ быть предвидѣны человѣкомъ, но, съ другой стороны, сколько можно насчитать несчастныхъ случаевъ, виновникомъ которыхъ является «дивидендъ»? Желѣзнодорожнымъ компаніямъ извѣстны мѣры предосторожности; но послѣднія обходятся слишкомъ дорого; компаніямъ извѣстно, что во избѣжаніе столкновеній поѣздовъ надо

располагать обширнымъ персоналомъ служащихъ, всегда бодрыхъ, съ незатуманеннымъ усталостью разсудкомъ; но трудъ служащихъ долженъ

Мыслитель; скульптура А. Родена.

быть оплаченъ. Компаніи знаютъ также, что отвѣтственность, возложенная на власть имущихъ, получила бы болѣе серьезный характеръ, нежели тяжкія взысканія, налагаемые по усмотрѣнію начальства на стрѣ-

лочника, падающаго отъ усталости, или на машиниста, ослѣпленнаго дымомъ и копотью. А, въ концѣ концовъ, указанныя выше «непріятности» ничуть не отзываются на крупныхъ барышахъ, во имя которыхъ организовалось данное предпріятіе.

Итакъ, всегда и всюду, въ каждомъ дѣлѣ, затрагивающемъ вопросы справедливости и человѣческой солидарности, приходится наталкиваться на пережитки, которые, конечно, не уступятъ передъ увѣщаніями тѣхъ, которые знаютъ, гдѣ источникъ зла, и ограничиваются усердной проповѣдью: эти пережитки уступятъ только передъ силой. Тѣ, кто присоединяетъ къ знанію реальную силу, придутъ, безъ сомнѣнія, раньше, чѣмъ всѣ эти общественныя язвы исчезнутъ сами собою. Чтобы уничтожить всѣ негодныя учрежденія, недостаточно будетъ издать законы или избрать народное представительство: историческій ходъ событій несомнѣнно выдвинетъ на сцену дѣятелей, которые живой работой подкрѣпятъ проповѣдь своихъ идей: они уничтожатъ тѣ памятники прошлаго, которые остались бы какъ злокачественныя язвы на больномъ общественномъ организмѣ. До тѣхъ поръ, пока не явится на помощь санкція какого-нибудь рѣшительнаго акта, легальнымъ предначертаніямъ едва ли суждено сбыться. Какой-нибудь заштатный фортъ, безъ оружія, безъ гарнизона, даже безъ привратника, представляетъ собою, тѣмъ не менѣе, запретное мѣсто, къ стѣнамъ котораго нельзя прикасаться подъ страхомъ тюремнаго заключенія или штрафа. Много разъ субъ-префектуры во Франціи были упраздняемы въ законномъ порядкѣ какъ постыдныя агентства избирательной компаніи; но это обстоятельство не мѣшаетъ тому, что субъ-префектуры все еще существуютъ и дѣйствуютъ, къ ущербу для нравственности и общественныхъ финансовъ. Общественное мнѣніе подготавливаетъ эволюціи, твердая, непоколебимая воля ихъ осуществляетъ.

Та сторона воспитанія, которая должна привести къ великимъ перемѣнамъ въ области эстетической, представляетъ еще значительно болѣе деликатный вопросъ, чѣмъ воспитаніе научное, такъ какъ оно осуществляется болѣе косвенными путями, и требуемая здѣсь выработка подвержена безконечнымъ индивидуальнымъ нюансамъ.

Чувство красоты, воспріятіе ея предшествуетъ склонности къ классификаціи и порядку: искусство появляется раньше науки. Ребенокъ приходитъ въ восторгъ, получивъ въ руки блестящій предметъ, окрашенный въ яркія краски, издающій серебристый звонъ: онъ радостно прислушивается къ мелодическимъ переливамъ и чередованію звуковъ, и только впоследствии онъ стремится познать, какъ и почему такъ звучитъ его погремушка, а пока онъ ее долго разглядываетъ и возится съ

ней, прежде чѣмъ разобратъ ее, чтобы видѣть, какъ она устроена. Такъ же точно его родители смотрятъ со своего рода обожаніемъ, восхищеніемъ на родившагося у нихъ ребенка, и только въ послѣдствіи имъ приходится въ голову мысль заняться воспитаніемъ чуднаго существа, которымъ они восторгаются 1). Такимъ-то образомъ совершается переходъ отъ искусства къ наукѣ, а затѣмъ, когда мы достаточно поняли вещи, которыя насъ окружаютъ, когда наука ихъ объяснила, мы возвращаемся снова къ искусству, чтобы полюбоваться имъ еще разъ, и постараться, поскольку возможно, провести эту радость въ нашу жизнь.

Но не всякій, кто того желаетъ, становится художникомъ, а тотъ, кто разсчитываетъ имъ сдѣлаться путемъ рабскаго изученія великихъ мастеровъ, путемъ измѣренія и точной репродукціи линій, проведенныхъ раньше него, путемъ щепетильнаго соблюденія установленныхъ правилъ,—тотъ на всю жизнь останется только жалкимъ копистомъ, творцомъ вырожденія и унадка. Первое правило искусства такъ же, какъ и всякой добродѣтели,—быть искреннимъ, самостоятельнымъ, сохранять индивидуальность (Рескинъ); но наше эстетическое воспитаніе такъ далеко отъ идеала, что, по чувству грубой стадности, толпа—а вѣдь сколько людей образованныхъ и рѣчистыхъ стоятъ въ общемъ не выше толпы!—увлекается и склонна относить къ числу высоко художественныхъ твореній подчасъ такіа произведенія, которыя представляютъ собою просто-на-просто груды камня, обязанныя своимъ рожденіемъ на свѣтъ капризу какого-нибудь деспота и оплаченныя жизнью безчисленныхъ рабовъ. Правда, всякое созданіе человѣческаго духа, по своей сущности и по обуславливающимъ его причинамъ, настолько сложно, что красивое можетъ въ немъ сочетаться съ мизернымъ, даже съ уродливымъ; поэтому, чтобы отдать себѣ точный отчетъ о твореніяхъ человѣка, необходимо различать въ нихъ различные элементы и высказаться о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Такъ, пирамиды представляютъ сами по себѣ съ точки зрѣнія архитектурной, просто-на-просто геометрическую модель, имѣющую не больше цѣны, чѣмъ многогранники, склеиваемые школьниками изъ картона; но, благодаря своей громадной величинѣ, эти «три горы, воздвигнутыя человѣкомъ, упирающіяся вдали въ небеса», перестали уже быть по своей внѣшности созданіями человѣка; онѣ стали необходимой частью пейзажа, какъ изгибъ рѣки и пески пустыни. Кромѣ того, въ этихъ пирамидахъ какъ бы запечатлѣнъ цѣлый періодъ жизни человѣчества: мысль вызываетъ воспоминаніе о безчисленной толпѣ народа, строившей эти громады, и.

1) Patrick Geddes, «Summer Meeting at Edinburgh», 4 août 1896.

охваченная какой-то бессознательной симпатіей къ ней, олицетворяетъ

Адамъ.

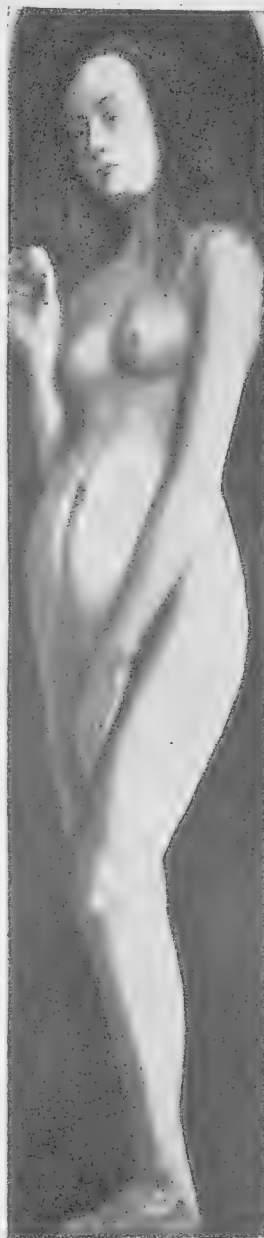
Съ картины братьевъ Ванъ-Эйкъ, Губертъ, 1370—1426. (Королевскій музей въ Брюсселѣ).

эти милліоны несчастныхъ въ колоссальныхъ скопленіяхъ камня, подъ которыми они положили свою жизнь, сложенные тяжелымъ трудомъ. Мы имѣемъ передъ собою зрѣлище природы, мы переживаемъ сильное впечатлѣніе при созерцаніи памятниковъ сѣдой старины, но мысль объ искусствѣ остается намъ вполне чуждой при видѣ этихъ пирамидъ.

Еще легче поддаться необдуманно восхищенію по заказу, когда данныя произведенія скульптуры или архитектуры, кромѣ своихъ колоссальныхъ размѣровъ, носятъ на себѣ нѣкоторыя черты, имѣющія дѣйствительно художественный характеръ. Такъ, напримѣръ, когда Сезострисъ, охваченный маніей величія по отношенію къ своей заурядной личности, усѣялъ египетскій міръ колоссальными изображеніями своей персоны, чувство красоты не было еще вполне подавлено всеобщимъ угодничествомъ, и, какъ бы тамъ ни было, громадные статуи Фараона, его храмы гигантскихъ размѣровъ сохранили на себѣ, несмотря на свои утрированные формы и на отсутствіе естественнаго вдохновенія, нѣкоторыя свѣтлыя черты, завѣщанныя предшествовавшими вѣками. То же—и въ эпохи, когда властители міра, какъ Цезари или «Короли Солнца», заставляли всѣ художественныя силы даннаго вѣка соединить свои усилія для прославленія ихъ персоны, предшествовавшія поколѣнія вносили, сами того не вѣдая, свою долю въ дѣло возвеличенія властелина; но послѣднее покупалось цѣною неизбежнаго упадка послѣдующихъ поколѣній. Однако, низость привлекаетъ низость, и изъ столѣтій въ столѣтіе земные властители, которые убивали искусство своимъ тщеславіемъ, стремясь сосредоточить всѣ лучи въ окружающемъ ихъ ореолѣ славы, имѣютъ еще своихъ угодливыхъ царедворцевъ; но эта раболовная толпа постепенно убываетъ; все болѣе и болѣе берутъ перевѣсъ чувства, выразителемъ которыхъ является истинно-человѣческая критика. «Въ эпоху Сезостриса искусство приобретаетъ характеръ

устрашающий¹⁾... Дѣло не только въ чувствѣ униженности, которое охватываетъ при видѣ громадности этихъ сооружений, но самый фактъ ихъ созданія не можетъ быть понятъ иначе, какъ при наличности порабощенія людей... Я желаю, чтобы искусство говорило о томъ добромъ, что есть въ родѣ человѣческомъ».

Пусть оно повѣствуетъ, по крайней мѣрѣ, о свободѣ. Когда человѣкъ работаетъ свободно, когда онъ можетъ съ увлеченіемъ отдаваться своему дѣлу, преслѣдовать свои мечты,—быть-можетъ, тогда онъ будетъ имѣть счастье увидѣть ихъ осуществленіе; по крайней мѣрѣ, онъ найдетъ свою индивидуальность, которая сдѣлаетъ изъ него личность, выдѣляющуюся изъ сѣрой людской массы. Если онъ не можетъ спокойно наслаждаться свободой въ мирѣ, то пусть онъ, по крайней мѣрѣ, пользуется относительною свободой, которая обрѣтается въ борьбѣ; велики и тѣ эпохи, когда можно бороться за свой идеалъ, защищать одною рукою то сокровище, которое держишь въ другой! Подчасъ художникъ можетъ создать себѣ жизнь совершенно особенную. Официальный міръ проносится мимо него, водоворотъ обыденной жизни бурлитъ вокругъ него; но онъ игнорируетъ все это и несется въ области таинственно прекраснаго, куда влечетъ его геній. Бетховенъ былъ глухъ, но онъ разлилъ въ необъятномъ міровомъ пространствѣ могучіе потоки гармоній. Далѣе, развитіе индивидуальнаго генія зависитъ отъ такого множества различныхъ моментовъ, отъ безчисленныхъ комбинацій ихъ, что ему случается расцвѣсть въ средѣ, на видъ совершенно ему чуждой, а между тѣмъ скрывающей незримые ресурсы, цѣнные источники мощи, которыми тираннія не могла овладѣть. Такимъ-то образомъ могъ возникнуть замѣчательный храмъ, который былъ открытъ Стевенсономъ на Маркизскихъ островахъ, въ одной маленькой безлюдной деревушкѣ Гатигеу, на островѣ Нукагива. Бѣглецъ, построившій ихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выказалъ себя оригинальнымъ скульпторомъ и сумѣлъ

Ева.

Съ картины братьевъ Ванъ-Эйкъ, Янъ, 1390—1440. (Королевскій музей въ Брюсселѣ).

1) Ch. Lenormant, цитировано по Fr. Lenormant, «Les Premières Civilisations».

создать весьма замѣчательное произведение ¹⁾. Конечно, художественное твореніе Мишеля Блана не могло бы расцвѣсть въ метрополіи, подъ наблюденіемъ его начальниковъ и дипломированной бюрократіи. Такъ же точно, благодаря полной свободѣ передвиженія въ мусульманскомъ мірѣ, какой-нибудь Саади могъ оказать дерзостное неуваженіе Махмуду Газнеvidу; такъ, героическій толчокъ, данный открытіями и завоеваніями, вызвалъ къ жизни Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона, несмотря на тяжелый гнетъ инквизиціи; далѣе, въ пошлой придворной средѣ съ ея «жирной и блестящей красотой, съ ея богатствомъ безъ мысли и безъ философіи» ²⁾, процвѣтали Рубенсъ и его школа. Наконецъ, среди художниковъ встрѣчается извѣстное число людей, которые умѣютъ бороться всегда и всюду, расти, несмотря ни на какія препятствія, какъ деревья подъ напоромъ морского вѣтра, которые, въ самый критическій, финальный моментъ борьбы, умѣютъ смотрѣть своему противнику въ лицо и сказать, какъ Бернаръ Палисси: «Я умѣю умереть»!

Не только матеріальная тираннія власть имущихъ и касть препятствуетъ или, по меньшей мѣрѣ, задерживаетъ развитіе искусства: тяжелый гнетъ, налагаемый интеллигентнымъ общественнымъ мнѣніемъ извѣстнаго рода, приводитъ къ тому же результату. Поистинѣ неисчислимо зло, приносимое религіознымъ и моральнымъ лицемеріемъ, которое свирѣпствуетъ въ англо-саксонскихъ странахъ подъ названіемъ «*sant*». Тысячи писателей и художниковъ, которымъ нечего было бояться свѣтскихъ властей, останавливались, тѣмъ не менѣе, въ почтительномъ молчаніи, когда трактуемая ими тема приводила ихъ къ такого рода вопросамъ, по отношенію къ которымъ не была признана со стороны всепильнаго мнѣнія свобода сужденія. Извѣстно, какъ люди, обладавшіе громадной духовной мощью, на примѣръ, Байронъ и Шелли, тщетно старались добиться по отношенію къ себѣ терпимости въ своемъ отечествѣ, Англіи, и должны были одинъ за другимъ отправиться за границу и тамъ умереть. Такъ же точно, такъ называемыя «приличныя» литература и живопись въ англійскихъ странахъ должны были до самаго послѣдняго времени совершенно игнорировать половую жизнь, вѣ области душевныхъ движеній и чисто-духовной стороны любви: казалось, что человѣкъ—поистинѣ существо, лишенное тѣла, просто-на-просто—пламя, лучъ свѣта, безплотный призракъ. Въ этомъ отношеніи современное общество, находящееся вѣчно подъ давленіемъ того стыда, того проклятія плоти, которое было провозглашено аскетизмомъ, до сихъ поръ еще стоитъ ниже благородной Эллады, которая уважала и обоготворяла формы человѣческаго тѣла.

Возрожденіе скульптурнаго искусства, не тожественнаго, но равнаго по своей цѣнности греческому, немислимо до тѣхъ поръ,

1) R. L. Stevenson, «In the South Seas», I, p. 97.—2) Guillaume de Greef «Introduction à la Sociologie», 2-e partie, p. 173.

пока мода и условныя требованія ложной нравственности будутъ диктовать мужчинамъ и женщинамъ нравы, ставящiе препятствiя въ одно и

Наброски повседневной жизни; рисунки Кеисаи Китао Массайоши.

Вторая половина XVIII вѣка.

то же время свободному росту тѣла, его гигиеническому и эстетическому развитiю и возможности для художника плодотворнаго его изученiя. Можно стать скульпторомъ только послѣ долгаго созерцанiя формъ въ беско-

печномъ ихъ разнообразіи, лишь послѣ того, какъ продолжительное наблюденіе научить уразумѣть всѣ тонкости игры мускуловъ, ритмической послѣдовательности движеній, лишь послѣ того, какъ найдено будетъ единство человѣческой личности, таинственная связь, существующая между хорошо выраженной формой каждой части тѣла и духовнымъ складомъ индивидуальности, создаваемою творческимъ воображеніемъ художника. Необходимо такъ же, чтобы художественная оцѣнка тѣла, живущаго полною жизнью, производилась въ условіяхъ полнѣйшей свободы, а не при неожиданно подвергнувшемся случаѣ, не въ мастерской художника, гдѣ тотъ или иной субъектъ, приученный стоять въ условной позѣ, продаетъ себя на столько-то сеансовъ. Можно ли создавать дѣйствительно художественное, когда стараешься воспроизвести линіи тѣла «моделей», которыя отлично сознаютъ, что традиціи и среда связываютъ съ ихъ профессіей представленіе о безчестіи, и которыя подвліяніемъ такого непріязненнаго отношенія пріобрѣли особое, специфическое настроеніе духа? Нагота можетъ быть вполне прекрасна только тогда, когда человѣческое существо не знаетъ зла, или же, если человекъ, при условіи полного и облагороженнаго знанія вещей, поднялся на высокую ступень чистоты душевной и нравственной жизни. Одна только глубокая моральная эволюція, обусловленная коренными измѣненіями въ средѣ, можетъ дать человѣку эту новую свободу.

Вопросъ объ одеждѣ и наготѣ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу тѣхъ, который имѣетъ чрезвычайную важность съ точки зрѣнія физическаго здоровья, искусства и нравственнаго здоровья; поэтому необходимо точно опредѣлить свое отношеніе къ этому вопросу, такъ какъ пришло время, когда нельзя уклоняться отъ какого бы то ни было обсужденія. Въ этомъ заключается крупное завоеваніе въ области человѣческой свободы; еще немного лѣтъ тому назадъ было бы заранѣе отвергнуто, какъ посягающее на устои нравственности, всякое предложеніе, въ которомъ оспаривалась бы необходимость въ одеждахъ. Подвліяніемъ этой идеи, возникшей въ незапамятныя времена, освященной религіей, признанной неоспоримой съ точки зрѣнія морали, склонялись къ убѣжденію, что въ современномъ обществѣ, такъ называемомъ цивилизованномъ, представленія о приличіи развиты у различныхъ народовъ прямо пропорціонально къ обычаю пользоваться одеждами. Элегантная дама притворяется и дѣлаетъ видъ, будто не можетъ даже смотрѣть на того, кто ходитъ босикомъ; руки, которыя по преимуществу являются органами дѣятельности человека и воплощаютъ въ дѣло его мысли, зачастую одѣты въ перчатки; большинство женщинъ, не вынужденныхъ заниматься физическимъ трудомъ, доходятъ до того, что окутываютъ вуалью свое лицо, на манеръ магометанокъ, хотя ихъ къ этому не принуждаетъ никакой

иной тирантъ, кромѣ моды; такимъ образомъ, даже голова не показывается открытою; цѣлый туманъ изъ тюля и крепа становится между взоромъ и природой; а черныя или красныя точки, вышитыя на прозрачной ткани, производятъ впечатлѣніе, будто глазъ пораженъ бѣльмомъ, а щеки усѣяны прыщиками. Этому желаютъ условности моды; зато во многихъ другихъ обстоятельствахъ жизни нравы общества требуютъ, чтобы женщина появлялась при яркомъ свѣтѣ съ оголенными плечами и грудью. При

Рошъ-Гажакъ, н берегу Дордони.

вступленіи Карла Великаго въ городъ Антверпенъ дамы самыхъ знатныхъ фамилій оспаривали другъ у друга честь появиться обнаженными въ свѣтѣ своего государя; такъ же точно во время директоріи надо было одѣваться въ прозрачныя ткани, чтобы удовлетворить требованіямъ хорошаго тона. Впрочемъ,—это надо отмѣтить,—религія и оффиціальная мораль не одобряютъ открыто указанныхъ эксцессовъ нравовъ и скорѣе придерживаются традиціонныхъ одеждъ, которыя въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Тироли, въ Бретани, покрываютъ абсолютно все тѣло и совершенно не даютъ возможности разобрать его формы. Къ этому, конечно, сводились цѣли «святой Церкви», которая видѣла въ женщинѣ главнѣйшую подстрекательницу ко грѣху.

Въ сущности дѣло сводится къ тому, чтобы знать, что именно—нагота или одежда—является болѣе гигиеничною, болѣе полезною для гармоническаго развитія человѣка въ физическомъ и нравственномъ

отношеніи? Что касается перваго, то здѣсь не можетъ уже быть никакихъ сомнѣній. Для гигиенистовъ вопросъ о наготѣ—вопросъ рѣшенный. Не подлежитъ сомнѣнію, что жизнеспособность, дѣятельность и естественная активность кожи повышаются, коль скоро она находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ воздуха, свѣта, переменчивыхъ явленій внѣшней среды. Выдѣленіе пота не стѣснено ничѣмъ; отправленія покрововъ протекаютъ нормально; они становятся болѣе пластичными и въ то же время болѣе резистентными; кожа не покрывается блѣдностью, какъ блѣднѣетъ изолированное растеніе, лишенное дневного свѣта. Опыты, произведенные надъ животными, показали такъ же, что, когда кожа лишена вліянія свѣта, число красныхъ кровяныхъ шариковъ, а также относительное количество гемоглобина убываютъ. Это означаетъ, что жизненные процессы начинаютъ протекать менѣе активно и менѣе интенсивно ¹⁾. Вотъ еще примѣръ того факта, что прогрессъ цивилизаціи вовсе не всегда и не неизбѣжно является дѣйствительно прогрессомъ, и что его слѣдуетъ подчинить контролю науки.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ жизни народовъ: всѣ путешественники согласно утверждаютъ, что полинезійцы являлись прекрасными представителями рода человѣческаго до того времени, какъ въ океаническомъ мірѣ появились миссіонеры, ревностные распространители полотняныхъ и бумажныхъ издѣлій; извѣстно также, что нигдѣ художники не были болѣе проникнуты благороднымъ пониманіемъ красоты, какъ въ дивной Элладѣ, гдѣ все молодое и сильное участвовало въ состязаніяхъ на силу и ловкость, въ играхъ на вольномъ воздухѣ, обнаживъ свое тѣло передъ собравшейся толпой зрителей. Не безызвѣстно также, что современные гигиенисты, озабоченные возстановленіемъ человѣческой красоты и здоровья, которыя находятся въ опасности, благодаря недостатку цѣлесообразности въ способахъ питанія и одежды, начинаютъ разоблачать своихъ паціентовъ, чтобы пріучить ихъ къ воздуху и свѣту. Во всей Западной Европѣ, вплоть до сѣверной Шотландіи, открылись лѣчебныя заведенія, куда стѣзжаются богатые больные, чтобы подвергнуть свое обнаженное тѣло живительному дѣйствію воздуха и солнца.

Несомнѣнно, что страны холодныя, какъ Скандинавія, и даже страны умѣренныя, какъ почти всѣ населенныя мѣстности Европы, отличаются болѣе суровою зимою по сравненію съ климатическими условіями, въ которыхъ живутъ океанійцы; но различныя защитныя приспособленія, драпировки, которыя представляютъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ одежды, также даютъ возможность оградить себя отъ холода. До самаго недавняго времени японцы, которыхъ тогда не коснулись еще

1) Kronecker et Marti, «Archives italiennes de biologie», t. XXVII, p. 333.

правы англійскихъ предразсудковъ, отнюдь не считали для себя обязательнымъ скрывать изъ приличія свою наготу и купались вмѣстѣ, мужчины и женщины; конечно, путемъ созерцанія свободной игры мускуловъ тѣла, художники Ниппона достигли умѣнія кистью своею передавать свободу движеній. Живописцы и скульпторы спасли цивилизацію нашей старой Европы, сохранивъ культъ красоты человѣческихъ формъ, не взирая на проклятіе Церкви, расточаемыя по адресу плоти. Они, впрочемъ, въ трудной борьбѣ завоевали право изображать человѣка безъ покрывалъ, къ ношенію которыхъ насъ принуждаетъ законъ.

Равновѣсіе здоровья, нормальность отправления нашего тѣла не могутъ установиться вполне; болѣзни, обусловленныя измѣняющимся вліяніемъ тепла и холода, перестанутъ угрожать цивилизованному субъекту до тѣхъ поръ, пока тѣло человѣка не будетъ «освобождено отъ своего савана», пока человѣкъ не станетъ снова «весь ликомъ», по оригинальному выраженію одного туземца съ побережья Чили ¹⁾. Но возстановленіе въ своихъ правахъ красоты обнаженнаго тѣла является особенно необходимымъ съ точки зрѣнія моральнаго оздоровленія, такъ какъ ответственность костюма и наряда относится къ той категоріи явленій, которая, благодаря глупому тщеславію, благодаря рабскому духу подражанія и въ особенности благодаря изощренной изобрѣтательности порока, больше всего ведетъ къ всеобщему развращенію общества. Облагораживающемъ вліяніи такой реформы можно легко судить по художественнымъ училищамъ, гдѣ молодые люди, нерѣдко уже развращенные, съ благоговѣніемъ рисуютъ женское тѣло съ живой модели, сохраняя полное уваженіе къ формамъ человѣка; фривольнымъ мыслямъ они поддаются уже позже, въ общеніи съ женщинами, разодѣтыми въ свои наряды и уборы: мода придавала одеждамъ покровъ, спеціально прировненный къ возбужденію чувственности. Обнаженная красота облагораживаетъ и очищаетъ; одежда, лукавая и лживая, ведетъ къ упадку и развращаетъ.

Однако, мода все еще царитъ, какъ царятъ Господинъ Капиталь, старинныя пережитки Церкви и Государства. Нечего, стало-быть, надѣяться, что мода, которая представляетъ интересы безчисленнаго множества поставщиковъ и отвѣчаетъ безконечному ряду мелкихъ страстей личныхъ, уступить добровольно и безъ борьбы передъ новымъ режимомъ искусства и здраваго смысла. Тѣмъ менѣе можно этого ожидать, что мода представляетъ собою наслѣдіе прошлаго. Она измѣняется изъ столѣтія въ столѣтіе, изъ сезона въ сезонъ, однако,—въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ: она совершаетъ

1) Alonzo de Ovalle, «Account of the Kingdom of Chile»; цитировано по Ed. Carpenter, «Civilization, its causes and cure».

рѣзкіе скачки отъ одной крайности къ другой, но принимаетъ при этомъ все тѣ же знакомыя уже формы. Ни одна изъ старинныхъ манеръ наряжаться и украшать себя не исчезла совершенно, даже въ нашемъ элегантномъ обществѣ. Немало людей еще татуируется, и среди современныхъ адмираловъ немало можно найти такихъ, у которыхъ парадныя перчатки скрываютъ синій якорь, вытравленный у основанія большого пальца. Европейская женщина не продѣваетъ себѣ больше колецъ черезъ ноздри, какъ индусская женщина, зато она подвѣшиваетъ ихъ къ своимъ ушамъ; она сохраняетъ ожерелье, наслѣдіе дикости, и носитъ браслеты плѣнницы,—рудиментъ цѣпи, помощью которой приковывали ее къ столбу палатки. Вояка, который въ современномъ обществѣ представляетъ примитивный элементъ, человѣкъ, вовлеченный жаждой военной славы и битвы, украшаетъ себя эполетами, аксельбантами, ярко окрашенными галунами, бляхами, эмалированными или блестящими металлическими крестами, разноцвѣтными перьями,—рискуя навлечь на себя въ битвѣ вниманіе и пули непріятеля ¹⁾. Но если среди богатыхъ, которые желаютъ, во что бы то ни стало, выдѣляться изъ толпы обыкновенныхъ людей, любовь къ блеску поддерживаетъ рознь между классами и даже стремится ее увеличить, хотя бы цѣною затратъ,—въ демократическихъ массахъ обнаруживается тенденція все болѣе и болѣе сглаживать различія въ костюмѣ: въ этомъ слѣдуетъ уже видѣть прогрессъ. Во многихъ странахъ трудно бываетъ различить по виду богатаго отъ бѣднаго, такъ какъ человѣкъ со вкусомъ, хотя бы и зажиточный, одѣвается просто; и, съ другой стороны, чистота является правиломъ для всѣхъ, въ томъ числѣ и для мало состоятельныхъ. Мало того, одежда трудящихся женщинъ приближается къ одеждѣ мужчинъ: тѣ изъ нихъ, которыя желаютъ получить полную свободу въ движеніяхъ, находятъ возможнымъ освободиться отъ своихъ стѣснительныхъ платій, узкихъ корсетовъ и разукрашенныхъ цвѣтами шляпъ. Во всякомъ случаѣ, совершился уже извѣстный позитивный прогрессъ, въ смыслѣ установленія большей свободы въ костюмѣ, и сдѣланъ уже нѣкоторый шагъ въ сторону гигиены. Но великую революцію въ области эстетики и нравственности, которая предоставитъ современному цивилизованному человѣку то право, которымъ обладали древніе греки, право ходить при свѣтѣ солнца, освободившись отъ окутывающей тѣло ткани,—эту великую революцію, среди всѣхъ задачъ, стоящихъ передъ современнымъ человѣкомъ, будетъ, пожалуй, труднѣе всего осуществить.

Дѣло въ томъ, что силъ одинокаго реформатора, хотя бы онъ былъ даже сверхъ-человѣкомъ, какъ Ницше, недостаточно для свершенія дѣла, которое онъ предпринималъ. Будучи одинъ, онъ легко можетъ быть

1) Ernst Grosse, «Die Anfänge der Kunst», p. 110.

принять за сумасшедшаго, если только онъ не сдѣлается таковымъ на самомъ дѣлѣ, и его современникамъ не составитъ большого труда изгнать его изъ своей среды при помощи тюрьмы, ссылки, насмѣшки, помѣщенія его въ карантинъ. Но, какъ бы то ни было, такой человѣкъ является пионеромъ въ новой области, и за нимъ послѣдуютъ другіе, которые, соединяя свои силы, доведутъ его завѣты до желаннаго конца. Художникъ не останется болѣе одинокимъ въ своихъ требованіяхъ: онъ

Варшавская опера.

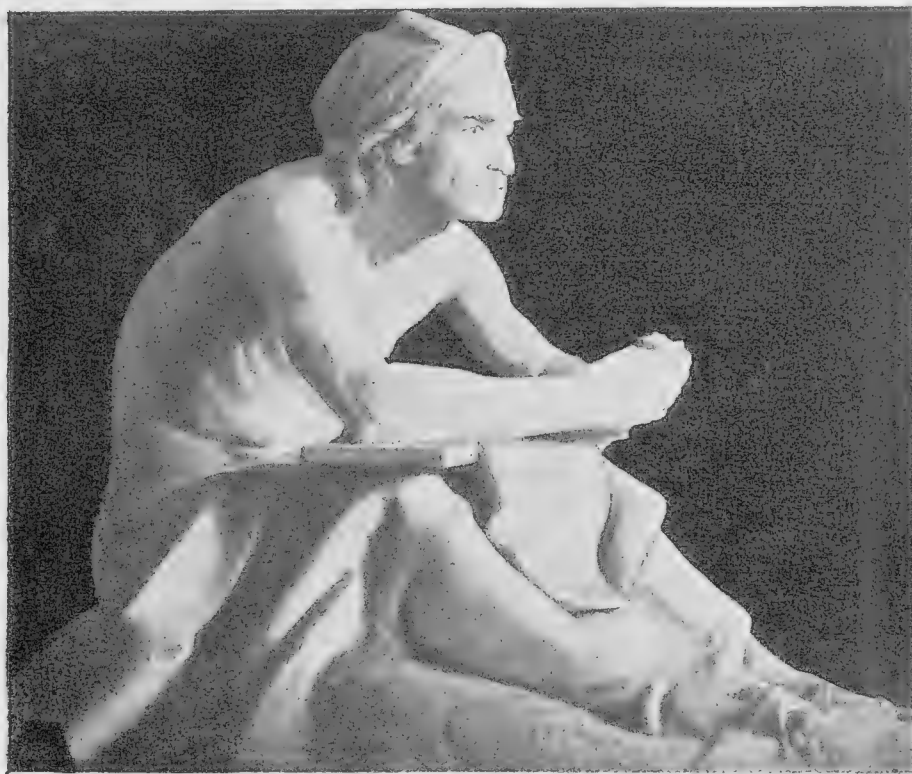
соединится съ гигиенистомъ, съ ученымъ, и со всѣхъ сторонъ сразу поведется атака противъ существующихъ правовъ и предразсудковъ, подлежащихъ уничтоженію. Полное единеніе искусства и науки, о которой мы мечтали въ обществѣ будущаго, имѣло уже свой прообразъ тогда, когда Тиціанъ и его ученики рисовали для Андрея Везалія таблицы къ его «Курсу анатоміи». Въ нашъ современный вѣкъ подобнаго рода примѣры становятся все болѣе и болѣе частыми; и мы въ правѣ ожидать еще гораздо болѣе замѣчательныхъ результатовъ отъ того времени, когда ученые, художники, образованные техники, занятые цѣлымъ рядомъ предпріятій, перестанутъ быть, какъ это бываетъ весьма часто въ наши дни, слугами на жалованіи у различныхъ властителей и капиталистовъ, когда они въ состояніи будутъ, вернувъ себѣ свободу, обра-

тятся къ толпѣ обездоленныхъ и рабочихъ для того, чтобы помочь имъ строить великое зданіе будущаго, т.-е. создать общество, въ которомъ не будетъ ни уродства, ни болѣзней, ни нищеты.

Намъ говорятъ о «привлекательности» труда. Какъ радостно трудятся пчелы надъ созданіемъ и оборудованіемъ улья, изъ котораго ни одинъ паразитъ не осмѣлится безнаказанно похитить каплю меда! Какое счастье согласовывать свои братскія усилія для созданія прекраснаго организма, въ которомъ каждый вноситъ свою долю труда и посвящаетъ свое существованіе совершенно законченному дѣлу, являясь гармоничной частью стройнаго цѣлаго. Все это будетъ такъ, когда совершенно измѣнится объектъ соціальной творческой работы. Въ настоящее время группа привилегированныхъ, располагающая капиталомъ, титулами, положеніемъ и денежурами, старается, во что бы то ни стало, удержать существующій режимъ неравенства, и художники, какъ рабочіе и солдаты, не могутъ вступить въ жизнь труда иначе, какъ принявъ условія, продиктованныя господствующими классами. Несомнѣнно, художники были бы счастливы искренно искать свою дорогу, оказывать другъ другу товарищескую помощь въ профессиональной работѣ, жить вмѣстѣ, не зная нужды, которая въ настоящее время сторожитъ у порога большинства людей; но съ первыхъ же шаговъ на избранномъ поприщѣ они убѣждаются, что являются по отношенію другъ къ другу соперниками и борющимися сторонами; имъ разъясняютъ на всевозможные лады, что преміи, которыя они могутъ взять, весьма немногочисленны, и что эти преміи надо вырывать изъ рукъ товарищей не только путемъ превосходства таланта, но, если это въ данномъ случаѣ осуществимо, путемъ хитрости, силы, подвоховъ, интригъ, путемъ самыхъ низменныхъ махинацій и даже путемъ молитвъ св. Антонію Падуанскому. Ихъ паталкиваютъ на стремленіе, въ свою очередь, стать привилегированными, и передъ ихъ взорами рисуется, какъ длинная аллея къ славѣ, вся ихъ блестящая карьера, усѣянная цѣлымъ рядомъ почестей, въ видѣ крестовъ, титуловъ, пенсій, казенныхъ заказовъ и т. п., и для завоеванія каждой изъ этихъ милостей они готовятся вступить въ борьбу, подставить во-время ножку тому или иному изъ своихъ «дорогихъ товарищей», провести своимъ мечомъ предѣльную черту, которую не въ состояніи будутъ отнынѣ преступить ихъ соперники. Всѣ пріучаются изо дня въ день ненавидѣть другъ друга, въ эти чудные годы юности, созданной для великихъ душевныхъ порывовъ и героизма. Истинное искусство, богатое, безкорыстное, съ трудомъ можетъ возникнуть въ такой средѣ, гдѣ царствуетъ низменная завистливость: дѣйты задыхаются, заглушаются подъ плеведами. Самые искренніе художники, оскорбленные въ своемъ чувствѣ красоты и внутренней деликатности, удаляются отъ общества и живутъ какъ въ крѣ-

ности, въ міра пошлой обыденщины: они живутъ «какъ въ сталѣ непріятеля» ¹⁾.

Во многихъ отношеніяхъ природа является великой утѣшительницей; но деревни, даже самыя захолустныя, могутъ быть, какъ и населенные города, обезображены благодаря дурному вкусу, а въ особенности благодаря грубости тѣхъ, кто ими овладѣлъ. Такъ какъ человѣкъ вкладываетъ

Марать; скульптура Жана Баффье.

въ природу свою душу, и сообразно своему собственному идеалу онъ украшаетъ землю, онъ возноситъ ее до уровня божественной красоты, или же онъ даетъ ей вульгарный, неопрятный, грубый и отталкивающий характеръ. Человѣкъ будущаго, который сумѣетъ возвыситься до пониманія красоты, будетъ знать, что изъ чувства почтенія, изъ любви къ природѣ онъ не долженъ допускать, чтобы при расположеніи человѣческихъ построекъ нарушались ея линіи, вносился бы гру-

1) William Morris, «Lecture to the Society of Art at Birmingham».

бый диссонансъ въ гармонію ея окрасокъ и нюансовъ: онъ долженъ будетъ стыдиться разрушать и радоваться, если ему удалось поднять красоту окружающей его мѣстности. Въ этомъ отношеніи ему остается, впрочемъ, только подражать животнымъ, своимъ предтечамъ. Бѣлка и птица строятъ свои гнѣзда на деревьяхъ, и отъ этого они значительно выигрываютъ въ нашихъ глазахъ ¹⁾.

Такъ же точно, неужели трогательная пара влюбленныхъ, семья съ играющими подъ сѣнью вѣтвей дѣтьми, не сообщаютъ природѣ бесконечно много красоты? Неужели хижина, пріютившаяся у берега журчащаго ручья, окруженная цвѣтущимъ садикомъ, не оживляетъ тишь уединеннаго уголка? Даже крупныя зданія могутъ способствовать украшенію окружающей природы въ томъ случаѣ, когда архитекторы поняли характеръ мѣстности, и если созданіе человѣка согласуется съ геологической работой вѣковъ въ одно гармоническое цѣлое. Такъ, на-примѣръ, какой-нибудь греческій храмъ заканчивается въ художественномъ отношеніи, развиваетъ и, такъ сказать, увѣнчиваетъ цвѣтами кон-туры скалы, на которой его воздвигли; онъ представляетъ ея неотъемлемую часть, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, придаетъ ей болѣе возвышенный смыслъ; онъ превращаетъ ее, прославляетъ ее, дѣлаетъ достойной божества, которое создано духомъ человѣческимъ, и которое царитъ съ ея высоты надъ полями и морями. На ряду съ этимъ встрѣчаются вершины, на которыхъ постановка какого бы то ни было памятника, какого бы то ни было человѣческаго сооруженія явилась бы профанаціей; и, когда беззащитныя архитекторы, оплаченные безстыдными владельцами гостиницъ, сооружаютъ здѣсь громадныя караванъ-сарай, мы испытываемъ буквально чувство отвращенія при видѣ этихъ четырехгран-ныхъ громадъ, по фасадамъ которыхъ вырисовываются тысячи распо-ложенныхъ въ правильные ряды четырехугольниковъ-оконъ, и надъ которыми возвышается нѣсколько десятковъ дымящихся трубъ; и все это—тутъ же, на виду у сверкающихъ ледниковъ, снѣжныхъ вершинъ, рядомъ съ бурнымъ каскадомъ или безграничной ширью океана!

Итакъ, искусство втянуто въ весьма дурную школу: цѣлыя полчища ловкихъ дѣльцовъ выются около учреждений и лицъ, раздающихъ поставки, около финансовыхъ тузовъ, муниципалитетовъ, префектуръ, а въ особенности около высшаго художественнаго учрежденія государства, «великаго покровителя искусствъ»; по малѣйшему знаку всѣ бросаются къ работѣ: творятъ гостиницы, дворцы и храмы, картины и акварели, статуи и барельефы, рисунки и офорты, камен, эмалевыя и ювелирныя издѣлія, оперы, оперетки и поэмы,—словомъ все, что только пожелають господа.

1) Edward Carpenter, «La Société Nouvelle», fév. 1896.

Десятками тысяч картины и полотна, гипсы, мраморы и бронзы появляются ежегодно на художественных выставках, въ «салонахъ», которые такъ наглядно показываютъ несвязность выставленныхъ произведений; каждое изъ этихъ произведений противорѣчитъ сосѣднему по производимому имъ впечатлѣнію, и нѣтъ возможности разсматривать ихъ внимательно въ теченіе часа, не испытывая настоящихъ страданій. Все это—рабочья работа; тѣмъ не менѣе, мы видимъ, какіе могучіе резервы силы, искусства, мастерства таятся для будущаго въ этомъ хаосѣ. Пусть только гармонія объединитъ всѣ эти воли; пусть установится согласіе между всѣми этими работниками для творенія общаго дѣла, достойнаго величія человѣческаго духа,—и тотчасъ же на развалинахъ нашихъ барачковъ и даже нашихъ пресловутыхъ дворцовъ поднимутся неподобныя чудеса искусства. Чтобы увидѣть рожденіе великихъ твореній, достаточно будетъ кликнуть кличъ тѣмъ, отъ кого таковыхъ можно ожидать; но прежде всего и раньше всего необходимо, чтобы они были поставлены въ условія полной личной свободы, полного равенства и совершенной обезпеченности въ смыслѣ заработка хлѣба насущнаго; необходимо, чтобы никакія житейскія заботы не отвлекали ихъ отъ преслѣдованія цѣлей прекраснаго, чтобы изъ-подъ ихъ пальцевъ не могло выйти ничего вульгарнаго, пошлаго!

«Искусство—это жизнь», говоритъ Жанъ Баффье, скульпторъ-рабочій, который вложилъ столько страсти и радостнаго увлеченія въ свою работу,—мраморныя изваянія благородной и чистой фигуры крестьянки, своей матери, а также честныхъ тружениковъ-землепашцевъ и садовниковъ. Искусство—это жизнь! Разъ только работа воодушевляетъ, какъ только она превращается въ источники счастья,—формовщикъ становится художникомъ; онъ стремится довести свою работу до совершенства красоты, сдѣлать ее объектомъ всеобщаго восхищенія и придать ей, такимъ образомъ, характеръ долговѣчности и универсальности. Даже молчаливый крестьянинъ любитъ, когда приходятъ издалека посмотрѣть на ровную борозду, правильную по глубинѣ, которую онъ твердой рукой провелъ въ землѣ при содѣйствіи своихъ воловъ; погонщикъ муловъ гордится тѣмъ, что ему удалось хорошо соразмѣрить равновѣсіе клади, нагруженной на животное, украсить его пышными хохолками, яркими помпонами; каждый рабочий старается обзавестись орудіемъ, которое было бы не только вполне пригодно для работы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и привлекательнымъ для взора; онъ самъ выбираетъ для него дерево и металлъ; онъ налаживаетъ и приспособливаетъ его, украшаетъ рѣзьбой и рисунками; народы, имена которыхъ не дошли до насъ, которые жили въ эпоху, настолько отдаленную отъ нашей, что не трудно ошибиться на нѣсколько тысячелѣтій при опредѣленіи періода ихъ существованія, живутъ для насъ только въ орнаментахъ, которые начертали ихъ художники на кости и камнѣ.

Мало того, даже тѣ рабочіе, чье дѣло исчезаетъ сейчасъ же послѣ того, какъ оно совершенно, а именно косари, жнецы, виноградари, обнаруживаютъ, тѣмъ не менѣе, художественную жилку въ манерѣ дѣйствовать своими орудіями и дѣлать свое дѣло: спустя цѣлый рядъ лѣтъ рассказываютъ объ удали, проворствѣ и выносливости наиболѣе выдвинувшихся односельчанъ. «Первый» слуга при фермѣ не участвуетъ въ барышахъ отъ хорошей жатвы, но считаетъ для себя вопросомъ чести исполнѣ оправдать каждый годъ свой титулъ и знать, что его мастерство признается во всей округѣ. Каждая профессія имѣетъ своихъ героевъ, даже въ тѣхъ городахъ или селахъ, которыя сами представляютъ замкнутый въ себѣ міръ; и каждый изъ этихъ героевъ находитъ поэтовъ, которые воспѣваютъ его славу, въ особенности во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ, когда тапцующій свѣтъ пламени въ очагѣ или внезапно вспыхнувшей съ трескомъ раскаленной головни смутно озаряетъ лица и фигуры, то приближая, то удаляя ихъ другъ отъ друга, придавая всему таинственный и задумчивый характеръ. Вотъ скромные очаги первобытнаго искусства: изъ нихъ вышли наши эпопеи и наша архитектура! И до тѣхъ поръ, пока останутся на землѣ эти мирные пріюты, озаренные счастіемъ труда, у насъ впереди надежды. Тѣмъ болѣе имѣемъ мы право надѣяться, что со всѣхъ сторонъ совершается конвергенція къ такому общественному состоянію, когда поймутъ необходимость единенія между всѣми элементами человѣческой жизни, между игрой и ученіемъ, искусствомъ и наукой, наслажденіемъ матеріальнымъ благосостояніемъ и сокровищами мысли, прогрессомъ интеллектуальнымъ и моральнымъ. Какое дивное нарождающееся цѣлое витало уже передъ глазами великаго новатора Фурье, когда онъ создавалъ свой «Фаланстеръ», и сколько благихъ попытокъ было уже сдѣлано въ этой области мысли! Въ недалекомъ будущемъ «Народный Домъ» станетъ куда прекраснѣе, чѣмъ дворецъ какого-нибудь монарха въ Персеполѣ, Фонтенблѣ, Версали или Санъ-Суси; такъ, на его долю выпадетъ задача удовлетворить всей совокупности интересовъ, радостей, мыслей тѣхъ, которые еще недавно представляли собою толпу, шумное сборище, массу, и которыхъ сознаніе своей свободы преобразило въ собранія товарищей.

Прежде всего, дворецъ будетъ весьма обширныхъ размѣровъ, такъ какъ народъ будетъ расхаживать по его дворамъ, толпиться въ его галлерейхъ и аллеяхъ, окружающаго его сада; громадныя склады будутъ наполнены всевозможными припасами, необходимыми для тысячъ гражданъ, которые соберутся здѣсь въ дни труда и праздника; въ залахъ общественнаго зданія «духовный хлѣбъ», въ видѣ книгъ, картинъ, различныхъ коллекцій, будетъ представленъ въ не меньшемъ изобиліи, чѣмъ хлѣбъ тѣлесный; въ широкой мѣрѣ должна быть предусмотрена

возможность устройства баловъ, концертовъ, театральныхъ представлений. Безконечное разнообразіе архитектурныхъ формъ будетъ отвѣчать многочисленнымъ требованіямъ жизни; но это разнообразіе не должно будетъ вредить величественности и красивой цѣльности зданій. Вотъ здѣсь то священное мѣсто, гдѣ весь народъ, выросшій въ своихъ глазахъ, сдѣлаетъ попытку вознести на высоту свой коллективный идеалъ, съ помощью прекрасныхъ художественныхъ произведеній, съ помощью полного, всесторонняго искусства, которое сумѣетъ возсоздать всю плеяду Музъ, какъ

Танецъ пастуховъ въ Сорренто, съ картины Коро (часть картины).

самыхъ величественныхъ, управляющихъ гармоніей небесныхъ свѣтилъ, такъ и самыхъ легкихъ, самыхъ граціозныхъ, украшающихъ жизнь танцами и цвѣтами.

Все это, искусство и наука, нѣкогда обозначалось названіемъ «музыка»; и, дѣйствительно, въ высшемъ смыслѣ слова, эти проявленія человѣческаго духа являются въ своей совокупности музыкой, какъ ее понимали примитивные народы, которые предшествовали индусамъ, еракійцамъ и грекамъ. До своего обращенія мариатами и замиренія зрителями надъ каторжниками, канакки Новой Каледоніи играли среди луговъ на свирѣли, «чтобы подымать плодоношеніе растений и созрѣваніе плодовъ» 1).

1) Moncelon, «Mélanoésie française».

Не то ли самое отношеніе къ искусству и природѣ выразилось, правда, въ иной формѣ, пожалуй, въ еще болѣе граціозной, въ сказаніи объ Орфеѣ, лира котораго увлекала людей, приручала животныхъ, трогала даже камни, заставляя ихъ складываться въ стѣны, чтобы воздвигнуть городъ свободныхъ людей?

Народъ, элементы котораго мы всѣ представляемъ, движется неизмѣннымъ ритмомъ: въ каждомъ изъ насъ внутренняя музыка тѣла, ритмъ которой отдается въ нашей груди, регулируетъ бѣненіе нашего пульса, движеніе нашихъ шаговъ, разныхъ нашихъ страстей, даже полетъ нашей мысли; и когда всѣ эти ритмическія бѣненія согласуются, сливаются въ гармоничное цѣлое, тогда складывается сложный организмъ, связывая безчисленный комплексъ подчиненныхъ ему элементовъ и вкладывая въ него единую душу.

Достаточно уже простого такта, отбиваемаго барабаномъ или на-свистываемаго флейтой, чтобы привести въ движеніе все населеніе данной улицы и заставить его маршировать вслѣдъ за кучкой скомороховъ или комедіантовъ съ дрессированнымъ медвѣдемъ. Что же тогда можетъ сдѣлать истинная музыка, съ ея богатѣйшими средствами выражать чувства, отъ безконечной нѣжности до могучаго порыва страсти! Тогда жизнь, сдѣлавшаяся общей для всѣхъ, вкладываетъ въ душу каждого существа, составляющаго часть коллективнаго цѣлаго, одно стремленіе, внушаетъ ему одно моральное чувство, располагаетъ его къ однимъ и тѣмъ же волевымъ актамъ; что дѣлаетъ краснорѣчивое слово, то можетъ совершить и музыка,—съ виду менѣе опредѣленными, расплывчатыми путями, но, въ сущности, проникая болѣе глубоко и прочно, такъ какъ, если она и не подвигаетъ массы на какое-нибудь опредѣленное, конкретное дѣйствіе, зато она завладѣваетъ внутреннимъ міромъ существа и подготавливаетъ его къ такому состоянію духа, въ которомъ потенциально таятся всѣ проявленія героизма. Всѣ тѣ, въ которыхъ музыка возбуждаетъ одновременно однѣ и тѣ же захватывающія эмоціи, понимаютъ твореніе въ его цѣломъ лучше, чѣмъ это могъ бы сдѣлать самый образованный музыкантъ, читая или слушая произведеніе въ одиночествѣ: подчасъ случается, что публика открываетъ самому исполнителю ту или иную тонкость, которая ускользнула отъ его вниманія. Такъ, музыка, даже въ видѣ простой гармоніи звуковъ, является гуманитарнымъ искусствомъ по преимуществу, которое даетъ сознаніе взаимной солидарности тѣмъ, кого разъединяетъ борьба за существованіе ¹⁾.

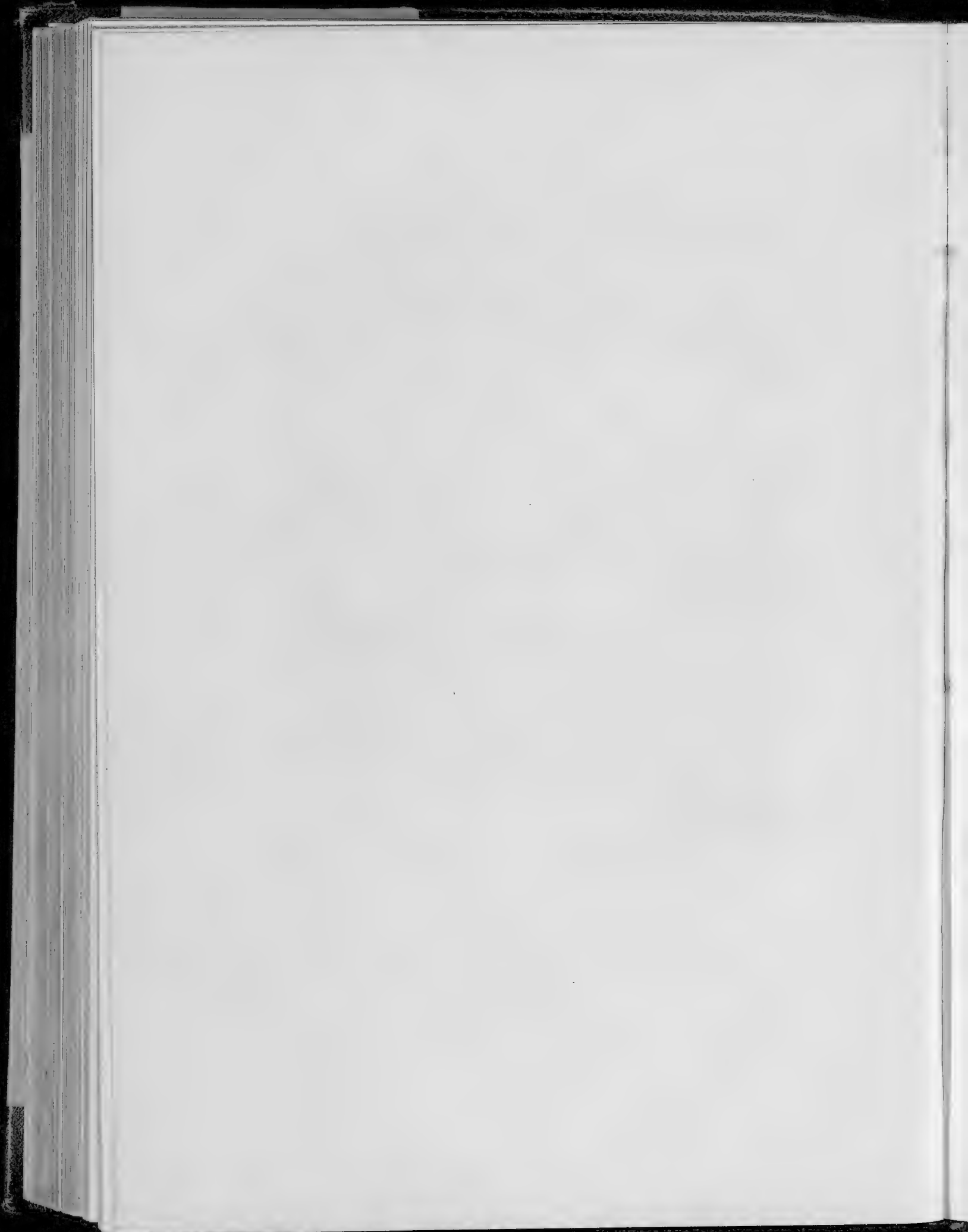
Что же сказать о музыкѣ, какою ее знали древніе эллины, о музыкѣ во всей ея полнотѣ, гдѣ проявленія человѣческаго чувства тѣсно слиты со всякимъ научнымъ открытіемъ, со всякой формой искусства?

1) Gévaert, «Musique, l'art du XIX siècle», 1895.

Кто положитъ границы могуществу человѣка тогда, когда онъ будетъ обладать полнымъ созвучіемъ съ грандіознымъ механизмомъ природы, и когда каждая вибрація этого величественнаго аккорда «будетъ регулироваться ходомъ звѣздъ, священнымъ «ритмомъ¹⁾ смѣны времени года и часовъ». Вотъ какой высокой ступени совершенства человѣкъ можетъ надѣяться достигнуть, если рисующіяся передъ нашими взорами почки раскроются въ пышные цвѣты, если силы, таящіяся въ зародышѣ, не будутъ парализованы какой-нибудь внезапной болѣзнью, если воспитаніе человѣчества пойдетъ по тому же пути, какъ и прежде, переходя черезъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ толчковъ, изъ которыхъ и складывается прогрессъ!

1) Lous Menard, «Symbolisme des religions».

Истинный прогрессъ заключается
въ завоеваніи хлѣба и просвѣщеніи
для всѣхъ.

Глава двѣнадцатая.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СЛОВА ПРОГРЕССЪ.—ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ.—ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭВОЛЮЦІЯ.—ПРОГРЕССЪ И РЕГРЕССЪ ВЪ ИСТОРИИ.—ВОЗВРАЩЕНІЕ КЪ
ПРИРОДѢ.—ПРОСТОТА ПЕРВОБЫТНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ И СЛОЖНОСТЬ СО-
ВРЕМЕННЫХЪ.—ВЗАИМОПОМОЩЬ НАЦІЙ.—ЗАКОНЪ ПЕРЕМѢЩЕНІЯ.—
ЗАВОЕВАНІЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ.—ЗАВОЕВАНІЕ ХЛѢБА.—
ВОЗВРАЩЕНІЕ УТРАЧЕННОЙ ЭНЕРГІИ.—ПРОГРЕССЪ НЕСОМНѢННО
СУЩЕСТВУЕТЪ.

Въ абсолютномъ смыслѣ слово «прогрессъ» не имѣетъ значенія
потому, что вселенная безконечна, а въ пространствѣ безграничномъ
все остается постоянно одинаково отдаленнымъ и одинаково близкимъ
началу и концу. Общественное движеніе необходимо складывается изъ жизне-
дѣятельности тѣхъ его элементовъ, которые зовутся индивидами. А какой
же прогрессъ самъ по себѣ можно опредѣлить для каждаго изъ этихъ
существъ, кривая жизни которыхъ такъ коротка: отъ рожденія до

смерти? Развѣ можно говорить о прогрессѣ искры, только-что выбитой изъ кремня и потухнувшей мгновенно въ холодномъ воздухѣ?

Итакъ, идею «прогресса» должно понимать въ смыслѣ гораздо болѣе ограниченномъ. Истинная цѣнность этого слова, цѣнность общепотребительная, указана историкомъ Гиббономъ. Онъ допускаетъ, что «съ начала міра каждый вѣкъ прибавлялъ и прибавляетъ нѣчто къ матеріальному благосостоянію, счастію, знанію и, можетъ-быть, къ добродѣтели человѣческой расы». Это опредѣленіе—заключающее, между прочимъ, сомнѣніе относительно нравственной эволюціи—было современными писателями повторяемо, видоизмѣняемо, расширяемо и суживаемо; тѣмъ не менѣе, мнѣніе, что прогрессъ должно понимать какъ улучшение человѣческаго рода въ теченіе историческаго періода, является прочно установленнымъ въ общественномъ пониманіи фактомъ. Однако, надо избѣгать приписывать инымъ цикламъ жизни на земномъ шарѣ свойства эволюціи, аналогичной съ движеніемъ, совершеннымъ современнымъ человѣчествомъ. Весьма вѣроятныя гипотезы, касающіяся геологической жизни нашей планеты, заставляютъ не безъ основанія признать правильность теоріи вѣковыхъ колебаній, условій жизни на землѣ, соответствующихъ—въ широкомъ, конечно, сравненіи—смѣнамъ въ наши дни время года чередованіямъ лѣта и зимы. А такіа колебанія, совершавшіяся въ теченіе тысячъ, можетъ статься, милліоновъ лѣтъ или, пожалуй, вѣковъ, необходимо влекло за собой смѣну разнородно свойственныхъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга періодовъ. Смѣна же эта не могла оставаться безъ глубокаго вліянія на ходъ жизненной эволюціи. Что бы стало съ настоящимъ человѣчествомъ, если бы ему пришлось переживать «великую зиму», если бы наступила новая ледниковая эпоха; если бы Британскіе острова, Скандинавія покрылись никогда не стаивающимъ покровомъ льда; если бы безжалостные холода и морозы уничтожили всѣ наши музеи и бібліотеки? Должны ли мы допускать надежду, что охлажденіе обоихъ полюсовъ не совершится одновременно; что, слѣдовательно, человѣчество можетъ-таки пережить суровый періодъ, примѣняясь, мало-по-малу, къ новымъ условіямъ, передвигаясь, со всѣми сокровищами нашей цивилизаціи, къ теплымъ странамъ? Ну, а если охлажденіе будетъ одновременно и повсемѣстно? Можемъ ли мы предположить, что въ такомъ случаѣ, не взирая на чувствительное ослабленіе солнечной теплоты, этого основного источника существованія, несмотря на постепенное истощеніе запасовъ двигательной энергіи, человѣчество все-таки будетъ имѣть возможность непрерывно двигать впередъ культуру въ лучшемъ смыслѣ слова, совершать истинный «прогрессъ»? Вѣдь уже въ теченіе современнаго намъ историческаго періода мы имѣли случай убѣдиться, каковы нормальныя послѣдствія теллурическаго высыханія, послѣдовавшаго за минувшей

ледниковой эпохой: это явленіе вызвало осязательный регрессъ въ области Средней Азіи. Рѣки и озера пересохли, гряды песчаныхъ наносовъ заполонили всю область, что повлекло исчезновеніе городовъ, цивилизацій, цѣлыхъ народовъ. Песчаная степь стелется тамъ, гдѣ прежде кипѣла жизнь, около селъ и крупныхъ центровъ человѣческой дѣятельности: человѣкъ не могъ устоять предъ враждебной къ нему природой.

Какъ бы мы ни понимали слово «прогрессъ», одно обстоятельство, касающееся его, остается внѣ всякаго сомнѣнія, а именно въ различные эпохи появились люди, по той или по другой причинѣ выдвигавшіеся на первый планъ. Это явленіе замѣчается во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Можно привести сотни именъ такихъ людей. Они, каждый въ своей особенной окружающей ихъ сферѣ, оказываются типами совершеннаго человѣка, превосходящаго всѣхъ остальныхъ. Превосходство ихъ выражалось въ проникательности, трудовой мощи, глубокомъ добросердечіи, высокой нравственности, недостижимыхъ художественныхъ способностяхъ; а иногда они отличались противоположными поименованнымъ, но всегда недостижимо-исключительными качествами. Исторія Греціи особенно изобилуетъ подобными примѣрами; но и въ другихъ человѣческихъ группахъ они тоже появлялись. Часто намъ приходится о нихъ только угадывать, они нерѣдко скрываются подъ покровомъ мифовъ и легендъ. Какой бы, напр., человѣкъ могъ быть лучше Сакья-Муни? Какой художникъ можетъ стать выше Фидія, или какой изобрѣтатель выше Архимеда? Кто мудрѣ Марка Аврелія? Словомъ, поступательное движеніе, прогрессъ (если только онъ вообще существуетъ) за ближайшія къ намъ три тысячелѣтія состоитъ, повидимому, въ томъ, что указанное явленіе (индивидуальной одаренности) становится все болѣе и болѣе распространеннымъ, и человѣческія общества научаются все лучше и лучше использовать умственные качества гениальныхъ людей.

Нѣкоторые великіе умы не довольствуются приведенными нами ограниченіями понятія о прогрессѣ. Они даже не допускаютъ возможности какого-либо реальнаго улучшенія въ общемъ строѣ человѣчества. На ихъ взглядъ все то, что производитъ впечатлѣніе прогрессивнаго движенія, есть одна иллюзія, цѣнность которой—совершенно частнаго, личнаго характера. Большинство людей смѣшиваетъ понятіе о прогрессѣ и регрессѣ съ субъективнымъ понятіемъ объ измѣненіяхъ вообще къ лучшему или къ худшему,—смотря по тому, къ чему направлено это измѣненіе, и какъ относится къ нему самъ наблюдатель. Напримѣръ, миссіонеры приходятъ въ соприкосновеніе съ прекрасно развитыми физически дикарями. Эти дикари ходятъ голыми, двигаются свободно. Миссіонеръ же видитъ прогрессъ въ томъ, что приучаетъ ихъ носить платья, рубашки, сапоги, шляпы, что обучаетъ ихъ катехизису, чтенію Библіи, пѣнію псалмовъ по-англійски или по-латыни. А открытіе новыхъ фабрикъ и заводовъ?

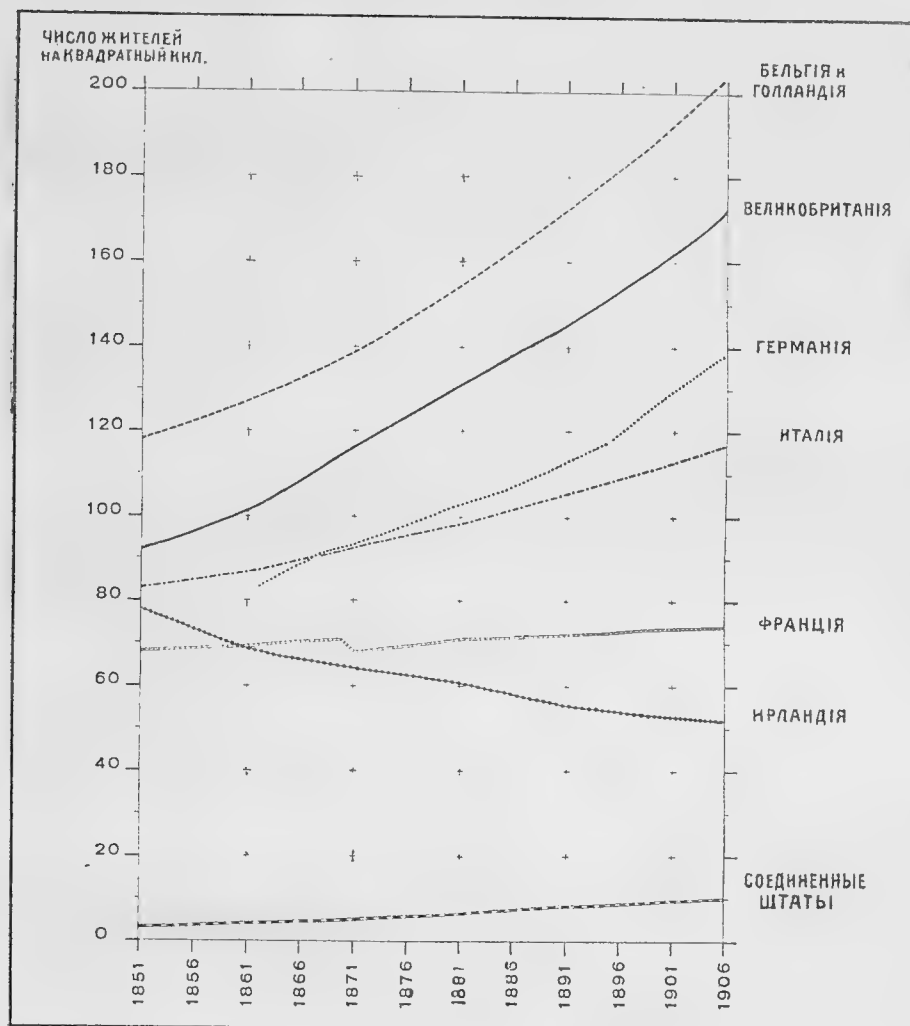
Какіе торжественные гимны воспѣвались въ такихъ случаяхъ прогрессу, не взирая на то, что возникновеніе этихъ промышленныхъ заведеній неминуемо вызывало возникновеніе новыхъ кабаковъ и больницъ ¹⁾! Промышленность, конечно, принесла за собой не мало того, что можно назвать «истинными преуспѣянiями». И все-таки къ частностямъ этой великой эволюціи должно относиться съ большою осмотрительностью. Жалкое положеніе населенiя въ Ланкаширѣ и въ Силезіи показываетъ намъ, что исторiя ихъ прогрессированiя далеко не была лишена отрицательныхъ примѣсей. Переимѣнить свое прежнее общественное и политическое положеніе, перейти въ новый слой общества, еще не значитъ приобрести большую долю счастья! Мы найдемъ и теперь цѣлые милліоны фабричныхъ рабочихъ, швей, служанокъ, которые со слезами вспоминаютъ о родимой хижинѣ, о пляскахъ на открытомъ воздухѣ, подъ развѣсистымъ семейнымъ дубомъ, о зимнихъ посидѣлкахъ около очага. А чѣмъ выражается прогрессъ для жителей Камеруна или Того съ тѣхъ поръ, какъ они имѣютъ честь обрѣтаться подъ сѣнью германскаго флага? Или для алжирскихъ арабовъ съ тѣхъ поръ, какъ они выучились попивать возбуждающіе напитки и элегантно болтать на quasi-парижскомъ жаргонѣ?

Слово «цивилизациа», которымъ обыкновенно обозначаютъ прогрессирующее положеніе той или иной націи, растяжимо такъ же, какъ и слово «прогрессъ»; разнообразныя значенiя того и другого слова смѣшиваются и путаются. Для большинства человѣчества словомъ «цивилизациа» характеризуется только утонченность нравовъ, и въ особенности привычекъ внѣшней вѣжливости, что, впрочемъ, не мѣшаетъ людямъ неуклюжимъ, съ грубыми манерами нравственно стоять гораздо выше придворныхъ, умѣющихъ сочинять мадригалы. Иные подъ цивилизацией понимаютъ исключительно совокупность матеріальныхъ улучшенiй, вносимыхъ наукой и современной промышленностью: желѣзныя дороги, телескопы и микроскопы, телеграфы и телефоны, летающія машины и поддающіеся управленію аэростаты,—словомъ, всевозможныя изобрѣтенiя, которыя кажутся такимъ господамъ достаточнымъ доказательствомъ коллективнаго общественнаго прогрессированiя. Эти господа ничего больше знать не хотятъ и отказываются заглянуть вглубь громаднаго общественнаго организма. Тѣ же, кто занимается изслѣдованіемъ этого организма, начиная съ его зародышеваго состоянiя, удостовѣряютъ, что всякая «цивилизованная» нація состоитъ изъ цѣлаго ряда наслоенiй; что въ данный вѣкъ это наслоеніе является какъ бы представителемъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ вѣковъ, съ соответствующими особенностями ихъ

1) Havelock Ellis, «The nineteenth Century».

какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Въ составъ настоящаго человѣческаго общества входятъ всѣ по времени предше-
ствовавшія общества; послѣднія пережили вѣка и сохранились въ раз-

№ 589. Одна изъ сторонъ прогресса. Измѣненія густоты населенія.

личныхъ пережиткахъ. Во многихъ отношеніяхъ послѣдніе діаметрально разнятся отъ новѣйшихъ; и непосредственное соприкосновеніе крайностей вызываетъ поразительныя противорѣчія.

Ясно, что слово «прогрессъ» можетъ вызывать весьма досадныя недоразумѣнія, порождаемыя значеніемъ, которое ему придаютъ тѣ, кто

его произносить. У буддистовъ есть тысячи несогласныхъ между собою опредѣлений слова Нирвана. Точно также философы, ищущіе каждый своего собственнаго жизненнаго идеала, могутъ понимать подъ «поступательнымъ движеніемъ» самыя разнородныя и даже противорѣчивыя эволюціи. Нѣкоторые считаютъ высшимъ благомъ покой и направляютъ свои вождѣнія если не къ смерти собственно, то, во всякомъ случаѣ, къ совершенному покою тѣла и духа,—къ «порядку»; хотя бы порядокъ этотъ былъ только застоемъ. «Прогрессъ», такимъ образомъ понимаемый людьми утомленными, представляется совершенно въ иномъ видѣ людямъ, предпочитающимъ невозмутимому всеподчиненію свободу, сопряженную съ опасностями. Но, въ концѣ концовъ, средній выводъ изъ пониманій слова «прогрессъ» въ общемъ совпадаетъ съ опредѣленіемъ Гиббона, т.-е. имѣетъ въ виду физическое улучшеніе индивида въ смыслѣ здоровья, умноженіе матеріальнаго благосостоянія, обогащеніе знаніемъ и, наконецъ, совершенствованіе нравственныхъ качествъ. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, отрицать, что человѣкъ сталъ менѣе жестокъ, что онъ съ большимъ уваженіемъ относится къ личности себѣ подобныхъ. Возможно допустить, что онъ становится благороднѣе, великодушнѣе, честнѣе. Если разсматривать прогрессъ индивида съ этой стороны, то оказывается, что индивидуальный прогрессъ сливается съ общественнымъ; что связь между единичнымъ человѣкомъ и обществомъ все болѣе и болѣе закрѣпляется.

Въ виду существованія такой неопредѣленности, необходимо, приступая къ изученію какого-либо историческаго факта, не отдаляться слишкомъ отъ него, но и не подходить къ нему черезъ-чуръ близко, дабы не запутаться въ мелочныхъ подробностяхъ,—словомъ, находиться въ такомъ разстояніи, съ котораго можно ясно и вѣрно опредѣлить его существенное отношеніе къ общему строю всѣхъ сродныхъ между собою цивилизацій и народностей, заинтересованныхъ въ прогрессѣ. Такъ, на примѣръ, къ числу людей высокаго ума, положительно отрицающихъ прогрессъ и даже всякую мысль о непрерывности эволюціи, принадлежатъ Ранке. Это весьма замѣчательный историкъ. Однако, въ исторіи онъ усматриваетъ лишь рядъ послѣдовательныхъ періодовъ, имѣющихъ каждый свой особенный, только ему свойственный характеръ; каждый изъ этихъ періодовъ выражаетъ различныя тенденціи, которыя обуславливаютъ характерный обликъ, извѣстную обстановку, индивидуальность ¹⁾ всякой эпохи и у всякаго народа. Словомъ, по такому опредѣленію міръ обращается въ какую-то картинную галерею. «Если бы прогрессъ дѣйствительно существовалъ,—говоритъ піетистъ-писатель, — то люди,

1) «Die Historie bekommt einen eigenthümlichen Reiz».—«Weltgeschichte» Neunte Theil, II, pp. 4, 5, 6 ff.

увѣренны, что ихъ существованіе изъ вѣка въ вѣкъ улучшается, не чувствовали бы себя въ прямой зависимости отъ божества, которое одинаково взираетъ на всѣ, слѣдующія одинъ за другимъ въ теченіе времени поколѣнія, которыя имѣютъ въ его глазахъ всегда одинаковую цѣнность». Это мнѣніе Ранке, столь противорѣчащее всему, что привыкли слышать съ восемнадцатаго столѣтія, еще разъ оправдываетъ замѣчаніе Гюйо (Guyau), который утверждаетъ, что идея прогресса находится въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ идеей религіозности ¹⁾. Если идея прогресса оставалась такъ долго въ дремлющемъ состояніи; если она едва-едва пробуждалась у самыхъ свободомыслящихъ философовъ древняго міра; если она пробудилась и достигла полного самосознанія только въ періодѣ Возрожденія, и особенно, въ эпоху революціонную, то причиной всего этого было абсолютное господство церкви и догматовъ,—господство, длившееся во все время древности и среднихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ: всѣ религіи исходятъ изъ принципа, что вселенная вышла изъ рукъ создателя, т.-е., что вначалѣ она была божественно совершенна. Такъ гласитъ и Библія ²⁾: Богъ взглянулъ на свое твореніе и нашелъ, что оно «хорошо», даже «очень хорошо». Исходя изъ этого начальнаго состоянія, отмѣченнаго печатью божества, твореніе, развивающееся при участіи человѣка, существа несовершеннаго, можетъ развиваться только отрицательно, иными словами — клониться къ упадку и гибели: роковой регрессъ неизбеженъ. Изъ золотого вѣка живыя существа переходятъ въ вѣкъ желѣзный; они покидаютъ рай, гдѣ были счастливы, чтобы бороться съ потопомъ и погибнуть въ водѣ, по выходѣ изъ которой имъ остается въ будущемъ только прозябать.

Съ другой стороны, существуютъ прочныя учрежденія: монархін, аристократія, различные официальные культы. Все это—замкнутыя, прочно основанныя, словно изъ камня воздвигнутыя созданія людей, которые полагаютъ и даже совершенно увѣренны, что они создали нѣчто совершенное. Эти люди убѣждены, что всякая перемѣна, всякій переворотъ приведетъ къ упадку, къ возрожденію варварства. Съ другой стороны, предки и отцы, «хвалители добраго стараго времени», содѣйствуютъ богамъ и королямъ по части хуленія настоящаго; сравнивая его съ прошедшимъ, укрѣпляя въ молодыхъ умахъ вредный предрассудокъ о роковой неизбежности регресса въ будущемъ. Дѣти имѣютъ естественную склонность считать отцовъ выше себя; отцы такъ же относились къ своимъ родителямъ. И въ результатѣ оказывается, что всѣ эти настроенія, насланяясь постепенно въ сознаніи, какъ осадки рѣчныхъ разливовъ, порождаютъ убѣжденіе въ несправимомъ упадкѣ человѣче-

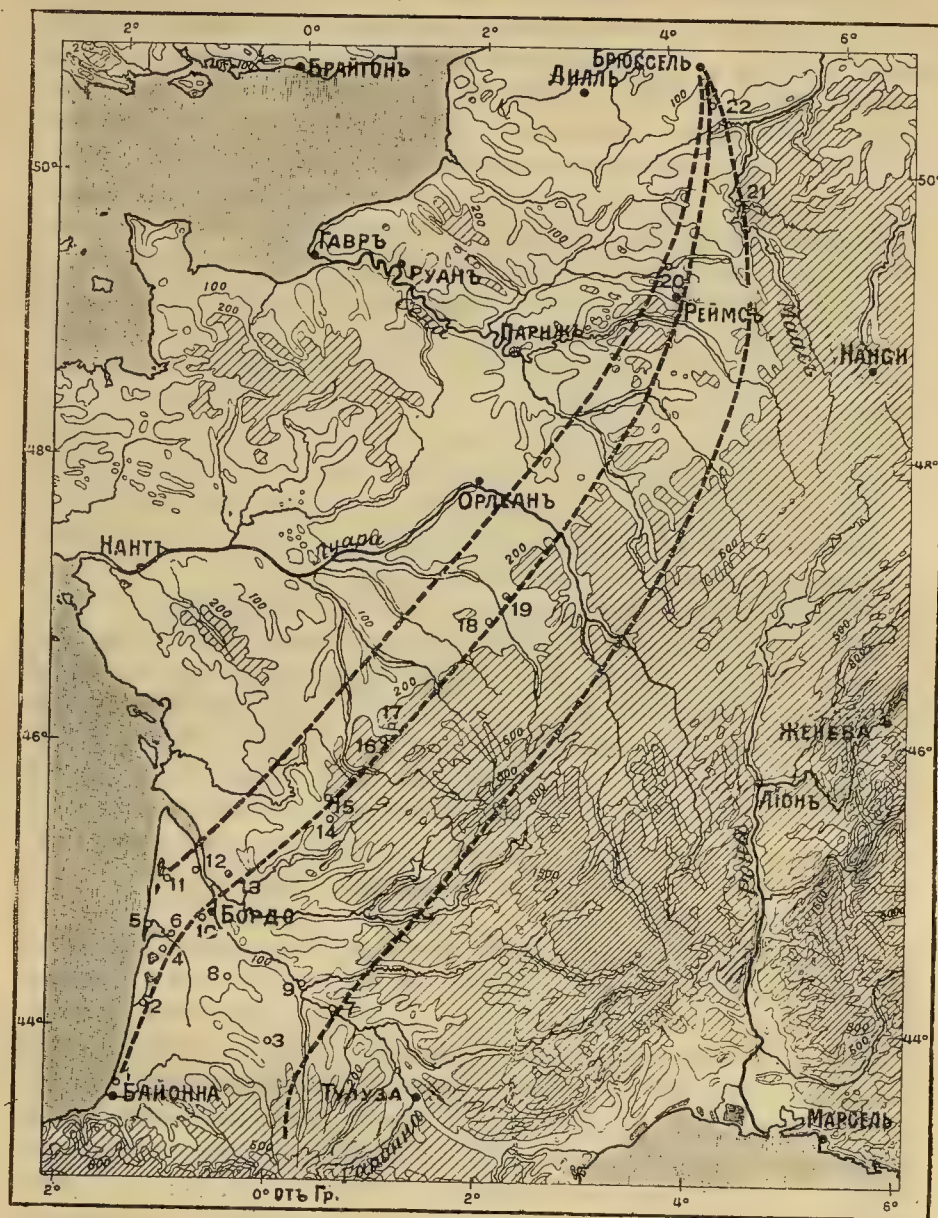
1) «Morale d'Epicure», pp. 153 ss.—2) «Книга Бытія», гл. I, ст. 10, 12, 18, 21, 25, 31.

ства. Убѣжденіе это обращается въ настоящій догматъ, хотя бы въ наше время. Развѣ не обратилось почти въ общераспространенный обычай писать и толковать въ стихахъ и въ прозѣ о «развращенности нашего вѣка»? Вслѣдствіе совершеннаго пренебреженія логикой, многіе, даже тѣ, кто похваливаетъ «непоборимое поступательное движеніе челоуѣчества», быть-можетъ, даже безсознательно, по охотно толкуютъ объ «упадкѣ». Два противоположныхъ теченія скрещиваются въ ихъ рѣчахъ и наблюденіяхъ. Происходитъ это отъ того, что застарѣлыя воззрѣнія враждебно сталкиваются съ новѣйшими даже въ умахъ тѣхъ, кто способенъ размышлять, кто избѣгаетъ легкомысленно выражаться. Религіозное вліяніе ослабѣваетъ, но время-отъ-времени оно внезапно вспыхиваетъ вновь. Однако, въ концѣ концовъ, оно должно сдаться подъ давленіемъ научныхъ теорій, объясняющихъ, что міръ формировался путемъ медленной эволюціи; что все существующее медленно и постепенно выступало изъ первичнаго хаоса. Какъ же не назвать «прогрессомъ» такое явленіе? Такъ его опредѣлять, хотя и въ общихъ выраженіяхъ, Аристотель. То же говорилъ о немъ болѣе точно Лукрецій ¹⁾.

Мысль, что прогрессъ обнаруживался и въ краткіе періоды существованія отдѣльныхъ поколѣній челоуѣчества и во всемъ ходѣ эволюціи челоуѣческаго рода,—мысль эта много обязана своимъ вліяніемъ на умы тѣмъ даннымъ, которыя добыты благодаря геологическимъ изысканіямъ. Геологія доказала, при помощи цѣлаго ряда открытыхъ ею данныхъ, существованіе если не «божественнаго плана», какъ нѣкогда выражались, то естественной эволюціи клонящейся къ послѣдовательному осложненію органической жизни. Такъ, первые виды живыхъ организмовъ, частицы или слѣды которыхъ, находимые въ древнѣйшихъ земныхъ слояхъ, оказываются наипростѣйшими, однообразными, мало дифференцированными, плохо, какъ бы начерно, сработанными. Эти же организмы въ послѣдующихъ, новѣйшихъ, земныхъ наслоеніяхъ являются уже въ болѣе совершенныхъ формахъ и, наконецъ, въ тѣхъ, которыя стали появляться на землѣ въ періодъ, ближайшій къ нашему. Эволюція, очевидно, длилась многія тысячи вѣковъ. Лиственныя растенія появились позднѣе безлиственныхъ; позвоночнымъ животнымъ предшествовали безпозвоночныя; строеніе мозга съ каждой ступенью оказывается все болѣе и болѣе сложнымъ, и челоуѣкъ, послѣдній по времени животный организмъ (не считая, впрочемъ, его паразитовъ), одинъ изъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, пріобрѣлъ даръ слова, благодаря чему онъ свободно можетъ выражать свои мысли, и выучился примѣнять огонь, чѣмъ упрочилъ свое господство надъ природой. И то и другое придаютъ ему могущественное значеніе.

1) M. Guyau, «Morale d'Epicure», p 157. — 2) Elie Metchnikoff, «Etudes sur la nature humaine».

№ 590. Постепенное завоеваніе атмосферы.

Масштабъ этой карты 1 : 6000000.

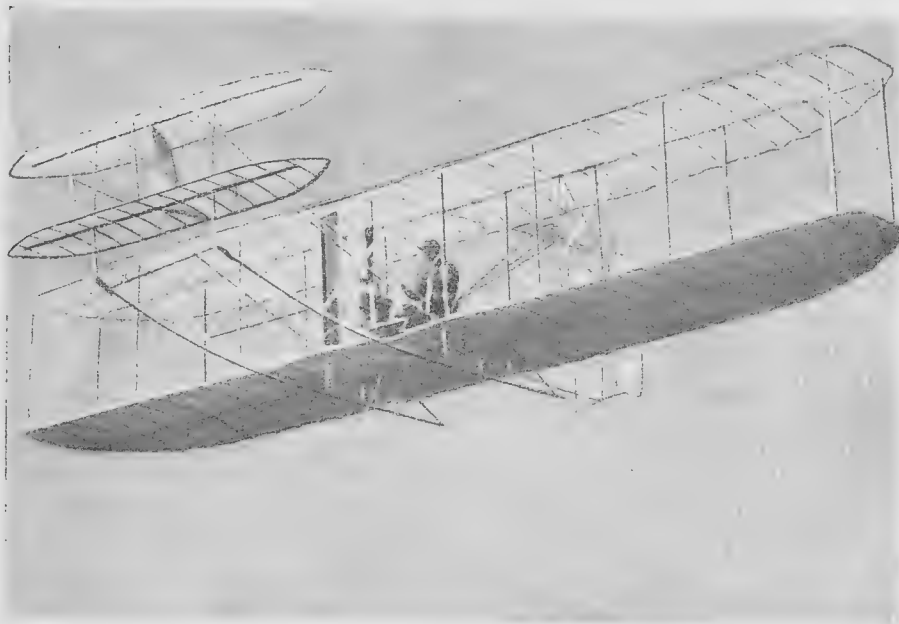
Въ соображеніе приняты только воздушные шары, поддающиеся управленію ими человека. 15 сентября 1907 г. на конкурсъ по разстояніямъ въ Брюссель поднялись 22 аэростата; пункты, гдѣ они опустились на землю, означены последовательно цифрами. Три линіи означаютъ путь побѣдителя (917 километровъ), сопровождаемаго почти по тождественной линіи многочисленными конкурентами, изъ коихъ два наиболѣе уклонились отъ главнаго направленія, пятнадцать пронесли на 600 километровъ и трое пересѣкли Гаронну въ одномъ и томъ же пунктѣ.

Если перенестись мыслью въ болѣе тѣсную область,—въ область, ограниченную писанной исторіей народовъ, всеобщій прогрессъ кажется менѣе явственнымъ. Многіе, склонные къ унынію, умы считали возможнымъ утверждать, что человѣчество вовсе не прогрессируетъ, а только передвигается, причемъ, съ одной стороны, кое-что выигрываетъ, а съ другой—утрачиваетъ. Нѣкоторые народы иногда помогаютъ ему какъ бы приподняться, зато другіе заражаютъ гангреной. Въ эпоху французской революціи, когда наиболѣе оптимистичные социологи содѣйствовали ея развитію во имя безконечнаго «совершенствованія человѣка», явились писатели, которые увлекались рассказами путешественниковъ о простотѣ жизни народовъ, живущихъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ; эти писатели приглашали людей устроить свое существованіе по примѣру такихъ первобытныхъ человѣческихъ обществъ. Жанъ-Жакъ Руссо провозглашалъ «возвращеніе къ природѣ». И—странное дѣло—этотъ призывъ, столь противорѣчащій принципамъ, положеннымъ въ основу деклараціи «правъ человѣка и гражданина», оставался не безъ вліянія на теченіе мысли, на рѣчи его современниковъ: революціонеры одновременно стремились къ возврату временъ Рима, Спарты, и къ благословеннымъ, непорочнымъ правамъ до-историческихъ племенъ.

Въ наши дни стремленіе, аналогичное тогдашнему порыву, «возврату къ природѣ», ощущается едва ли не серьезнѣе, чѣмъ при Руссо: современное общество выходитъ на обширный просторъ; оно стремится охватить все человѣчество, ассимилировать возможно совершеннѣе всѣхъ разнородные этніческіе элементы, которые такъ долго оставались чужды цивилизованнымъ, прогрессирующимъ массамъ человѣчества. Съ другой стороны, въ настоящее время значительно подвинулись впередъ антропологическія и психологическія изслѣдованія, касающіяся нашихъ первобытныхъ братій, о которыхъ ученые путешественники высказываются въ опредѣленной формѣ.

Нынѣ уже нѣтъ надобности руководиться единственно простодушными рассказами Жана де Лери, Клода д'Аббевиля или Ива д'Эврѣ о топинамбу и другихъ бразильскихъ племенахъ, хотя и эти рассказы заслуживаютъ серьезнаго къ нимъ отношенія. Нынѣ въ нашемъ распоряженіи находятся матеріалы болѣе вѣскіе, чѣмъ поспѣшныя работы Кука и Бугенвилля. Нынѣ портфель науки обогатился сообщеніями, составленными весьма тщательно, основанными на продолжительномъ опытѣ, на личномъ изученіи племенъ и народовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ группъ неоспоримо должны быть поставлены очень высоко среди людей, стоящихъ особенно близко къ идеалу взаимопомощи и взаимолюбія. Особенно въ этомъ отношеніи выдается племя «аэтовъ» или негритосовъ, относимое къ первобытнымъ,—которому одинъ изъ Филиппинскихъ острововъ, Негросъ, обязанъ своимъ названіемъ.

Несмотря на все зло, которое успѣли имъ причинить бѣлые люди, эти «негритосы»—или «маленькіе негры»—относятся мягко и добросердечно къ своимъ угнетателямъ. Особенно же замѣчательны ихъ отношенія между собой. Всѣ члены этого племени питаютъ другъ къ другу братскія чувства,—до того братскія, что, когда родится у одного изъ нихъ ребенокъ, то вся огромная семья собирается вмѣстѣ, чтобы сообща выбрать для поворожденнаго имя, предвѣщающее ему благопо-

Уильборъ Райтъ (Wilbur Wright) на своемъ аэропланѣ.

Заимствовано изъ „La vie au Grand Air“. Первый полетъ Райта на аэропланѣ съ двигательнымъ аппаратомъ былъ совершенъ 17 декабря 1903 г.

лучіе. Среди нихъ господствуетъ единоженство; брачный союзъ безусловно зависитъ только отъ самихъ брачующихся. Они съ большой любовью заботятся о больныхъ, о дѣтяхъ, о старикахъ. Никто изъ нихъ не облекается властью; но всѣ охотно склоняются предъ старѣйшимъ, уважая въ немъ опытъ и долготѣіе ¹⁾. Развѣ можно найти въ Европѣ или Америкѣ народъ, о которомъ можно было бы сказать подобное? Однако, сохранилась ли доселѣ эта скромная община добрыхъ аэтовъ? Удалось ли ей сберечь свои гнѣзда, свитыя на вѣтвяхъ, свои хижины, сплетенныя изъ пальмъ и тростника, отъ истребительныхъ инстинктовъ американскихъ охотниковъ за черными людьми?

1) Semper, «Die Philippinen und ihre Bewohner»; F. Blumentritt, «Versuch einer Ethnographie der Philippinen». Ergänzungsheft zu den Pet. Mit., № 67.

Возьмемъ другой примѣръ. Обратимся къ людямъ, у которыхъ горизонтъ шире; къ племенамъ, которыя болѣе приближаются къ бѣлой расѣ, которыя по складу своей жизни вынуждены большую часть своего существованія проводить не подъ родной кровлей. Мы говоримъ объ унангунахъ, которыхъ русскіе зовутъ алеутами потому, что они обитаютъ на островахъ, носящихъ это названіе. Въ странѣ алеутовъ господствуютъ дожди, вѣтры, мощные вихри. Примѣняясь къ климату, они строятъ свои хижины такъ, что нижняя половина бываетъ вкопана въ землю. Матеріаломъ для постройки служатъ по преимуществу переплетенныя между собой вѣтви и земля, которой обмазываются стѣны. Въ потолокъ оставляется для свѣта [отверстіе, въ которое вставляютъ толстый кусокъ льда. Необходимость добывать пищу обратила алеутовъ въ рыбаковъ; они очень ловко управляютъ своими лодками, обтянутыми кожей, въ промежутокъ между которыми они вѣздуютъ какъ въ барабанъ. Постоянное соприкосновеніе съ бурными морями выработало изъ нихъ смѣлыхъ мореплавателей и тонкихъ предугадывателей погоды. Нѣкоторые изъ нихъ становятся настоящими естествоиспытателями. Особенно часто встрѣчаются такіе среди китолововъ, потому что китоловный промыселъ организованъ такъ, что въ корпорацію этой категоріи допускаются только лучшіе люди, и то послѣ продолжительнаго испытанія¹⁾. Алеуты, какъ и ихъ ближайшіе континентальные сосѣди,—своеобразные и даровитые скульпторы; въ ихъ могилахъ, обыкновенно ютящихся подъ навѣсомъ скалъ, находятъ часто весьма интересные образцы этого искусства. У алеутовъ существуютъ уставы, освященные обычаемъ и выработанные съ большою тщательностью, совместно съ родичами, союзниками и сосѣдними инородцами. Этими уставами регулируются общественныя отношенія. Достигнувъ такой—относительно высокой—степени цивилизаціи, алеуты, благодаря своей цивилизованности, до самаго послѣдняго времени жили постоянно мирно и согласно, какъ между собой, такъ и тѣми, съ кѣмъ приходили въ соприкосновеніе. Первые европейскіе мореплаватели, ознакомившіеся съ ними, всѣ въ одинъ голосъ отзываются съ похвалою объ ихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ качествахъ. Архіепископъ Иннокентій,—болѣе извѣстный подъ именемъ Веніамина, —лично наблюдавшій цѣлыя десяти лѣтъ ихъ жизнь, между прочимъ, описываетъ алеутовъ какъ «самыхъ добросердечныхъ людей», отличающихся несравнимой скромностью и мягкостью; они никогда не прибѣгаютъ даже къ малѣйшему насилію или грубости, ни на словахъ, ни на дѣлѣ; «въ теченіе десяти лѣтъ жизни съ ними я не слышалъ ни одного рѣзкаго слова». Да, въ этомъ отношеніи, кажется,

1) Alphonse Pinard, «Bulletin de la Société de Géographie», déc. 1873.

нельзя и сравнивать наши западные народы съ маленькимъ алеутскимъ племенемъ! Характеръ взаимнаго между собою общенія и нравственность этихъ островитянъ стоятъ такъ высоко, что православные миссіонеры считаютъ излишнимъ обращать ихъ въ христіанство. «Къ чему алеутамъ знать наши молитвы,—говорятъ они,—если алеуты лучше насъ» 1)?

Къ этимъ примѣрамъ, взятымъ изъ различныхъ стадій цивилизаціи, можно прибавить много другихъ, не менѣе вѣскихъ, которые мы встрѣчаемъ въ путевыхъ запискахъ соціологовъ и въ спеціальныхъ этнологическихъ работахъ. По этимъ примѣрамъ можно удостовѣриться, что въ группахъ людей, которыхъ мы считаемъ дикарями, варварами, стоящихъ въ интеллектуальномъ отношеніи и по наивности пониманія окружающаго мира несравненно ниже насъ, найдется много человѣческихъ обществъ, превосходящихъ насъ по нравственности и по здоровому, спокойному воззрѣнію на жизнь. Человѣчество эволюционируетъ непрерывно по безконечной спиральной линіи, совершая движеніе, которое можетъ быть до извѣстной степени уподоблено вращенію земного шара. При этомъ случается, что нѣкоторыя части великаго цѣлаго приближаются къ идеалу, лежащему въ фокусѣ орбиты, на болѣе краткое разстояніе, чѣмъ остальные. Можетъ статься, когда-нибудь законы этого движенія будутъ опредѣлены точно. Пока достаточно просто указать на достовѣрные факты, не пытаясь преждевременно дѣлать изъ нихъ выводы, и въ особенности избѣгая принимать парадоксы обезкураженныхъ соціологовъ, которые въ матеріальномъ прогрессѣ человѣчества усматриваютъ только признаки упадка.

Къ такому воззрѣнію склоняются иногда и весьма замѣчательные умы. Извѣстные слова изъ сочиненія А. Р. Уоллеса «Malay archipelago» (Малайскій архипелагъ), изданнаго въ 1869 году, можно считать явнымъ вызовомъ, обращеннымъ ко всѣмъ, кто воспринялъ безъ ограниченія гипотезу о безпредѣльномъ прогрессированіи человѣчества. Между тѣмъ, на этотъ вызовъ еще никто доселѣ не отозвался. Мы полагаемъ не лишнимъ привести его, такъ какъ не безполезно провѣрить это положеніе путемъ историческихъ изслѣдованій. «Если идеалъ общественныхъ стремленій есть согласованіе индивидуальной свободы съ коллективной волей, осуществленное при помощи надлежаще уравновѣшеннаго развитія нашихъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ способностей, — словомъ, такое состояніе, при которомъ мы, всѣ и каждый будемъ настолько приспособлены къ общественной жизни глубокимъ сознаніемъ справедливости и непреодолимой склонностью подчинять всѣ наши дѣянія этому сознанію, такъ что существованіе стѣсненій, ограниченій и каръ будетъ уже невымыслимо и бесполезно...—разъ это такъ, то не удивительно ли, что нѣчто подобное такому совершенству общественной

1) A. Bastian, «Rechtszustände».

жизни мы встрѣчаемъ уже и нынѣ у людей, стоящихъ на весьма низкой ступени цивилизаціи? Я долго жилъ среди общинъ дикарей Южной Америки и Крайняго Востока. У нихъ общественное мнѣніе, выражаемое открыто всѣмъ населеніемъ, замѣняетъ безусловно всѣ наши законы и суды. У нихъ каждый уважаетъ права своего ближняго; исключенія бывають очень рѣдки или, вѣрнѣе, ихъ вовсе не бываетъ. Полнѣйшее равенство господствуетъ въ этихъ общинахъ; никакихъ разграниченій, подобныхъ существующимъ въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ, между невѣжествомъ и благовоспитанностью, богатствомъ и бѣдностью, хозяевами и слугами, вы тамъ не увидите. Нѣтъ тамъ и раздѣленія труда, которое у насъ хотя и содѣйствуетъ накопленію богатствъ, зато вызываетъ столкновенія интересовъ различныхъ группъ населенія. Не найдете вы у этихъ дикарей и яростной конкуренціи, характеризующей нашу борьбу за существованіе»... «Едва ли мы имѣемъ основаніе—если рѣчь идетъ о всей массѣ современныхъ народовъ—претендовать на дѣйствительное превосходство надъ дикарями»..

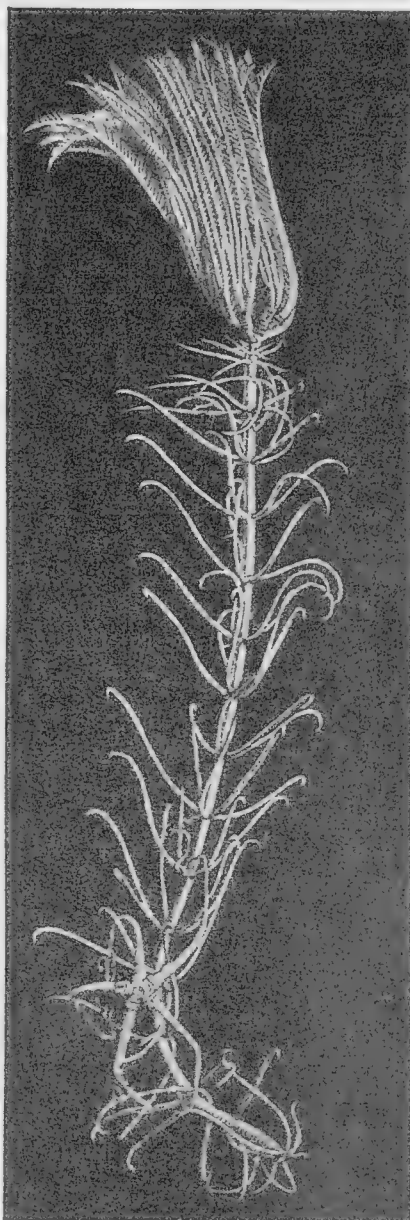
Однако, неосновательно было бы обобщать то, что говоритъ великій естествоиспытатель-соціологъ о жителяхъ Амазонской области и индійскихъ островитянахъ, и распространять его указанія на всѣхъ рѣшительно дикихъ обитателей какъ острововъ, такъ и материковъ. Напримѣръ, островъ Борнео, гдѣ Уоллэсъ нашелъ множество примѣровъ нравственного благородства (которые и побудили его придти къ благопріятнымъ выводамъ), представляетъ тотъ самый островъ, который Бокъ въ своихъ описаніяхъ называетъ «Страной людоедовъ» ¹⁾, и который можно было бы назвать «Страной головорѣзовъ», если принимать въ соображеніе племя далковъ, у которыхъ существуетъ такой обычай: всякій, желающій стать «человѣкомъ» и основать семью, обязанъ отрѣзать, по меньшей мѣрѣ, одну человѣческую голову: въ открытомъ ли бою, или обманнымъ образомъ,—все равно. Или еще: этотъ изумительный островъ Танги, эта новая Цитера, о которой мореплаватели XVIII вѣка отзываются съ такимъ наивнымъ энтузіазмомъ: при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что онъ далеко не оправдываетъ похвалъ европейцевъ, которые были очарованы живописностью мѣстности и привѣтливостью ея обитателей. Эти величественные и ласковые люди, эти почтенные старцы, невозмутимая и благородная степенность которыхъ являлась столь привлекательнымъ завершеніемъ картины этого «Рая Океаніи»,—всѣ они, можетъ-быть, являются членами отвратительной касты оро (Ого или Arioi), начавшей съ установленія безбрачія для своего духовенства и превратившейся затѣмъ въ общество убійцъ, обряды которыхъ состоятъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что они умерщвляютъ дѣтей. Надо, однако, имѣть въ виду, что въ то время, къ которому относятся приве-

1) «Unter den Kannibalen auf Borneo».

денныя нами сообщенія, такъ-же переживали эволюціонный періодъ, уже весьма отдаленный отъ первобытнаго. Слѣдовательно, является вопросъ: не регрессировали ли они уже въ то время, вмѣсто того, чтобы прогрессировать? Или, можетъ-быть, тогда перекрещивались въ общественномъ строѣ этого маленькаго замкнутаго океаномъ народа оба теченія: восходящее и нисходящее?

Въ подобныхъ вопросахъ и кроется существенное затрудненіе. Общественный строй тысячи мелкихъ народовъ и инныхъ этническихъ группъ, которыхъ горделивые цивилизаторы заносятъ въ списки «дикарей», соответствуетъ яркимъ и весьма между собой различнымъ пунктамъ, разбѣ-яннымъ на пути вѣковъ и на фонѣ безконечно разнообразной обстановки. Одна группа находится въ полномъ расцвѣтѣ прогрессивной эволюціи; другая несомнѣнно регрессируетъ, одна—въ періодѣ подъема; другая—на пути къ паденію и смерти. Значитъ; каждый примѣръ, который приводятъ сотрудники въ великомъ дѣлѣ изслѣдованія вопроса о прогрессѣ, долженъ былъ бы разсматриваться при свѣтѣ соответствующей исторіи данной человѣческой группы. Ибо два данныхъ положенія—съ внѣшней стороны почти тождественныя—могутъ, однако, по существу являться результатами двухъ вполне противоположныхъ причинъ и имѣть разныя значенія: если, напримѣръ, одно явленіе относится къ младенческому возрасту данной общины, а другое—къ ея старческому возрасту.

Первый фактъ, бросающійся въ глаза при разработкѣ сравнительной этнографіи, — слѣдующій. Суще-

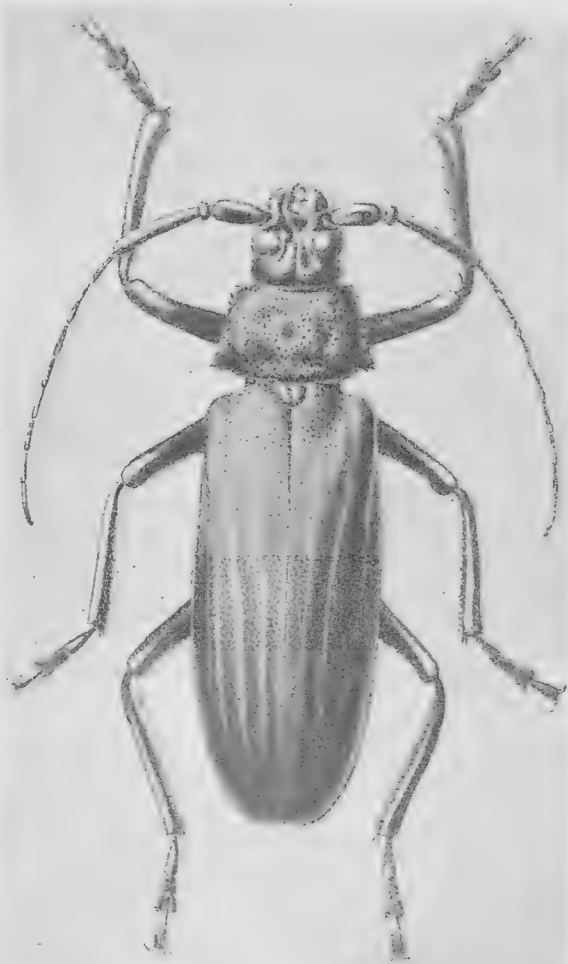
Морская лилія (*Pentacrinus asteria*).
Въ четверть натуральной величины.
(См. стр. 519).

ственное различіе между цивилизаціей примитивной человѣческой группы, еще мало поддавшейся вліянію своихъ сосѣдей, и цивилизаціей колоссальныхъ политическихъ обществъ, современныхъ націй, проникнутыхъ неограниченнымъ честолюбіемъ, заключается въ простотѣ первыхъ и въ усложненности вторыхъ. Мало развитыя общества первой категоріи пользуются, по крайней мѣрѣ, однимъ преимуществомъ: они цѣльно вѣрны своему идеалу и являются какъ бы его выразителями. Группы же второй категоріи, огромныя по захватываемому ими циклу общественныхъ отношеній, безконечно превосходящія примитивныя группы своей культурой и дѣятельностью, являются организмами усложненными, пестрыми, обремененными живучими остатками прошедшаго. Ихъ воззрѣнія и стремленія поневолѣ нецѣлостны и противорѣчивы, въ нихъ нѣтъ единства; они въ одно и то же время преслѣдуютъ совершенно противоположныя цѣли. Въ обществахъ доисторическихъ и тѣхъ, которыя считаются нынѣ дикими, равновѣсіе устанавливается легко. Ибо идеалы этихъ примитивныхъ народцевъ и племенъ очень просты ¹⁾; ихъ научныя познанія очень скудны; занятія, работы, искусства, ремесла—все первобытны; образъ жизни ихъ весьма однообразенъ. И при всемъ этомъ они достигли стадіи взаимной справедливости, равномерно распределеннаго матеріальнаго довольства. Даже счастливыхъ людей между ними соотвѣтственно встрѣчается больше, чѣмъ въ нашихъ современныхъ обществахъ, до безконечности усложненныхъ, увлекаемыхъ въ своихъ непрерывныхъ стремленіяхъ къ новизнѣ, къ которой примѣшивается множество пережитковъ прошлаго, открытіями, частичными поступательными движеніями прогресса. Слѣдовательно, если мы сравнимъ наше могущественное міровое, такъ сказать, общество съ едва замѣтными на земномъ шарѣ группами первобытныхъ людей, которымъ удалось держаться въ сторонкѣ отъ «цивилизаторовъ»—очень нерѣдко являющихся разрушителями,—то намъ невольно приходитъ въ голову, что эти первобытники были когда-то совершеннѣе насъ самихъ, что мы сами съ теченіемъ времени двигались вспять. Дѣло въ томъ, что пріобрѣтенныя нами свойства не являются одного порядка со свойствами древности, и, слѣдовательно, правильнаго сравненія дѣлать нельзя. Первоначальный багажъ слишкомъ увеличился. Хотя то утѣшительно, что можно любоваться нѣсколькими дюжинами, сотнями людей, умудрившихся гармонически развить въ узкомъ кругѣ ихъ міросозерцанія и осуществить въ миниатюрѣ то, что мы пытаемся создать въ средѣ всего человѣчества, населяющаго нашу планету. Для этихъ маленькихъ обществъ, члены которыхъ знакомы между собой какъ члены одной и той же семьи, не трудно было достичь желанной цѣли.

1) Guillaume de Greef, «Sociologie générale élémentaire». Leçon XI, page 39.

Она, можно сказать, была у нихъ подъ рукою. Совсѣмъ не то въ нашемъ современномъ обществѣ: оно охватываетъ вселенную, но еще не овладѣло ею.

Возьмемъ человѣчество въ его цѣломъ. Спустимся даже до самыхъ низшихъ ступеней всего живущаго на землѣ. Тогда мы увидимъ существа, нормально сгруппировавшіяся въ небольшія колоніи, начиная съ сальпъ, колоніи которыхъ, подобно лентамъ, носятся въ морѣ; съ пчелиныхъ роевъ, собирающихся въ свой улей,—и кончая пародами, которые пытаются обособить себя ясно очерченными границами. Первые ассоціаціи такого рода, конечно, весьма малы; потомъ онѣ все разрастаются; усложненность ихъ съ теченіемъ времени постоянно возрастаетъ, соотвѣтственно ихъ идеалу, который, становясь все болѣе и болѣе возвышеннымъ, дѣлается тѣмъ самымъ труднѣе достижимымъ. Главныя усилія этихъ крохотныхъ общинъ направлены къ тому, чтобы выработаться

Macrotoma colmanti (Lameere).

Жукъ изъ сѣвернаго Конго.—Въ три четверти натуральной величины.

(См. стр. 519).

въ независимый, вполне самостоятельный, организмъ. Тѣмъ не менѣе, ни одна изъ нихъ не замыкается въ самой себѣ, кромѣ развѣ тѣхъ общинъ, которыя обречены къ существованію на островахъ, полуостровахъ или въ недоступныхъ горныхъ ущельяхъ. Отдѣльнымъ людскимъ группамъ, конечно приходилось между собою встрѣчаться,

входить въ непосредственныя или посредственныя отношенія другъ съ другомъ. Слѣдовательно, каждая изъ этихъ ячеекъ, сообразно съ измѣненіями своего внутренняго состоянія и съ внѣшними условіями существованія, имѣла возможность измѣнять и ходъ своей спеціальной, индивидуальной эволюціи; присоединяться, добровольно или по принужденію, къ другому политическому тѣлу, а затѣмъ интегрироваться вмѣстѣ съ нимъ въ ассоціацію высшаго порядка, дабы слѣдовать въ жизни по новому прогрессивному пути. Это—развитіе, аналогичное тому, въ теченіе котораго сѣмя превращается постепенно въ дерево, яйцо—въ животное; это—переходъ отъ гомогенной, однородной структуры къ структурѣ сложной, дифференцированной ¹⁾. Но судьбы этихъ обществъ бываютъ различны. Многія изъ такихъ маленькихъ изолированныхъ группъ (чаще всего островныя, погибаютъ отъ старческаго вырожденія или отъ кровавыхъ столкновеній прежде, чѣмъ успѣютъ осуществить свои болѣе или менѣе возвышенныя цѣли, къ которымъ ихъ влекли нормальныя потребности ихъ организаціи. Другіе микрокосмы, ходъ развитія которыхъ лучше охранялся обстановкой окружающей среды, достигали осуществленія своего идеала, т.-е. возможности жить сообразно правиламъ мудрости—какъ она понималась ихъ стариками. Поэтому многіе изъ этихъ маленькихъ народовъ, простыхъ по своей общественной организаціи, наивныхъ по своимъ міровоззрѣніямъ, не получившихъ примѣси иныхъ этническихъ элементовъ, сумѣли выработать въ маленькія, ясно очерченныя ячейки, разумно расчлененныя, сознательно относящіяся къ необходимости солидарности между собою всѣхъ членовъ общины. И живутъ онѣ спокойно, тихо. Каждый индивидъ пользуется личной свободой, которую всѣ остальные безусловно уважаютъ. Справедливость ничѣмъ не нарушается въ ихъ средѣ. Словомъ, ихъ можно назвать «счастливыми», насколько слово «счастье» приложимо къ возможности удовлетворенія инстинктовъ, вкусовъ, аппетитовъ и чувства привязанности.

Въ исторіи человѣчества мы находимъ не мало типовъ обществъ, которыя постепенно достигли своего конечнаго расцвѣта; и въ другихъ царствахъ природы, болѣе древнихъ, чѣмъ человѣческія общества,—въ области флоры и фауны мы также найдемъ много такихъ образцовъ. Существуютъ роды и виды какъ животныхъ, такъ и растений, которые достигли идеала силы, соразмѣрности и красоты, такъ что и вообразить себѣ нельзя ничего лучшаго. Роза, предтеча многихъ родственныхъ ей позднѣйшихъ формъ, все-таки сохраняетъ среди нихъ первое мѣсто. А между животными! Можно ли себѣ представить что-либо болѣе законченное, каждое въ своемъ родѣ, чѣмъ, напримѣръ, криноиды, жучки ласточки, антилопы, пчелы, муравьи ²⁾? Человѣкъ, не считающій еще

1) De Baer; Herbert Spencer; etc.—2) H. Drummond, «Ascent of man».

себя достигшимъ совершенства, можетъ зато свободно любоваться—если только онъ умѣетъ видѣть и соображать—безчисленнымъ множествомъ окружающихъ его живыхъ существъ. Если же онъ отбираетъ для себя только нѣкоторыя изъ безконечно разнообразныхъ формъ, то дѣлаетъ это единственно по невозможности охватить все. Всякое живое существо, являясь само по себѣ выразителемъ законовъ вселенной, которые опредѣляютъ его существованіе, представляетъ не менѣе изумительный, чѣмъ сами законы, продуктъ ихъ дѣятельности.

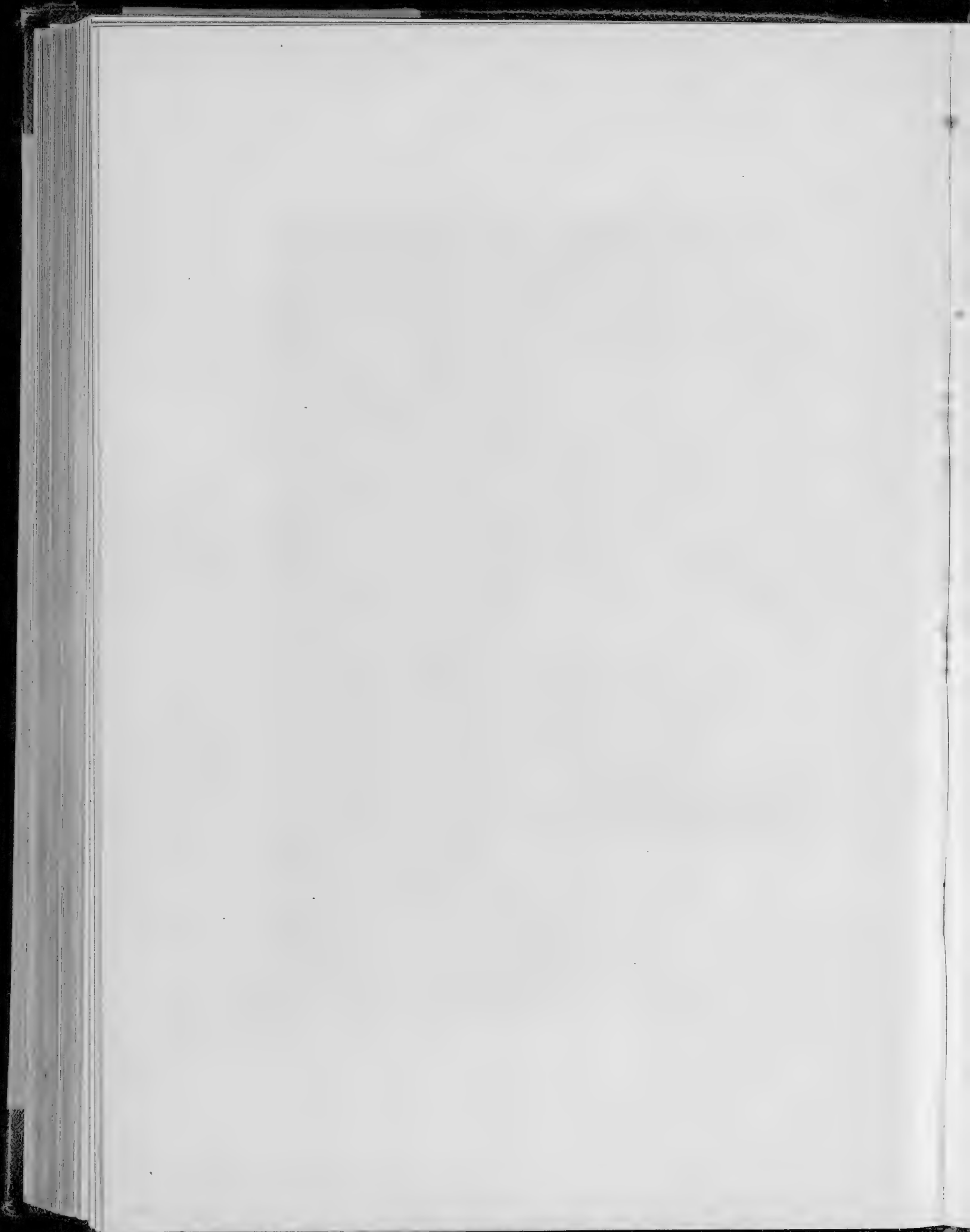
Современное намъ общество можетъ установить свое особенное превосходство надъ всѣми общинами, которыя предшествовали ему, не иначе, какъ путемъ возможно большаго усложненія своей организаціи. Оно уже и теперь полнѣе содержаніемъ; оно и теперь представляетъ организмъ, сложившійся изъ болѣе разнородныхъ, послѣдовательно развившихся элементовъ, надлежаще приспособленныхъ и ассимилированныхъ. Но, съ другой стороны, эта обширная община имѣетъ тенденцію въ извѣстномъ смыслѣ упроститься. Она стремится къ осуществленію идеала, къ объединенію всего человѣчества, при условіи, чтобы оно-то само всегда оставалось для всѣхъ странъ и временъ хранилищемъ и источникомъ всего хорошаго, имъ самимъ приобрѣтеннаго и выработаннаго въ области идей и труда. Въ то время, когда разныя мелкія народности, живущія особо, являются представителями разрозненности, болѣе крупная группа національностей стремится занять господствующее положеніе, и даже поглотить, впитать въ себя всѣ остальные этніческія группы. Она стремится создать великое единство. Въ сущности она старается выгоднѣйшимъ для нея самымъ путемъ разрѣшить противорѣчія, вывести изъ множества разсѣянныхъ по земному шару мелкихъ истинъ, одну великую правду. Но какъ труденъ путь, ведущій къ этой цѣли; сколько на немъ препятствій, сколько предательскихъ тропинокъ, повидимому, параллельныхъ настоящему пути, пересѣкаетъ его; и какъ легко довѣрчиво пойти по нимъ! Мы изъ исторіи видимъ, сколько націй, какъ бы онѣ ни были даровиты, жизнерадостны, сильны и здоровы,—среди расцвѣта своего существованія, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій, а иногда и столѣтій движенія по скользкому наклонному пути, начинали разлагаться какъ водоросли, выброшенныя на сушу, и разсѣивались во всѣ стороны. Иногда эти общины пытались вернуться къ своему первоначальному состоянію. Но различіе языковъ, партій, мѣстныхъ интересовъ, подавляли въ нихъ чувство всечеловѣческаго единенія, которое воодушевляло ихъ въ періодъ успѣшнаго развитія.

Въ наше время разнородныя цивилизованныя этніческія группы уже настолько проникнуты идеей объединенія всего человѣчества, что онѣ, такъ сказать, застрахованы отъ упадка и вырожденія. Если какіе-либо космическіе перевороты, даже призракъ которыхъ еще не витасть вдали,

не потрясутъ жизни современныхъ націй, то онѣ избѣгнутъ въ будущемъ, повидимому, окончательнаго разложенія, которое постигло столько древнихъ народовъ. Конечно, политическія насильственные нарушенія, подобно морской волнѣ, заливающей берега, будутъ происходить около государственныхъ границъ, и самыя границы мѣстами начнутъ исчезать и, наконецъ, исчезнутъ повсюду. Многія географическія названія будутъ стерты съ соотвѣствующихъ картъ. Но все это нмало не воспрепятствуетъ народамъ, находящимся уже въ чертѣ современной цивилизаціи, участвовать въ поступательномъ движеніи матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго свойства и взаимно помогать другъ другу въ этомъ отношеніи даже тогда, когда между ними возникаютъ кровавыя столкновенія,—и тогда они не перестаютъ участвовать хоть до извѣстной степени въ общей прогрессивной работѣ. Во время послѣдней войны между Франціей и Германіей погибли сотни тысячъ людей, хлѣбныя посѣвы были уничтожены; множество имуществъ разорено. Враги ненавидѣли, проклинали другъ друга. А между тѣмъ, работа мысли ни съ той, ни съ другой стороны не прекращалась. Она двигалась впередъ на пользу всѣхъ людей, въ томъ числѣ и взаимно между собою враждующихъ. Спорили; но спорили дружески о томъ, гдѣ ранѣе была открыта антидифтерійная сыворотка, и гдѣ произведенъ впервые опытъ ея прививки, въ западныхъ или восточныхъ Вогезахъ? И все-таки, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, спасительное средство примѣнялось съ одинаковымъ успѣхомъ и одинаково являлось новою побѣдою человѣка и человѣчества надъ безстрастной природой. Такимъ-то образомъ, тысячи новыхъ изобрѣтеній стали общимъ достояніемъ обѣихъ сосѣднихъ націй, въ то время—взаимныхъ враговъ и соперниковъ, правда, но въ сущности близкихъ друзей, ибо и та и другая трудились надъ общимъ дѣломъ, полезнымъ для всего человѣчества. А тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ идетъ то глухая, то открытая война между японцами и русскими, она безсильна прервать изумительные успѣхи, которые совершаются въ этихъ областяхъ земного шара въ смыслѣ распространенія культуры, въ смыслѣ поступательнаго движенія человѣчества къ идеалу. Въ исторіи человѣчества уже былъ періодъ, заслужившій наименованіе эпохи «гуманизма», данное ему потому, что тогда всѣ люди, окультуренные изученіемъ прошлаго Греціи и Рима, сближались между собой и наслаждались развитіемъ высокихъ мыслей, выражаемыхъ краснорѣчиво на прекрасныхъ языкахъ древности. Эпоха же, нами нынѣ переживаемая, могла бы еще съ большимъ основаніемъ быть отмѣчена аналогичнымъ наименованіемъ, ибо она плотно соединяетъ въ солидарную группу не только ученыхъ братства, но цѣлыя націи, образовавшіяся изъ самыхъ разнообразныхъ народностей и обитающихъ на разныхъ концахъ свѣта.

Назбекъ съ южной стороны; изъ долины Арагвы.

Между тѣмъ, въ наше время цѣнность «гуманизма» стоитъ довольно низко. Всѣ наши великіе писатели, всѣ наши государственные люди изощряютъ свое остроуміе надъ этой «сантиментальностью». Дѣло въ томъ, что вторая половина XIX вѣка была очень плодотворна учениями о тѣхъ формахъ, которыя можетъ иногда принимать прогрессъ. Революціонеры 1848 года провозгласили съ особенной торжественностью слово «человѣколюбіе». Но эти достойные люди, благодаря своей глубокой невѣжественности, не имѣли понятія о громадности препятствій, ожидавшихъ распространеніе ихъ ученій. Поэтому послѣ неудачъ, которыя потерпѣла ихъ пропаганда, всякій могъ ихъ поднимать на смѣхъ. Затѣмъ грянула франко-прусская война; она подняла до зенита славу политики Бисмарка, пышно расцвѣтшей въ сантиментальной Германіи. Тогда всѣ снѣжили подражать—впрочемъ, съ одинаково плохимъ успѣхомъ—дѣяніямъ Желѣзнаго Канцлера, тѣмъ котораго и доселѣ вѣщаетъ надъ нами. За освобожденіемъ Греціи, королевства обѣихъ Сицилій, за народными восторгами по адресу Байрона, Кошута, Гарибальди, Герцена, послѣдовало благоразумно-сдержанное отношеніе націй къ рѣзнямъ въ Арменіи, къ бойнямъ въ южной Африкѣ, къ погромамъ въ Россіи. Во всѣхъ западныхъ государствахъ обнаружился пламенный націонализмъ; политическимъ разграниченіямъ придавалось преувеличенное значеніе. Въ то же время республиканскія идеи, имѣвшія въ Великобританіи много приверженцевъ, около 1870 года постепенно исчезли изъ текущей политики. То же можно наблюдать во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ по отношенію къ идеямъ о благороднѣйшихъ «утопіяхъ». Есть, кажется, отъ чего придти въ отчаяніе, если отождествлять указанныя перемѣны настроенія, несомнѣнно, имѣвшія мѣсто, съ признаками неизбежнаго регресса. Но такое отождествленіе возможно только тогда, когда мы совершенно упустимъ изъ виду причины такихъ явленій и характеръ оказаннаго ими вліянія. А когда мы уяснимъ себѣ то и другое, то убѣдимся, что нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній полагать, что не раздается болѣе гласъ человѣчности. Онъ прозвучитъ, когда «униженные и оскорбленные»—въ средѣ которыхъ онъ, впрочемъ, никогда не смолкалъ,—воспримутъ научныя ученія, овладѣютъ болѣе вліяніемъ на международное объединительное движеніе и почувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы устранить всякую угрозу братоубійственныхъ распрей.

Какъ бы ни были важны и въ своихъ частностяхъ чреватые послѣдствіями разногласія между соперничающими правительствами раздоры эти—даже если бы они вызывали вооруженныя столкновенія—уже не могутъ имѣть послѣдствій, подобныхъ тѣмъ, которыя вызывались въ старину аналогичными явленіями: исчезновеніе цѣлыхъ народовъ, какъ, на примѣръ, эламитовъ, сумерійцевъ, аккадовъ, ассирійцевъ,

персовъ и древнѣйшихъ цивилизацій, даже имена которыхъ до насъ не дошли. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ современныя націи,—въ томъ числѣ и тѣ, которыя считали другъ друга врагами—представляютъ уже въ общихъ чертахъ, вопреки своимъ правительствамъ и живучимъ остаткамъ международной ненависти, единую націю. Онѣ объединены между собою уже тѣмъ, что частичныя мѣстныя прогрессированія одной изъ нихъ оказываютъ воздѣйствіе на развитіе общаго всѣмъ прогресса. «Неизвѣстный Философъ» XVIII вѣка называлъ «людьми вождѣлющими» всѣхъ, кто искренно желаетъ общественнаго блага и трудится надъ созиданіемъ его. Къ нашему времени такихъ людей накопилось уже достаточно; они достаточно дѣятельны и достаточно прочно сплочены въ солидарныя между собою группы; слѣдовательно, представляютъ какъ бы объединенную нравственными принципами націю, достаточно мощную, чтобы противостоять элементамъ регресса и международной розни, которые проявляются еще и теперь, какъ въ старину, благодаря обветшалымъ пережиткамъ международной вражды.

Эта новѣйшая нація состоитъ изъ личностей свободныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, но потому-то и любящихъ другъ друга, солидарныхъ между собою. И къ этому-то вновь формирующемуся челоѣчеству слѣдуетъ нести пропаганду всѣхъ желательныхъ преобразованій, всѣхъ идей, признаваемыхъ справедливыми и обновляющими. Великое всенародное отечество распространилось уже до антиподовъ. Оно сознаетъ свое значеніе, и отсюда вытекаетъ ощущаемая имъ потребность въ общемъ для всѣхъ языкѣ. Недостаточно, чтобы новые сограждане, обитающіе на разныхъ концахъ свѣта, угадывали мысли другъ друга; необходимо, чтобы они вполнѣ другъ друга понимали. Изъ этого мы заключаемъ, что общій языкъ непременно будетъ созданъ, ибо всякій идеалъ, осуществленія котораго сильно жаждутъ, необходимо долженъ осуществиться.

Этотъ добровольный союзъ людей, стремящихся къ общему благу, ни отъ какихъ границъ и ограниченій независимый, разумѣется, лишаетъ всякаго руководящаго значенія «законы»: самое слово это обманчиво и неправильно. Нынѣшніе законы суть выводы старинной, отживающей эволюціи челоѣчества; они заслуживаютъ того, чтобы сохраниться въ памяти людей, какъ выраженіе относительной исторической истины,—не болѣе. Разумѣется, полезно помнить путь, по которому шла цивилизація вокругъ земного шара, двигаясь по направленію съ востока на западъ, какъ солнце,—цивилизация, центръ которой будто бы передвигался каждое тысячелѣтіе по поверхности нашей планеты. Историкъ, соблазненный изяществомъ параболы, описанной поступательнымъ движеніемъ цивилизаціи между древнимъ Вавилономъ и нашими современными Вавилонами, формулировали въ этомъ смыслѣ законъ пере-

движенія культуры. Между тѣмъ египтяне, еще ранѣе расцвѣта эллинизма, охватывая мысль громаднѣе нильскаго міра,—дѣйствительно, представлявшаго по занимаемому пространству и своеобразной изолиро-

Гора Даусонъ; Селькирская цѣль; Британская Колумбія.

Вершины этой горы (3400 метровъ) впервые достигли Карлъ Э. Фэй, Христіанъ Хаслеръ, Эдуардъ Фейцъ и Х. К. Паркеръ 13 августа 1899 года.

ванности особый міръ,—предполагали, что распространеніе человѣческой мысли шло по иному направленію. Они полагали, что она залесена къ нимъ на сѣверъ съ юга, волнами Нила, подобно тому, какъ эта рѣка приносила оплодотворяющіе землю разливы. Египтяне, вѣроятно, оши-

бались. Во всякомъ случаѣ, уже въ теченіе исторической, доступной нашему изслѣдованію эпохи, цивилизація придвигалась по обратному направленію: отъ Мемфиса къ «стовратнымъ» Оивамъ. Во многихъ другихъ странахъ она шла, дѣйствительно, по теченію рѣкъ, съ горныхъ высотъ въ долины, порождая послѣдовательно многолюдные города, центры человѣческой дѣятельности. Такимъ образомъ, въ Индіи траекторія тянется съ сѣверо-востока на юго-западъ по берегамъ Ганга и Джамны, а на необозримыхъ равнинахъ Китая «линія жизни» явственно направляется съ востока на западъ по долинамъ Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна.

Эти примѣры достаточно уясняютъ, что такъ называемый законъ прогрессирования, утверждающій предположеніе о послѣдовательномъ перемѣщеніи фокуса міровой культуры съ востока на западъ, имѣетъ лишь относительное, временное и мѣстное значеніе, и что движеніе цивилизаціи во многихъ странахъ происходило по инымъ направленіямъ, которыя обуславливались рельефомъ почвы и притягательными, благоприятными условіями данной среды ¹⁾. Однако, не лишнее имѣть въ виду приведенное классическое предположеніе не только ради фактовъ, объясняющихъ его зарожденіе, но и потому, что въ силу этой теоріи одна честолюбивая нація «Великаго Востока» громко требуетъ нынѣ себѣ господствующаго положенія. А, между тѣмъ, развѣ нынѣ не очевидно для всѣхъ членовъ великой человѣческой семьи, что центры цивилизаціи находятся уже повсемѣстно, благодаря тысячамъ открытій и безчисленнымъ ихъ примѣненіямъ, которыя имѣютъ мѣсто ежедневно то здѣсь, то тамъ, быстро передаваясь изъ одного города въ другой, по всевозможнымъ направленіямъ. Воображаемая линія, которыя вычерчивали по поверхности земного шара старинные историки, нынѣ затоплены, такъ сказать, волнами прилива, покрывающаго въ наши дни всѣ страны. Это именно тотъ потокъ всезнанія, о которомъ говорится въ Евангеліи. Только разсматривать его надо съ иной точки зрѣнія: онъ одинаково долженъ распространиться по всѣмъ направленіямъ безусловно. Коэффициентъ разстоянія утратилъ уже свое значеніе, ибо человѣкъ можетъ просвѣщаться—и дѣйствительно обогащаетъ свое знаніе—на счетъ всевозможныхъ явленій: почвенныхъ, климатическихъ, историческихъ, общественныхъ, которыя въ разныхъ странахъ различаются между собой. А взаимное пониманіе естественно порождаетъ общеніе людей и въ значительной степени сближеніе, сліяніе ихъ другъ съ другомъ. Конечно, между разными странами, между отдаленными народами существуютъ еще значительные контрасты. Но они постепенно смягчаются, ихъ значеніе все болѣе и болѣе нейтрализуется взаимнымъ пониманіемъ разнящихся между собой народностей. Фокусъ цивилизаціи теперь—всюду,

1) См. шестую главу книги I.

гдѣ люди мыслятъ, гдѣ они дѣйствуютъ: въ лабораторіяхъ Японіи, Гер-

Рисунокъ А. Рубиля.
Слова А. Брюана.

Изъ «Assiette de Beurre».

Тебя сведутъ на живодерню,
Я въ моргъ, быть-можетъ, попаду,
Иль подъ заборомъ околѣю,
Или безъ вѣсти пропаду.

маніи, Америки, гдѣ открываютъ новыя свойства химическихъ элементовъ или ихъ соединеній; на верфяхъ, гдѣ строятся новые двигатели

для судовъ или аэроплановъ; въ обсерваторіяхъ, откуда знакомятся съ доселѣ неизвѣстными явленіями въ небесномъ пространствѣ.

Большую извѣстностью въ свое время пользовалась теорія Вико, уподоблявшая историческую эволюцію морскимъ приливамъ и отливамъ—«corsi e ricorsi». Но и она должна быть устранена изъ ряда гипотезъ о послѣдовательномъ перемѣщеніи культурныхъ центровъ. Конечно, замкнутое общество, какъ и всякій обособленный индивидъ, должно обнаруживать естественную тенденцію развиваться сообразно ритмическимъ колебаніямъ: періоды дѣятельности чередуются съ промежутками покоя; а когда работа возобновляется, то тогда тожество матеріала и аналогичность условій необходимо обуславливаетъ почти полное сходство новыхъ функцій съ функціями предыдущаго періода: иногда даже тожество ихъ. Колебанія человѣческихъ обществъ отъ демократіи къ тиранніи, отъ тиранновъ къ народовластью, могло казаться, совершаются подобно колебаніямъ часового маятника. Но какъ только историческія науки расширили свои предѣлы, запасъ этнологическихъ свѣдѣній сталъ обогащаться самыми разнообразными способами, тогда представленіе о равномерности хода событій стало нарушаться: какъ приливъ, такъ и отливъ дѣлаются столь полны содержаніемъ, столь разнообразно между собою переплетаются, что ихъ и отличить другъ отъ друга съ точностью нельзя. И для возможно лучшаго уясненія и упорядоченія ихъ наукѣ приходится, по большей части, придавать кривой, которую по теоріи Вико, его маятникъ описываетъ только въ одной плоскости, видъ безконечно восходящей спирали. Это нѣчто въ родѣ тѣхъ поэтическихъ образовъ, которые любилъ набрасывать Гёте. Но все-таки, если начертаніе и отвѣчаетъ дѣйствительности, то весьма слабо. Правда, передъ тѣмъ, кто взираетъ съ птичьяго полета, изучаетъ извнѣ, безконечно сложный клубокъ историческихъ явленій развертывается въ широкихъ масштабахъ. На самомъ же дѣлѣ внутри этого клубка происходитъ непрерывное движеніе то назадъ, то впередъ; и равнодѣйствующая борющихся между собою силъ никогда не можетъ вести человѣчество по прямой линіи. Въ цѣломъ картина эта, конечно, не лишена стройныхъ гармоническихъ сочетаній, чудесныхъ колебаній, но, тѣмъ не менѣе, оказывается, что геометрическія кривыя, какъ бы онѣ сами по себѣ ни были изящны, безсильны дать понятіе о безконечномъ разнообразіи движеній исторической волны.

Само расширеніе—вѣками и общественными переворотами—поля научныхъ изслѣдованій уже составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ прогресса. Численность культурнаго человѣчества постоянно возрастаетъ пропорціонально росту и разработкѣ наукой географическихъ познаній объ отдаленныхъ странахъ земного шара. А въ то время, какъ изслѣдователь далекныхъ странъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ пространствомъ

отъ одного конца міра до другого и побуждаетъ расположенныхъ къ тому людей объединять свои силы на почвѣ труда,—историкъ, обращая свои изысканія къ прошлому, овладѣваетъ временемъ. Родъ человѣческій, подъ всѣми меридіанами и подъ всѣми широтами тяготящійся къ единенію, пытается уже реализовать это единство въ формѣ, которая охватила бы всѣ вѣка. И такое завоеваніе не менѣе важно, чѣмъ завоеваніе пространства. Всѣ предшествовавшія цивилизаціи—даже до-историческія—раскрываютъ передъ нами свои потайныя сокровищницы, и часть сокровищъ воспринимается до извѣстной степени современными общественными организмами. Мы можемъ изучать прошлыя времена какъ синоптическую таблицу, данныя которой развертываются въ порядкѣ, указываемомъ доступной нашему пониманію логикой событій. Благодаря этому, мы уже не переживаемъ исключительно только данный, постоянно утекающій отъ насъ моментъ, а обнимаемъ разумомъ цѣлыя ряды минувшихъ вѣковъ, которые мы воскрешаемъ путемъ современного намъ научнаго анализа и археологическихъ открытій. Такимъ

Малаецъ, собирающій пальмовое молоко.
(См. стр. 538).

образомъ, мы отклоняемся отъ точнаго пути развитія, направленіе котораго намѣчено условіями окружающей среды и специфическими особенностями нашей расы. Передъ нами вырисовывается безконечная сѣть путей,—параллельныхъ, расходящихся, пересѣкающихся,—которые были пройдены иными группами человѣчества. И повсюду въ этомъ прошломъ, уходящемъ въ смутную даль, мы встрѣчаемъ примѣры, привлекающіе наше вниманіе, вызывающіе въ разумѣ нашемъ стремленіе подражать. Вездѣ мы видимъ братій, солидарность съ которыми нами ясно ощущается. По мѣрѣ того, какъ перспектива вѣковъ уходитъ все дальше назадъ, у насъ накапливается все больше и больше образцовъ, заслуживающихъ знакомства и пониманія; а между ними встрѣ-

чается много такихъ, которые возбуждаютъ въ насъ благородное стремленіе походить на эти образцы, приблизиться съ той или другой стороны къ ихъ идеаламъ. Передвигаясь, видоизмѣняясь самыми разнообразными способами,—которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обуславливались характеромъ той или другой народности,—человѣчество утратило весьма существенную долю своихъ пріобрѣтеній въ прошломъ. И нынѣ мы можемъ поставить такой вопросъ: не представляется ли для насъ возможнымъ подобрать и использовать багажъ, растерянный человѣчествомъ на этапахъ своей многовѣковой «Одиссеи»?

Овладевъ временемъ и пространствомъ, люди отнынѣ будутъ имѣть предъ глазами безпредѣльное поприще дальнѣйшихъ пріобрѣтеній, дальнѣйшаго прогресса. Но пока они еще обременены нелогичными, противорѣчащими здравому смыслу условіями, которыя господствуютъ въ окружающей ихъ средѣ. Поэтому люди не имѣютъ возможности достаточно разумно, стройно работать надъ улучшеніемъ всеобщаго благосостоянія. И это понятно. Инициатива можетъ пока исходить только отъ отдѣльных личностей или отъ меньшинства, даже абсолютно незначительнаго. Эти обособленные или эти слабыя группы дѣйствуютъ слишкомъ поспѣшно, нападаютъ непосредственно на то зло, съ которымъ стоятъ лицомъ къ лицу; и если даже такія попытки возникаютъ одновременно въ различныхъ пунктахъ, то и въ такомъ благопріятномъ случаѣ движеніе оказывается, въ общемъ своемъ ходѣ, чуждымъ всякаго стратегическаго разсчета. Тѣмъ не менѣе, съ теоретической точки зрѣнія, переносясь мыслью за предѣлы хаотической борьбы личныхъ интересовъ, не трудно усмотрѣть, что истинная, величайшая побѣда, изъ которой логически вытекаютъ всѣ остальные завоеванія, заключается въ довольствѣ хлѣбномъ, въ томъ, чтобы всѣ люди, всѣ такъ называемые «братья»—хотя братанья между ними еще очень мало—были обеспечены пищей. Когда всѣ будутъ обеспечены ею, то всѣ будутъ чувствовать себя равными. И вотъ мы видимъ, что нѣкоторые народцы, стоящіе вдалекѣ отъ большихъ дорогъ нашей цивилизаціи, уже успѣли осуществить такой идеаль. Слѣдовательно, если всѣ наши надежды на прогрессъ не одна только жестокая шутка, то мы должны напрягать всѣ свои усилія, чтобы достичь солидарности въ этомъ отношеніи. Еще Монтень рассказываетъ, какъ разсуждали на этотъ счетъ уроженцы Бразиліи, привезенные во Францію въ 1557 году, въ царствованіе Карла IX. Больше всего ихъ поразило то, что «у насъ есть люди упитанные и всяческими удобствами одаренные, и въ то же самое время ихъ же земляки бродятъ около ихъ дверей, нищіе, изнуренные голодомъ и бѣдностью». Бразильцы находили весьма страннымъ, «какъ это здѣшніе бѣдняки могли терпѣть такія несправедливости и не хватили своихъ богатыхъ согражданъ за горло, не сжигали ихъ домовъ». Самъ же Монтень съ большимъ сожалѣніемъ относится къ этимъ дикимъ бразильцамъ потому, что «они, соблазнившись

любопытствомъ видѣть новое, покинули прелести своей страны, чтобы познакомиться съ нашей». Онъ предсказывалъ, что это сближеніе принесетъ имъ гибель ¹⁾. И, въ самомъ дѣлѣ, эти обитатели американскаго побережья не оставили послѣ себя потомковъ: всѣ ихъ племена были истреблены, и если гдѣ остались капли крови туземцевъ, такъ развѣ въ жилахъ пролетаріевъ, всѣми презираемыхъ.

Чтобы завоеваніе хлѣба вполне соответствовало условіямъ прогресса, необходимо, чтобы оно было вполне прочнымъ ²⁾. Дѣло не въ томъ, чтобы только имѣть пищу, но въ томъ, чтобы имѣть хлѣбъ, принадлежащій человѣку по праву, а не жалуемый изъ милости какимъ-нибудь важнымъ баринѣмъ или раздаваемый богатымъ монастыремъ. Несчастныхъ, протягивающихъ руку за подачкой около казармъ и церквей, можно насчитать сотнями тысячъ, если не милліонами. Они кое-какъ прозябаютъ благодаря билетикамъ на хлѣбъ и похлебку, которые раздаются жалостливыми лицами. Но едва ли возможно допустить, что эти несчастные люди вносятъ хоть какую-нибудь скромную лепту въ дѣло цивилизаціи. Уже одно то, что они получаютъ пищу, не заявляя своего права на нее можетъ-быть, даже подъ непремѣннымъ условіемъ выражать свою признательность, доказываетъ, что ихъ считаютъ общественными отбросами. Свободные люди глядятъ прямо другъ другу въ лицо. Первѣйшее условіе откровенной свободы заключается въ томъ, чтобы личность каждого была вполне независима, чтобы эта независимость была обоюдной, чтобы хлѣбъ добывался всѣмъ и каждымъ при посредствѣ взаимно оказываемыхъ услугъ. Встрѣчаются примѣры нравственнаго упадка цѣлыхъ народностей подъ вліяніемъ даровой поддержки ихъ матеріальнаго существованія. Развѣ римскіе граждане не отказывались защищать имперію именно тогда, когда хлѣбъ и зрѣлица были обезпечены для нихъ помимо всякаго труда? Существуютъ многочисленные классы населенія, между прочимъ, не мало «добрыхъ бѣдняковъ», которые, съ точки зрѣнія прогресса, представляютъ элементы совершенно бесполезные, именно благодаря систематической милостыни. Есть цѣлые города, пришедшіе въ упадокъ потому, что праздная, бездѣльничающая масса, отучившаяся отъ труда для самой себя, отказывается работать и на другихъ. Въ этомъ-то и заключается истинная причина «смерти» столько городовъ и цѣлыхъ народовъ. Благотворительность вызываетъ проклятіе тѣхъ, кого она питаетъ. Въ этомъ можно убѣдиться, приглядѣвшись, на примѣръ, къ праздникамъ, устраиваемымъ знатю: маленькіе послѣдники огромныхъ состояній, облаченные въ роскошные одѣянія, граціозно улыбаясь и съ достоинствомъ жестикულიруя подъ ласковымъ надзоромъ своихъ матерей и воспитательницъ, благосклонно раздаютъ

1) «Essais». Livre I, chap. XXX, p. 321, 322, édition Louandre.—2) Pierre Krapotkine, «La Conquête du Pain».

рождественскіе подарки бѣднякамъ, подобраннымъ на улицахъ, однако, предварительно нарочито вымытымъ и наряженнымъ по-праздничному. Можно ли себѣ представить что-нибудь болѣе жалкое, чѣмъ эта несчастная молодежь, одурманенная тщеславнымъ блескомъ золота и своихъ щедротъ!

Итакъ, долой эту уродливую благотворительность! Прогрессъ суждено создавать тѣмъ, кто завоевываетъ хлѣбъ, т.-е. людямъ труда, братающимся между собой, свободнымъ, равнымъ одинъ другому, высвободившимся изъ-подъ посторонняго покровительства. Именно на ихъ долю выпадаетъ обязанность примѣнить, наконецъ, надлежащимъ образомъ къ общественной выгодѣ новыя открытія и научные методы. Имъ суждено осуществить извѣстное выраженіе Кондорса: «наши надежды природа не ограничила никакими предѣлами». Другой историкъ-соціологъ замѣчаетъ: «чѣмъ болѣе требованій предъявляется къ человѣческой природѣ, тѣмъ на большія усилія она становится способной. Дѣло развивается ея способности, и предѣлы ея могущества безконечно раздвигаются¹⁾. Какъ только человѣкъ твердо установилъ принципы, руководящіе его дѣятельностью, такъ жизнь становится для него легкой. Онъ ясно сознаетъ свои права, поэтому научается признавать права своихъ ближнихъ и сразу налагаетъ руку на права, узурпированныя у него законодателемъ, жандармомъ и палачомъ. Руководясь своей собственной нравственностью, онъ устраняетъ навязанные ему законы (Эмиль Акола). Сознательный прогрессъ не есть нормальная функція общества, аналогичная, напримѣръ, росту растенія или животнаго. Цвѣты его не распускаются сами собой²⁾. Его слѣдуетъ понимать какъ коллективный актъ общественной воли, который ведетъ къ сознанію выгодъ взаимной солидарности всего человѣчества, къ удовлетворенію его потребностей постепенно, систематически, упрочиваясь тѣмъ полнѣе, чѣмъ обильнѣе эта общественная воля воспринимаетъ новыя пріобрѣтенія и пользуется ими. Многія идеи становятся неоспоримыми, разъ онѣ восприняты всѣми.

Сущность прогресса человѣчества заключается въ томъ, чтобы найти формулу, выражающую всю совокупность интересовъ и желаній всѣхъ народовъ. Онъ какъ бы сливается съ идеей солидарности. Прежде всего онъ долженъ быть направленъ къ бережливости, къ объекту, противоположному началамъ природы, которая съ изумительной щедростью расточаетъ свои плодотворные дары. Въ настоящее время общества еще далеко не достигли умѣнія расчетливо распоряжаться силами, въ особенности человѣческой силой. Надо сознаться, что нынѣ насильственная смерть не является уже явленіемъ обычнымъ, какъ въ старину;

1) H. Taine, «Philosophie de l'art dans les Pays-Bas».—2) Herbert Spencer «Social statics», p. 80.

тѣмъ не менѣе, огромное большинство человѣчества смерть постигаетъ гораздо раньше нормальнаго срока. Несчастные случаи, всякаго рода крушенія и житейскія невзгоды, болѣзни, по большей части, усложняемыя неправильно примѣняемой врачебной помощью; особенно усугубляемыя нищетою, недостаткомъ необходимаго ухода, отсутствіемъ надежды и жизнерадостнаго настроенія, порождаютъ одряхленіе чело-вѣка раньше нормальнаго старческаго возраста. Извѣстный физиологъ ¹⁾ написалъ даже превосходное сочиненіе, суть котораго заключается въ слѣдующемъ: почти всѣ старики умираютъ преждевременно, когда они еще съ ужасомъ думаютъ о смерти, которая, въ сущности, должна была бы приходить къ людямъ какъ желанный сонъ къ счастливцу, который, послѣ добраго, полезнаго труда, ощущаетъ потребность отдохнуть.

Недостаточно бережливое расходованіе силъ особенно ярко проявляется при насильственныхъ крутыхъ перемѣнахъ, рѣзкихъ революціяхъ, грубыхъ примѣненіяхъ новыхъ трудовыхъ пріемовъ. Прѣжніе инструменты и людей, сжившихся со старой системой, выбрасываютъ за бортъ, какъ куда-нибудь ненужную рухлядь. Между тѣмъ, идеаль прогресса заключается въ умѣнши использовать рѣшительно все: сырье, остатки, шлаки. Ничто не бесполезно въ умѣлыхъ рукахъ. Вообще дѣло въ томъ, что всякая перемѣна, какъ бы ни была она глубока, совершается путемъ пріобщенія къ прогрессу нѣкоторыхъ соотвѣтственно регрессивныхъ элементовъ; всякій новый организмъ возникаетъ на счетъ ка-кого-либо стараго организма. Дѣло въ томъ, что даже тогда, когда прѣвратности столкновенія и не сопровождаются уничтожающими, разрушительными явленіями въ собственномъ смыслѣ слова, то все-таки эти столкновенія окажутся поводами къ мѣстному упадку жизнедѣятельности. Процвѣтаніе однихъ непрѣмѣнно влечетъ за собою увяданіе другихъ. Этимъ подтверждается правдивость одной древней аллегоріи. Фортуна изображена въ видѣ колеса, вздымающаго при своемъ движеніи однихъ и раздавливающаго другихъ. Одинъ и тотъ же фактъ можетъ получить два совершенно противоположныхъ толкованія: съ лицевой стороны онъ кажется вполне прогрессивно-нравственнымъ, а съ обратной представляется признакомъ разложенія. Напримѣръ, одно изъ важнѣйшихъ историческихъ событій: уничтоженіе рабства. Изъ этого факта, благодаря сцѣпленію тысячи житейскихъ обстоятельствъ, могутъ произтекать нѣкоторыя печальныя послѣдствія, совершенно противорѣчація общему благодѣтельному результату. Рабъ, можно обобщая сказать, — чело-вѣкъ, жизнь котораго съ дѣтства шла по разъ установленной дорожкѣ, который не умѣетъ распознавать отчетливо различія между двумя послѣдо-

1) Илья Мечниковъ.

вательными состояніями окружающей его среды, легко привыкаетъ къ рутинному, косному существованію, какъ бы оно пошло ни было. Онъ живетъ, ни о чемъ не сожалея, ни на что не жалуясь: словно камень или растеніе, зимующее подъ снѣгомъ. Часто случается, что, находясь еще подъ вліяніемъ такой привычности, усыпившей его мысль, человѣкъ, внезапно освобожденный отъ какого-либо вида рабства, не знаетъ, какъ ему приспособиться къ своему новому положенію. Не умѣя пользоваться свободой, онъ оглядывается кругомъ какъ воль, недоумѣвая, куда исчезъ кнутъ, побуждавшій его работать? Онъ ждетъ, когда же ему кинутъ, какъ бывало прежде, кусокъ хлѣба, который онъ обыкновенно поднималъ изъ грязи? Хорошія свойства рабства, послушаніе, безропотное примиреніе со своимъ положеніемъ—если только это можно называть хорошими качествами,—совсѣмъ не похожи на хорошія свойства человѣка свободнаго: личная инициатива, отвага, несокрушимая настойчивость. Тотъ, въ комъ хотя бы смутно сохранились остатки первоначальныхъ качествъ, кто позволяетъ себѣ сожалѣть о прежней жизни изъ-подъ палки и указки,—тотъ никогда не проявитъ геройства при устроеніи своей новой жизни.

Съ другой стороны, человѣкъ, радостно приспособившійся къ условіямъ этой новой жизни, къ совершенно независимому существованію, возлагающему на него самого всю отвѣтственность за его поступки и образъ жизни,—такой человѣкъ испытываетъ страданія поистинѣ невыносимыя, когда ему приходится подчиняться какому-нибудь изжитымъ требованіямъ стариннаго рабства, напримѣръ, поступать въ военную службу. Тогда существованіе становится для него невыносимымъ бременемъ, а самоубійство кажется ему желаннымъ исходомъ. Словомъ, въ нашемъ обществѣ, изобилующемъ противорѣчіями,—въ обществѣ, которое находится подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ теченій, смерть нерѣдко является желаннымъ исходомъ или потому, что слишкомъ трудно завоевывать себѣ обезпеченное существованіе, или же потому, что свобода даетъ такъ много радостей, пожертвовать которыми оказывается невозможно. Интенсивность жизни постоянно возрастаетъ, и какъ бы въ силу реакціи на это явленіе наблюдается поразительное возрастаніе случаевъ проявленія отчаянія, исканія смерти. Развѣ это не явное противорѣчіе? Число самоубійствъ во всѣхъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ странахъ, въ современныхъ обществахъ непрерывно увеличиваются вотъ уже нѣсколько десятилѣтій сряду. Въ старину этотъ родъ смерти былъ рѣдкостью повсюду; а у нѣкоторыхъ народовъ онъ былъ вовсе не извѣстенъ, напримѣръ, у грековъ, среди которыхъ—надо замѣтить—господствовали бѣдность, воздержаніе и упорный трудъ. Но въ нашихъ современныхъ «Вавилонахъ» мощный вихрь, двигающимъ центромъ котораго являются большіе города, вызываетъ соответственный водоворотъ

разнородныхъ страстей, чувствованій, впечатлѣній, проявленій тщеславія и безумія. Существованіе, исполненное напряженной дѣятельности, бурь и страстей, часто вызываетъ какъ бы противоѣдѣніе въ самой жизни: тяжелые кризисы, а иногда рѣзкіе переходы къ застою и даже добровольную смерть.

Вотъ очень печальная сторона нашей столь прославляемой полугцивилизациі. Мы говоримъ «полугцивилизациі» потому, что плодами ея пользуются далеко не всѣ. Допустимъ, что въ среднемъ выводѣ люди нашихъ дней ведутъ жизнь болѣе оживленную, болѣе дѣятельную и также болѣе счастливую сравнительно съ прежними временами, когда человѣчество, раздробленное на безчисленное множество мелкихъ народностей, не поднялось еще ни до индивидуальнаго самосознанія, ни до сознанія полезности взаимнаго общенія. И все-таки, допуская это, нельзя не сознаться, что моральное разстояніе между образомъ жизни привилегированныхъ и парій значительно увеличилось. Несчастный сталъ еще болѣе несчастенъ; къ его прежней нищетѣ присовокупились зависть и ненависть, которыя, въ свою очередь, усугубляютъ физическія страданія и вынужденное воздержаніе. Среди какого-либо первобытнаго племени голодные и больные члены его вынуждены переносить только матеріальныя страданія. Между тѣмъ, среди пастъ, народовъ культурныхъ, несчастные, кромѣ того, подавлены чувствомъ униженія и даже общественнаго презрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, отвратительно видѣть внѣшнія условія ихъ существованія: ихъ жилища, ихъ одежду. Въдѣ въ каждомъ большомъ городѣ есть кварталы, тщательно избѣгаемые пріѣзжими, ибо эти кварталы зловонны и грязны. Мы уже не говоримъ объ эскимосахъ, которые живутъ въ конурахъ, незнакомыхъ никакому другому племени. Всѣмъ извѣстно, что Глазго, Дэнди, Руанъ, Лилль и множество другихъ промышленныхъ городовъ изобилуютъ норами, съ сырыми, заплѣснѣвшими стѣнами, гдѣ существа, имѣющія образъ человѣческій и похожія на что-то живое, съ трудомъ влачатъ подобіе на существованіе. Дикіе индусы, обитающіе въ лѣсахъ центральныхъ областей полуострова, покрытые цвѣтными лохмотьями, представляютъ относительно болѣе отрадное зрѣлище, если ихъ сравнивать съ тощими пролетаріями роскошествующей Европы, которые мрачны, печальны, облачены въ засаленное тряпье. Посторонній зритель, не опасаясь присутствовать при выходѣ изъ мастерскихъ рабочихъ и не обращающій вниманія на платье, бываетъ особенно пораженъ тѣмъ, что во всей этой толпѣ онъ рѣшительно не усматриваетъ людей, на которыхъ лежала бы печать индивидуальности. Всѣ эти существа, поспѣшающія къ своей скудной трапезѣ, имѣютъ одинаковый видъ людей, преждевременно старѣющихся, одинаковое выраженіе лица — апатичное и сонливое. Индивидуализированныхъ такъ же трудно, какъ овецъ въ стадѣ: всѣ они не «люди», а только рабочія руки или просто «руки», какъ ихъ мѣтко называютъ англичане.

Эта ужасающая противоположность, жесточайшій бичъ современнаго общества могъ бы быть легко устраненъ, если бы блага земныя были равномѣрно распредѣлены по указаніямъ научныхъ принциповъ. Мы повторяемъ и будемъ повторять, что все, потребное человѣчеству во всей его совокупности, находится на земномъ шарѣ болѣе чѣмъ въ изобиліи. Намъ могутъ возразить слѣдующее: да, правда, человѣчество прекрасно овладѣло уже теперь свѣдѣніями о пространствѣ, о времени, о жизнедѣятельности организмовъ, въ томъ числѣ и самого человѣка; но достаточно ли, однако, всего этого, чтобы человѣчество могло приступить къ разрѣшенію главнѣйшей задачи своего существованія, къ осуществленію своего коллективнаго идеала, не только съ точки зрѣнія правящихъ классовъ,—вообще говоря, касты или скопленія кастъ,—но и съ точки зрѣнія всѣхъ тѣхъ, кого въ старину религія именovala «братъями, созданными по образу и подобию Божию»? На такой вопросъ мы смѣло можемъ отвѣтить утвердительно: матеріальный вопросъ о хлѣбѣ перестанетъ даже быть вопросомъ, какъ только всѣ голодающіе войдутъ между собою въ соглашеніе и потребуютъ своей доли.

Разрѣшится также и вопросъ о просвѣщеніи, тѣмъ болѣе, что его благопріятное разрѣшеніе въ принципѣ уже предрѣшено, потому что всюду распространено желаніе знать, и не бѣда, если это желаніе порождается самолюбіемъ или проявляется въ видѣ любопытства. Вѣдь каждый шагъ на пути прогресса никогда не остается обособленнымъ явленіемъ; одно явленіе въ общемъ движеніи общественной эволюціи всегда дополняется другими успѣхами культуры. А какъ только совершится приобщеніе всего человѣчества къ матеріальному и умственному прогрессу, и, слѣдовательно, чувство общественной справедливости будетъ удовлетворено, такъ обнаружится весьма важный результатъ: совѣсть каждаго человѣка непремѣнно почувствуетъ облегченіе, потому что господство жестокаго неравенства въ наше время, когда одни обладаютъ явно излишними богатствами, а другіе не только лишены необходимаго, но даже самой надежды, угнетаетъ совѣсть человѣка—сознательно или безсознательно—и больше всего совѣсть счастливицевъ; оно отравляетъ всѣ ихъ радости. Сознаніе всѣмъ и каждымъ своей невинности предъ ближними явилось бы главнымъ условіемъ всеобщаго умиротворенія, ибо по самой природѣ нашей мы склонны ненавидѣть тѣхъ, кому мы причинили вредъ, и любить тѣхъ, кто является какъ бы напомнаніемъ о нашихъ хорошихъ дѣлахъ. Моральныя благодѣтельныя послѣдствія великаго и въ своемъ величіи столь простаго акта справедливости—обеспеченія всѣмъ хлѣба и просвѣщенія—были бы неисчислимы.

Когда же, сообразно направленію исторической эволюціи въ настоящее время, человѣчество въ недалекомъ будущемъ достигнетъ обѣихъ этихъ цѣлей (т.-е. когда никто не будетъ умирать съ голоду и коснѣть въ невѣжествѣ),—тогда передъ нами какъ маякъ загорится новый

идеаль, къ которому, впрочемъ, уже и теперь стремится, постоянно увеличиваясь, не мало человѣческихъ умовъ. Новый идеаль сводится къ тому, чтобы вновь получить власть надъ растроченными въ прежнее время силами, воспрепятствовать разсыпанію энергій и матеріаловъ, нынѣ существующихъ, а также отвоевать у прошлаго все полезное, которое наши предки выпустили изъ своихъ рукъ. Съ точки зрѣ-

Глетчеръ Біафо.

Горные шпицы около 7000 метровъ высоты.
Эту часть Каракорума въ сѣверномъ Кашмирѣ посѣтили въ 1899 г. г. и г-жа Уоркманъ въ сопровожденіи Дурбингена.

лія цивилизаціи, вообще говоря, такая работа сходна съ усиліями современныхъ строителей, которые стараются использовать всѣ отбросы, считавшіеся рудокопами древности совсѣмъ негодными. Весьма вѣроятно, что люди первобытнаго и даже древне-историческаго періода превосходили средняго человѣка нашихъ дней силой, ловкостью, тѣлеснымъ здоровьемъ и красотой лица. Намъ слѣдуетъ добиться равенства съ ними во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Конечно, при завоеваніи вновь качествъ древняго человѣка мы не станемъ добиваться

возстановленія дѣятельности тѣхъ частей нашего организма, которыя за истекшее время атрофировались, по которыя, по утвержденію біологовъ, когда-то выполняли извѣстныя функціи (Илья Мечниковъ). Однако, для насъ весьма важно сохранить во всей ихъ полнотѣ тѣ силы, которыя еще остались въ нашемъ распоряженіи; удержать за собой, напри- мѣръ, способность къ мускульной работѣ; мускулами мы, конечно, еще располагаемъ, но въ сравненіи съ далекимъ прошлымъ они становятся все слабѣе и рискуютъ обратиться скоро въ бесполезную принадлеж- ность нашего организма. Является вопросъ: можно ли воспрепятство- вать этому упадку физическихъ силъ человѣка, выведенныхъ изъ равно- вѣсія чрезмѣрнымъ развитіемъ его мыслительнаго аппарата? предска- зываютъ, что человѣку суждено, мало-по-малу преобразиться въ огромный мозгъ, обвитый полосками, охраняющими голову отъ простуды и на- сморка, причемъ всѣ остальные части человѣческаго тѣла будутъ атро- фированы. Неужели же нѣтъ средствъ отвратить тенденцію нашего орга- низма къ такому преобразованію? Зоологи говорятъ, что въ отдаленной древности предки человѣка были животными, лазающими какъ обезьяна. Отчего же современный намъ образованный человѣкъ допускаетъ себя до утраты способности карабкаться и лазить,—способности, которою обладали наши до-историческіе предки, и доселѣ обладаютъ нецивилизо- ванные племена, напри- мѣръ, малайцы карабаются за фруктами на высочайшія пальмы? Матери въ просвѣщенныхъ странахъ обыкновенно восхищаются удивительною ловкостью и силой своихъ дѣтей, которыя могутъ, ухватившись за что-нибудь руками, висѣть на воздухѣ иногда въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ¹⁾. Между тѣмъ ихъ ребенокъ, подра- стая, утрачиваетъ постепенно свою первоначальную мощь именно потому, что тѣ же матери тщательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ случая ее упражнять. Въ нашемъ, неизбѣжно соблюдающемъ экономію обществѣ запрещенія лазить на деревья обыкновенно вызываются опа- сеніями родителей, что ребенокъ за что-нибудь зацѣпится одеждой и разорветъ ее. Собственно чувство боязни, что дитя можетъ ушибиться, повредить себѣ лично, въ этихъ случаяхъ играетъ второстепенную роль.

Результатъ опасеній подобнаго рода тотъ, что большинство «циви- лизованныхъ» дѣтей по силѣ и ловкости въ играхъ стоятъ гораздо ниже своихъ однолѣтокъ дикарей. Далѣе, имѣя рѣдко возможность упражнять чувства зрѣнія, слуха и т. д. на естественномъ просторѣ, онѣ видятъ и слышатъ менѣе отчетливо дикарей, сходныхъ въ данномъ отношеніи съ животными, которыя и по внѣшности красивы и одарены утонченными чувствами. Такими желалъ бы Гербертъ Спенсеръ видѣть и дѣтей «ци-

(1 Drummond, «Ascent of man», pp. 101, 103.

вильзованных классовъ»; между тѣмъ, въ этомъ отношеніи они несомнѣнно пошли назадъ. Ихъ движенія не могутъ вызывать того восхищенія, съ какимъ европейцы-путешественники взираютъ на молодыхъ людей Тенимберскихъ острововъ, когда тѣ натягиваютъ свой лукъ или упражняются въ метаніи копій ¹⁾. Можно утвердительно сказать, что весьма изрядное число негритянскихъ племенъ, краснокожихъ, а также малайцевъ и полинезійцевъ стоятъ выше не только того или иного исключительнаго европейскаго типа, но и любого изъ нихъ, такъ сказать, средняго типа населенія Европы, по красотѣ линій тѣла, благородству движеній, изяществу походки. Словомъ, въ этомъ отношеніи мы, очевидно, вообще двинулись назадъ, благодаря замкнутости нашихъ жилищъ, нелѣпости нашего костюма, препятствующаго воздуху и свѣту касаться нашего тѣла и, слѣдовательно, затрудняющаго въ значительной степени процессы испаренія, дыханія, не допускающаго вполне свободнаго развитія мускулатуры, часто стѣсняющаго, просто калѣчащаго нашъ организмъ, какъ, напр., цѣпъ корсеты, ботинки. Не взирая, однако, на все это, много фактовъ показываетъ, что здѣсь регрессивный процессъ не зашелъ слишкомъ далеко, что намъ нѣтъ еще причинъ терять надежду на восстановленіе утраченныхъ свойствъ, потому что тѣ изъ нашихъ молодыхъ людей, которые выросли въ надлежащихъ гигиеническихъ условіяхъ, которые съ дѣтства занимались физическими упражненіями, далеки еще отъ дегенераціи. Ихъ формы и силы развиты не хуже, чѣмъ у образцовыхъ въ этомъ отношеніи дикарей. Первые стоятъ даже выше послѣднихъ, ибо они сознательнѣе относятся къ самимъ себѣ и развиты умственнѣе. Благодаря опыту прошлаго, освѣщеннаго знаніемъ, которое современный цивилизованный человѣкъ легко и систематично приобретаетъ въ школѣ, онъ долготѣнѣе дикаря. И главная причина этого преимущества заключается именно въ томъ, что онъ можетъ примѣнять къ поддержанію своего существованія тысячи пріемовъ, заимствованныхъ даже у далекаго прошлаго, соединяя эти указанія съ современными данными науки, изобрѣтеніями и приводя все вмѣстѣ въ стройное логическое цѣлое. Какими физическими силами располагаютъ наши современники вообще, можно судить по восхожденіямъ ученыхъ на Альпы, Кавказскія горы, Анды, Гималаи, Тянь-Шань и т. д., а также и по результатамъ этихъ экспедицій. Ужъ, конечно, никакой Жанъ Бальма не взобрался бы на вершину Монблана, если бы не существовало Соссюра, который увлекъ его на такой подвигъ. А теперь? Вимперы, Фрешфильды, Конгуэи? Вѣдь всѣ они по силѣ, выносливости, практическому знакомству съ восхожденіемъ на горы, равны туземнымъ проводникамъ, можетъ-

1) Anna Forbes, Insulinde, «Experience of a Naturalist's Wife in the Eastern Archipelago».

быть, и превосходить самых надежныхъ изъ нихъ, съ дѣтства еще подготовленныхъ какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ ко всему, чего требуютъ сопряженные съ опасностью жизни восхожденія. Нынѣ человѣкъ науки самъ ведетъ за собой туземца на вершины Килиманджаро или Аконкагуа. Онъ же направляетъ и эскимосовъ къ завоеванію полюса. Словомъ, идеаль, который постигъ современный человѣкъ,—пріобрѣтеніе новыхъ свойствъ безъ утраты наличныхъ или даже съ возвращеніемъ утраченныхъ его предками,—вполнѣ осуществимъ. Это не химера.

Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сила пониманія—это важнѣйшее достоинство современнаго человѣка, благодаря которому онъ и получаетъ возможность снова завоевывать, что было хорошаго у дикаря, на самомъ мѣстѣ его обитанія, при естественно окружающихъ послѣдняго условіяхъ, благодаря которому онъ можетъ гармонически сочетать это прошлое съ тонко разработанными идеями настоящаго,—что все это накопленіе силы и знаній можетъ привести къ нормальной и окончательной побѣдѣ только тогда, когда новый человѣкъ сумѣетъ воспринять какъ братьевъ всѣхъ людей и слиться въ полное единеніе какъ съ ними, такъ и со всею природою.

Вотъ условіе, которое ставитъ социальный вопросъ въ новое положеніе и придаетъ ему полноту. Невозможно, конечно, полюбить первобытнаго дикаря вмѣстѣ со всею его обстановкой, вмѣстѣ съ его лѣсами и ручьями, если не любишь одновременно человѣка, принадлежащаго къ современному—хотя бы и нѣсколько искусственному—обществу. Какъ мы станемъ любить миниатюрную индивидуальность хотя бы восхитительнаго цвѣтка, или питать братскія чувства къ животному, стремиться къ сближенію съ нимъ, подобно Франциску Ассизскому, если даже къ окружающимъ насъ людямъ мы не умѣемъ относиться сердечно, по-товарищески? Полное единеніе цивилизованнаго съ дикаремъ и съ природой можетъ осуществиться только тогда, когда исчезнутъ границы между кастами и между народностями. Надо освободиться отъ подчиненія устарѣлымъ условностямъ и привычкамъ; надо устроить такъ, чтобы каждый человѣкъ могъ относиться къ каждому другому совершенно по-братски и свободно обмѣниваться съ нимъ мыслями «о всемъ, что человѣчно»,—какъ сказалъ Теренцій. Тогда жизнь общества, вернувшись къ своей первобытной простотѣ, преисполнится искренней свободой отношеній людей между собою.

Замѣчается ли существенный прогрессъ нашей цивилизаціи въ этомъ отношеніи? Конечно, да. Это было бы нелѣпо отрицать. То, что называютъ «приливомъ демократизма», не что иное, какъ нарастаніе чувства равенства между различными въ прежнія времена враждовавшими между собой кастами. Поверхность приливной волны, повидимому,

чрезвычайно измѣнчива. Но настоящая работа совершается въ глубинѣ націй, благодаря постоянно возрастающему запасу знаній, который человекъ черпаетъ и у самого себя, и у другихъ. Онъ все болѣе и болѣе убѣждается въ существованіи общей для всѣхъ почвы, которою и обуславливается наше сходство. Онъ все болѣе и болѣе освобождается отъ наплыва поверхностныхъ воззрѣній, которыя насъ отдѣляли другъ отъ друга; мы приближаемся, стало-быть, къ формѣ счастья, которая весьма отличается отъ той, которою довольствовались наши предки, животные и первобытные люди. Нашъ міръ и съ матеріальной, и съ нравственной стороны чрезвычайно расширился; наши понятія о счастьѣ стали содержательнѣе. Въ будущемъ будетъ называться счастьемъ только такое состояніе, которое можетъ быть распространено на всѣхъ и раздѣляемо всѣми; сознательно и разумно ко всему относиться, ощущать въ самомъ себѣ страстное стремленіе къ знанію и научнымъ изслѣдованіямъ и умѣть любоваться и наслаждаться античной красотой,—вотъ что должно называться счастьемъ.

Всѣ вышеприведенныя соображенія заставляютъ насъ отклонить теорію «сверхъ-человѣка» въ такомъ видѣ, какъ ее понимаютъ аристократы мысли. Цари и вообще власть имущіе легко воспринимаютъ убѣжденіе, что на свѣтѣ существуютъ двѣ нравственности: ихъ собственная нравственность, т.-е. прихоть, съ одной стороны, и съ другой—повиновеніе, подобающее народной массѣ. То же можно сказать и о заносчивыхъ людяхъ, обожателяхъ интеллектуальной мощи, воображающихъ, что они только и владѣютъ этой мощью. Они по своему усмотрѣнію взбираются куда-нибудь на высокую террасу башни, воздвигнутой изъ слоновой кости, куда скромные смертные проникать не могутъ. Не велико число избранныхъ, съ которыми они снисходятъ обмѣняться нѣсколькими словами. Можетъ статься, что каждый изъ нихъ считаетъ себя «единственнымъ». Они подавлены гениемъ; ихъ чело, изборожденное роковыми морщинами, подобно символу вселенной, объятай грозой. Съ высоты они даже не видятъ кишачей передъ ихъ взорами аморфной, не принявшей еще отчетливыхъ очертаній массы невѣдомыхъ человѣческихъ жизней. Несомнѣнно, что не существуетъ предѣловъ стремленію человека къ изслѣдованію и постиганію. Да, конечно, всякій обязанъ неустанно искать способовъ для осуществленія своего идеала, опережать его, вздыматься выше него, если возможно. Даже умирая, онъ будетъ думать о своемъ прогрессированіи; погибай тотъ, кто чувствуетъ себя погибающимъ! Но никто не долженъ изъ-за этого порывать связи съ окружающими его существами уже по одному тому, что онъ не можетъ избѣгнуть тѣсной солидарности съ ними и необходимости жить подобно своимъ ближнимъ. Совершенно напротивъ: даже каждый изъ его личныхъ успѣховъ, его личный прогрессъ представляетъ успѣхъ для его окружаю-

шихъ: онъ дѣлится съ ними знаніями и не проходитъ безучастно мимо бѣдняка или калѣки, какъ дѣлится съ нимъ хлѣбомъ. Вѣдь его умъ воспринялъ вліяніе воспитавшихъ его; вѣдь не родился же онъ безъ отца, подобно предвѣчному Богу. Онъ самъ, въ свою очередь, обратится неизбѣжно въ воспитателя тѣхъ, кто придетъ поздиѣ его.

Варварскіе приемы спартанцевъ еще доселѣ нравятся тѣмъ слабымъ, которые не умѣютъ ни лѣчить, ни просвѣщать. Они душатъ каждого, кто имъ кажется слабымъ, людей, которые имъ не ко двору, они заталкиваютъ въ какую-нибудь дыру, не стѣсняясь тѣмъ, что ломаютъ кости. Такой характеръ имѣли «рѣшительные поступки» слабыхъ и несвѣдущихъ. А развѣ найдется такой врачъ, такая ученая повитуха, такой непогрѣшимый судія, которые могли бы указать намъ, кого именно сберечь и кого изъ новорожденныхъ надо безвозвратно погубить? Часто, слишкомъ часто знанія такихъ судій оказывались ошибочными. Организмъ, который по ихъ разумѣнію не способенъ къ существованію, въ послѣдствіи прекрасно приспособлялся къ жизни. Умъ, который они съ высоты своей судейской каѳедры приравнивали къ кренинизму, развивалъ до степени гениальности свою творческую силу. Старые рутинеры, они впадали изъ ошибки въ ошибку, и только благодаря возмущеніямъ и переворотамъ, именно противъ нихъ направленнымъ, міръ расширялся и обновлялся. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что разумѣе всего относиться къ людямъ какъ къ равнымъ по нравственности и по достоинству, помогать слабымъ, больнымъ, стараясь возратить имъ здоровье и силы, а предъ тѣми, кто высоко одаренъ умственно, раскрывать возможно широкіе горизонты мысленія. При этомъ надо непрестанно заботиться о лучшемъ какъ для самого себя, такъ и для другихъ, ибо всѣ мы, взятые вмѣстѣ, составляемъ одно цѣлое; ибо эволюція, какъ прогрессивная, такъ и регрессивная, совершается повсюду, отъ одного края свѣта до другого.

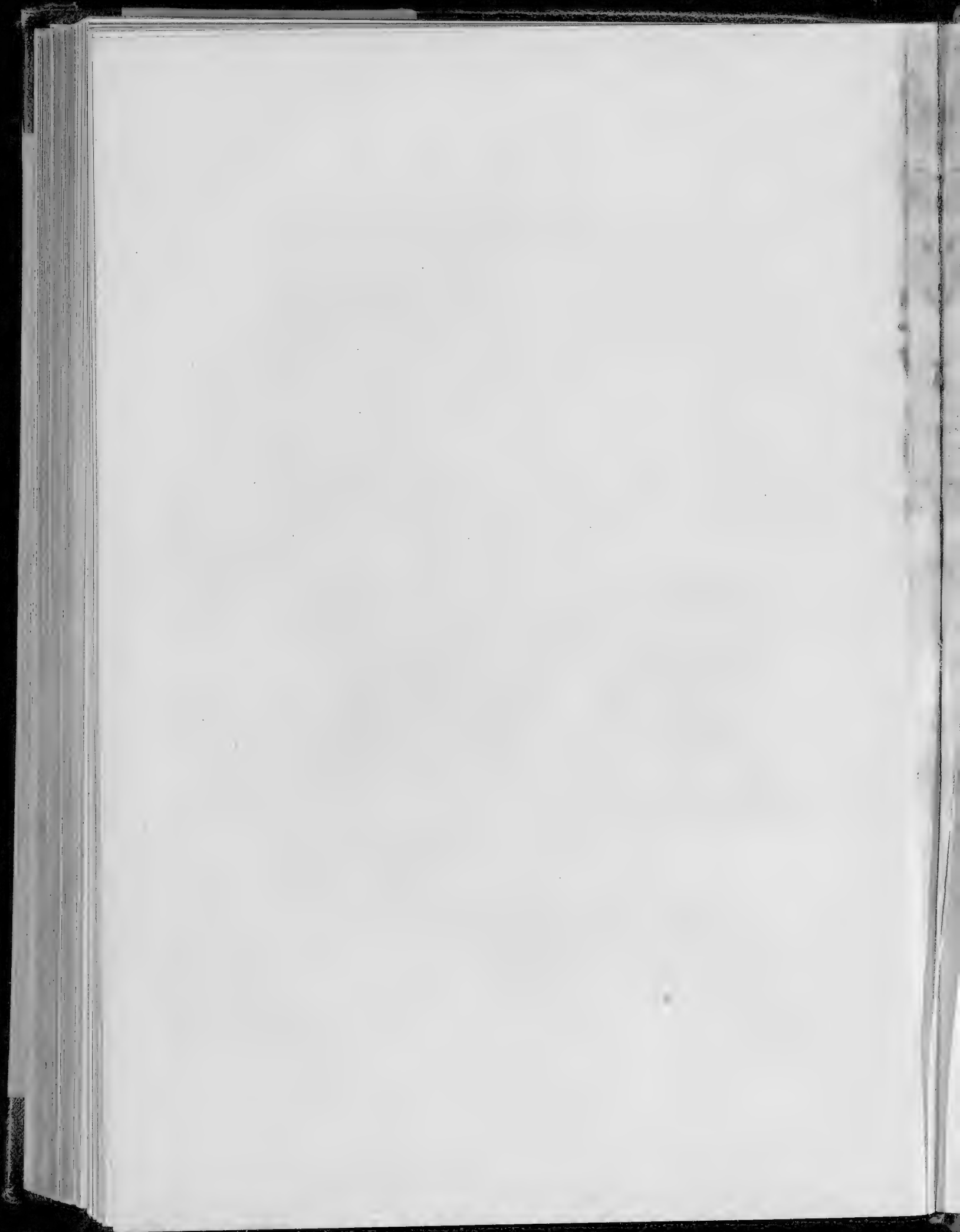
Словомъ счастье, какъ мы его понимаемъ, не состоитъ только въ наслажденіяхъ личныхъ. Конечно, оно индивидуально въ томъ смыслѣ, что «всякій самъ творецъ своего счастья». Но оно полно и глубоко только тогда, когда распространяется на все человѣчество. И не потому полно, чтобы представлялась возможность устранить всякое горе, всякіе несчастные случаи, болѣзни или даже смерть. Нѣтъ: но потому, что человѣкъ, сближаясь съ человѣкомъ для дѣла, цѣль котораго ему ясна, и слѣдуя методу, плодотворность котораго ему извѣстна, можетъ быть совершенно увѣренъ, что онъ направляетъ къ лучшему огромный организмъ всего человѣчества, въ которомъ его личная жизнь составляетъ безконечно малую клѣточку; разумѣется, если мы примемъ въ расчетъ численность всѣхъ слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній, а не только исчисляемъ населеніе земного шара по современнымъ переписямъ. Вовсе

не та или другая стадія личного и коллективнаго существованія доставляетъ счастье. Оно дается сознаниемъ, что идешь къ опредѣленной цѣли, къ цѣли желанной, созданной отчасти нашей собственной волей.

Научиться использовать разумно блага материковъ, морей и атмосферы, которыя насъ окружаютъ, «воздѣлывать нашъ садъ» на землѣ, гдѣ мы живемъ, заново распланировать и урегулировать всѣ условія, чтобы содѣйствовать индивидуальной жизни каждаго растенія, животнаго и человѣка, укрѣпить окончательно въ нашемъ сознаниіи идею о солидарности человѣчества, составляющаго одно тѣло съ самой нашей планетой, окинуть взоромъ наше прошедшее, наше настоящее и наше ближайшее будущее, нашъ идеалъ, витающій вдали,—вотъ въ чемъ состоитъ прогрессъ.

Въ полномъ сознаниіи своей правоты мы можемъ отвѣтить на вопросъ, который зарождается у каждаго человѣка въ тайникахъ его души: да, мы прогрессировали съ того дня, какъ наши предки вышли изъ первобытныхъ пещеръ, въ теченіе тѣхъ тысячелѣтій, которыя составляютъ лишь короткій періодъ въ сознательной жизни человѣчества!

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Авторъ книги «Человѣкъ и Земля» умеръ 5-го іюля 1905 г. Рукопись, надъ которою авторъ работалъ безъ спѣха, безъ устали въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, была совершенно закончена весною 1904 года. Такимъ образомъ, Элизе Реклю имѣлъ возможность сдѣлать къ ней многочисленныя дополненія; онъ испытывалъ радость обсуждать выборъ иллюстрацій вмѣстѣ съ Франсуа Купка, который послѣдній приготавливалъ для его книги; онъ позаботился о томъ, чтобы люди, окружавшіе его, могли продолжать работу по изданію. По мѣрѣ выхода въ свѣтъ выпусковъ,—первый изъ нихъ вышелъ 15 апрѣля 1905 года,—онъ имѣлъ возможность внести нѣкоторыя измѣненія въ первоначальный текстъ.

Элизе Реклю отнюдь не заблуждался насчетъ недостатковъ своего труда, въ которомъ онъ хотѣлъ объединить свои воззрѣнія, какъ ученаго и какъ анархиста, развитыя идеи, изложенныя въ его книгѣ «Эволюція и Революція» («Evolution et Révolution»), и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, представилъ бы послѣднюю главу къ его «Новой Всемирной Географіи». Довѣріе его къ своимъ сотрудникамъ было настолько велико, что онъ просилъ ихъ не держаться буквы рукописи; онъ просилъ ихъ даже кореннымъ образомъ передѣлать нѣкоторыя главы, которыя его не удовлетворяли. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи его воля не была исполнена: публикуемый текстъ вполне соответствуетъ тексту собственноручной рукописи автора; однако, были приняты во вниманіе, поскольку это было возможно, замѣтки, сдѣланныя рукою автора на поляхъ; имѣя передъ собою первоначальный набросокъ текста, отдѣльныя части котораго не всегда гладко вязались между собою, издатели старались не упустить изъ виду уваженія, которымъ они обязаны по отношенію къ читателю такъ же, какъ и по отношенію къ автору.

Элизе Реклю составилъ списокъ отъ семи- до восьмисотъ картъ, воспроизведеніе коихъ было передано въ надежныя руки его друга

Pigres

3462

l'oligarchie de la démocratie, non de tel ou
tel type exceptionnel, parmi les Européens,
mais sur des groupes pris au hasard,
représentant le type moyen des nations
d'Europe. Ainsi il y a, à ce point de
vue, régression générale, par le fait de
notre dénaturation des hommes et de
notre costume absurde, empêchant la
transpiration cutanée, l'action de l'air
et de la lumière sur la peau, le libre
développement des muscles, du ventre, des
tortues, et trop même par brodequins
et corsets. Vouloir de nous même nous
priver de la régression, n'est pas
définir et nous appel, car sans de nos
jeunes gens qui se sont élevés en de
bonnes conditions d'hygiène modérée,
physiques se développent en force et en force
comme les plus beaux des sauvages, et en
même temps la supériorité que leur donne
la conscience en eux-mêmes et le prestige
de la culture. Grâce aux acquisitions
du passé que le modernisme acquies rapidement
et méthodiquement par l'instruction, il
cessera à vivre plus longtemps que le

Progrès

3470

et que l'on crée patrillement par sa
volonté. Aménager le continent, par le mer,
et l'atmosphère qui nous entoure, cultiver
notre jardin, remettre distribuer à nouveau sa
région, aménager pour favoriser chaque vie
individuelle de plante, d'animal ou d'homme
prendre définitivement conscience de notre
fraternité solidaire, faire corps avec la
planète elle-même, embrasser du regard
nos origines, notre fin, notre but, rapprocher
notre idéal bristien, c'est en cela que consiste
le progrès.

C'est tout en toute confiance que nous
pouvons répondre à la question qui surgit en
chaque bon cœur dans la seconde loi de la
vie nous avons progressé depuis le jour où
nos ancêtres sortirent de cavernes, nous avons
pendant les quelques milliers d'années que
constitue la courte période consciente de
notre vie.

Патессона. Изъ числа этихъ картографическихъ документовъ, которые должны были сопровождать текстъ такимъ образомъ, чтобы каждое упоминаемое въ текстѣ географическое названіе можно было найти на картѣ,—нѣкоторые оказались слишкомъ трудными для выполненія въ столь короткій промежутокъ времени, какой находился въ нашемъ распоряженіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта сторона сочиненія вышла бы значительно интереснѣе, если бы самъ авторъ руководилъ изданіемъ. Что же касается иллюстрацій, то въ этомъ отношеніи намъ не было оставлено никакихъ указаній.

Элизе Реклю умѣлъ сказать ласковое слово каждому изъ своихъ сотрудниковъ, художниковъ и картографовъ, корректоровъ и метранпажей,—всѣмъ тѣмъ, кто регулярно или спорадически, изъ расположенія къ автору или изъ симпатіи къ его трудамъ, помогали ему при просмотрѣ корректуръ; но большинство изъ этихъ лицъ не претендуетъ на публичное выраженіе за то благодарности. Эта замѣтка подписана только затѣмъ, чтобы принять отвѣтственность за промахи и ошибки, встречающіеся въ книгѣ «Человѣкъ и Земля», на которые любезные читатели соблаговолятъ, мы надѣемся, обратить вниманіе издателя.

Поль Реклю.

Географическій Институтъ.
Брюссель, 15 сентября 1908 года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

географических и исторических названий и именъ
цитированных въ текстѣ авторовъ.

Названія племенъ и народностей отмѣчены жирнымъ шрифтомъ; цифры обозначаютъ страницы; *курсивомъ* набраны страницы, на которыхъ данное названіе находится на картѣ, помѣщенной въ текстѣ.

А

Аббевиль, Клодъ д'—510.	Адуръ—181.	Амазонка, р.—120, 121, 124, 125, 127, 137, 248.
Аббиттбби—25.	Азинкуръ—5.	Амбонна—39.
Абиссинія—50, 175, 222.	Азіатская Россія—139.	Амбрицъ—239.
Абиссинцы—50.	Азія—13, 29, 126, 142, 174, 245, 260, 292, 370, 391, 398, 404, 407, 466.	Америка—12, 13, 29, 83, 96, 107, 111, 112, 122, 132, 142, 153, 169, 214, 228, 232, 245, 248, 268, 290, 302, 305, 306, 349, 370, 404, 415, 462, 466, 511, 531.
Абруцца—443.	Азія Малая—293.	Америка Сѣверная — 29, 79, 91, 228, 231, 238, 250, 253, 346, 395.
Абу-Гамедъ—49.	Азія Средняя—293, 353, 400, 503.	Америка Центральная — 116, 118, 270, 304.
Аваи-ки—138.	Азорскіе остр.—137.	Америка Южная — 118, 121, 122, 125, 126, 128, 132, 220, 222, 239, 514.
Аванки-раро—138.	Азунъ—181.	Американская республ.—88.
Аваи-ки-рунга—138.	Айдахо—235.	Американцы—2, 15, 171, 180.
Аванки-тау-тау—138.	Аймары—132.	Амритзаръ—51, 54.
Авердинъ—451.	Айръ рив.—313.	Амстердамъ—355, 451.
Авиньонъ—277.	Акапулько—341.	Анагуакъ—126.
Авраамъ—413.	Акарой, Т.—127.	Ангелина, р.—100.
Австралазія—21, 26, 31, 44, 391.	Аколла, Эмилъ—532.	Англичане—2, 4, 5, 6, 13, 18, 20, 24, 27, 28, 30, 44, 45, 47, 50, 53, 58, 61, 62, 70, 71, 108, 111, 125, 163, 168, 171, 271, 394, 535.
Австралазіійскія колоніи—35.	Аконкагуа—540.	Англійская Индія—13.
Австраліійскія республ.—134.	Алабама—91, 99, 103, 340.	Англія—1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 16, 20, 21, 22, 24, 26, 28, 29, 30, 32, 40, 42, 44, 47, 50, 61, 62, 66, 70, 80, 88, 100, 120, 134, 158, 169, 174, 180, 199, 208, 229, 242, 248, 249, 260, 264, 300, 311, 312, 323, 324, 325, 328, 331, 372,
Австраліійская колоніи—32.	Албапп—89.	
Австралийцы—37, 137.	Албанцы—117.	
Австрія—13, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 42, 43, 77, 96, 139, 160, 175, 234, 238, 270, 272, 305, 306.	Алгонкины—96.	
Австрія, Зап.—31, 35, 37.	Алеутскіе остр.—139, 229.	
Австрія, Южная—33, 35.	Алеуты—512, 513.	
Австрійцы—168, 171.	Алжирія—175, 226, 302, 360, 402.	
Австрія—199.	Алжиръ—201, 214, 331, 354, 360, 477.	
Австро-Венгрія—443.	Аллабадъ—51.	
Авуа—64.	Аллеганскій хреб.—88, 232.	
Агра—51, 54, 57.	Аллегени—82.	
Аджмава—203, 405.	Альберта, Штатъ—82.	
Аделаида—31, 33, 35, 37.	Альбіонъ—8.	
Адень—30, 48, 50.	Альгоа, бухта—27.	
Адирондакскія горы—238.	Альпы—260, 328, 353, 411, 539.	
Адріатика—353.	Альпы Верхніе—271.	
	Альпы Приморскіе—443.	
	Альтринхемъ—312.	
	Аляска—80, 93, 111, 139, 229.	

374, 388, 390, 401, 415, 454, 455, 462, 434.
 Англо-саксы—37, 79, 163, 195, 464.
 Андалузія—272.
 Андаманское море—75.
 Андорра—181.
 Андорская республика—181.
 Андрей Везалий—491.
 Анды—118, 133, 221, 248, 347, 353, 397, 539.
 Анжеръ—379, 412, 451.
 Аннамиты—388.
 Аннамъ—74, 391.
 Антарктида—139.
 Антигуа, о.—270.
 Антверпенъ—362, 367, 487.
 Антикости—268.
 Антильскіе остр. М.—112, 115, 269, 270, 304, 397.
 Антоній Падунскій, св.—492.
 Антофогаста—122, 127.
 Аппалачингола, р.—103.
 Апемамъ, остр.—194, 197.
 Апеннинскій полуостр.—443.
 Апіа—148, 271.
 Аполлина, о.—271.
 Аполина, прол.—271.
 Аполобамба—130.
 Аппалачскій хребетъ—99, 100.
 Апулія—443.
 Арабы—260.
 Аравійскій полуостр.—373.
 Аравійское море—51.
 Аравія—70, 353, 391.
 Арагва—521.
 Арагвай—121, 127.
 Арагонъ—181.
 Араканъ—51, 62.
 Араканцы—128.
 Арафурское море—37, 39.
 Аргентина—21, 118, 121, 124, 128, 130, 175, 306, 328.
 Аргентинская республ.—120, 324, 381.
 Аргентицы—118.
 Арденны—262, 263, 264, 412.
 Аристотель—436, 460.
 Аріежъ—181.
 Арійцы—72, 74, 292.
 Арканзасъ—91, 100, 103, 110, 341.
 Арль—277.
 Армения—163, 523.

Армяне—375.
 Арранъ, остр.—261.
 Артуръ, рѣка—87.
 Артуръ Сити—267.
 Архимедъ—503.
 Асока—56.
 Аспа, долина—181.
 Ассамъ—58, 249.
 Ассинибойя—82.
 Ассуанъ—48, 49.
 Асунсьонъ—121, 127.
 Атланта—82, 91.
 Атлантическій океанъ—26, 32, 83, 84, 87, 89, 90, 94, 95, 108, 132, 134, 203, 211, 232, 402.
 Атлантическ. побережье—84, 94, 96.
 Аtrato—118, 119.
 Ауклендъ—31, 35, 42.
 Афганистанъ—51, 245, 400.
 Африка—13, 26, 28, 29, 50, 70, 97, 105, 125, 222, 223, 224, 236, 238, 239, 245, 331, 353, 360, 373, 391, 393, 395, 397, 398, 404, 466, 523.
 Африка, Центральная—203.
 Африка, Южная—27, 28.
 Африкандеры—28.
 Африканцы—469.
 Ахмадабадъ—51.
 Ашанти—203.
 Аштонъ—313.
 Аэты—510, 511.
 Аюны—179, 537.

Б

Багалпуръ—58.
 Багамоио—240.
 Багамскіе остр.—119, 226.
 Баденъ—272.
 Базель—355, 451.
 Базель—201.
 Базиликата—443.
 Байонна—509.
 Байронъ—484, 523.
 Бакель—449.
 Бактріана—182, 292.
 Баламетская долина—181.
 Балзанъ—181.
 Бали—38.
 Балиецъ—529.
 Балканскій полуостр.—400, 443.

Баллонга—181.
 Балтика—353.
 Балтимора—82, 86, 89.
 Батуба—203.
 Бальма, Жанъ—539.
 Бама—405.
 Бангалоръ—51.
 Бангвеоло—393.
 Банда, море—39.
 Банджеръ-мазинъ—38.
 Баніаны—70.
 Баоларатъ—33.
 Варбадосъ—270.
 Варбуда—269, 270.
 Барейжъ—181.
 Барелл—51.
 Барменъ—317.
 Барода—51.
 Барранквилла—121, 125.
 Барселона—367.
 Бартоломью, Ж.—356.
 Баръ-эль-Газаль—49.
 Баръ-эль-Джебелъ—49.
 Барьерный рифъ—31.
 Баски—122, 181, 266.
 Бассовъ проливъ—33.
 Васутолендъ—27.
 Бассъ Рокъ—11.
 Батавія—38.
 Батадама—405.
 Батсуригенъ—181.
 Баффье, Жанъ—493, 495.
 Бахія-Бланка—121, 125.
 Безансонъ—451.
 Беконскій Лѣсъ—379.
 Бекстонъ—313.
 Велиза—119.
 Белленъ—165.
 Болло-Оризонте—332.
 Бельгийцы—171.
 Бельгія—248, 272, 300, 323, 363, 451, 505.
 Бенаресъ—51.
 Бенгалия—52, 58, 260.
 Бенгалъ—52.
 Бенгальскій зал.—51.
 Бенгальцы—72.
 Бенинъ—203.
 Бенуэ—203, 239, 405.
 Верардъ, Викторъ—380.
 Вербера—51.
 Верберское плоскогоріе—276.
 Бергъ, фонъ—251.
 Бери—313.
 Берингово море—228.
 Беринговъ проливъ—81.
 Берклей—313.
 Берлинъ—451.
 Берислей—313.

- Бернъ—275, 451.
 Бертело—296.
 Бетмальская долина—181.
 Бечуаны—7, 27.
 Бигъ-Хорнъ, р.—235.
 Бильбао—275.
 Вирара, остр.—153.
 Биркенгэдъ—312.
 Бирма—74, 75.
 Бирманы—74, 408.
 Бирмингамъ—328, 329, 346, 451.
 Биръ, р.—235.
 Бисбей—341.
 Бискра—297.
 Висмарка остр.—31, 139, 153.
 Висмаркъ—341.
 Віаръ Люсьенъ—396.
 Віафо—537.
 Влакп—186.
 Вланширъ 393.
 Вланъ, Мишель—481.
 Влемфонтенъ—27.
 Вленгеймъ—153.
 Влэкборнъ—312.
 Влэкпуль—312.
 Влэкфордъ—267.
 Богдановъ-Бѣльскій—457.
 Богота—121.
 Бокеръ—358.
 Бокъ—514.
 Болгары—161.
 Боливія—130, 132, 248.
 Болонья—443, 451.
 Болътонъ—312.
 Бома—245, 331.
 Бомбалло—33.
 Бомбей—51, 56, 63, 67, 70.
 Бомъ—277.
 Боннъ—451.
 Бора-Бора—166.
 Бордо—355, 451, 509.
 Борнео—13, 38, 245, 514.
 Босняки—111.
 Боссюэ—206.
 Востонъ—25, 82, 84, 85, 89, 367, 456, 459, 461.
 Ботани Бей—33.
 Ботнический зал.—327.
 Бохумъ—317.
 Брабантъ—290.
 Бразилія—120, 124, 126, 130, 132, 133, 227, 245, 248, 250, 397, 427, 530.
 Бразильцы—118, 530.
 Бразось—103.
 Брайтонъ—509.
 Брамапутра—58, 62.
 Брестъ—76, 355.
 Бретань—132, 286, 287, 294, 328, 411, 487.
 Брикхаусъ—313.
 Бриджпортъ—89.
 Брисбенъ—31, 35.
 Бристоль—298, 355.
 Британія—13.
 Британская Колумбія—21.
 Британскіе острова—1, 12, 40, 46, 502.
 Британскій Гондугасъ—270.
 Британцы—6.
 Бриудъ—118.
 Бруклинскій мостъ—81.
 Бруклинъ—81, 86, 87, 459.
 Брэдфордъ—313.
 Брюгели—290.
 Брюссель—241, 275, 355, 410, 451, 482, 483, 509.
 Бугэнвилль—146, 153, 165, 510.
 Будда—426.
 Буддисты—408.
 Бурдари—224.
 Бурневиль—346.
 Бурская война—7.
 Буру—39.
 Буры—5, 6, 28.
 Бураты—364.
 Бутанъ—51, 58.
 Бутбей—228.
 Бутми—109.
 Буффало—25, 90.
 Буте, Франсуа—287.
 Бушмены—505.
 Буэносъ-Айресъ—118, 121, 122, 124, 125, 131, 132.
 Гэкеръ—318.
 Вэконъ—460.
 Бюлленъ—158.
 Бѣловѣжская Пуща—232.
 Ваадтъ—262.
 Вааль—7, 27.
 Вабасъ—95.
 Вавао—159.
 Вазъ, Фернандо—224.
 Вайкато—41.
 Вайомингъ—235.
 Вайръ р.—312.
 Вако—528.
 Вантуну—149.
 Валлисъ—262.
 Валлійцы—252, 263.
 Вальдивія—121, 125, 128.
 Вальпарайзо—121, 125, 132.
 Вамбери—352, 403.
 Ванналеву—148.
 Ванту—277.
 Ванъ-Тюльденъ, Теодоръ—286.
 Ванъ Ринздоръ—27.
 Ванъ-Эйкъ, Губертъ—482.
 Ванъ-Эйкъ, Янъ—483.
 Варрендеръ-Паркъ—267.
 Варрингтонъ—312.
 Ватерлоо—6.
 Ватеръ-офъ-Лейтъ—267.
 Вау-Вау—158, 165.
 Вашингтонъ—6, 82, 86, 88, 89.
 Великіе Моголы—53, 57.
 Великія озера—84, 90.
 Великій океанъ—133, 141.
 Великобританія—2, 8, 9, 12, 13, 18, 20, 21, 23, 26, 29, 32, 42, 46, 48, 77, 120, 197, 227, 249, 261, 270, 280, 282, 283, 363, 395, 406, 410, 505.
 Великороссія—260, 282.
 Веллеронъ—277.
 Веллингтонъ—6, 24, 30, 42.
 Венгрія—253, 370.
 Венгры—112.
 Венеція—443.
 Венецуэла—120, 227, 228.
 Вениаминъ—512.
 Вера-Круцъ—341.
 Верещагинъ—403.
 Вермею—121, 127.
 Вермонтъ—89.
 Версаль—496.
 Верхнее, оз.—25, 90, 91, 95, 365.
 Верхній зал.—87.
 Верхняя Капада—2.
 Вестминстеръ—26.
 Вестфалія—37, 251.
 Виверъ—312.
 Виганъ—312.
 Византія—424.
 Виктория—371, 393.
 Виктория, императрица—6, 27.
 Виктория, штатъ (въ Австраліи)—31, 33, 34, 35, 36.
 Викторія-Нанца—49, 50, 203, 393.
 Вильмингтонъ—86.
 Вильсонъ 73.
 Вильсонъ-Промонтори М.—33.
 Винперъ—539.
 Винландъ—380.
 Виргинія—89.

- Виргинія-Сити—341.
 Вирховъ—428.
 Висконсинъ—95.
 Вити-леву—148, 153, 158.
 Витъ—103.
 Вобанъ—289.
 Воюка—102.
 Вогу—313.
 Вознесенія, остр. — 137, 331.
 Воклюзъ—277.
 Волга—361, 375.
 Вороновъ резервъ—235.
 Ворчестеръ—89.
 Востокъ—74, 192, 253, 282, 283, 353, 375, 402.
 Востокъ Дальній—362, 395, 520.
 Востокъ Крайній—514.
 Восходящаго Солнца имперія—324.
 Вупперъ—317.
 Вустеръ—321.
 Вэкфильдъ—313.
 Вюрцбургъ—451.
 Вѣна—410.
- Г
- Гаагина—166.
 Гаваи-и—138, 152.
 Гавай-ки—133, 141.
 Гавайи—111, 139, 147, 153, 160.
 Гавайскіе остр.—138, 143, 146.
 Гавайскій архип.—80, 142.
 Гавръ—193, 200, 355, 367, 509.
 Гавъ По—181.
 Гаггаръ—54.
 Газневидъ—484.
 Гайдарабадъ—51.
 Гайнанъ—76.
 Гаити—65, 106, 112, 186, 189.
 Гакензакъ—87.
 Гакстаузенъ—257.
 Галилея—380.
 Галле—451.
 Галмагера—39.
 Галифаксъ—28, 313.
 Галлего—181.
 Галлія—394.
 Галлы—117, 282.
 Гамбургъ—355, 362, 367, 470.
 Гамергу—405.
 Гампденъ—97.
 Гангскій полуостр.—63.
 Гангъ—54, 56, 58, 526.
 Гандриа—261.
 Ганеша, богъ мудрости—223.
 Ганнибалъ—223.
 Ганноверъ—27, 251, 355.
 Гапаа, долина—160.
 Гарднеръ—147.
 Гаренъ—317.
 Гарибальди—523.
 Гаронна, р.—181, 509.
 Гарро—234.
 Гартманнъ—222.
 Гартокъ—58.
 Гартфордъ—89.
 Гаруа—405.
 Гаръ—277.
 Гатами—61.
 Гатилеу—483.
 Гаураки, М.—41.
 Гаусса—398.
 Гаустонъ—341.
 Гвадалахары—341.
 Гвадалаяръ—100.
 Гвавра—125.
 Гвалегвай, р.—131.
 Гватемала—119, 162.
 Гванквилла—125.
 Гвинейя—132, 404.
 Гвіана—13, 120, 370.
 Гейдельбергъ—451.
 Геккель—428.
 Геккеръ—112.
 Гельвенія—7.
 Гельзонкпрхень—317.
 Генрихъ II—311.
 Генрихъ VIII—264.
 Гентъ—451.
 Генуя—183, 367, 443, 451.
 Георгія, оз.—25.
 Георгія, штатъ—82, 99, 110, 228, 340.
 Гербертсгёе—154.
 Германія—9, 12, 13, 32, 40, 77, 120, 134, 175, 208, 228, 251, 264, 270, 271, 272, 310, 311, 324, 325, 362, 363, 456, 462, 505, 520, 527.
 Германцы—163, 282, 464.
 Гернси—270, 300.
 Геронъ Утеръ—228.
 Герценъ—523.
 Гете—528.
 Гиббонъ—502, 506.
 Гибралтаръ—47, 367.
 Гималаи—53, 57, 58, 260, 539.
 Гиндукуишъ—52.
 Гирагоа—149.
 Гиссенъ—451.
 Гистана долина—181.
 Гититы—524.
 Гитъ, Ричардъ—289.
 Гламорганъ—283.
 Гласго—367, 451.
 Гленкое—7.
 Гоа—51.
 Гобартъ Тоунъ—35.
 Гобокенъ—86, 89.
 Говъ, М.—33.
 Годаверн—63.
 Гоей-Чей—371.
 Гойацъ—121, 126.
 Голирудъ—267.
 Голіокъ—89.
 Голландія—134, 372, 447, 462, 505.
 Голландцы—111, 171.
 Голштинія—251.
 Гомеръ—244.
 Гонгъ-Конгъ—48, 367, 371.
 Гондурасъ—119.
 Гонулулу—138, 147.
 Горджи—267.
 Гордонъ—162.
 Горей—295.
 Горне—148.
 Готтентоты—27, 236.
 Гоуки, зал.—41.
 Гоурахъ—51.
 Граафъ Рейнеть—27.
 Графъ Горню—323.
 Грампіанскія горы—10.
 Грангемутъ—10, 11.
 Грандъ-Ранидсъ—95.
 Грантонъ—267.
 Гранъ-Чако—127.
 Гратиола—161.
 Грахамстоунъ—27.
 Греки—111, 117, 423, 534.
 Гренада—115.
 Гренландія—234.
 Гренобль—451.
 Греція—117, 120, 168, 169, 186, 503, 520, 523.
 Гривалэндъ—27.
 Гринокъ—10.
 Гро, докторъ—166.
 Гронингенъ—451.
 Гроссе—305.
 Гроссъ—433.
 Грангмутъ—10.
 Гуамъ—80.
 Гуанхи—163.
 Гуанъ—138.
 Гуарани—130.
 Гугенинъ—166.
 Гуденоу, адмиралъ—155.
 Гуджератъ—70.

Гудзонъ—25.
Гудисба—405.
Гудсоновъ зал.—84.
Гудсонъ, голландецъ—85.
Гулль—367.
Гумбольдъ—304, 460.
Гумпловичъ, Людвигъ—169.
Гуронъ, оз.—25, 90, 95, 365.
Гьянгъ-Гце—58.
Гуйо—507.

Д

Давантайкъ—181.
Дагоме—203.
Даяки—514.
Дакаръ—331.
Далжетти—33.
Далласъ—341.
Далматинцы—111.
Дальний Востокъ—74, 76.
Данай—65.
Дания—281.
Дарвинъ—73, 109, 236, 246, 416, 428.
Дарджилингъ—58, 62.
Дариенскій зал.—119.
Дарионъ—119.
Дарлингъ—33.
Даръ-эсъ-Саламъ—393.
Даусонъ, гора—525.
Деканъ—69.
Декартъ—460.
Дейтонъ—95.
Декаръ—137.
Декка—405.
Денверъ—341.
Дергамъ—451.
Десъ-Мойнесъ—95, 341.
Детройтъ—95.
Делаварскій зал.—380.
Делаваръ—89, 304.
Делагоа—331.
Дели—51, 54, 56, 57.
Дель-Нортъ, Гр. рѣка—91.
Дембартовъ—10.
Деметра—68.
Демолентъ—195.
Денверъ—82, 94.
Денди—11, 451.
Денэвъ—342.
Детроа—90.
Джайны—72.
Джайпуръ—51, 54.
Джамна—54, 57, 61, 526.
Джеда—469.

Джемса, зал.—25.
Джемсъ, р.—88, 232.
Джемсонъ—3.
Джерба—244.
Джерси—270, 295, 300.
Джерси-сити—82, 86, 87, 89.
Джибути—50.
Джилбертовы остр.—31.
Джонкерстъ—87.
Джонстонъ, остр.—147.
Джоржтоунъ—121, 125.
Джуръ-Джуръ—276.
Джонъ—451.
Дизраэли—6.
Дименъ фант, М.—41.
Дивъръ—375.
Доброй Надежды, мысъ—27, 226.
Доминионъ—180.
Донбаръ—11.
Донъ, р. (Англія)—313.
Донъ, р. (Россія)—375.
Дордонъ—487.
Дортмундъ—317.
Дравиды—72.
Дружбы, архип.—165.
Дувръ—367.
Дугласъ—312.
Дунсбургъ—317.
Дулутъ—90, 95, 341.
Дунай, р.—137, 258.
Дувонинъ—153.
Дунфельмъ—11.
Дуранго—341.
Дурбанъ—7, 30, 331.
Дузъ—410.
Дьюсбернъ—313.
Дэнди—535.
Дювейрье—398.
Дюкенъ—92.
Дюмонъ, Арсенъ—15.
Дюнарке—179.
Дюрансъ—277.
Дюссельдорфъ—317.

Е

Евбея—328.
Евре—298.
Евреи—70, 108, 111, 144, 370, 372, 373, 376, 378, 470.
Европа—12, 21, 31, 36, 56, 68, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 80, 83, 86, 96, 108, 112, 117, 121, 124, 132, 134, 146, 160, 163, 168, 177, 178, 199, 248, 249, 252, 260, 264, 298, 299, 300,

302, 305, 306, 333, 352, 361, 370, 375, 378, 394, 404, 448, 453, 466, 468, 469, 488, 489, 511, 539.
Европа, Западная—260, 263, 311, 332, 352, 367, 424, 451.
Евфратъ—163, 293, 331.
Египетъ—13, 47, 48, 50, 176, 192, 296.
Египтяне—222, 525.
Елена—341.
Елизабетъ—86, 87, 89.

Ж

Жалэ—412.
Женева—90, 443, 451, 467, 509.
Женевское озеро—467.
Желѣзный канцлеръ—523.
Жилбертовы остр.—146, 152, 153, 162, 194.
Жипстэпъ—181.
Жюлиетъ—268.
Жонкьеръ—277.
Жуанъ Фернандесъ—133.
Жуицъ де Фора—332.

З

Замбези—13, 28, 203, 239, 331, 393.
Замеягофъ—466.
Занзибаръ—331, 393.
Западъ—74, 282, 283, 375, 400, 404, 403, 464.
Западъ, Дальній—97, 232, 237.
Запотекы—115.
Зеленаго Мыса, остр.—137.
Зола—291.
Зоргъ—277.
Зулусы—296.

И

Иберы—163.
Ибнъ-Батутъ—63.
Игольный, мысъ—27.
Игорроты—281.
Изль—277.
Израиль—376.
Иквикве—121, 122, 125, 127.

Иллинойс—90, 91, 95, 108, 111, 253, 349, 360.
 Индианополис—82, 95.
 Индианы, штат—92.
 Индійскій океанъ—37, 38, 240, 404.
 Индія—2, 6, 13, 21, 47, 51, 52, 53, 55, 57, 62, 63, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 96, 140, 192, 203, 222, 248, 249, 253, 260, 300, 302, 303, 304, 326, 391, 395, 397, 406, 407, 469, 526.
 Индо-Китай—74, 76, 395.
 Индонезія—38, 70, 138, 142, 245.
 Индостанъ 47, 51, 56, 57, 61, 70, 76.
 Индра—245.
 Индусы—27, 53, 66, 76, 302, 535.
 Индъ—56, 58.
 Индѣйцы 114, 124, 127, 130, 133, 228, 233, 268, 417.
 Инеса Суарецъ—128.
 Инокентій, архіепископъ—512.
 Инсбрукъ—451.
 Интернаціональ—22.
 Ирауда—62.
 Ирвелль—312.
 Иркутскъ—351.
 Ирландія—16, 22, 23, 24, 26, 29, 197, 270, 271, 505.
 Ирландцы—24, 106, 110, 111.
 Ирунъ—355.
 Исаакъ—413.
 Исламъ—69, 375, 398, 400, 401, 402, 404, 405.
 Исландцы—282.
 Испанія—115, 116, 122, 169, 186, 325, 362, 390, 447.
 Испанцы—111, 113, 114, 122, 125, 128, 163.
 Иствъ-Лондонъ—27.
 Иствъ-Риверъ—87.
 Италія—50, 117, 120, 208, 310, 390, 401, 451, 462, 505.
 Итальянцы—108, 109, 110, 111, 122, 125, 168, 171.

I

Иассерамъ—405.
 Йеллоустонъ, р.—235.

Йеллоустонскій паркъ—235, 237.
 Йена—451.
 Йерусалимъ—378, 403.
 Йи-юки—327.
 Исуса, общество—2.
 Исусъ—426.
 Исусъ Навинъ—413.
 Йова, рѣка—95.
 Йоганнесбургъ—6, 7, 27, 343.
 Йокатама—76.
 Йокеръ—10.
 Йола—405.
 Йонкерсъ—89.
 Йорданъ—380, 399.
 Йоркскій полуостр.—37.
 Йоркширъ—283, 313.
 Йосифъ Вонапартъ—176.
 Юдея—378.

K

Кааба—402.
 Кавальонъ—277.
 Кавказъ—233, 273, 403.
 Казбекъ—521.
 Каиръ—92, 331.
 Кайруанъ—294.
 Калабрія—443.
 Калаіюки—327.
 Калахарская пустыня—305.
 Каледонія—162.
 Каледонъ—7.
 Калинги—72.
 Калифорнія—101, 111, 229, 306, 372.
 Каллао—121, 125.
 Калчаквисы—130.
 Кальдеронъ—484.
 Калькутта—51, 56, 76.
 Камаре—277.
 Камбоджа—74.
 Камбоджійцы—74.
 Камерунъ—47, 224, 398, 504.
 Кампанья—443.
 Канава, р.—103.
 Канада—13, 21, 25, 26, 27, 28, 32, 80, 81, 97, 98, 139, 175, 180, 193, 228, 232, 233, 250, 273, 328, 391, 395.
 Канадская рѣка—91, 103.
 Канарскіе остр.—137, 163.
 Кандава—148.

Кавзасъ—82, 91, 94.
 Кавзасъ-Сити—94, 341.
 Кантонъ—371.
 Канфранкъ—181.
 Канъ—451.
 Канъ-су—398.
 Капская земля—7, 391.
 Капская колонія—13, 27, 30, 32, 35, 180.
 Капштадтъ—27, 30.
 Капъ—2, 27, 28, 331.
 Караибское море—119.
 Каракорумъ—537.
 Кардифъ—271, 367.
 Карлъ Великій—487.
 Карлъ IX—530.
 Карнакъ—411.
 Каролина, штатъ—99, 100, 250.
 Каролинскіе остр.—39, 139, 150, 153.
 Каролинскій архип.—142.
 Карпантра, каналъ—277.
 Карпаты—257, 353.
 Карпонтарія, зал.—39.
 Картагена—118, 119, 121, 125, 297.
 Картонъ—294.
 Кароагентъ—294.
 Кассан—203, 239.
 Кассонго—203.
 Кастеллубонъ—181.
 Касторія—380.
 Катамба, р.—103.
 Катанга—203.
 Катанья—443.
 Катрфажъ Де—140.
 Каттакъ—65.
 Катринъ, оз.—10.
 Кауай—147.
 Кауппуръ—51.
 Кашмиръ—537.
 Кафры—28, 29, 343.
 Капики—128.
 Квалла—100.
 Квебекъ—25, 82.
 Квинслэндъ—31, 35.
 Квиго—121.
 Квичуа—132.
 Квіяба—121, 125, 127.
 Квоитъ сангъ—102.
 Кейглей—313.
 Кеисан Китао Массайо-ши—485.
 Кольнъ—275, 355.
 Кельты—163.
 Кимберлей—343.
 Кембриджъ—451, 459, 461.
 Кеми—327.
 Кенгуру, остр.—33.
 Кентукки—82, 92, 238.

Кербела—403, 469.
 Кестеръ, Фортъ—235.
 Кетъ—398.
 Килманджаро—540.
 Киль—451.
 Кимберлей—7, 27.
 Кинчиджинга—58.
 Кингъ Вилльямстоунъ—27.
 Кипръ—273.
 Киркалди—11.
 Киркипидиохъ—10.
 Китай—9, 62, 76, 96, 168, 178, 190, 216, 228, 249, 254, 274, 282, 283, 302, 304, 306, 326, 372, 391, 395, 397, 408, 526.
 Китайцы—27, 37, 40, 171, 260, 282, 388, 407.
 Кюван—99.
 Кюфъ, фортъ—235.
 Кіягога—90.
 Клейдскій зал.—10.
 Клейдъ—10, 11, 12.
 Клемансо—240.
 Клермонъ—451.
 Кливландъ—25, 82, 90.
 Клюта, р.—153.
 Кобденъ—32.
 Кодокъ—50.
 Колензо—7.
 Колесбергъ—7.
 Коломбо—30, 48, 91.
 Колонъ—121, 125.
 Колорадо—103, 121, 341.
 Колумбійцы—118.
 Колумбія—82, 95, 118, 119, 131, 249, 250, 341.
 Колумбія, Британская—525.
 Кольбрукъ—74.
 Кольвъ—313.
 Коммуна—22.
 Коморинъ—53, 404.
 Конакри—137.
 Конго—175, 203, 207, 224, 239, 245, 248, 331, 366, 392, 393, 394, 404.
 Конгуэй—540.
 Кондорс—532.
 Конкордія—131.
 Коннектикутъ—25, 89, 111.
 Консепсионъ—131.
 Константинополь—367.
 Контъ—427.
 Копенгагенъ—451.
 Коперникъ—416.
 Копіапо—127.
 Корапъ—69.
 Корковадо—134, 135.
 Корнуэльс—9.

Коро—497.
 Короскс—49.
 Корсика—268, 443.
 Коста-Рика—119.
 Костошко, гор.—33.
 Котере—181.
 Кошутъ—523.
 Кра, городъ—75.
 Кра, перешеекъ—75, 76.
 Красная, р.—341.
 Красное море—222.
 Креси—5.
 Крефельдъ—317.
 Кристмасъ, ос.—38.
 Кристчорчъ—153.
 Брифъ—10, 11.
 Круксъ—298.
 Ксингу—121.
 Куба—82, 112, 119.
 Кумъ—403.
 Кунене—179, 203, 239.
 Кука, г.—153.
 Кука, прол.—41, 153.
 Куки—41, 146, 165, 510.
 Кулебра—119.
 Кумберлендъ—103.
 Кунсиль-Влефъ—94.
 Купврс—444.
 Курачи—51.
 Курильскіе остр.—139.
 Кэблъ, Георгъ, В.—107.
 Кэмбденъ—89.
 Кэмбриджъ—89.
 Кэнтербери—15.

Л

Ла-Гваира—121, 125.
 Ла-Пацъ—121, 127.
 Ла-Плата—122, 124, 125, 131.
 Ла-Рошель—211, 332.
 Лабрюеръ—289.
 Лаведанъ—181.
 Лагоръ—51, 54, 56.
 Лагось—137.
 Ламаркъ—109, 416.
 Ламмермуръ—11.
 Ламотрскъ—142.
 Ланаркъ—10, 11.
 Ланкаширъ—283, 313.
 Лао-тзе—109.
 Лапландцы—113.
 Лапласъ—109.
 Леберонъ—277.
 Ледовитый океанъ—159.
 Лейденъ—451.
 Лейпцигъ—358, 451.
 Лейсанъ—303.

Лекки—176.
 Лелсвель—257.
 Леманское оз.—90.
 Лепсіусъ—221.
 Лери, Жанъ-де—510.
 Лерида—181.
 Либерійская республика—105.
 Леръ—405.
 Либерія—175, 189.
 Либиковъ—407.
 Либихъ—298.
 Ливерпуль—20, 168, 312, 355, 367, 451.
 Ливерпуль-Доупсъ—272.
 Лигурійцы—163.
 Лигурия—443.
 Лидвилъ—315.
 Лидъ—313, 451.
 Ликаширъ—504.
 Лилль—355, 451, 509, 535.
 Лима—121.
 Лимпоно р.—7.
 Линдлей—7.
 Линнъ—89.
 Липпертъ—144.
 Лиссабонъ—126, 137, 367.
 Литовцы—111.
 Литъ—11.
 Личардъ—312.
 Лионъ—355, 362, 451, 509.
 Ллойдъ—156.
 Лозанна—250, 451.
 Лойяльти—153.
 Ломани—203.
 Ломбардія—270, 443.
 Ломбокъ—38.
 Ломондъ, оз.—10.
 Лонгви—343.
 Лонгъ-Эйлэндъ—84, 85, 86, 87.
 Лондонъ—18, 19, 22, 38, 85, 87, 137, 209, 224, 229, 271, 275, 281, 329, 355, 358, 367, 382, 451.
 Лопе де-Вега—481.
 Лоренсъ—89.
 Лоренцо-Маркесъ—7.
 Лоріолъ—277.
 Лосъ-Анжелосъ—82, 341.
 Лотгнеръ—224.
 Лопель—89.
 Лохъ, оз.—10.
 Луара—137, 379, 509.
 Лувенъ—332, 451.
 Лусе—379.
 Луизиана, штатъ—82.
 Лунсвилъ—82, 92, 95.
 Лука, де—409.
 Лукновъ—51.
 Лундъ—451.
 Лурдъ—422.

Луцъ—181.
Лхасса—51, 58, 59, 62.
Льежъ—311, 451.
Ледисмитъ—7.
Людвикъ Филиппъ—158, 427.
Людвикъ XIV—199.

М

Маасъ—509.
Мавританія—133, 293, 375, 400, 402.
Магалисбергъ—7.
Маггерфонтейнъ—7, 23.
Магдалена, р.—121.
Магеллановъ архипел.—220.
Магеллановъ прол.—81.
Магометъ—69, 398, 426.
Магребъ—402.
Мадагаскаръ—247, 269.
Мадейра—121, 127.
Мадрасъ—51, 56, 68.
Мадуръ—38, 51.
Мадыры—108, 111, 258.
Мазатланъ—341.
Мантеа—149.
Майенна—379.
Майи—114.
Майнцъ—470.
Макао—371.
Макассаръ—38.
Македонія—372, 380.
Макклесфильдъ—313.
Максамбомба—134.
Макъ-Алестеръ—341.
Макъ Кенна—128.
Малабарское побережье—66, 68, 70, 372, 373.
Малабаръ—63.
Малайскій архипелагъ—513.
Малайскій полуостр.—70.
Малайское побережье—62.
Малайцы—27, 72, 77, 139, 538.
Малаяя—77.
Малаккскій полуост.—75.
Малараты—72.
Малаялама—61.
Мало, Давидъ—160.
Малороссія—260.
Малуинскіе остр.—30, 120.
Мальплаке—5.
Мальта—47, 367.
Манагуа—119.
Манаосъ—121, 123, 245.
Мандинги—398.

Мане-Керіонедъ—411.
Маникинтоунъ—232.
Манитоба—82, 273.
Манона, о.—271.
Манцаннлло—341.
Манчестеръ—89, 313, 355, 392, 394.
Маньчжурія—439.
Мао Кеббн—405.
Маорійцы—44, 144, 156.
Мараньонъ—121.
Маратъ—493.
Марбургъ—451.
Маргеритъ—228.
Маржи—405.
Маріанскіе остр.—80, 138, 139, 142, 153.
Маркгамъ—248.
Маркнзскіе остр.—139, 143, 144, 146, 149, 153, 154, 155, 165, 483.
Марніа—443.
Марксъ, Карлъ—333.
Маркъ Аврелій—503.
Марна—444.
Марокко—168, 228, 360, 372, 402.
Марошъ—258.
Марсель—355, 362, 367, 509.
Маруа—405.
Маршальскіе остр.—139, 146.
Маршантъ—50.
Массачусетсъ—84, 89, 108, 111, 294.
Массова—50.
Масъ-д'Азиль—478.
Матто-Гроссо—127, 133.
Мауи—147.
Махмудъ—484.
Маюба—6, 7.
Меджерды—294.
Меерутъ—51.
Мекка—402, 403, 469.
Меконгскій полуостр.—76.
Мексика—82, 83, 97, 100, 113, 114, 116, 118, 121, 139, 341, 421.
Мексиканскій зал.—88, 94, 103, 119.
Мексико, городъ—117.
Меланезійскіе остр.—152.
Меланезійцы—143.
Меланезія—40, 146, 153, 154.
Мельбурнъ—30, 31, 33, 34, 35.
Мечниковъ, Илья—583.
Мемфисъ—82, 526.
Менелякъ—51.
Менникса, остр.—244.

Меномппи—253.
Ментона—163.
Менье, Константинъ—289, 334, 335.
Меренгутъ—165.
Мерида—119.
Мерси рив.—312, 313.
Месняга, король—177.
Мескала, р.—103.
Меслье—410.
Мессина—443.
Мессопотамія—228, 292.
Метисы—70, 124.
Мефкинъ—4.
Мецъ—201.
Мешедъ—403.
Микронезія—153.
Миланъ—355, 443.
Миллэ—291.
Милтонъ—459.
Мильуоки—82, 95.
Миндавао—39.
Миннеаполисъ—82, 91, 92, 93, 95, 125, 341.
Миннезота—108, 111, 253.
Мирбо, Октавъ—206.
Миссисиппи—85, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 100, 102, 103, 110, 228, 232, 341.
Миссури—82, 91, 93, 94, 95, 96, 103, 235, 341.
Мистассини, оз.—25.
Мистикъ Р.—459.
Мичиганъ—90, 95, 111, 253.
Могавкъ, р.—84.
Моддеривертъ—7.
Модена—451.
Модоману—147.
Мозамбикъ—7, 393.
Моисей—373, 436, 469.
Моюзы—130.
Моллукскіе остр.—31.
Молокай—147.
Молукское море—39.
Момбаза—45, 393.
Монбланъ—539.
Монбугу—203.
Монголія—364, 406, 407.
Монжанъ—379.
Монпелье—332.
Монреаль—25, 84.
Моврое—121.
Монскій кан.—323.
Монтана—235.
Монте—277.
Монте-Карло—343.
Монтевидео—121, 125, 131, 367.

Монтерей—341.
Монтескье—189.
Монтэнъ—530.
Морбинганъ—451.
Морнингсиде—267.
Мортлокъ—142.
Москва—163, 185, 332, 456.
Муата-Ямбо—203.
Мукдёнъ—202.
Мулаты—65.
Мумие—405.
Мунданги—405.
Муррей—33.
Муррумбиджи—33.
Муруроа—149.
Мусугу—405.
Мэй, остр.—11.
Мэнь—82, 109, 228.
Мэрилэндъ—89.
Мэфкинъ—7.
Мюльгеймъ—317.
Мюнхенъ—428, 451.
Мюстровъ—321.
Мюнстеръ—451.

Н

Нагасаки—76.
Нагпуръ—51.
Накумоно—148.
Намайка плэнъ—459.
Намаквалэндъ—27.
Намбуры—64.
Намджи—405.
Нанси—355, 451, 509.
Нантъ—287, 355, 451, 509.
Наполеонъ—175, 176.
Нассикъ—63.
Наталь—7, 13, 27, 28, 30.
Национальный парк—235.
Неаполь—367, 443.
Невольничье оз., Большое—232, 233.
Негритосы—511.
Негры—65, 105, 106, 124, 186, 189, 397, 398.
Неджефа—469.
Некеръ—147.
Нельсонъ—313.
Нео-Схо—103.
Непаль—51, 52, 58, 61.
Нехестъ—100.
Нигеръ—13, 46, 133, 137, 203, 239, 331.

Нидерланды—77, 120, 363.
Нижний зал—87.
Нижний-Новгородъ—361.
Никарагуа—116, 119.
Никльсонъ, порты—41.
Николсонъ-некъ—7.
Никтерой—134.
Ниль—47, 48, 49, 50, 222, 239, 331, 525.
Ниль, Бѣлый—50, 203.
Ниль, Синій—50, 203.
Нильскій бассейнъ—50.
Нингау—147.
Ниппонъ—489.
Нипуссинъ, оз.—25.
Нитралъ-некъ—7.
Нитче—491.
Ницца—276, 355, 443.
Ниagara—25, 90, 326.
Ніамъ-Ніамъ—203.
Ніанза—45.
Ніасса—393.
Новая Англія—84, 97, 107, 109, 110, 325.
Новая Гвинея—31, 37, 39, 40, 134, 139.
Новая Европа—08.
Новая Зеландія—13, 28, 30, 31, 35, 40, 41, 42, 43, 138, 139, 141, 142, 346, 153, 156, 163, 175, 180, 238.
Новая Земля—30.
Новая Каледонія, остр.—31, 40, 137, 139, 153, 255, 342, 497.
Новая Мексика—113.
Новая Померанія—153.
Новгородъ—358.
Ново-Гибридскіе остр.—31, 40, 139, 153, 155, 162.
Новый Манчестеръ—325.
Новый Орлеанъ—82, 91, 94.
Новый Свѣтъ—73, 79, 80, 81, 84, 86, 112, 120, 122, 133, 186, 246, 272, 273, 305, 332.
Новый Южн. Уэльсъ—31, 33, 34, 35.
Ной—306.
Ноойтгедахтъ—7.
Норвегія—305.
Норвичъ—312.
Нормандскіе остр.—270, 300.
Норфолькъ—89.
Нотауай—25.
Нубійская пустыня—49.
Нукагива—149, 160, 483.

Нукуфетау—149.
Нью-аркскій зал.—87.
Ньюаркъ—82, 86, 87, 89.
Нью-Гэмпширъ—237.
Нью-Джерси—86, 89, 111, 380.
Ньюингтонъ—267.
Нью-Йоркъ—25, 38, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 89, 91, 97, 108, 110, 133, 137, 367, 383.
Нью-Йоркъ, штаты—89, 238.
Ньюкастль—367.
Нью-Портъ—89, 367.
Ньютонъ—109.
Ньюфаундлендъ—13.
Нью-Хевенъ—89.
Ньянцы—239.
Ньясса-оз.—203.
Нѣмцы—106, 108, 111, 125, 171, 398.

О

Оагу—147.
Оаяки—115.
Обнѣянъ—277.
Область Войска Донско-го—259.
Ова-Мбаранду—179.
Огайо—83, 90, 91, 92, 95, 103, 108, 111.
Ожъ—297.
Озаги—100.
Ока—361.
Океанія—13, 30, 40, 44, 48, 80, 97, 117, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 146, 150, 152, 153, 154, 155, 366, 395, 514.
Оклэндъ—41, 341.
Оксулъ—292.
Оксфордъ—4, 332, 451.
Олифантъ—7.
Ольдхемъ—313.
Омага—82, 91, 94, 341.
Онтарио, оз.—25.
Онтарио, штаты—82.
Оранжевая республика—6, 7, 13, 27, 30.
Оранжевая, рѣка—7, 27, 239, 331.
Оранжеъ—87, 277.
Оранъ—137.
Орегонъ—229.
Ориноко—120, 121.
Ориссы—65.
Орпъ, оз.—10.

Оройа—347.
Ороско-и-Берра—114.
Орфей—498.
Орь, долина—181.
Оры—514.
Ость-Индская-Компанія—56, 73.
Осуна, герцогъ—272.
Отвей, М.—33.
Отонисы—114.
Оттава—25, 27, 30, 91, 193.
Охель—11.

П

Паардебергъ—4, 7.
Павель, императоръ—174, 175.
Падуя—451.
Пай-ута—102.
Палау—39.
Палаускіе остр.—140.
Палембангъ—38.
Палермо—443.
Палестина—372, 378, 380.
Палисси, Бернаръ—484.
Паллизеръ, м.—41.
Пальмерстонъ—31, 37, 39.
Панама—116, 118, 119, 121, 125.
Пангани—240.
Панипатья—54, 57.
Папуа, остр.—39.
Папуасія—31.
Папуасы—40.
Пара—121, 125, 137, 245.
Парагвай, р.—121, 124, 125, 127, 131.
Парана, р.—121, 124, 125, 127, 131, 137.
Парана, городъ—131.
Парахиба—134.
Парахибская долина—124.
Парижъ—116, 133, 137, 198, 201, 281, 296, 304, 337, 355, 356, 357, 358, 362, 389, 451, 509.
Паркеръ, Х. К.—525.
Паркъ—25.
Парсы—70.
Пассейкъ—87.
Пастеръ—193.
Пасхи, остр.—133, 142.
Пагагонцы—128.
Патерсонъ—82, 86, 89.
Патна—51.
Патіала—54.
Паумоту—149, 153.
Пей-кианъ—371.

Пекинъ—171.
Пекось, р.—103.
Пенджабъ—54, 260.
Пенсильванія—89, 108, 111.
Пернамбуко—121, 125, 133, 137, 245.
Пертъ—277.
Персеполісь—496.
Персія—175, 350, 361, 469.
Персы—423.
Пертъ—11, 31, 35.
Перу—118, 130, 236.
Перуанцы—118.
Пескада—477.
Песчаный зал.—87.
Петербургъ—332.
Петерсонъ—87.
Петрополисъ—134.
Пи-и-Маргалль, Фран-пискъ—179.
Пикъ—313.
Пилькомаю—121, 127.
Пильридаъ—267.
Пирааръ—66.
Пирахи—134.
Пиръ—405.
Питермарцбургъ—7, 30.
Питтсбургъ—82, 91, 92.
Пихсоки—327.
Пюрия—95.
Платопъ—109, 452.
Платтъ—94.
Плентъ, зал.—41.
Плимуть—76, 355.
По, городъ—181.
Подвѣтренные остр.—166.
Полинезійцы—138, 139, 142, 155, 161, 165.
Полинезія—153, 158, 165.
Поляки—111.
Польша—372, 373.
Пондоландъ—27.
Понтіанакъ—38.
Портландъ—82, 341.
Порто-Рико—80, 82, 111, 112.
Портсмуть—76.
Португалія—122, 126, 134, 373.
Португальцы—108, 109, 111, 125.
Портъ-Августа—33.
Портъ-Елизабетъ—27.
Портъ-Моресби—31, 37.
Портъ-Стэнли—30.
Посейдонъ—174.
Поссоньеръ—379.
Поталь—59.
Потози—121, 122, 127.
Потомакъ—36, 88.

Прудеръ, р.—235.
Престонъ—313.
Преторія—7, 27.
Прибыловы острова—223, 230, 231.
Провиденсъ—25, 82, 89.
Прометей—26, 455.
Протей—184.
Протопоповъ, Д.—417.
Пруссія—250.
Пта-Готепъ—435.
Пуату—294.
Пуатье—5, 451.
Пуна—51, 61.
Пунака—58.
Пунтъ-Ареносъ—125.
Пурусъ—121, 127.
Пуэльчи—128.
Пуэрто-Рико—82.
Пьемонтъ—443.
Пэсли—10.

Р

Рави—56.
Раджпутана—54.
Раджпуты—72.
Райатейя—138, 140, 149, 150, 152, 1 4.
Райнъ, Цильбортъ—511.
Райслэкъ—353.
Ралтонъ—267.
Рамилли—5.
Рандъ—341.
Ранке—506, 507.
Рапануя—112.
Раританъ зал.—87.
Рафаэль—334.
Ре—211, 213, 291.
Ревельоръ—417.
Редерсбергъ—7.
Редъ-Риверъ—91, 103.
Резолюшонъ, фортъ—232.
Реймсъ—355, 509.
Рейнъ—137, 317, 369.
Ремшейдъ—317.
Репчъ—451.
Ренфрю—283.
Рескинъ—481.
Рибблъ рив.—312.
Риверсидъ—101.
«Ригведа»—73.
Ридингъ—89.
Риматава—166.
Римляне—2, 414, 423.
Римъ—112, 179, 186, 294, 409, 443, 510.
Риплей—374.
Рипонскій водопадъ—49.
Ричмондъ—88, 89.

Ріо—125.
Ріо-Гранде—341.
Ріо-Гранде-дель-Норте —
103, 341.
Ріо-Гранде - дель - Сантъ-
Яго—103.
Ріо-Гранде-до-Сулъ—121.
Ріо - де - Жанейро 121,
124, 131, 135, 137.
Ріо - де - Ла - Плата — 128,
131.
Ріо-Негро—121.
Робертсонъ—27.
Родень, Л.—479.
Родсъ, Сесиль—2.
Розаріо—121, 131.
Розитъ—11.
Роксбюри—459.
Рона—277, 509.
Ронкаль—181.
Родеваль—7.
Рорутуа—166.
Россиноль—412.
Россия—32, 76, 113, 175,
176, 183, 199, 226, 258,
259, 260, 300, 332, 391,
401, 407, 457, 462, 523.
Ростокъ—451.
Ротомахана, оз.—156.
Роттердамъ—367.
Ротумагъ—148.
Ротъ-Гажакъ—487.
Рогдаль—313.
Руанда—203.
Руанъ—355, 509, 535.
Руапеху—41.
Рубенсъ—484.
Румыны—108, 111.
Рункоръ—312.
Руно—150.
Рурортъ—317.
Руръ—317.
Русины—108, 111.
Русскіе — 27, 103, 111, 168,
400, 520.

С

С. Андрыусъ—451.
С. Антонио—341.
С. Еленсъ—312.
С. Жоржъ на Луарѣ—379.
С. Луи — 331.
С. Луи-Потознъ—341.
С. Жозефъ—341.
С. Обень—295.
С. Пауло — 121, 132.
С.-Петербургъ — 187.
С. Платте—235.

С.-Поль—82.
С. Франциско—82, 96, 138,
341.
С. Франциско, р.—121.
С. Хозе—119.
С. Элье—295.
С. Этьеннъ—355, 362.
Саади—484.
Сабини, р.—100, 103.
Савайи—148, 271.
Савеньеръ—379.
Савоя—271.
Сагинуа, В.—25.
Сагней—25.
Сайгонъ—76.
Сакья-Муни—503.
Саладо — 121, 127, 131.
Салать — 181.
Салисбернъ—410.
Салоники—380.
Салфордъ—313.
Самоа—40, 138, 139, 141,
142, 144, 146, 148, 153,
159, 162, 165, 271.
Самъ-шуй—371.
Сандвичевы остр. — 138,
147, 153, 162, 165.
Санде—203.
Саннагъ-съ-портъ—7.
Сансъ—332.
Санта-Катарина—121.
Санта-Круцъ—396, 397.
Санта-Фе—131.
Сантис—96.
Сантось—121, 125.
Сантьяго-ди-Компостелла—
422.
Санъ-Бласъ—341.
Санъ-Доминго — 112, 189,
274.
Санъ-Сальвадоръ—119.
Санъ-Суси—496.
Саравакъ—38.
Сарагосса—181, 355.
Сардинія—443.
Сарриансъ—277.
Састри—52.
Саутпортъ—312.
Сахара—183, 360, 473.
Сахаранпуръ — 54.
Сбейгла—293, 294.
Сбенектади—89.
Св. Винченца, зал.—33.
Св. Георгія, проливъ—23.
Св. Джона, оз.—25.
Св. Елены, берегъ—27.
Св. Елены, остр.—137,
331.
Св. Иосифъ, гор.—82, 91.
Св. Клары, р.—90.
Св. Лаврентія—25, 81, 90,
91, 94, 137, 268.

Св. Луи, гор.—82, 91.
Св. Маріи, каналъ—91.
Св. Марисъ—25.
Св. Матіасъ—154.
Св. Павелъ—92, 95.
Св. Петра, оз.—25.
Св. Савинъ—181.
Св. Троицы, рѣка—100.
Св. Якова, м.—76.
Свифтъ—24.
Свободный Австралійскій
Союзъ—180.
Святая Елена, остр.—30.
Святая Земля—378.
Сеара—245.
Севрепъ—239.
Сегре—181.
Сезострисъ—482.
Сейки—72.
Секвیا—101, 105.
Селькиркская цѣпь—525.
Семиты—163.
Семуа—262.
Сена—410, 444, 509.
Сенегаль—449.
Сенегамбія—102.
Сенкветраль—444.
Сентонжъ—294.
Сентъ-Андреусъ—11.
Сентъ-Джонъ—30.
Сентъ-Жуанъ де Фука—80.
Сентъ-Клодъ—274, 444.
Сентъ-Луи — 93, 94, 95,
125.
Сентъ-Поль—125.
Сербы—111.
Сервантесъ—184.
Сери—114.
Серсдэй-айлендъ—37.
Сесострисъ—288.
Сетерландъ—270, 283.
Сетледжъ—51, 57, 61.
Сейтль—341.
Сечуень—255.
Си-кианъ—371.
Сибирь—305, 401.
Сиванатъ—52.
Сигари—48, 359.
Сидней—30, 31, 33, 35.
Сика—327.
Сиккимъ—58.
Сиккулы—117.
Силезія—504.
Симо—327.
Симла—51, 54, 55, 57, 61.
Симсо, оз.—25.
Синай, гора—194, 222.
Сингалезы—408.
Сингапуръ—37, 38, 39, 48,
76, 245, 367.
Синнагалья—358.
Спинка—181.

- Сиракузы—89.
 Сиртское побереж.—244.
 Сицилия—443.
 Сиамский зал.—75, 76.
 Сиамцы—74.
 Сиамь—74, 406.
 Сياتтл—82.
 Сиерра-Леоне—46.
 Сионь—259.
 Сиу—96, 253.
 Скалистые горы—94, 315, 353.
 Скандинавия—260, 353, 447, 488, 502.
 Скандинавцы—108, 111.
 Скотт, генерал—100.
 Скраптонь—25, 89.
 Славяне—106, 163, 258, 282, 464.
 Словаки—108, 111.
 Словены—111.
 Смитъ, Адамъ—320.
 Смитъ, Перси—139.
 Снекъ р.—235.
 Соединенное королевств.—13, 15, 21, 22, 33.
 Соединенные Штаты—2, 9, 12, 13, 15, 21, 25, 28, 30, 40, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 88, 93, 94, 98, 102, 105, 106, 107, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 125, 134, 139, 180, 223, 232, 237, 249, 250, 282, 292, 306, 323, 325, 333, 363, 374, 390, 395, 397, 447, 454, 505.
 Сократъ—452.
 Соленого озера, городъ—341.
 Соломоновы, остр.—31, 139, 143, 145, 153, 155.
 Соломонъ—378.
 Сомали—50.
 Соманъ—277.
 Сомервилъ—459.
 Сомерсетъ—37.
 Сорренто—497.
 Соссюръ—539.
 Софокль—418.
 Соутгэмптонъ—30, 367.
 Спарта—510.
 Спенсера, зал.—33.
 Спенсеръ, Гербертъ—539.
 Спюнь-копъ—7.
 Спрингфильдъ—89.
 Средиземное море—47, 85, 89, 118, 133, 376.
 Сринагаръ—51.
 Старый Свѣтъ—47, 84, 96, 108, 112, 122, 274, 305.
 Статусъ Эйлендъ—81.
 Стевенсонъ—158, 160, 194, 483.
 Стернъ—24.
 Стокбриджъ—267.
 Стокпортъ—313.
 Стонгенджъ—410.
 Стормбергъ—7.
 Страссбургъ—297, 298, 451.
 Стрѣльна—332.
 Стѣлибриджъ—313.
 Стѣнли, водоп.—392, 393.
 Стѣнли-Пулъ—239.
 Стѣрлингъ—10.
 Стѣтенъ Эйлендъ—87.
 Стюартъ, остр.—153.
 Стюарты—22.
 Суакимъ—50.
 Суданъ—13, 201, 203.
 Суматра—38, 39, 77, 248.
 Сумба—38.
 Сумбава—38.
 Суратъ—51.
 Сурквересъ—181.
 Сутерлендъ—27.
 Суэцкій каналъ—48.
 Сѣверо-Американск. республика—32, 80, 96.
 Сѣверо-Западные Провинция—54.
 Сѣнь-Жанъ де Люцъ—328.
 Таасманія, о.—31, 33, 35.
 Таупо, оз.—41.
 Твибошъ—7.
 Тебесса—294.
 Тегеранъ—189.
 Тегуантепекъ—119.
 Тегуельча—128.
 Тегуцитайпа—119.
 Тейгъ—257.
 Тембинокъ—197.
 Тениберы—539.
 Тенирсь—290.
 Теннесси—91, 99, 103, 340.
 Терадесъ—31.
 Теранпу—151.
 Теренцій—540.
 Тернате—39.
 Тессинскій кантонъ—261.
 Техасъ—100, 250.
 Тибетцы—407.
 Тибетъ—51, 54, 58, 61, 62, 406, 407, 408.
 Тигръ, р.—292, 331.
 Тимискамингъ, оз.—25.
 Тиморлаутъ—39.
 Тиморъ, море—39.
 Тиморъ, о.—31, 39.
 Тироль—487.
 Тихій океанъ—28, 32, 39, 40, 41, 76, 81, 83, 84, 85, 94, 96, 116, 119, 133, 134, 138, 163, 230, 305.
 Типіанъ—491.
 Тобазы—130.
 Тобартъ—31, 33.
 Товарищества, остр.—144, 149, 150, 152, 153.
 Того—398, 501.
 Токантинсъ—121.
 Толедо—25, 82, 90, 95.
 Толстой—442.
 Толтеки—115.
 Томбара—153.
 Томскъ—351.
 Тонга, остр.—40, 138, 142, 143, 153, 158, 159, 165.
 Тонгатабу—148.
 Топинамбу—510, 531.
 Торквемада—410.
 Торнео—327.
 Торонто—25.
 Торренсъ, оз.—33.
 Торресовъ прол.—37, 38, 39, 48.
 Тоскана—443.
 Траванкоръ—65.
 Трансвааль—6, 7, 13, 27, 30, 175.
 Трансваальская война—2.

Т

- Таганаго—258.
 Тагтя—138, 139, 140, 146, 149, 150, 158, 165, 166, 514.
 Таитяне—515.
 Такамбау—144.
 Такламаканъ—292.
 Такома—341.
 Талаганта—128.
 Талеква—100.
 Тампико—341.
 Таганайка—203, 224, 239, 393.
 Танжеръ—293.
 Танажось—121, 127.
 Тараски—114.
 Тарсъ—181.
 Таримъ—292.
 Тасмана, з.—41.

Трафальгарь—6.
Тревонь—86, 89.
Триниту—103.
Триполи—225, 293, 360.
Трирь—422.
Тричинополи—51.
Тричинополійская скала—69.
Трієст—367.
Троа—89.
Туареги—360.
Тубіа—166.
Тубуай—149.
Тукумань—121, 127, 133.
Тулонь—76.
Тулуза—181, 355, 509.
Тумута—33.
Тунисъ—293, 331, 360, 402, 434, 435, 443.
Тунъ-кіанъ—371.
Туринъ—355, 451.
Туринъ—275, 443.
Турція—168, 169, 190.
Тутула—148.
Тэ, зал.—11.
Тэ, оз.—10.
Тэ, рѣка—11.
Тюбингент—451.
Тюрки—292.

У

Уайльдрайсь—253.
Уапп—149.
Убанги—203, 239.
Увезъ—277.
Уганда—13, 50, 177, 203.
Уеа—148.
Уелле—203.
Уессанъ—214.
Узинь—239.
Уильксбарре—89.
Уильмингтонъ—89.
Уиннона—95.
Уитенхаге—27.
Укѣпъ—27.
Уле—327.
Улеаборгъ—327.
Улеап—142.
Улутъ—142.
Ультима Сперанца—220, 221.
Умбріа—443.
Уніоро—203.
Унунгунъ—512.
Услдъ, А. Р.—513, 514.
Уоркманъ—537.
Уорчестеръ—82.
Уполу—148, 271.

Ураль—319.
Урмід—361.
Уро-Прето—121.
Уругвай—121, 124, 125, 127, 128, 131.
Урунди—203, 239.
Утагвахъ—134.
Утика—89.
Утрехтъ—451.
Ушуга, городъ—214.
Уэллингтонъ—41.
Уэльсъ—16, 36, 271.

Ф

Файфъ—11.
Файфъ Писсъ—11.
Факарава—138.
Фалли—405.
Фалькайръ—10, 11.
Фалькландскіе остр.—30, 120.
Фашода—50.
Фауро—143.
Фе, Карлъ, Э.—525.
Фейцъ, Эдуардъ—525.
Феллахи—398.
Фельвинъ—258.
Фердинандъ VII—180.
Фернандо По—203.
Феррара—451.
Фиджи, остр.—31, 40, 43, 44, 45, 134, 138, 139, 142, 144, 146, 148, 153, 155, 162, 164.
Фидіасъ—503.
Филадельфія—86, 88, 89.
Филлиппины—77, 80, 82, 110, 111, 138, 281, 510.
Финдди—95.
Финикійцы—376.
Финляндія—357, 328, 419, 447.
Финляндцы—111.
Фирсъ-офъ-Форсъ—267.
Фламандцы—111.
Фландрія—132, 228, 310.
Флиндерсъ—33.
Фисренсъ Торпъ Рингъ—321.
Флоренція—443.
Флоресское море—38.
Флорест, о.—31, 38.
Флорида—80, 119.
Фоза—181.
Фове, прол.—153.
Фогельнестъ, остр.—75.
Фоль-Риверъ—82, 89.
Фонтенбло—496.
Форландеръ—165.

Форсъ—10.
Форанъ, Ж.—217.
Франсъ, Анатоль—183.
Францискъ Ассизскій—540.
Франція—12, 40, 50, 76, 100, 116, 120, 137, 138, 152, 154, 169, 170, 175, 178, 180, 182, 189, 195, 196, 199, 200, 203, 214, 228, 272, 275, 279, 282, 283, 284, 300, 303, 310, 311, 325, 356, 357, 358, 363, 369, 370, 388, 402, 422, 447, 451, 462, 463, 480, 505, 520, 530.
Французы—5, 50, 109, 111, 122, 125, 166, 168, 171, 180, 214, 332, 360, 388, 389.
Фрейбургъ—389, 451.
Фрешфильдъ—539.
Фрибургъ—451.
Фридрихъ Вильгельмъ I Прусскій—475.
Фригоунъ—45, 46.
Фробениусъ, Лео—203.
Фукарава—149.
Фунафутъ—148, 149.
Фурье—496.
Фурьерсбургъ—7.
Фюстель-де-Куланжъ—258.

Х

Халдеи—423.
Халдеи—182, 469.
Харрисбергъ—89.
Хаслеръ—525.
Хеддерсфильдъ—313.
Хомоканкаръ—58.
Хорваты—108, 111.
Христіанъ—142.
Хуанъ-хэ—526.
Хуэска—181.

Ц

Цанпо-Цабъ—207.
Цейлонъ—13, 63, 66, 74, 245, 248, 249, 276, 381.
Целебесское море—38.
Целебесъ, остр.—31, 38.
Церамъ—39.
Цзунгъ-мингъ—300.
Цимаррона—101, 103.

Цинциннати—82, 92, 95.
 Писко—341.
 Питера—514.
 Цурбрингенъ—537.
 Цюрихъ—355, 451.

Ч

Чадъ, оз.—225.
 Чаккили—65.
 Чамба—405.
 Чамплейнъ, оз.—25.
 Чао-кинь—371.
 Чапала, оз.—100, 103.
 Чапманъ, Франкъ—226, 227.
 Чарлстоунъ—459.
 Чарльз Р.—459.
 Чельси—459.
 Чейенновъ резервъ—235.
 Черногорцы—111.
 Черное море—353.
 Черро-де-Паско—121, 122.
 Честеръ—312.
 Чехи—108, 111.
 Чизаникскій зал.—97.
 Чикаго—82, 90, 95, 110, 125.
 Чикитосы—130.
 Чили—122, 128, 132, 133.
 Чилийцы—118.
 Чинга—203.
 Чиппеваи—95.
 Чиригуаносы—130.
 Чирокезы—98, 99, 101, 103, 105.
 Чичеринъ—253.
 Чичестеръ—17.
 Чокта—99.
 Чумалари—58.
 Чэмберленъ, Йосифъ—331.

Ш

Шалонъ—379.
 Шамба—375.
 Шамбландъ—250.

Шанхай—367.
 Шарп—203, 238, 239.
 Шарпъ, Вилліамъ—411.
 Швейцарія—12, 22, 180, 190, 199, 200, 259, 261, 264, 265, 266, 362, 389.
 Швейцарцы—125, 180.
 Швеція—234, 325, 328.
 Шелеръ—109.
 Шелли—484.
 Шериданъ—24.
 Шеффилдъ—313, 394, 451.
 Шигатзе—58.
 Шотландія—11, 16, 22, 261, 264, 270, 271, 280, 328, 395, 411, 488.
 Шотландскій перешеекъ—10.
 Шотландцы—28, 110, 111.
 Шошонновъ резервъ—235.
 Штуттгартъ—355.

Э

Эвре, Пъ д'—510.
 Эврипъ—328.
 Эгмонтъ, Г.—41.
 Эгъ—277.
 Эдельфельтъ—419.
 Единбургъ—11, 23, 267, 276, 368, 451, 453.
 Эдуардъ I—311.
 Эдуардъ VII—229.
 Эйвизидельнъ—422.
 Эквадоръ—130.
 Эккрингтонъ—312.
 Эламиты—524.
 Эламъ—182.
 Эллада—484, 488.
 Эллиса, остр.—31, 148, 149, 152, 153, 162.
 Эллисъ Эйлендъ—81, 85.
 Эль-Голея—374, 375.
 Эльберфельдъ—317.
 Эмилиа—443.
 Эрдри—10.
 Эри, оз.—25, 90, 95.
 Эринъ—4.
 Эрлангенъ—451.

Эскимо—28.
 Эскимосы—233, 469.
 Эспирито Санто—397.
 Эссеквибо—120, 121.
 Эссексъ—283.
 Эссенъ—317.
 Эстремъ - Салльская долина—181.
 Этрусски—117.
 Эускарцы—266.
 Эоіопія—47, 49, 372.

Ю

Южное море—155, 163.
 Южно-Китайское море—38.
 Юкатанъ—114, 119.
 Югастъ—127.
 Юнгъ—280.
 Юнь-панъ—398.
 Юра—253, 328, 444.

Я

Ява, остр.—38, 62, 77, 248, 249, 260.
 Яванское море—38.
 Якимасы—114.
 Ямайка—13, 112, 119.
 Янь-цзы-цзянь—254, 526.
 Янки Дудль, оз.—353.
 Японія—76, 77, 139, 175, 202, 242, 243, 293, 302, 305, 326, 328, 391, 408.
 Японцы—40, 111, 171, 388, 469, 488, 520.
 Япура—121.
 Ямде—224.
 Ятунгъ—58.
 Яфетъ—104.
 Яффа—380.

Ө

Өивы—526.

